K.M.-4626

4. Cuy
ev 49 Ayoncador.
VII anos

4

3

Purchased for the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

1194 кр

Всеобщ.

Московская публичная библиотека
Библиотека
г. Москва
Пожарский переулок, д.

Е/4

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

947
О.74.

Ис. 7038

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(издателемъ „Русскаго Архива“)

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Вторымъ тисненіемъ.)

МОСКВА.
ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВОЙ.
1869.

КНИГИ, КОТОРЫЯ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ:

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

въ 1833 году.

Записки Н. Н. Муравьева-Карсскаго. Изданіе Чертковской библіотеки. 8°. 8 нен., 462, 092, VII и 2 неп. стр. съ рис. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ

Е. А. БАРАТЫНСКАГО,

съ гравированнымъ портретомъ автора, снимкомъ его почерка, съ письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. въ 8-ку. X и 519 стр. Цѣна 3 р.

Выписывающіе прямо изъ Чертковской библіотеки за пересылку ничего не прилагаютъ.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА О ВРЕМЕНАХЪ ЕКАТЕРИНЫ, ПАВЛА И АЛЕКСАНДРА I-ГО.

(Полный по возможности текстъ.)

Съ примѣчаніями и указателемъ. (Изданіе Русскаго Архива) М. 1867 (8°. VIII, 240 и VIII стр.) Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ,

Сочиненіе Ю. Ѳ. САМАРИНА.

(Изданіе Русскаго Архива.) Цѣна одинъ рубль, съ пересылкою 1 р. 25 к. Къ этому второму изданію прибавлено:

1) Статья о найденныхъ авторомъ въ Пражской университетской библіотекѣ „Тайныхъ Наставленіяхъ Общества Іисусова".

2) „Тайныя Наставленія" въ Латинскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ.

3) Польскій Катихизисъ.

4) Подробное оглавленіе всей книги.

См. на внутренней сторонѣ задней обертки

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

Osmnadcatyĭ viek"

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ

издателемъ „Русскаго Архива".

Bartenev, Petr Ivanovich

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Вторымъ тисненіемъ.)

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1869.

LIBRARY
MAY 17 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
127
B37
km.1

17 may 1967

БЕЗПЛАТНАЯ НАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА
ПОГАШЕНО

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ.

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Отецъ Екатерины II-й Христіанъ-Августъ, князь Ангальтъ-Цербскій, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, губернаторъ Штетина, кавалеръ Чернаго Орла и полковникъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, родился 29 ноября 1690 года. Съ 1707 по 1709 г. онъ находился въ рыцарской академіи (Ritter-Academie) въ Берлинѣ. Король прусскій производилъ его военными чинами. Онъ дрался противъ Французовъ въ войну за испанское наслѣдство, и въ 1709 г., участвовалъ въ битвѣ при Мальплаке и въ осадѣ Монса. По окончаніи похода онъ обозрѣлъ знатнѣйшіе Нидерландскіе города, прожилъ зиму въ Утрехтѣ, занимаясь военными упражненіями; въ 1710 г. снова поѣхалъ къ арміи и былъ при осадахъ Дуе, Бетюна, Санъ-Венана и Эра, а затѣмъ, побывавъ дома въ Цербстѣ, возвратился въ Берлинъ и получилъ званіе королевскаго генералъ-адъютанта. Въ 1711 г. онъ ѣздилъ въ Италію, участвовалъ въ Савойскомъ походѣ и въ Миланѣ представлялся новому императору Карлу VI, на обратномъ пути его изъ Испаніи. Послѣ того онъ былъ на карнавалѣ въ Венеціи, и въ 1712 г. проѣхалъ до Рима, гдѣ его ожидалъ пожалованный ему прусскимъ королемъ орденъ Великодушія. Два раза представлялся онъ папѣ, ѣздилъ въ Неаполь, и оттуда возвратясь къ арміи, раздѣлялъ труды похода. Черезъ Миланъ, Венецію, Тироль, Баварію и Нюренбергъ онъ пріѣхалъ назадъ въ Цербстъ, а въ мартѣ слѣдующаго 1713 г. произведенъ новымъ прусскимъ королемъ въ подполковники Ангальтъ-Цербскаго пѣхотнаго полка, въ 1714 г. въ полковники, въ 1721 г. въ

генералъ-маіоры и получилъ орденъ Чернаго Орла. Въ 1733 г. онъ сдѣланъ генералъ-лейтенантомъ, въ 1741 г., т. е. уже при Фридрихѣ Великомъ, назначенъ, въ чинѣ генерала инфантеріи, въ губернаторы Штетина; въ 1742 произведенъ генералъ-фельдмаршаломъ. 7 ноября этого года умеръ двоюродный братъ его, владѣтельный князь Іоганнъ Августъ, и такъ какъ онъ не оставилъ дѣтей, то Цербстъ перешелъ въ совмѣстное владѣніе князя Іоанна Людвига и младшаго брата его, нашего Христіана-Августа, который торжественно вступилъ на жительство въ Цербстъ, въ январѣ 1743 г., т. е. именно около того времени, когда завязались переговоры о бракѣ его дочери съ наслѣдникомъ Россійскаго престола. Въ ноябрѣ 1746 года, по смерти этого брата, отецъ Екатерины становится единодержавнымъ княземъ, но не на долго: онъ скончался 16 марта 1747 въ Цербстѣ, на 57 году отъ роду.

Эти свѣдѣнія извлечены изъ Цедлерова Всеобщаго Лексикона (Universal-Lexicon), гдѣ находится и гравированный портретъ Христіана-Августа, а именно при 46-мъ томѣ.

Князья Ангальтъ-Цербскіе были онѣмеченные славяне. Цербстъ есть ни что иное, какъ на нѣмецкій ладъ произносимое Сербстъ, и въ прошломъ столѣтіи это онѣмеченіе было еще не совершенно усвоено въ произношеніи Русскихъ людей: посолъ нашъ въ Пруссіи, гр. Чернышевъ, въ своихъ донесеніяхъ пишетъ Христіана-Августа то Цербскимъ, то Серпскимъ княземъ. По всему вѣроятію Христіанъ-Августъ зналъ о своей принадлежности къ стародавнему княжескому дому славянскаго происхожденія; но таковое происхожденіе въ то время уже не имѣло никакого существеннаго значенія, хотя не только Цербстъ, но и весь сѣверо-востокъ нынѣшней Пруссіи былъ еще полонъ памятью самобытнаго славянства. Даже и теперь въ низшихъ сословіяхъ берлинскаго народонаселенія коегдѣ встрѣчаются славянскіе обычаи на свадьбахъ, похоронахъ и проч. Христіанъ-Августъ, сдѣлавшись владѣтельнымъ княземъ незадолго до кончины, почти всю жизнь свою долженъ былъ (подобно многимъ другимъ нѣмецкимъ князьямъ изъ боковыхъ линій) нести службу чужому государю. О личныхъ свойствахъ его мы мало знаемъ. Кажется, что это былъ строгій служака стариннаго нѣмецкаго закала. Извѣстно также по Запискамъ Фридриха II-го, что онъ былъ человѣкъ набожный и долго не могъ примириться съ мыслію, что дочь его перемѣнитъ вѣроисповѣданіе. Екатерина оплакивала его кончину, о чемъ и упоминаетъ въ Запискахъ

своихъ. Несомнѣнно еще, что Христіанъ-Августъ далеко уступалъ своей супругѣ въ живости ума, и вообще находился въ сравненіи съ нею какъ бы на заднемъ планѣ.

* * *

Мать Екатерины II, Іоанна Елизавета, происходила изъ древнѣйшаго въ Европѣ, Голштинскаго дома. Она родилась 24 октября 1712 года, слѣд. тремя годами была моложе нашей императрицы Елизаветы Петровны, съ которою судьба поставила ее въ родственныя сношенія. Іоанна Елизавета была дочь Христіана-Августа Голштинскаго (ум. въ 1726). Этотъ Христіанъ-Августъ былъ младшій братъ того герцога Фридриха, который погибъ въ началѣ Сѣверной войны, въ 1702 году, при Клиссовѣ, сражаясь въ войскахъ Карла XII (на старшей сестрѣ котораго онъ былъ женатъ). У него, т. е. у герцога Фридриха, остался одинъ только сынъ, Карлъ Фридрихъ, впослѣдствіи зять Петра Великаго. У брата же его было много дѣтей, и въ томъ числѣ Іоанна Елизавета, мать Екатерины II-й. Голштинія, за малолѣтствомъ и отсутствіемъ настоящаго герцога Карла Фридриха, проживавшаго у бабушки въ Копенгагенѣ, находилась подъ управленіемъ или администраціею его дяди, т. е. дѣда Екатерины II-й.

Извѣстно, что весь тамошній край, все побережье Балтійскаго и отчасти Нѣмецкаго морей, были полны въ то время славою и грозою Русскаго имени. Петръ Великій много лѣтъ сряду держалъ свои войска въ Помераніи. То была эпоха брачныхъ политическихъ связей. Судьбы Голштиніи, до того времени искавшей себѣ опоры въ родственной ея малолѣтнему герцогу Швеціи, теперь вполнѣ зависѣли отъ Петербурга, гдѣ тогда проживалъ молодой герцогъ Голштинскій, получившій наконецъ послѣ пятилѣтнихъ выжиданій руку царевны Анны Петровны. Его двоюродной братъ, молодой Карлъ Августъ, носившій титулъ епископа Евтинскаго и Любскаго, тоже пріѣхалъ въ Петербургъ и обручился съ царевною Елизаветою Петровною, но 1 іюня 1727 года умеръ отъ оспы. Связь съ Петербургомъ не прерывалась, и когда 15-ти-лѣтняя дочь бывшаго Голштинскаго администратора выдана была за князя Цербскаго, сей послѣдній извѣстилъ о своемъ бракѣ нашего императора Петра II-го. Вотъ выписка изъ современнаго перевода этой извѣстительной грамоты (хранящейся въ Московскомъ Архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ бумагахъ по сношеніямъ нашего двора съ Ангальтъ-Цербстомъ. Изъ этихъ же бумагъ взяты нами и остальныя, ниже помѣщаемыя письма и выписки).

Изъ грамоты къ Петру II-му князя Ангальтскаго изъ Цербста, отъ 12 ноября 1727 г.

«Выше императорское величество по въ свѣтѣ прославленному великодушію своему отъ меня за противно не пріймите, что я дерзаю вамъ съ покорнымъ респектомъ донести, коимъ образомъ я 8-го Ноября съ молодшею сестрою недавно въ С. Петербургѣ умершаго господина епископа Любскаго, съ принцессою Шлезвигъ-Голстинскою Іоанною Елисаветою, по учиненномъ прежде сговорѣ, въ забавномъ Брауншвейгъ-Волфенбюттельскомъ замкѣ въ Вехельнѣ бракъ совершилъ».

Далѣе князь вспоминаетъ, что Петръ II по матери своей (принцессѣ Шарлоттѣ Волфенбюттельской) происходитъ отъ поколѣнія сестры дѣда его, князя, и проситъ о милости и протекціи. (Въ подлин: Das Beylager zu Wecheln auf einem Braunschweig-Wollfenbüttelschen Lustschlosse vollzogen).

Русскіе люди, прочитавшіе тогда эту грамоту, могли ли думать, что черезъ 35 лѣтъ, ребенокъ, родившійся отъ этого брака, сядетъ на престолъ Русскій, воспрославитъ во всемъ мірѣ имя Русское, и оставитъ свой слѣдъ въ Русской жизни на цѣлые вѣка!

* * *

Екатерина II-я родилась 21 апрѣля 1729 года, въ большомъ приморскомъ городѣ Штетинѣ, Славянскомъ Щетинѣ ([1]), въ Помераніи или Поморьи. Городъ этотъ незадолго передъ тѣмъ перешелъ въ Прусское владѣніе и еще полонъ былъ слѣдами Шведскаго владычества.

Покойный гр. Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что ему при разборѣ архивовъ зимняго дворца случилось читать неизданную собственноручную тетрадь Екатерины II-й на французскомъ языкѣ, посвященную ея пріятельницѣ графинѣ П. А. Брюсъ и содержащую въ себѣ подробные ея разсказы о рожденіи, дѣтствѣ и вообще о жизни ея до пріѣзда въ Россію. Императрица записала между прочимъ въ этой тетради, что день ея рожденія пришелся въ какой-то праздникъ, что во всѣ Штетинскіе колокола звонили, и что это сочтено было благимъ предзнаменованіемъ. Императрица любила подмѣчать случайности и нерѣдко придавала имъ таинственное значеніе: необыкновенная ея судьба пріучила ее къ этому.

([1]) Вѣроятно отъ словъ *щитъ, щититься, защищаться.* Щетинъ — родъ крѣпости, защищавшей поморье отъ средневѣковыхъ морскихъ разбоевъ.

Намъ неизвѣстны подробности ея младенчества и ребячества. Трудно предполагать, чтобы ею занимались заботливо: матери ея, когда она родилась, было всего 16 лѣтъ отъ роду. Но нѣкоторыя черты мы можемъ навѣрное угадывать. Живя въ Штетинѣ, гостя у своихъ родственниковъ въ Брауншвейгѣ и Гамбургѣ, Екатерина должна была съ ранняго младенчества слышать разсказы о недавнемъ пребываніи Русскихъ въ томъ краю, о чудесномъ императорѣ, который напр. въ сосѣдней Даніи совершаетъ походъ съ своими солдатами по поясъ въ болотной водѣ, который командуетъ соединеннымъ флотомъ Россіи, Англіи, Голландіи и Даніи, въ рукахъ котораго и громъ оружія и свѣтъ науки. Извѣстно, что ничто такъ не поражаетъ дѣтскаго воображенія, какъ подвиги великихъ людей, и должно полагать, что необъятность Россіи, ея могучія силы, ея величіе, эти толпы людей, отправлявшихся по Одеру на Штетинскихъ корабляхъ искать счастія въ таинственной Московіи, все это принадлежало къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ будущей Русской государыни. Въ семейномъ кругу Штетинскаго губернатора не прекращались толки о Россіи. Мать Екатерины, женщина съ живымъ воображеніемъ, принимала горячее участіе въ судьбѣ своихъ Голштинскихъ братьевъ, которые изъ Петербурга ждали себѣ счастія.

Еще памятнымъ именемъ въ дѣтской душѣ Екатерины II, было имя другаго великаго единодержавца, Людовика XIV. Такъ называемый вѣкъ его былъ тогда въ полномъ разцвѣтѣ. Французскій языкъ и Парижское общежитіе уже водворялись у всѣхъ сколько нибудь достаточныхъ людей въ Германіи. Мать Екатерины хорошо знала по французски. У Екатерины II-й была француженка-гувернантка, мамзель Гардель. Въ послѣдствіи императрица вспоминала ее въ бесѣдахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Грибовскимъ (Записки Грибовскаго, изд. 1864, стр. 39). «Эта моя гофмейстерина была старосвѣтская француженка. Она не худо меня приготовила для замужства въ нашемъ сосѣдствѣ; но, право, ни дѣвица Гардель, ни я сама не ожидали всего этого (2).» Въ біографіяхъ Екатерины упоминается также нѣкто Лоранъ, учившій ее чистописанію. Это былъ тоже французъ-эмигрантъ. Сравнительно-скромная обстановка, при обиліи внѣшнихъ впечатлѣній, представляемыхъ большимъ приморскимъ городомъ, тоже была одною изъ выгодъ воспитанія: Екатерина, съ ребячества, привыкла видѣть людей какъ они есть.

(2) Т. е. ея воцаренія въ Россіи.

Вотъ разсказъ Екатерины II-й, касающійся ея малолѣтства. Онъ составляетъ отрывокъ изъ Русскихъ ея Записокъ и уцѣлѣлъ случайно въ бумагахъ кн. Безбородки ([3]):

«Въ 1742 или 3-мъ году я была съ матерью моей въ Брауншвейгѣ, у вдовствующей герцогини, у которой мать моя была воспитана, и та герцогиня и мать моя были дома Голштинскаго. Тутъ случилось быть епископу католицкому Корвенскому (l'evêque de Corbri) и съ нимъ было нѣсколько его канониковъ. Между канониками былъ одинъ дома Менгдена. Сей упражнялся предсказаніями и хиромантіей. Бывъ вопрошенъ матерью моей о принцессѣ Маріаннѣ Бевернской, съ которой я была весьма дружна и которая по нраву и красотѣ своей была весьма всѣми любима, не получитъ ли она по своимъ достоинствамъ корону, онъ не захотѣлъ объ ней сказать ничего. Наконецъ сказалъ матери моей: на лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мѣрѣ, три. Мать моя приняла то за шутку. Онъ же сказалъ ей, чтобъ она никакъ о томъ не сумнѣвалась, и отвелъ ее къ окошку, и она послѣ уже съ прекрайнимъ удивленіемъ сказала, что онъ ей чудеса насказалъ, о чемъ она ему и гововорить запретила; а мнѣ сказала уже здѣсь, что Менгдена предсказанія выполняются. А болѣе отъ нея узнать не могла.»

Надо полагать, что князь Ангальтъ-Цербскій, проведшій вѣкъ свой въ военной, суровой службѣ и ею исключительно занятый, предоставлялъ какъ воспитаніе дочери, такъ и заботу о ея замужствѣ своей супругѣ. Но Голштинскій домъ, къ которому она принадлежала, находился въ то время далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Намъ неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находилась Іоанна-Елизавета къ своему двоюродному брату, владѣтельному герцогу Голштинскому, зятю Петра Великаго (ум. 1739); но съ Русскими людьми она вела знакомство вслѣдствіе пріязни, которая соединяла ее съ молодымъ Русскимъ путешественникомъ, впослѣдствіи знаменитымъ Иваномъ Ивановъ. Бецкимъ (въ годъ рожденія Екатерины II-й ему было 25 лѣтъ отъ роду). Впрочемъ надежды на Россію совсѣмъ исчезали для членовъ Голштинскаго дома въ десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, которая ревниво препятствовала всякимъ сношеніямъ зятя и внука Петра Великаго съ Петербургомъ и съ Русскими

([3]) Отъ кн. Безбородки этотъ листокъ перешелъ къ кн. А. Н. Голицыну. Напечатанъ въ Библ. Зап. 1858 стр. 539.

надо предполагать что Екат. II дочь
сына И. И. Бецкова

людьми. Надежды эти внезапно ожили съ возшествіемъ на престолъ Русскій той самой царевны, которая была невѣстою епископа Любскаго Карла, брата Іоанны-Елизаветы. Въ Голштиніи знали, какъ любила она своего жениха; знали также, что Голштинія была дорога ей по воспоминанію о старшей сестрѣ, что она даже собиралась ѣхать туда, но ее не допустили до того (объ этомъ свидѣтельствуетъ зять ея, герцогъ Карлъ Фридрихъ въ недавно сдѣлавшихся извѣстными Запискахъ своихъ). Сохранились письма къ Елизаветѣ Петровнѣ изъ Киля отъ Мавры Егоров. Шепелевой (впослѣдствіи графини Шуваловой), которая жила тамъ при герцог. Аннѣ Петровнѣ и сообщала сестрѣ ея въ Россію подробности тамошней жизни ([4]). Обстановка роднаго племянника, единственной мужской отрасли Петра Великаго, должна была живо занимать Елизавету Петровну, и Голштинскій домъ, какъ ближайшіе родственники, по всему вѣроятію, былъ ей извѣстенъ на перечетъ. Мать Екатерины II-й не замедлила привѣтствовать новую императрицу съ восшествіемъ ея на престолъ и со днемъ рожденія (16 декабря), и въ отвѣтъ ей написана была слѣдующая:

Грамота имп. Елизаветы Петровны къ Ангальтъ-Цербской владѣтельной княгинѣ Іоганнѣ-Елисаветѣ изъ Спб. 14 генв. 1742 года.

«Свѣтлѣйшая княгиня, дружебно-любезная племянница. Вашей любви писаніе отъ 27 минувшаго декабря и содержанныя въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не инако какъ пріятны быть могутъ.... Понеже ваша любовь портретъ моей въ Бозѣ усшей государыни сестры герцогини Голштейнской, которой портретъ бывшей здѣсь въ прежнія времена королевской Прусскій министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая угодность показана будетъ, ежели ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не находится, уступить и ко мнѣ прислать изволите; я сію угодность во всякихъ случаяхъ взаимствовать сходна буду... Вашей любви дружебно-охотная Елисаветъ »

([4]) Письма эти, весьма живыя по содержанію и своеобразному слогу, напечатаны въ Чтеніяхъ 1864, II, 67—72.

Портретъ, конечно, былъ присланъ, и въ томъ же 1742 году, по случаю дня своихъ именинъ 5 (16) сентября императрица посылаетъ Іоганнѣ-Елизаветѣ свой собственный портретъ, осыпанный бриліантами, цѣною въ 18 тысячъ рублей. Съ этимъ портретомъ, какъ видно по дѣламъ, нарочно велѣно было ѣхать изъ Берлина въ Цербстъ секретарю Русскаго посольства Шриверу и вручить портретъ лично.

Между тѣмъ И. И. Бецкій, вѣроятно, не упускалъ случая дѣйствовать въ пользу своей пріятельницы. Ему легко было производить благопріятныя внушенія черезъ родную сестру свою принцессу Анастасію Ивановну Гессенъ-Гомбурскую, которая, по богатству и связямъ своимъ, занимала при Русскомъ дворѣ очень видное мѣсто.

Тотчасъ послѣдовало улучшеніе и въ участи супруга Іоганны-Елизаветы. Фридрихъ Великій, желая угодить Русской императрицѣ (расположенія которой онъ тогда заискивалъ) повысилъ Христіана-Августа чиномъ. Посолъ нашъ пишетъ въ Москву изъ Берлина отъ 17 іюля 1742 г.: «Принца Ангальтъ-*Серпста* король пожаловалъ въ фелтмаршалы.» 9 октября 1742 г. фелтмаршалъ Ангальтъ-Серпстъ, живущій въ Берлинѣ, пріѣхалъ къ гр. Чернышеву просить о передачѣ его благодарности за отвезенный къ его супругѣ портретъ ея императорскаго величества.

Тогда уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ привезенъ былъ въ Россію круглый сирота герцогъ Голштинскій, Карлъ Петръ Ульрихъ, родной племянникъ императрицы Елизаветы и двоюродный племянникъ нашей Іоганны-Елизаветы. Положеніе его было довольно странное, и странность эта проистекала отъ избытка царственныхъ правъ. Будучи владѣтельнымъ государемъ хотя и не значительной, но вполнѣ самостоятельной страны, онъ могъ соединить на головѣ своей три короны: ибо имѣлъ всѣ права и на Шведскую (какъ родной по отцу внукъ *старшей* сестры Карла XII-го) и на Русскую, будучи по матери единственнымъ внукомъ Петра Великаго. Одно только его малолѣтство смягчало неловкость отношеній къ нему его тетки. Имѣть его въ Россіи было политическою выгодою. 7 ноября 1742 г. онъ объявленъ наслѣдникомъ Всероссійскаго престола; а въ январѣ слѣдующаго года долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго ему Шведскаго престола.

Такимъ образомъ всѣ интересы Голштинскаго дома внезапно перенеслись изъ бѣднаго Киля и изъ Стокгольма въ Петербургъ и Москву, гдѣ тогда жила Елизавета Петровна.

Отношенія къ племяннику и наслѣднику составляютъ одинъ изъ главныхъ узловъ дворской, а отчасти и иностранной политики за многіе годы царствованія Елизаветы Петровны: внукъ Петра Великаго, сынъ его старшей дочери, имѣлъ болѣе правъ на Русскій престолъ, нежели сама Елизавета Петровна. Этимъ, можетъ быть, объясняется та глубокая тайна, въ которой совершился перевозъ его изъ Киля въ Россію. Милости посыпались на его родственниковъ съ отцовской стороны. Условіемъ Абовскаго мира съ Швеціею Елизавета постановила, чтобъ принцъ Адольфъ (старшій братъ Екатерининой матери) выбранъ былъ (въ іюлѣ 1743) наслѣдникомъ Шведскаго престола. Какъ скоро миръ былъ заключенъ, начались заботы о бракосочетаніи Русскаго великаго князя. Обезпечить престолонаслѣдіе было дѣломъ настоятельной необходимости: на плечахъ была цѣлая свергнутая семья, старшая вѣтвь дома Романовыхъ; да кромѣ того всѣ свѣжо помнили, что однимъ изъ золъ Аннинскаго царствованія была неувѣренность, что̀ будетъ съ Россіею послѣ нея.

Намъ неизвѣстны Русскія подлинныя бумаги, касающіяся брачнаго союза Екатерины, и мы должны ограничиться слѣдующимъ разсказомъ Фридриха Великаго (Mémoires, Paris 1866, стр. 206—209: это изданіе есть перепечатка Берлинскаго, *полнаго* и провѣреннаго по подлиннымъ рукописямъ):

«Изъ всѣхъ сосѣднихъ съ Пруссіею государствъ наибольшее вниманіе должно быть обращено на Россію, какъ на сосѣдку, самую опасную: она могущественна и она подъ бокомъ. «Будущіе правители Пруссіи тоже не избѣгнутъ необходимости поддерживать дружбу съ этими варварами» (5). Король (6) опасался не столько числа Русскихъ войскъ, какъ этихъ казаковъ и татаръ, которые нападаютъ безпорядочною толпою, жгутъ населенныя мѣста, избиваютъ жителей, либо уводятъ ихъ въ плѣнъ. Появленіе ихъ равняется гибели. Другимъ непріятелямъ можно воздавать зломъ за зло; съ Россіею этого невозможно, развѣ имѣя значительный флотъ, и на немъ продовольствіе для того, чтобы идти войною на самый Петербургъ. Король прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы пріобрѣсть себѣ дружбу Россіи, и въ этихъ видахъ дѣйствовалъ даже со стороны Швеціи. Въ то время императрица Елизавета, для обезпеченія престоло-

(5) Слова, означенныя здѣсь и ниже кавычками, появились только въ изданіи сочиненій Фридриха 1846 года, въ прежнихъ изданіяхъ они были опускаемы.

(6) Фридрихъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ.

наслѣдія, задумала женить великаго князя своего племянника. Хотя опредѣлительнаго назначенія еще не было сдѣлано, но болѣе другихъ нравилась императрицѣ сестра короля, принцесса Ульрика (7), а Саксонскій дворъ домогался, чтобъ выборъ палъ на принцессу Маріанну (8) вторую дочь короля Августа и этимъ союзомъ разсчитывалъ упрочить себѣ расположеніе императрицы.

Русскій министръ (9) былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую императрицу, если бы нашлось у кого довольно денегъ, чтобы заплатить ему за нее. Саксонцы выторговали у него условія предположеннаго брака. Но король Августъ за свои деньги долженъ былъ удовольствоваться одними обѣщаніями. Для блага Пруссіи надлежало всѣми мѣрами воспрепятствовать таковому союзу Саксоніи съ Россіею; но съ другой стороны противоестественно было для отстраненія Саксонки пожертвовать принцессою королевской крови.

Отысканъ другой исходъ. Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ принцессъ, достигшихъ брачнаго возраста, наиболѣе пригодна была и для Россіи и для выгодъ Пруссіи принцесса Цербская. Отецъ ея былъ фельдмаршаломъ въ арміи короля, а мать, изъ Голштинскаго дома, сестра наслѣдника Шведскаго престола, приходилась теткою Россійскому великому князю. Не станемъ распространяться о мелочныхъ подробностяхъ этого сватовства; скажемъ только, что на устроеніе онаго потрачено столько трудовъ, какъ бы оно было дѣломъ величайшей важности. Самъ отецъ принцессы противился этому браку: съ набожностью первыхъ послѣдователей Лютера, онъ не хотѣлъ и слышать, чтобы дочь его сдѣлалась еретичкою, пока одинъ пасторъ, болѣе вѣротерпимый, растолковалъ ему, что греческая вѣра почти одинакова съ лютеранскою. Мардефельдъ (10) въ Россіи умѣлъ такъ искусно таить отъ канцлера Бестужева свои сношенія и переговоры, что къ великому изумленію Европы, принцесса Цербская явилась въ Петербургъ, и въ Москвѣ императрица оказала ей несомнѣнные знаки своего удовольствія и дружелюбія.

---

(7) Вышла потомъ замужъ за роднаго дядю Екатерины II-й Адольфа-Фридриха Голштинскаго, сдѣлавшагося въ 1751 г. Шведскимъ королемъ. Своимъ вліяніемъ на мужа, она дѣйствительно была полезна брату и вредна Россіи.

(8) Въ 1747 году она вышла замужъ за Баварскаго курфирста Максимиліана-Іосифа.

(9) Т. е. графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ.

(10) Прусскій посланникъ въ Россіи.

Но еще не все было улажено. Оставалось преодолѣть затрудненіе, заключавшееся въ томъ, что женихъ и невѣста состояли между собою въ родствѣ. «Чтобы устранить эту помѣху не щадили денегъ: этимъ способомъ во всѣхъ странахъ опровергаются возраженія». Задобренные священники и епископы объявили, что въ законоположеніяхъ церковныхъ нѣтъ препонъ этому браку. Не довольствуясь этимъ первымъ успѣхомъ, баронъ Мардефельдъ задумалъ перевести низвергнутую династію изъ Риги въ какую нибудь другую область Россіи, и добился того. Необходимо было для безопасности императрицы, чтобы эти несчастные люди находились подальше отъ Петербурга, гдѣ новая смута могла имъ возвратить утраченное. Ихъ увезли за Архангельскъ, въ такое варварское мѣсто, что даже названіе его неизвѣстно ([11]). Въ то время, какъ мы пишемъ эти записки, принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій находится еще тамъ.

Съ пріѣздомъ принцессы Цербской, Мардефельдъ и маркизъ Шетарди почувствовали себя въ силѣ. Они задумали довершить свое дѣло и для того оттѣснить великаго канцлера Бестужева, который былъ сторонникомъ Англіи и, изъ прихоти, врагомъ Франціи. Бестужевъ не имѣлъ дарованій, былъ не очень искусенъ въ дѣлахъ, высокомѣренъ по невѣжеству, лживъ нравомъ, «пронырливъ» и двоедушенъ даже и съ тѣми, кто закупалъ его. Мардефельдъ и Шетарди своими происками успѣли разлучить двухъ братьевъ Бестужевыхъ. Обергофмаршалъ Бестужевъ отправленъ въ Берлинъ полномочнымъ министромъ; канцлеръ же такъ глубоко пустилъ корни при дворѣ, что удержался противъ всѣхъ нападеній. Мардефельдъ дѣйствовалъ очень искусно, и его участіе въ этихъ каверзахъ осталось незамѣченнымъ; Шетарди же, менѣе его осторожный, былъ уличенъ. Не взирая на его санъ и на услуги, имъ оказанныя, его принудили поспѣшить выѣздомъ изъ Россіи безъ дальнихъ церемоній.

Какъ скоро императрица выбрала супругою великому князю принцессу Цербскую, уже не такъ трудно было согласить ее на бракъ принцессы Ульрики Прусской съ новымъ наслѣдникомъ Шведскаго престола. Этими двумя браками Пруссія утверждала свою безопасность. Прусская принцесса въ Стокгольмѣ не могла не доброхотствовать королю-своему брату, а Россійская великая княгиня, вскормленная и воспитанная въ Прусскихъ владѣніяхъ и обязанная своею фортуною королю, изъ чувства благодарности должна была держать его сторону».

([11]) См. объ этомъ подробнѣе въ Русскомъ Архивѣ 1866, стр. 1541—1543.

Одинъ изъ младшихъ дядей Екатерины, Фридрихъ Августъ поѣхалъ въ Россію и повезъ съ собою портретъ своей племянницы, нарисованный славнымъ живописцемъ Пеномъ (Pesne). Склоняясь на восхваленія его и короля Прусскаго, Елизавета Петровна говорила своему канцлеру Бестужеву: «Много наслышалась я о Французской принцессѣ; приходила мнѣ на мысли и Саксонская; но я за лучшее сочла взять принцессу протестантской вѣры, и при томъ изъ дома, хотя и знатнаго, но небольшаго, такъ чтобы въ Русскомъ народѣ не произвели шуму и не возбудили зависти ни ея иноземныя связи, ни ея провожатые, которыхъ она привезетъ съ собою. Поэтому всѣхъ пригоднѣе принцесса Цербская, тѣмъ болѣе, что она уже въ родствѣ съ Голштинскимъ домомъ» ([12]).

Между тѣмъ главный сватъ, король Прусскій обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ матери Екатерины:

«Берлинъ, 30 декабря 1743.

Государыня-кузина!

По письмамъ, которыя получены вами изъ Петербурга, вы конечно уже знаете о горячемъ желаніи ея величества императрицы Всероссійской, чтобы вы и принцесса дочь ваша поѣхали повидаться съ нею. Вамъ извѣстны также распоряженія ея величества относительно доставленія вамъ средствъ для таковаго путешествія.

Отличное уваженіе къ вамъ и участіе во всемъ, что до васъ касается, обязываетъ меня сказать вамъ, какая цѣль этого приглашенія. Увѣренъ, что вы оцѣните мою полную къ вамъ довѣренность въ дѣлѣ, коего успѣхъ зависитъ исключительно отъ соблюденія его въ строжайшей тайнѣ. И такъ, въ силу этой довѣренности, не стану больше скрывать отъ васъ, что, цѣня васъ и принцессу, любезную вашу дочь, я пожелалъ, чтобы сей послѣдней достался жребій отмѣнный, и сталъ обдумывать, нѣтъ ли возможности сочетать ее съ ея кузеномъ, нынѣ Русскимъ великимъ княземъ.

Я дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ, разумѣется, въ величайшей тайнѣ, что, надѣюсь, не будетъ вамъ непріятно; и хотя конечно не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій, особливо по отношенію къ кровной близости между принцессою и великимъ княземъ, тѣмъ не менѣе на-

---

([12]) Hermann, Geschichte des russ. Staats, V, 76 и 77.

шлись средства устранить препятствія. До сихъ поръ дѣло идетъ такъ, что я надѣюсь на счастливый исходъ его, лишь бы вы изъявили на то согласіе и рѣшились ѣхать по приглашенію ея величества. Весьма немногія лица знаютъ о настоящей цѣли этого путешествія; крайне нужно соблюсти тайну, и потому я полагаю, что ея императорскому величеству будетъ пріятно, если вы отправитесь изъ Германіи безо всякой огласки, и такъ, чтобы въ особенности не провѣдалъ о томъ самъ гр. Чернышевъ, ея министръ въ Берлинѣ. Мнѣ кажется согласнѣе будетъ съ волею ея величества, если и князь супругъ вашъ покамѣстъ останется въ невѣдѣніи этой тайны, и если вы начнете ваше путешествіе поѣздкою въ Штетинъ, и уже оттуда направитесь въ Петербургъ, ничего не оглашая въ Германіи. За симъ я получилъ увѣдомленіе, что ея величество отдала точный приказъ переслать вамъ изъ находящейся въ Петербургѣ Прусской конторы десять тысячъ рублей на экипажи и на путевыя издержки; а по пріѣздѣ въ Петербургъ вамъ будетъ выдана еще отсчитанная тысяча червонцевъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву. Но императрица желаетъ, чтобы, прибывъ на мѣсто, вы объявили, что таковое затруднительное путешествіе предпринято вами единственно изъ желанія лично выразить ея величеству признательность за чрезвычайныя милости, оказанныя вашему брату ([13]) и вообще всему вашему семейству. Вотъ все, что я имѣю пока сообщить вамъ. Увѣренъ, что вы воспользуетесь этими сообщеніями, наблюдая наивозможную скромность. Мнѣ чрезвычайно будетъ лестно, если на все это послѣдуетъ ваше согласіе, и если вы меня о томъ увѣдомите въ нѣсколькихъ словахъ Впрочемъ прошу васъ вѣрить, что я не перестану оказывать полезное для васъ участіе въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и съ чувствами уваженія пребуду, государыня-кузина, вашъ доброжелательный братъ

Федерикъ“ ([14]).

На это письмо Іоанна Елизавета отвѣчала:

«Цербстъ, 4 января 1744.

Государь,

Я сама готовилась объясниться съ вашимъ величествомъ. Вы изволили предупредить меня столь лестнымъ образомъ, что я не нахожу слова

([13]) Т. е. принцу Адольфу, выбранному по настоянію Россіи наслѣдникомъ Шведскаго престола и получившему отъ Елизаветы 50 тыс. р.

([14]) Это письмо и слѣдующая за симъ переписка Фридриха переведены изъ книги: Correspondance de Frédéric II. Berlin 1854, томъ X, стр. 579 и далѣе.

для выраженія моей живѣйшей признательности какъ за это, такъ и за сообщенныя вами подробности дѣла, и за пріемлемое милостивое участіе и попеченіе объ успѣхѣ онаго.

Графъ Подевильсъ ([15]) конечно довелъ до свѣдѣнія вашего величества, что изъ Петербурга пришло на мое имя письмо, которое онъ передалъ въ почтовую Берлинскую контору, для отправленія ко мнѣ съ эстафетою.

Изъ этого письма я впервыя узнала о намѣреніяхъ Всероссійской императрицы касательно путешествія моего и моей дочери ко двору ея. Письмо это привело меня къ размышленіямъ о такомъ предметѣ, на который, конечно, я не могла разсчитывать.

Почитаю безполезнымъ присылать вашему величеству это письмо: оно только обременило бы ваше вниманіе. Сущность его вамъ извѣстна, остальныя же подробности касаются исключительно способовъ переѣзда.

Въ силу моего всегдашняго, полнѣйшаго высокопочитанія, и — если мнѣ дозволено такъ выразиться — въ силу глубокаго уваженія къ вашему величеству, я тотчасъ же пожелала васъ извѣстить объ этомъ. Ваше надежное увѣдомленіе утвердило меня въ этихъ чувствахъ, и я счастлива таковою повѣренностью государя, истинно великаго, который, будучи другомъ и союзникомъ императрицы, оказавшей мнѣ неизреченныя милости, въ то же время является покровителемъ моего семейства въ дѣлѣ столь важномъ. Вслѣдствіе этого я поставляю себѣ закономъ повиноваться совѣтамъ, коими вашему величеству будетъ угодно почтить меня.

Вполнѣ постигаю то, что ваше величество говорите мнѣ о важности тайны; но по многимъ и многимъ причинамъ, которыя легче понимаются, нежели описываются, я необходимо должна была посвятить въ эту тайну князя моего супруга. Опытъ ручается мнѣ за его скромность, и я не думаю, чтобы я подверглась за то упреку.

Князь изъявилъ согласіе. Путешествіе, особливо въ теперешнее время года, естественно страшитъ насъ-женщинъ. Но этотъ страхъ меня не остановитъ. Мое рѣшеніе твердо; я вполнѣ убѣждена, что все это дѣлается по волѣ Провидѣнія, и что Оно конечно поможетъ мнѣ преодолѣть тѣ опасныя трудности, на которыя не многіе бы отважились.

([15]) Тогдашній первый министръ Фридриха II-го.

Ваше величество изволите говорить, чтобы мы разгласили, будто ѣдемъ въ Штетинъ. Это тѣмъ удобнѣе, что князь, который (если ваше величество позволите) проводитъ меня до Штетина, и безъ того намѣревался ѣхать туда ([16]). Мы отправимся на Берлинъ, гдѣ остановимся только для того, чтобы засвидѣтельствовать почтеніе королевамъ и королевскому дому. Иначе, нашъ проѣздъ можетъ породить толки. Мы обыкновенно уже нѣсколько лѣтъ, какъ пріѣзжаемъ туда къ масляницѣ, и публика не обратитъ особеннаго вниманія на наше появленіе.

Не могу еще опредѣлительно сказать вашему величеству, въ какой именно день мы выѣзжаемъ отсюда. Полученная нами эстафета возбудила всеобщее любопытство въ нашемъ городкѣ, и если ѣхать сейчасъ же, это можетъ внушить подозрѣнія роднымъ и сосѣдямъ. Съ другой стороны, мнѣ необходимо собраться и распорядиться какъ относительно нашихъ неизбѣжно-нужныхъ вещей, такъ и по другимъ мелочнымъ дѣламъ, и на это потребуется нѣсколько дней. Надѣюсь управиться къ четвергу или къ пятницѣ будущей недѣли; а покамѣстъ, пріемлю смѣлость переслать къ вашему величеству мой отвѣтъ въ Россію, и покорнѣйше прошу ваше величество препроводить оное по эстафетѣ. Мнѣ еще остается просить ваше величество объ одной милости, и эта просьба можетъ показаться вамъ мелочною, но я прибѣгаю къ вамъ съ нею ради ускоренія моего путешествія. Благоволите приказать, чтобы на мой счетъ заготовлены были для меня подставныя лошади во всей Помераніи и Пруссіи. Паспортъ, по которому лошади будутъ отпускаемы, долженъ быть написанъ на имя *графини Рейнбушъ*: ея императорское величество приказала мнѣ принять это имя до Риги, и по этому имени меня примутъ высланные провожатые.

Я поѣду, сколько возможно скромнѣе, вслѣдствіе желанія моего соотвѣтствовать точнѣйшимъ образомъ повелѣніямъ ея императорскаго величества и вмѣстѣ доказать вашему величеству, какъ цѣню я милостивые ваши совѣты и съ какимъ уваженіемъ остаюсь, государь, вашего величества покорнѣйшая и послушнѣйшая Іоанна-Елизавета.»

*
* *

([16]) Въ это время отецъ Екатерины былъ уже не Штетинскимъ губернаторомъ, а совладѣтельнымъ княземъ и жилъ у себя въ Цербстѣ или въ загородномъ тамошнемъ дворцѣ Дорнбургѣ.

Фридриху очень нуженъ былъ этотъ брачный союзъ: въ тогдашней борьбѣ его съ Австріею имѣло чрезвычайную важность то положеніе, какое приметъ Россія, побѣдоносно окончившая войну съ Швеціею и снова получившая возможность къ дѣятельному участію въ дѣлахъ Германскихъ. Для Фридриха было великимъ счастіемъ воцареніе Елизаветы и такъ называемый заговоръ Австрійскаго посла въ Петербургѣ маркиза Ботты и Лопухиной (точно такъ же, какъ въ 1761 году спасеніемъ его державы послужила кончина той же самой Елизаветы). Обольщая Русскую императрицу своимъ усердіемъ къ ея утвержденію на престолѣ, посылая ей предостерегательныя письма (Correspondance, X, 586), онъ торопилъ отъѣздомъ и безъ того пылкую княгиню Ангальтъ. Цербскую, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ его писемъ къ ней:

«Берлинъ, 6 января 1744.

«Государыня-кузина,

«Я вполнѣ увѣренъ, что письмо мое отъ 30 прошедшаго декабря исправно дошло до васъ. Принимая искреннее участіе во всемъ, что̀ можетъ споспѣшествовать выгодамъ вашего дома, я долженъ васъ увѣдомить, что дѣло, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, судя по извѣстіямъ, съ тѣхъ поръ мною полученнымъ изъ Петербурга, находится въ отличномъ положеніи, такъ что слѣдуетъ разсчитывать на успѣшный исходъ его, лишь бы въ настоящую минуту не послѣдовало никакой огласки. Не упускайте столь благопріятнаго случая и торопитесь, сколько возможно, вашимъ отправленіемъ въ Москву. Прошу вѣрить чувствамъ уваженія и пр.»

«Берлинъ, 10 января 1744.

«Государыня-кузина,

«Полученное мною письмо ваше отъ 4 числа сего мѣсяца доставило мнѣ чрезвычайное удовольствіе какъ по чувству питаемаго вами ко мнѣ довѣрія, такъ и по вашему образу мыслей на счетъ извѣстнаго дѣла. Дѣло это продолжаетъ идти очень хорошо, и я принимаю смѣлость просить васъ, чтобы вы какъ можно скорѣе назначили день вашего отъѣзда. Черезъ это вы можете лучше воспользоваться теперешними обстоятельствами и тѣмъ горячимъ желаніемъ видѣть васъ у себя, которое выражаетъ Всероссійская императрица. Будьте увѣрены, что я не перестану,

сколько съумѣю, принимать участіе въ интересахъ вашего семейства, и съ удовольствіемъ воспользуюсь всякимъ случаемъ выразить вамъ чувства уваженія, съ коими и проч.»

Можно судить, въ какой счастливой озабоченности очутилась недавняя Штетинская губернаторша, собираясь въ эту таинственную поѣздку, получивъ въ свое распоряженіе богатыя деньги для путевыхъ издержекъ и ожидая еще богатѣйшихъ впереди. Въ ея головѣ созидались самые завлекательные планы. Ей представлялись подарки, почести, празднества, будущее величіе дочери, свиданіе съ И. И. Бецкимъ.... Мы не знаемъ, посвященъ ли былъ въ тайну путешествія владѣтельный князь Цербскій, но онъ подарилъ отъѣзжавшей изъ Дорнбурга племянницѣ голубую съ серебромъ матерію на платье (Mémoires, изд. 1859 года, стр. 13). Девятилѣтній сынъ Фридрихъ-Августъ и тринадцатимѣсячная дочь отвезены въ Гамбургъ къ бабушкѣ, и во второй половинѣ января 1744 года княгиня Іоанна-Елизавета съ невѣстою-дочерью (которая потомъ уже никогда болѣе не бывала на родинѣ) и дѣвицею Шенкъ (Mémoires, стр. 37) отправилась въ Россію. Она повезла съ собою слѣдующее рекомендательное письмо отъ короля Прусскаго къ Россійской императрицѣ, заготовленное еще съ мѣсяцъ тому назадъ.

«Берлинъ, 30 декабря 1743.

«Государыня-сестра!

«Пользуюсь отъѣздомъ принцессы Цербской и ея любезной дочери, дабы еще разъ выразить вашему императорскому величеству чувства совершенной преданности моей. Я пріемлю смѣлость поручить вашему вниманію мать и дочь: обѣ онѣ суть особы, по истинѣ дорогія для меня, и я могу поручиться вашему императорскому величеству въ ихъ достоинствахъ. Молодая принцесса, при всей живости и веселонравіи, которыя свойственны ея возрасту, одарена отличными качествами ума и сердца. Я ласкаю себя надеждою, что ваше императорское величество останетесь довольны вашимъ выборомъ и не лишите вашей милости сихъ двухъ принцессъ, которыя навѣрное окажутъ себя достойными оной.

«Со всѣми чувствами совершеннѣйшаго почитанія, государыня сестра, вашего императорскаго величества добрый братъ и вѣрный союзникъ Федерикъ-король.»

Въ Петербургѣ путешественницъ ожидалъ почетный пріемъ. Онѣ прибыли туда 3 февраля и были встрѣчены съ пушечною пальбою ([17]) Въ тотъ же день Іоанна Елизавета написала въ Москву къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и къ вице-канцлеру графу Воронцову письма, приводимыя здѣсь въ современномъ русскомъ переводѣ.

«Мадамъ. Воспріемля честь вашему величеству о моемъ сюда сегодня въ полдень пріѣздѣ донести, приношу толикое покорнѣйшее благодареніе за неизреченно оказанныя въ прибытіе мое отличности, колико всѣ отъ вашего величества мнѣ преизобильно являемыя милости превосходятъ слабую экспрессію моей благодарности. Хотя мои сентименты буде съ оною несравнительны, то по меньшей мѣрѣ съ существомъ того сходствуютъ.... Послѣ завтрея отъѣзжаю, дабы лутче при стопахъ вашего величества признаніе и респектъ доказать, съ коимъ я есмь, мадамъ, вашего величества всепокорнѣйшая и всепослушнѣйшая I. Елисаветъ.

Изъ С.-Петербурга.
3 февраля 1744.»

Къ гр. М. Л. Воронцову.

«Мой господинъ! Съ безконечною радостью я вашему превосходительству увѣдомляю, что я уже за 80 миль отъ ея императорскаго величества, нашей несравненной самодержицы, нахожуся и столь чувствительными и столь возвышенными опытами о ея высокой протекціи и о пріумноженіи ея ко мнѣ яснѣйшихъ ([18]) благостей, что мнѣ о томъ только подлинное ([19]), но неизобразительное мнѣніе остается.

«Мое вождѣленіе, какъ я вамъ уже сказала, на всякой часъ умножается, и я завтра здѣсь пробыть себѣ не дозволила бы, ежели бъ то учинить принуждена не была, дабы моей дочери дать немного отдохновенія.

«Ея императорское величество сверхъ всего и ту атенцію присовокупить изволила, для меня здѣсь четыре своихъ придворныхъ дамы оставить, которыми я предовольна, а особливо госпожею Менгденовою, милость, которую я чувствовать и признавать должна.

([17]) Эти и нѣкоторыя дальнѣйшія подробности взяты изъ Цейдлерова Всеобщаго Лексикона, томъ 61, стр. 1595 и далѣе, подъ словомъ Zerbst. Составитель этой статьи Лексикона имѣлъ въ рукахъ частныя письма изъ Россіи. Томъ этотъ изданъ въ Лейпцигѣ и Галле, въ 1749 году.

([18]) Въ подлинникѣ *illustres.*

([19]) Въ подлинникѣ *propre.*

«Прошу васъ, мой господинъ, меня къ стопамъ ея императорскаго величества представить и ей хорошенько изъяснить, что я такъ изрядно въ ея покояхъ себя устрою, что я въ ихъ оставлю мой веселый умъ ([20]) для вспамятованія ея о мнѣ, когда она изволитъ сюда возвратиться.

«Учините мнѣ пріязнь за нѣсколько верстъ отъ Москвы мнѣ знать дать, того часу ли съ моего пріѣзда ея императорское величество меня допустить къ себѣ прикажетъ, дабы я мой уборъ пристойнымъ по тому распорядить могла. При семъ же господину тайному совѣтнику Лестоку засвидѣтельствую мою дружбу. Пребываю совершенно, мой господинъ, вашего превосходительства преданнѣйшая пріятельница и служебница П ([21]) Елисаветъ.

«Я уповаю подлинно около 10 числа прибыть.

Изъ С.-П.-б. 3 февраля
1744 году.»

День остановки употребленъ былъ между прочимъ на осмотръ Петербурга: въ двухъ саняхъ катали путешественницъ по главнѣйшимъ улицамъ.—Императрица выслала къ нимъ на встрѣчу камергера Нарышкина, который передалъ имъ шубы, цѣною въ 15 тысячъ рублей. Въ Москву прибыли онѣ 9 февраля 1744 года, вечеромъ, наканунѣ дня рожденія великаго князя Петра Ѳедоровича, прямо въ Головинскій, тогда еще деревянный дворецъ (нынѣшняя военная гимназія въ Лефортовской части), гдѣ жила императрица. Въ тотъ же день мать и дочь получили Екатерининскій орденъ, а матери, кромѣ того, подаренъ драгоцѣнный перстень, тотъ самый, который предназначался для старшаго ея брата, рано погибшаго жениха Елизаветы Петровны.

Мы не будемъ излагать дальнѣйшихъ подробностей; онѣ переданы самою императрицею Екатериною. Княгиня-мать тотчасъ увлеклась политическими сношеніями въ пользу короля Прусскаго и очень скоро утратила довѣріе Русской государыни. Она безпрестанно уѣзжала къ принцессѣ Гессенъ-Гомбургской, гдѣ жилъ Ив. Ив. Бецкій. Ея безпокойный нравъ обнаружился во время болѣзни дочери: 14 лѣтняя Софія Августа Фредерика черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Москву тяжко заболѣла и находилась на краю гроба. Вмѣсто ухода, мать только ссорилась съ нею и

([20]) Въ подлинникѣ *mon esprit follet.*

([21]) Т. е. принцесса.

окружающими ее. Въ апрѣлѣ молоденькая принцесса выздоровѣла, стала снова учиться по русски и готовиться къ переходу въ православіе. Набожный отецъ ея, князь Ангальтъ-Цербскій грамотою своею на имя императрицы отъ 5 іюня 1744, отправленною изъ Цербста съ маіоромъ Веселовскимъ, посылаетъ свое согласіе на ея бракъ съ великимъ княземъ и родительское благословеніе.

«Я имѣю надѣяніе на мою любезную дщерь, что она съ Божіею помощью вашему императорскому величеству всегда всякой удобовымышленной респектъ, высокопочитаніе, ко услугамъ готовность и признаніе колѣно-преклоненно показывать, а при томъ же и его императорское высочество, яко своего государя и самодержца, почитать и его конфиденціи и любви при всякомъ случаѣ угожденіемъ и искреннею горечестію себя удостоивать, за должность своея жизни поставлять будетъ. И дабы христіанское греческое духовенство при своемъ обученіи видѣть могло, какимъ образомъ моя дщерь изъ дѣтства въ христіанскомъ законѣ и вѣрѣ наставлена и обучена находится, то я смѣлость пріемлю экземпляръ о томъ вторично, какъ то уже 2 іюня учинено, при семъ приложить.» Подписано: «покорнѣйше-послушнѣйшій вѣрный *рабъ* Христіанъ-Августъ князь Ангальтъ-Цербстской.»

Именовать себя рабомъ Россійской императрицы было на ту пору не безвыгодно: кромѣ брака дочери князь Христіанъ Августъ связывалъ съ Россіею и свои личныя надежды. Въ это время въ Курляндіи (остававшейся по низверженіи Бирона безъ правителя) зашла рѣчь объ избраніи его въ герцоги: новый предметъ для хлопотъ и ходатайствъ Іоанны Елизаветы. Супругъ ея, неожиданно обратившій на себя вниманіе Европейскихъ кабинетовъ, вошелъ по этому предмету въ переписку съ секретаремъ нашего посольства Шриверомъ. Кажется, что самъ Христіанъ Августъ вовсе не былъ честолюбивъ, и что мысль сдѣлаться владѣтелемъ богатой Курляндіи прельщала не столько его самаго, какъ его княгиню.

Переводъ съ письма князя Ангальтскаго къ секретарю Шриверу изъ Штетина отъ 2 іюля 1744 году.

«Благородный, особливо-прелюбезнѣйшій господинъ, посольства секретарь.

«Изъ отправленнаго ко мнѣ вашего благородія письма я усмотрѣлъ, что ея любовь моя супруга о извѣстномъ дѣлѣ къ вамъ писала, навѣды-

ваяся о томъ, какимъ образомъ то дѣло начать. Я уповаю, что она охотно все возможное учинитъ, дабы въ томъ предуспѣть, однакожъ я не усматриваю, какъ она сіе дѣло предложить можетъ, ежели ей отъ одной или другой партіи двора, или же отъ ея величества самой способовъ къ тому не подастся. Мнѣ же предъявленіе вашего благородія о газетахъ ([22]) еще наилутчимъ быть кажется, ибо при томъ моя супруга случай получила бъ о сентиментахъ ея величества въ томъ сондировать.

«Ежели господинъ графъ Лестокъ партію господина Бирона возметъ, то онъ легко предуспѣть можетъ, и я уповаю, что онъ, яко такая персона, которая великія денежныя суммы внѣ государства въ готовности имѣетъ, себѣ легко добрыхъ пріятелей пріобрѣсти можетъ, которые его намѣреніе подкрѣпляли бъ, въ чемъ его толь наименьше зазрить можно, ибо онъ нигдѣ основанія не имѣетъ, и все отдастъ, дабы свои установленія учредить.

«Что жъ до меня принадлежитъ, то я тѣмъ доволенъ, что̀ я имѣю, и ежели я добрымъ благожелательствомъ чиновъ и подкрѣпляющею милостью ея императорскаго величества до учиненнаго мнѣ предложенія достигнуть не могу, то я онаго другими каналами искать не стану; а между тѣмъ, буде что случится, ежели бъ къ моему авантажу въ томъ служить могло, я, сколько мнѣ возможно, ничего не пренебрегу. И потому я склонныхъ вашего благородія сентиментовъ и того, еже вы мнѣ иногда полезнаго присовѣтовать можете, далѣе себѣ спрашиваю, и увѣряю, что я напротивъ того всегда пребуду вашего благородія всегда охотный другъ и слуга Христіанъ Августъ, князь Ангалтской.»

Отъ него же къ нему же. Изъ Штетина отъ 3 іюля 1744.

«Нынѣ вскорѣ окажется, что̀ судьба предопредѣляетъ.—Сегодни маршируютъ отсюда мой и принца Бевернскаго полки, и будущаго воскресенія въ Берлинъ вступятъ. Я такожъ чрезъ нѣсколько дней отсюда паки въ Цербстъ возвращусь, ожидая тамо королевскаго соизволенія. Ежели господинъ графъ Чернышовъ ([23]) имѣетъ подробности о сговорѣ моей дочери, то прошу, буде возможно, мнѣ о томъ сообщить. Ея любовь, моя супруга, хотя ко мнѣ о томъ и пишетъ, но весьма коротко.»

([22]) Т. е. чтобъ въ газетахъ пропечатать статью объ избраніи Христіана Августа Курляндскимъ герцогомъ.

([23]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

Отъ него же къ нему же. Изъ Штетина 21 іюля 1744.

«Вашему благородію благодарствую за пересланную императорскую декларацію, касающуюся до Шетардія, которая съ тою сходна, кою Петербургской въ Гамбургъ здѣсь проѣхавшій купецъ предъ 8-ю днями мнѣ сообщилъ. Сіе есть паки французская хитрость и неблагодарность, чего отъ честныхъ людей никогда чаять нельзя.

P. S. Что до прошенія господъ Какота и Григори касается, оное я моей супругѣ отправлю, и мнѣ пріятно было бъ, когда бъ она въ томъ услужить въ состояніи была, въ чемъ однакожъ сумнѣваюсь.

Господинъ Каппель здѣсь еще не проѣхалъ.»

Отъ 2 августа 1744 г. Христіанъ Августъ писалъ изъ Цербста къ императрицѣ:

«Едва только ваше императорское величество мой домъ вашею высокою и неоцѣненною милостью удостоивать.... начали, то я многими оттуда (изъ Курляндскаго герцогства) ко мнѣ подъ чужими именами присланными письмами прошенъ, дабы я подъ всемилостивѣйшимъ защищеніемъ в. имп. в., кандидатомъ ко испражненному герцогскому стулу себя представилъ.... Я о томъ ни малѣйшей рефлексіи не учинилъ, уповая, что тѣмъ сія корреспонденція сама собою пресѣчется; но яко оная поднесь вяще умножается, и меня чрезъ то просятъ, чтобъ высочайшую в. имп. в. протекцію къ сему избранію испросить, тако я за должность мою признаваю в. имп. в. нижайше о томъ увѣдомить.»

Отъ него же къ Шриверу. Изъ Цербста 26 сент. 1744.

«Я вамъ преданнѣйше благодарю за поданныя мнѣ вѣдомости, изъ которыхъ касающаяся до господина Корфа мнѣ особливо странна кажется, ибо я отъ ея любви моей супруги ни малѣйшаго извѣстія о томъ не имѣю, а между тѣмъ я ко всему въ готовности себя содержать буду.

Сообщенныя конфиденціально рѣшеніи при семъ со многимъ благодареніемъ возвращаются; а та партія, которая возстановленію герцога Б. противится, весьма тихо поступаетъ, жалуяся только на правительство господъ оберъ-ратовъ и домогаяся въ томъ перемѣны, не упоминая однакожъ ни мало о новомъ избраніи или представленіи какого кандидата. И тако я зѣло сумнѣваюсь, чтобъ республика ([24]) въ ея намѣреніяхъ от-

([24]) Польская. Курляндія состояла въ ленной зависимости отъ Польши.

совѣтовать могла, развѣ что она партикулярно далѣе инструирована была. Мнѣ думается, что фельдмаршалъ ([25]) многой омбражъ подать можетъ; но опасеніе чаятельно легко отнять можно бъ, а доброй солдатъ можетъ и княземъ быть. Однакожъ я въ семъ дѣлѣ, такъ какъ и всегда, безпристрастно поступать буду, только ваше благородіе преданнѣйше прошу о присылкѣ дальныхъ вѣдомостей.»

Отъ него же къ нему же. Изъ Цербста отъ 18 окт. 1744.

«Господинъ М. ([26]) не токмо прямо склонился, но и патріотически изъяснился, и нынѣ ожидать надобно, поступитъ ли его величество король Польской и республика на его и склоннаго шляхетства сентименты, и не имѣетъ ли Россія при томъ какихъ другихъ видовъ. А между тѣмъ я вашему благородію за имѣвшіеся въ томъ труды весьма обязанъ, и при томъ піесу названную Голандской Патріотъ испрашиваю, и я не премину издержки наградить.»

Переписка эта не привела къ цѣли, и выборъ Христіана Августа не состоялся, вопреки искательствамъ супруги его.

Между тѣмъ сговоръ дочери ихъ совершился. Іюня 28-го 1744 года (ровно за 18 лѣтъ до дня воцаренія) въ Головинскомъ дворцѣ, приняла она Православный Грекороссійскій законъ и произнесла символъ вѣры на церковно-славянскомъ языкѣ([27]), къ умиленію набожной императрицы; а на другой день была обручена съ великимъ княземъ.

Вскорѣ весь дворъ отправился на богомолье въ Кіевъ: Разумовскому хотѣлось, чтобъ императрица посѣтила любимую его Малороссію. Женихъ и невѣста съ матерью сей послѣдней ѣхали особо, и во время путешествія Іоанна Елизавета продолжала поддерживать вредную для себя переписку съ Германіею. Письма ея, разумѣется, подвергались перлюстраціи, чему и обязаны мы сохраненіемъ ихъ въ нашемъ архивѣ.

Экстрактъ изъ письма ея высоко-княжеской свѣтлости герцогини Цербской къ герцогинѣ Саксенъ-Готской. Изъ Москвы 27 іюля 1744.

«Правда, дражайшая сестрица, что я моего добраго и дорогаго Августа предупреждена пахожу. Онъ дѣйствительно противъ меня, и под-

([25]) Т. е. чинъ Прусскаго фельдмаршала, принадлежавшій Христіану-Августу.

([26]) Морицъ Саксонскій?

([27]) Объ этомъ говорится въ Цейдлеровомъ Лексиконѣ.

линно онъ мнѣ несправедливость чинитъ. Однакожъ онъ по совѣту моему во Фландрію поѣхалъ, чѣмъ я толь наипаче довольна, что то подѣйствовало: ибо, когда я о томъ ея императорскому величеству сказала, то она ему 10.000 руб. въ презентъ пожаловала. Благополучно бъ для Голштиніи было, ежели бъ онъ статгалтеромъ тамъ учиненъ быть могъ; но тому еще не время, ибо его прилежное желаніе непріятелямъ Голштинскаго дома желаемой случай подать могло бъ къ произведенію подозрѣній, которымъ по благоразумѣнію себя подвергать не надлежитъ. Повѣрьте мнѣ, что я, будучи на мѣстѣ, состояніе здѣшнее знаю и сердце правое имѣю.»

Другой экстрактъ изъ ея письма къ той же герцогинѣ изъ Москвы, отъ 4 августа 1744.

«Я радуюся, что вы мною довольны; однакожъ вѣдаю, что вы не весьма довольны по причинѣ моего брата Августа; но ласкаю себя, что вы удовольствуетеся, когда я вамъ скажу, что его послушность отъѣздомъ въ Фландрію благополучное дѣйство произвела: ибо ея императорское величество приказала къ нему перевесть 10.000 руб., а остальное равномѣрно утишиться не приминетъ; по меньшей мѣрѣ я никакого старанія въ томъ прилагать не оставлю.»

Переводъ съ письма его высококняжеской свѣтлости принца Августа къ ея свѣтлости герцогинѣ Ангальтъ-Цербской изъ Турне, отъ 13 октября 1744.

«Я не преминулъ получить ваше милостивое письмо, отправленное за двѣ мили отъ Кіева, въ то время, когда я къ баталіи съ непріятелемъ въ маршѣ находился, что̀ препятствовало мнѣ по нынѣ на оное отвѣтствовать. Вы безъ трудности разсудите, дражайшая и любезнѣйшая моя сестра, какое увеселеніе оное письмо мнѣ причинить могло, будучи накануне окончанія моей жизни ([28]). Ежели бъ я не столько флегматикъ былъ, какъ я есмь, то оное не знаю, что̀ во мнѣ произвесть могло бъ. Но какъ бы то ни было, я вамъ за то зла не желаю, и будьте удостовѣрены, что, не смотря на все то, должная моя къ вамъ дружба и любовь

([28]) Вѣроятно это самое письмо въ которомъ Іоганна Елизавета говорила брату, что лучше бы ему погибнуть на войнѣ, чѣмъ добиваться администраціи въ Голштиніи и черезъ то идти на перекоръ старшему брату, наслѣднику Шведскому (Mémoires, 33 и 34).

въ сердцѣ моемъ никогда быть не престанутъ. Я сокрушаюся, видя васъ противъ меня огорченныхъ; но разсудите, сестрица, что вы въ томъ не правы, когда упоминаете, что письмо мое къ вамъ противъ васъ было. Вы не хорошо то поняли. Я досадовалъ противъ моихъ клеветниковъ и противъ тѣхъ, кто меня съ вами ссоривалъ; ибо, Богъ мнѣ свидѣтель, что я столько повѣренности къ вамъ имѣю, что я предовольно извѣстенъ, что вы никогда ничего противъ меня сдѣлать не можете; но другіе токмо вашу къ нимъ милость худо употребляютъ. Я вамъ подробно на все не отвѣтствую, ибо я съ вами ссориться всеконечно не желаю. Оригиналъ, копію и все что̀ вы изволите, беречь буду. Меня увѣдомляютъ, что вы вскорѣ въ Германію возвратиться намѣреніе имѣете; я васъ искать буду и въ полчаса все вамъ предъявлю и васъ удостовѣрю дружески о томъ, коимъ образомъ, что̀ до меня принадлежитъ, васъ обольстили.

«Я уповаю, дражайшая моя сестрица, что вы мною нынѣ довольны будете. Что жъ до меня принадлежитъ, то я, хотя бъ вы мнѣ и не знаю что сдѣлали ([29]). Правда, что я самое дѣло ненавидѣлъ бы, но дружба и согласіе, которыя по сродству быть имѣютъ, отъ того претерпѣвать не долженствуютъ. Таковы суть, дражайшая моя сестрица, мои сентименты. Я вѣдаю, что и вы таковые же имѣете, и для того прекратимъ всякую опечаливающую корреспонденцію и возстановимъ древнюю, такову, какова она прежде бывала. Я еще вамъ, дражайшая сестрица, скажу, что кампанія окончилася и что я въ 15 дней въ Голштиндію поѣду. Ежели что либо тамъ къ желаніямъ вашимъ находиться будетъ, то я вашихъ повелѣній ожидать стану».

На франц. оригиналахъ этихъ писемъ означено, что они приложены были (въ копіяхъ) при письмѣ принца Августа къ нашему государств. канцлеру изъ Турне, $\frac{2}{13}$ окт. 1744.

Христіанъ Августъ 23 февр. 1745 г. въ письмѣ къ графу Бестужеву дочь свою, «при вскорѣ наступающемъ супружествѣ, въ благосклоннѣйшее попеченіе наидружебнѣйше и наилутче рекомендуетъ», а въ постскриптѣ проситъ, чтобы Шривера не переводили въ Стокгольмъ, а оставили при Берлинскомъ дворѣ, у министровъ коего онъ имѣетъ большой доступъ.

([29]) Съ боку приписано: *Сенса* (т. е. смысла) *недостаетъ*. Онаго нѣтъ и въ подлинникѣ, съ коимъ мы сличали этотъ современный переводъ.

Бракосочетаніе Екатерины послѣ долговременной отсрочки, происшедшей по причинѣ тяжкой болѣзни великаго князя, совершилось наконецъ въ С. Петербургѣ 21 августа 1745 года, при чемъ постановлено было, что въ случаѣ бездѣтной кончины великаго князя наслѣдницею Россійскаго престола будетъ Екатерина (Цейдлеровъ Лексиконъ, стр. 1597)— условіе чрезвычайно важное и объясняющее намъ весь послѣдующій образъ дѣйствій Екатерины. Есть извѣстіе, что думали отложить свадьбу еще на время; но къ ускоренію оной содѣйствовало желаніе императрицы, чтобы Іоанна Елизавета уѣзжала къ себѣ домой. Въ исходѣ сентября того же года она простилась съ дочерью, и онѣ уже никогда больше не свидѣлись. Императрица чувствовала себя обманутою въ своемъ благорасположеніи къ Голштинскому дому: старшій членъ онаго, по ея милости будущій король Шведскій, совсѣмъ перешелъ на сторону враговъ Россіи; братъ его Августъ былъ уже слишкомъ простъ и легкомысленъ ([30]); Іоанна Елизавета докучала неумѣстнымъ и неумѣреннымъ вмѣшательствомъ въ дѣла политическія. Ея отъѣздомъ воспользовались для слѣдующаго порученія.

Переводъ съ письма отъ ея императорскаго величества къ ея свѣтлости принцессѣ Анальтъ-Цербстской, всевысочайше подписаннаго съ 8 д. октября, а отправленнаго 9 числа того жъ мѣсяца 1745 съ кабинетнымъ куріеромъ Солицовымъ.

«Мадамъ моя племянница. Я за потребно разсудила вамъ рекомендовать, по прибытіи въ Берлинъ, его величеству королю Прусскому внушить, что мнѣ весьма пріятно будетъ, ежели полномочнаго своего министра барона Мардефельда отозвать, а на его мѣсто какого другаго, кромѣ господина Фокерода, прислать изволитъ, обѣщая себѣ отъ искусства вашей свѣтлости, что вы стараніе приложите сіе представленіе наилутчимъ образомъ препровождать и его величеству уразумѣть дать, что я моимъ требованіемъ никакого иного вида не имѣю, какъ съ нимъ дружбу и совершеннѣйшее согласіе ненарушимо содержать ([31]).

([30]) См. отзывъ о немъ Елизаветы въ Р. Архивѣ 1863, стр 366.

([31]) Фридрихъ, въ свою очередь, пожелалъ, чтобъ отозвали изъ Берлина гр. Н. Г. Чернышева.

Впротчемъ я вамъ желаю, мадамъ, щастливаго пути, и есмь, мадамъ моей племянницы, наисклоннѣйшая добрая пріятельница.»

Уже самое порученіе это было крайней непріятностью: Ангальтъ Цербская княгиня снаряжена въ Россію изъ Берлина для скрѣпленія дружбы съ Россійскою императрицею, а теперь, при возвращеніи своемъ въ Берлинъ, должна была передать требованіе, знаменовавшее сильную остуду. Въ это время Елизавета Петровна уже вполнѣ убѣдилась въ томъ, что̀ такое Фридрихъ по отношенію къ Россіи и вступала въ тѣсный (но еще пока секретный) союзъ съ Маріею Терезіею. На пути въ Берлинъ, Іоанна Елизавета писала къ императрицѣ изъ Риги 11 октября 1745.

«Милостивая государыня! Присланной отъ в. имп. в. куріеръ вчера въ вечеру презрядные подарки, чѣмъ вы меня вновь милостиво почтить соизволили, мнѣ вручилъ.

«Имѣю честь вашему имп. вел. при семъ то письмо приложить, о которомъ я съ вами говорила, но за обстоятельствомъ моего отъѣзда я столько засуетилась, что я позабыла оное вручить въ то время, когда мнѣ его отдать надлежало.... Великая княгиня во всѣхъ своихъ письмахъ живо и проницательно изображаетъ милости в. и. в—ва къ ней, за что я дерзаю нижайше благодарить.»

19 ноября она прибыла къ себѣ въ Цербстъ, послѣ 22-хъ мѣсячной отлучки. Безъ нея умерла другая, малолѣтняя дочь ея Елизавета, и ея семейство теперь состояло изъ старика-мужа и ребенка-сына.

Сношенія съ Петербургомъ, хотя и затрудненныя, но продолжались.

Отъ $\frac{30}{19}$ іюля 1746 г. Іоанна Елизавета между разными изъявленіями своей преданности писала: «Дерзаю всегда рекомендовать той высокой протекціи и милости, которыя ваше величество понынѣ дражайшему моему у васъ оставленному закладу оказывать удостоивали. Она питалася, когда я ее подъ моимъ сердцемъ еще носила, тѣми сентиментами, по которымъ я тогда еще желала, чтобъ все во свѣтѣ одушевленное, столько жъ какъ и я, предано было по склонности, и какъ дѣйствительно я счастіе имѣю быть таковою по благодарности, къ освященной персонѣ вашего императорскаго величества.»

Отецъ Екатерины и его братъ Іоганнъ-Людвигъ письмомъ 19 сентября 1746 просили императрицу Елизавету Петровну уладить ихъ ссору съ курфирстомъ Саксонскимъ за какія-то земли. «Оригиналъ включенъ въ кувертѣ къ ея императорскому высочеству, великой княгинѣ,

поднесенъ императрицѣ чрезъ Марью Симоновну Чоглокову.» Велѣно ходатайствовать въ Варшавѣ гр. М. П. Бестужеву.

Христіанъ Августъ 15 октября 1746 г. писалъ къ своему зятю, что у него лежатъ въ готовности къ выдачѣ «25 тыч. рейхсталеровъ приданыхъ и на уборъ денегъ, которыя ея императорскому высочеству изъ доль здѣшней земли и гершафства Еверскаго опредѣлены, и ожидаетъ изволительной его диспозиціи.» При этомъ напоминаетъ, что отецъ его герцогъ Голштинскій обѣщалъ его супругѣ при ея съ нимъ бракосочетаніи, «къ 10 тыс. рейхсталеровъ приданаго, находящимся и донынѣ въ Голштинской каморѣ, прибавить, когда его обстоятельства поправятся.»

Дочери онъ пишетъ, чтобъ она старалась за эти деньги получить отъ мужа взаимную отказную дачу изъ Голштинскихъ земель.

5-го числа ноября 1746 года умеръ братъ его Іоганнъ Людвигъ, соправительствующій князь. Отецъ Екатерины остался единоправителемъ.

Лѣтомъ этого года былъ у нихъ въ Цербстѣ и Дорнбургѣ вицеканцлеръ, гр. Воронцовъ, и съ этихъ поръ у матери Екатерины завелась пріятельская переписка съ гр. Воронцовымъ и его женою Анною Карловною (ур. Скавронскою).

Къ дочери она писала черезъ кн. Голицына отъ 27 ноября 1746 г.: «Я буду о фамильныхъ дѣлахъ упоминать, о которыхъ я весьма радуюсь, что оныя совершенной ненадежности почтъ не ввѣряю. Вы имѣете, моя дражайшая дщерь, помнить, что вскорѣ послѣ вашего сговора требовано отъ васъ формальнаго отрицанія отъ нѣкоторыхъ правъ ([32]). Вы такожъ чаятельно еще не запамятовали, что я оное отрицаніе тогда же за весьма упорное поставляла, что въ разсужденіи сего я умедляла оное представить; но что напослѣдокъ, поспѣшая оное, прежде отъѣзда моего, въ дѣйство произвесть, я, противу моей воли, на то поступила, дабы не показать неугодности вашему родителю, которой съ своей стороны къ тому склонился токмо для успокоенія покойнаго вашего дяди: ибо онъ все потеряннымъ чаялъ бы, ежели бъ оное отрицаніе не учинилось. И тако оное, какъ вамъ, такъ и государю великому князю, дозволено было въ самой день моего изъ Санктпетербурга сюда отъѣзда ([33]). Я о семъ понынѣ не весьма безпокойною находилась, по той причинѣ, что я приз-

---

([32]) Т. е. правъ на наслѣдіе въ Цербстѣ?

([33]) 27 сент. 1745 г.

навала, что несправедливо есть малоосновательнымъ опасностямъ вдаваться и пр. И вашъ родитель, и я вашего дядю изъ тѣхъ мыслей вывели, которыя онъ въ себѣ имѣлъ было, такъ что онъ намѣренъ былъ просить ея императорское величество о позволеніи паки размѣнять актъ подписанія противъ другаго, который бы не постановлялъ ваше отрицаніе какъ на той же кондиціи, съ каковою чинены были всѣ отрицанія прежде васъ бывшихъ принцессъ.

«Онъ и умеръ съ тѣмъ намѣреніемъ; а по кончинѣ его тотчасъ поспѣшили мы учинить другой актъ, которымъ устранитися имѣетъ тотъ актъ, который намъ столько тяжекъ былъ. Принцъ Голицынъ имѣетъ пакетъ, въ коемъ помянутой актъ находится и изъяснитъ резоны, для коихъ мы на то поступаемъ. Я за потребно чаяла къ тому прибавить сіи подробности, дабы вы, ежели потребно будетъ, могли о томъ представить ея императорскому величеству. И не трудно вамъ будетъ ей изъяснить ту власть, которую въ здѣшней землѣ большіе братья имѣютъ при актахъ такой важности; тако жъ и объ отмѣнѣ ситуаціи, приключаемой смертію какого либо принца въ наслѣдникахъ. Ибо, положить, чтобъ отецъ вашъ умеръ прежде вашего дяди и безъ наслѣдства мужеска полу, то Еверская маетность досталась бы вашей теткѣ; нынѣ же вмѣсто того, какъ бы Богъ ни благоволилъ опредѣлить, оная маетность безпрекословно достаться имѣетъ вамъ и дѣтямъ вашимъ, когда мужеска пола наслѣдниковъ не будетъ. Можно бъ на то мнѣ и не безъ справедливости отвѣтствовать, что сіе походило бъ (въ разсужденіи достоинствъ, кои васъ окружаютъ) на одну каплю воды, въ океанъ пролившуюся. Правда, что отецъ вашъ и я не можемъ на то поступить, чтобъ приключить уничтоженіе за законнорожденныхъ съ вами и которыхъ права имѣете вы въ природѣ вашей (34). Чаю, что позволится мнѣ къ сему дѣлу прибавить другое, и отмѣннаго состоянія. Вамъ неизвѣстно, дражайшая моя дочь, что достойной вашъ родитель начинаетъ часто быть боленъ; я только одного сына имѣю, который еще подверженъ не былъ ни одному изъ своихъ правъ, кои здравіе утверждаютъ (35) и прежде которыхъ всего

(34) Въ подлинникѣ: Ne saurions nous resoudre à occasionner l'anéantissement des legitimes nés avec vous et dont vous portez les droits dans le sang qui coule en vos veines.

(35) Qui n'a encore jamais subit aucun de ses droits qui affirment la santé.

еще опасаться надлежитъ. Соблюди его Боже! Но ежели по моему несчастію (о чемъ и мысль одна въ ужасъ меня приводитъ) я ихъ пережила бы: разсудите, въ какія я тогда попадуся руки и что я буду? А могу ли я надѣяться, что я въ васъ всегда найду дочернее сердце, и у великаго князя сродническіе сентименты и охотное желаніе къ доставленію мнѣ высокаго защищенія ея императорскаго величества, дабы мнѣ полезныя кондиціи доставить? Льстите по меньшей мѣрѣ меня такимъ утѣшеніемъ, подая мнѣ отъ времени до времени дражайшія о васъ извѣстія. Ежели бы вы вѣдали, какую они радость всей фамиліи приносятъ, не дорого бъ вы ихъ намъ уступали.» Подпись: «Madame, de votre altesse impériale la très humble fidelle mère et servante I. Elisabeth.» ([36])

О томъ же писалъ къ канцлеру гр. Бестужеву отецъ Екатерины и приложилъ къ письму своему начертаніе слѣдующаго отрицательнаго листа.

«Божіею милостію мы Екатерина, бракосочетанная великая княгиня Всероссійская, урожденная княгиня Ангальтская, герцогиня Саксонская, Енгернская и Вестфальская, графиня Асканская, государыня Цербстская, Бернбургская, Еверская и Книпгаузенская, обѣщаемъ и обязуемся по полученіи апробаціи всепресвѣтлѣйшія государыни Елисаветы, императрицы и самодержицы Всероссійскія, и съ собственнаго нашего сердечнолюбезнѣйшаго государя супруга свѣтлѣйшаго князя и государя Петра, великаго князя Всероссійскаго, наслѣдника Норвежскаго, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, Сторнмарнскаго и Дитмарсенскаго, графа Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго, дозволенія допущенія, вѣдома и изволенія, за насъ и нашихъ родныхъ наслѣдниковъ: что, сколь долго отъ нашего государя родителя, свѣтлѣйшаго князя и государя, государя Христіана-Августа, князя Ангальтскаго, герцога Саксонскаго, Енгернскаго и Вестфальскаго, графа Асканскаго, государя Цербстскаго, Бернбургскаго, Еверскаго и Книпгаузенскаго наслѣдники мужескаго или же при насъ и еще женскаго полу будутъ, то мы, или наши родные наслѣдники, ни на княжескіе Ангальтъ-Цербстскіе земли, волости и грунты, ни гершафство Еверское, ниже на отцовскія движимыя имѣнія притязаніе чинить или

([36]) Т. е. мадамъ, вашего императорскаго высочества нижайшая вѣрная мать и слуга.

участіе въ томъ принимать не хощемъ и не имѣемъ. А ежели вышепомянутое наслѣдство мужскаго и женскаго пола когда либо вовсе пресѣчется (отъ чего однакожъ Боже милостиво да сохрани), то мы себѣ и нашимъ роднымъ наслѣдникамъ имянно предоставляемъ все то что̀ въ такомъ случаѣ неудѣльной княжеской Ангальтъ-Цербстской дщерѣ и аллодіальной наслѣдницѣ по правамъ и обыкновенію принадлежитъ и принадлежать можетъ, развѣ что его свѣтлость вышеупомянутой нашъ государь-родитель о томъ инако духовною опредѣлилъ бы, которую мы по дочерней должности исполнять чрезъ сіе обнадеживаемъ, да и роднымъ нашимъ наслѣдникамъ то препоручить же хотимъ. Во свидѣтельство и увѣреніе всего того мы и его любовь нашъ государь супругъ сей отрицательной листъ собственноручно подписали и нашу великокняжескую секретную печать къ тому съ вѣдома привѣсить повелѣли вѣрно и безподложно. Въ С.-Петербургѣ.»

Мы знаемъ отъ самой Екатерины, что ея сношенія съ матерью были затруднены и потому производились тайно и черезъ третьи руки. Великая княгиня должна была только подписываться подъ офиціальными письмами въ Цербстъ, которыя даже и сочинялись не ею, а въ иностранной коллегіи у графа Бестужева, и состояли все изъ однихъ и тѣхъ же спросовъ и увѣдомленій о здоровьи и пр.

Отъ 31 января 1747 года Екатерина посылаетъ матери календарь, переданный ей для того отъ Петербургской академіи.

Отецъ Екатерины умеръ 16 марта 1747 въ Цербстѣ, какъ видно по письму ея матери къ гр. Бестужеву. (3 мая того же года скончалась сестра его Софія Христіана). Въ духовной своей онъ назначаетъ Екатерину своею единственною наслѣдницею въ случаѣ кончины малолѣтнаго ея брата, который, оставшись послѣ отца 13-ти лѣтъ отъ роду, наслѣдовалъ ему въ правахъ владѣнія. Но за несовершеннолѣтіемъ его, княжествомъ начала управлять наша Іоанна Елисавета. Вскорѣ, именно въ 1748 г., она, неизвѣстно почему, послала сына учиться въ Лозанну, и писала о немъ изъ Цербста 19 декабря 1749 къ дочери въ Москву: Mon fils est toujours à Lozanne en Suisse, gai comme pinçon, aplaudi par les maitres, aplaudi par les connaisseurs ([37]).

([37]) Т. е. сынъ мой все въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, веселъ какъ зябликъ; его хвалятъ учителя и люди знающіе.

Но, видно, Швейцарскіе учителя не были людьми проницательными, или мать обольщалась льстивыми похвалами: князь Фридрихъ-Августъ вышелъ очень дурнымъ государемъ. Въ 1752 году онъ вступилъ въ управленіе своимъ Цербстомъ, но прожилъ въ немъ не долго. Вопреки приверженности своей матери къ Фридриху Великому, молодой князь не скрывалъ своего отвращенія къ нему. Въ 1756 году, когда возгорѣлась Семилѣтняя война, у него въ Цербстѣ нашелъ себѣ убѣжище нѣкто маркизъ Де Френь (De Fraigne), преслѣдуемый Фридрихомъ Великимъ, какъ лазутчикъ Французскаго правительства. Фридрихъ потребовалъ, чтобъ Де Френь былъ удаленъ, и когда требованіе не было исполнено, Прусскій генералъ Зейдлицъ явился въ Цербстъ съ отрядомъ гусаръ съ тѣмъ, чтобы захватить Француза; но князь Цербскій, вмѣсто того чтобы его выдать, далъ ему помѣщеніе у себя въ замкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Прусскія войска, подъ командою извѣстнаго Клейста, окружили княжеское жилище и грозили стрѣлять въ случаѣ упорства. Маркизъ былъ выданъ. Король Прусскій написалъ къ Іоаннѣ Елисаветѣ письмо (изъ Бреславля 14 марта 1758) съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его къ такому поступку (Correspondance, X, 588); но Іоанна Елисавета и сынъ ея обратились съ жалобами въ Петербургъ и Вѣну на учиненное Прусскимъ королемъ насиліе, и такъ какъ эти жалобы ни къ чему, разумѣется, не повели (ибо и безъ того шла ожесточенная война), то мать и сынъ принуждены были бросить страну свою, разоряемую войсками, и уѣхали въ Гамбургъ ([38]).

Такимъ образомъ долголѣтняя связь съ Пруссіею была порвана. Казалось бы естественнымъ искать убѣжища въ Петербургѣ съ помощью дочери, тѣмъ болѣе, что Русскимъ великимъ канцлеромъ уже былъ тогда короткій знакомецъ Іоанны Елисаветы гр. М. Л. Воронцовъ; но сама дочь ея, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, находилась въ это время въ явной опалѣ у императрицы и едва не подверглась допросу по

([38]) Veyse, Geschichte der kleinen deutschen Höfe. Hamburg 1856, IV, 319—325. Молодой князь поселился въ Базелѣ и пріѣзжалъ къ себѣ въ Цербстъ лишь на нѣсколько времени по окончаніи Семилѣтней войны. Онъ прожилъ въ Базелѣ и Люксамбургѣ до 3 марта 1793, не заботясь вовсе о странѣ, доставлявшей ему и имя и деньги, и занимаясь вербовкою солдатъ за деньги для Австріи и Англіи. Съ нимъ угасъ княжескій Цербскій домъ. Какъ относилась къ нему его царственная сестра, см. въ Р. Архивѣ, 1866, 63.

поводу низверженія гр. Бестужева. Русская, довольно щедрая, пенсія и доходы изъ Цербста давали возможность Цербской княгинѣ жить въ свое удовольствіе. Свободная отъ всякихъ дѣлъ, она рѣшилась выбрать мѣстомъ жительства городъ, уже тогда самый веселый въ мірѣ и вполнѣ соотвѣтствовавшій ея вкусамъ, ея любви къ искусствамъ и къ оживленнымъ бесѣдамъ. Въ 1758 г. Іоанна Елисавета поселилась въ Парижѣ, подъ именемъ графини Ольденбургской и такъ какъ она отчасти пострадала за покровительство, оказанное Французскому маркизу, то король Людовикъ XV отвелъ ей помѣщеніе въ Люксамбургскомъ дворцѣ. Нѣкто Шампо (Champeaux), Французскій дипломатическій чиновникъ, провожалъ ее во Францію. Онъ же уговорилъ ее писать свои Записки о Россіи, которыя къ сожалѣнію она успѣла довести только до воцаренія импер. Елизаветы ([39]).

Въ Парижѣ она вела жизнь роскошную, любила играть въ карты. окружала себя разными проходимцами, въ числѣ коихъ принимала у себя извѣстнаго чудодѣя гр. Сенъ-Жерменя. Но жить пришлось ей не долго. Весною 1760 года, тяжко заболѣвъ, она пригласила къ себѣ Русскаго посланника при Французскомъ дворѣ князя Дм. Мих. Голицына, который такъ писалъ объ этомъ свиданіи въ Петербургъ къ великому канцлеру графу Воронцову:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Михаила Ларіоновичь,

«Изъ прежнихъ моихъ вашему сіятельству довольно извѣстно, что я не токмо по пріѣздѣ моемъ сюды ея свѣтлость княгиню Ангальтъ-Цербстскую нашелъ здѣсь въ весьма худомъ состояніи ея здоровья, но и что потомъ дня ото дни оная еще слабѣе прежняго становилась, а вчерашняго вечера ея свѣтлость, которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ и по истиннѣ жалостно было ее видѣть, нарочно меня къ себѣ призывать изволила и со мною въ цѣлой памяти и здравомъ разумѣ говорила съ немалою прискорбностью, что она чувствуетъ, что конецъ ея жизни приближается. При чемъ она едва не безутѣшна остается, да и не можетъ спокойно умереть, даже ([40]) не увѣрена будетъ, что ея

([39]) Записки эти не изданы. У насъ имѣется списокъ ихъ, сообщенный изъ Парижа княземъ Авг. П. Голицынымъ.

([40]) Слово *даже* князь Голицынъ употребляетъ, здѣсь и ниже, вмѣсто *пока*, Даже—есть сокращенное дондеже.

императорское величество, отъ коей она многими милостями, благодѣяніями и неизреченною щедростью взыскана была, ей великодушно отпустить соизволитъ все то, по чему она несчастіе имѣла оной гнѣвъ на себя навлещи, о чемъ она крайне сожалѣетъ и въ томъ признается не въ иномъ какомъ видѣ и не упоминая нимало о своихъ оставаемыхъ дѣлахъ, но единственно приноситъ свое повиновеніе по искренности ея сердца и должному респекту къ толь великой государынѣ. Которое все поручила мнѣ на крѣпко и со многою прозьбою вашему сіятельству подробно донести; а притомъ изволила мнѣ отдать приложенной при семъ пакетъ къ вамъ, милостивому государю моему, со включенными въ немъ грамотами къ ея императорскому величеству и къ ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ, чаятельно касающіяся до сей же матеріи, о которыхъ просила, чтобъ изволили ихъ тамо при удобномъ случаѣ поднести. И какъ она съ жадностью ожидаетъ на сіе желаемаго отвѣта, а особливо чтобъ вышеозначенное порадованіе ее застать могло еще живу, того ради рекомендовала мнѣ сіе отправить отсюды съ нарочнымъ курьеромъ немедленно.

«Что жъ надлежитъ до ея свѣтлости домашнихъ дѣлъ и расположеній обо всемъ оставающемся по ней, то уповательно оное отъ нея поручено будетъ Шведскому министру барону Шеферу, который всегда знакомъ былъ въ ея домѣ и во всю ея свѣтлости бытность здѣсь всякую ей угодность и услуги оказывалъ.

«При семъ включаю описаніе ея болѣзни и какія средства къ излеченію оной употреблялись, что я получилъ отъ доктора, которой ея свѣтлость пользуетъ.

«Я остаюся и проч. Кн. Д. Голицынъ.

«Парижъ въ 13 день Апрѣля 1760.» Получено 16 мая ([41]).

Изъ описанія болѣзни принцессы Ангальтъ-Цербской видно, что еще въ декабрѣ 1759 года она была весьма опасна. Болѣзнь ея была сопряжена съ мѣсячными очищеніями, перешла въ лихорадку и въ водяную. Лечили ее: «Гереншурнъ меньшой и Дела Сонне, которой — докторъ королевы.»

([41]) Вотъ какъ скоро доѣзжали въ Семилѣтнюю войну изъ Парижа въ Петербургъ *нарочные* курьеры!

Изъ бумагъ видно, что Екатерина посылала своей матери чаю и ревеню; но эта посылка не застала ее въ живыхъ, ибо чай и ревень шли чрезвычайно медленно, и о нихъ производилась долгая переписка.

На подлинномъ письмѣ князя Голицына къ гр. Воронцову съ боку приписано другою рукою:

«На поднесенной ея императ. величеству копіи написанъ слѣдующій его сіятельства ремаркъ: «Для совершеннаго обрадованія и успокоенія ея свѣтлости не соизволите ли в. и. в. милостивою грамотою отозваться, и о сочиненіи оныя буду ожидать высочайшаго повелѣнія. Переводы съ сихъ грамотъ при семъ подносятся, и всенижайше испрашиваю повелѣнія, соизволено ли будетъ отдать ея высочеству, чтобъ безвременно не приключить ея высочеству безпокойства и печали.»

19 Мая 1760 гр. Воронцовъ отвѣчалъ въ Парижъ кн. Голицыну:

«Письмо вашего сіятельства отъ 13 Апрѣля получилъ я исправно съ приложенными при томъ письмами ея свѣтлости принцессы Ангальтъ-Цербстской, съ которыхъ ея имп. величеству мною переводы немедленно поднесены. О крайне-печальномъ ея свѣтлости состояніи чувствую я совершенное соболѣзнованіе и сердечно же желаю вскорѣ быть въ состояніи обрадовать ея свѣтлость, по полученіи отъ ея имп. величества высочайшихъ повелѣній, какимъ нибудь удовольствительнымъ извѣстіемъ, *когда я по высочайшему ея величества указу принужденъ былъ письмомъ моимъ ее столько опечалить* (42).

«Что же до писемъ сей принцессы къ ея высочеству государынѣ великой княгинѣ касается, то я о врученіи оныхъ ожидаю напередъ испрашиваннаго мною отъ ея имп. величества приказанія, дабы не причинить государынѣ великой княгинѣ чувствительнѣйшей печали, естьли оная къ успокоенію ея высочества въ тожъ время не можетъ награждена быть какимъ нибудь пріятнымъ удовольствіемъ.»

Какое было упоминаемое здѣсь письмо, опечалившее княгиню Цербскую, мы не знаемъ. Вѣроятно импер. Елисавета приказывала сдѣлать ей выговоръ относительно ея образа жизни въ Парижѣ. Легкомысленная княгиня, на одрѣ болѣзни, вся въ долгахъ, къ довершенію бѣдъ не получала и обычной пенсіи своей изъ Россіи и обращалась туда съ мольба-

---

(42) Въ черновомъ подлинникѣ, съ котораго мы списали это письмо, напечатанныя здѣсь курсивомъ слова зачеркнуты.

ми о вспоможеніи. Деньги были посланы, но пришли въ Парижъ уже по ея кончинѣ. Въ донесеніи на высочайшее имя князь Д. М. Голицынъ писалъ изъ Парижа, отъ 20 мая 1760:

«Хотя ея свѣтлости вдовствующей принцессѣ Ангальтъ-Цербстской около двухъ недѣль до сего отъ ея болѣзни нѣсколько и легче быть становилось, однакожъ предъ тремя днями паки оная въ великую слабость пришедши, вчерась по-полуночи въ третьемъ часу уже жизнь свою скончала, о которомъ печальномъ прилучаѣ Шведской министръ отъ себя писалъ къ ея сыну, его свѣтлости владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому.»

Подробности читаемъ въ слѣдующихъ письмахъ князя Голицына.

Къ графу М. Л. Воронцову.

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Михаила Ларіоновичъ.

«Вашего сіятельства благосклоннѣйшее ко мнѣ письмо отъ 27 минувшаго апрѣля и съ приложеннымъ при томъ пакетомъ ко вдовствующей принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, въ которомъ чаятельно и упоминаемой вексель включенъ вмѣсто тридцати тысячь рублевъ на сто двадцать четыре тысячи пятьсотъ ливровъ, которые сочиняютъ за два года опредѣленную ей пенсію, я исправно получилъ уже по кончинѣ ея свѣтлости. Почему тотъ пакетъ удерживать буду у себя, даже впредь дойдетъ отъ вашего сіятельства наставленіе, кому оной мнѣ нынѣ отдать надлежитъ ([43]), то есть сыну ли ея свѣтлости владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому, когда онъ сюда прибудетъ, или какому повѣренному отъ него со изъятіемъ марки Сентъ-Симона, которому сего ввѣрить отнюдь невозможно: потому что оной, хотя и не послѣдней фамиліи, но самыхъ худыхъ качествъ человѣкъ и здѣсь у многихъ въ плохой репутаціи находится. Онъ во свое время представленъ былъ просто той принцессѣ на ряду съ другими, но ласкательствомъ своимъ и услужностью сдѣлался у нея столь знакомымъ, что она имѣла къ нему отличную довѣренность и милость, почему онъ совершенно уже правилъ ея домомъ и въ тяжкой оной болѣзни при ней былъ почти безотлучно. По коимъ обстоятельствамъ многіе думаютъ, что онъ единственно причиною былъ тако называемой оставленной отъ нея духовной ([44]), которой содержаніе

([43]) Съ боку приписано: „Сей вексель отдать повелѣно его свѣтлости владѣющему князю Ангальтъ-Цербстскому.“

([44]) Съ боку приписано: „Копію съ сей духовной ея императорское величество

всѣмъ непонятно кажется, и генерально сожалѣютъ, что столь разумная принцесса толь много его жаловала, не вѣдая прямо объ его странныхъ поступкахъ.

«Ея свѣтлость, какъ слышно, многія письма сама сожгла, а къ сыну своему, такожъ и къ правленію въ Цербстъ ею изготовленныя поручила оному же Сентъ-Симону доставить по ихъ адресамъ. Роспись долгамъ, которыхъ какъ говорятъ болѣе четырехъ сотъ тысячь ливровъ счисляется, имѣетъ будто въ рукахъ своихъ помянутой Сентъ-Симонъ и принятой здѣсь тою принцессою интендантъ.

«Куды дѣвались бриллiанты и жемчюгъ, того точно никто не знаетъ, а думаютъ, можетъ быть не безъ основанія, что Сентъ-Симонъ изъ дому ихъ скрытно уже вывезъ.

«Желательно бъ было, чтобъ вышеозначенной принцъ вскорѣ сюды пріѣхалъ или надежного кого, исключая однакожъ Сентъ-Симона, отъ себя уполномочилъ ради приведенія всего того дѣла въ порядокъ и разплаты съ заимодавцами.

«Во всѣхъ тѣхъ вещахъ, по здѣшнимъ правамъ объ умершихъ иностранныхъ, король бы самъ могъ быть наслѣдникомъ, ежели бъ та предосторожность, какъ слухъ носится, не взята была заблаговременно на турализированіемъ здѣсь ея свѣтлости.

«Шведской министръ баронъ Шеферъ сообщилъ здѣшнему министерству токмо для лица копію съ той духовной, а впротчемъ, зная, что вся довѣренность была единственно къ часто упоминаемому Сентъ-Симону и расположенія письменныя по кончинѣ ему же оставлены, ни мало не находитъ пристойности вступаться въ сіе дѣло, почему и мнѣ къ тому слѣдъ не меньше жъ его пресѣкается.

«Нижайшій покорнѣйшій слуга князь Д. Голицынъ.

«Парижъ въ 27 день маія 1760 году.» Получено 28 іюня.

Къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ:

«Всемилостивѣйшая государыня!

«На третей день по кончинѣ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангальтъ-Цербстской пріѣзжалъ ко мнѣ марки Сентъ-Симонъ, камеръ-юн-

---

повелѣть изволила сообщить ея высочеству великой княгинѣ, а запискою отъ его сіятельства вице-канцлера отъ 2 іюля 1760 знать дано, что съ сего письма также и съ духовной копіи сообщены для е. и. в. госуд. вел. княгини.“

керъ двора здѣшняго принца крови графа Дела-Марша и отдалъ мнѣ отъ ея свѣтлости собственноручное письмо, которое при семъ оригинально прилагаю, чѣмъ мнѣ отъ нея поручается, чтобъ я приходящія письма изъ Россіи отдавалъ всѣ безъ изъятія помянутому Сентъ-Симону. А на конвертѣ того подписано было, чтобъ то письмо онымъ Сентъ-Симономъ вручено было по ея преставленіи. А какъ при томъ помянутой марки мнѣ сообщилъ и копію, включенную здѣсь же, съ духовной, ежели ее такъ назвать можно, которою онъ опредѣляется душеприкащикомъ, то по силѣ ея оной отъ меня требовалъ, что когда изъ Санктпетербурга вексельныя письма пришлются на имя ея свѣтлости, то бъ оныя я ему отдалъ. На которое я ему Сентъ Симону объявилъ, что я о помянутомъ случившемся печальномъ приключеніи крайнѣйше сожалѣю; но дабы оному Сентъ-Симону всѣ получаемыя письма, а наипаче векселя отдавать, того я собою учинить не могу, ибо завишу въ томъ отъ дальняго высочайшаго наставленія.

«Всѣ принадлежащія ея свѣтлости вещи отъ здѣшняго правленія перепечатаны и тѣмъ оныя отъ расхищенія сберегутся, даже его свѣтлость владѣтельной принцъ Ангальтъ-Цербстской сюды самъ прибудетъ или надежнаго кого къ осмотру и переписи того отъ себя уполномочитъ. А когда здѣшней дворъ собою въ то дѣло вступился, то постороннимъ въ оное мѣшаться совсѣмъ непристойно бъ было, въ разсужденіи чего ни Шведскому министру, ни мнѣ при томъ болѣе дѣлать нечего, какъ подъ рукою развѣдывать станемъ о дальнихъ по сему послѣдствіяхъ.

«Незадолго до кончины той принцессы изволила она приказывать обрѣтающейся при ней фрейлинѣ Лизингъ, дабы отвезено было въ Цербстъ ея тѣло, которое уже бальзамировано.

«Всеподданнѣйшій рабъ князь Д. Голицынъ.

«Парижъ, въ 27 день маія 1760 году.»

Вотъ эта предсмертная, собственноручная записка:

Je prie Monsieur le Prince Gallitzin de vouloir bien remettre toutes les lettres sans exception qui pourroient arriver pour moi de Russie à Monsieur le Marquis de St. Simon qui sait mes intentions à cet égard. A Paris 6 May 1760.

Elisabeth d'Anhalt née Holstein.

На конвертѣ, съ печатью чернаго сургуча:

A monsieur le Prince Gallitzin Chambellan. Je prie Monsieur le Marquis de St. Simon de remettre la présente au Prince après ma mort ([45]).

Въ завѣщаніи, приложенномъ къ реляціи кн. Голицына (№ 15), между прочимъ сказано: «Естьли смерть моя воспослѣдуетъ прежде присылки сюда векселя, котораго я на мою долю немедленно ожидаю изъ Россіи и который состоять имѣетъ въ 68 тысячахъ ливровъ, также и до полученія оттуда же еще и другихъ векселей на нѣкоторое число денегъ, кое однако не опредѣлено, то въ такомъ случаѣ я симъ уполномочиваю господина Марки Сентъ Симона къ принятію по онымъ векселямъ денегъ и къ дачѣ въ томъ отъ себя росписки; а по присовокупленной къ сему росписи ему господину Марки извѣстно будетъ, на что оныя деньги употребить должно. Учинено въ Парижѣ, мая 6-го дня 1760 года.

«Выдастъ онъ г-нъ Марки всѣмъ моимъ служанкамъ и дѣвицѣ Линденгеновой, такожъ и служанкамъ ея, надлежащее имъ за четверть года жалованье, чему реестръ найдетъ онъ въ зеленой сумкѣ.

«Такожде заплатитъ онъ надлежащимъ образомъ за труды докторамъ и лекарямъ, такожъ и караулу. Барону Шеферу выдастъ онъ сто луидоровъ, изъ которыхъ капеланъ его получитъ двадцать луидоровъ. а достальные отдадутся бѣднымъ, находящимся въ гошпиталѣ, къ домашней его церкви принадлежащей.»

Другія статьи завѣщанія также показываютъ заботливость о прислугѣ.

«Объявляю, что всѣ письма, кои находятся въ большомъ шкапу въ желтомъ моемъ кабинетѣ, такожъ и тѣ, кои лежатъ въ баулахъ красною кожею обитыхъ и кои находятся въ томъ же кабинетѣ, касаются единственно до моихъ Германскихъ дѣлъ, и прошу г-на Марки Сентъ-Симона, чтобъ сихъ писемъ въ опись не вносить, а отдать оныя господину князю Ангалтцербстскому или кому онъ повѣритъ.

([45]) Т. е. „Прошу князя Голицына, чтобы всѣ безъ исключенія письма, которыя могутъ придти ко мнѣ изъ Россіи, онъ обязательно доставлялъ г. маркизу Сентъ-Симону, который знаетъ мои намѣренія по сему предмету. Парижъ 6 мая 1760. Елисавета Ангальтская урожд. Голштинская.“ На конвертѣ: „Господину камергеру кн. Голицыну. Прошу г. маркиза Сентъ Симона отдать это князю послѣ моей кончины.“

«Объявляю, что послѣ смерти моей не имѣетъ быть учинено никакого обыску алмазнымъ моимъ вещамъ, ниже кто либо въ томъ обезпокоенъ, ибо учинила я о томъ распоряженіе еще при жизни моей.»

О дочери своей Іоанна Елизавета не упоминаетъ въ духовной ни единымъ словомъ. Вообще эта духовная касается исключительно дѣлъ имущественныхъ.

При французскомъ дворѣ наложенъ былъ по кончинѣ Іоанны Елисаветы трауръ на четыре дни; «а ихъ королевскія высочества дофинъ и дофиня изъ особливой атенціи носили оной еще три дни долѣе большаго двора.» При нашемъ дворѣ трауръ наложенъ уже гораздо позднѣе, именно съ 2-го Октября на три недѣли.

Сынъ самъ не пріѣхалъ, а вмѣсто себя прислалъ въ Августѣ 1760 г. «статскаго министра и обермаршала барона Буркерсроде,» который и принялъ двухгодичную пенсію, присланную изъ Россіи покойной княгинѣ (30 тысячъ рубл.). или 124,500 ливровъ. Многочисленнымъ заимодавцамъ не было уплачено, и долго послѣ къ Русскому двору обращались съ требованіями объ уплатѣ дѣйствительныхъ и вымышленныхъ долговъ княгини Цербской ([46]).

*
* *

Кончина матери была событіемъ въ жизни Екатерины II-й лишь въ томъ отношеніи, что окончательно обрывались черезъ то связи ея съ Германіей. Годъ тому назадъ, во время таинственныхъ объясненій съ императрицею Елисаветою черезъ духовника Дубенскаго, Екатерина еще могла просить, чтобъ ее отослали назадъ въ Германію. Теперь, съ 1760 года, ей не на кого больше сослаться, не на кого опереться. Судьба ея окончательно связалась съ Русскимъ государствомъ....

([46]) См. письмо къ И. И. Бецкому такъ называемаго шталмейстера Іоанны Елисаветы маркиза Фоленя въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1863, IV, стр. 120—130, въ матеріалахъ объ И. И. Бецкомъ.

СВѢДѢНІЯ

изъ С.-Петерб. Вѣдомостей 1744—1745 гг. о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербстской.

I.

1744.

Ангальтъ-Цербстская княгиня, мать Екатерины II, прибыла въ Петербургъ *3 Февраля* 1744 г.; встрѣчена въ зимнемъ дворцѣ знатью, съ пушечной пальбою, и *6 Февраля* выѣхала въ Москву (Вѣд. № 11), куда прибыла 9, съ каммергеромъ Нарышкинымъ и 4 фрейлинами. — Въ Москвѣ заняла особо убранное «крыло» императорскаго двора. Государыня приняла гостей милостиво и «оказательства благоволенія и склонности Ея Величества отъ дня до дня тѣмъ больше умножались, чѣмъ больше усматриваются въ обѣихъ Принцесахъ достохвальнѣйшія свойства и несравненныя дарованія.» Часто ѣздятъ въ саняхъ по городу; была съ визитомъ у княгини Гессенъ-Гомбургской, а на другой день у Лестока (Вѣд. 25).

6-го Марта 1744 г. Екатерина II занемогла въ Москвѣ «лихорадкою отъ флюса;» лечили Лестокъ, Санхецъ и Боергаве Но флюсъ измѣнился въ опасный ревматизмъ съ одышкою. Государыня печалилась и сожалѣла; доктора пеклись неусыпно; больная всегда «неусыпную терпѣливость оказывала.» «Чрезъ всегдашнее употребленіе наилучшихъ лекарствъ и частое пусканіе крови,» опасность миновалась. При первомъ кровопусканіи, Императрица пожаловала больной «шлейфъ на шею» и брилльянтовыя серьги отъ 50 до 60 т. р., а Вел. Князь часы съ брилльянтовою цѣпочкою (Вѣд. № 25). *Съ 13 по 19 Марта* легче. Императрица, переѣхавши 18 Марта въ Кремль, каждый вечеръ посѣщаетъ больную. *19 Марта* былъ опаснѣйшій день. Но больная «много мокроты выкинула.» Кризисъ миновался счастливо (№ 26).

Отъ 27 Марта. Принцесѣ гораздо легче (№ 28). *20 Апрѣля* впервыя вышла и публично кушала. *21 Апрѣля* поздравленіе со днемъ ея рожденія. У матери обѣдъ на 40 персонъ, въ Высочайшемъ и Великаго Князя присутствіи, съ пальбою при тостахъ. Балъ у нихъ же. Ужинали Великій Князь съ чужестранными министрами (№ 35).—*28 Іюня* мѵропомазаніе въ придворной церкви Головинскаго дворца и получила отъ Императрицы аграфъ и складень брилльянтовой, цѣною въ нѣсколько сотъ тыс. руб. (№ 55). *26 Іюля* выѣхала изъ Москвы въ Кіевъ. *13 Октября* 1744 праздновалось рожденіе. Утромъ, съѣздъ и поздравленіе. Предъ полуднемъ прибыла къ ней Императрица, поздравила и богато подарила. Обѣдъ въ Высочайшемъ присутствіи съ пальбою при тостахъ. Балъ. Ужинъ съ пальбою при тостахъ, въ Высочайшемъ присутствіи (Вѣд. 85). — *24 Ноября* обѣдала съ Императрицей, Великой Княжной и княгиней Гессенъ-Гомбургской на массивномъ золотомъ сервизѣ. *15 Декабря*, съ дочерью и Великимъ Княземъ, выѣхала изъ Москвы въ Петербургъ.

II.

1745.

5 Февраля прибылъ въ Петербургъ братъ ея, принцъ Фридерихъ-Августъ Шлезвигъ-Голштинской. — *10 Февраля* Великій Князь, день рожденія котораго празднуется, обѣдаетъ съ нею въ своемъ аппартаментѣ, а Императрица съ Великою Княжною — на тронѣ подъ балдахиномъ. *21 Апрѣля* обѣдаетъ съ Великимъ Княземъ и принцомъ Фридерихомъ Августомъ въ аппартаментахъ своей дочери, день рожденія которой празднуется торжественно. — *9 Мая*, по переходѣ Императорской Фамиліи, съ церемоніею, изъ зимняго дворца въ лѣтній, осталась, за болѣзнію, въ зимнемъ. — *26 Мая*. присутствовала, съ Императорской Фамиліей, на торжественной закладкѣ 80-ти и 66-ти пушечныхъ кораблей.—*28 Сентября*, выѣхала изъ Петербурга обратно въ Германію. Ихъ Высочества проводили ее до Краснаго села, гдѣ она имѣла ночлегъ (№ 79).

(*Извлечено М. Д. Хмыровымъ*).

ПИСЬМО ЦЕСАРЕВНЫ (ИМПЕРАТРИЦЫ) ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ КЪ ГРАФИНѢ СКАВРОНСКОЙ.

Госпожа графиня Скавроньская. Понеже извѣстно намъ, что мужъ вашъ графъ Ѳедоръ Самойловичь изъ пожалованныхъ ему въ 727-мъ году по тестаменту блаженныя и вѣчно достойныя памяти матери нашей Государыни Імператрицы вотчинъ по духовной опредѣлилъ тебѣ нѣкоторыя вотчины, которыя пожалованы господамъ графамъ Скавроньскимъ въ фамилію ихъ, а у него мужа вашего дѣтей никого не имѣется: того ради извольте въ томъ себя предостеречь, и въ тѣ вотчины вступать вамъ не подлежитъ, ибо зѣло мнѣ удивительно, что вы, зная мою къ себѣ любовь, вступаете не въ свое дѣло, понеже и по наслѣдству оныя вотчины въ чужой родъ не надлежатъ; а ежели вы въ мою волю отдадитеся, то надѣюся крѣпчей будетъ. Для того я надѣюся, что вы не забыли, что я болшая у васъ.

Елисаветъ.

Июля 4 дня 1732 году. S. P. B.

Печатается съ подлинника, поступившаго въ Чертковскую Библіотеку отъ М. Н. Смирнова. Только подпись собственноручная; остальное писано чужою рукою. на четверкѣ грубой бумаги. — Графиня Скавронская, урожденная Сабурова, была жена роднаго дяди Елизаветы Петровны, графа Ѳедора Самойловича, про котораго разсказывали, что онъ, до послѣднихъ лѣтъ Петрова царствованія, былъ простымъ ямщикомъ на большой дорогѣ изъ Петербурга въ Ригу. О немъ ничего болѣе неизвѣстно; только въ Москвѣ. на Никитской. въ церкви Малаго Вознесенія вставленъ въ наружной стѣнѣ надгробный его камень. но и на немъ отъ давности истребилось означеніе времени, когда именно онъ скончался: «Великія государыни императрицы .. Екатерины Алексѣевны.... сіятельнѣйшій графъ бысть въ Россіи Ѳедоръ Самойловичь Скавро ...» (См. К. М. Бороздина. Опытъ историческаго родословія графовъ Скавронскихъ, Спб. 1841, стр. 14).

БУМАГИ ПЕРВЫХЪ ГОДОВЪ ЕЛИЗАВЕТИНА ЦАРСТВОВАНІЯ (1).

I.

Собственноручная записка императрицы.

«Синія ленты кому дано: князю Василью Владимировичу, Василью Ѳедоровичу, Алексѣю Григорьевичу и оберъ-егермейстеромъ, князю Никитѣ Юрьевичу, Михаилу Петровичу, оберъ-маршалу Примеру (2), Александри Нарышкину.

Красныя: оберъ-камергеру Берхгольцу, Александри Шувалову. Петру Шувалову, Михаилу Воронцову, Ефиму Рагузинскому.

Въ графы: Григорья Чернышева, Петра Бестужева.

Въ полные генералы Тимофея Андреевича, Александра Борисовича и генерала-поручика Елаг. на.»

На оборотѣ, на концѣ, внизу:

«Сіе чинено наканунѣ коронаціи Ея Императорскаго Величества въ 1742-мъ г. апрѣля 24.»

II.

«Указъ нашему Кабинету.

Отъ сего числа давать солдатамъ нашимъ Лейбъ-гвардіи, которые въ ночное время содержатъ пекетъ у нашихъ покоевъ, на каждый день по десяти рублевъ.

«Елисавета».

Въ С.-Петербургѣ,
Іюня въ 30 день 1743.

---

(1) Списаны съ подлинниковъ и сообщены П. П. Петровымъ.—Правописаніе введено нынѣшнее, кромѣ нѣкоторыхъ характерныхъ случаевъ.

(2) Т. е. Бримеру.

III.

Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича.

Краткія вѣдомости о путешествіи ея императорскаго величества въ Кронстадтъ 1743 мѣсяца маія, переводилъ изъ нѣмецкаго на русское Петръ. Въ прошлую середу, въ четвертый день сего мѣсяца, ея императорское величество изволила съ провожденіемъ моимъ и великаго числа знатныхъ двора особъ, такожде деташементомъ конной гвардіи, отсюда ѣхать въ свой увеселительный замокъ Питергофъ.

И когда ея величество въ дорогѣ въ нѣкоторомъ приморскомъ дворѣ съ часу времени пробыть изволила, то потомъ во второмъ часу по полудни въ Питергофъ прибыла и изъ 51 тамошнихъ пушекъ поздравствована. Ея императорское величество изволила сама пересматривать комнаты и квартиры раздѣлить. Въ 3-мъ часу она изволила публично кушать и послѣ того, выпочивавшись во дворцѣ, съ прочими забавлялась.

На другой день поутру всѣ были къ рукѣ ея императорскаго величества, и послѣ обѣда для непокойной погоды нигдѣ не гуляли и опять для провожденія времени играли въ карты.

Въ пятницу послѣ обѣда государыня изволила утѣшаться гуляньемъ въ садахъ и павильонахъ и вечеру играніемъ въ карты во дворцѣ; въ субботу очень рано все готово было къ отъѣзду ея величества въ Кронстадтъ. Въ девятомъ часу ея императорское величество изволила изъ Питергофу въ Ораніенбаумъ поѣхать. Тамъ изволила сѣсть въ шлюпку двѣнадцати-веселную и счастливо къ Кронстадту переѣхать.

Какъ ея императорское величество около полудня изволила пристать, такъ кругомъ Кронстадтской крѣпости и Конслотти, также изъ всѣхъ кораблей и галери, около 5000 выстрѣловъ изъ пушекъ выстрѣлили, и послѣ того какъ ея величество изволила вступить въ домъ адмирала Головина и особливо кушала и почивала послѣ обѣда, изволила сѣсть въ шлюпку, въ которой поѣхала въ море для осматриванія флотту, какъ корабельнаго, такъ и галернаго и прочихъ судовъ, которыя были вооружены всѣми военными принадлежностями. По осматриваніи оныхъ изволила пристать на адмиральскій корабль, называемый св. апостолъ Петръ, въ которомъ ея величество встрѣчена была съ боемъ барабаннымъ и съ по-

здравленіемъ прочихъ инструментовъ и съ радости восклицаніемъ людей, по обыкновенію морскому. По вшествіи на корабль со всею свитою началась пушечная стрѣльба, какъ съ корабельнаго, такъ и галернаго флотовъ.

По окончаніи всего того изволила возвратиться благополучно на яхтѣ Наталія, на которой благополучно въ Питергофъ прибыть изволила.

Воскресенье 8 числа, послѣ послушанія обѣдни и послѣ кушанья, изволила одѣвшись въ мужскомъ платьѣ ѣхать верхомъ въ Чарское Село, для послѣдующаго праздника святаго Николая, въ которомъ селѣ ея императорское величество сама церковь въ честь имени онаго святителя создать изволила, и я съ своимъ дворомъ въ то время отправился возвратно въ Питербургъ и въ томъ же вечеру благополучно прибылъ

IV.

Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Императрицѣ Елизаветѣ.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, вселюбезнѣйшая Государыня тетушка.

При повторительномъ засвидѣтельствованіи и по совершеннѣйшей ревности и вѣрности моей къ Вашему Императорскому Величеству (*извѣщаю*) что мы здѣсь при благодати Божіей находимся благополучно. Однакожъ ничто насъ такъ не веселитъ, какъ оная надежда, которую мы имѣемъ Ваше Императорское Величество и Его Императорское Высочество Государя Великаго Князя вскорѣ паки увидѣть, и Ваше Императорское Величество о глубочайшемъ ономъ респектѣ всеподданнѣйше увѣрить, съ которымъ я во всю жизнь пребуду, всемилостивѣйшая Государыня Императрица, Всемилостивѣйшая Государыня тетушка, Вашего Императорскаго Величества всенижайшая племянница и раба.

«Екатерина.»

С.-Петербургъ.
17 генваря 1745 г.

2 (*Титулы прежніе*).

26 генваря 1745 г. С.-Петербургъ.

Вашему Императорскому Величеству симъ всенижайше поздравляя о благополучномъ прибытіи Вашего Императорскаго Величества въ Царское Село, не могла я того оставить, чтобъ при томъ и о Высочайшемъ здравіи Вашего Императорскаго Величества не испросить себѣ Всемилостивѣйшаго увѣдомленія. Моя должность была бы, чтобъ Ваше Императорское Величество сама встрѣтить, и при отдачѣ моего всеподданнѣйшаго поклоненія о моей несовершеннолѣтней ревности....

Эти черновые подлинники писемъ, безъ сомнѣнія, относятся къ тому времени, когда невѣста-Екатерина съ матерью возвратилась въ Петербургъ изъ Кіевскаго путешествія, а Императрица Елизавета Петровна ѣздила въ Хотиловскій Ямъ, гдѣ лежалъ въ оспѣ ея племянникъ и наслѣдникъ.

П. Б.

V.

Отрывки Камеръ-Фурьерскаго Журнала 1744 г. (*).

Камеръ-Фурьерскіе журналы, несмотря на отрывочность приводимыхъ въ нихъ замѣтокъ, составляютъ однакожъ историческій матеріалъ первой важности. Можно положительно спорить о значеніи того либо другаго факта, признаваемаго болѣе или менѣе замѣчательнымъ, соотвѣтственно взгляду лица пользующагося подобнымъ матеріаломъ для исторической работы, или, по самой цѣли ея,—но самая сущность дѣла останется одна и таже: поденная записка современника о томъ, чему былъ онъ невольнымъ и обязаннымъ свидѣтелемъ и за точность показаній чего онъ отвѣчаетъ. Этого уже достаточно, чтобы устранить всякую возможность искаженія факта, въ то время, когда онъ записывался, едва ли сохранявшаго въ глазахъ замѣчателя свое подлинное значеніе. А отсюда, самъ собою является выводъ о непремѣнной *вѣрности* всего, находимаго въ Камеръ-Фурьерскихъ журналахъ; особенно въ черновыхъ еще, гдѣ ничья воля ничего не измѣняла изъ записаннаго, подчасъ наивнымъ и непремѣнно уже вполнѣ акуратнымъ записывателемъ.

Ставя же вопросъ такимъ образомъ, не льзя не сознаться, что всякое приращеніе въ массѣ извѣстнаго матеріала такой важности, должно быть

(*) См. библіографическое описаніе Камеръ-Фурьерскихъ Журналовъ въ приложеніи къ Р. Архиву 1867 года.

встрѣчено любителями историческихъ изслѣдованій не только не безъ сочувствія, но даже съ интересомъ, еще усиливающимся по качеству новооткрытыхъ фактовъ.

Правительство наше, полагающее починъ всему истинно полезному, и въ дѣлѣ о Камеръ-Фурьерскихъ журналахъ осталось себѣ вѣрнымъ. По признаніи достоинства открываемаго въ нихъ матеріала, послѣдовало распоряженіе о напечатаніи всѣхъ этихъ журналовъ, разныхъ наименованій, служащихъ непрерывнымъ продолженіемъ Царскихъ Выходовъ ([1]) въ царствованія: Петра I, Екатерины I, Анны, Елизаветы и Екатерины II. Всего напечатано Камеръ-Фурьерскихъ журналовъ, съ небольшими перерывами, почти за 80 лѣтъ, по 1775 годъ.

Не за всѣ впрочемъ годы, Юрналы (при Петрѣ I веденные при полкахъ гвардіи въ бытность Государя) и Камеръ-Фурьерскіе журналы по Двору Ихъ Императорскихъ Величествъ, дошли до насъ въ надлежащей полнотѣ и сохранности. Встрѣчаются, по мѣстамъ, не только пропуски въ дняхъ, но даже перерывы за цѣлые мѣсяцы и, раза два, за цѣлые годы.

Къ числу годовъ, въ которыхъ записка Камеръ-Фурьеровъ прерывается очень замѣтно и часто, принадлежитъ, между прочимъ, годъ богомольныхъ странствованій Императрицы Елисаветы Петровны—1744 г. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы и за 1744 годъ было мало собрано и напечатано Камеръ-Фурьерскихъ журналовъ. Въ печатный экземпляръ вошло всего 14-ть журналовъ: 7 походныхъ, 4 банкетныхъ, 2 церемоніальныхъ и 1 Высочайшаго присутствія въ Москвѣ во время Страстной и Святой недѣль; но, за всѣмъ тѣмъ, полной дневной записки, во всей этой массѣ (подъ часъ и очень мелкихъ подробностей), не оказывается.

Самымъ важнымъ пробѣломъ оказывается «Походъ Ея Императорскаго Величества въ Кіевъ» (съ 27 Іюля по 10 Октября), котораго журналъ не сохранился. За тѣмъ, въ обиходѣ дворцовой жизни въ Петербургѣ и Москвѣ, оказываются пропуски частные: въ Январѣ (1—8, 13—20, 28—31), Февралѣ (1, 2, 11—29), Мартѣ (1, 2, 10—17, 30 и 31), Апрѣлѣ (1—16, 18—20, 22—24, 27, 28 и 30), Маѣ (1—6, 8—12, 14, 16—31), Іюнѣ (1—13, 21—26, 30), Іюлѣ (1—18, 21, 22, 24—31); Августѣ и Сентябрѣ за всѣ числа. Мѣсяцевъ же: Октября—только за половину чиселъ: (4, 7, 8, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 23, 25—27 и 30), Ноября,—тоже (1, 4, 7, 11, 13, 14, 15, 18, 19, 21, 22, 24, 25, 27, 28 и 30 (всего 16 дней) и Декабря за девять дней (6, 8, 11, 15—19 и 23).

([1]) Выходы государей..... Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича, Ѳеодора Алексѣевича. 1632—1682. М. 1844, изд. П. М. Строева.

Занимаясь изслѣдованіемъ о поѣздкѣ Государыни Императрицы Елизаветы Петровны въ Кіевъ въ 1744 г., послужившей поводомъ къ построенію тамъ великолѣпнаго дворца (въ 1819 году сгорѣвшаго), возстановленію древняго Софійскаго собора (бывшаго монастыря) и сооруженію церкви Св. Андрея Первозваннаго, я нашелъ *восемь отрывковъ Камеръ-Фурьерскаго журнала 1744 г.*, и въ нихъ: одинадцать дней *совсѣмъ пропущенныхъ въ печати* (а именно: 9 Февраля, 1, 15 и 24 Марта, 7, 11, 12, 27 и 28 Апрѣля, 7 и 9 Мая); да *записки первой редакціи* за пятнадцать числъ (а именно: Января 1, 2, 3 и 4, Марта 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9, Апрѣля 21, 24, 25 и 26-го) съ варіантами противъ печатнаго, иногда очень интересными.

Петръ Петровъ.

Отрывки Камеръ-Фурьерскаго журнала (обѣихъ редакцій).

1.

ЖУРНАЛЪ ПОХОДУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ И ПРИБЫТІЯ 1744 ГОДА.

Генварь. Суббота, въ 21 день въ 10 часовъ пополуночи. Ея Императорское Величество, по слушаніи въ Придворной церкви божественныя литургіи, въ провожаніи обрѣтающихся въ тотъ день при Дворѣ Генералитета и чужестранныхъ Министровъ, изволила путь свой воспріять изъ С.-Петербурга въ Москву съ придворными кавалерами и прочими знатными мужескаго и женскаго пола персонами, и какъ соизволила изъ своего Императорскаго дома выступить, въ тотъ же часъ по учиненіи изъ ракитки сигнала съ крѣпости Петербургской и Адмиралтейской учинена пушечная стрѣльба; потомъ чрезъ нѣсколько изволила прибыть въ новый дворецъ, поставленный на перспективной къ селу Царскому дорогѣ, и тамъ остановились кушать; а послѣ кушанья того жъ числа въ 4 часа пополудни паки путь свои воспріяла и прибыть изволила ввечеру въ село Чудово въ 114 верстахъ отъ Петербурга, гдѣ изволила настичь накануне своего отъѣзда отбывшаго въ Москву же Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, и тамъ кушали.

Воскресеніе, въ 22 день, изволила прибыть въ Бронницы и тамъ кушала, а ввечеру ужинали на Яжелбицахъ.

Понедѣльникъ, въ 23 день, изволила прибыть въ село Мѣдно для обѣденнаго кушанья, а ужинать представлено было въ Клину.

Вторникъ, въ 24 день, изволила въ село Всесвятское прибыть поутру рано благополучно и тамъ стать во дворцѣ ([1]).

2.

Февраль. 9-го числа ([2]) ввечеру, прибыла въ Москву изъ С.-Петербурга Ея Высококняжеская свѣтлость Княгиня Ангальтъ Цербстская съ Свѣтлѣйшею своею Принцессою Софіею Августою ([3]).

Марта 1 была первая аудіенція Королевскому Шведскому Министру Господину Камергеру Графу Борху ([4]).

3.

1744 г. Марта въ 3 день, то есть въ Субботу, поутру въ 10 часу по полуночи Ея Императорское Величество изволила путь свой воспріять въ Троицкій Сергіевъ монастырь для молитвы въ провожаніи знатныхъ придворныхъ и, прибывъ въ село Братовшино, отстоящее отъ Москвы въ 30 верстахъ, изволила кушать; а потомъ ночевать въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 20 верстахъ отъ Братовшины, а отъ монастыря за 10 верстъ.

4 числа Марта, то есть въ день недѣльный, Ея Императорское Величество изволила въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ благовѣстъ обѣденной благополучно прибыть въ монастырь, гдѣ Ея Величество во святыхъ воротахъ того монастыря встрѣтилъ архимандритъ Арсеній Могиленской съ прочими. Архимандритъ говорилъ поздравительную рѣчь Ея Императорскому Величеству([5]) съ прочими того монастыря духовными, облаченныя въ священныя одежды, со кресты, и при томъ же поставлены сими-

---

([1]) По сравненію съ печатнымъ текстомъ — „Журналъ“ 1744 г. (стр. 3—5), оказывается, что наша краткая редакція: безъ обозначенія, верстъ приваловъ и нѣкоторыхъ подробностей, въ свою очередь заключаетъ новыя; между прочимъ, въ печатномъ текстѣ не указано время выѣзда изъ С.-Петербурга Наслѣдника, не говорится также и о слушаніи Императрицею литургіи, передъ отъѣздомъ въ Москву.

([2]) Тогда,—Четвергъ на первой недѣли великаго поста.

([3]) Будущею Екатериною II. Когда выѣхала она изъ Петербурга, прямо не видно; но за простой лошадей въ *Ямахъ* переплачено, съ 27 Января по 6-е Февраля, что даетъ право заключить, что они отправились въ этотъ день.

([4]) Т. е. по возобновленіи дружескихъ сношеній Нашего Двора съ Шведскимъ, послѣ мира, заключеннаго 15 Сентября 1743 г., но отпразднованнаго въ Москвѣ, 15 Іюля 1744 года

([5]) Въ печатномъ текстѣ о рѣчи ни слова (см. стр. 8).

наристы, которые убраны были въ бѣлое одѣяніе, съ возложенными на главахъ ихъ зелеными лаврами, имѣя въ рукахъ каждый въ одной — пальмовыя вѣтви, а въ другой поздравительные стихи на благополучный входъ Ея Величества: которые стихи они пѣли преизрядно, при томъ же былъ колокольный звонъ и пушечная пальба. И Ея Императорское Величество по окончаніи поздравительной рѣчи отъ архимандрита изволила итти въ церковь и слушать литургію, которую отправлялъ архіерей Крутитскій Платонъ, гдѣ говорена проповѣдь отъ того жъ архимандрита. А по окончаніи литургіи изволила прибыть въ Императорскіе свои покои, въ провожаніи какъ означенныхъ духовныхъ персонъ, такъ и семинаристовъ, и кушать публично. А ввечеру, въ монастырѣ и за святыми вороты, была иллюминація изъ разныхъ картинъ и огней, которой особливое описаніе учинено и напечатанное, какъ Ея Императорскому Величеству такъ и прочимъ придворнымъ персонамъ, тогда бывшимъ при Ея Величествѣ въ монастырѣ, каждому роздано (6).

5-го числа, то есть въ Понедѣльникъ, Ея Императорское Величество изволила кушать въ келліяхъ у архимандрита со всѣми знатными придворными. Во время стола, отъ семинаристовъ была вокальная музыка, а какъ про здравіе Ея Величества кушали питье, тогда чинена была изъ пушекъ пальба: по окончаніи стола изволила итти въ свои покои. Того вечера паки была иллюминація (7).

6 числа, то есть во Вторникъ, Ея Императорское Величество изволила изъ Троицкаго монастыря путь воспріять въ Александрову Слободу въ разстояніи 40 верстъ отъ Троицкаго монастыря, при пушечной же пальбѣ, въ провожаніи преосвященнаго архіерея Крутитскаго Платона и онаго монастыря архимандрита и намѣстника и, прибывъ въ ту Слободу пополудни, изволила кушать во дворцѣ (8).

7 числа, то есть въ Среду, Ея Императорское Величество изволила со всею своею свитою изъ дворца шествовать въ имѣющійся при той Сло-

---

(6) Въ печатной редакціи, ни о совершеніи литургіи преосвященнымъ Платономъ, ни о рѣчи архимандрита послѣ службы, ни объ иллюминаціи, ничего не говорится (стр. 8).

(7) Въ печатномъ текстѣ (стр. 8) не говорится, ни о пѣніи семинаристовъ во время Высочайшаго обѣда ни о вечерней иллюминаціи.

(8) Въ печатномъ текстѣ обозначено время отправленія отъ Троицы (во 2 часу по полудни) и время прибытія (въ 6-мъ исходѣ), но не упомянуто о сопровожденіи духовныхъ особъ (см. стр. 9 Журналовъ 1744 г.).

бодѣ Успенскій дѣвичій монастырь, гдѣ встрѣчена отъ игуменіи съ прочими монахинями предъ святыми воротами и изволила слушать литургію и послѣ литургіи жаловала игуменію и монахинь къ рукѣ. Послѣ того изволила ходить въ келью къ игуменьѣ, и возвратясь во дворецъ кушать, а послѣ кушанья изволила паки возвратиться въ Троицкій Сергіевъ монастырь ([9]).

8-го числа, то есть въ Четвертокъ, изволила быть у литургіи въ церкви *что съ большею трапезою* ([10]). Во время и предъ литургіею было постриженіе двухъ монаховъ, которые и наречены именами: одинъ Сергій, другой Никонъ. Послѣ литургіи изволила итти въ церковь чудотворца Сергія, и тутъ было молебное пѣніе, которое отправлялъ архіерей Крутитскій и при немъ архимандритъ со всѣмъ соборомъ, и по окончаніи молебна изволила Ея Императорское Величество быть въ больницѣ, а потомъ— прибыть въ келіи къ намѣстнику и тамъ изволила кушать. Во время кушанья была вокальная музыка и когда про здравіе Ея Императорскаго Величества пили, изъ поставленныхъ предъ монастыремъ пушекъ чинена была пальба. А ввечеру зажжена была иллюминація, и того же вечеру въ покои возвратились ([11]).

9-го числа, то есть въ Пятокъ, были у Ея Императорскаго Величества въ покояхъ, архимандритъ и намѣстникъ со всенижайшимъ благодареніемъ за высокое Ея Величества посѣщеніе оной святой обители и при томъ просили, чтобъ посѣтить Семинарію того монастыря; на которое ихъ прошеніе Ея Императорское Величество изволила посѣтить Семинарію, гдѣ говорены отъ учителя той Семинаріи и отъ учениковъ Ея Величеству поздравительныя похвальныя рѣчи. По утру изволила шествовать изъ монастыря и путь свой воспріять обратно въ Москву, въ провожаніи архіерея, архимандрита, намѣстника и казначея, и при выходѣ Ея Императорскаго Величества изъ монастыря шли семинаристы съ пѣніемъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ. При томъ же производилась пальба изъ

([9]) Въ печатномъ текстѣ (стр. 9—10) не говорится о посѣщеніи Императрицею келіи игуменьи, между тѣмъ сказано, что Ея Величество была въ Успенскомъ соборѣ, прикладывалась къ иконамъ, литургію слушала въ Троицкомъ соборѣ.

([10]) Во имя Св. Сергія.

([11]) Въ печатномъ текстѣ (стр. 10) не говорится о постриженіи монаховъ и о вокальной музыкѣ во время стола, при чемъ церковь Трапезная названа Соборною, и указано время возвращенія Государыни изъ келіи намѣстника послѣ обѣда (6 часовъ о полудни).

пушекъ. И такъ изволила выѣхать изъ монастыря въ 10-мъ часу по полуночи и, прибывъ въ Братовщину, изволила кушать и послѣ кушанья отправилась въ путь. А по полудни въ 8 часу благополучно изволила прибыть въ Москву ([12]).

4.

Марта 15-го, Ея Императорское Величество изволила ѣздить въ Кремль и присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ и потомъ въ тамошнемъ Императорскомъ дворцѣ кушать.

Тогожъ числа ввечеру ([13]) изволила Ея Императорское Величество изъ дворца перейти въ Кремль для препровожденія тамъ Страстной недѣли.

Съ 19 по 23 число, будучи въ Кремлевскомъ домѣ, Ея Императорское Величество изволила на страстной недѣли при всѣхъ отправляемыхъ въ ту недѣлю духовныхъ церковныхъ (службахъ) и вареніи святаго мѵра присутствовать ([14]).

24-го Марта, то есть на день праздника Св. Пасхи, изволила Ея Императорское Величество въ исходѣ втораго часа по полуночи поѣхать въ Покровское село и въ тамошней новопостроенной церкви, при отправленіи святыя литургіи присутствовать. И потомъ изволила въ Покровскомъ своемъ домѣ кушать и на вечеръ опять во дворецъ возвратиться ([15]).

5.

1744 г. Апрѣля 7 дня, Ея Императорское Величество изволила пускать изъ руки кровь. Оную кровь пущалъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и Ея Величества первый лейбъ-медикусъ господинъ Лестокъ ([16]).

([12]) Въ печатномъ текстѣ (стр. 10) говорится, что Императрица двинулась изъ Троицкаго монастыря въ Братовщину, въ 4 часу въ $\frac{3}{4}$, а о посѣщеніи Семинаріи и рѣчахъ, въ ней произнесенныхъ, не упомянуто.

([13]) Въ тотъ годъ этого числа была—Суббота на Вербной недѣли.

([14]) Особый журналъ за эти дни (18—29) Марта напечатанъ въ числѣ прочихъ, на стр. 12—17.

([15]) На стр. 15 въ помянутомъ журналѣ поѣздка въ Покровское подъ 25 числомъ Марта, разнится въ часахъ отправленія: тамъ—„въ 4 часу по полуночи.“ Церковь назвали „Воскресенія Господня,“ гдѣ государыня слушала литургію, которую совершалъ Троицы-Сергія архимандритъ Арсеній и что „пріѣздъ въ оную церковь имѣли дамы въ симарахъ, а кавалеры въ богатомъ платьѣ,“ и что по прибытіи въ Покровскій дворецъ послѣ обѣдни, „по полуночи въ 8 часу, Ея Императорское Величество изволила кушать обѣденное кушанье,“ по полудни же, „въ 5 часу“—„шествіе имѣть въ Головинскій дворецъ.“

([16]) Въ числѣ росписокъ о пріемѣ представленныхъ Ея Величеству въ Контору

Въ 11 день Апрѣля, Ея Императорское Величество съ придворными кавалерами и прочими знатными особами изволила по полудни съ 7 часа отъ двора своего путь воспринять на нѣмецкую камедію, которой камедіанской домъ находится при госпиталяхъ что̀ по рѣкѣ Яузѣ.

Въ 12 день, Ея Императорское Величество изволила съ придворными кавалерами путь воспріять въ Измайлово по полуночи въ 12 часу, и тамо кушать. А по полудни изволила быть въ селѣ Покровскомъ и ужинать, а по полудни въ 12 часу благополучно возвратиться.

6.

Апрѣля 21, празднованъ день рожденія Свѣтлѣйшей Принцесы ([17]).

Въ 24 день, Ея Императорское Величество изволила при послѣдней генеральной пробѣ оперы на придворномъ театрѣ до самой ночи присутствовать.

Въ 25 день Апрѣля, празднованъ день Высочайшей Ея Императорскаго Величества Коронаціи при весьма многочисленномъ собраніи у двора обоего пола знатныхъ персонъ въ наилучшемъ убранствѣ ([18]).

Въ 26 день Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ и съ ихъ Свѣтлостями при собраніи всего двора и болѣе 2000 маскированныхъ смотрителей ([19]) при представленіи большой оперы присутствовать.

27 день былъ балъ въ маскарадномъ собраніи.

Въ 28 день, Ея Императорское Величество изволила гулять ѣздить по Яузѣ и Москвѣ рѣкамъ въ село Коломенское, а его Высочество изволилъ смотрѣть оперныя машины съ ихъ движеніемъ.

денегъ, есть Указъ отъ 11 Апрѣля 1744 г. о записаніи въ расходъ 6400 р. и внизу на немъ помѣта: „изъ сихъ денегъ Ея Императорское Величество изволила пожаловать господину Д. Т. С. и перв. Лейб-Медикусу Лестоку: за благополучное пущеніе Ея Императорскому Величеству крови того 7 числа Апрѣля, пять тысячъ рублевъ.“

([17]) Т. е. Ангальтъ-Цербстской, *дочери*, привезенной въ невѣсты Наслѣднику. Ея Высочеству тогда минуло 15 лѣтъ. Описаніе банкета, см. въ печати. Журнал. на стр. 34—36.

([18]) Описаніе празднованія этого дня въ банкетномъ журналѣ, на стр. 37—42. Приведенная здѣсь краткая редакція показываетъ, что найденный отрывокъ—обыкновеннаго журнала Высочайшаго присутствія.

([19]) Въ мѣсто „зрителей,“ Въ печатномъ текстѣ числа масокъ не означено (на стр. 42).

7.

1744 г. Мая 7-го, были при дворѣ 2 аудіенціи ([20]): 1-я Англійскому полномоченному министру лорду *Тиравлею*, да Дацкому, вторительная, тайному совѣтнику и чрезвычайному посланнику Фонъ Голштейну.

Мая 9-го Ея Императорское Величество изволила быть у литургіи въ Никольскомъ Греческомъ монастырѣ, а послѣ того—кушать близь Воробьевыхъ горъ въ Васильевскомъ, у его Сіятельства генерала фельдмаршала и кавалера князя Василья Владиміровича Долгорукова.

8.

Мая въ 12-й день, Ея Императорское Величество изволила отбыть и ночевать въ Покровскомъ, а на утрее въ 13 число, въ день праздника Святыя Троицы, при собраніи генералитета и прочихъ придворныхъ и знатныхъ особъ обоего пола слушать литургію, а по полудни возвратиться паки во дворенъ ([21]).

16-го числа была при дворѣ свадьба ([22]) дѣйствительнаго камергера и кавалера Петра Ѳедоровича Балка съ фрейлиною госпожею Шереметевою ([23]), и былъ при дворѣ при собраніи всего генералитета придворныхъ и знатныхъ обоего пола персонъ, при играніи во время стола италіанской вокальной музыки, столъ; а послѣ стола балъ, который продолжался до 5-го часа по полуночи ([24]).

17-го на утріе, паки, при дворѣ былъ балъ.

([20]) Въ печатной редакціи показана одна аудіенція, только Англійскому послу, (см. стр. 44), фамилія его впрочемъ не названа. хотя описанъ церемоніалъ.

([21]) Въ печатномъ (стр. 45—47) говорится, что банкетъ въ Покровскомъ домѣ былъ Измайловскому полку, литургія кончилась въ 1-мъ ч. въ началѣ.

([22]) Въ печатномъ (стр. 47—54) свадьба эта подробно описана подъ 15 числомъ Мая, но 13-е было Воскресенье (Троицынъ день), и 15 не могло совершиться бракосочетаніе,—во Вторникъ на Среду; это ошибка, въ приводимомъ отрывкѣ не существующая, почему и другимъ показаніямъ можемъ мы болѣе довѣрять, встрѣчая замѣченную точность.

([23]) Это была Марѳа Васильевна (родивш. 4 Іюня 1724 г. и умер. 7 Января 1792 г.) дочь капитана Василья Васильевича Шереметева (умершаго 7 Іюня 1729 г.) и княжны Ирины Ѳедоровны Ромодановской.

([24]) Въ печатномъ обозначены другіе часы (стр. 54); тамъ говорится, что обѣдъ свадебный кончился „по полудни въ пятомъ часу въ началѣ. А въ 8 часу по полудни въ залѣ начался балъ, который окончился въ 10 часу.“ Такое время заключенія баловъ при Елизаветѣ не обычно.

VI.

Вѣдомость челобитень.

Предъ наступленіемъ торжества свадьбы Наслѣдника, представлена была *вѣдомость* прошеніямъ (помѣщенная въ № 47, между Указами 1744 г.); въ эту вѣдомость внесено шестьдесятъ пунктовъ, излагающихъ коротко содержаніе челобитень; противъ нѣкоторыхъ, какъ оговорено, собственноручныя высочайшія помѣты. *П. П.*

1) «Свѣтлѣйшій *принцъ* (Гессенгомбургскій) проситъ о всемилостивѣйшемъ ему пожалованіи денежной суммы на расплату долговъ.

Также тестю его, чтобъ обѣщанная въ Копорскомъ уѣздѣ, приморская мыза пожалована была.

О Иванѣ Бецкомъ, дабы онъ противъ прочихъ въ рангѣ не понесъ обиды и по милостивому обѣщанію оставленъ не былъ.

Также и о дочери своей.

2) Фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій проситъ о милостивой резолюціи по поданной своей челобитной.

3) Генералъ графъ Григорій Чернышевъ проситъ, чтобы его пожаловать генералъ-фельдмаршаломъ и генералъ-губернаторомъ въ С.-Петербургскую губернію или генералъ-адмираломъ.

4) Генералъ Румянцовъ проситъ вмѣсто взятыхъ у него деревень въ Московскомъ уѣздѣ бывшую Степана Лопухина Гуслицкую волость, въ Копорскомъ уѣздѣ село Рожествено съ деревнями, въ Дерптскомъ уѣздѣ деревню Текельоеръ, которая нынѣ на откупѣ *въ Штакельберха* (*), также проситъ о возвращеніи ему назадъ 20,000 руб. которые на немъ взяты въ Сенатъ да за службы награжденія.

5) Генералъ-полиціймейстеръ Ѳедоръ Наумовъ проситъ за службы его о милостивомъ награжденіи.

6) Князь Сергѣй Голицынъ проситъ о переводѣ изъ армейскихъ полковъ сына его въ гвардію.

7) Полковникъ егермейстеръ Петръ Хитрово, проситъ дабы ради нынѣшняго торжества, чтобъ онъ не былъ оставленъ милостію ея величества противъ прочихъ своей братьи.

8) Князь Иванъ Одуевскій проситъ, ради приближающагося торжества, чтобъ онъ отъ ея величества милостію пожалованъ былъ перемѣною ранга или красною лентою.

(*) Т. е. у Штакельберга.

9) Герольдмейстерской канцеляріи ассесоръ Василій Ададуровъ (*) проситъ о повышеніи ранга за его извѣстныя службы той же канцеляріи въ совѣтники. (На сторонѣ высочайшая собственноручная помѣта)— «произвесть.»

10) Князь Николай Трубецкой проситъ о пожалованіи ему обѣщанной деревни.

11) Генералъ-лейтенантъ де Бриллiи проситъ о награжденіи за долговременныя его службы рангомъ и о пожалованіи ему въ Лифляндіи мызы Борнеовъ, безъ аренды (**).

12) Полковникъ Василій Танской проситъ о пожалованіи ему по прежнему состоящаго въ Слобоцкомъ Ахтырскомъ полку мѣстечка Мурахвы со всѣми принадлежностьми, за многія его старыя службы.

13) Генералъ маіоръ Вишневскій проситъ, чтобъ ему пожаловать для уплаты долговъ и для другихъ его необходимыхъ нуждъ денегъ за скудостію его.

14) Капитанъ графъ Захаръ Чернышевъ проситъ объ опредѣленіи его въ придворную службу.

15) Коллежскій ассесоръ Енисейской воевода Петръ Міеровичъ проситъ о пожалованіи его въ коллежскіе совѣтники.

16) Двора ея императорскаго величества камеръ-музыканты просятъ государственной музыки быть директоромъ его графскому сіятельству Алексѣю Григорьевичу (***).

17) Баронъ Иванъ Ведель проситъ въ приближающееся торжество дабы милостію онъ оставленъ не былъ.

18) Донской атаманъ Ефремовъ проситъ, чтобы приказано было дѣло имѣющееся въ Сенатѣ о отстроеніи каменныя стѣны отъ рѣки Дона немедленно ко окончанію привесть.

19) Генералъ-маіоръ князь Кантемиръ проситъ о жалованіи ему деревень въ Можайскомъ уѣздѣ бывшія Мусина Пушкина сѐла: Горетова и Абрамовку съ деревнями.

20) Драгунскій полковой капитанъ Петръ Олсуфьевъ проситъ пожаловать его въ гвардію въ Семеновскій полкъ. (Противъ Высочайшая по-

---

(*) Учившій Русскому языку невѣсту.

(**) Передъ 11 и 12 пунктами рукою императрицы написано. „Справитца.“

(***) Т. е. Разумовскому.

мѣта собственноручно) «приделинъ во оный полкъ капитаномъ поручикомъ.»

21) Андрей Лопухинъ проситъ, ради наступающаго торжества, чтобъ не былъ оставленъ милостію.

22) Грекъ Цареградскій проситъ о милостивой резолюціи дѣла его, которое находится въ Кабинетѣ.

23) Измайловскаго звѣринца форшъмейстеръ Мильхертъ проситъ объ отпускѣ его въ Нѣмецкіе краи для свиданія съ родителями на одинъ годъ.

24) Сѣвскій директоръ проситъ о повышеніи ранга коллежскаго ассесора за службу его при Сѣвской и прочихъ таможняхъ при смотрѣніи и сборѣ сверхъ окладовъ въ казну денегъ болѣе ста тысячъ рублевъ.

25) Вдова Анна Краснощокова проситъ за многія мужа ея службы опредѣлить ей до смерти ея такожъ и дѣтямъ по рангамъ ихъ пенсіоны.

26) Владиміръ Дружининъ проситъ по поданной его челобитной объ опредѣленіи въ военную службу милостивой резолюціи.

27) Канцеляріи совѣтникъ Хрисоскулѣевъ проситъ о пожалованіи ему деревень вмѣсто отобранной отъ него состоящей въ Малой Россіи Марчихиной Буды толикого жъ числа дворовъ. (Помѣта противъ) — «Надлежитъ.»

28) Полковникъ Пущинъ проситъ объ опредѣленіи его въ какое нибудь порожнее мѣсто.

29) Штутмейстеръ Илья Соловцовъ проситъ о произведеніи его рангомъ при дворцовой конюшенной Канцеляріи въ унтеръ-шталмейстеры.

30) Стряпчей Илья Городецкій проситъ о выдачѣ ему заслуженнаго за восемь лѣтъ жалованья и о опредѣленіи его въ Комарицкія волости управителемъ.

31) Лейбъ-гвардіи капитанъ князь Константинъ Кантемиръ проситъ за долговременную его службу о произведеніи его на ваканцію бывшаго Воейкова въ маіоры.

32) Бунчуковый товарищъ Андрей Полуботокъ проситъ за долговременную его службу о произведеніи въ полкъ Черниговскій или Сумскій въ полковники.

33) Генералъ-рекетмейстеръ Иванъ Дивовъ проситъ о прибавкѣ денежнаго жалованья противъ сенатскихъ оберъ-секретарей, или что пожаловано будетъ, за многіе его при той конторѣ труды.

34) Полковникъ Егоръ Милюковъ проситъ, чтобы ему вмѣсто взятаго у него фельдмаршалу князю Долгорукову села Юдина съ деревнями пожаловать изъ конфискованныхъ деревень бывшаго гвардіи капитана князя Ивана Путятина въ Суздальскомъ уѣздѣ село Острецово съ деревнями.

35) Полковникъ Иванъ Лорихъ проситъ, чтобъ ему заслуженное берейторское при дворѣ жалованье и фуражъ повелѣно было выдать. (Противъ помѣта) — «Надлежитъ.»

36) Князь Эль-Мурза Бековичъ Черкасскій проситъ, чтобъ за многія и вѣрныя его службы къ Россійскому государству пожаловать наградить рангомъ генералъ-маіора.

37) Графиня Марѳа Мусина-Пушкина проситъ, по поданной отъ дѣтей ея челобитной, милостивой резолюціи.

38) Княгиня Грузинская Марья Григорьева проситъ о милостивомъ награжденіи за скудостію ея на расплату долговъ и на прочія нужды.

39) Генералъ-маіоръ князь Константинъ Кантемиръ проситъ по подложно-умышленному на него доносу и обруганію чести его Молдавскаго гусарскаго полка отъ полковаго квартермистра Алексѣя Симонова, чтобъ надлежащею сатисфакціею милостивое же разсмотрѣніе учинить.

40) Малороссійскій генеральный писарь Андрей Безбородко проситъ, чтобъ милостію его не оставить и по напрасному доносителеву доношенію на него Переяславскаго сотника Яготинскато Купенскаго, отъ дѣлъ его не отрѣшать.

41) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Петръ Кошлаковъ проситъ о выпускѣ его изъ полку и объ опредѣленіи въ вѣдомство Гофъ-Интендантской Конторы къ дѣламъ.

42) Архимандритъ Германъ Батуровичъ проситъ объ опредѣленіи его въ монастырь въ архимандриты жъ на порожнее мѣсто, куда повелѣно будетъ.

43) Андрей Шестаковъ проситъ по поданному его прошенію милостивой резолюціи.

44) Даниловскаго конюшеннаго завода унтеръ-шталмейстеръ Григорій Ропъ проситъ о награжденіи за его долговременныя службы и объ опредѣленіи къ придворной конюшнѣ.

45) Вдова Марья Земцова проситъ о награжденіи для пропитанія ея съ дѣтьми.

46) Лейбъ - Компаніи умершихъ гренадеровъ жены — вдовы: Марья Борисова и Домна Иванова просятъ о награжденіи ихъ и о дачѣ дѣтямъ ихъ патентовъ.

47) Гаврило Замятнинъ проситъ объ опредѣленіи его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, въ оберъ-секретарскую вакансію.

48) Грекъ Дмитрій Петровичъ Пораскевичь проситъ, чтобы въ привозномъ имъ Венгерскомъ и прочемъ винѣ повелѣно было учинить счетъ и по счетѣ издержанныя имъ деньги на покупку вина и на прочіе при томъ расходы ему выдать.

49) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ секретарь Стефанъ Писаревъ проситъ о награжденіи его за переведенныя съ Греческаго на Россійскій языкъ исторіи.

50) Малороссіянинъ Сумскаго полка, города Лебедина, Константинъ Декута проситъ о свободѣ его и съ дѣтьми отъ служенія изъ дома Ивана Грипева и жены его Аграфены Ильиной.

51) Вдова-капитанша Анисья Стерликова проситъ, чтобъ повелѣно было ей, за службу мужа ея, постритца въ монахини въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

52) Егермейстерской канцеляріи секретарь Василій Глатковъ проситъ о награжденіи рангомъ и объ опредѣленіи его къ штатскимъ дѣламъ.

53) Вѣдомства канцеляріи строеній архитектуріи гезель (*) Григорій Дмитріевъ проситъ, чтобъ его пожаловать при реченной канцеляріи или при гофъ-интендантской канцеляріи за архитектора съ награжденіемъ денежнаго жалованья за долговременную его службу.

54) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ Иванъ Климовскій проситъ о выпускѣ изъ онаго полку съ награжденіемъ ранга въ Кіевскомъ гарнизонѣ за долговременную его службу.

55) Петръ архіепископъ и архимандритъ Воскресенскій проситъ поданнымъ челобитьемъ милостивой резолюціи.

56) Отставной ассесоръ Иванъ Шагалуровъ проситъ за долговременную при дѣлахъ его службу награжденія рангомъ въ совѣтники и объ опредѣленіи его для правленія въ Сѣвской Комарицкой волости.

57) Сербенинъ Михайло Староговичъ проситъ, чтобъ по дѣлу его съ дядею и съ прочими въ недвижимомъ имѣніи и пожиткахъ и о прочемъ

(*) Помощникъ.

учинить особливую коммисію для слѣдствія, а ему бъ за болѣзнію его въ Глуховъ не ѣздить, а быть тамъ повѣренному его.

58) Акинфей Демидовъ проситъ, чтобъ освидѣтельствованы были рудныя мѣста, гдѣ сыскано имъ серебро и чтобъ быть ему со всѣмъ его домомъ подъ вѣдомствомъ одного высочайшаго кабинета.

59) Иноземецъ новокрещенный Василій Вагнеръ проситъ, чтобъ позволено было ему и дѣтямъ его къ пропитанію ихъ покупать недвижимыя имѣнія.

60) Графъ Сантѣй проситъ о всемилостивѣйшемъ награжденіи.»

ПОХОЖДЕНІЕ ИЗВѢСТНЫХЪ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢЙСТВЪ.

Государь приказалъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ съ Петербурха въ Аренбовъ ([1]) пріѣхать съ Его Высочествомъ Павломъ Петровичемъ; но Ея Величество сама одна токмо изволила пріѣхать. Государь за то крѣпко подосадовалъ, что Его Высочество въ Петербурхѣ остался.

По маломъ времени приказалъ Государь Ея Величеству отъѣхать въ Петергофъ, гдѣ тогожъ числа разведены крѣпкіе пикеты. Изволила Ея Величество жить тамъ до 26 числа Іюня въ немалой опасности.

Графъ Гетманъ ([2]), ѣдучи въ Петербургъ противъ 27 числа ночи, оставилъ карету свою въ близости отъ Петергофа и при ней офицера гвардіи Орлова, коему приказалъ какъ возможно дойтить до Ея Величества и пробудить, чтобъ изволила немедленно ѣхать въ Петербурхъ тамо тайно. И тако Ея Величество изволила убраться и прошла всѣ тѣ караулы вмѣстѣ съ онымъ Орловымъ, подъ видомъ жены его, якобы изъ гостини ([3]) имъ поѣхать. Графъ Гетманъ скоро прибылъ въ Петербургъ, началъ тотчасъ приводить всѣ гвардіи и другія команды къ присягѣ на вѣрность Ея Величеству.

Государь, извѣстясь про то, послалъ къ дядѣ своему Жор (жу) приказъ, чтобъ онъ всемѣрно постарался Ея Величество (привезть) въ Аренбовъ; потому онъ съ меньшимъ сыномъ Гудовича (ѣхалъ) съ Петербурга въ Петергофъ скоропостижно; однакъ уже.... всѣ тамошнія команды присягу учинили Ея Величеству.... и Жоржу съ Гудовичемъ гораздо потолкали дулами.... подъ арестъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій

([1]) Т. е. Ораніенбаумъ.

([2]) Т. е. графъ Кирила Григорьевичъ Размумовскій, начальникъ Измайловскаго полка. Онъ ѣхалъ изъ Ораніенбаума.

([3]) Т. е. изъ гостей.

и графиня Гетманша съ двома дочерьми и протчіе, кои были Ея Величеству вѣрніи, въ Аренбовъ. При томъ же посланъ отъ Государя штабъ-офицеръ въ Кронштатъ, чтобъ тамошняя флотская команда Петербургскихъ повелѣній не слушалась, а была бы въ его дирекціи. 28 Іюня Ея Величество съ двадцатьми тысячами войска, въ томъ числѣ со всѣми гвардійскими и корпусными полками и корпусомъ артиллеріи (коими командовалъ графъ Гетманъ) изволила воспріять маршъ къ Аренбову. А прежде того посланъ отъ Ея Величества тудажъ въ Кронштатъ генералъ-адмиралъ ([4]), кой прибывши объявилъ, будто онъ отъ Государя присланъ и по его словесному указу долженъ принять въ Кронштатѣ команду. Такъ и оный штабъ-офицеръ повѣривъ, отступился; адмиралъ же тотчасъ велѣлъ его арестовать, и всѣ тѣ полки на вѣрность Государынѣ привелъ къ присягѣ.

Государь, извѣстясь о маршѣ Ея Величества къ Аренбову, забравши помянутыхъ арештантовъ, Разумовскаго и графиню Гетманшу съ двома дочерьми и протчіихъ, бросился въ Петергофъ и сѣвъ самъ съ своими партезантами фонъ Мѣнниховимъ, Андреемъ Гудовичемъ и съ Елисаветою Романовною Воронцовою и другими, арештантовъ посадя въ яхту, поѣхалъ моремъ въ Кронштатъ. Точію адмиралъ вислалъ отъ себя малымъ судномъ унтеръ-офицера встрѣчу съ корабелною трубою, сказалъ, чтобъ, ежели не возвратится, то будетъ по немъ съ пушекъ бить.

Государь, усмотря и самъ выставленіе съ крѣпости въ отчиной (?) фланкъ и зажженный фитиль, принужденъ возвратиться въ Аренбовъ и, написавши письмо, послалъ партію Ея Величеству, объявляя: ежели подержится съ своимъ намѣреніемъ, то не увидутъ висѣлницъ, кои-де отъ Аренбова до Петербурга будутъ поставлены висѣлницы, и сталъ билъ войско свое, коего имѣлось толко двѣ тисячи, строить къ баталіи.

Напротиву того послано къ ему, что ежели доброволно не отдастъ себя въ арестъ, то повелѣно будетъ поступить полкамъ и артиллеріи дѣйствовать по военному и бонбмандировать.

Государь, изъ особливаго уговору фонъ Мѣнниха, повторно (послалъ?) къ Ея Величеству съ тѣмъ, что безспорно отдаетъ себя въ арестъ, и потому отъ Ея Величества командированъ штабъ-офицеръ въ Аренбовъ съ командою, которому Государь отдалъ самъ штапу (шпагу?) свою (и)

([4]) Талызинъ.

кавалерію; въ якомъ случаѣ Андрей Гудовичъ оному офицеру досадно говорилъ: «какъ де ти посмѣлъ своего природнаго Государя арестовать,» за что получилъ.... множество ударовъ; а Государь и всѣ, кто при немъ были, забраны безвредно.

Ея Величество по той факціи изволила имѣть свой (маршъ?) въ Петергофъ, гдѣ Государь находился въ особливомъ мѣстѣ подъ карауломъ и хотя желалъ видѣть Ея Величество, токмо не дозволено. Однако вмѣсто того изволила отъ своего стола жаловать кушанье. Вслѣдствіе всего того, далъ Государь Ея Величеству на писмѣ повинную съ такимъ дополненіемъ, что нынѣ отъ правительства Россійской Имперіи отказуется и по жизнь свою претенціи о томъ имѣть не будетъ. Государь намѣренъ билъ съ оною полюбовницею сего Іюня 29 обвѣнчатся въ кирки; точію вишеписанне обстоятелства не допустили.

Приведенная записка найдена между разными Малороссійскими актами XVIII в., переданными намъ изъ одного сельскаго архива. Писана она на листѣ бумаги и, судя по почерку и правописанію, Малороссіяниномъ, вѣроятно находившимся при гетманѣ Разумовскомъ. Какъ голосъ современника, «Похожденіе» представляетъ собою довольно интересный документъ; тѣмъ болѣе, что говоритъ о малоизвѣстномъ до сего времени участіи Разумовскихъ въ переворотѣ 28 Іюня 1762 г. Мѣста, обозначенныя въ запискѣ точками, въ рукописи истлѣли.

Черниговъ 18 Мая 1866 г.

Ал. Лазаревскій.

ПИСЬМА ОТНОСЯЩІЯСЯ КО ВРЕМЕНИ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II-Й.

Изъ всѣхъ разсказовъ о вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II-й видно, какое важное значеніе имѣло въ успѣхѣ этого событія своевременное занятіе адмираломъ Талызинымъ Кронштадтской гавани. По этому мы думаемъ, что нижеслѣдующія письма не лишены интереса историческаго, содержа въ себѣ подлинныя черты и живыя подробности тѣхъ великихъ дней.

Кн. М. Оболенскій.

I. Письмо адмирала И. Л. Талызина къ Н. И. Панину.

Милостивый Государь мой Никита Ивановичъ, при семъ посылаю репортъ къ Ея Императорскому Величеству; прошу исходатайствовать указу за Ея Величества рукою; нѣсколько присматриваю, что нѣкоторые сумнительны тому указу, что̀ мнѣ данъ. Я уже по се время третью тревогу бью: яхта опять въ четыре часа подходила, только не близко; изъ Аранинъбога (1) гость ко мнѣ пріѣзжалъ и просился въ Кронштатъ, что̀ обстоятельно въ моемъ всеподданнѣйшемъ репортѣ къ Ея Величеству репортовано (2).

Людей всемѣрно въ Кронштатѣ мало обнять такую обширную гавань; предлагалъ въ своемъ репортѣ, чтобъ баталіонъ сюда прислать какъ наискоряе; подлинно, ежели бы не прибылъ въ Кронштатъ, то бъ трудно его изъ него выживать.

Прошу жену не оставить; я къ ней ничего не пишу, а можетъ быть къ ней худые слухи доходятъ, — и есмь съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорный и вѣрный слуга Иванъ Талызинъ.

Кронштатъ. 29 Іюня 1762 года. (3)

---

(1) Т. е. Ораніенбаума.

(2) Этого рапорта въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ не находится.

(3) Талызинъ, когда писалъ это письмо, еще не зналъ, что въ Ораніенбаумѣ Петръ III уже отрекся отъ престола.

NB. Прошу доложить Ея Величеству, Дивьеръ и Полковникъ его полку желаютъ присягу взять; я намѣренъ отъ него присягу взять, въ томъ худобы не будетъ.

Письмо писано на четверткѣ, было сложено пакетомъ, запечатано черной ([4]) сургучною печатью; имѣетъ надпись: „Его Превосходительству Государю моему Никитѣ Ивановичу Панину.“

Хранится, равно какъ и нижеслѣдующія двѣ бумаги, въ дѣлѣ о возшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II-й.

Талызинъ, Иванъ Лукьяновичъ, служилъ въ морской службѣ и отъ мичманскаго чина дослужился до адмиральскаго. Императрица Елисавета возвела Ивана Лукьяновича въ сіе достоинство, пожаловала ему орденъ Св. Александра Невскаго и званіе члена адмиралтействъ-коллегіи; а Екатерина II-я на него одного возложила Андреевскую ленту въ день вступленія своего на престолъ, 28 Іюня 1762 г. Надо замѣтить, что Талызинъ приходился двоюроднымъ братомъ проживавшему въ то время въ ссылкѣ, бывшему великому канцлеру Бестужеву-Рюмину, мать котораго Евдокія Ивановна была родная сестра отцу Талызина, Лукьяну Ивановичу. Бестужевъ, какъ извѣстно, пострадалъ 1758 г. за свое намѣреніе доставить престолъ Екатеринѣ. Родной его племянникъ, князь М. Н. Волконскій, командуя конною гвардіею, 28 Іюня 1762 г. не замедлилъ присягнуть Екатеринѣ. Талызинъ, черезъ кн. Куракиныхъ и Нелединскихъ, находился въ родствѣ и съ Н. И. Панинымъ, коему писано это письмо.

II. Письмо графа П. А. Девьера къ Екатеринѣ Ивановнѣ Шарогородской.

Милостивая Государыня моя Катерина Ивановна. Я, не имѣя никакой надежды и никакихъ патроновъ, взялъ смѣлость, слыша о вашихъ поступкахъ, васъ Милостивую Государыню, какъ справедливую и вѣрную Ея Величества рабу, просить о моей справедливости и вѣрной усердности къ Ея Величеству, о которой и экстрактъ для лучшаго разсмотрѣнія при семъ прилагается. Сказано мнѣ, будто Государыня соизволила сказать, чтобъ я ѣхалъ въ отпускъ мѣсяца на два, а потомъ-де и команду получить могу. И то послѣдовало не изъ чего иного, какъ отъ несправедливыхъ представленій, ко одному моему разоренію, какъ я человѣкъ и такъ недостаточной, имѣя за собою не болѣе «1800» душъ. Не знаю, какое средство по тому объявленію взять, въ деревнишки ли съ имѣющимися осьмерыми малыми дѣтьми ѣхать, или оныя (для избавленія себя отъ непомнящихъ, въ та-

---

([4]) Тогда еще продолжался трауръ по Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

кихъ безпорочныхъ и безвинныхъ случаяхъ, Бога, совѣсти и христіанства, и ненавидящихъ ближняго своего) продать и вовсе въ крайней бѣдности остаться: ибо я и нынѣ по моему недостатку имѣю немалой долгъ, а впредь чѣмъ себя содержать, средства не нахожу. Помилуй, Милостивая Государыня, не оставь моей нижайшей просьбы; приложи свое по одному великодушію милостивое стараніе, дабы я безъ дальней прискорбности и крайняго разоренія въ свою должность и дивизію опредѣленъ былъ по прежнему, за что вамъ Нелицемѣрный Судія со вторицею воздастъ; а я, препоруча себя въ неотмѣнную милость, съ моимъ всегдашнимъ почитаніемъ предстою вашъ, Милостивая Государыня, покорный слуга графъ Петръ Девьеръ.

Іюля дня 1762 году.

Экстрактъ.

1.

Полковникъ Нееловъ изъ Петергофа отправленъ (1) былъ въ Кронштатъ прежде нежели я, съ тѣмъ, чтобъ ему Неелову, собравъ команды 3000 человѣкъ, на ботахъ и шлюпкахъ отправить немедленно въ Петергофъ.

2.

А я уже послѣ ево съ повелительнымъ указомъ, въ 4 часа (2) и по пріѣздѣ моемъ, помянутую трехъ-тысячную команду остановилъ и никакого исполненія по данному мнѣ указу я не дѣлалъ. Хотя мнѣ посланной со мною князь Барятинской (3) и представлялъ, чтобъ присланнаго отъ адмирала Талызина арестовать и послать въ Петергофъ, но я не согласился, и никакой противности, кромѣ моего усердія, отъ меня оказывано не было, а отъ него адмирала я былъ арестованъ, а онъ, Барятинской тово присланново, взявъ въ то время самъ собою, въ Петергофъ повезъ.

3.

И нынѣ совѣстію моею мучусь, не донесено ль на меня Ея Императорскому Величеству напрасно какой ни есть въ Кронштатѣ сдѣланной про-

(1) Т. е. Петромъ III-мъ. (2) По полудни. (3) Князь Иванъ Сергѣевичъ.

тивности. Тому Богъ свидѣтель, какъ съ начала была моя усердная вѣрность, такъ и до жизни моей пребудетъ, и то самое мое всегдашнее время-предпріятіе оправдаетъ меня. Я, какъ выше предписано, собранную полковникомъ Нееловымъ трехътысячную команду по моей усердности отправленіемъ въ Петергофъ оставилъ, и ниже малой какой въ то время противности отъ меня показано; въ чемъ свидѣтельствуюсь на бывшихъ тамъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а впротчемъ отдаюсь на высочайшее разсмотрѣніе.

Графъ Петръ Антоновичъ Девьеръ, сынъ извѣстнаго Петербургскаго генералъ-полиціймейстера и племянникъ князя А. Д. Меншикова, камергеръ и потомъ адъютантъ Петра III-го, который 28 Іюня 1762 г. послалъ его занять Кронштадтскую гавань. По словамъ Гельбига, Кронштадтскій комендантъ Нумерсъ не только не дозволилъ графу Девьеру распоряжаться въ Кронштадтѣ, но посадилъ его подъ арестъ (Р. Арх. 1865, 276). Это извѣстіе оказывается теперь невѣрнымъ: гр. Девьера арестовалъ не Нумерсъ, а Талызинъ. Дальнѣйшая судьба гр. Девьера намъ неизвѣстна.

Екатерина Ивановна Шарогородская (въ Малороссіи есть мѣстечко Шаръ-городъ, что значитъ пестрый городъ), племянница духовника Императрицы Елизаветы Петровны Дубянскаго и камеръ-юнгфера Екатерины, еще Великой Княгини, оказала ей важную услугу въ 1759 году, предложивши Великой Княгинѣ, подвергавшейся всякаго рода оскорбленіямъ, покровительство своего дяди, и черезъ него устроивши ночное свиданіе несчастной Екатерины съ Императрицею (Mémoires, изд. 1859, стр. 334 и д.). Какъ именно дѣйствовала эта усердная камеръ-юнгфера въ день восшествія на престолъ, намъ доподлинно неизвѣстно; но въ числѣ тѣхъ, „которые по ревности, для поспѣшенія благополучія народнаго, побудили самымъ дѣломъ Ея Величества сердце милосердое къ скорѣйшему принятію престола Россійскаго и къ спасенію такимъ образомъ нашего отечества отъ угрожавшихъ оному бѣдствій", упомянута и Шарогородская: ей пожалована пожизненная пенсія въ 10.000 рублей (Р. Арх. 1864, стр. 404). Впослѣдствіи Екатерина писала про нее своему генералъ-прокурору князю Вяземскому:

Увѣдомьте, здорова ли Катерина Ивановна Шаргородская? Въ городѣ или въ деревнѣ она теперь? Скажите ей, чтобъ она что нибудь ко мнѣ написала (Соч. Екат. изд. Смирдина III, 494).

ТРИ ЦИРКУЛЯРНЫЕ УКАЗА РОССІЙСКИМЪ МИНИСТРАМЪ ЗА ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ. *)

I.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Высоко и благоурожденный, намъ любезновѣрный.

Предъ недавнимъ временемъ ханъ Крымской, выступя въ походъ съ нарочитымъ числомъ войска и имѣя при себѣ Прусскаго резидента Боскампа, учреждалъ путь свой къ рѣкѣ Днѣстру; но въ таковомъ ли намѣреніи чтобъ утвердить себя въ ханскомъ достоинствѣ силою, будучи, сколько извѣстно, смѣною угрожаемъ отъ Порты Оттоманской, или въ другихъ какихъ либо видахъ, такожъ съ вѣдома ли Порты сей походъ предпріемлется или нѣтъ, о томъ съ точностью вѣдать не можно. Сіе однакожъ подлинно, что движенія хана Крымскаго понынѣ не клонятся къ нападенію на здѣшнія области; да и принятыя на такой случай въ здѣшнихъ границахъ мѣры и предосторожности достаточны будутъ отвратить оное. Между тѣмъ и резидентъ Обрѣзковъ въ послѣднихъ реляціяхъ своихъ изъ Константинополя подтверждаетъ, что Порта Оттоманская непремѣнно намѣрена съ нами содержать постоянный миръ и согласіе, такожъ и отъ границъ здѣшнихъ получено уже извѣстіе, что ханъ Крымской, перешедъ рѣку Днѣстръ, въ Буджацкую степь позади города Бендеръ, оставилъ при себѣ весьма малое число войска, а протчее отпустилъ въ домы ихъ для жатвы и собиранія хлѣба. О семъ сообщается для того, дабы вы будущія иногда излишнія разглашеніи и толкованіи по сему случаю въ состояніи нашлись опровергать самою истиною. И пребываемъ вамъ въ протчемъ императорскою нашею милостію благо-

(*) Всѣ три указа извлечены изъ бумагъ по сношеніямъ нашего двора съ Франціею, хранящихся въ Московск. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

склонны. Данъ въ Санктпетербургѣ августа 16 дня 1762. По ея императорскаго величества указу гр. Михаила Воронцовъ, кн. Александръ Голицынъ.

II.

Начало тоже.

Вамъ извѣстно уже, въ какой силѣ обрѣтающимся здѣсь чужестраннымъ министрамъ по вступленіи нашемъ на престолъ знать дано о намѣреніи нашемъ жить въ покоѣ и мирѣ со всѣми державами. И хотя таковое жъ объявленіе учинено и его величеству королю Прусскому какъ чрезъ его здѣсь министра барона Гольца, такъ и чрезъ посланника нашего князя Репнина, однакожъ нашъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, получа первое о возшествіи нашемъ на престолъ извѣстіе, по незнанію прямыхъ обстоятельствъ, въ Прусскихъ земляхъ (которыя, по силѣ заключеннаго съ королемъ Прусскимъ мирнаго трактата, уже возвращены были опредѣленнымъ отъ него персонамъ) поступилъ на нѣкоторыя отмѣны и распоряженія, кои видъ подать могли бъ, будто бы отмѣнились миролюбивыя наши мнѣнія: ибо онъ взялъ по прежнему во владѣніе наше всѣ Прусскія земли и, отрѣша присланныхъ отъ короля Прусскаго управителей, опредѣлилъ на ихъ мѣста нашихъ. Какъ скоро сія неожиданная вѣдомость къ намъ дошла, то не оставили мы все сіе, происшедшее отъ одного только чрезвычайнаго къ службѣ усердія, надлежаще поправить немедленнымъ отправленіемъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову точнаго указа о возстановленіи всего на прежнемъ основаніи, что̀, по полученнымъ отъ него графа Салтыкова реляціямъ, дѣйствительно уже и воспослѣдовало, и всѣ занятые въ Пруссіи и Помераніи города отданы по прежнему назадъ.

Сіе служитъ вамъ наставленіемъ къ учрежденію отзывовъ вашихъ на чинимые вамъ по сему случаю вопросы и къ опроверженію противныхъ иногда тому толкованій. И пребываемъ *и пр.*

Августа 16 дня 1762 года.

Подписи тѣже.

Оба эти указа, доселѣ неизвѣстные въ нашей исторической наукѣ, очень замѣчательны. Они подписаны въ одинъ и тотъ же день и очевидно находятся въ связи между собою. Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ съ воцаренія новой государыни, а уже нужно принимать мѣры противъ вѣ-

роятнаго, опозоривающаго набѣга дикихъ Крымцевъ, которыми руководитъ Прусскій резидентъ! Спасенный отъ гибели кончиною импер. Елисаветы, Фридрихъ Великій опять становится на ноги, и при внезапномъ низверженіи Петра III, которое опять грозитъ ему бѣдою со стороны Россіи, умѣетъ, такъ сказать, приневолить Екатерину къ дружбѣ съ нимъ. Въ поступкѣ графа П. С. Салтыкова, за три года передъ тѣмъ на голову разбившаго Фридриха Великаго подъ Франкфуртомъ, выражается вполнѣ пылкій нравъ этого отмѣнно-храбраго, но простодушнаго человѣка: между тѣмъ какъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (хорошо знавшій образъ мыслей Екатерины) отваживается, уже по ея воцареніи, помогать Фридриху въ битвѣ при Букерсдорфѣ, графъ Петръ Семеновичъ никакъ не хочетъ дождаться опредѣлительныхъ приказаній изъ Петербурга и, въ радости своего Русскаго сердца, спѣшитъ впрвь занять цѣлую половину Прусской монархіи. *П. Б.*

III.

Начало тоже.

По неиспытаннымъ судьбамъ всевышняго вступя мы на Всероссійскій императорскій престолъ, неутомленное прилагали попеченіе о учрежденіи добраго порядка и утвержденіи правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Въ воздаяніе сихъ прилагаемыхъ нами неусыпныхъ о томъ трудовъ, видѣли мы съ удовольствіемъ, что вѣрные подданные наши наслаждалися толь драгоцѣннымъ спокойствіемъ, и наблюдая каждый свою должность препровождали время въ такомъ благоденствіи, что казалось уже намъ, якобы, въ толь краткое время государствованія нашего, пришло все въ совершенный порядокъ и не оставалось никакого въ томъ поправленія; слѣдовательно чувствуемое нами внутреннее о томъ удовольствіе побуждало еще больше насъ, съ пренебреженіемъ собственнаго покоя, прилагать труды къ трудамъ для достиженія вѣрнымъ подданнымъ нашимъ совершеннаго блаженства. Но съ великимъ прискорбіемъ и печалью принуждены мы были услышать, что въ самое то время, когда матернее о благополучіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ имѣли мы попеченіе, и когда всѣ пріятнымъ наслаждалися спокойствіемъ, нашлись посреди столичнаго нашего города такіе неспокойные люди, кои, забывъ Бога и праведной Его судъ, презрѣвъ вѣрноподданническую учиненную намъ присягу и сдѣлавъ оскорбленіе величеству нашему, изъ единой злости превратныхъ своихъ сердецъ, по своему подлому воспитанію и по вѣтренному сумазбродству, хотѣли затѣваемымъ ими возмущеніемъ нарушить спокойствіе

во всей имперіи нашей и тѣмъ ввергнуть любезное отечество въ крайнюю пагубу. Сіи изверги всего человѣческаго общества признались тотчасъ, безъ всякаго истязанія, въ своемъ богомерзкомъ умыслѣ и злодѣяніи; почему не оставалось намъ ничего больше какъ предать ихъ, яко оскорбителей величества нашего и возмутителей всенароднаго покоя, смертной казни, которую они по всѣмъ божескимъ и гражданскимъ законамъ заслужили. Но человѣколюбивое наше сердце не допустило сдѣлать вдругъ такого, столь строгаго, сколь справедливаго приговору. И такъ отдали мы сихъ государственныхъ злодѣевъ нашему Сенату со всѣми собранными президентами на осужденіе, рекомендовавъ имъ при томъ имѣть правиломъ матернее наше ко всѣмъ милосердіе. Со всѣмъ тѣмъ помянутые злодѣи не избавились и тутъ отъ смертной казни, но присуждены къ оной по своимъ ненавистнымъ, богомерзкимъ преступленіямъ. Однако мы, желая по сродному намъ человѣколюбію дать время имъ къ покаянію, освободили ихъ отъ приговоренной имъ смертной казни, опредѣля исключить ихъ изъ числа благородныхъ и честныхъ людей, какъ вы то обстоятельно усмотрите изъ приложеннаго при семъ публикованнаго сегодня печатнаго манифеста. И понеже вы теперь уже достаточно увѣдомлены о злодѣйствѣ означенныхъ въ манифестѣ преступниковъ и о нашемъ къ нимъ милосердіи, то и не оставите вы происходимыя иногда въ вашемъ мѣстѣ ложныя о семъ мнѣнія и нескладныя толкованія и разсужденія самою истинною опровергать, присовокупляя еще къ тому, что по оказуемому всѣми вѣрными подданными нашими къ преступленію тѣхъ злодѣевъ великому омерзенію и ненависти, имѣемъ причину мы уповать, что не осталось уже въ имперіи нашей подобныхъ изверговъ, но что всѣ вѣрноподданные наши показуютъ къ намъ горячую и благоговѣніемъ наполненную любовь яко къ матери, которая только о благоденствіи ихъ печется и въ томъ единственное удовольствіе свое находитъ. И пребываемъ и пр. Данъ въ Москвѣ 28 дня Октября 1762 г.

Подписи тѣже.

Упоминаемый здѣсь манифестъ *о явившихся преступникахъ* помѣщенъ въ Указахъ импер Екатерины (Спб. 1764) и въ Полн. Собр. Законовъ № 11. 693, отъ 24 Октября 1762 года. Преступники эти— гвардейцы Гурьевы и Хрущовы. О смутѣ, произведенной ими, сообщены намъ В. П. Ламанскимъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ современныхъ подлинныхъ бумагъ.

«Въ пакетѣ, на коемъ написано собственною императрицы Екатерины рукою: «не распечатывать безъ докладу,» находится подлинное слѣдственное дѣло по доносамъ камеръ-юнкеровъ князя Несвицкаго и Александра Ржевскаго на камеръ-юнкера Ѳедора Хитрова ([1]).

Всѣ бумаги, составляющія сіе дѣло, за исключеніемъ лишь семи подписокъ и двухъ объявленныхъ слѣдователями высочайшихъ указовъ о храненіи тайны, суть ничто иное, какъ сдѣланныя разными лицами на допросахъ и очныхъ ставкахъ показанія. Изъ нихъ открываются слѣдующія, отчасти уже извѣстныя по преданію, обстоятельства.

Въ 1762 г., во время путешествія Екатерины II изъ Москвы въ монастырь Воскресенскій, вдругъ разнеслись въ сей древней столицѣ слухи, вѣроятно не безъ намѣренія распространенные, будто императрица готова вступить въ бракъ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ. Въ числѣ тѣхъ, кои распускали сіи слухи, былъ камеръ-юнкеръ Хитровъ, довольно богатый человѣкъ, имѣвшій родственныя съ знатными людьми связи, впрочемъ, какъ кажется, легкомысленный и сверхъ того лично оскорбленный гордостію Орловыхъ. Онъ говорилъ своимъ товарищамъ, князю Несвицкому и Александру Ржевскому, что «императрица уѣхала въ Воскресенскій монастырь нарочно для того, чтобъ *старый чортъ* Бестужевъ удобнѣе могъ начать и совершить задуманное дѣло, то-есть склонить другихъ вельможъ къ подписанію просьбы на имя государыни о вступленіи ея въ бракъ съ графомъ Григоріемъ Орловымъ; что знатное духовенство и нѣкоторые изъ сенаторовъ уже подписали сію просьбу, но гетманъ графъ Разумовскій, графы Панинъ и Чернышевъ не согласились; что Панинъ спрашивалъ императрицу, съ ея ли соизволенія дѣйствуетъ Бестужевъ? Она отвѣчала сухо: *нѣтъ:* но по лицу ея и поступкамъ было видно противное; наконецъ, что Панинъ, какъ усердный патріотъ, пригласивъ къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, князей Барятинскихъ, Хованскихъ и друг., объявилъ имъ о семъ намѣреніи императрицы и убѣждалъ не допускать императрицу и Орлова къ исполненію.» Хитровъ хотѣлъ дѣйствовать, какъ будто бы дѣйствовалъ графъ Панинъ (ибо въ послѣдствіи добровольными признаніями самого виновнаго доказано, что и совѣщаніе Панина съ другими вельможами и прочіе приписываемые ему Хитровымъ поступки были ничто иное, какъ вымыселъ). Онъ вздумалъ также собирать *патріотовъ* и предлагалъ имъ: «явиться всѣмъ вмѣстѣ къ государынѣ, представить ей, что бракъ съ Орловымъ будетъ гибеленъ для нея и отечества, что если ей угодно выйти замужъ, то лучше ей избрать въ супруги одного изъ *Иванушкиныхъ* братьевъ (какъ говорилъ Хитровъ, т. е. изъ братьевъ Ивана Ан-

---

([1]) Всѣ трое, четыре мѣсяца назадъ, участвовали въ доставленіи престола Екатеринѣ II-й. См. Русскій Архивъ 1864, 403.

тоновича, царствовавшаго подъ именемъ Іоанна III) или же выдти за какого нибудь иностраннаго принца. Если, прибавлялъ онъ, императрица будетъ отвѣчать намъ также сухо, какъ и графу Панину, то мы всѣхъ Орловыхъ *переберемъ* — особливо надобно искоренить Алексѣя, главнаго *плута*. Лишь только бы сдѣлать, а послѣ она сама будетъ намъ благодарна за то, что мы избавимъ ее отъ нарушителей покоя.»

Онъ весьма неосторожно приглашалъ всѣхъ быть его сообщниками, увѣряя, что и княгиня Дашкова, и генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, и полки гренадерскіе съ нимъ за одно. Но, какъ кажется, и самые легковѣрные сомнѣвались, а благоразумнѣйшіе совѣтовали ему молчать, повторяя, что все это вздоръ, и что дѣло затихло. Хитровъ однакожъ не переставалъ дѣйствовать, т. е. говорить, и наконецъ даже вздумалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ вахмистромъ конной гвардіи, разглашать, что Екатерина II не имѣетъ истиннаго права на престолъ, что она обѣщалась быть только правительницей, а самодержцемъ объявить сына своего (Павла I), утверждалъ даже, что графу Панину слѣдовало быть участникомъ въ регенствѣ.

Сіи и другія безразсудныя слова его сдѣлались извѣстны правительству. Онъ взятъ подъ стражу и на допросахъ предъ сенаторами кн. Волконскимъ (2) и Васильемъ Суворовымъ (3) признался во всемъ, назвалъ участвовавшихъ въ намѣреніи или по крайней мѣрѣ въ разговорахъ его, дѣлалъ показанія и на многихъ другихъ (Рославлевыхъ, Ласунскаго), которые однакожъ всѣ оправданы. Сами Хитровы были не строго наказаны: изъ разсмотрѣнныхъ бумагъ видно только, что съ нихъ взята подписка о храненіи всѣхъ обстоятельствъ сего дѣла въ глубочайшей тайнѣ; но извѣстно, что какъ они, такъ и Рославлевы и Ласунскій, удалены отъ двора и столицы, однакожъ возвращены впослѣдствіи.» (4).

*
* *

Изъ всего предъидущаго видно, какими затрудненіями сопровождались во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ первые шаги Екатерины II-й на ея царственномъ поприщѣ.

Не бываетъ великихъ дѣлъ безъ великихъ опасностей *П. Б.*

---

(2) Княземъ Михайломъ Никитичемъ, о которомъ ниже читатели узнаютъ подробно.

(3) Отцемъ князя Италійскаго.

(4) См. списокъ, кому именно въ резиденціи въѣзжать не велѣно, въ Русскомъ Архивѣ 1864, 427. Въ 1794 году Ѳедора Хитрова уже не было въ живыхъ, см. тамъ же 458.

ПИСЬМА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-й КЪ КНЯЗЮ МИХАИЛУ НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Очеркъ жизни князя М. Н. Волконскаго (1713—1789), одного изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ, наслѣдованныхъ Екатериною отъ Елизаветы Петровны, помѣщенъ нами въ видѣ предисловія къ бумагамъ его, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1865 г. (2-е изд., стр. 681—722).

Семилѣтняя война, въ которой князь Волконскій принималъ весьма замѣтное участіе, довершила гражданское и политическое воспитаніе его. Имѣть дѣло съ Фридрихомъ Великимъ, уже значило проходить отличную школу и въ военномъ и въ другихъ отношеніяхъ: примѣръ политической мудрости, необыкновеннаго умѣнья пользоваться малыми средствами, строгости въ исполненіи задуманныхъ предпріятій, предпочтенія качества количеству, такой примѣръ не могъ остаться безъ вліянія на Русскихъ людей того времени, и въ этомъ-то, можетъ быть, и состоитъ прямая польза, извлеченная нами изъ дорого-стоившей Семилѣтней войны. (Это было повтореніе той бытовой выучки, которую проходили Русскіе люди при Петрѣ Великомъ, находясь нѣсколько лѣтъ сряду въ заграничныхъ походахъ).

Глубоко оскорбленъ былъ Русскій народъ и въ особенности участники Семилѣтней войны, когда Петръ III-й произвольно измѣнилъ всю политику дѣда и тетки своихъ по отношенію къ Германіи и отказался отъ завоеваній Русскаго оружія въ Пруссіи. Кромѣ этого общенароднаго негодованія, князь Волконскій имѣлъ и личную причину къ тому, чтобы, въ распрѣ между императоромъ и его супругою, стать на сторону сей послѣдней: князь Волконскій былъ племянникомъ и воспитанникомъ графа Бестужева-Рюмина, пострадавшаго при Елизаветѣ Петровнѣ за Екатерину, и потому отъ ея воцаренія ожидалъ всего лучшаго и себѣ и ссыльному своему дядѣ. Начальствуя конною гвардіею, онъ много содѣйствовалъ Екатерининскому восшествію на престолъ; а потомъ, когда возвратился изъ ссылки его дядя, то князь Волконскій сдѣлался однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ совѣтниковъ въ мѣропріятіяхъ новаго царствованія. Екатерина пользовалась не одною военною, но и дипломатическою его опытностью; ибо князь Волконскій, еще до Семилѣтней войны, былъ нашимъ

посломъ въ Польшѣ. Нижеслѣдующая бумага, списанная нами съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, можетъ служить образикомъ дипломатическхъ мнѣній князя Волконскаго. Дальнѣйшія письма къ нему императрицы Екатерины печатаются также съ подлинниковъ, принадлежащихъ его правнуку, князю Александру Ѳедоровичу Голицыну-Прозоровскому. То что́ писано государынею собственноручно, въ печати означается у насъ вносными знаками. *П. Б.*

Всеподданнѣйшее мнѣніе князя Михаилы Волконскаго на данные отъ Вашего Императорскаго Величества собственноручные пункты.

На 1.

По нынѣшнимъ конъюнктурамъ, кажется, что склоняется къ общему миру во всей Европѣ, и потому думаю, что сходственно съ интересомъ Россійской имперіи, чтобъ Ваше Императорское Величество общему въ Европѣ примиренію содѣйствовали. И какъ въ войнѣ Россійское оружіе наиглавнѣйшее участіе имѣло, то весьма желательно, чтобъ и къ постановленію генеральнаго мира, руководствомъ Вашего Императорскаго Величества, поспѣшествовало.

На 2.

Что надлежитъ до посылки министровъ Россійскихъ на будущій конгрессъ, то весьма надобно стараться, чтобъ оные отъ воюющихъ державъ приглашены были; но сіе можетъ быть затрудненіе найдетъ учиненнымъ съ королемъ Прусскимъ миромъ, потому что помянутыя державы, считая свой миръ за сепаратной, не согласятся министровъ Вашего Императорскаго Величества на конгрессъ допустить. А ежели министры Россійскіе на конгрессъ допущены будутъ, то тѣхъ министровъ и отправить, съ наставленіемъ, дабы такія старанія приложили, чтобъ силы короля Прусскаго, какъ сильнаго нашего сосѣда, сокращены были отданіемъ нѣкоторыхъ его земель союзникамъ нашимъ, дабы онъ впредь Россіи не опасенъ былъ.

На 3.

Пропозицію, отъ короля Прусскаго учиненную графу Чернышеву, о медіаціи сообщать другимъ державамъ за ненужно нахожу, потому что

оная учинена не формально, но разговоромъ; и при томъ еще король Прусской изъяснился, что прежде хочетъ видѣть, какихъ сантиментовъ Ваше Императорское Величество противъ его будете.

На 4.

Весьма бъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ для сильной инфлуенціи въ дѣлахъ Европейскихъ полезно было — всей арміи Вашей зимовать въ завоеванныхъ земляхъ, а по малой мѣрѣ сильному корпусу на рѣкѣ Вислѣ, а прочіе полки въ Лифляндіи по границѣ. Но какъ уже армія возвращается, и къ прозимованію способы, яко то провіантскіе магазеины и прочее, отмѣнены (уповаю, что уже большею частію и распроданы) а вновь заводить и время короткое остается, да и немалая сумма денегъ на то надобна, и потому уже армію надлежитъ расположить въ Лифляндіи и по границѣ, какъ о томъ и опредѣленіе уже сдѣлано.

На 5.

Учиненной съ королемъ Прусскимъ миръ, хотя намъ не полезенъ, но когда уже подтвержденъ, къ тому же и казна истощена, то и худой миръ надобенъ. Что же до сепаратнаго артикула оного мира касается, то когда бъ армія Вашего Императорскаго Величества еще въ завоеванныхъ земляхъ находилась, тогда бъ помянутой артикулъ служить къ тому могъ, а какъ оная нынѣ выступаетъ, то уже въ помянутомъ сепаратномъ артикулѣ никакой пользы не предвидится.

На 6.

Съ Вѣнскимъ дворомъ союзной и оборонительной трактатъ учиненнымъ миромъ съ королемъ Прусскимъ въ ослабленіе приведенъ, кажется: то нужно помянутой трактатъ съ Вѣнскимъ дворомъ, располагая по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, возобновить, имѣя одинакіе интересы въ разсужденіе Турковъ и прочихъ сосѣдей.

На 7.

По великодушію Вашего Императорскаго Величества и по союзной дружбѣ весьма бъ сходно было, какъ королю Прусскому, такъ и Вѣнскому двору представить, чтобъ Саксонія отъ обоихъ войскъ очищена и отъ обоихъ же сторонъ неутральною признана была.

На 8.

По выступленіи арміи Вашей изъ завоеванныхъ земель и по вступленіи въ свои границы, кажется, не такую инфлуенцію въ дѣлахъ имѣть можно, какъ бы оная еще въ близости къ театру военному находилась, да и медіація (ежели къ оной инвитація учинена будетъ) не такую же силу имѣть можетъ.

Всеподданнѣйшій рабъ князь М. Волконскій.

Августа 17-го 1762 г.

Въ С.-Петербургѣ.

* * *

Письма Екатерины II-й.

1.

«Нашему вѣрноподданному князю Михаилу Никитичу Волконскому.

Всемилостивѣйше жалуемъ васъ нашимъ генералъ-аншефомъ и въ нашъ лейбъ-гвардіи конный полкъ подполковникомъ.

Екатерина.»

Полученъ 28-го іюня 1762 году.

Это письмо очень замѣчательно по нѣкіимъ обстоятельствамъ ([1]).

2.

Князь Михаилъ Никитичъ!

Поздравляю васъ съ сегодняшнимъ днемъ, такъ какъ участника онаго, и желаю, чтобъ вы были здоровы, «а мы здѣсь въ Ревелѣ весьма ласково приняты. Вчерась смотрѣла я дивизью графа Румянцова и всякіе маневры, какъ мѣсто дозволило, а послѣ завтра или завтра поѣду отселѣ водою въ Балтійскій портъ. Екатерина.»

28-го іюня 1764.

Екатеринталь.

3.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Реляцію вашу о происшедшей между нашими и Радзивиловыми войсками акціи я получила, и съ пріобрѣтеннымъ надъ нимъ авантажемъ

([1]) Приписка другою рукою. — Число этого письма служитъ къ нему лучшимъ объясненіемъ: это день возшествія на престолъ Екатерины II-й.

васъ поздравляю. Много теперь писать не могу. Желая продолженія успѣха, пребываю къ вамъ благосклонна. Екатерина.»

30-го іюня 1764.

Въ Екатеринталѣ.

4.

Князь Михаилъ Никитичъ.

Продолжавшійся болѣе нежели я думала возвратный мой путь изъ Риги и между тѣмъ воспослѣдовавшее въ Шлиссельбургѣ злоключительное происшествіе съ несчастно-рожденнымъ принцомъ Іоанномъ, о чемъ вы на сихъ дняхъ публичное и обстоятельное извѣстіе имѣть будете (²), не допустили мнѣ по сіе время ни на представленія ваши дать резолюціи, ниже отвѣтствовать на ваши ко мнѣ послѣднія письма.

Я конечно твердо увѣрена о вашей ревности и усердіи къ моей службѣ, и всѣ ваши увѣдомленія мнѣ весьма пріятны; но сожалѣю только, что резоны дѣлъ моихъ въ Польшѣ еще мнѣ не дозволяютъ васъ здѣсь видѣть ближе учиненнаго уже тамъ избранія королевского. Ибо вы сами разсудите, что въ настоящемъ такъ близкомъ къ сему рѣшительному пункту времени отзывъ отъ границы вашей персоны можетъ многія разныя сдѣлать импрессіи въ духахъ и тѣмъ разстроить всю составленную машину. По тому и паче, что какъ всѣ мои войски въ Польшѣ находятся, употребляемы разными деташементами въ помочь и защищеніе разныхъ тамошнихъ казусовъ и предметовъ, такъ и въ случаѣ, когда бы нужда того требовала намъ собою собственно вступить тамъ въ дѣйство, готовое вашей персоны на границахъ присутствованіе къ принятію для того главной команды надъ всѣми, слѣдовательно и дѣйствіе цѣлой арміи, останутся еще важнѣйшимъ и новымъ страхомъ для Поляковъ, который ихъ далѣе обуздывать долженъ.

Хотя мы не имѣемъ еще основательной причины чего либо дѣйствительно опасаться съ Турецкой стороны, однако въ разсужденіи что наши завистники, отчаясь намъ съ успѣхомъ перечить въ срединѣ Польши, обратили всѣ свои удобовымышленныя коварства въ Сераль, гдѣ часто непостоянныя и превратныя резолюціи принимаются: благоразуміе требуетъ, чтобы мы и съ той стороны не пренебрегли своей обороны. Почему извольте вы отъ себя отпустить въ ихъ вѣчныя квартиры полки

(²) Манифестъ о кончинѣ Іоанна Антоновича изданъ 19-го августа 1764 г.

Московской дивизіи, такъ какъ вамъ изъ военной коллегіи предписано будетъ, дабы на первый часъ нужды ими скорѣе могла быть подкрѣплена Украинская дивизія. Касательно же до Польши, для васъ на всякій случай больше нежели довольно будетъ тѣхъ войскъ, которыя сверхъ того и при васъ остаются, купно съ находящимися теперь дѣйствительно въ Польшѣ: ибо, когда бы Турки противъ насъ что-либо предпріяли, король Прусскій обязанъ сверхъ безпосредственной намъ помочи ввести въ Польшу своихъ войскъ двадцать тысячъ.

Что касается до представленій вашихъ о расположеніи при васъ находящихся войскъ по квартирамъ въ деревняхъ нашихъ противниковъ въ Польшѣ, я оное весьма апробую. Но токмо надлежитъ сей распорядокъ согласить съ тою диспозицією квартиръ, которую наши въ Варшавѣ министры по обстоятельству дѣлъ учинятъ для находящихся тамъ въ дѣйствіяхъ нашихъ разныхъ корпусовъ, о чемъ я къ нимъ и писать велѣла. Впрочемъ находящимся при васъ волонтерамъ нашимъ гвардіи офицерамъ можете вы отъ себя давать такія дозволенія, какія они пожелаютъ и какія вы сами заблагоразсудите; то-есть ѣхать ли въ Польшу, возвратиться сюда, или же оставаться при васъ. Я пребываю вамъ всегда благосклонная. «Екатерина».

Въ С.-Петербургѣ.

17-го августа 1764 г.

Полученъ въ Велесовкѣ 25-го августа 1764 году.

5.

Князь Михаилъ Никитичъ.

Я увольняю васъ по прошенію вашему на годъ въ отпускъ, и уже приказано въ сенатъ, чтобы какъ вамъ, такъ и штату вашему жалованіе оставлено на сіе время было. Желаю, чтобы деревенское житье какъ ваше здоровье, такъ и домашнія ваши дѣла поправило, пребывая неизмѣнно доброжелательною. «Екатерина.»

Царское Село.

Декабря 16-го дня 1764 г.

6.

Князь Михаилъ Никитичъ.

Изъ письма вашего усмотрѣла я, что покойный дядя вашъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ намѣреніе невѣстку свою графиню

Анну Бестужеву Рюмину еще при жизни своей отдѣлить, но за смертію помянутаго дяди вашего сдѣлка не совершена; почему и прóсите, чтобы васъ съ прочими учрежденными надъ графомъ Андреемъ Бестужевымъ-Рюминымъ опекунами уполномочить помянутую сдѣлку съ нею графинею учинить. А какъ и она меня о томъ же своимъ письмомъ проситъ, то чрезъ сіе даю знать, что сіе дѣло моей волѣ не противно, естли опекуны и она въ томъ согласны ([3]).

«Екатерина.»

30-го сентября 1766 г.

С. Петербургъ.

7.

Князь Михаилъ Никитичь.

Статскаго дѣйствительнаго совѣтника Александра Сумарокова мать въ поданномъ намъ прошеніи, принося жалобу на чинимыя отъ него ей всякія досады и злословія, проситъ, чтобъ ее въ старости защитить отъ сего ей непослушнаго сына и запретить ему дѣлать ей при концѣ жизни ея такія досады и оскорбленія. Мы не могли читать ея жалобы, чтобъ не войдтить въ ея состояніе и не изумиться, что толь далеко сыновняя дерзость противъ матери простираться можетъ, а потому повелѣваемъ вамъ слѣдующее. Призовите его къ себѣ и, объявя о сей на него жалобѣ, покажите ему примѣръ графа Андрея Бестужева-Рюмина, котораго мы по законамъ отдали въ совершенную власть отца его, несмотря на то что онъ уже имѣлъ чинъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, и по желанію отцову, по снятіи съ него чиновъ и орденовъ, сосланъ былъ въ Свирскій монастырь, гдѣ бы онъ конечно и пробылъ до смерти своей, если бы самъ отецъ передъ смертію его оттуда не испросилъ, и то не инако какъ чтобъ по желанію отца быть ему подъ опекою и въ деревни свои не *въѣзжать*. Скажите ему, что мы и съ нимъ все то сдѣлать приказать не упустимъ, чего мать его отъ насъ просить будетъ, естли онъ ея не уми-

---

([3]) Сынъ гр. Бестужева Андрей былъ женатъ на кн. Аннѣ Долгорукой. У него была ссора съ отцомъ, который за непослушаніе держалъ сына въ монастырскомъ заключеніи. У Порошина (стр. 459 подъ 27-мъ дек. 1765 г.): „Гр. А. А. Бестужевъ женился недавно на княжнѣ Долгорукой. 24-го числа нынѣшняго мѣсяца обобралъ онъ ее, дѣлалъ надъ нею разныя ругательства и сбилъ ее со двора. Велѣно къ нему приставить гвардіи офицера съ солдатами и отдать его отцу въ полную диспозицію.“

лостивитъ и не испроситъ ея прощенія. Наконецъ объявите ему и то, что намъ ничто столь не противно какъ неповиновеніе дѣтей своимъ родителямъ. Причемъ можете прочесть ему приложенныя копіи съ письма нашего къ покойному графу Алексѣю Бестужеву Рюмину и съ указа даннаго сенату отъ насъ по его смерти о сынѣ его (4). Потомъ объявите и матери его, какое мы по просьбѣ ея повелѣніе вамъ дали, и спросите, довольна ли она тѣмъ, и естли она еще сверхъ сего увѣщанія пожелаетъ ему какого наказанія, то мы все по ея желанію исполнить повелимъ. При семъ посылаемъ и подлинное ея прошеніе для вашего только свѣдѣнія. «Екатерина:»

28-го сентября 1767 года.

Москва.

Прошеніе матери Сумарокова.

Всемилостивѣйшая государыня!

Недостойный сынъ мой Александръ (5), по примѣчанію моему не имѣвъ сначала истовой своей жизни, какъ къ покойному мужу моему, а своему отцу (6), такъ и ко мнѣ какъ къ матери своей должнаго сыновскаго почтенія, еще при жизни покойнаго мужа моего неоднократно достовѣрными о непослушаніи своемъ знаками доказывалъ свою развратность во нравѣ и неистовство, а напослѣдокъ по несносномъ его насъ оскорбленіямъ и многимъ противъ насъ съ умыслу чинимыми досадами, до того какъ отца своего, такъ и меня довелъ, что мы во избѣжаніе отъ такого зла принуждены были, по данной намъ отъ Бога власти, потерявъ уже къ нему всю родительскую любовь и милость (которую онъ же самъ всячески старался напередъ изъ насъ вовсе истребить), предать его проклятію и на дворъ къ себѣ ни подъ какимъ видомъ не пускать; что̀ онъ видя, неоднократно убѣждалъ изъ свойственниковъ нашихъ въ Москвѣ тогда случившихся, и не беззнатныхъ людей, своею просьбою о испрошеніи ему отъ насъ въ винахъ его прощенія.

Таковое покойнаго мужа моего намѣреніе видя, я, по мягкосердію моему, а думая паче о исправленіи его неистовой и развратной жизни, по должности христіянской и по оставшимся искрамъ материнской любви, не оставила тогда исходатайствовать ему въ винахъ его прощенія, съ тѣмъ однакожь, чтобъ онъ никакъ раздражать своими богомерзкими поступками, а паче оскорблять не отваживался, которое онъ получа, злобу

(4) Копій этихъ при нашихъ письмахъ не сохранилось.

(5) Ему шелъ тогда 50-й годъ отъ роду.

(6) Дѣйств. тайному сов. Петру Панкратьевичу.

свою какъ противъ покойнаго отца своего, такъ и противъ меня на нѣсколько времени и скрывалъ.

А какъ по несчастію моему покойнаго мужа моего, а его отца, въ прошломъ 1766 году волею Божіею не стало, то, видя онъ уже себя совсѣмъ отъ родительской власти свободна, меня жь не почитая болѣе себѣ за мать, а паче думая, что я по старости своихъ лѣтъ особливо отъ слабаго моего здоровья управиться съ нимъ не могу, по пріѣздѣ его въ маѣ мѣсяцѣ сего года изъ Санктпетербурга въ Москву для раздѣлу оставшагося послѣ покойнаго мужа моего движимаго и недвижимаго имѣнія между мною и дѣтьми моими (7), паки началъ дѣлать мнѣ разнаго рода противности, досады и оскорбленія, которыя, хотя впрочемъ и несправедливо, всячески терпѣть я принуждена была, думая вопервыхъ тѣмъ отъ него вовсе избавиться, а притомъ чтобы и полюбовному нашему раздѣлу не помѣшать, въ которомъ однако все по его волѣ и желанію происходило, и напослѣдокъ, благодаря Бога, оный и конченъ, о чемъ отъ всѣхъ насъ въ государственную вотчинную коллегію тогда жь и полюбовная о раздѣлѣ челобитная подана, по которой всѣ и допрашиваны и къ допросамъ руки приложили. По окончаніи жь оного раздѣлу, не видавъ онъ отъ меня никакого себѣ оскорбленія, по врожденной его ко мнѣ ненависти не переставалъ мнѣ всячески досаждать, присылая въ домъ мой на всякій день по нѣскольку писемъ, наполненныхъ всякими укоризнами, что̀ я видя, принуждена была приказать какъ ему самому ко мнѣ не ходить, такъ и изъ людей его на дворъ къ себѣ никого не пускать, почему онъ нѣсколько дней ко мнѣ не являлся, однакожь и тогда присылками своими мучить меня не преставалъ. А напослѣдокъ, не удовольствовавшись тѣмъ, сего сентября 9-го дня, пришедъ ко мнѣ внезапно въ домъ отъ злобы совсѣмъ изъ ума изступившій, началъ меня въ глаза такими непристойными и поносительными злорѣчить словами, которыхъ я теперь уже и вспомнить не могу, крича и угрожая неоднократно изъ дому меня выгнать вонъ, называя его своимъ, потому что оный между нами еще не раздѣленъ, отъ которого страху бывшіе тогда у меня гости тотчасъ разъѣхались, а я принуждена была съ дочерьми моими ушедъ, запереться въ особливую палату. А напослѣдокъ, выбѣжавъ на дворъ и вынявъ шпагу, неоднократно къ людямъ моимъ прибѣгалъ, хотя ихъ переколоть, для чего они по приказу моему людей его ко мнѣ на дворъ не пускаютъ, которые, видя въ злобѣ его разъяренна, принуждены были сколько возможно отъ него удаляться. Оное жь его бѣшенство и озарничество нѣсколько часовъ продолжалося, такъ что находящійся подлѣ двора моего переулокъ весь смотрителями на такое ужасное и необыкно-

---

(7) Александрою Петровною, матерью извѣстнаго писателя Я. Б. Княжнина. Другая дочь за Бутурлинымъ.

венное позорище наполнился, отчего какъ я такъ и дочери мои, едва живы, заперлись въ особливой палатѣ и всю ночь сидѣть принуждены были, боясь притомъ внезапного его нападенія, во избѣжаніе которого принуждена я была на другой день послать съ просьбою къ его сіятельству генералу-фельдмаршалу господину сенатору и кавалеру графу Петру Семеновичу Салтыкову о испрошеніи у его сіятельства на время военнаго караула, объявя притомъ, что я опасаюсь, чтобъ не понести равномѣрного съ несчастною Жукова матерью жребія, а какъ скоро я отъ такого удару хотя нѣсколько успокоюсь, то о оборонѣ и защищеніи меня отъ такого явнаго злодѣя ваше императорское величество, яко истинную нашу мать и покровительницу, всеподданѣйшею моею просьбою утруждать не премину. Что онъ слыша, нимало не пришелъ въ раскаяніе, но, злобу къ злобѣ прибавляя, порицать и злословить меня и понынѣ не престаетъ. Всемилостивѣйшая государыня, премилосердая и человѣколюбивѣйшая мать Всероссійская! Всеподданнѣйше прошу вашего императорского величества защитить меня всеподданнѣйшую вашего величества рабу отъ такаго моего злодѣя и не дать мнѣ въ старости моей умереть безгодно, и высочайше запретить сему недостойному сыну моему дѣлать мнѣ при концѣ жизни моей такія досады и оскорбленія.

Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая раба

„Прасковья Сумарокова.“ (8)

8.

Князь Михаилъ Никитичь.

Я слышу, что главнымъ орудіемъ неудовольствія матери статскаго дѣйствительнаго совѣтника Сумарокова на онаго сына ея есть зять ихъ Аркадій Бутурлинъ (9). Чего ради призовите его къ себѣ и объявите моимъ именемъ, что я съ великимъ неудовольствіемъ то принимаю, что онъ и въ то время, когда я стараюсь мать съ сыномъ примирить, не престаетъ всѣвать между ими еще пущіе раздоры и несогласія, и скажите ему, чтобъ онъ впредь отъ такихъ богопротивныхъ и развратныхъ поступковъ воздержался подъ опасеніемъ нашего гнѣва. „Екатерина.“

3-го декабря 1767.

Москва (10).

---

(8) Числа не означено при этомъ прошеніи.

(9) Камергеръ, сынъ генерала аншефа, Аркадій Ивановичь.

(10) Волконскій въ это время былъ въ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія депутатомъ отъ сената. Сумароковъ — младшій товарищъ его по сухопутному шляхетному корпусу; вслѣдствіе этого товарищества Екатерина вѣроятно и поручала кн. Волконскому удалить домашнія дѣла стихотворца.

Здѣсь въ печатаемомъ сборникѣ писемъ — значительный перерывъ, а именно нѣтъ писемъ императрицы за то время, когда князь Волконскій находился посломъ въ Польшѣ. Письма эти по всему вѣроятію хранятся въ Польскихъ дѣлахъ Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Рядъ нижеслѣдующихъ писемъ относится къ управленію Москвою, куда князь Михаилъ Никитичь былъ назначенъ въ самую тяжкую пору, вслѣдъ за чумнымъ возмущеніемъ и передъ самымъ возвращеніемъ изъ Москвы гр. Г. Г. Орлова, который, надо полагать, особенно благопріятствовалъ князю Волконскому, такъ какъ находилъ себѣ поддержку въ покойномъ дядѣ его графѣ Бестужевѣ.

9.

Князь Михаилъ Никитичь.

По пріѣздѣ вашемъ въ Москву имѣете вы призвать къ себѣ московскаго гарнизона майора Боувера да сенатской роты поручика Нелидова, которымъ объявите именемъ нашимъ монаршее наше благоволеніе за похвальные ихъ поступки, служащіе ко утишенію бывшаго въ Москвѣ въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ народнаго возмущенія. Въ знакъ же нашего за ихъ службу удовольствія всемилостивѣйше жалуемъ майору Боуверу двѣсти червонныхъ, а поручика Нелидова капитаномъ. Впротчемъ пребываемъ вамъ доброжелательною „Екатерина.“

Ноября 6-го дня 1771 г. въ С.-Петербургѣ.

10.

Нашему генералу князю Волконскому.

Секретно.

Въ бытность въ Москвѣ главнымъ командиромъ нашего генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова тайныя дѣла по тамошнимъ мѣстамъ поручены были въ смотрѣніе и производство ему, а какъ нынѣ въ Москвѣ главная команда отъ насъ поручена вамъ, то и случающіяся по тайной экспедиціи дѣла и состоящихъ тамъ при оной чиновъ препоручаемъ вамъ въ единственное ваше вѣдѣніе и смотрѣніе, повелѣвая объ оныхъ доносить намъ съ своимъ мнѣніемъ особыми реляціями, и ожидать нашего рѣшенія.

„Екатерина.“

Ноября 10-го 1771 года.

11.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Ваше письмо отъ 16-го сего мѣсяца я получила, изъ котораго увидѣла съ удовольствіемъ, что вы благополучно пріѣхали къ своему новому посту.

Я не сомнѣваюсь, что вы неослабно стараться будете, чтобы всего того, что служить можетъ къ пресѣченію прошедшихъ бѣдъ, въ своей силѣ осталось и полное дѣйствіе имѣло, и приложите къ тому свои труды, чтобы всѣхъ ободрять къ исполненію ихъ должности. Въ разсужденіе секретнаго указа, который къ вамъ отправленъ, о врученіи вамъ тайную экспедицію, прошу васъ, чтобы вы держались моему въ подобныхъ дѣлахъ правилу: то-есть не пропускать вракъ безъ изслѣдованій, но не давать вракамъ и вралямъ бо̀льшаго уваженія, нежели по разбору и существу вещь сама собой заслуживаетъ. Но какъ нынѣ на Москвѣ вранья было безъ конца и безъ счету; того для, если вы усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля-другаго, по изслѣдованіи что̀ врали, высѣчь плетьми публично черезъ полицію, сказавъ въ сентенціи, что то дѣлается для воздержанія вралей отъ вранья. Я чаю сіе довольно будетъ, чтобы безобузданныхъ унять надолго во всемъ городѣ, а вамъ дастъ покой для дѣлъ нужнѣе сихъ. Впрочемъ желаю вамъ всякое благополучіе и остаюсь къ вамъ доброжелательная Екатерина.

Ноября 22-го 1771 г.“

12.

„Князь Михаилъ Никитевичь.

Прикажите комиссіи о здравіи требовать мнѣніе, какъ быть съ тѣми дѣлами и бумагами, кои въ тѣхъ повытьяхъ остались, изъ коихъ подъячіе, у кого на рукахъ были, вымерли. Между сими бумагами могутъ быть весьма нужныя, а наипаче въ камеръ-коллегіи и въ коллегіи экономіи: ибо сіи обѣ коллегіи отвѣтствуютъ генералъ-прокурору, что не могутъ прислать къ счету на будущій годъ вѣдѣній по причинѣ, что повытчики вымерли, а бумаги заражены. У меня же всегда важивалось, что въ декабрѣ счеты дѣлывались, а то не можно будетъ знать, что̀ есть и чего нѣтъ для расходу будущаго 1772-го года. Я вѣрю, что въ декабрѣ сіи вѣдѣнія еще быть не могутъ; но пожалуй старайтеся, чтобы въ послѣдующихъ мѣсяцахъ сюда присланы были колико возможно, а то изъ неприсылки выйдетъ великое растройство. Впрочемъ Бога прошу, да сохранитъ васъ здрава и остаюсь къ вамъ доброжелательная Екатерина.

Ноября 25-го 1771 г.“

13.

„Князь Михаилъ Никитевичь.

Ваши письма отъ 21-го и 24 числа до моихъ рукъ дошли. Съ удовольствіемъ вижу, что гнѣвъ Божій унимается. Я надѣюсь, что добрымъ и рачительнымъ продолженіемъ взятыхъ мѣръ и стараніемъ для переду безсчастіе сіе пресѣчется. Трудящихся съ вами ободряйте и скажите спасибо моимъ словомъ. Бога прошу, дабы васъ сохранилъ всѣхъ невредимыхъ и остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Естли князь Трубецкой продалъ домъ свой въ Кремлѣ ([11]), я бъ его купила и оставила бы вамъ на волю его употребленіе. Не справедливо бы было лишить генералъ-поручика Еропкина, для того что онъ въ нынѣшнее время остался въ службѣ, обѣщанной ему въ указѣ денежной суммы, и для того прикажите ему на счетъ моего кабинета выдать изъ казны двадцать тысячъ рублей.

Ноября 30-го 1771 г.»

14.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

По окончаніи заразительной болѣзни прикажите тѣмъ въ больницахъ служащимъ, коимъ генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Орловъ обѣщалъ свободу какъ для нихъ персонально такъ и отъ всѣхъ податей исключеніе, дѣйствительно сдержать сіи обѣщанія и имѣйте попеченіе, чтобъ изъ сената по сему куда надлежитъ указы были посланы.

Ваше письмо отъ 29-го числа я получила и съ удовольствіемъ вижу великое уменьшеніе больныхъ, а наипаче умирающихъ. Впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательная Екатерина.

Декабря 7-го 1771 г.»

15.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Какъ слава Богу на Москвѣ теперь гораздо утихаетъ зараза и остается намъ имѣть попеченіе о будущей веснѣ, того для мнѣ пришло на умъ вамъ сказать въ совѣтъ: не разсудите ли за благо послать въ Ярославль

([11]) Домъ этотъ о покупкѣ котораго будетъ говорено и въ слѣдующихъ письмахъ, былъ перестроенъ, и на мѣстѣ его возвышается нынѣ Сенатское Кремлевское зданіе.

надежнаго кого ни на есть, чтобъ онъ могъ на мѣстѣ брать всевозможныя въ томъ городѣ предосторожности, дабы болѣзнь паки тамъ не проспулась. Каковъ бы былъ къ тому генералъ-майоръ Кречетниковъ? Сказавъ вамъ сіе, остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Декабря 20-го 1771 г.

Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и всѣмъ съ вами въ общемъ дѣлѣ усердно трудящимся скажите мой поклонъ.»

16.

Князь Михаилъ Никитичь.

Послѣднія представленіи ваши мы получили, и весьма довольны чинимыми вами распоряженіями въ прекращеніи распространившейся по уѣздамъ около Москвы заразы. Оказанная въ томъ Алексѣемъ Петровичемъ Мельгуновымъ ревность также похвалы достойна. Хотя и указали мы прошлою зимою поставить заставы въ Серпуховѣ, Калугѣ, Коширѣ и Боровскѣ, но онѣ теперь безполезны въ самомъ дѣлѣ. Мы потому дозволяемъ вамъ по вашему съ Петромъ Дмитріевичемъ ([12]) разсужденію приближить ихъ къ Москвѣ и оставить одну Серпуховскую для воспрещенія проѣзда сюда черезъ оную; а притомъ и дѣлать впредь съ оными все что вы обще съ нимъ за нужное признаете, совершенно уповая, что всѣ подвиги ваши стремятся единственно къ возстановленію общаго благосостоянія. Въ протчемъ пребываемъ къ вамъ благосклонными «Екатерина.»

Въ С. Петербургѣ. 20-го Декабря 1771 г.

17.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Ваше письмо отъ 1-го января мнѣ увѣдомило, что вы генералъ-майора Кречетникова отправили въ Ярославль. Отчасти увѣдомите мнѣ пожалуй о тамошнемъ состояніи. За ваши поздравленія съ новымъ годомъ благодарствую и вамъ желаю здоровья и всякое добро, а наипаче чтобъ зараза пресѣклась скорѣе. Скажите Архарову, что я его полковникомъ и Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ пожаловала, а Бахметьева велѣла опредѣлить къ другимъ дѣламъ: ибо его поведеніе во время смятенія столь слабо было, что его неспособность въ сей должности довольно явилась.

([12]) Еропкинымъ.

Что касается до сгорѣнія ветхаго дворца, то мнѣ сіе никакъ не удивило, но паче тому дивлюсь, какъ онъ еще такъ долго стоялъ въ противности стократнаго моего пророчества объ немъ. О томъ только жалѣю, что вы и всѣ при васъ находящіеся теперь безъ жилья, и не знаю, какъ вамъ помочь. Воля ваша, сами сыщите гдѣ жить; что скорѣе, то лучше, купите у Трубецкого домъ, а команду нельзя ли умѣстить въ какой ни есть здоровый монастырь или иное жилище, гдѣ бы имъ отъ заразы безопасно было. Въ прочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Генв. 10-го 1772 г.

Указъ объ Архаровѣ сегодня подписала.»

18.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Какъ теперь, благодатью Всевышняго и усерднымъ попеченіемъ о томъ трудящихся, болѣзни на Москвѣ совсѣмъ пресѣкаются, того для отдаю на ваше разсмотрѣніе излишнихъ отселѣ съ графомъ Орловымъ туда посланныхъ людей и вамъ уже не нужныхъ сюда возвратить. Сіе пишу я не токмо о военныхъ, но и о моихъ дворцовыхъ. Что же касается до господъ сенаторовъ, то господинъ генералъ-прокуроръ весьма проситъ, чтобъ по окончаніи коммиссіи генер.-поручика Мельгунова мнѣ сюда скорѣе возвратить, ибо онъ для приведенія въ порядокъ счетовъ и для сочиненія окладной книги здѣсь весьма нуженъ. И такъ, кой часъ вы увидите, что на Москвѣ ему дѣла болѣе нѣту и безъ него быть можете, то отпустите его сюда въ Петербургъ. Что же надлежитъ до г-на тайн. совѣтн. Волкова, то теперь еще рѣшиться не могу на его возвращеніе; ибо знаю, что почти городъ на него лежитъ, и новость оберъ-полицеймейстера не дозволяетъ при теперешнихъ обстоятельствахъ о семъ рѣшительно положить; но какъ ревностными трудами г-на Волкова я сильно довольна, то не оставлю, кой часъ возможность усмотрю, и его освободить отъ бремя, кое онъ съ толикою похвалою несетъ. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательна Екатерина.

Генваря 18-го 1772 г.»

19.

Князь Михаилъ Никитичь.

На послѣднее ваше письмо имѣю вамъ отвѣтствовать, что, хотя благодаря Бога болѣзни на Москвѣ отъ начала сего года и пресѣклись, но,

дабы люди жили осторожно, думаю, чтобы до второй недѣли великого поста отложить молебствованія. Тогда и въ выкуреніи домовъ болѣе преуспѣто будетъ, нежели нынѣ, слѣдовательно и опасности уменьшится.

Здѣсь слышно, что на Москвѣ опять разныя враки есть. Пожалуй не пропустите оныхъ мимо ушей, такъ какъ я уже къ вамъ писала, но прикажите по изслѣдованіи отъ человѣка до человѣка, кто отъ кого слышалъ, добраться до выдумщика, и того уже по мѣрѣ его вины велите наказать публично. Ей-ей въ томъ нужда въ теперешнемъ вашемъ положеніи. Заставьте себя почитать и бояться и по дѣламъ давайте заплату, уймите буянство. Въ протчемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательная «Екатерина.

Генваря 25-го 1772 г.»

20.

«Князь Михаилъ Никитичь.

Адресовалась ко мнѣ и къ князю Вяземскому Анна Посникова, чтобы по причинѣ потери ея людей я бъ ея въ семъ случаѣ не оставила, и какъ сія женщина мнѣ оказала большую услугу, то я ее никакъ оставить не могу. И такъ приказала я, чтобъ она пріискала душъ до ста, и какъ она оныхъ пріищетъ купить, то велите ей на счетъ моей комнатной суммы на ту деревню выдать денегъ. Екатерина.

Генваря 30-го 1772.»

21.

Князь Михаилъ Никитичь.

Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 23-го числа сего мѣсяца имѣю вамъ сказать, что я весьма тѣмъ обрадована, что болѣзни совсѣмъ утихли. Теперь того только смотрѣть надобно, не будетъ ли гдѣ изрѣдка отрыжки. Домъ князя Трубетского, естли онъ имъ дорожитъ, велите нанять по вашему разсужденію. Желая услышать продолженіе добраго состоянія во всѣхъ частяхъ столичнаго города и препоручая вамъ точное исполненіе вашей инструкціи, остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательная «Екатерина.

Генваря 30-го 1772 г.»

22.

Князь Михаилъ Никитичь.

Хотя я къ вамъ писала, чтобы вы приказали на второй недѣли поста молебствовать о прекращеніи въ Москвѣ болѣзни, но, увидя изъ послѣдняго репорта, что еще одинъ человѣкъ заразительною болѣзнію умеръ, разсудила оное молебствіе отложить до времени, о чемъ ожидайте отъ меня впредь приказанія. «Въ прочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна Екатерина.»

20-го февраля 1772 г.

С. Петербургъ.

23.

«Секретно.

Князь Михаилъ Никитевичь.

По розным подозрѣніямъ, отъ меня повелѣно пограничнымъ губернаторамъ и здѣшней таможнѣ стеречь обратный въѣздъ въ Россію извѣстного плута Сергѣя Пушкина, и подъ видомъ контрбандъ осматривать съ прилежаніемъ его экипажъ и пожитки. Лифляндской генералъ-губернаторъ писалъ ко мнѣ съ недѣлю тому назадъ, что оной Пушкинъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ригу, экипажъ свой оставляетъ тамъ, а самъ ѣдетъ па-легкѣ черезъ Псковъ къ Москвѣ и что его экипажъ будетъ осмотрѣнъ въ Ригѣ, а то, что съ нимъ Пушкинымъ, подъ видомъ окуренія отъ язвы будетъ осмотрѣно въ Нейгаузенѣ, а что далѣе произойдетъ, о томъ онъ ко мнѣ обстоятельно напишетъ. Сіи Рижского генералъ-губернатора увѣдомленіи еще не дошли до моихъ рукъ. Но вчерашній вечеръ Новогородскій губернаторъ ([13]) получилъ изо Пскова на нарочной штафетѣ письмо, съ котораго при семъ слѣдуетъ копія, отъ Сергѣя Пушкина къ брату его Михайлѣ Пушкину къ Москвѣ. Сіе письмо, довольно обличающее обоихъ братьевъ, Сергѣй Пушкинъ послалъ знатно изъ подъ ареста изъ Нейгаузена въ Псковъ на нарочной штафетѣ, дабы оттудова оно наискорѣе отправлено было къ брату его на Москвѣ. Изъ оного увидите, что у Сергѣя Пушкина дѣйствительно найдены ассигнаціонные штемпели и литеры, что онъ ищетъ уйти, чего однако съ невинностію никто не вздумаетъ, и что онъ къ брату пишетъ, что у него Сергѣя не найдены

([13]) Графъ Яковъ Ефимовичь Сиверсъ.

бумаги: что̀, кажется, довольно доказываетъ, что и Михайла Пушкинъ о семъ не безызвѣстенъ—братъ винный эдакъ къ невинному писать не можетъ. Изъ того я заключаю, смотря и на важность сего дѣла, что не можно обойтись безъ того, чтобъ Михайла Пушкинъ арестованъ не былъ, а наипаче для того, чтобъ увидѣть, какія о семъ обстоятельствѣ найдутся въ его бумагахъ или домѣ (улики) и нѣтъ ли пріуготовленій къ печатанію бумаги и нѣту ли же дѣйствительно у него на-лицо фальшивыхъ ассигнацій. Слова въ письмѣ двойными линіями подчерченныя([14]) доказываютъ, что бумаги состоялися и у Сергѣя быть могли. И для того обще извольте съ г-номъ сенаторомъ Волковымъ посовѣтывать, какимъ лучшимъ образомъ оного Михайлу Пушкина слѣдуетъ арестовать и при арестованіи его, чтобъ облику въ домѣ его не скрылося, прикажите его порядочно допрашивать, а тамъ его посадить въ Преображенскомъ подъ крѣпкимъ и надежнымъ карауломъ, до тѣхъ поръ что вамъ на первый ему учененный допросъ отселѣ отвѣтъ будетъ. При семъ старайтесь всего того отдалить, чтобъ въ публикѣ казаться могло насиліемъ. Къ допросу его велите пункты заготовить. Я бъ желала, чтобъ г-нъ Волковъ съ кѣмъ ни на есть, кого сами означите, при васъ его допрашивалъ въ Кремлѣ, или гдѣ заблагоразсудите. Брата его я сюда привести велѣла, а по обстоятельствамъ и другаго сюда возьму. Естьли же, какъ то вѣроятно кажется, открылась шайка сообщниковъ, то имѣете и съ ними поступать по важности на нихъ сумнѣнія и явнаго подозрѣнія. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Марта 1-го 1772 г.

Естли по арестованіи Пушкина въ томъ нужда найдется, то объявите сенату, что Пушкинъ арестованъ по государственному преступленію по моему къ вамъ повелѣнію и что его вина тайна не останется. Сіе вралямъ узда будетъ.»

Письмо Пушкина, въ спискѣ сдѣланномъ рукою императрицы Екатерины II-й.

Нейгаузъ февраль 1772 г.

Ah! mon ami, quel malheur! Je suis pris au passage d'ici et suis arrêté. On a envoyé un courrier à Riga pour attendre dans

---

([14]) Эти слова въ нижеслѣдующемъ письмѣ Пушкина означены у насъ кавычками.

quelle des prisons je dois être translaté. Au moment que je suis arrivé, on a commencé à defaire tout mon traineau et on a trouvé «un timbre et des caractères qu'on a jugé tout de suite être propres pour des assignations.» En conséquence me voilà aux arrêts. «Je cherche la clef des champs.» Il y a peu d'apparence que je la trouve. Je ne sais où j'en suis. Sauvez-moi si vous pouvez. Au nom de Dieu, soyez le père de mes enfants et protegez Arpaфена: je vous avoue à présent, peut être c'est ma dernière heure,— je l'aime au delà de toute expression. Songez, mon ami, d'où ce malheur me provient. Si on pouvait obtenir au moins que mon jugement se fit à Moscou, et que je sois relégué dans nos terres. Mais non, je serai flétri. Ah ciel! je meurs. Je ne pourrai peut-être vous écrire d'avantage. Informez-vous de mon sort à Riga. «Si par hazard je trouve la clef des champs,» je vous écrirai et adresserai mes lettres à M-r Naoumoff; je déguiserai ma main, vous pourrez en toute assurance les ouvrir dès qu'il y aura une croix déssus. «On n'a point trouvé du papier chez moi.» Pourquoi ne pas m'avoir envoyé de domestique? Le malheur ne me serait point arrivé!

«Si je n'ai pas la clef des champs,» j'ai trouvé le secret d'attendre votre réponse ici pourvu que vous me l'adressiez par une autre estaffete ou par un courrier, si c'est possible, et d'autant plus qu'il me faudrait un domestique pour me servir dans l'острогъ où je serai sans doute. Adressez donc la lettre à M-r Lachs ou à M-me Lachs, comptoir des postes, pour Pleskow ou Neuhaus ([15]).

([15]) О, другъ мой, какое несчастіе! Я взятъ на дорогѣ и задержанъ. Посланъ курьеръ въ Ригу за приказаніемъ, въ какую тюрьму перевести меня. Когда я пріѣхалъ, стали разбирать мои сани и нашли штемпель и литеры, которые тотчасъ признали годными для дѣланія ассигнацій. И вотъ я арестованъ. Придумываю какъ бы бѣжать, но мало похоже, чтобы нашелъ къ тому средство. Не знаю какъ теперь быть. Спаси меня, если можешь. Ради Бога, будь отцомъ моихъ дѣтей и окажи покровительство Аграфенѣ, — теперь признаюсь тебѣ—можетъ-быть насталъ мой послѣдній часъ,—я люблю ее превыше всякаго выраженія. Подумай-ка, мой другъ, откуда мнѣ это несчастіе. Кабы можно было по крайней мѣрѣ добиться, чтобы меня судили въ Москвѣ и сослали въ мои вотчины. Но нѣтъ, я буду опозоренъ! Небо! я умираю. Можетъ-быть, въ другой разъ мнѣ нельзя будетъ и писать къ тебѣ. Разузнай о моей участи въ Ригѣ. Если паче чаянія убѣгу, напишу тебѣ и адресую письмо на имя

Приписка императрицы. «Для скорости я сама сіе письмо скопировала. Велите г-ну Волкову оное переписать или кому онъ разсудитъ оное ввѣрить.»

24.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Вчерашній день, т. е. 1-го числа марта, Рижской генералъ-губернаторъ Браунъ прислалъ ко мнѣ на нарочной штафетѣ взятые у плута Пушкина штемпели и литеры, кои точно таковые, съ которыми ассигнаціи печатаются. Арестанта же сюда везутъ. Прикажите осмотрѣть письма Михайлы Пушкина: не откроется ли иногда, откуда бумагу на ассигнаціи получить хотѣли и кто ихъ сообщники? Мое къ вамъ послѣднее письмо ошибкою датировано отъ 1-го марта: оно писано было 28-го февраля; однако я надѣюсь, что вы по немъ исполнили и жду теперь отъ васъ о семъ увѣдомленіе. Въ прочемъ остаюсь на всегда къ вамъ доброжелательна Екатерина.

Марта 2-го 1772 г.»

25.

Князь Михаилъ Никитичь.

Содержащійся въ розыскной экспедиціи колодникъ Ѳедоръ Бухваловъ писалъ ко мнѣ неоднократно, прося объ оставленіи ему многихъ винъ, и между прочимъ писалъ, что онъ опредѣленъ былъ для погребенія умирающихъ заразительною болѣзнію. Помнится мнѣ, что таковымъ, кои при семъ были и остались живы, обѣщано прощеніе. Также пишетъ, что доносилъ онъ на колодниковъ содержащихся съ цимъ въ покражѣ денегъ съ монетнаго двора. По справкѣ полковника Маслова нашлось, что онъ содержится и по исцовымъ дѣламъ, которыя однакоже его не прокармливаютъ. Истцамъ же по его теперешнему состоянію едва естьли что съ

г. Наумова, исковерваю почеркъ, и ты смѣло распечатывай, если на немъ будетъ крестъ. Бумагъ у меня не нашли. Отчего было не прислать мнѣ слугу? Несчастія бы тогда не случилось!

На случай ежели не убѣгу, я владѣю тайной выжлать твоего отзѣта, лишь бы ты прислалъ его съ другой эстафетой, или курьеромъ, буде возможно; тѣмъ болѣе что мнѣ нуженъ слуга для прислуги въ острогѣ, гдѣ я безъ сомнѣнія буду. Адресуй же письмо на имя г. Лакса или г-жи Лаксъ, въ почтовую контору въ Псковъ или Нейгаузъ.

него получить. И для того, выправясь, по показаніямъ его, естьли найдется точно то что онъ показываетъ, такъ отдавъ ему вину, прикажите его отослать къ коменданту въ Таганрогъ, дабы онъ его по своему разсмотрѣнію употребилъ туда, во что онъ годенъ будетъ. «Екатерина.»

Марта 5-го 1772 г.

26.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Ваши два письма отъ 5-го и 6-го сего мѣсяца я вчера на вечеръ получила (естьли дурно пишу, такъ не осудите: у меня на правой рукѣ на указательномъ пальцѣ ногтоѣда, и съ нуждою перо держу). На письма ваши имѣю вамъ сказать, что дѣло Пушкиныхъ я отослала во второй департаментъ, гдѣ наряжены три члена, а именно гр. Толстой, Сухаревъ и извѣстный Пущинъ къ изслѣдованію. Сергѣй Пушкинъ гораздо чистосердечнѣе Михайлы; ибо онъ сообщниковъ не утаилъ, а именно назвалъ онъ Ѳедора Сукина. Я нарочно сіе къ вамъ пишу прежде нежели сенатъ завтра опредѣлитъ его судьбину, дабы вы о семъ знали и его до вашего арестанта не допустили, естьли онъ прежде къ нему ходилъ или употребляемъ былъ къ разбору его бумагъ; но сіе дѣлайте, не давъ ему ни малѣйшаго подозрѣнія, что объ немъ открыто. Пушкинъ здѣшній сказалъ, что съ 1770 года между ими троими положено сіе было; онъ Сукинъ зналъ, что Сергѣй ѣхалъ въ Голландію для дѣланья штемпелей и бумагу, кою ими троими и подписать вмѣсто сенаторовъ надлежало, и они вообще экзерцировались сквозь стекло какъ руки поддѣлать. Покажите сіе письмо г-ну Волкову. Я ужаснулась найдти чиновнаго человѣка въ подобномъ дѣлѣ. Что же далѣе будетъ, того Богъ вѣсть. И теперь только четыре извѣстны, естьли Сукина почесть уже сообщникомъ; Французъ Баро—начинщикъ; но его здѣсь нѣту. Сенатъ поступитъ по законамъ, и для того я уже въ семъ не мѣшаюсь ([16]); а не худо исподволь за Сукинымъ смо-

([16]) Указомъ 25 октября 1772 года (Полн. Собр. Законовъ, № 13.890) приговоренные Сенатомъ въ смертной казни капитанъ Сергѣй и мануфактуръ-коллегіи членъ коллежскій совѣтникъ Михаила Пушкины, по рѣшенію императрицы, осуждены: Сергѣй на вѣчное заточеніе, а Михаила на жительство въ дальнихъ Сибирскихъ мѣстахъ.—По преданію извѣстно, что Сергѣй Пушкинъ окончилъ жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ, а Михаила въ Тобольскѣ, куда за нимъ послѣдовала молодая супруга его Наталья Абрамовна, урожденная княжна Волконская (1746—1819).—Екатерина лично занялась розыскомъ этого дѣла между прочимъ и потому, что ассигнаціи не задолго передъ тѣмъ введены были въ Россіи.

трѣть, чтобы не утекъ. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина

Марта 11-го 1772 г.»

27.

Князь Михаилъ Никитичь.

Сенатъ здѣшній отъ Московскаго будетъ требовать арестованія Ѳедора Сукина и присылки его и Михайлы Пушкина сюда. Вы имѣете въ семъ дѣлѣ всякое сенату вспоможеніе учинить. «Екатерина.

Вторичные учиненные допросы М. Пушкину мною вчера получены и въ сенатъ отосланы для сообщенія къ дѣлу.»

Марта 13-го 1772 г. С. Петербургъ.

28.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Воля моя есть, чтобъ князя Александра Грузинскаго жена княгиня пріѣхала сюда со всѣми своими дѣтьми, чего ради, объявя о томъ мое соизволеніе ея свекрови, прикажите ихъ сюда отправить на основаніи учрежденныхъ на Москвѣ предосторожностей. На дорогу же ей прикажите изъ главной соляной конторы выдать тысячу рублей на счетъ кабинета. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна Екатерина.»

Марта 13-го 1772 г. Петербургъ.

29.

«Князь Михаилъ Никитичь.

Каковъ мнѣ отъ духовной коммиссіи поданъ докладъ и проектъ о Московскихъ приходахъ и церквей, съ того копія при семъ слѣдуетъ. Я въ семъ дѣлѣ ничего не предприму, не выслушавъ ваше мнѣніе, и для того прошу, чтобъ вы, г-нъ генералъ-поручикъ Еропкинъ и г-нъ тайный совѣтникъ Волковъ сей докладъ разсмотрѣли и, сообразя его съ Московскими теперешними обстоятельствами, прислали ко мнѣ ваше мнѣніе или вмѣстѣ, или каждый особо, естьли вы будете не одного мнѣнія. Нельзя заочно столько знать всѣ тамошнія обстоятельства, какъ онѣ извѣстны тѣмъ, кои съ самого начала ихъ узнали и въ оныя принуждены были входить. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда доброжелательна Екатерина.

Марта 16-го 1772 г.»

30.

«Марта 25-го 1772 г.

Князь Михаила Никитевичь.

Ваше письмо отъ 19-го сего мѣсяца я сегодня получила. Съ праздникомъ васъ поздравляю. Что касается до Сукина, то естьли онъ не виноватъ, то надлежитъ признаться, что ничего глупѣе быть не можетъ какъ онъ поступалъ въ семъ дѣлѣ: пбо я Мельгунова спрашивала, какимъ образомъ онъ съ нимъ говорилъ о подозрѣніи, кое онъ показывалъ на Пушкиныхъ, и Мельгуновъ иного отъ него не слыхалъ какъ только то, что онъ Сукинъ Пушкиныхъ подозрѣваетъ, а о томъ не упоминалъ ему никогда, что они отъ него ничего не скрывали и что онъ обо всемъ ихъ предпріятіи отъ нихъ самихъ зналъ; онъ же Мельгунову сказывалъ, что онъ самъ не можетъ сыскать доказательства, на чемъ основаны были его сумнѣнія, но что ему сердце сказываетъ и такъ отдается. Еслибъ онъ и участникъ былъ да въ раскаянье пришелъ, то все-таки онъ глупо затѣялъ доносить такимъ порядкомъ. Онъ бы кому ни на есть начисто безъ обиняковъ исповѣдался, и я бъ конечно его имя скрыла, а теперь онъ до того допустилъ, что уже на него сказываютъ виноватые, а отъ правительства его имя скрыто, — и такъ не понимаю, какъ онъ оправдится. Но со всѣмъ тѣмъ жалко его: — жена и дѣти, и его глупость, и я въ *embarras* ([17]); до рѣшенія дѣла онъ потерпитъ всякую всячину. Прикажите выдать женѣ тысячу рублей, чтобъ ей пока было чѣмъ жить, и велите ей сказать, чтобъ она надѣялась на мое правосудіе и человѣколюбіе и поуспокойте ихъ; а что будетъ, право сама еще не знаю и сказать не могу. А законы ему, кажется, противны. Развѣ я помогу. Впрочемъ остаюсь къ вамъ какъ всегда доброжелательна Екатерина.

Я не знаю, г-ну Волкову Сукинъ тоже ли говорилъ что Мельгунову, или иное чего. Покажите ему сіе письмо и отпишите ко мнѣ его о семъ дѣлѣ разсужденіе.»

31.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Ѳедоръ Сукинъ во всемъ признался. Онъ, пришедъ въ раскаяніе, уже говорилъ обѣимъ сенаторамъ, что не захотѣлъ слыться доносителемъ и

([17]) Въ недоумѣніи.

чрезъ то попалъ самъ въ обличенные. Теперь къ его облегченію то единственно служить можетъ, и то не по законамъ, но изъ милосердія, что чрезъ него такое зловредное дѣло открылось, и для того пишу приложенное письмо къ г-ну Волкову, чтобъ отъ него получить письменно, какимъ точнымъ образомъ Сукинъ ему говорилъ. Отдайте ему мое письмо. Я чаю, онъ не отречется помочь такую подать страждущему человѣку. Впротчемъ остаюсь какъ и всегда доброжелательна Екатерина.

Ваше письмо и мнѣніе ваше, генералъ-поручикомъ Еропкинымъ и тайн. с. Волковымъ подписанное, я сего утра получила, на которое особливо отвѣтствовать буду.

Мирное дѣло приходитъ въ движеніе и, чаю, прежде осени поспѣетъ; или же прямо въ Стамбулъ засядемъ.

2-го Апрѣля 1772 г.»

32.

Князь Михаилъ Никитичь.

Письмо ваше отъ 28-го марта я получила. Скажите княгинѣ Грузинской, что я внучатъ ея для того сюда приказала взять, чтобъ они здѣсь могли получить приличное состоянію ихъ воспитаніе, и тѣмъ предохранить ихъ фамилію отъ могущаго приключиться въ ней несчастія подобнаго приключенію отца ихъ. Мы чаемъ, что и онъ не инако какъ съ благодарностію приметъ наше о дѣтяхъ его попеченіе, когда узнаетъ, что мы ихъ для собственной ихъ пользы сюда привести приказали. Сверхъ того, вы можете ей дать знать, что мать всегда имѣетъ болѣе права надъ своими дѣтьми, нежели бабка. Что касается до Грузинскаго письма, которое вы ко мнѣ прислали, то и я думаю, что оно отъ князя Александра Грузинскаго вымышлено и не заслуживаетъ уваженія. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда къ вамъ доброжелательна «Екатерина.»

5-го Апрѣля 1772 г. С.-Петербургъ.

33.

«Князь Михаилъ Никитевичь.

Ваше письмо отъ 3-го маія я получила. Корнета Шереметьева я увольняю въ чужіе краи на два года для наученія, да совѣтуйте ему лучше ѣхать куда въ университету нежели въ Парижъ, гдѣ нечего перенять. Скажите пожалуй г-ну Волкову, что нѣту почты, чтобъ Сумароковъ ме-

ня не бомбардировалъ письмами, а на иной почтѣ и по два письма ко мнѣ пишетъ; а все дѣло въ томъ, что онъ Сумароковъ мнѣ предложилъ сдѣлать планъ какъ быть Московскому театру, на что Козицкой ему отвѣтствовалъ отъ меня, что естьли онъ знаетъ какъ лучше учредить театръ, чтобъ сдѣлалъ планъ и прислалъ его сюда. Нынѣ, знатно, находя себя коротокъ въ дѣланіи того плана, проситъ, чтобъ я приказала Дмитрію Васильевичу ([18]) о семъ съ нимъ входить въ дѣло. Попросите его, чтобъ онъ выслушалъ бредни г-на Сумарокова и, естьли ему досугъ, старался бы ихъ обратить въ общую пользу. Въ прочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна. Екатерина.

Мая 14-го 1772 г.»

34.

Князь Михаилъ Никитичь.

Вы удержались сдѣлать исполненіе по письму моему о Ѳедорѣ Бухваловѣ для того, что онъ, будучи при погребеніи умирающихъ заразительною болѣзнію, бѣжалъ. А какъ видно изъ вашего экстракта, что онъ былъ при томъ двадцать одинъ день, и прибавя къ тому, что онъ содержался въ острогѣ пять лѣтъ, сего наказанія кажется довольно,—отдайте ему вины и поступите съ нимъ какъ вамъ отъ меня марта 5-го повелѣно. «Екатерина.»

31-го іюля 1772 года.

Петергофъ.

35.

Князь Михаилъ Никитичь.

Въ прошломъ году въ Маѣ мѣсяцѣ повелѣла я сенату 6-му департаменту по доносу дворовыхъ людей Никиты Деревягина и Ивана Дружинина на капитана Андрея Нармацкого дѣло какъ скоро возможно кончить. Нынѣ Деревягинъ и Дружининъ жалуются мнѣ 1-е, что оное поднесь еще продолжается; 2-е, что послѣ уже доносу ихъ отъ Нармацкого челобитныя на нихъ приняты, и по онымъ отосланы они въ розыскную экспедицію; 3-е, кормовыхъ денегъ имъ не производятъ; 4-е, Нармацкой, за взятою уже съ него подпискою чтобъ до рѣшенія дѣла изъ Москвы не выѣзжать, отлучился. Когда жь все сіе правда что̀ они пишутъ, то сіи

([18]) Волкову.

поступки противны 1-е, 763-го февраля 10-го, 2-е, 724-го января 22-го, 3-е, 720-го годовъ декабря 12-го чиселъ указамъ.

Въ данномъ мною наказѣ препоручено вамъ смотрѣніе имѣть, чтобъ законы были строго наблюдены и чтобъ все то, на что учрежденія и предписанія есть, самымъ дѣломъ исполняемо было. И потому вамъ симъ поручаемъ дѣло сіе какъ наискорѣя довести до окончанія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно по законамъ вѣдомо, и дабы какъ въ сыскѣ Нармацкого къ слѣдствію, такъ и во всемъ согласно съ законами поступлено было, надѣясь на васъ, что вы доставите или обиженному несправедливымъ доносомъ, или притѣсненнымъ скорое правосудіе. «Екатерина». ([19]).

31-го іюля 1772 года.

Петергофъ.

36.

„Изъ Царскаго Села отъ 22 авг. 1772.

Князь Михаилъ Никитевичь

Изъ письма вашего отъ 14-го августа я съ не малымъ безпокойствомъ усмотрѣла, что на Москвѣ вы снова отревожены стали нѣкоторымъ сумнительствомъ въ разсужденіи язвы. Дай Боже, чтобъ при томъ и осталось, какъ я самымъ дѣломъ и надѣюсь, глядя на сильныя осторожности, кои вы взяли. Я надежду много полагаю на недреманное бдѣніе г-на сенатора Волкова, что исполненіе повелѣннаго нигдѣ упущено не будетъ, и слѣдовательно не обновятся прошлогоднія бѣдствія. По дѣлу найденной фальшивой банковой ассигнаціи думаю, что довольно будетъ и то (естьли сіе дѣло не гласно по городу) естьли подъячаго велите отдать въ солдаты; а естьли дѣло въ публику извѣстно, то виннаго едва скрыть отъ наказанія можно ли будетъ, чего отдаю на ваше съ г-номъ Волковымъ разсмотрѣніе; ибо я о семъ дѣлѣ иного не знаю какъ только изъ партикулярныхъ писемъ, кои къ производству дѣлъ служить не могутъ. Нармацкого дѣло доведите пожалуй до подлинника. Естьли увидите, что рытье фундамента подъ Кремлевскимъ дворцомъ въ нынѣшней осенней порѣ воздуха портитъ, то прикажите до зимы остановить. По сіе отдаю совершенно на ваше усмотрѣніе, а впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна Екатерина.

([19]) Кажется, что Нармацкій былъ обвиняемъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. См. о немъ дальнѣйшія письма.

Пожалуй отпишите почаще, пока сумнѣніе настоитъ, что у васъ дѣлается, и благодарите со мною Богу, что у васъ по сію пору никакой отрыжки не было, чему приписую вашему хорошему и крѣпкому старанію и радѣнію (20). Екатерина."

37.

Представленіе ваше отъ 18-го августа о опредѣленіи опекуновъ къ тѣмъ, кои расточаютъ свои имѣнія, яко требующее нового узаконенія, отослала я въ здѣшній сенатъ съ тѣмъ, чтобъ онъ, положа о томъ свое мнѣніе, представилъ ко мнѣ. Что же касается до безденежныхъ и въ игрѣ данныхъ векселей, то я теперь сверхъ изданныхъ уже о томъ законовъ и указовъ ничего прибавить не нахожу, развѣ оные въ чемъ недостаточными найдутся. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда вамъ доброжелательною „Екатерина" (21).

1-го сентября 1772 г. С.-Петербургъ.

38.

Князь Михаилъ Никитичь.

Отставной корнетъ Володимеръ Арантъ прислалъ ко мнѣ челобитную, которою проситъ, чтобъ его простить въ продажѣ чужихъ людей и опредѣлить въ армію. Я посылаю къ вамъ оную съ тѣмъ, чтобы вы освѣдомились, такъ ли оное дѣло состоитъ какъ онъ пишетъ, и естьли оно подлинно такъ и другихъ его преступленій нѣтъ, а сверхъ того естьли отъ сената обѣщано прощеніе такимъ, кои при погребеніи зараженныхъ тѣлъ употреблены были, то объявите въ сенатѣ, что мы его въ разсужденіи сего послѣдняго прощаемъ.

10-го сентября 1772 г. С.-Петербургъ. „Екатерина."

39.

„Князь Михаила Никитевичь.

Ваше ко мнѣ донесеніе о сумасшедшемъ Французѣ и о его злобѣ на бригадира Наумова я получила сего дня и нахожу, что все то что вы о семъ положили на мѣрѣ, весьма разумно и прилично сему случаю. Что же на Москвѣ все состоитъ благополучно, тому я очень обрадована и Бога

(20) При письмѣ приложена бѣлинькая тогдашняя 25-ти рублевая ассигнація, подписанная сенаторами Николаемъ Чичеринымъ и Адамомъ Олсуфьевымъ.

(21) Далѣе мы опускаемъ для краткости это обычное окончаніе писемъ.

прошу о продолженіи милости Своей къ намъ. Г-ну Волкову прошу кланяться отъ меня. Екатерина.

Сентября 10-го 1772 г.»

40.

Князь Михаила Никитичь.

Наталья Пассекова въ присланномъ ко мнѣ прошеніи жалуется на дочь свою, будто она ее хотѣла отравить, а какъ такое преступленіе дѣтей противъ своихъ родителей безъ наказанія оставлено быть не должно, то я посылаю къ вамъ ея прошеніе съ тѣмъ, чтобы вы приказали о томъ кому надлежитъ немедленно изслѣдовать законнымъ порядкомъ, подлинно ли она сіе намѣреніе имѣла. „Екатерина.

Что же до прочихъ жалобъ оной Натальи Пассековой надлежитъ, то прикажите ей сказать моимъ именемъ, чтобъ она, естьли имѣетъ на кого жаловаться, о томъ искала правосудія въ правительствѣ.»

25-го сентября 1772 г. С. Петербургъ.

41.

Князь Михаила Никитичь.

Увѣдомьте меня, всѣ ли въ Москвѣ и въ уѣздѣ домы отъ бывшей въ нихъ заразительной болѣзни выкурены, или еще нѣсколько не выкуренныхъ осталось. Сына вашего я приказала на два года числить въ отпуску. «Екатерина.

Все то что̀ вы дѣлали по дѣлу и поведенію Натальи Пассековой, весьма похвально и съ порядкомъ сходно.

Октября 8-го 1772 г. С.-Петербургъ.

Изъ письма Пассековой видно, что тое писано въ великой фуріи и едва ли не въ первомъ движеніи и наполненно столь многими пакостными дѣлами и словами, что тое лучше бы я скрыла нежели кому показала: но какъ та упоминаетъ о окормленіи, то уже я нашла, что о семъ изслѣдовать надлежитъ; а статься-можетъ, по развратности нрава сей бабы, что она дочь и клеплетъ. Что выйдетъ, о томъ прошу ко мнѣ отписать.»

Эта Наталья Пассекова (если не ошибаемся, родственница извѣстнаго Петра Богдан. Пассека, а также и автора Записокъ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1863 года) отличалась не совсѣмъ спокой-

нымъ правомъ. По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ подлинныхъ бумагъ и сообщенныхъ намъ отъ В. И. Ламанскаго, Наталья Пассекова писала къ императрицѣ письма, въ которыхъ просила о дозволеніи объявить ея величеству самоважнѣйшее дѣло. Для допроса Пассековой отправленъ былъ въ Москву въ октябрѣ 1784 г. д. ст. сов. Шешковской, которому она и открыла, будто по словамъ многихъ пріѣзжавшихъ къ ней лицъ, Московское смятеніе 1771 года произошло по наущеніямъ графа Петра Панина, замышлявшаго черезъ то возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича.—Все это могутъ быть однѣ злонамѣренныя выдумки; но что Екатерина дѣйствительно подозрѣвала и сторожилась графа Петра Ивановича Панина, читатели увидятъ изъ дальнѣйшей ея переписки съ кн. Волконскимъ. *П. Б.*

42.

«Князь Михаила Никитевичь.

Естьли жена бывшаго Михайлы Пушкина станетъ просить дозволенія ѣхать съ нимъ въ ссылку, то въ ономъ не вижу препятствія, но многіе есть примѣры, что женамъ таковыхъ безсчастныхъ дозволено было съ ними ѣхать. Екатерина ([22]).

Октября 11-го 1772 г.»

43.

Князь Михаила Никитичь.

Минувшая по благости Божіей въ Москвѣ заразительная болѣзнь распространялась, какъ извѣстно, и по провинціи Московской, и во многихъ оныя мѣстахъ была столь сильна, что индѣ почти цѣлыя селенія вымерли. По причинѣ же нынѣшняго рекрутскаго набора должны и онѣ по генеральному учрежденію быть наравнѣ съ прочими. Но какъ наше соизволеніе есть, чтобъ таковымъ несчастнымъ селеніямъ подать нѣкоторое облегченіе, и уже безъ того претерпѣвшихъ не отяготить еще больше, то по лучшему вашему о такихъ селеніяхъ свѣдѣнію требуемъ мы вашего мнѣнія, какимъ образомъ въ семъ случаѣ вы за лучшее признаваете съ ними поступить. «Екатерина.»

11-го октября 1772 г. С.-Петербургъ.

([22]) См. выше примѣч. 16-е. Наталья Абрамовна Пушкина дѣйствительно поѣхала съ мужемъ въ Сибирь, оставивъ въ Москвѣ младенца-сына (род. въ маѣ 1771) на рукахъ своей пріятельницы Прасковьи Владиміровны Мелиссино (урожд. кн. Долгоруковой, сестры славнаго князя Юрья).

44.

Князь Михаила Никитичь.

Пришлите-ко мнѣ планъ Лефортовского дворца и всего въ немъ строенія, показавъ при томъ, какихъ онъ требуетъ починокъ. «Екатерина.»

18-го октября 1772 г. С.- Петербургъ.

45.

Князь Михаила Никитичь.

Въ письмѣ вашемъ отъ 16 числа сего мѣсяца доносите вы намъ между прочимъ, что синодской прокуроръ Сергѣй Рожновъ совсѣмъ погорѣлъ, чего ради прикажите ему изъ соляной конторы выдать четыре тысячи рублей на счетъ нашего кабинета, кои мы ему на поправленіе ради его усердія къ службѣ жалуемъ. «Екатерина.»

24-го октября 1772 г. С.-Петербургъ.

46.

Князь Михаила Никитичь.

Изъ Москвы получила я пакетъ, подписанный въ собственныя мои руки, въ коемъ находятся прошенія Воронежской губерніи Козловскаго уѣзда отъ однодворцевъ: 1, отъ Игната Курьянова и Василья Мордасова. 2, отъ Василья Татова и Ѳедора Яковлева, коими просятъ якобы въ причиненныхъ имъ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ защищенія; но какъ изъ оныхъ же ихъ прошеній видно, что отъ Московского сената уже велѣно по жалобамъ ихъ разсмотрѣть юстицъ-коллегіи, то я посылаю помянутыя прошенія къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ вы приказали юстицъ-коллегіи скорѣе оныя разсмотрѣть и рѣшить законнымъ порядкомъ, о чемъ объявите и имъ просителямъ, которыхъ найдете вы по приложенной здѣсь присланной изъ Московского почтамта о жительствѣ ихъ запискѣ. «Екатерина.»

25-го октября 1772 г. С.-Петербургъ.

47.

«Князь Михаила Никитевичь.

Планы Лефортовского дома я получила и, разсматривая оныхъ, нашла, что въ нижнемъ жильѣ всѣ н..... въ стѣнѣ. И такъ не знаю, какъ мнѣ съ симъ домомъ быть теперь, и я бъ желала знать, надобно ли наружныя стѣны ломать или можно ли будетъ вычистить нечистыя мѣста безъ

опасенія вновь язвы, ибо я почитаю всѣ сіи н..... заразительные, ибо домъ сей язвенный госпиталь былъ. Прошу о семъ ко мнѣ написать, что о томъ знающіе полагаютъ, ибо мнѣ сей домъ перестроить хочется и сдѣлать *pied-à-terre* (23) для двора, то-есть чтобы въ нужномъ случаѣ двора на Москвѣ въ немъ можно было умѣстить. И мнѣ и сіе легко сдѣлается, кой часъ опасеніе отъ язвы въ немъ не будетъ. Также желаю я знать, можно ли поднять на теперешнихъ стѣнахъ третій этажъ, о чемъ прошу съ архитекторами и съ кѣмъ надлежитъ посовѣтоваться. Екатерина.

Ноября 10-го 1772 г.

Какъ о семъ отъ васъ получу, то планы отселѣ пришлю, какъ оному двору впредь быть.»

48.

Князь Михаила Никитичь.

Для искорененія усиливающейся въ Таганрогѣ опасной болѣзни, извольте отправить туда нашей лейбъ-гвардіи капитана Нѣмцова, давъ ему нужныя для сего наставленія, какимъ образомъ ему въ разсужденіи сей болѣзни поступать, снабдя его потребнымъ числомъ гвардіи нашей унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и выдачею ему на проѣздъ денегъ. Вы имѣете такожде вручить ему слѣдуемое при семъ на имя его наше именное повелѣніе. Прочихъ же лейбъ-гвардіи нашей оберъ-офицеровъ и находящихся при нихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, кои были употреблены по Москвѣ по причинѣ бывшей въ оной опасной болѣзни, имѣете отправить сюда тѣхъ, которые вами никуда на заставы не постановлены, а остались въ Москвѣ излишними безо всякого дѣла, снабдя ихъ такожде надлежащими на проѣздъ деньгами. «Екатерина.

Какъ г-нъ Нѣмцовъ съ пользою уже былъ употребленъ въ пресѣченіи язвы, то не сумнѣваюсь, что и въ Таганрогѣ Богъ благословитъ его доброе учрежденіе.»

Декабря 4-го 1772. С.-Петербургъ.

49.

«Князь Михаила Никитичь.

Прикажите, чтобъ членъ одинъ юстицъ-коллегіи съ секретаремъ пошли въ тюрьмы къ Нармацкому (24) и прочли бы ему сентенціи юстицъ-кол-

(23) Т. е. пристанище.

(24) См. выше письмо 35-е

легіи объ немъ, и чтобъ ему притомъ сказано было, что онъ теперь самъ видитъ, въ какомъ положеніи его дѣло, чтобы онъ чистымъ признаніемъ открылъ бы самъ себѣ двери милосердія, которое мѣсто имѣть не можетъ по причинѣ его нераскаянія и окаменѣлости и чтобъ записали того что̀ онъ отвѣтствовать будетъ. Естьли признаваться будетъ виннымъ, то велите, чтобъ онъ руку приложилъ и пришлите ко мнѣ. Екатерина.

Декабря 14-го 1772 г.»

50.

«Князь Михайла Никитевичь.

Пришлите пожалуй ко мнѣ планъ Ма̀рлинского дома, который близко Лефортовского и прикажите сдѣлать счетъ во что станетъ починка Бестужевского дома; а планы Лефортовского дворца и какъ его починить и обдѣлать, скоро очень пришлю, и увидите, какъ въ немъ жить буду, когда Богъ велитъ къ Москвѣ пріѣхать, что̀ однако не скоро будетъ, ибо перестройка годъ-другой возьметъ. Спросите пожалуй у князя Макулова, возьметъ ли онъ на себя сіе строеніе. Я была, да и всѣ весьма довольны Коломенскимъ дворцомъ, которого онъ строилъ, а планы очень скоро пришлю, и какъ узнаю во что станетъ, то деньги изъ штатсъ-конторы ассигную. Третій этажъ поднять надобно будетъ, и для того не худо, естьли князь Макуловъ на себя возьметъ сіе строеніе, чтобъ заранѣе онъ пріискалъ подрядчиковъ, чтобъ зимнимъ путемъ нынѣшнимъ еще попользоваться для возки матеріяла всякого, чрезъ что время нѣсколько выиграно будетъ. Екатерина.

Дайте мнѣ также знать, далеко ли или близко Марлинской домъ отъ Лефортовского, да и оба сіи отъ Бестужевского, а еще бы лучше, естлибъ вы прислали ко мнѣ вѣрного плана тѣхъ улицъ и мѣстъ, кои около Лефортовского дворца до Бестужевского, также и теченіе рѣки Яузы отъ моста до моста, и какія тутъ строенія или пустырей, дабы точно видѣть можно было, какъ просторно будетъ къ сему дворцу пріѣздъ и разъѣздъ.

Декабря 28-го 1772 г.»

51.

«Князь Михаила Никитевичь.

Не знаю правда ли, только здѣсь слышно, что на Москвѣ Александръ Сумароковъ ([25]) чрезвычайно шалитъ и азарничаетъ и будто онъ на

([25]) См. о Сумароковѣ письма 7, 8, 54 и 70.

рынкѣ близь его дома ходитъ съ дубиною и разбиваетъ горшковъ и всякія продажныя вещи. Естли это правда, то надѣюсь, что вы его уймете и не дадите людей обижать. Пожалуй освѣдомитесь, правда или ложь. Екатерина.

Декабря 29-го 1772 г.

Съ праздниками васъ поздравляю».

52.

«Князь Михаила Никитевичь.

Усмотрѣла я изъ вашего письма отъ 27-го числа прошедшаго мѣсяца, что къ сожалѣнію моему фельдмаршалъ графъ Салтыковъ скончался. Пожалуй навѣдайтесь у графа Шувалова: у покойного тестя его, я чаю, множество моихъ писемъ осталось по разнымъ дѣламъ чрезъ десять лѣтъ. И естьли оныхъ найдутъ, то чтобъ собрали ихъ въ одно мѣсто, а вы ихъ своею печатью запечатайте. Я не спорю: не замай, останутся въ фамиліи, но еще рано, чтобъ иныя въ руки попались кому до нихъ дѣла нѣту: я иногда очень откровенно къ нему писывала. И прикажите оныхъ писемъ послѣ графу Ивану Петровичу отдать съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ сохранялъ и онѣ бъ не попались всякому въ руки. Екатерина. ([26])

Генваря 2-го 1773 г.

Благодарствую за ваше поздравленіе съ новымъ годомъ и васъ поздравляю».

53.

«Князь Михаила Никитевичь.

При семъ посылаю я къ вамъ планы и фасадъ Лефортовского дворца, какъ я сама его передѣлала. Призовите князя Макулова, естьли онъ согласился сіе строеніе взять на свои руки, и скажите ему, что онъ изъ плана моего увидитъ, что внутреннюю стѣну того дворца должно вновь поднять и во дворъ вдвинуть, дабы покои двойную получили, по плану означенную, ширину. Такъ же, какъ онъ приглядится къ планамъ и оныхъ

([26]) Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ (1700—1772), извѣстный фельдмаршалъ, прославившійся въ Семилѣтнюю войну своею храбростью, потомъ до 1771 года былъ Московскимъ главнокомандующимъ. Шуваловъ, о которомъ здѣсь говорится, есть графъ Андрей Петровичъ, женатый на дочери гр. Салтыкова, а графъ Иванъ Петровичъ—сынъ его. Письма, о которыхъ говоритъ Екатерина, должны храниться нынѣ у праправнуковъ гр. П. С. Салтыкова, Мятлевыхъ.

сообразитъ съ теперешнимъ строеньемъ, то прикажите, чтобъ онъ письменно вамъ подалъ, во что ломка и перестройка того дворца станетъ, и скажите ему, чтобъ онъ, колико возможность есть, сохранилъ наружныя стѣны. Екатерина.

Генваря 4-го 1773 г.

Еще имѣю прибавить къ сегодняшнему моему письму, чтобъ вы приказали князю Макулову въ счетъ класть, во что станетъ вымощенье вкругъ дворца улицы, площади и двора внутри дворца, естли всѣ сіи мѣста не вымощены.

Еще прошу васъ сказать князю Макулову, чтобъ онъ пересмотрѣлъ въ новомъ планѣ службы, будутъ ли онѣ такъ хороши и покойны какъ Коломенскія, коихъ онъ самъ дѣлалъ. Объ нихъ и теперь всѣ мои люди еще говорятъ, что ни въ одномъ дворцѣ нигдѣ подобныхъ нѣту.»

54.

«Князь Михаила Никитичь.

Письмо ваше отъ 5-го января я получила, изъ которого усмотрѣла съ удовольствіемъ, что слухи о Сумароковѣ были ложны. Я чаю, вы уже получили теперь планы Лефортовского дворца. Я рада очень, что князь Макуловъ сіе строеніе на себя беретъ. Онъ знаетъ уже въ строеніи моего нрава. Я вскорѣ пришлю планы и тѣхъ службъ и конюшенъ, кои во дворцѣ не умѣстились. Приложенный листъ прошу отдать князю Макулову, дабы онъ смѣту по тому наровнялъ. Сенатору г-ну Волкову прошу сказать, что я отдаю на его волю сюда возвратиться въ третій департаментъ, или остаться на Москвѣ: онъ нигдѣ не излишенъ. Екатерина.

Генваря 12-го 1773 г.»

55.

«Князь Михаила Никитичь.

Письмо ваше отъ 13-го генваря съ планомъ мѣстъ по Яузѣ отъ моста до моста противу Лефортовского дворца я сейчасъ получила, также и смѣтку во что станетъ починка Бестужевского дома, но на сей смѣткѣ еще утвердиться нельзя, ибо я заказала сдѣлать здѣсь планы, какъ его перестроить, чего отломать и чего пристроить къ нему по дворцовымъ разнымъ нуждамъ. Сей планъ скоро поспѣетъ, и я его къ вамъ отправлю и желаю, чтобъ князь Макуловъ его ожидалъ на Москвѣ, дабы онъ ло-

кальную возможность сего строенія могъ лучше на мѣстѣ усмотрѣть. А потомъ онъ можетъ со всѣми планами и съ смѣтами ко мнѣ пріѣхать, кой часъ онъ совсѣмъ готовъ будетъ. При семъ случаѣ я надѣюсь, что вы не оставите ко мнѣ отписать что̀ и персонально на содержаніе сего князя надобно, получаетъ ли онъ жалованье или нѣту? И кого онъ въ помощь себѣ требуетъ? Я знаю, и вы ему еще подтвердите, что онъ лишнихъ тунеядцевъ не наберетъ, а только сколько нужда самого дѣла требовать будетъ; краульныхъ же не иныхъ у матеріяловъ онъ приставитъ какъ отставныхъ солдатъ или инвалидовъ, на счетъ того строенья же, кои и послѣ остаться могутъ при семъ дворцѣ, какъ у меня нынѣ во всѣхъ дворцахъ есть. Сіи люди суть вѣрны, неотлучны, да и служба настоящихъ солдатъ чрезъ то не развращается. Екатерина.

Генваря 17-го 1773 г.»

56.

«Князь Михаила Никитичь.

При семъ посылаю я къ вамъ подъ № 1-мъ генеральный планъ отъ васъ ко мнѣ присланный, на которого усмотрите, что Марлинской домъ, какъ каменный такъ и деревянный, сломать должно до подошвы, также флигели Бестужевского дома, означенные подъ литерою ЕЕ, чрезъ которыхъ на планѣ протянутъ чернилами крестъ, и въ обѣ стороны Лефортовского дома, то-есть отъ оного до Талызинского, да съ другой стороны отъ Лефортовского до Бестужевского каменного дома должно оставить площадью и вымостить. Потомъ еще сломать должно краульня деревянная между кирки и дворца построенная. Подъ № 2-мъ найдете генерального плана положеніе Лефортовского дворца, какъ я желаю, чтобъ онъ былъ, то-есть отдѣленъ ото всѣхъ ближнихъ нынѣшнихъ около него находящихся строеній. Тутъ же усмотрите, какъ Бестужевской домъ будетъ перестроенъ съ пристройкою. № 3-й представляетъ Бестужевской домъ, какъ его передѣлать и къ нему пристроить нужно. № 4-й есть верхній этажъ того же дома. Всѣ сіи планы прошу отдать князю Макулову и сказать ему, что рукавъ Яузы или протокъ, который на планѣ № 1-й крюкомъ противу дворца назначенъ, а крестами тако † † † покрытъ, засыпать должно есть. Онъ наравнѣ съ улицею противъ дворца, дабы проѣздъ былъ безопасенъ, и прочіе всѣ пруды обнести надобно перилами.

Екатерина.

Генваря 24-го 1773 г.

Фасады Бестужевского дома не посылаю, ибо князя Макулова сюда ожидаю. Теперь я только желаю, чтобъ онъ прислалъ или бы съ собою привезъ копіи съ плановъ, отселѣ къ вамъ отправленныя, Лефортовскаго дворца. При семъ дворцѣ еще и то наблюдать надлежитъ, чтобы въ каждомъ фасадѣ столько было брандтмауръ отъ низу и до самого кровля, сколько того умѣстить можно, а что болѣ, то лучше.»

57.

Князь Михаила Никитичь.

Прошлого года октября отъ 2-го числа писали вы ко мнѣ, что по дѣлу Натальи Пассековой приказали юстицъ-коллегіи жалобу ея на дочь разсмотрѣть; а нынѣ я паки получила отъ нея письмо, въ которомъ жалуется, будто нигдѣ не найдетъ правосудія. Того ради увѣдомьте меня, что̀ понынѣ въ юстицъ-коллегіи по сему дѣлу сдѣлано ([27]). «Екатерина.»

Генваря 28-го 1773 г. С.-Петербургъ.

58.

«Генв. 29 ч. 1773 г.

Князь Михаила Никитичь.

Слышу я, что ваше желаніе есть изъ Кремля переѣхать въ вашъ домъ. Я сіе отдаю въ волѣ вашей, но при томъ признаю, что я должна вамъ напомнить пунктъ вашей инструкціи о Кремлѣ, вслѣдствіе котораго я совѣтую вамъ приказать хотя плацъ-майору въ небытности оберъ-коменданта жить въ Кремлѣ. Екатерина.

По военному артикулу вѣдь зорю бьютъ всякій день, хотя въ ней нужды нѣтъ. То же и плацъ-майоръ будетъ въ Кремлѣ.»

59.

«Князь Михаилъ Никитичь.

Изъ письма вашего отъ 24 числа мѣсяца сего усмотрѣла я, что Московскій магистратъ сгорѣлъ. Прошу мнѣ изъяснить, деревянный ли онъ былъ, или каменный. Если онъ деревянный по сю пору былъ, то ему таковымъ впередъ конечно уже не быть. Стыдно, чтобъ столица не имѣла бы каменный магистратъ тогда, когда послѣдній городокъ ратушу

([27]) См. выше письмо 40-е.

имѣетъ въ чужіе края каменную. Прошу прислать планъ мѣста, и конечно Московскіе жители должны построить приличное столицѣ таковое строеніе. Екатерина.

Генваря 30-го 1773 г.»

60.

«Князь Михаилъ Никитичь.

Хотя я и не думаю, чтобъ князь Макуловъ приступилъ къ какой ни на есть ломкѣ стараго строенія до возвращенія его отселѣ, однако сіе пишу въ запасъ. Извольте ему сказать, чтобъ онъ ни за что еще не принялся до тѣхъ поръ, что со мною не увидится. Екатерина.

Февраля 5-го 1773 г.»

61.

«Князь Михаилъ Никитичь.

Пріѣхалъ сюда князь Макуловъ съ планами и съ смѣтами, и какъ я вижу, что Лефортовскій домъ по моему проекту перестроить нѣтъ возможности, а надлежало бы его почти весь сломать и вновь построить, и тогда бы еще онъ дуренъ былъ, ибо близь косогора сталъ, на что изойдетъ по смѣтамъ до девяти сотъ тысячъ рублей, чего я никакъ употребить не намѣрена для временнаго строенія: то я попала на мысли поднять каменный этажъ, естли можно и съ мезониною, на старый Анненгофскій императрицы Анны Іоанновны фундаментъ, который между двумя садами, и для того васъ прошу спросить у того человѣка конторы отъ строенія, котораго вѣдомства Головинскій садъ и строенія также и сей старый фундаментъ: 1) тотъ фундаментъ точенъ ли таковъ, какъ онъ на ихъ планѣ 1763 года показанъ? 2) таковъ ли сей фундаментъ крѣпокъ, чтобъ поднять могъ каменный одинъ или два этажа? Какъ вы на сіе получите отвѣтъ, то прошу скорѣе ко мнѣ отписать, а естли сей фундаментъ не весь сдѣланъ, то пришлите планъ, въ чемъ онъ въ натурѣ разнствуетъ съ планомъ, который, чаю, и у нихъ, такъ какъ здѣсь, находится. Князя Трубецкаго домъ купите, если нуженъ, за сходственной цѣны. Екатерина.

Февраля 11-го 1773 г.»

62.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Мнѣ извѣстно, что князь Макуловъ будетъ требовать отпуску находящейся на артиллерійскомъ дворѣ извести; но какъ оная на другое совсѣмъ употребленіе приготовлена, то извольте приказать, чтобы оную известь отнюдь князю Макулову не отпускать, хотя онъ и проситъ о томъ.

Екатерина.

И вовсе не повадьте его отовсюду занять и требовать всякую всячину, ибо не мудрено строить, когда отовсюдова готовое таскать, да другимъ мѣстамъ сіе не полезно. Екатерина.“

Февраля 25-го 1773 г. С.-Петербургъ.

63.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Я, принявъ намѣреніе построить въ Москвѣ на Анненгофскомъ фундаментѣ каменный дворецъ, отправила для сего строенія отсюда полковника князя Макулова съ апробованными отъ меня планами, приказавъ статсъ-конторѣ отпустить на нынѣшній годъ сто тысячъ рублей, кому оные отъ васъ посрочно принимать и по ордерамъ князя Макулова въ расходъ употреблять приказано будетъ; ибо онъ просилъ, чтобъ его для лучшаго за строеніемъ присмотра отъ пріема денежной казны уволить, такъ какъ онъ и при строеніи Коломенскаго дворца отъ того уволенъ былъ. А притомъ прикажите: 1) чтобъ на первый случай опредѣлены были ему въ помощь къ оному строенію тѣ люди, коихъ онъ присланною ко мнѣ при письмѣ вашемъ отъ 28-го генваря сего года запискою требовалъ, и съ тѣмъ жалованьемъ, какое имъ въ той запискѣ назначено, естли они сами при томъ быть согласятся; 2) оставшіяся отъ пожара Головинскаго дворца ветхія дворцовыя и конюшенныя строенія прикажите отдать въ его вѣдомство для помѣщенія въ нихъ мастеровыхъ людей; 3) позволить ему завести казенный кирпичный заводъ, при которомъ онъ, естли за способно найдетъ, и печныя кафли дѣлать можетъ; 4) пока онъ при семъ строеніи пробудетъ, получать ему изъ опредѣленной на строеніе суммы жалованья по тысячѣ по шести сотъ рублей на годъ, такъ какъ и опредѣленнымъ въ помощь ему и прочимъ служителямъ изъ оной же суммы получать; 5) что касается до солдатъ, которымъ при ономъ строеніи быть

и впредь при томъ дворцѣ остаться, то я увѣрена, по письму вашему отъ 28-го генваря, что за ними остановки не будетъ. „Екатерина.“

64.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Скажите пожалуй князю Макулову, чтобъ онъ внизу въ сѣняхъ въ новомъ дворцѣ подѣлалъ бы большіе камины, дабы барскіе люди могли тамо грѣться. Екатерина.

Марта 3-го 1773 г.“

65.

„Князь Михаилъ Никитичь.

Пришлите пожалуй ко мнѣ реэстръ всѣхъ Московскихъ фабрикъ, на коихъ болѣе пятидесяти человѣкъ работаютъ крѣпостныхъ и прикажите означить, которымъ изъ сихъ отданы казенныя строенья, и на какихъ кондицій: вовсе ли или на время и какой товаръ на нихъ дѣлается.

Екатерина.

Марта 7-го 1773 г.“

66.

Князь Михаилъ Никитичь.

На письмо ваше отъ 7-го числа сего Марта касательно синодскаго опредѣленія о образѣ Боголюбскія Богородицы, я думаю, что синодъ сдѣлалъ оное въ разсужденіи прежнихъ извѣстныхъ ему обстоятельствъ; но какъ теперь оныя обстоятельства по увѣдомленію вашему перемѣнились, то и оставляю я сіе вашему распоряженію, и полную даю вамъ волю по вашему благоразумію перемѣнить сіе опредѣленіе, сообразуясь съ нынѣшнимъ вамъ лучше извѣстнымъ положеніемъ. Я, будучи увѣрена о ревности вашей къ общему благу, не сомнѣваюсь, что вы ничего того не упустите что̀ къ поспѣшествованію онаго служить можетъ. „Екатерина.“

14-го марта 1773 г. С.-Петербургъ.

67.

«Князь Михаилъ Никитичь. ([28])

Прикажите выдать оберъ-полицеймейстеру Архарову изъ соляныхъ на

([28]) Такъ какъ начало писемъ и конецъ оныхъ вездѣ одни и тѣже, то при дальнѣйшихъ мы опускаемъ и начала.

счетъ кабинетской суммы на оплату его долговъ пять тысячъ рублей, кои я ему жалую, чего вы ему и объявите.

Марта 25-го 1773 г.»

68.

Камергеръ князь Бѣлосельскій приносилъ мнѣ жалобу на жену свою, что она, не смотря на всѣ его ласковыя приглашенія, не токмо не соглашается къ нему изъ Москвы ѣхать, но ниже отвѣчала на послѣднее письмо его, а потому и проситъ, чтобъ я приказала принудить ее къ должному по законамъ повиновенію. Я, желая привести ихъ въ богоугодное и законами повелѣнное согласіе, поручаю вамъ, призвавъ ее къ себѣ, стараться уговорить ее, чтобъ она съ мужемъ помирилась и къ нему ѣхала жить. Вы можете ей сказать, что вы имѣете отъ меня повелѣніе о семъ ей говорить и что мнѣ весьма пріятно будетъ, естли она примирится съ своимъ мужемъ и къ нему пріѣдетъ. Дайте ей притомъ знать, что въ семъ случаѣ всѣ законы противъ ея, и что бы я не строгостію оныхъ, но паче кротостію желала рѣшить справедливую мужа ея просьбу. Я надѣюсь впрочемъ, что вы ей всѣ тѣ причины скажете, кои бы обязали ее на сіе согласиться, и увѣдомьте меня, какой въ миротвореніи вашемъ успѣхъ будетъ ([29]).

23-го мая 1773 г. Царское Село.

69.

«Чрезъ сіе дозволяю вамъ, когда вы то за нужно для вашего здоровья находите и въ томъ препятствія не найдете, отлучиться иногда на нѣсколько дней изъ города. Что же касается до княгини Бѣлосельской, то вы можете дать ей знать, что я, находя ее непреклонну возвратиться къ мужу ея въ домъ, то предаю ее законамъ, и въ семъ я конечно болѣе буду смотрѣть на справедливое исполненіе оныхъ, нежели чтобъ милосердіемъ неумѣстнымъ захотѣла потачку сдѣлать молодымъ людямъ въ развратномъ житьѣ; о чемъ вы не оставите ей дать выразумѣть, дабы она излишне не надѣялась на басни ея совѣтодателей г-дъ Салтыковыхъ, которые сами весьма плохаго поведенія, чего она уже почувствовала, ибо вмѣсто Александра она уже заплатила 9.000 р., кои онъ истратилъ изъ

([29]) Камергеръ кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій († 1779 г.) былъ женатъ на Аннѣ Михайловнѣ Наумовой.

академической суммы; Борисъ же нигдѣ не уживается, а Алексѣй у меня въ крѣпости уже мѣсяцъ времени погостилъ. Съ заложеніемъ Московскихъ дворцовъ васъ поздравляю, а о пожарѣ весьма тужила. Пришлите ко мнѣ скорѣе планы того выгорѣлаго мѣста, дабы одиножды начало можно сдѣлать порядочного плана.

Іюня 12-го 1773 г.»

70.

Изъ статсъ-конторскихъ доходовъ на счетъ нашего кабинета прикажите тысячу рублей выдать дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Сумарокову.

Іюня 15-го 1773 г. Царское Село.

71.

«Весьма сожалѣю я о Московскихъ пожарахъ. Первый вашъ планъ погорѣлымъ мѣстамъ я получила, а другого ожидаю, и тогда уже пришлю къ вамъ апробованнаго какъ строиться, и ваши мнѣнія о кирпичахъ и о черепишныхъ крышахъ конечно забвенію не предамъ. Слышу я, что мой камердинеръ Сахаровъ обще съ Прокопіемъ Демидовымъ сдѣлали вновь проказу надъ секретаремъ юстицъ-коллегіи. Отселѣ писано, чтобъ поступлено было по законамъ, чего и я весьма желаю, дабы видѣла публика, что безпутство и въ моихъ комнатныхъ справедливое возмездіе получаетъ. Пожалуй посмотрите, чтобъ въ семъ дѣлѣ никто не потакалъ несправедливую сторону. Я стараюсь добираться, кого Нармацкой подкупать старался, но ничто ему не поможетъ ([30]).

Іюля 27-го 1773 г. Изъ Села Царскаго.»

О Сахаровѣ ср. письмо 74, при коемъ находится всеподданнѣйшее оправданіе этого Александра Сахарова отъ 8 авг. 1773 года. Изъ него оказывается, что камердинеръ Сахаровъ по болѣзни находился въ отпуску въ своей Казанской деревнѣ, купленной имъ въ долгъ за 145 тысячь у Прокопія Акинф. Демидова. Въ іюлѣ 1773 г. Сахаровъ, проѣздомъ въ Петербургъ къ своей должности, былъ въ Москвѣ. «Въ день имянинъ г-на Демидова пришелъ къ нему по полудни секретарь юстицъ-коллегіи съ объявленіемъ по дѣлу его сына. Сей секретарь вошелъ въ покой, гдѣ я жилъ, бывъ такъ безобразно пьянъ, что ни имянинникъ, ниже я, какъ имъ одолженной человѣкъ, и въ десятую противъ его долю не

([30]) См. письма 35, 49 и 72.

были. Въ моихъ покояхъ началъ онъ, бывши безъ чувства, грубіянски со мною обходиться, и я какъ самому моему Создателю, такъ и вашему императорскому величеству самую вѣщаю истину, что только лишь его изъ моихъ покоевъ, бывши отъ него несносно ругаемъ, вытолкалъ.» «Секретарь подалъ челобитную, объявляя, что онъ ни въ какой обидѣ не ищетъ.»—Судьба Сахарова намъ не извѣстна. Демидова государыня простила во уваженіе щедрыхъ его пожертвованій на общественныя учрежденія. *П. Б.*

72.

«Сентенціи Нармацкого я, держась примѣра Пушкиныхъ и Татищева, изъ коихъ первые болѣе винны были, а послѣдній поддѣлалъ вексель, и слѣдовательно сходственно сему и наказала того; а теперь прошу васъ, чтобъ тѣ въ семъ дѣлѣ участвующіе люди, коихъ наказаніе зависитъ отъ сената и юстицъ-коллегіи, уже не тягостнѣе его Нармацкого наказаны были, о чемъ вы стараться имѣете.

Августа 2-го 1773 г.»

73.

Полковникъ князь Макуловъ пишетъ ко мнѣ, что отпущенные на нынѣшній годъ для порученнаго ему строенія дворца сто тысячъ рублей не токмо всѣ въ расходѣ, но еще проситъ сорока тысячъ рублей на сей же годъ къ тѣмъ въ прибавокъ, и притомъ испрашиваетъ позволенія пріѣхать сюда для донесенія о многихъ надобностяхъ по сему строенію, чего ради отправьте его будущею зимою сюда, и прикажите взять ему съ собою генеральный счетъ, на что упомянутыя деньги издержаны.

17-го сентября 1773 г. С. Петербургъ.

74.

«Подтвердите юстицъ-коллегіи моимъ словомъ нынѣ, чтобъ скорѣе окончено было слѣдствіе о Сахаровѣ и секретарѣ по всякой справедливости и безъ малѣйшей кому бы то ни было понаровки. *Monsieur* Сахарова же позовите къ себѣ и скажите ему, что я съ удивленіемъ вижу, что онъ у меня ищетъ себя оправдать, тогда когда онъ долженъ оправдаться въ юстицъ-коллегіи. Если же вы усмотрите въ приложенномъ здѣсь его письмѣ противурѣчіе съ показаніемъ его въ юстицъ-коллегіи, то не оставьте ему дать восчувствовать дерзость такой двоякости, а изъ письма его не дѣлайте безъ крайности никакаго публичнаго употребленія.

Что же касается до дерзкаго вамъ извѣстнаго болтуна, то я здѣсь коекому внушила, чтобъ до него дошло, что, естли онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзы. Чего всего вамъ въ крайней конфиденціи сообщаю для вашего свѣдѣнія, дабы наружностію иногда вы бъ не были обмануты.

Сентября 25-го 1773 г.

Сего 29-го будетъ свадьба сына моего. Я поведеніемъ невѣсты его и ея матери весьма довольна. Они оба люди любезные. Мать—человѣкъ души твердой *et rien moins qu'une commère.* (31)

Въ этомъ письмѣ говорится о графѣ П. И. Панинѣ, до коего относятся и нижеслѣдующія три отвѣтныя письма князя Волконскаго, списанныя нами (равно какъ и дальнѣйшія письма князя Волконскаго) съ собственноручныхъ подлинниковъ изъ Московскаго Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ. По этимъ письмамъ оказывается, что печатаемый нами сборникъ Екатерининскихъ писемъ къ князю Волконскому, къ сожалѣнію, не полонъ; ибо должны были быть еще ея письма о гр. П. И. Панинѣ. Князь Волконскій могъ находиться въ холодныхъ отношеніяхъ съ симъ послѣднимъ между прочимъ потому, что былъ другомъ Орловыхъ. Нескромныя рѣчи гр. Панина могли относиться къ державнымъ правамъ великаго князя Павла Петровича, который въ это именно время достигъ совершеннолѣтія и женился. Въ это же самое время появляется Пугачевъ, и вѣсть о появленіи его, по свидѣтельству Державина (Записки, стр. 49) разносится по Петербургу въ самый день бракосочетанія великаго князя, 29 сент. 1773 года. *П. Б.*

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА КНЯЗЯ М. Н. ВОЛКОНСКАГО.

Всемилостивѣйшая государыня! Всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества отъ 30 августа я сего 5-го числа получить удостоился, которымъ повелѣть изволили, чтобъ я послалъ въ деревню Петра Панина одного надежнаго человѣка выслушать его дерзкія болтанья (32). На оное симъ всеподданнѣйше доношу: подлинно, что сей тщеславный само-

(31) Т. е. вовсе не сплетница.

(32) Гр. П. И Панинъ обыкновенно проводилъ лѣтнее время подъ Москвою въ селѣ своемъ Михалковѣ, гдѣ онъ выстроилъ нѣчто на подобіе Бендерской (имъ покоренной въ 1770 г.) крѣпости, остатки коей видны и донынѣ.

хвалъ много и дерзко болтаетъ, и до меня нѣсколько доходило; но все оное состояло въ томъ, что все и всѣхъ критикуетъ, однако такого не слышно, чтобъ клонилося къ какому бы дерзкому предпріятію. Я хотя всегда за нимъ мое примѣчаніе имѣлъ, а таперь еще удвою оное, и употребилъ разные каналы его слова свѣдать; когда что увѣдаю, то тогда вашему императорскому величеству донесу. Примѣчательно есть, что онъ Панинъ съ нѣкотораго времени гораздо утихъ, и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ. Не знаю, происходитъ ли сія скромность отъ страха или для закрытія какихъ видовъ. Въ здѣшномъ мѣстѣ, кажется, никакой опасности нѣтъ; однако со всѣмъ тѣмъ il faut atender à tout et rien crainier (33).

Ежели смѣю, всемилостивѣйшая государыня, по моей безпредѣльной вѣрности и искренно-усердной къ освященной вашей особѣ преданности, мое мнѣніе сказать, кажется, лучше бъ всего какъ наискорѣя отлучить отъ двора и отъ обѣихъ резиденцій всѣхъ суспектныхъ людей тѣмъ или другимъ образомъ, и шайку сію разсыпать, то все такъ и кончится; а другимъ страхъ, вашему императорскому величеству и вѣрнымъ вашимъ рабамъ покой будетъ. За сію всемилостивѣйшую мнѣ довѣренность приношу мое всеподданнѣйшее благодареніе и сохраню ее въ глубочайшемъ секретѣ. Я ничего инаго на сердцѣ не имѣю, не взирая ни на что, какъ службу вашего императорскаго величества. Ваша воля государская мнѣ законъ, и высокія повелѣнія ваши мнѣ предѣлъ, его же не преступлю. На сихъ правилахъ жизнь мою веду и съ тѣмъ и умру.

Препоруча себя въ высокую монаршую милость, пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего и пр. всеподданный рабъ

князь М. Волконской.

9 сентября 1773 г. Москва.

*

По высочайшему предъ симъ вашего императорскаго величества повелѣнію, я употребилъ надежныхъ людей присматривать за Панинымъ (который на сихъ дняхъ изъ деревни въ Москву переѣхалъ); чрезъ оныхъ извѣстился, что онъ, какъ я и прежде доносилъ, сталъ гораздо въ бол-

(33) Т. е. надо всего дожидаться и ничего не бояться.—Кн. Волконскій не умѣлъ по французски.

таніяхъ своихъ скромнѣе; а что всего удивительнѣе, когда получилъ извѣстіе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи брата его чиномъ, деревнями, деньгами, пансіономъ и другими многими монаршими щедротами, ожидалось было его видѣть восхищенна съ радости, но напротивъ того онъ еще больше задумчивѣе сталъ, и поздравленія принимаетъ отъ многихъ къ нему пріѣзжающихъ съ нѣкоторою холодностью. Сказывалъ же, что онъ хочетъ вскорѣ ѣхать въ С. Петербургъ. Впрочемъ обстоитъ здѣсь все благополучно. Которые воровства и разбои съ начала лѣта около Москвы завелись было, оные всѣ очищены, и воры казаками переловлены, которыхъ въ разныхъ мѣстахъ до 80 человѣкъ было; но всѣ въ руки попались, и уже какъ съ ними, такъ и съ пристанодержателями указъ учиненъ. Да и сверхъ того, всемилостивѣйшая государыня, много бѣглыхъ всякаго званія людей переловлено, и куды надлежитъ разосланы.

30 сентября 1773 г. Москва.

75.

Московскій купецъ Василій Котельниковъ поданнымъ намъ прошеніемъ проситъ объ отдачѣ ему Московскихъ въ Китаѣ-городѣ харчевенъ въ вѣчное владѣніе съ тѣмъ, чтобъ построить ихъ въ два этажа каменныя изъ своего кошта. А какъ о сихъ харчевняхъ намъ отъ Московского сената въ 1767 году докладъ былъ уже поднесенъ, но оный по нѣкоторымъ причинамъ нами еще не конфирмованъ, по Московскимъ же разнымъ обстоятельствамъ; можетъ-быть, и обстоятельства сихъ харчевенъ нынѣ перемѣнились: того ради какъ помянутое купца Котельникова прошеніе, такъ и сенатскій докладъ посылаю къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы оные на разсмотрѣніе вновь Московскому сенату предложили, который и имѣетъ намъ по нынѣшнему состоянію объ оныхъ харчевняхъ представить свое мнѣніе

10-го октября 1773 г. С. Петербургъ.

76.

Генералъ Костюринъ прислалъ къ намъ прошеніе, коимъ жалуется на свойственника своего отставнаго ротмистра Ивана Григорьева сына Наумова: что онъ въ прошломъ 1770-мъ году явилъ въ вотчинной коллегіи купчія отъ имени сержанта Ивана Иванова сына Костюрина на недвижимое имѣніе, доставшееся ему генералу Костюрину съ братомъ послѣ се-

стры ихъ родной Вѣры Зиновьевой, и въ тѣхъ купчихъ написанъ онъ роднымъ ея племянникомъ. А какъ онъ утверждаетъ, что они никакого племянника не имѣютъ, то проситъ, чтобы мы повелѣли оное дѣло изслѣдовать юстицъ-коллегіи. Чего ради посылаемъ оное прошеніе его къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы приказали юстицъ-коллегіи по оному немедленно изслѣдовать, и что̀ окажется, намъ донести.

10-го октября 1773 г. С.-Петербургъ.

77.

Изъ приложенной при семъ копіи съ репорта гвардіи нашей майора Шипова вы увидите, что заразительная болѣзнь въ Запорожскихъ селеніяхъ почасту возобновляема бываетъ привозимыми туда въ добычу полученными отъ непріятеля-Турка вещьми, и прокралась уже оттоль въ Елисаветградскую провинцію. Мы, о семъ дая вамъ знать, надѣемся, что вы не оставите взять всѣ предосторожности, чтобъ сіе зло не возмогло достигнуть до столицы нашей, вашему попеченію ввѣренной.

17-го октября 1773 г. С.-Петербургъ.

78.

Прошлаго 1771-го года ноября 17-го дня конфирмовала я сенатскій докладъ о разныхъ преступленіяхъ бывшаго Смоленской шляхты полковника Ильи Рачинского, повелѣвъ его, лиша дворянства и чиновъ, сослать въ Сибирь. А нынѣ получила я чрезъ малолѣтнаго его сына отъ него изъ Москвы прошеніе, въ которомъ онъ, оправдаясь противъ производимаго надъ нимъ слѣдствія, проситъ прощенія. Но какъ въ помянутомъ сенатскомъ объ немъ докладѣ преступленія его столь ясно доказаны, что я, по правосудію и для воздержанія подобныхъ ему отъ таковыхъ поступокъ, простить его не могу, то поручаю вамъ предложить Московскому сенату, чтобъ надъ нимъ по конфирмаціи моей немедленно исполнено было.

31-го октября 1773 г. С. Петербургъ.

Отвѣтъ князя Волконскаго.

По высочайшему вашего императорскаго величества отъ 31 прошедшаго мѣсяца рескрипту о колодникѣ Рачинскомъ я сенату предлагалъ, который опредѣлилъ помянутаго колодника сослать въ Сибирь, куды вскорѣ и отосланъ будетъ.

На сихъ дняхъ загорѣлась юстицъ-коллегія въ архивѣ, но по счастію стараніемъ полиціи и той коллегіи судей въ одной только палатѣ дѣла сгорѣли, а прочія спасены; впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, здѣсь обстоитъ все благополучно, а отъ чего загорѣлось, о томъ слѣдуется.

По требованію Казанскаго губернатора, я сей день еще въ добавокъ къ прежде командированнымъ одной гарнодерской ротѣ и 350 человѣкъ мушкатеръ съ 4-мя пушками, еще отправилъ 200 человѣкъ и двѣ пушки; а больше мнѣ отсюды уже убавить нечего: осталось только нужные караулы безсмѣнно содержать. Я, всемилостивѣйшая государыня, опасаюсь, чтобъ всего этого такъ мало будетъ въ разсужденіи распространяющагося зла, злодѣя бунтовщика Донскаго казака, которой часъ отъ часу сильнѣе становится, а тамошніе всѣ люди колеблятся. Я думаю, весьма бъ надобно нарочитой корпусъ цѣлыми полками туды отправить, чтобъ скорымъ разрушеніемъ бунтовщиковъ сіе зло до дальнѣйшаго распространенія не допустить. Правда, что не скоро оной корпусъ туды придетъ, однако уже слухъ одинъ, что полки идутъ, бунтовщиковъ устрашитъ, колеблющихся удержитъ, а вѣрныхъ ободритъ. Пѣхотные полки, всемилостивѣйшая государыня, могутъ на подставныхъ подводахъ, и артиллерія въ семь недѣль изъ Петербурга въ Казань прибыть, а кавалерійскіе полки въ два мѣсяца на своихъ лошадяхъ ([34]).

23 ноября 1773.

79.

Бригадиръ Ѳедоръ Дмитріевъ-Мамоновъ прислалъ ко мнѣ челобитную, въ которой жалуется, что Московскій сенатъ не позволилъ ему напечатать въ университетѣ то привѣтствіе къ публикѣ, которымъ онъ приглашалъ оную къ себѣ въ домъ для смотрѣнія прописанныхъ въ ономъ привѣтствіи рѣдкостей. А какъ онъ притомъ пишетъ, что сіе запрещеніе сдѣлано точно по вашему приказу, то я, не сомнѣваясь, чтобъ вы не имѣли къ тому основательныхъ причинъ, желаю однакожъ, чтобъ вы меня увѣдомили, подлинно ли онъ имѣетъ въ своемъ домѣ что́ въ привѣтствіи его написано, и для тѣхъ ли только непристойностей, кои и я въ помя-

([34]) Извѣстно, что сначала Екатерина мало уважала Оренбургское волненіе, ибо самозванство при ней было дѣло не новое. Совѣтъ дѣйствовать сильнѣе поданъ кн. Волконскимъ, какъ видно и изъ отвѣтнаго письма государыни, см. ниже письмо 81-е.

нутомъ привѣтствіи его нашла, запретили вы оное печатать, или еще какія другія причины къ тому имѣли. Я бы желала отъ васъ знать и о всемъ его поведеніи, сколько оно вамъ извѣстно, ибо здѣсь многіе разсказываютъ объ немъ такія дѣла, которыя мало ему похвалы приносятъ (35).

31-го октября 1773 г. С. Петербургъ.

80.

Города Зарайска купецъ Григорій Брасилинъ въ поданномъ мнѣ прошеніи пишетъ, что онъ въ силу сенатскаго указа изъ главнаго магистрата отправленъ былъ въ Борисоглѣбскъ къ переселенію въ тамошнее купечество, но Борисоглѣбскій воевода его не принялъ. Чего ради, по приложенному его при семъ прошенію, прикажите справиться, подлинно ли онъ отъ главнаго магистрата туда для переселенія посыланъ былъ, и по какой причинѣ не принятъ, и о томъ меня увѣдомить.

14-го ноября 1773 г. Царское Село.

81.

«Ваше письмо отъ 23-го ноября я вчерашній день получила, на кототое симъ отвѣтствую. По Оренбургскимъ обстоятельствамъ я, видя, что выборомъ и худымъ поведеніемъ генералъ-майора Кара дѣла тамъ болѣе испорчены нежели поправлены, и получая ежечасно (36) извѣстія о усиленіи тамошной зловредной толпы, попала на ваши мысли и посылаю туда нѣсколько полковъ, въ числѣ которыхъ одинъ гусарскій, и поручила въ тамошнихъ мѣстахъ главную команду генералу Бибикову, съ которымъ поѣдетъ генералъ-майоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Каковъ же манифестъ Бибикову данъ для публикованія въ тамошнія окрестныя губерніи и провинціи для удержанія народнаго стремленія, при семъ прилагаю для вашего только любопытства одинъ экземпляръ. Полковника и Симбирскаго коменданта Чернышева судьбина весьма сожалѣнія достойна. Ни уже что неслыханной суровостью своей извергъ Пугачевъ своей шайкѣ самой не опротивится? Ибо и простой народъ, видя вдругъ тридцать девять человѣкъ чиновниковъ невинно повѣшанныхъ,

---

(35) Это тотъ самый Ѳедоръ Ивановичъ Мамоновъ, который потерпѣлъ при укрощеніи Московской смуты 1771 года. См. о немъ Р. Арх. 1863, изд. 2-е, стр. 493.

(36) Сначала было написано: часъ-отъ часу.

нельзя чтобы не чувствовалъ неистовство таковаго поступка и омерзѣніе къ производителю онаго. Въ несчастіи семъ можно почесть за счастіе, что сіи канальи привязались два мѣсяца цѣлые къ Оренбургу, а не далѣе куда пошли. Вчерась я отъ генералъ-майора Фреймана видѣла репорта, будто они и Уфимского города атаковали, въ которомъ тысячъ съ пятьдесятъ денегъ и пороховой магазинъ. Богъ вѣсть, чѣмъ сіе кончится; можетъ-статься, что и сами еще разбѣгутся. Я зачинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра Перваго ([37]); но, что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину унывать не станемъ. Кара я велѣла отставить, ибо въ нужное время не надобно, чтобъ больной и трусъ занялъ мѣсто и получалъ жалованіе попустому. О семъ прошу любопытнымъ въ вашемъ мѣстѣ разсказывать при случаѣ.

Пожалуй напишите ко мнѣ, что̀ въ вашемъ мѣстѣ говорятъ о дѣлѣ И. И. Котсюрина съ племянникомъ. Костюринъ вѣдь всегда слылся честнымъ человѣкомъ. Ни уже что подъ старость безсовѣстенъ сталъ ([38])?

Декабря 1-го 1773 г.

P. S. За снабдѣніе всѣмъ Казанскаго губернатора и за прилежное ваше въ семъ дѣлѣ стараніе весьма вамъ благодарствую. Изъ Ладоги одинъ полкъ къ Москвѣ посылается, дабы и вы не остались безъ военныхъ людей вовсе. Еще вамъ спасибо и за то, что вы чистосердечно по усердію своему мысли свои пишете, кои, какъ вы изъ распоряженій усмотрите, и въ самомъ дѣлѣ исполняются.»

Письмо князя Волконскаго.

Три дни назадъ пріѣхалъ суды генералъ-маіоръ Каръ, сказываетъ, по причинѣ болѣзни. Оной его пріѣздъ суды произвелъ въ публикѣ толко-

---

([37]) Это напоминаетъ отзывъ Екатерины про время Московской смуты 1771 года въ письмѣ къ А. И. Бибикову отъ 20 окт. 1771 г. «Проводили и мы мѣсяцъ въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ 30 лѣтъ. Онъ сквозь всѣ трудности продрался со славою, и мы надѣемся изъ нихъ выдти съ честью». (Зап. о жизни Биб., изд. 1865, стр. 90).

([38]) Этотъ И. И. Костюринъ, въ дѣлѣ котораго государыня принимала столь живое участіе, былъ братомъ графини Екатерины Ивановны Шуваловой урожд. Костюриной (ум. 1790), супруги графа Александра Ивановича Шувалова, которые въ царствованіе Елизаветы Петровны имѣли столь важное значеніе при дворѣ нашемъ? Сличи письма 76, 87, 89 о Костюринѣ.

ванія о Оренбургскихъ обстоятельствахъ. Я таперь, всемилостивѣйшая государыня, стараюсь публику увѣрить, что Оренбургскія дѣла никакого уваженія не заслуживаютъ и никакихъ худыхъ слѣдствій ожидать не можно, а что только шайка никуды годныхъ людей собралась, которая вскорѣ и истреблена будетъ; а Кару я чрезъ оберъ-полицемейстера велѣлъ сказать, чтобъ какъ онъ самъ объ тамошнихъ дѣлахъ ничего ни съ кѣмъ, а по малой мѣрѣ предосудительнаго, не говорилъ, такъ бы и людямъ своимъ запретилъ. Я его самъ не видалъ еще, потому что еще не совсѣмъ отъ подагры выздоровѣлъ и изъ дому не выѣзжаю; въ прочемъ здѣсь обстоитъ все благополучно.

2 декабря 1773.

82.

«Я сейчасъ получила ваше письмо отъ 2 дек., изъ котораго усмотрѣла, что ген.-майоръ Каръ, хотя и сказался боленъ, но на почтѣ, оставя постъ свой, къ Москвѣ прискакалъ. Пошлите ему сказать отъ меня, чтобъ онъ не дерзнулъ мнѣ казаться на глаза, ниже ѣхать сюда, а естли на Москвѣ отъ его пріѣзда болтанья умножилось, то обновите изъ сената указы старые о неболтаніи, каковыхъ много есть и въ прежнія времена, и при мнѣ уже часто о семъ обновлялась память, и съ успѣхомъ. А Кара я велѣла отставить, о чемъ уже вездѣ указы разосланы.

Декабря 7-го 1773 г.»

Отвѣтъ князя Волконскаго.

Высочайшее отъ 7 сего вашего императорскаго величества повелѣніе, я вчерашняго числа получить удостоился, и въ силу оного генер.-маіору Кару указъ вашъ, чтобъ онъ не дерзалъ предстать предъ вашимъ императорскимъ величествомъ и въ Петербургъ бы не ѣздилъ, я чрезъ оберъ-полицмейстера Архарова объявилъ. Что жъ касается до возобновленія и публикованія отъ сената указу о неболтаніи лишняго, я еще до дальнѣйшаго вашего императорскаго величества повелѣнія удержался, въ разсужденіи что оной указъ въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ по предложенію моему отъ сената уже публикованъ былъ, къ тому же чтобъ и не подать въ публикѣ причины къ большему уваженію о Оренбургскомъ дѣлѣ; а приказалъ оберъ-полицмейстеру употребить надежныхъ людей для подслушиванія разговоровъ публики въ публишныхъ соборищахъ, какъ то

въ рядахъ, баняхъ и кабакахъ, что̀ уже и исполняется, а между дворянствомъ также всякіе разговоры примѣчаются. Болтанье таперь больше въ томъ состоитъ, а паче между простымъ народомъ (какъ я прежде доносилъ) относительно до генералъ-маіора Кара, котораго народъ бранитъ, называя его трусомъ, и говорятъ: «Какой это генералъ, что не могъ съ такими бездѣльниками управиться и самъ суды ушелъ! Его бы надо повѣсить!» Я радуюсь, всемилостивѣйшая государыня, сей народной ревности и усердію.

Александръ Ильичь Бибиковъ сей часъ у меня былъ, и мнѣ объявилъ высочайшую вашего императорскаго величества милость и благоволеніе.

13-го декабря 1773 г.

83.

Я приказала изъ статсъ-конторы отпустить и на будущій годъ еще сто тысячъ рублей для строенія Аннингофского дворца, которые прикажите посрочно принимать и употреблять въ расходъ на томъ же основаніи, какъ и о прежнихъ ста тысячахъ рубляхъ отъ меня вамъ писано было

18-го декабря 1773 г. С.-Петербургъ.

84.

Прикажите архитекторамъ домъ графа Шувалова въ Москвѣ, гдѣ банковая для вымѣна государственныхъ ассигнацій контора находится([39]), оцѣнить, и оную оцѣнку пришлите ко мнѣ.

4-го генваря 1774 г. С.-Петербургъ.

Письмо князя Волконскаго.

На сихъ дняхъ манифестъ о злодѣѣ Пугачевѣ здѣсь публикованъ. Я велѣлъ примѣчать при публикованіи народное положеніе, которое и примѣчено, что народъ съ жадностью слушалъ оное объявленіе, и послѣ большая часть народа кляли и бранили бунтовщика и самозванца; а другіе говорили съ презрѣніемъ и смѣхомъ: «Вотъ какой, вздумалъ государемъ быть!» Здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, все тихо и смирно, и чрезъ всѣ дни праздника никакихъ непорядковъ не было, и вракъ гораздо меньше стало. Только одинъ большой([40]) вашему императорскому

([39]) Если не ошибаемся, это нынѣшній домъ министерства финансовъ, выпятившійся на Мясницкую улицу, между зданіями Почтамта и переулкомъ Кривое Колѣно.

([40]) Графъ П. И. Панинъ.

величеству извѣстной, болтунъ вздоръ болтаетъ, не разбирая при комъ, но при всѣхъ; а другіе перебалтываютъ, но все ничего незначущее и единственно къ тщеславію его касающееся.

7-го генваря 1774 г. Москва.

85.

При семъ посылаю къ вамъ новой планъ церкви въ строющемся въ Москвѣ на Аннингофскомъ фундаментѣ дворцѣ и притомъ три рисунка внутреннему ея украшенію. Почему прикажите князю Макулову по сему плану и фундаментъ прибавить, и оную церковь строить по сему новому плану.

3-го февраля 1774 г. Царское Село.

86.

«Пошлите рекетмейстерскаго товарища юстицъ-коллегіи и прикажите ему взять выписку, почему оная коллегія отрѣшаетъ гофъ-курьера Моисеева отъ наслѣдства купца Короткова, и прикажите ему освидѣтельствовать розныхъ оного купца наслѣдниковъ, кто по его имѣнію къ наслѣдству ближе состоитъ, и пришлите сіе ко мнѣ.

Февраля 18-го 1774 г.»

87.

Объявите Ивану Ивановичу Костюрину и брату его нашимъ именемъ, что какъ дѣло ихъ съ ротмистромъ Наумовымъ и сержантомъ Костюринымъ подвержено въ изысканіи сумнѣнію, и вѣроятно что оно окончиться не можетъ въ юстицъ-коллегіи безъ поношенія котораго нибудь изъ родственниковъ: и для того не согласятся ли они выбрать по два человѣка съ каждой стороны, къ которымъ мы сами пятаго назначимъ, дабы ихъ разобрать и отъ дальнихъ слѣдствій избавить, и на чемъ положено будетъ, тѣмъ съ обѣихъ сторонъ и остаться довольнымъ.

Февраля 27-го 1774 г. С.-Петербургъ.

88.

Нашему генералу князю Волконскому.

Изъ полученныхъ нами отъ васъ реляцій, по тайнымъ дѣламъ вамъ ввѣреннымъ, усматриваемъ мы, сколько вы упражнены оными, также и то, что, когда вы занимаетесь сими дѣлами, то другія вамъ порученныя

должны имѣть остановку; «а какъ по умоначертаніи нашего народа по теперешнимъ обстоятельствамъ болѣе надлежитъ ожидать умноженіе вралей нежели уменьшеніе вракъ», а сверхъ того какъ по симъ дѣламъ виновные содержатся въ Преображенскѣ, съ коими по обстоятельствамъ иногда необходимо имѣть должно вамъ самоличное изъясненіе, а потому всякая ваша въ Преображенскъ поѣздка можетъ-быть въ легкомысленныхъ людяхъ, а особливо въ развращенныхъ политикахъ, произвесть новые вредные толки: во избѣжаніе чего «однимъ для страха», и въ облегченіе ваше заблагоразсудили мы отправить къ вамъ нашей гвардіи Преображенского полку капитана Волоцкаго, и, который находится въ Москвѣ, Семеновского полку прапорщика Городчакова, чтобъ употребили вы ихъ при допросахъ по тайнымъ дѣламъ, но съ тѣмъ, дабы они никому ни малѣйшаго истязанія при допросахъ не дѣлали. Впрочемъ дѣла сіи, какъ и офицеры, имѣютъ быть въ полномъ вашемъ вѣдомствѣ на прежнемъ основаніи.

С. П. Б. Марта 3-го 1774 г.

89.

По желанію Ивана Ивановича Костюрина съ братомъ его съ одной, а ротмистра Наумова и сержанта Костюрина съ другой стороны, дозволяемъ выбрать имъ по два человѣка, о которыхъ они вамъ объявятъ, а пятый къ тому опредѣляется отъ насъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, и быть тому разбору въ Москвѣ. Симъ способомъ надѣемся привести дѣло къ скорѣйшему концу и къ общему съ обѣихъ сторонъ спокойствію, а что положатъ, въ свое время вы о томъ намъ донесете для утвержденія.

С.- Петербургъ. Марта 15-го 1774 г.

90.

Приложенный при семъ манифестъ повелѣваемъ вамъ напечатать числомъ тысячу двѣсти экземпляровъ: половину гражданскою, а другую половину церковною печатью, а какъ скоро оные изготовлены будутъ, имѣете вы отправить оные съ нарочнымъ курьеромъ, такъ какъ и включенный здѣсь рескриптъ, къ нашему генералу Бибикову.

Марта 23-го 1774 г.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

По истинной къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ материнской любви усматриваемъ мы съ немалымъ оскорбленіемъ, что, хотя неоднократно публиковано манифестами въ народѣ, дабы никто не дерзалъ приставать къ разбойнику Пугачеву и его сволочи, но и за сими увѣщаніями и запрещеніями показывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ невѣжества колебленность въ умахъ одной части простаго народа. И для того вновь повелѣли мы публиковать сей нашъ указъ, дабы удержался всякій не только отъ сообщеній съ ворами, но и ото всякой колебленности, ибо таковыхъ непослушныхъ и присяги вѣрности не помнящихъ людей склонность ни къ чему иному не влечетъ какъ къ собственной ихъ же погибели и къ самой неминуемой измѣнникамъ казни, чего разбойничьи сволочи въ весьма короткомъ времени конечно не избѣгнутъ: ибо къ совершенному ихъ истребленію приближаются уже побѣдоносныя наши войски, управляемыя десницею всемогущаго Бога, Которого Промыслъ чрезъ столь многіе вѣки сохраняетъ Имперію нашу и защищаетъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ злодѣевъ и разорителей. Данъ въ Санкпетербургѣ отъ Рождества Христова въ лѣто 1774-е марта 15-го числа, государствованія нашего дванадесятаго года.

Екатерина.

91.

По извѣстному вамъ челобитью поручика Михайла Безобразова въ бою его Кривцовымъ и Шепелевымъ опредѣлите особливую коммисію изъ людей честныхъ и справедливыхъ, и прикажите имъ, взявъ сіе дѣло изъ юстицъ-коллегіи, немедленно изслѣдовать, и по окончаніи слѣдствія въ общемъ юстицъ-коллегіи собраніи рѣшить по законамъ.

Марта 31-го 1774. Царское Село.

92.

«При семъ посылаю я къ вамъ крестъ съ красными каменіями и бриллiантами на голубой лентѣ съ тѣмъ, чтобъ вы крестъ сей надѣли именемъ моимъ на того протопопа Успенскаго собора, который во время язвы столь полезныхъ своимъ примѣромъ въ здравительной коммиссіи сдѣлалъ услугъ. Онъ же братъ преосвященному Платону. Навѣдайтесь же о его достаткѣ какъ-будто отъ себя, и естли вы узнаете, что оно скудно, то дайте мнѣ знать, дабы я могла коллегіи экономіи приказать

ему производить особую пенсію свыше его оклада. Съ наступающими праздниками васъ поздравляю.

Апрѣля 15-го 1774 г».

93.

Строющійся въ Москвѣ на Аннингофскомъ мѣстѣ дворецъ прикажите отнынѣ называть Екатерининскимъ дворцомъ, и посланные при семъ рисунки внутренняго украшенія залы оного отдайте князю Макулову для исполненія по онымъ во свое время.

1774 г. апрѣля 19-го. С.-Петербургъ.

94.

«Александръ Ильичъ такъ сильно въ Бугульмѣ занемогъ, что послѣднія реляціи отъ 7-го апрѣля не въ силахъ былъ подписывать. Хотя опасно есть, чтобъ всякая помощь отселѣ поздно не пришла, но однако дабы, сколько возможности есть, ему подавать способы къ облегченью, того для прошу васъ наискорѣя съ симъ посланнымъ отправить извѣстного при здравительной коммиссіи на Москвѣ находящагося лекаря Самойловича къ ген. аншф. Бибикову въ Бугульму. И снабдите его невзачетъ третнымъ жалованьемъ, дабы не мѣшкавъ ѣхалъ къ нему и посмотрѣлъ, не можно ли какъ-нибудь возстановить здравіе столь нужное въ теперешнихъ тамошнихъ обстоятельствахъ сего генерала

Апрѣля 20-го 1774 г.

Съ нынѣшнимъ праздникомъ поздравляю васъ и желаю вамъ проводить оного въ радости, а мнѣ сокрушаетъ вѣсть сегодня полученная о болѣзни Бибикова».

Отвѣты князя Волконскаго.

Два высочайшія вашего императорскаго величества повелѣнія получить удостоился. Первое чрезъ штафетъ отъ 15 сего и при томъ крестъ съ бриллiантами и красными каменьями, которой всемилостивѣйше повелѣли на протопопа Успенскаго собора Александра Левшина именемъ вашимъ надѣть, что́, всемилостивѣйшая государыня, и исполнилъ, въ день благополучнѣйшаго для всей Россіи рожденія вашего императорскаго величества. Онъ принялъ сію вашу монаршую милость съ восхищенною радостью и приноситъ свое всеискреннѣйшее благодареніе. О достаткѣ

его, всемилостивѣйшая государыня, я навѣдался: онъ больше ничего не имѣетъ какъ по Успенскому собору 396 рублей, да по присутствію въ синодской конторѣ 300 р. И тако всего 696 рублей на годъ, а сверхъ того ничего не имѣетъ.

Второе чрезъ курьера, отъ 20 сего-жь, я сей часъ получилъ, но къ искреннему сожалѣнію исполненія по оному за кончиною уже Александра Ильича не послѣдовало. По истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, преждевременная смерть сего генерала, а паче въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ потерю немалою; хотя положенное на него дѣло уже и къ окончанію пришло, но еще много остается, что додѣлать. Я не могу безъ сердечнаго сокрушенія подумать, какъ сей несчастной случай васъ, всемилостивѣйшая государыня, огорчаетъ. Всю здѣсь публику очень опечалило, а меня особливо наичувствительнѣйше поразило, будучи съ нимъ всегда пріятель и нынѣ въ частой по дѣламъ перепискѣ (какъ послѣднее имѣлъ за два дни до его смерти) и всегда его почиталъ достойнымъ и надобнымъ человѣкомъ къ службѣ вашей и пользѣ отечеству. Человѣкъ былъ отмѣнныхъ качествъ, генералъ хорошій, честной и безкорыстной. Послѣднее доказываетъ, что оставилъ жену и дѣтей своихъ въ самой бѣдности, но вашего императорскаго величества милосердіе—неисчерпаемой колодезь всѣмъ вашимъ вѣрнымъ подданнымъ, по старинной пословицѣ: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ.

25 апрѣля 1774 г. Москва.

95.

Я слышу, что дѣло гофъ-фурьера Моисеева въ юстицъ-коллегіи окончаніемъ остановилось за тѣмъ, что я рекетмейстерскому товарищу приказала сдѣлать изъ оного выписку и ко мнѣ прислать. Но какъ я сего требовала только для свѣдѣнія, а не для рѣшенія, то прикажите юстицъ-коллегіи въ ономъ дѣлѣ поступать по сенатскому указу.

15 мая 1774 г. Царское Село.

96.

«Третьяго дня ввечеру поздно получила я отъ фельдмаршала графа Румянцева курьера съ пріятнымъ извѣстіемъ о разбитіи знатного турецкого корпуса, за что сегодняшній день мы здѣсь Богу приносили благо-

даренье, и какова читана была выпись изъ реляціи графа Румянцева в церкви, при семъ прилагаю копію, дабы вы на Москвѣ при пушечной пальбѣ тоже учинить могли. Вы изъ сего усмотрите, коль знаменито открылась задунайская кампанія и что фельдмаршалъ туда не шутя перешелъ. При семъ посылаю вамъ табатерку, которую прошу носить на память сегоднишняго дня и участія, которое вы имѣли въ дѣлѣ самомъ тому сегодня двѣнадцать лѣтъ назадъ.

Іюня 28-го ([41]) 1774 г. изъ Петергофа.»

97.

«Усматривая изъ присланного отъ васъ рапорта Казанского губернатора, что воръ и злодѣй прорывался сквозь кордона къ Камѣ, приказала я слѣдовать въ команду вашу полкамъ Вологодскому пѣхотному, Донскому казацкому и Володимерскому драгунскому изъ Вязьмы, которому вы можете послать отъ себя для поспѣшенія ордеръ. Всѣ сіи полки вы употребите по лучшему вашему усмотрѣнію.

Іюля 9-го 1774 г. изъ Петергофа.»

98.

«Пришлите пожалуй ко мнѣ планъ какъ Тайнинскаго дворца, такъ и мѣстоположенія, на которомъ дворецъ и церковь построена. Естли готового не сыщите, то прикажите дѣлать.

Іюля 10-го 1774 г, изъ Петергофа.»

99.

«Генералу-майору Чорбѣ, которого я нынѣ къ вамъ отправляю, поручите команду надъ Великолуцкимъ, Володимерскимъ драгунскимъ и Донскимъ казацкимъ полками, и обратите его куда нужда потребуетъ. А бездѣльникъ пошелъ на Вятку и съ толпою, а куды пойдетъ, не извѣстно.

Іюля 17-го 1774 г.»

100.

«Вручителю сего, генералъ-майору Чорбѣ, котораго я посылаю для принятія команды надъ слѣдующими къ вамъ полками, прикажите выдать

([41]) День возшествія государыни на Всероссійскій престолъ.

пять тысячъ рублей на всякія чрезвычайныя надобности изъ штатсъ-конторы.

Іюля 17-го 1774 г. изъ Петергофа.»

101.

«Какова ко мнѣ пришла сегодня реляція отъ фельдмаршала Румянцева, при семъ прилагаю копію, а васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества ото всего сердца поздравляю съ счастливымъ и славнымъ миромъ. Я сей день почитаю изъ счастливѣйшихъ въ жизни моей, гдѣ доставленъ Имперіи покой ей столь нужный.

Іюля 23-го 1774 г. изъ Петергофа.»

Отвѣтъ князя Волконскаго.

По истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, великое сіе дѣло миръ, сколько преславной, столько и преполезной. Это надо одной только великой Екатеринѣ и матери отечества сдѣлать было. Вы, всемилостивѣйшая государыня, преодолѣли всѣ трудности мудрымъ вашимъ предпріятіемъ и героическою твердостью. Таперь остается только всякому истинному сыну отечества Всевышняго просить о сохраненіи дражайшаго здоровья и продолженіи вѣка вашего, къ благополучію всѣхъ насъ вѣрныхъ вашихъ подданныхъ. Мы можемъ сказать старинною нѣмецкою сентенціею:

Es geht unsrer Kaiserin wohl,
So geht es wie soll;
Und geht es wie es soll,
So geht uns allen wohl....([42])

Предъ симъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доносилъ, что я между прочими здѣсь распоряженіями намѣренъ былъ въ случаѣ иногда приближенія злодѣйской толпы сюды, раздѣля городъ на части, поручивъ всякую часть одному сенатору, чтобъ вооружить дворянъ здѣсь живущихъ съ ихъ людьми для содержанія внутренней тишины; но какъ сей (слава Богу) случай не настоитъ, да чтобъ и не сдѣлать большой робости въ народѣ, а къ тому же и довольное число полковъ сюды

([42]) Т. е. Если хорошо нашей государынѣ, то все идетъ какъ слѣдуетъ; а если все идетъ какъ слѣдуетъ, то всѣмъ намъ хорошо.

слѣдуетъ, то отъ исполненія сего я удержался, хотя уже все къ тому подъ рукою приготовлено.

Здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, все тихо, и паче чаянія моего въ простомъ народѣ гораздо меньше вранья какъ прежде было, что́ могу приписать строгому смотрѣнію полиціи: какъ оберъ-полицмейстеръ ([43]) такъ и подчиненные его офицеры наипримѣрнѣйшимъ образомъ должность свою исполняютъ, и не только безпрестанные по городу патрули дѣлаютъ, но и непримѣтнымъ образомъ о всемъ развѣдываютъ, гдѣ только собранія народныя бываютъ.

29-го іюля 1774 г. Москва.

102.

«Князь Михаилъ Никитичь

Извѣстіе о занятіи Курмыша злодѣями къ сожалѣнію моему получила сего вечера и не сумнѣваюсь, что они стараются пройдти къ Москвѣ, и сумнительно, чтобъ они пошли къ Нижнему. Но думаю, что они прямо къ вамъ пойдутъ, и для того не пропустите никакого способа, чтобъ отвратить сіе несчастіе. Я сего вечера изъ Новагорода седьмой полкъ, а именно лейбъ-кирасирскій, еще къ вамъ отправить приказала. Сверхъ того совѣтую вамъ призвать къ себѣ Московскихъ дворянъ или по крайней мѣрѣ таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ, и предложите имъ отъ себя, чтобъ они по примѣру предковъ своихъ вооружили колико могутъ надежныхъ людей для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне во время послѣдняго Московскаго мятежа готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣ бъ употреблены ни были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставлю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ. Неужели чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генералъ-поручика Суворова прислать къ вамъ наи-

---

([43]) Николай Петровичь Архаровъ.

скорѣя. Боже дай, чтобъ все сіе въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую Его волю.

Іюля 28-го 1774 г. изъ Петергофа.

Я надежду имѣю на Петра Дмитріевича Еропкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семъ случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ.»

И такъ гроза подвигалась къ самой Москвѣ, и въ это-то критическое время назначенъ главнокомандующимъ графъ П. И. Панинъ, коего одно славное имя уже заключало въ себѣ залогъ успѣха. Изъ Записокъ Державина и Мертваго мы знаемъ, какъ достойно и полезно дѣйствовалъ во время Пугачевскаго бунта этотъ горячій нравомъ, но пламенно преданный своему отечеству человѣкъ.

103.

«Какъ графъ Петръ Иван. Панинъ чрезъ брата своего мнѣ представилъ желаніе быть употребленнымъ къ утушенію бунта, то я, снисходя на его прошенье, опредѣлила его къ тому, какъ вы изъ приложенной копіи съ указа усмотрите.

Іюля 29-го 1774 г. изъ Петергофа.»

104.

«При семъ посылаю я къ вамъ копію съ моего письма къ графу Петру Ивановичу Панину.

Іюля 29-го 1774 г. изъ Петергофа.»

«Копія.

Графъ Петръ Ивановичъ.

По первомъ извѣстіи о Казанскомъ несчастіи, я приказала нарядить къ Москвѣ Володимерскій драгунскій полкъ, Великолуцкій пѣхотный и одинъ Донской казацкій. За симъ наряжены еще три полка: одинъ гусарскій да двои пѣхотные изъ Финляндіи, и сверхъ того повелѣно лейбъ-кирасирскому изъ Новагорода идти къ Москвѣ же. Изъ сихъ войскъ нѣкоторыя уже дѣйствительно вступили въ городъ Москву, а прочія въ дорогѣ. И такъ условьтесь съ княземъ Волконскимъ, коликое число оставить на Москвѣ, а прочія чтобъ онъ вамъ уступилъ для встрѣчи злодѣя, естлибъ вздумалъ пройдти въ сей городъ. Впрочемъ прошу васъ имѣть согласіе и сношеніе съ княземъ Волконскимъ, дабы въ семъ важномъ случаѣ ничего проронено не было.

Іюля 29-го 1774 г. изъ Петергофа.

Копію съ сего письма посылаю къ князю Михаилу Никитичу.»

105.

«Изъ письма вашего отъ 25-го іюля, полученнаго мною вчерашняго вечера, я усмотрѣла съ одной стороны извѣстія изъ Нижняго не суще пріятныя и что вы всѣ отъ васъ зависящія предосторожности приняли для встрѣчи и отраженія злодѣйскихъ предпріятій, въ чемъ дай Боже успѣха. Вы изъ вчерашняго моего отправленія усмотрите, что я трехъ огнемъ наполненныхъ губерній: Казанской, Оренбургской и Нижегородской и утушенія бунта поручила Петру Ивановичу Панину. Для Бога, для меня и для государства, естли между вами есть несогласія, оставьте ихъ и сдѣлайте въ семъ случаѣ дружелюбно общее дѣло, дабы тѣмъ наискорѣя истребить народнаго злодѣя. Вашими распоряженіями я довольна и желаю вамъ всякого блага. Ободрите духовъ и дайте имъ вашей и моей бодрости при сихъ печальныхъ, но отнюдь не отчаянныхъ обстоятельствахъ. Я всевозможныя мѣры беру къ вашему вспоможенію, а можетъ статься, что и сама къ вамъ буду и съ сыномъ.

Іюля 30-го 1774 г. изъ Петергофа.»

Письма князя Волконскаго.

Здѣсь все тихо, но въ уѣздѣ есть разглашеніе, что будто злодѣй Пугачевъ, называя его Петромъ Третіимъ, сюды идетъ, отъ чего многіе въ страхъ пришли. Я послалъ въ разныя мѣста партіи казацкія такихъ вредныхъ разгласителей ловить и стараюсь тотъ страхъ изъ головы у слабыхъ людей выбить.

1-го Августа 1774 г. Москва.

*

Хотя таперь Москвѣ опасности и не настоитъ по причинѣ, что злодѣй и самозванецъ по послѣднимъ извѣстіямъ отдаляется отъ здѣшнихъ мѣстъ и деташементами войскъ преслѣдуется, однако какъ его разбойническіе обороты неизвѣстны, но навсегда готовымъ быть должно: того ради сегодняшній день все дворянство, въ Москвѣ находящееся, у меня въ домѣ соберется и положитъ сочинить корпусъ гусаръ изъ людей ихъ и на ихъ коштѣ. Всѣ охотно сего желаютъ, и когда уже все сіе установимъ, то вашему императорскому величеству впредь донесу. По городамъ же приказано, чтобъ воеводы обще съ предводителями дворянскими старалися въ готовности быть къ отпору, ежели бъ злодѣи покусилися на

которое мѣсто напасть, а паче всего пріѣзжали ловить разгласителей и возмутителей (какъ уже таковой въ Коломнѣ и пойманъ, и таперь въ тайной экспедиціи допросы производятся, о чемъ вскорѣ вашему императорскому величеству донесу); приготовленія же въ городахъ, какъ изъ многихъ мѣстъ репортуютъ, съ усердіемъ и успѣхомъ производятся. Сверхъ сего для ловленія разгласителей я послалъ въ разныя мѣста маленькія казацкія партіи. Съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ я условился, и положили мнѣ изъ здѣшнихъ войскъ ему удѣлить, а именно генералъ-маіора Чорбу съ полками Великолуцкимъ пѣхотнымъ (который завтра сюды вступитъ), драгунской Володимерской, казацкій Краснощекова и два эскадрона гусаръ, да сверхъ полковыхъ пушекъ восемь. Помянутые полки я уже ему и въ команду отдалъ.

3-го августа 1774 г.

*

Всемилостивѣйшее ваше мнѣ повелѣніе—о бытіи съ графомъ Петромъ Иванычемъ Панинымъ въ добромъ согласіи. Мнѣ столь сія монаршая милость чувствительна, что ежели бъ и подлинно въ непримиримой злобѣ я съ нимъ былъ, то конечно бъ для пользы службы вашей и для общаго добраго успѣха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, всѣ бъ остатки въ сердцѣ недружбы выкинулъ; но по истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, я никакой злобы противъ его не имѣю, развѣ только какъ обыкновенно между равными бываетъ jalousie de metier ([44]); но и то все оставилъ чистосердечно, и во всемъ ему, что̀ до меня касаться будетъ, стану искренно и усердно помогать. Помоги ему Всевышній положенное на него великое дѣло исправить, что и не сумнѣваюсь, довольно зная его способныя качествы, и усердіе, и добрый духъ. Губернаторъ Нижегородской проситъ у меня о присылкѣ легкихъ войскъ. Я четвертаго дни къ нему съ подполковникомъ Архаровымъ, который добровольно испросилъ себѣ сію экспедицію ([45]), двѣстѣ Донскихъ казаковъ послалъ.

4-го августа 1774 г.

([44]) Т. е. соревнованіе въ занятіяхъ.—Князь Волконскій и графъ Панинъ служили вмѣстѣ въ Семилѣтнюю войну.

([45]) Иванъ Петровичемъ?

106.

„Пріѣхалъ сегодня ко мнѣ князь Репнинъ и сказалъ мнѣ, что онъ отъ васъ слышалъ, что 25-го числа въ Алатырѣ все было здорово, а вчерашній день изъ Казани я получила курьера, который оттуда до Москвы ѣхалъ по почтовой дорогѣ и нигдѣ не слышно воровъ, а думаютъ, что они ушли на Донъ. Павелъ же Потемкинъ пишетъ, что злодѣй распустилъ всѣхъ Татаръ, сказавъ имъ, что онъ идетъ въ такое мѣсто, гдѣ найдетъ войско готовое, и когда ему въ нихъ нужда будетъ, тогда по нихъ пришлетъ. И такъ я кладу изъ двухъ одно: или онъ съ весьма малымъ числомъ идетъ проселочными дорогами на Донъ, или же прокрадывается въ Москву, чтобъ какъ-нибудь въ городѣ въ самомъ вдругъ пакость какую ни на есть надѣлать самъ собою, фабричными или барскими людьми. Его же сообщники въ Казани показываютъ, будто онъ заподлинно имѣетъ переписку съ Московскими раскольниками, но именъ ихъ не знаютъ. И такъ прошу васъ весьма держать ухо востро, дабы сей хитрый злодѣй государственный не нашалилъ въ вашемъ мѣстѣ и нечаянно посереди города: ибо не натурально, чтобъ вдругъ исчезнула громада сія тогда, когда опаснѣе всего казалась. Впрочемъ да наставитъ васъ рука Создателя. Я сердечно желаю, чтобъ я ошиблась гаданьемъ.

Іюля 31-го 1774 г. Изъ Петергофа.“

107.

„Письмо ваше отъ 29-го іюля я получила сего вечера и съ радостнымъ удовольствіемъ усмотрѣла усерднѣйшіе ваши и всѣхъ добрыхъ гражданъ отзывы о мирѣ. Конечно смѣло и безъ обиняковъ сказать можно, что таковый не состоялся еще между двумя имперіями; да что всего лучше есть то, что всякую можно полагать надежду на прочности его; а кому горько будетъ лѣтъ черезъ нѣсколько, то вѣрно тѣмъ, кои не токмо что намъ не помогли, еще всячески препятствовали, когда имѣли случай и причины довольныя воспользоваться и возвратить потерянное. Потому, быть такъ, станемъ говорить о своемъ дѣлѣ и чужиться чужихъ. Богу благодарю, что угрожаемая Нижнему-Новугороду отъ злодѣя опасность миновалась, и ко времени и отселѣ все къ вамъ поспѣло. Уфъ тяжело, горько было да позабычливо! Теперь крушитъ меня народное въ трехъ губерніяхъ разореніе. Только бездѣльства и бездѣльники кажется что приближаются къ

концу. Въ Симбирскомъ или около, Муфель майоръ отряженъ для встрѣчи злодѣя. Весьма желаю, чтобъ хитрый изувѣръ пойманъ былъ. Что миромъ и у васъ въ городѣ умы поперемѣнились, того ожидать надлежало. Оберъ-полицмейстеру и его подчиненнымъ скажите отъ меня похвалу за то, что они прилежно наблюдаютъ свою должность. Что вы отложили нарядъ дворянъ съ своими людьми при перемѣнившихся обстоятельствахъ, сіе апробую, ибо теперь оно причинило бы только тревогу по напрасному.

Августа 2-го 1774 г. С.-Петербургъ.

Вчера я сюда переѣхала.

Завтра, дастъ Богъ здоровья, предварительно будемъ праздновать молебствіемъ мира. Большое празднество сдѣлаемъ по взаимной обсылкѣ посольствъ и размѣна обоихъ дворовъ ратификаціи. Къ вамъ изъ сената сообщится что̀ здѣсь въ церкви читано будетъ и съ чѣмъ конной гвардіи майоръ Давыдовъ по улицамъ поѣдетъ для параднаго объявленія.“

108.

„Изъ Царскаго Села. Августа 8-го 1774 г.

Сего утра явился къ князю Григорію Григорьевичу Орлову Яицкій казакъ Астафій Трифоновъ съ письмомъ отъ казака же Яицкаго Перфильева съ товарищи, всего триста двадцать четыре человѣка, съ котораго письма при семъ прилагаю копію. Вы изъ оного усмотрите, что они берутся вора и злодѣя Пугачева сюда доставить. Я сего же дня посланнаго отъ нихъ съ паспортомъ за рукою князя Григорья Григоріевича Орлова съ отвѣтомъ къ нимъ же приказала отправить, котораго казака вы прикажите нигдѣ не задержать. Князь Орловъ къ нимъ доставитъ волю мою, которая въ томъ состоитъ, чтобъ они злодѣя самозванца привезли къ гвардіи Преображенского полку капитану Галахову, котораго сегодня для того нарочно отправляю къ генералъ-майору Чорбѣ. Сей, когда казаки привезутъ злодѣя и въ томъ нужда будетъ, Галахова снабдитъ достаточной командой, дабы Галаховъ могъ колодника привезти въ цѣлости къ вамъ въ Москву; а вы возьмите всѣ мѣры безъ всякой огласки преждевременной, дабы они содержаны были, какъ важность дѣла требуетъ. Я къ графу Петру Ивановичу пишу о семъ же сегодня, и вы съ нимъ условьтесь и сдѣлайте такъ, чтобъ успѣхъ сего дѣла нигдѣ остановкѣ подверженъ не былъ. Капитана же Галахова какъ въ подводахъ, такъ въ день-

гахъ и въ кормовыхъ и во всемъ снабдите изобильно, дабы ни за чѣмъ не стало.

Съ паспорта казака Яицкого Астафія Трифонова прилагаю копію.»

Письмо князя Волконскаго.

Всемилостивѣйшая государыня. Вчерашняго числа получилъ я отъ отправленнаго отъ меня офицера для развѣдыванія о злодѣѣ Пугачевѣ изъ Шатска и отъ воеводы сего города, съ которыхъ извѣстій при семъ всеподданнѣйше копіи подношу. Изъ сихъ, всемилостивѣйшая государыня, изволите усмотрѣть, что извергъ еще можетъ дерзновеніе взять свои виды поворотить чрезъ Шатскъ (который отсюда 360 верстъ) на Москву. Того ради согласились я съ графомъ Панинымъ, чтобъ онъ отъ Москвы не отдалялся съ своимъ деташаментомъ, покамѣстъ уже подлинное извѣстіе получимъ, куда злодѣй стремленіе свое возметъ.

Отъ Нижегородскаго губернатора получилъ я вчерась же отъ 3 сего, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что Михельсонъ его отъ 2 сего-жъ репортуетъ, что сей достойной штабъ-офицеръ пошелъ на Темниковъ и старается злодѣя отъ Московской дороги отрѣзать. Не знаю, упредитъ ли онъ изверга, котораго разбойническіе повороты весьма скоры, и ничто ему не мѣшаетъ.

Великолуцкой полкъ вчерась въ Москву вступилъ, а здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, все слава Богу тихо.

7-го августа 1774 г. Москва.

109.

«Изъ Села Царскаго. Августа 13-го 1774 г.

По моему счету къ вамъ вчерась пріѣхалъ капитанъ Галаховъ и, чаю, мое съ нимъ отправленное письмо не мало васъ удивило. Посмотримъ что-то будетъ, а естли мерзская сія комедія тѣмъ и кончится, то я сему весьма рада буду. Хотя народное истребленіе и разореніе очень мнѣ крушитъ, но прошедшее возвратить не въ человѣческой мочи, а надобно стараться поправить испорченное.

Ваши письма отъ 3-го, 4-го и 7-го чиселъ августа до моихъ рукъ дошли. Изъ первого усмотрѣла я, что вы намѣреніе взяли собрать дворянство и составить корпусъ гусаръ по общему всѣхъ желанію и что вы условились съ графомъ Панинымъ, какихъ полковъ ему отдать. Всѣ сіи

распоряженія служатъ къ моему удовольствію; но сердечно желаю, чтобъ возстановленіе тишины всѣ сіи мѣры тщетно сдѣлало. Изъ втораго вашего письма вижу я опытъ всегдашняго вашего ко мнѣ усердія, которое въ семъ случаѣ наипаче мнѣ чувствительно. Изъ приложеннаго же письма Нижегородского губернатора видно, что команда, вами къ нему отправленная съ полковникомъ Архаровымъ, ему не безнужна. Что же злодѣй бѣжитъ отъ Алатыря будто къ Пргизу, тому не изволь вѣрить: по сказкамъ казака Трифонова казаки его стараются держать въ такія мѣста по сю сторону Волги, гдѣ бъ подъ видомъ откормленія лошадей и снятія хлѣба съ поля воинскія команды ихъ бы оставили въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока тѣ отвѣту получатъ отселѣ; и сія сказка весьма сходственна со всѣми извѣстіями о ихъ пребываніи и оборотѣ, а наипаче съ тѣми, кои вы приложили къ-своему письму отъ 7-го числа и кои изъ Шатска получены. Однакожь какъ на все сіе совершенно положиться не можно, и для того весьма хороши ваши съ графомъ Панинымъ взятыя намѣренія, чтобъ ему не отдалиться отъ Москвы до тѣхъ поръ, что всѣ сіи обороты извѣстнѣе будутъ, чего въ весьма скоромъ времени и воспослѣдовать должно. Гвардіи капитанъ Лунинъ ([46]) самъ назвался быть употребляемъ противъ злодѣевъ. Прикажите ему выдать на счетъ моего кабинета тысячу рублей, кои ему жалую.»

110.

Возьмите тридцать тысячъ рублей откуда заблагоразсудите и, размѣнявъ оные какъ можно скорѣе на золото, отправьте ихъ немедленно къ графу Петру Ивановичу Панину на чрезвычайные расходы.

Августа 20-го 1774 г. Изъ Царскаго Села.

«Князь В. М. Долгорукій приказалъ генералъ-поручику гр. Пушкину идти къ Воронежу, а сколько съ нимъ войска, при семъ прилагаю особое цыдуло. Они къ 29-му сего мѣсяца на мѣсто быть должны.»

111.

Я приказала Михайлу Михайловичу Измайлову купить на Пречистенкѣ домъ князя Долгорукого и оный по конфирмованному отъ меня плану пе-

---

([46]) Александръ Михайловичъ Лунинъ. См. о немъ Р. Архивъ 1866, стр. 377 и далѣе. Лунинъ состоялъ первоначально при Бибиковѣ. Можетъ быть, по смерти его онъ возвратился въ Петербургъ, и теперь снова ѣхалъ принять участіе въ потушеніи Пугачевскаго бунта.

редѣлать, чего ради прикажите какъ на покупку, такъ на передѣлку оного и на прочее къ тому принадлежащее строеніе отпустить ему господину Измайлову деньги изъ штатсъ-конторы, сколько онъ требовать будетъ, и для скорѣйшаго окончанія сего порученнаго отъ меня ему строенія прикажите во всемъ дѣлать ему вспоможеніе.

Августа 23-го 1774 г. Царское Село.

112.

«Пишетъ ко мнѣ генералъ-майоръ Павелъ Потемкинъ, что онъ къ вамъ отправилъ изъ пойманныхъ воровъ одного изъ главныхъ, дабы казнь надъ нимъ совершена была на Москвѣ въ страхъ бездѣльникамъ, и для того прикажите поступать въ силѣ государственныхъ законовъ о таковыхъ.

Августа 25-го 1774 г.»

113.

Ассессорша Анна Гарезина поданнымъ мнѣ челобитьемъ приноситъ жалобу: 1-е, Петра Спиридоновича Сумарокова, что онъ, давъ ей крѣпости на людей и на деревни, нынѣ оныя въ судебныхъ мѣстахъ порочитъ, и старается не допустить ее по онымъ въ законное право; 2-е, будто вотчинная коллегія и Московская губернская канцелярія оныхъ дѣлъ ея не рѣшаютъ. Я, желая всякому, не смотря на лицо, доставить правосудіе, поручаю вамъ, напередъ позвавъ къ себѣ Петра Спиридоновича, ему сказать, что, естли оное дѣло подлинно такъ какъ Гарезина въ своемъ прошеніи пишетъ, то я удивляюсь, что онъ въ такомъ чинѣ и въ такихъ лѣтахъ не старается паче прекратить сего дѣла, по допустилъ его къ своему безславію до судебныхъ мѣстъ. Естли же онъ захочетъ продолжать оное дѣло, то прикажите моимъ именемъ тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, гдѣ оное производится, чтобъ онѣ сей споръ рѣшили конечно въ шесть недѣль по точной силѣ законовъ, и ко мнѣ репортовали.

Августа 25-го 1774 г. С. Петербургъ.

114.

По приложенному при семъ прошенію ассесора Бориса Макова жены Лукерьи, пошлите нарочно надежнаго человѣка взять свѣдѣнія какъ въ губернской Бѣлогородской канцеляріи, такъ и у самого губернатора о

обстоятельствахъ сего дѣла, и прикажите сему посланному, сдѣлавъ изъ него обстоятельный экстрактъ и навѣдавшись подлинно о состояніи оного Макова, обо всемъ подать вамъ репортъ, который вы тогда ко мнѣ пришлите.

Августа 28-го 1774 г. С. Петербургъ.

115.

«Изъ письма вашего отъ 19-го числа сего мѣсяца усмотрѣла я съ удовольствіемъ, что у васъ, слава Богу, все въ тишинѣ и спокойно. Я отъ того же числа имѣла письмо отъ графа Панина изъ Коломны, который почти тоже о мерзкихъ злодѣйскихъ обращеній пишетъ, что̀ и вы, и какъ уже десять дней какъ сіи письма ваши писаны, то съ часъ на часъ жду чего ни на есть рѣшительное; худыя вѣсти приходятъ скорѣе нежели хорошія, такъ надѣюсь что-нибудь да доброе, а всего бы лучше, естли бъ врага связали. Пожалуй, держите ухо востро. О Тульскихъ обращеніяхъ здѣсь слухъ есть, будто тамъ между ружейными мастеровыми не спокойно. Я нынѣ тамъ заказала 90.000 ружей для арсенала: вотъ имъ работа года на четыре —шумѣть не станутъ. Всѣ ваши распоряженія и дворянъ Московскихъ согласное положеніе формировать гусарскій корпусъ служатъ къ моему удовольствію. Я надѣюсь отъ милости Всевышняго, что нужда настоять не будетъ. Только пословица говоритъ: надѣйся на Бога, а самъ не плошай. И такъ, пока бездѣльствы не искоренены, то все, что̀ служитъ къ готовой оборонѣ, не можно вовсе еще оставить. Усердіе князя Алексѣя Хованского похвалы достойно. Я къ нему велю написать письмо благодарительное. Что же вы не спѣшите формированьемъ сего корпуса, и сіе разумно: безъ нужды тревожить людей излишне. Михаилъ Михайловичъ Измайловъ вчерась къ вамъ отправился и везетъ мою рѣшительную о походѣ резолюцію. Я поѣду между 15-мъ декабря и 15-мъ генваря отселѣ, а буду жить противу колымажной конюшни какъ-нибудь. Поручила я сіе письмо князю Репнину, котораго я обратно отправляю къ графу Румянцеву. Ему же ѣхать посломъ въ Царьградъ, и хотя умеръ визирь своею смертью между Шумлой и Андріянополемъ, но однакожь повидимому сіе перемѣну не причинитъ. Прощайте. Будьте здоровы.

Августа 29-го 1774 г. Изъ С.-Петербурга.»

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА КНЯЗЯ ВОЛКОНСКАГО.

Михаилъ Михаиловичь Измаиловъ сказывалъ мнѣ, что ваше императорское величество въ концѣ нынѣшняго или въ началѣ будущаго года намѣреніе имѣете высочайшимъ своимъ прибытіемъ здѣшній городъ обрадовать. Мы съ нимъ разсуждали о построеніи для такого желаемаго случая дворца. Онъ находитъ способъ нѣсколько партикулярныхъ домовъ соединить, да большую деревянную залу пристоить. И для того онъ таперь упражняется сочиненіемъ плановъ, а какъ скоро оные поспѣютъ, то для выигранія времени (которое коротко становится) и для лучшаго изъясненія и полученія высочайшаго вашего повелѣнія, самъ съ оными въ С.-Петербургъ отправится, какъ я съ нимъ въ евтомъ и согласился, ибо чрезъ двѣ недѣли сюды возвратиться можетъ и тотъ-часъ за дѣло примется.

14-го Августа 1774 г. Москва.

*

Два высочайшія вашего императорскаго величества повелѣнія получить въ свое время удостоился: первое отъ 20 августа, въ силѣ котораго тридцать тысячь рублей золотомъ изъ соляной конторы къ графу Панину на чрезвычайные расходы съ надежнымъ офицеромъ при конвоѣ двѣнадцати гарнодеръ по почтѣ отправилъ; второе отъ 23 августа, по которому въ статсъ-контору предложено, чтобъ по требованіямъ г-на Измаилова какъ на покупку Долгорукова двора, такъ и на строеніе деньги отпускаемы были

Ладожской пѣхотный полкъ 28 августа сюды прибылъ, а завтрашній день по требованію графа Панина выступаетъ и будетъ слѣдовать съ поспѣшеніемъ въ Тамбовъ; впрочемъ здѣсь обстоитъ все тихо и спокойно.

1-го сентября 1774 г. Москва.

116.

«При семъ посылаю къ вамъ Голштинское знамя Дельвигова драгунского полка, которое отбито Михельсономъ у Пугачева подъ Царицынымъ. Кой часъ оно было привезено сюда, я послала въ Ораніенбаумской арсеналъ осматривать книгъ и вещей, не оттудова ли оно было выкрадено; но тамо что̀ было, все въ цѣлости находится; а тамошній генералъ-майоръ Ферстеръ узналъ, что сіе знамя, какъ выше написано, зятя его,

Дельвигова полка; и какъ Ферстеръ съ Мерлинымъ были у разбора Голштинскихъ дѣлъ, то они утверждаютъ, что ими въ коммисаріатъ отдано по приложенной запискѣ знаменъ и штандартъ. И такъ теперь поручаю вамъ требовать отъ Глѣбова ([47]) извѣстіе, гдѣ сіи вещи находятся, и, естли ихъ нѣтъ, гдѣ, какъ и когда онѣ изъ его вѣдомства вышли. И естли вы найдете каналъ, какимъ образомъ сіе знамя до Пугачева дошло, то весьма хорошо будетъ, ибо плутни бы наружи выведетъ. Во всемъ семъ поступайте однако такъ, чтобъ какъ возможно меньше городу причинить невременную тревогу.

Сентября 15-го 1774 г.»

117.

«Съ послѣдними курьерами отъ графа Петра Ивановича Панина изъ Пензы получила я вѣсть, что Яицкіе казаки Пугачева связали и везутъ его въ Яицкій городокъ, а какъ мною уже давно отправленъ извѣстный вамъ капитанъ Галаховъ и ему повелѣно сего колодника везти къ вамъ, то я и не сумнѣваюсь, что сіе теперь съ точностію исполнено будетъ. Но какъ вамъ самимъ въ семъ случаѣ и для сего дѣла нужно имѣть кого ни на есть, кто бы всѣ конекціи сего дѣла зналъ и бы былъ при васъ и подъ дирекціи ваши, и для того приказала я генералъ-майору Павлу Сергѣевичу Потемкину, который имѣлъ подъ свою дирекціи Оренбургская и Казанская секретная комиссіи, перенестись и самыхъ важнѣйшихъ по сему дѣлу колодниковъ перевезти къ Москвѣ, куда сверхъ того отправляю къ вамъ отселѣ тайной экспедиціи оберъ-секретаря Шешковскаго, дабы вы въ состояніи нашлись дѣло сего злодѣя привести въ ясности и досконально узнать всѣ кроющіяся плутни, отъ кого родились и кѣмъ производимы и вымышлены были, дабы тѣмъ наипаче узнать нужное къ утвержденію впредь народной тишины и безопасности, въ чемъ да поможетъ намъ Богъ. Что происходить будетъ, вы не оставьте мнѣ увѣдомить почаще, дабы я васъ снабдить могла иногда нужными наставленіями.

Сентября 27-го 1774 г.»

([47]) Александръ Ивановичъ Глѣбовъ былъ генералъ-прокуроромъ во время упраздненія Голстинскихъ полковъ въ первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія; а въ это время служилъ въ Москвѣ въ комиссаріатѣ.

Отвѣтныя письма князя Волконскаго.

Вчерашняго числа вору Бѣлобородову, изъ Казани присланному, учинена смертная казнь отсѣченіемъ головы при многихъ тысячахъ смотрителей, не только городовыхъ жителей, но и поселянъ: ибо я приноровилъ сію экзекуцію въ торговый день, то многое число крестьянъ, на торгъ пріѣхавшихъ, въ числѣ смотрителей были. И тако повсюду слухъ скоро разнесется, и я надѣюсь, всемилостивѣйшая государыня, что сей страхъ хорошій въ черни эфектъ сдѣлаетъ. Впрочемъ здѣсь все тихо и спокойно, и болтанья гораздо меньше стало.

Сей часъ былъ у меня майоръ, посланный курьеромъ отъ Михельсона съ пріятною вѣдомостью, что сей храбрый полковникъ 25 августа изверга Пугачева съ его толпою совсѣмъ разбилъ, и хотя сей злодѣй съ малымъ числомъ и ушолъ, но будучи преслѣдуемъ Донскими казаками, скоро въ руки попадется, съ чѣмъ приношу всеподданнѣйшее мое вашему императорскому величеству поздравленіе.

6-го сентября 1774 г. Москва.

*

Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе отъ 15 сего я получить удостоился, какъ и присланное при ономъ Голштинское Дельвигова драгунскаго полку знамя. Весьма меня, всемилостивѣйшая государыня, удивило, какимъ образомъ это знамя къ вору Пугачеву зашло. Глѣбовъ два дни до полученія мною высочайшаго повелѣнія поѣхалъ въ С.-Петербургъ, слѣдственно здѣсь справиться не съ кѣмъ; а пришло мнѣ, всемилостивѣйшая государыня на мысль, не зашло ли сіе знамя къ злодѣю слѣдующимъ образомъ. По тайной экспедиціи здѣсь слѣдуется теперь (но за нѣкоторыми справками еще не окончено) надъ однимъ, отъ Воронежскаго губернатора присланнымъ къ графу Панину, а отъ него ко мнѣ Симбирскаго гарнизона солдатомъ, который былъ въ шайкѣ злодѣйской и между прочимъ показываетъ, что въ толпѣ Пугачева находится одинъ Чоглоковъ, описывая его, что онъ человѣкъ молодой, свѣтлорусые волосы имѣетъ, собою бѣлъ: то, ежели это правда, то знатно, что Чоглоковъ изъ Сибири ушолъ и присталъ къ шайкѣ Пугачевской: почему заключаю, можетъ быть что Чоглоковъ еще до ссылки своей, будучи пасынокъ Глѣбова, не получилъ ли какимъ нибудь обра-

зомъ изъ коммиссаріата то знамя только тогда для одной курьозности, имѣлъ всегда то знамя у себя, а какъ ушелъ изъ Сибири, то съ собою къ Пугачеву его принесъ.

23-го сентября 1774 г. Москва.

*

Спѣшу вашему императорскому величеству принесть всеподданнѣйшее мое поздравленіе. Сей часъ получилъ я отъ Петра Ивановича Панина, который меня увѣдомляетъ, что злодѣй и извергъ Пугачевъ уже въ оковахъ въ Яицкомъ городкѣ содержится и что сія гидра совсѣмъ уже исчезла. Здѣсь, слава Богу, все благополучно.

27-го сентября 1774 г. Москва.

*

Императрица и князь Волконскій въ одинъ день извѣщали другъ друга о поимкѣ Пугачева.

118.

«Слышно здѣсь, что изъ разоренныхъ мѣстъ отовсюду великое множество нужду терпящихъ людей къ Москвѣ наѣзжаетъ и милостыню просятъ. Я дозволяю вамъ роздать между таковыми, и наипаче на дорогу восвояси имъ и на одежду, тысячи до двадцати на счетъ моего кабинета, дабы чрезъ то облегчить Московскихъ жителей отъ таковыхъ просителей. Пугачева къ вамъ привезутъ. Не забудьте спросить о Голштинское знамя. И кто тотъ мальчикъ былъ, котораго онъ прочилъ на мѣсто великаго князя, и гдѣ тотъ мальчикъ,—сказываютъ: сержантскій сынъ. Какову записку я послала къ графу П. И. Панину, дабы по ней собралъ извѣстія, при семъ прилагаю. Прикажите и по сенату, что̀ уже о семъ извѣстно, собрать.

Октября 3-го 1774 г.»

119.

«При семъ посылаю я къ вамъ полученный мною черезъ казака Емелькинъ допросъ, дабы онъ къ прочимъ дѣламъ, кои повезъ Шешковскій, также допросы Яицкихъ казаковъ Чумакова и Творогова сообщены были. А Емелька, чаю, въ дорогѣ. Нашъ же казакъ Астафій Трифоновъ, сказываютъ, будто ушелъ отъ Галахова, но подлинно еще не знаю.

Октября 4-го 1774 г.»

120.

«Приложенное письмо къ графу Панину отправьте съ нарочнымъ. Я пишу къ нему, что, естли, какъ здѣсь говорятъ, извѣстный казакъ Перьфильевъ, который сюда писалъ къ князю Орлову о готовности ихъ къ поимкѣ самозванца, взятъ, то чтобъ онъ ничѣмъ тронутъ не былъ, но чтобъ присланъ былъ къ вамъ.

Пошлите скорѣя, чтобъ какъ-нибудь гдѣ ни на есть не пострадалъ понапрасну.

Отдайте приложенное письмецо Шешковскому.

Октября 7-го 1774 г.»

Отвѣтъ князя Волконскаго.

Три высочайшія вашего императорскаго величества повелѣнія отъ 3, отъ 4 и отъ 7 сего въ свое время все получить удостоился.

Во первыхъ, что будто изъ разоренныхъ мѣстъ множество нужду терпящихъ людей къ Москвѣ наѣхали и милостыню просятъ. Оное, всемилостивѣйшая государыня, неправедно донесено, какъ многія таковыя Московскія пустыя разглашенія часто бываютъ. Во все время нѣсколько дворянъ, правда, сюда пріѣзжали, а какъ услышали о разбитіи злодѣя, то опять восвояси возвратились; а другіе, которые здѣсь свои домы имѣютъ, тѣ здѣсь и остались, а милостыни никто не просилъ. Есть теперь здѣсь вдовы двѣ, у которыхъ злодѣй мужей повѣсилъ и имѣніе разграбилъ, а деревень онѣ не имѣютъ, то я сыскать велѣлъ и, по всемилостивѣйшему повелѣнію, нѣкоторое награжденіе имъ сдѣлалъ. Обыкновенно здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, всякое дѣло больше умножаютъ какъ оно въ самомъ дѣлѣ есть, а по большой части барыни. Я уже многимъ принужденъ былъ мораль толковать; кажется, поосторожнѣе стали въ болтаньяхъ своихъ.

Какъ скоро Емельку злодѣя сюда привезутъ, то конечно какъ о Голштинскомъ знамени, такъ и о извѣстномъ мальчикѣ его спросимъ. Знамя меня весьма удивляетъ, какъ оно къ нему зашло. Записка, которую изволили, всемилостивѣйшая государыня, къ графу Панину послать, весьма нужна. Ежели теперь обстоятельно обо всемъ не взять свѣдѣнія, то можетъ впередъ великая ябеда въ послѣдствахъ сдѣлаться. Здѣсь въ се-

натѣ о до сего касающемся велѣлъ выправиться и что найдется всеподданнѣйше донесу.

По второму. Допросы получилъ и Шешковскому отдалъ для сообщенія къ другимъ; теперь ожидаю привоза злодѣя.

По третьему. Полученное въ ночи между 11 и 12 числа на штафетѣ приложенное къ графу Панину оного жъ 12 числа чрезъ курьера къ нему отправилъ; а Шешковскому приложенное письмецо вручилъ.

13-го октября 1774 г. Москва.

121.

«Проситъ у меня фельдмаршалъ графъ Румянцевъ, котораго болѣзнь, то-есть простудная лихорадка, продолжается, чрезъ князя Николая Васильевича Репнина, чтобъ къ нему былъ отправленъ докторъ Ореусъ, ибо всѣ доктура тамо въ Фокшани больны же, и фельдмаршалъ къ нимъ довѣренность потерялъ. И для того, естли Ореусъ самъ здоровъ, то отправьте его къ фельдмаршалу, снабдя его нужными для дороги деньгами и выдавъ ему полугодовое жалованье невзачетъ.

Октября 6-го 1774 г.

Хотя я къ вамъ и къ гр. П. И. Панину уже и писала о казакѣ Перьфильевѣ, но еще вамъ подтверждаю и прошу васъ, чтобъ вы требовали, чтобъ онъ къ вамъ присланъ былъ; а онъ точно тотъ, который писалъ къ князю Орлову, и весьма нужно знать, почему онъ обѣщанье не исполнилъ и почему отлучился отъ Пугачева. Пожалуй, не пропустите ни одной минуты. Весьма опасаюсь, чтобъ гдѣ-нибудь не былъ казненъ, — и не свѣдаемъ, что̀ сему за причина».

122.

«При семъ прилагаю я выпись изъ письма князя Барятинскаго ([48]) изъ Парижа. Я почитаю сіе за сущее авантюрьерское вранье, сложенное какъ словами, такъ и на письмѣ единственно для того, чтобъ отъ кого-нибудь выманить денегъ. Однако какъ ничего не должно пропустить мимо ушей что̀ до сей матеріи касаться можетъ, то сіе посылаю къ вамъ, дабы оно сообщено было къ прочимъ дѣламъ, до сей матеріи касающимся. Сіе легко можно объяснить, когда Пугачевъ, который уже 1-го октября при-

([48]) Князя Ивана Ѳедоров., нашего посла во Франціи. Выписи у насъ нѣтъ.

везенъ былъ въ Синбирскъ и отданъ гвардіи капитану Галахову, подъ стражею къ Москвѣ привезенъ будетъ, и конечно Пугачева распросить надобно отъ дня рожденія его. Для Бога, удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ распросовъ, всегда затемняющихъ истинну. Я надѣюсь, что вы уже исполнили мое приказаніе въ разсужденіи казни Перфильева. Для Бога, велите его скорѣе къ Москвѣ привезти, дабы досконально узнать всю исторію казака Трофимова, который сюда пріѣзжалъ и съ Галаховымъ отправленъ былъ и скрылся Богъ вѣсть для чего. Тутъ кроется что-нибудь странное, которое объяснить нужно. Яицкіе казаки его не знаютъ, и едва ли онъ изъ нихъ. Присланъ ли онъ былъ отъ Перфильева, и естли прислалъ его, для чего обѣщанье не сдержалъ? Все сіе мудрено, не ясно и что-нибудь закрыто, а пуще всего опасаюсь, чтобъ Перфильева не казнили. Сей казакъ отселѣ отправленъ былъ нехотя и со слезами поѣхалъ, отправленъ былъ съ тѣмъ, чтобъ самозванца доставить въ наши руки, потомъ сдѣлался у Пугачева любимцомъ. Сіе пишу, дабы вы идею имѣли, о чемъ забочиваюсь. Октобря 10-го 1774 г.»

Отвѣты князя Волконскаго.

Доктура Ореуса, до полученія высочайшаго повелѣнія, я по письму князя Репнина сего 11 числа уже отправилъ; что же касается до Перфильева, то сего 12 числа къ графу Панину чрезъ курьера писалъ и высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе къ нему послалъ, а вчерась другаго курьера отправилъ, прося графа Панина, чтобъ онъ скорѣе какъ скоро можно того Перфильева ко мнѣ прислалъ.

14-го октября 1774 г. Москва.

*

Высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе отъ 10 сего и при томъ приложенную выписку изъ письма князя Барятинскаго изъ Парижа, я вчерашняго числа чрезъ штафетъ получить удостоился

Когда злодѣй Пугачевъ сюда привезенъ будетъ, то по сей выпискѣ со всѣми обстоятельствами спрашиванъ неотмѣнно будетъ, и отъ пристрастныхъ распросовъ всемѣрно, всемилостивѣйшая государыня, удержанъ.

Оказаніе Перфильева, какъ я отъ 14 сего вашему императорскому величеству всеподданнѣйше уже доносилъ, что я сего 12 числа высочай-

шее повелѣніе къ графу Панину съ курьеромъ отправилъ; а сего же 13 еще чрезъ нарочнаго курьера къ нему графу Панину писалъ, чтобъ Перфильевъ ко мнѣ присланъ былъ какъ наискорѣе. Теперь ожидаю онаго, надѣясь, что графъ Панинъ его скоро сюда пришлетъ. Конечно, всемилостивѣйшая государыня, надо чрезъ Перфильева всѣ точныя обстоятельства разобрать. Меня весьма удивляетъ, что казакъ Трифоновъ (который съ Галаховымъ посланъ былъ) скрылся: конечно тутъ что нибудь иное есть. Время и распросы все откроютъ.

Въ высочайшую государскую милость себя подвергая, пребываю и пр. всеподданнѣйшій рабъ князь М. Волконскій.

16-го октября 1774 г. Москва.

123.

«Письмо ваше отъ 5-го октября я сегодня получила, въ которомъ у меня спрашиваете, какъ Емельку везти къ Москвѣ. На сіе имѣю вамъ отвѣтствовать, что ко мнѣ графъ П. И. Панинъ пишетъ, что тотъ злодѣй первое число сего мѣсяца привезенъ генералъ-поручикомъ Суворовымъ въ Синбирскъ, гдѣ его гвардіи капитанъ Галаховъ принялъ, и графъ Панинъ приказалъ на каждый ночлегъ, гдѣ повезутъ, деташаментъ войскъ поставить для безопасности отъ всякой нечаянности или ухода сего злодѣя. Извольте переписаться съ графомъ Панинымъ и отъ себя по дорогѣ тоже дѣлать, гдѣ потребно будетъ, а къ Москвѣ прикажите его привезти днемъ подъ конвоемъ (окромѣ тѣхъ, кои съ нимъ) сотъ до двухъ Донскихъ козаковъ и драгунъ, безо всякой дальной афектаціи и не показывая дальное уваженіе къ сему злодѣю и измѣннику. Распоряженія же ваши и починки на Монетномъ дворѣ и издержки по сему я апробую. На первый случай оставьте Пугачева у Галахова на руки.

Октября 12-го 1774 г.

Астафья Трофимова вчера изъ Ржева Владимирова сюда привезли. Князь Вяземскій вамъ сообщитъ его гисторію.»

ОТВѢТЪ КНЯЗЯ ВОЛКОНСКАГО.

Я уже отъ графа Петра Ивановича Панина сообщеніе имѣлъ, чтобъ отсюда до Мурома по 60 верстъ станція отъ станціи военныя команды разставить для провозу сюда злодѣя Емельки, и по тому я уже учинилъ,

и для того сего 8 числа брегадира князя Голицына съ 5 ротами Нарвскаго полку отправилъ, и уже отъ него репортъ имѣю, что тѣ команды по назначеннымъ станціямъ разставлены.

Когда Емельку сюда привезутъ, то оной злодѣй въ Москву ввезенъ будетъ такъ, какъ ваше императорское величество повелѣть изволили.

Отъ князя Александра Андреевича Вяземскаго гисторію купца Трифонова получилъ; нахожу, всемилостивѣйшая государыня, что онъ еще не все чистосердечно сказалъ. Когда какъ всѣ явятся сюда, такъ все откроется.

Сей часъ получилъ я отъ Павла Сергѣевича Потемкина письмо и при томъ учиненные Емелькѣ Пугачеву въ присутствіи графа Петра Ивановича въ Симбирскѣ допросы получилъ же. Павелъ Сергѣевичь пишетъ, что онъ надѣется въ началѣ будущаго мѣсяца сюда прибыть.

21-го октября 1774 г. Москва.

Донесенія князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачева и о показаніяхъ его.

Всемилостивѣйшая государыня!

Сего числа по полуночи въ девять часовъ злодѣй Пугачевъ и старая его жена и сынъ подъ стражею гвардіи капитана Галахова въ Москву привезены, и злодѣй посаженъ въ уготованное для его весьма надежное мѣсто, на Монетномъ дворѣ ([49]), гдѣ сверхъ того, что онъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованъ къ стѣнѣ; жена жъ съ сыномъ въ особомъ номерѣ. Въ десятомъ же часу и я въ тайную экспедицію пріѣхалъ, и съ симъ извергомъ говорилъ исторически, сначала какимъ образомъ, гдѣ и когда сіе содѣянное имъ злодѣйство въ скверное свое сердце посѣялъ, и кто ему первые были въ семъ злѣ пособники, даже и во все время кто его и чѣмъ подкрѣплялъ, на что онъ отвѣчалъ точно такъ, какъ и у графа Панина въ допросѣ показалъ (хотя оной ему былъ здѣсь и не читанъ), гдѣ я, пробывъ до втораго часа, его оставилъ, приказавъ Шешковскому, чтобъ онъ отъ начала мерзкаго его рожденія со всѣми обстоятельствами до того часа, какъ онъ связанъ, записалъ, что онъ уже и началъ, надѣясь съ нимъ просидѣть не больше какъ часовъ шестьдесятъ, а по крайней мѣрѣ семдесятъ. Всемилостивѣйшая государыня! Осмѣли-

([49]) Въ Охотномъ Ряду.

ваюсь донести о семъ злодѣѣ мое примѣчаніе: первое, онъ человѣкъ нельзя никакъ сказать чтобъ былъ великаго духа, а тѣмъ меньше разума, ибо я по всѣмъ его отвѣтамъ нисколько остроты его не видалъ, какъ-то высочайше изъ написанной его гисторіи ваше величество усмотрѣть соизволите. И первое, коль скоро взведенъ передъ меня, и я остался только въ судейской съ Шешковскимъ, то онъ, безъ всякаго еще спроса, тотчасъ палъ на колѣни и сказатъ: «виноватъ предъ Богомъ и предъ государынею». А какъ его уличать сталъ безчеловѣчными звѣрскими злодѣяніями и убивствами, то онъ сказалъ: «Мой грѣхъ, подбили меня люди, да уже таперь виноватъ.» Людей изъяснялъ точно самыхъ тѣхъ, о коихъ у графа Панина показывалъ, не прибавляя никого больше. Скверенъ такъ какъ мужику быть простому свойственно, съ тою только розницею, что онъ бродяга. И наконецъ сказалъ, что я ужъ былъ этому и самъ не радъ: «Да Яицкіе казаки дѣлали что хотѣли». Впрочемъ о сдѣланныхъ убивствахъ не только онъ дѣлалъ уваженія, сколько было должно, будучи съ чувствительнымъ сердцемъ человѣку, но прямо какъ злодѣй. И напослѣдокъ, надѣлавъ столько, превосходя ядовитаго звѣря, злодѣйства, сказалъ онъ: «Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству».

Жена его человѣкъ самой подлой и, видно, тихой: а сынъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати, также ничего лучше матери не обѣщаетъ. И жена его сказала: «Чортъ его знаетъ, что онъ это надѣлалъ: а я о злодѣйствахъ его прежде никогда отъ него не слыхала, и онъ меня бросилъ уже съ три года».

Показанные въ допросѣ его Щолоковъ изъ Казани присланъ, и Иванъ Ивановъ, коего онъ называлъ Хлѣбниковъ, а здѣсь нашолся Сѣдухинъ, сысканы здѣсь, и оба оные раскольники И въ томъ, что они ходили къ злодѣю въ тюрьму и подавали милостыню, а изъ нихъ Щолоковъ просилъ и о свободѣ его Казанскаго секретаря, признались, сказывая при томъ, что злодѣй имъ больше ничего не объявлялъ, какъ только то, что онъ содержится въ бородѣ и въ крестѣ. О побѣгѣ жъ его не знали; узналъ же Щолоковъ злодѣя по письму игумена раскольническаго Филарета, а Сѣдухинъ по тому только, что подавалъ милостыню въ острогъ. О знамѣ злодѣй говоритъ, что де во многихъ крѣпостяхъ браны были знамена, а какія они, онъ не знаетъ, ибо брали и къ нему приносили Яицкіе казаки; но изъ которой крѣпости именно взято, онъ не знаетъ,

только того знамя кромѣ казаковъ изъ другихъ людей никто не привозилъ. Касательно жъ, всемилостивѣйшая государыня, Долгополова, то злодѣй говоритъ, что у него такого и не бывало, а привезъ къ нему подарки подлинно купенъ Иванъ Ивановъ, а Долгополовъ говоритъ, что онъ никогда Иваномъ Ивановымъ не назывался; противу жъ показанія Перфильева еще оной Долгополовъ не спрашиванъ, а стараться, по окончаніи злодѣю допроса, конечно буду извлечь изъ него истинную, хотя онъ человѣкъ не только коварный, но и весьма дерзкій и не робкій.

Капитану Галахову приказалъ я быть при злодѣѣ, гдѣ и Шешковскій жить станетъ съ нимъ вмѣстѣ. Какимъ же образомъ прочихъ по сей комиссіи колодниковъ содержать, о томъ отъ меня караульному капитану съ крѣпкимъ подтвержденіемъ инструкція дана.

Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, въ городѣ обстоитъ тихо и благополучно; только, какъ везли злодѣя по городу, то зрителей было великое множество; да какъ привезли его сюда и посаженъ былъ, и во все то время, какъ я самъ былъ, народу въ каретахъ и дамъ столь было у Воскресенскихъ воротъ много, что проѣхать съ нуждою было можно, только что глядятъ на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдетъ ли злодѣй къ окошку. Однакожъ зрители въ семъ обманулись, что его видѣть никакъ не возможно. Что же по сей комиссіи происходить будетъ, то я буду имѣть счастіе всеподданнѣйше, чрезъ каждые два дни, вашему императорскому величеству на штафетѣ доносить, и коли что откроется новое, то того же самаго дня донести не оставлю. Въ высочайшую вашего императорскаго величества милость себя подвергая, пробываю съ всеглубочайшимъ респектомъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ

Князь М. Волконской.

5-го ноября 1774 г. Москва.

*

Злодѣю Пугачеву допроса окончать, по пространству его гнусной исторіи и скаредныхъ его злыхъ дѣяній, было и до сего дня не возможно; но сколько у него записано, оное для высочайшаго вашему величеству свѣдѣнія (оставя здѣсь копію) при семъ всеподданнѣйше прилагаю, окончать же оной совсѣмъ надѣюсь дня черезъ два.

О знамѣ злодѣй спрашиванъ. и сказалъ, что это знамя нигдѣ не полонено, а найдены Перфильевымъ въ двухъ сундучкахъ два знамя, одно съ чернымъ гербомъ, и другое это, когда его злодѣйскою шайкою разбита была легкая полевая команда подъ Дубовкою. Шелегъ, присланной отъ вашего величества, злодѣю показыванъ былъ, и оной смотря сказалъ, что онъ никогда никакихъ монетъ съ своею мерзкою харею никому нигдѣ дѣлать не приказывалъ, и никому жъ оныхъ не давалъ, а естьли бъ де я хотѣлъ, то бъ велѣлъ надѣлать и серебрянныхъ.

Вчерашняго числа ночью отъ графа Петра Ивановича двое, да отъ Павла Сергѣевича Потемкина двадцать пять человѣкъ колодниковъ сюда прислано; касающіяся же до нихъ дѣлà Павелъ Сергѣевичь обѣщалъ привести съ собою.

Горбунова, который показывалъ о раскольнической библіи, читанной ему въ Саратовѣ, я видѣлъ и съ нимъ говорилъ. Онъ, всемилостивѣйшая государыня, подлинно не безумной, и то показаніе о Библіи не отмѣняетъ, а точно говоритъ, что онъ ту Библію въ Саратовѣ отъ Савича слыхалъ съ братомъ своимъ Горбуновымъ.

Съ Долгополовымъ не вхожу я въ дѣло въ ожиданіи Перфильева, который, уповаю, на сихъ дняхъ привезенъ будетъ; злодѣй же на него говоритъ, что какъ онъ къ нему привезъ подарки, то въ то время ему говорилъ: »я де, батюшка, везъ было къ тебѣ и бочку пороху, да оставилъ въ Нижнемъ»; а какъ злодѣй его спросилъ, какъ же де ты его везъ, и Долгополовъ сказалъ: «онъ де у меня осыпанъ былъ сахаромъ». Однакожь я и о семъ спрашивать его удержался, дабы вдругъ можно было ему представить всѣ его коварствы и тѣмъ привесть къ признанію о дальнѣйшихъ его замыслахъ. Шешковскій, всемилостивѣйшая государыня, пишетъ день и ночь злодѣевъ гисторію, но окончить еще не могъ. Въ высочайшую и пр. всеподданнѣйшій рабъ князь М. Волконской

8-го ноября 1774 г. Москва.

*

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ донесеній князя Волконскаго о Пугачевѣ мы не имѣемъ, кромѣ еще одного (стр. 160).

124.

Главная дворцовая канцелярія представляетъ мнѣ, что явившіеся въ Москвѣ въ ея конторѣ подрядчики просятъ за поставку разныхъ ко

двору припасовъ весьма неумѣренныя цѣны, такъ-что между прочимъ за трехполѣнную сажень дровъ по восьми рублей. Чего ради потребуйте отъ оной конторы вѣдомости, какіе по чемъ припасы прежде были въ поставкѣ, и почемъ нынѣ требуютъ, и постарайтесь приказать пріискать поставщиковъ дешевле тѣхъ, кои понынѣ въ дворцовой конторѣ явились, а между тѣмъ и о торговыхъ нынѣ въ Москвѣ припасамъ цѣнахъ меня увѣдомьте.

«При семъ прилагаю реэстры, почемъ здѣсь что̀ ставится, дабы лучше сравненіе цѣнъ узнать могли.»

Октября 30-го 1774 г. С.-Петербургъ.

Отвѣтъ князя Волконскаго.

Въ силу высочайшаго вашего императорскаго величества отъ 30 числа повелѣнія, я отъ дворцовой конторы истребовалъ вѣдомости, почему всякіе припасы ко двору въ поставкѣ были прежде и почему нынѣ подрядчики требуютъ. Нахожу, всемилостивѣйшая моя государыня, по тѣмъ вѣдомостямъ великую розницу въ цѣнахъ; однако надѣяться можно, что еще дешевле будетъ, ибо торги еще не окончены, какъ уже на дровахъ цѣна гораздо и сбыла: прежде просили за три-аршинную сажень по осьми рублей, а нынѣ просятъ по 5 р. и по 45 коп.; но и то гораздо еще дорого противъ торговыхъ цѣнъ (которымъ вѣдомость въ оригиналѣ отъ оберъ-полицейместера мнѣ поданную при семъ всенижайше подношу). Правда, подрядчикамъ нельзя для многихъ причинъ по торговымъ цѣнамъ ставить и надо взять нѣсколько лишку, но не такой несравнительной какъ таперь просятъ. Стану, всемилостивѣйшая государыня, стараться, сколько можно и дворцовой конторѣ помогать, чтобъ дешевле все подряжено было. На мясу и рыбу головой подрядчиковъ здѣсь нѣтъ, и какъ слышу и прежде всегда сему въ Петербурхѣ въ главной дворцовой канцеляріи подрядъ бывалъ, чаю и таперь также сдѣлается; сказываютъ, что здѣшніе подрядчики не обыкновенны мясную и рыбную поставку ко двору дѣлать, и для того, по многимъ публикаціямъ, къ сему еще ни одного подрядчика не явилось.

Подвергая себя и пр. всеподданнѣйшій рабъ князь М. Волконскій.

11-го ноября 1774 г. Москва.

125.

«Дополнительные допросы злодѣя я получила, но изо всего еще не вижу, чтобъ объяснилось, кто выдумалъ самозванчество, самъ ли злодѣй или иной кто: ибо, по привозѣ Добрянскихъ купцовъ Емелька съ ними сговорилъ. Я весьма желаю, чтобъ дѣло его скорѣя къ окончанію приведено было и жду теперь обѣщанные отъ васъ допросы, по полученіи которыхъ отправлю отъ селѣ генералъ-прокурора съ моими повелѣніями о образѣ суда, какъ въ подобныхъ случаяхъ съ государственными преступниками въ обычаѣ есть. Сіе письмо посылаю къ вамъ съ отъѣзжающимъ отъ селѣ полковникомъ Батуринымъ

Декабря 6 ч. 1774 г.»

Отвѣтъ князя Волконскаго.

Отъ 6 числа сего высочайшее вашего императорскаго величества я чрезъ полковника Батурина вчерашняго числа получить удостоился; на оное симъ всеподданнѣйше доношу.

Злодѣй Емелька самозванство на себя взялъ не прежде какъ былъ уже на Яикѣ, видя склонность Яицкихъ казаковъ къ возмущенію, и въ первыя, разговаривая съ Яицкимъ казакомъ Пьянымъ, назвался царемъ, какъ все изъяснено въ дѣлѣ, повезенномъ Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ. Таперь, всемилостивѣйшая государыня, ожидаю высочайшаго вашего повелѣнія объ окончаніи сего дѣла.

Препоручая себя и проч. всеподданнѣйшій рабъ князь М. Волконскій.

16-го декабря 1774 г. Москва.

126.

«Прикажите Московскому оберъ-полицмейстеру Архарову выдать изъ соляной конторы на счетъ кабинета пять тысячъ рублей, кои мы ему за его усердную службу жалуемъ.»

12-го декабря 1774 г. С.-Петербургъ.

127.

«Публиковавъ сегодня здѣсь приложенный при семъ манифестъ по дѣлу бунта Пугачевскаго, отправляю я обратно къ Москвѣ Павла Сергѣевича Потемкина сегодня, а завтра и самъ генералъ-прокуроръ къ вамъ ѣдетъ для устроенія въ манифестѣ предписаннаго окончательнаго суда.

Ваше письмо отъ 16-го декабря я сего утра получила, и теперь уже къ свѣдѣнію моему ничего не достаетъ, и кой часъ узнаю, что домъ мой готовъ и судъ оконченъ, къ вамъ поѣду.

Декабря 20-го 1774 г.»

128.

Прикажите спросить у князя Василья Мещерского ([50]), или сами спросите, нѣтъ ли у него продажнаго хлѣба, ибо онъ всегда запаснаго много имѣлъ, и я уже единожды у него не малое число купила, и буде есть, то согласится ли онъ продать оный въ казну, по какой цѣнѣ и сколько четвертей, а чѣмъ больше, тѣмъ бы для меня пріятнѣе было, и что онъ на то скажетъ, меня увѣдомьте. «Также буде на продажу согласится, то увѣдомите мнѣ, гдѣ сей хлѣбъ лежитъ.» 29-го декабря 1774 г. С.-Петербургъ.

Отвѣтъ князя Волконскаго.

Я ѣздилъ самъ къ князю Мещерскому, котораго наѣхалъ отъ старости и болѣзни въ постели. Я его спрашивалъ, не продаетъ ли онъ хлѣба и ежели продаетъ, то сколько и по какой цѣнѣ. Онъ отвѣтствовалъ, что у него продажнаго больше нѣтъ, какъ 2000 четвертей пшеницы, за которую ему давали по 3 р. 70 к. При томъ сказалъ: хотя у него ржи тысячи 2 и 3 и есть, но ея не продаетъ, а бережетъ для своихъ крестьянъ, и по многому моему его уговариванію, чтобъ онъ ржи продалъ, но все безъ успѣху; а отговаривался тѣмъ, что боится и впредь неурожая. и чтобъ его де крестьяне не претерпѣли нужды.

7-го генваря 1775 г.

129.

«Изъ письма вашего отъ 26 декабря усмотрѣла я о пріѣздѣ генералъ-майора Потемкина и генералъ-прокурора къ Москвѣ. Пожалуй помогайте всѣмъ внушить умѣренность какъ въ числѣ такъ и въ казни преступниковъ. Противное человѣколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ. Поздравленіе ваше пріемлю какъ знакъ вашего усердія и вамъ желаю всякое благополучіе въ семъ году.

Генваря 1-го 1775 г.»

([50]) Это былъ князь Василій Ивановичъ Мещерскій, женатый на внучкѣ славнаго Матвѣева, графинѣ Наталье Андреевнѣ.

130.

«Я сегодня ѣду въ Царское Село, гдѣ проживу нѣсколько дней, и потомъ означу день моего отъѣзда къ Москвѣ. Сіе письмо поручаю Преображенскаго полку майору Толстову.

Генваря 8-го 1775 г.»

131.

«Письмо ваше отъ 11-го сего мѣсяца тому съ часъ какъ получила и увидѣла, что премерзостное дѣло окончилось. Отъ всего сердца соединяю моленія мои съ вашимъ, дабы Всевышній благоволилъ отвратить во всѣ будущіе вѣки гнѣва своего отъ любезнаго отечества и даровалъ намъ покой и тишины. Но, какъ бы то ни было, будьте увѣрены, что пока дыханье во мнѣ останется, попеченіе о благѣ общемъ всегда пребудетъ одинакое. Отправляюсь я отселѣ, буде Богъ изволитъ, въ пятницу ввечеру, то-есть 16-го число. Желаю васъ увидѣть въ добромъ здоровьи. Генваря 13-го 1775 г. Изъ Села Царскаго, въ десять часовъ вечера.»

132.

«Письмо ваше отъ сего числа я получила. Надѣяться можно, что со вралями управимся. Я здѣсь въ Братовщинѣ (51) останусь до понедѣльника.

Мая 21-го 1775 г.»

133.

«Удвойте содержанье Апраксина (52) противу того, что̀ въ моемъ письмѣ написано.»

134.

«Шпага и кавалерія съ Апраксина не снимите, а буде сняты, возвратите ему, но сошлите его подъ началомъ (53), такъ какъ я приказала.

Іюля 29-го 1775 г.»

---

(51) Станція на пути изъ Москвы къ Троицкой Лаврѣ.

(52) Графъ Апраксинъ увезъ изъ двор на фрейлину гр. Елиз. Кирил. Разумовскую. Подробности см. въ письмахъ Екатерины къ Архарову, въ Р. Арх. 1864 г., изд. 2-е, стр. 424. См. также здѣсь письма 134, 157, 159 и 165.

(53) Т. е. въ монастырь.

135.

Для строеній, которыми распоряжается Михайла Михайловичъ Измайловъ, отпустите вы по его требованію надобныя деньги, истребовавъ отпуску оныхъ вамъ силою сего изъ статсъ-конторы.

«Сіе разумѣется о починкѣ домовъ тѣхъ, кои дворомъ заняты были.»

Декабря 20-го 1775 г. въ Москвѣ.

136

«Вчерашній вечеръ, то-есть въ середу 23 число декабря, я благополучно пріѣхала въ Царское Село въ полночь и, вычитая тѣ часы, которые я остановилась во Твери, въ Хотиловѣ, въ Новгородѣ и въ прочія мѣста для обѣда, ужина и отдохновенія, я 53 часа только употребила въ дорогѣ. Я сама и всѣ при меня находящіеся въ добромъ здоровьи. Прошу кланяться гг-мъ фельдмаршаламъ, наипаче же графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, и потомъ князю Василію Михайловичу Долгорукому и графу Алексѣю Григорьевичу Орлову.

Съ наступающими праздниками васъ поздравляю.

Въ Селѣ Царскомъ. Декабря 24-го 1775 г.»

137.

«Изъ письма вашего отъ 25-го апрѣля увѣдомилась я, что манифестъ о кончинѣ великой княгини на Москвѣ полученъ. Не сомнѣваюсь, что вы и всѣ съ вами раздѣлили справедливую мою печаль . Богу такъ угодно было. Что дѣлать! Но то сказать могу, что ничего не было пропущено, что̀ только человѣческій умъ и искусство придумать могли къ спасенію ея. Но тутъ было стеченіе различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ, кои казусъ сей сдѣлали почти единственнымъ въ свѣтѣ. Великій князь въ Ѳоминое воскресенье по утру въ четвертомъ часу пришелъ ко мнѣ и объявилъ меня, что великая княгиня мучится съ полуночи; но какъ муки были не сильныя, то мѣшкали меня будить. Я встала и пошла къ ней, и нашла ее въ порядочномъ состояніи и пробыла у ней до десяти часовъ утра, и, видя что она еще имѣетъ не прямыя муки, пошла одѣваться, и паки къ ней возвратилась въ 12 часовъ. Къ вечеру мука была такъ сильна, что всякую минуту ожидали ея разрѣшенія. И тутъ при ней, окромѣ самой лучшей въ городѣ бабкѣ, графини Кат. Мих. Румянцевой, ея камеръ-фрау, великаго князя и я, ни-

кого ни было; лекарь же и докторъ ея были въ передней. Ночь вся прошла, и боли были перемѣнныя со сномъ: иногда вставала, иногда ложилась, какъ ей угодно было. Другой день паки проводили мы такимъ же образомъ, но уже призванъ былъ Крузъ и Тоде, коихъ совѣту слѣдовала бабка, но безъ успѣха оставалась наша благая надежда. Во вторникъ доктора требовали Рожерсона и Линдемана, ибо бабка отказалась отъ возможности. Въ среду Тоде допущенъ былъ, но ничто не могъ предуспѣть. Дитя уже былъ мертвъ, но кости оставались въ одинаковомъ положеніи. Въ четвергъ великая княгиня была исповѣдана, пріобщена и масломъ соборована, а въ пятницу предала Богу душу. Я и великой князь всѣ пятеры сутки и день и ночь безвыходно у нея были. По кончинѣ при открытіи тѣла оказалось, что великая княгиня съ дѣтства была повреждена, что спинная кость не токмо была такова S, но часть та, коя должна быть выгнута, была вогнута и лежала дитятѣ на затылкѣ; что кости имѣли четыре дюйма въ окружности и не могли раздвинуться, а дитя въ плечахъ имѣлъ до девяти дюймовъ. Къ сему еще соединялись другія обстоятельствы, коихъ, чаю, примѣра нѣту. Однимъ словомъ, стеченіе таковое не позволяло ни матери, ни дитятѣ оставаться въ живыхъ. Скорбь моя была велика, но, предавшись въ волю Божію, теперь надо помышлять о наградѣ потери.

Мая 1-го 1776 г.

138.

Извѣстны мы, что при строеніи домовъ для иностранцевъ, поселенныхъ въ колоніяхъ около города Саратова, на немалую сумму былъ подрядчикомъ дворцовой Пахринской волости крестьянинъ Никита Павловъ, который тѣ домы строилъ своими работниками и съ перевозкою бревенъ изъ казенныхъ лѣсовъ собственнымъ коштомъ. А какъ теперь настоитъ надобность къ построенію фрегатовъ въ тѣхъ мѣстахъ Воронежской губерніи, гдѣ учреждены верфи, то препоручаемъ вамъ, сыскавъ означеннаго Павлова, условиться съ нимъ, не согласится ли онъ приступить къ построенію упоминаемыхъ фрегатовъ? То-есть, возметъ ли онъ на себя то построеніе, или же одну только поставку лѣсовъ? Почему въ обоихъ сихъ случаяхъ, постановя съ нимъ кондиціи, имѣете къ намъ представить, и полезно бъ было, когда Павловъ для рѣшительнаго утвержденія договора не умедля самъ явился въ Петербургъ.

1-го іюня 1776 г. въ Царскомъ Селѣ.

139.

На заготовленіе матеріаловъ для строенія города Москвы назначали мы на нынѣшній годъ въ вѣдомство каменнаго приказа семьдесять восемь тысячь восемсотъ семьдесять пять рублей, составляющіе половинное число полагаемой ежегодной суммы, ибо по новости сего заведенія не уповательно, чтобъ могли послѣдовать большія издержки: почему и объ отпускѣ означенныхъ денегъ прилагаемъ при семъ указъ нашей камеръ-коллегіи.

Іюня 20-го. 1776 г.

140.

«По желанію вашему увольняю васъ на пять дней въ деревню».

141.

Мы велѣли приложить здѣсь просьбы княгини Марьи Тюфякиной, жены двора нашего камеръ-юнкера князя Ивана Тюфякина, и родственниковъ ея князя Долгорукого-Крымского и графа Брюса. Сама она просила, не будучи въ состояніи управлять своимъ имѣніемъ, чтобъ опредѣлить къ оному опекуновъ, и сама же вопреки того въ другомъ прошеніи изъясняетъ, что первое у нея было вынуждено. Войдите въ содержаніи оныхъ, и изслѣдуйте противъ того ея княгини Тюфякиной поведеніе. Ежели въ самомъ дѣлѣ найдется, что она въ умѣ помѣшана и что ея поступки развращаютъ благонравіе, въ такомъ случаѣ, дабы тѣмъ не быть въ позоръ и въ соблазнъ обществу, объявите вы наше повелѣніе сенату, чтобъ отъ онаго опредѣлены были къ управленію ея имѣніемъ опекуны, которые бы всякую пользу оного предохранили, не допуская до разоренія по вреднымъ иногда прихотямъ распутно живущей; чтобъ изъ доходовъ оного давано было ей пристойное содержаніе, такъ какъ и сыну ея, остающемуся на воспитаніи и на рукахъ отцовскихъ, и чтобъ сіи же опекуны взяли попеченіе и о томъ, чтобъ она княгиня Тюфякина благопристойности ради сама избрала себѣ жить въ домѣ у котораго-либо изъ своихъ родственниковъ.

Августа 4-го 1776 г. въ Царскомъ Селѣ.

142.

По коммиссіи, учрежденной для изслѣдованія о соляныхъ доходахъ, не имѣвъ никакихъ извѣстій послѣ рапорта тайнаго совѣтника Вырубова

отъ 7-го марта о самомъ началѣ сей коммиссіи, а между тѣмъ увѣдомившись, что въ оную собрано изъ разныхъ мѣстъ великое число секретарей и канцелярскихъ служителей, я желаю знать въ подробности, чѣмъ точно во все сіе время упомянутая коммиссія упражнена была и какой успѣхъ въ производженіи дѣла ей порученнаго имѣетъ? Вы отберите отъ нея сіе для меня надобное свѣдѣніе и мнѣ доставьте.

Октября 10-го 1776 г. С.-Петербургъ.

143.

Отберите отъ каменного приказа и мнѣ доставьте обстоятельное свѣдѣніе объ успѣхахъ въ строеніяхъ по тамошней столицѣ, а таковыя увѣдомленія желаю я получать и всякіе полгода.

Октября 14-го 1776 г. Петербургъ.

144.

Сосланный въ Кіевъ по извѣстнымъ вамъ дѣламъ Калычевъ бѣжалъ изъ Межигорского монастыря. Прикажите Архарову взять смотрѣніе въ Москвѣ, чтобъ его тотчасъ изловить, лишь появится и между тѣмъ призовите къ себѣ его сыновей и спросите, не вѣдаютъ ли они, гдѣ ихъ отецъ укрывается

Октября 17-го 1776 г. Санктпетербургъ.

145.

Возьмите изъ соляной конторы на счетъ кабинета пять сотъ рублей, и прикажите ихъ княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ ([54]) отдать моимъ именемъ живущей въ Ивановскомъ монастырѣ дѣвицѣ Крыловой за присланныя отъ нея ко мнѣ къ Святой недѣлѣ и къ моимъ имянинамъ блонды и прочее, и на исправленіе погорѣвшихъ ея въ помянутомъ монастырѣ покоевъ.

Декабря 3-го 1776 г. Санктпетербургъ.

146.

Изъ приложенной при семъ копіи письма ко мнѣ отъ князя Сергѣя Кантемира усмотрите вы жалобу его на двоюродного племянника его полковника князя Дмитрія Кантемира, касающуюся не только до личнаго его оскорбленія, но и до безопасности другихъ въ настоящемъ мѣстѣ его пре-

([54]) Княжна Анна Михайловна, дочь кн. М. И. Волконскаго, впослѣдствіи супруга фельдмаршала А. А. Прозоровскаго

бывания. Вы освѣдомьтесь чрезъ свидѣтельство оберъ-полицмейстера о поведеніи его кн. Дмитрія Кантемира ([55]) во время нынѣшней его въ Москвѣ бытности; и ежели показываемыя на него дядею продерзости справедливы, то въ охраненіе безопасности каждаго въ городѣ прикажите его посадить безысходно въ монастырь въ Москвѣ или внѣ оной по благоразсмотрѣнію вашему, приставя караулъ съ надлежащимъ наставленіемъ, и о всемъ томъ обстоятельно мнѣ дайте знать.

Декабря 29-го 1776 г. Въ Санкпетербургѣ.

147.

О поведеніи полковника князя Дмитрія Кантемира во время настоящей его бытности въ Москвѣ, и особливо въ разсужденіи дяди его и другой родни, сообщите вы графамъ Захару Григорьевичу Чернышеву и Петру Ивановичу Панину ([56]), и спросите мнѣнія и желанія ихъ, какимъ образомъ поступить съ нимъ въ воздержаніе дальнѣйшихъ его продерзостей и въ предохраненіе личной безопасности тѣхъ его родственниковъ и другихъ людей; а потому и распорядите съ ними какъ о пристойномъ содержаніи ему нужномъ, такъ и о томъ, чтобъ опредѣленъ былъ къ нему человѣкъ надежный для надзиранія за нимъ и недопущенія къ чему-либо вредному.

Генваря 23-го 1777 г. Въ Санкпетербургѣ.

148.

Снисходя на желаніе Успенскаго собора протоіерея Александра Левшина ([57]) путешествовать съ сыномъ его по разнымъ мѣстамъ Россійскимъ, позволяю ему на полгода отлучиться отъ присутствія въ синодальной конторѣ и отъ другихъ на немъ лежащихъ должностей, получая полное по онымъ жалованье, о чемъ вы указъ мой синодальной конторѣ сообщите.

Генваря 27-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

([55]) Сличи въ Р. Архивѣ 1863 г., изд. 2-е стр. 693, 709, 727, 739 и далѣе о кн. Кантемирѣ въ Запискахъ В. В. Пассека.

([56]) Оба женаты на Вейделевыхъ, родственницахъ князя Дмитрія Кантемира. Сей послѣдній совершилъ какое-то убійство и заключенъ былъ въ крѣпость.

([57]) Сличи выше письмо 92-е и ниже письмо 161-е.

149.

Многіе просители въ челобитныхъ своихъ ссылаются на таковыя же прежде подаваемыя бывшему при мнѣ у принятіи оныхъ умершему статскому совѣтнику Козицкому, послѣ котораго дѣла въ вѣдомствѣ его бывшія остались и понынѣ въ домѣ его. Вы прикажите статскому совѣтнику Князеву принять ихъ отъ жены упомянутаго Козицкаго, или кто домомъ его управляетъ, не исключая ничего что̀ касалось къ исправленію лежавшей на немъ должности и особо поручаемыхъ отъ меня дѣлъ, но при томъ отнюдь не касаясь домашнихъ его, и все то препроводите герольдмейстеру князю Щербатову, который о пріемѣ оныхъ имѣетъ мое повелѣніе.

Генваря 27-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

150.

Велите выдать въ Москвѣ на счетъ нашего кабинета изъ соляныхъ доходовъ двадцать тысячъ рублей Московскимъ фабрикантамъ Василію и Ивану Колосовымъ за парчи, которыя по заказу сдѣланы и на счетъ еще работающихся для комнаты нашей.

Февраля 11-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

151.

По прошенію вдовы графини Степаниды Ефимовской, посылаю я указъ въ шестой сената департаментъ, чтобъ дѣло ея, по взятой отъ Грузинскаго царевича Аѳонасія аппелляціи, немедленно рѣшено было. А какъ она въ прошеніи своемъ пишетъ, что сіе дѣло чрезъ долгое время еще и начала не имѣетъ, то прикажите моимъ именемъ находящемуся у рекетмейстерскихъ дѣлъ надворному совѣтнику Бахметеву, чтобъ онъ былъ за нее ходатаемъ и, стараясь о доставленіи ей правосудія, почасту вамъ рапортовалъ что̀ по оному дѣлу происходить будетъ. Вамъ же поручаю въ случаѣ медлительности кому надлежитъ о скорѣйшемъ производствѣ напоминать и отъ времени до времени мнѣ доносить ([58]).

Февраля 15-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

([58]) Какое участіе принимала государыня въ судьбѣ этой графини Ефимовской, см. въ Русскомъ Архивѣ 1864, изд. 2-е, стр. 407—410. Сличи также ниже письмо 175. Графиня Степанида Никоновна была происхожденіемъ изъ крѣпостныхъ крестьянокъ.

152.

Велите соляной конторѣ выдать изъ наличной суммы на счетъ нашего кабинета пятнадцать тысячъ рублей Московскому обер-полицмейстеру Архарову на извѣстное ему употребленіе.

Февраля 22-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

153.

Доложено мнѣ, что вы желаете въ Санктпетербургъ пріѣхать. На сіе даю вамъ позволеніе, будучи благосклонна.

Мая 20-го 1777 г. Царское Село.

154.

«Письмо ваше отъ 26-го октября сейчасъ мною получено, и спѣшу вамъ отвѣтствовать, что пропущенный слухъ, о которомъ вы мнѣ увѣдомляете, есть сущая плевелъ. Рѣчь же, съ которою таскаются на Москвѣ, есть самой глупой насквиль. Старайтесь чрезъ оберъ-полицмейстера узнать фабрику и фабриканта таковыхъ дерзостей, дабы возмездіе по мѣрѣ преступленія учинить можно было.

Ноября 1-го 1777 г.»

155.

Послѣ полученныхъ мною за августъ мѣсяцъ меморій комитета, учрежденнаго для изслѣдованія о похищенныхъ казенныхъ деньгахъ, не имѣя увѣдомленій что̀ по оному въ сентябрѣ и октябрѣ происходило, я желаю, чтобъ вы доставленіемъ и за тѣ два мѣсяца меморій поспѣшили, да и впредъ ихъ присылать приказали всякія двѣ недѣли съ обыкновенною почтою.

Ноября 3-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ

156.

Вчера въ о иннадцатомъ часу пополуночи Всевышній обрадовалъ насъ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени ея императорскаго высочества великой княгини, даровавъ намъ внука великаго князя Александра Павловича. Возсылая благодареніе всемогуществу Его за исполненіе нашего и всеобщаго желанія, я поспѣшаю доставить вамъ сію вѣдомость, зная, колико оная вамъ и всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ пріятна будетъ.

Декабря 13-го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

157.

Прикажите графа Петра Апраксина изъ монастыря, въ которомъ онъ нынѣ находится, отпустить съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ для пребыванія въ Казань.

Декабря 20 го 1777 г. Въ Санктпетербургѣ.

158.

Препровождая съ симъ поданный намъ отъ дѣйствительнаго тайного совѣтника и воспитательного дома главного попечителя Бецкого докладъ съ изображеніемъ жалобы статскаго совѣтника Прокофья Демидова на бывшаго при дворѣ нашемъ камердинеромъ Александра Сахарова въ незаплатѣ должныхъ по векселямъ денегъ за уступленныя отъ Демидова ему деревни и въ перепродажѣ тѣхъ деревень другому, и съ принесеніемъ ходатайства на основаніи привиллегій Воспитательного Дома со стороны Демидова, яко оному благотворящаго, желаемъ, чтобъ вы препоручили генералъ-майору Архарову и главного магистрата президенту Дурасову разобрать сіе дѣло по самой справедливости и безъ продолженія. Усмотря взаимныя въ томъ дѣлѣ права и доказательства, могутъ они убѣдить отвѣтчика совѣстію удовлетворить предъявляемой на немъ претензіи, поколику оная истинною быть можетъ, о чемъ и будемъ ожидать вашего донесенія ([59]).

Мая 11-го 1778 г. Въ Царскомъ Селѣ.

159.

«Здѣсь слухъ носится, будто графъ Апраксинъ въ противность моего приказанія, по которому ему опредѣлено жить въ городѣ Казани, живетъ въ подмосковной или въ деревнѣ князя Юрія и князя Василія Володимер. Долгоруковыхъ. По полученіи сего письма, пошлите туда узнать, правда ли, и буде найдется тако, то прикажите Апраксина везти паки въ Казань и объявить ему, что, буде отлучится куда изъ Казани, то сосланъ будетъ въ глубокую Сибирь за ослушаніе воли и повелѣнія моего, при чемъ имѣете и Долгоруковымъ объявить именемъ моимъ, что, буде впредь услышу, что ссылочныхъ у себя держатъ, то чтобъ знали, что милая таковая компанія я имъ въ Сибири доставить могу. Казанскому же губер-

---

([59]) См. выше письма 71 и 74.

натору поручите именемъ моимъ смотрѣть, дабы гр. Апраксинъ изъ Казани не отлучался

Іюня 21-го 1778 г. Изъ Царскаго Села».

160 ([60]).

Нашему генералу князю Волконскому.

По увѣдомленіямъ до насъ достигшимъ о жестокостяхъ и мучительствахъ Ѳедора Дмитріева-Мамонова ([61]) надъ людьми его, да и что всѣ поступки его являютъ поврежденіе въ умѣ, мы за нужно находимъ, чтобъ вы приказали генералъ-маіору и оберъ-полиціймейстеру Архарову бѣжавшихъ и въ полиціи содержащихся его людей спросить въ подробности, кому и какія отъ него причинены мучительства, такъ какъ и о всемъ его поведеніи; и ежели бы изъ показанія ихъ видимо было сходственное вышеупомянутымъ увѣдомленіямъ, то предпишите Московскому губернатору послать въ деревню его Мамонова двухъ человѣкъ, хотя и изъ членовъ юстицъ-коллегіи, которые на мѣстѣ изслѣдовали бы о подлинности всего на него показываемаго, и его въ состояніи разума освидѣтельствовавъ, обстоятельно дали знать о томъ губернатору для немедленнаго и подлежащаго по порядку намъ чрезъ васъ донесенія. Естьли же бы мѣстопребываніе его Мамонова находилося въ которомъ либо изъ учрежденныхъ намѣстничествъ, и тамъ таковые его поступки происходили, то тамошнему генералъ-губернатору силою сего нашего указа сообщите, чтобъ онъ, вышеизображенное чрезъ уѣздный земскій судъ исполнивъ, насъ увѣдомилъ. Екатерина.»»

1-го іюля 1778 г. С.-Петербургъ.

161.

Доходятъ ко мнѣ свѣдѣнія о неблагопристойныхъ поступкахъ Успенского собора протоіерея Александра Левшина, во многихъ случаяхъ противу духовенства и другихъ оказанныхъ, и особливо, что онъ въ крестныхъ ходахъ дѣлаетъ самъ собою учрежденіе мимо первенствующаго

([60]) Это письмо, а равно и нижеслѣдующія письма подъ № 166—177 списаны съ подлинниковъ, хранящихся въ Архивѣ Московской генералъ-губернаторской канцеляріи, доступъ къ которому обязательно открытъ былъ для насъ М. А. Офросимовымъ.

([61]) См. выше письмо 79-е и ниже письмо 167-е.

тамъ архіерея, а 23-го іюня при таковомъ ходѣ Архангельского собора протоіерея Петра Алексѣева ([62]) обругалъ, сторожамъ приказывалъ вытолкать, грозилъ ему не только словами, но и палкою; да и когда помянутый Архангельского собора протоіерей приносилъ жалобы преосвященному архіепископу Ростовскому, то онъ и по его увѣщанію не укротился. Я желаю, чтобъ вы отъ помянутого архіепископа и отъ другихъ навѣдались о подлинности всего сего, и ежели что подобное тому окажется, то, призвавъ его къ себѣ, дайте ему знать, что мнѣ тѣ его поступки извѣстны; но на сей случай дальнее взысканіе не дѣлается изъ уваженія къ его заслугамъ, по коимъ онъ въ настоящій санъ возведенъ и къ нынѣшнему мѣсту опредѣленъ, и въ чаяніи, что онъ перемѣнитъ свое поведеніе, воздержася оказывать грубости не только въ степени ему предпочтеннымъ или равнымъ, но и съ меньшими и подчиненными, поступая съ должною вѣжливостію и кротостію, званію духовному приличною, въ отвращеніе всякихъ непріятныхъ изъ противного тому послѣдованій.

Іюля 8-го 1778 г. Въ Петергофѣ.

162.

Въ меморіяхъ, присылаемыхъ отъ учрежденного комитета по дѣлу о расхищенныхъ казенныхъ деньгахъ показано, что въ генварѣ сего года нѣсколько разъ предложено было къ слушанію дѣло о таковомъ похищеніи въ артиллерійской конторѣ, которое и дослушано даже и относительно присутствовавшихъ въ той конторѣ. Но послѣ сего по какимъ причинамъ окончаніе оного остановилося, такъ какъ и по другимъ дѣламъ комитету порученнымъ, когда ожидать совершенія изслѣдованія и что тому препятствуетъ, намъ неизвѣстно. А по сему и желаемъ, чтобъ вы о всемъ семъ намъ подробно донесли, и между тѣмъ съ прочими съ вами присутствующими приложили всемѣрное радѣніе о поспѣшнѣйшемъ приведеніи всѣхъ сихъ дѣлъ къ концу сходнымъ съ законами образомъ.

Августа 25-го 1778 г. Въ Царскомъ Селѣ.

163.

Согласны будучи съ вами о крайней надобности занять мѣсто, которое вотчинной коллегіи президентъ князь Амилахоровъ имѣлъ до приключив-

---

([62]) О Петрѣ Алексѣевѣ см. Р. Архивъ 1863 изд. 2-е стр. 92, 491—500, 603—605.

шейся ему болѣзни въ коммиссіи о расхищенныхъ въ коммиссаріатѣ и артиллерійской конторѣ деньгахъ, указали мы нашей военной-коллегіи отправить къ вамъ для сего исправленія члена ея генералъ-майора Микѣшина, а вы наставьте его къ скорѣйшему и точнѣйшему окончанію всѣхъ той коммиссіи предлежащихъ дѣлъ.

Ноября 19-го 1778 г. Въ Санктпетербургѣ

164.

Дошла къ намъ просьба отъ генерала Глѣбова, что онъ по сіе время не вопрошенъ еще ни о чемъ касающемся до него по дѣлу о похищенныхъ въ коммиссаріатѣ деньгахъ, обязанъ потому безотлучнымъ въ Москвѣ пребываніемъ и, подверженъ бывши наложенному отъ комитета предварительному секвестру, претерпѣваетъ въ домашнемъ своемъ состояніи крайнее разореніе. Но какъ между тѣмъ получили мы и ваше донесеніе отъ 29-го ноября о упражненіи комитета въ сочиненіи пунктовъ для допроса помянутого генерала Глѣбова, то мы желаемъ, чтобъ вы съ прочими сочленами вашими приложили всемѣрное стараніе въ поспѣшнѣйшемъ дѣла сего окончаніи, а между-тѣмъ дали бы намъ знать, какія обстоятельста побудили комитетъ къ вышеизображенному наложенію секвестра, и для лучшаго объясненія доставили намъ краткій, но ясный экстрактъ всего производства съ показаніемъ осужденныхъ, оговоренныхъ и прочихъ къ дѣлу сему привязанныхъ, и съ выраженіемъ причинъ окончанію оного препятствующихъ.

Декабря 13-го 1778 г. Въ Санктпетербургѣ.

165.

Я дозволила графу Петру Апраксину какъ въ Нижегородскія его деревни отлучиться и тамъ пребываніе имѣть, такъ равно естли генералъ-фельдмаршалъ гр. Разумовскій ([63]), находясь въ деревняхъ своихъ, пожелаетъ имѣть тамъ при себѣ помянутого графа Апраксина, то и туда ему отъѣхать не препятствовать.

Генваря 17-го 1779 г. Въ Санктпетербургѣ.

166.

Нашему генералу князю Волконскому.

Споспѣшествуя украшенію первопрестольнаго нашего города Москвы и желая, чтобъ зданія въ немъ публичныя и частныхъ людей съ одной

([63]) Тесть ссыльнаго графа Апраксина.

стороны знаменитости его соотвѣтствовали, а съ другой къ сооруженію оныхъ подано было всевозможное облегченіе и выгоды, мы, въ послѣднюю нашу тамъ бытность, снизошли на утвержденіе плана, отъ комиссіи о строеніи того города намъ представленнаго, о учрежденіи Каменнаго Приказа. Не имѣемъ мы отъ васъ извѣстій, чтобъ средства, въ томъ учрежденіи преподанныя, послужили дѣйствительно ко умноженію новыхъ и къ исправленію старыхъ строеній; а напротивъ того увѣдомляемся, что дороговизна нужныхъ матеріаловъ отъ времени до другаго болѣе возвышается, и слѣдственно вящія еще въ томъ предстоятъ неудобства. А посему и соизволяемъ, чтобъ вы, во первыхъ, донесли намъ о причинахъ, препятствовавшихъ успѣхамъ, изъ помянутаго учрежденія чаяннымъ; и потомъ, отобравъ объясненія отъ тамошняго оберъ-полицеймейстера, отъ директора Каменнаго Приказа и отъ прочихъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ производятся въ Москвѣ разныя строенія, какія средства почитаютъ они самыми удобнѣйшими къ достиженію намѣреній нашихъ вышеизображенныхъ, и особливо относительно въ томъ помощи и облегченія жителямъ, доставили оныя намъ, со мнѣніемъ вашимъ, безъ замедленія.

«Екатерина».

2-го марта 1779 г. С.-Петербургъ.

167.

Нашему генералу князю Волконскому.

Поведеніе отставного бригадира Ѳедора Дмитріева-Мамонова, изображенное въ донесеніи вашемъ отъ 25 іюня изшедшаго 1778 года, подтверждаемое собственнымъ его письмомъ, къ человѣку его Комарову писаннымъ, и показаніями постороннихъ людей предъ членами нашей юстицъ-коллегіи, по указу нашему для освидѣтельствованія помянутаго Мамонова посыланными, являетъ его человѣкомъ внѣ здраваго разсудка, раззоряющимъ имѣніе свое и производящимъ разныя жестокости, коихъ обузданіе предписали мы въ наблюденіе нашимъ генералъ-губернаторамъ и должность ихъ правящимъ въ 84 статьѣ, IV главы Учрежденій нашихъ о управленіи губерній. Сверхъ того отъ жены его подано намъ прошеніе: что сей мужъ ея, лишася разума, какъ всей Москвѣ извѣстно, расточилъ до того имѣніе, что изъ двухъ тысячъ душъ, отъ предковъ къ нему дошедшихъ, осталося только пятьсотъ; и потому опасается она, что онъ и ее съ сыномъ лишитъ пропитанія, и самъ старость свою будетъ нести

въ послѣдней нищетѣ. Мы потому, съ одной стороны отвращая всякое съ его стороны дальнее неистовство, которое къ собственному его крайнему вреду обратиться можетъ, съ другой желая сохранить остатокъ имѣнія его для его же пропитанія и для законныхъ его наслѣдниковъ, повелѣваемъ, чтобъ отъ нашей юстицъ-коллегіи опредѣлены были къ нему опекуны, которые, управляя имѣніемъ его по силѣ законовъ и особливо учрежденій нашихъ главы XVI, собираемые доходы оставляли въ пользу вышеименованнаго Мамонова и дому его, не допуская впрочемъ его ни къ какимъ мучительствамъ и неистовствамъ, подтвердивъ и оберъ-полиційместеру Московскому наблюдать тоже самое въ случаѣ пребыванія его Мамонова въ городѣ. Людей, бѣжавшихъ отъ него по причинѣ таковыхъ мучительствъ, отдать для употребленія въ пользу хозяйства подъ призрѣніе сихъ же опекуновъ, кои имѣютъ получить отъ юстицъ-коллегіи нужное на точномъ основаніи помянутой главы XVI наставленіе; а о послушаніи имъ отъ дворовыхъ людей и крестьянъ дать знать отъ тамошней губернской канцеляріи. «Екатерина».

4-го марта 1779 г. С.-Петербургъ.

168.

Мы поспѣшаемъ доставить вамъ пріятную вѣдомость о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени ея императорскаго высочества нашей любезной невѣстки великой княгини въ девятомъ часу по полуночи сегодня рожденіемъ намъ внука великаго князя Константина Павловича. Таковое дому нашего императорскаго приращеніе есть новый даръ Божіей благодати къ намъ, и мы, пріемля его съ достодолжнымъ благодареніемъ, не сомнѣваемся, что вы со всѣми нашими вѣрными подданными вамъ подчиненными въ семъ радостномъ событіи искреннее участіе воспримете.

27-го апрѣля 1779 г. Въ Царскомъ Селѣ.

169.

Для доставленія столичному городу Москвѣ чистой воды, въ который онъ толикій имѣетъ недостатокъ, отправляется по волѣ моей генералъ-поручикъ Бауеръ. Искусство его въ семъ дѣлѣ извѣстно, и тамошній оберъ-полицмейстеръ Архаровъ былъ здѣсь самоличнымъ его свидѣтелемъ, видѣвъ Царскосельскія его работы, гдѣ онъ достигъ успѣха съ невеликою издержкою. Я увѣрена, что вы ему въ сей возложенной на него

коммиссіи не оставите подать всевозможное пособіе и прикажите кому надлежитъ, чтобъ онъ тѣмъ же воспользоваля и отъ другихъ, до кого его требованія касаться будутъ.

9-го іюня 1779 г. Въ Царскомъ Селѣ.

170.

Изъ приложенной при семъ записки вы усмотрите, какое бездѣльство учинилъ въ Ревелѣ нѣкто подъ именемъ порутчика Василія Безобразова(64) Хотя отъ насъ послано повелѣніе къ Ревельскому вице-губернатору, чтобъ онъ о семъ происшествіи прислалъ намъ подробное объясненіе и злодѣя сыскать старался, но при томъ за нужное почитаемъ и вамъ дать знать о томъ, дабы вы приложили свое стараніе о сыскѣ образомъ благопристойнымъ того преступника, буде бы онъ паче чаянія могъ укрываться въ тамошнихъ мѣстахъ.

28-го іюня 1779 г. Въ Петергофѣ.

171.

Я позволяю вамъ отлучиться на четыре недѣли въ Калужскую вашу деревню.

Іюля 16-го 1779 г. Въ Петергофѣ.

172.

Князь Михаилъ Никитичь.

Генералъ-порутчикъ Бауеръ по волѣ нашей имѣетъ вступить въ нынѣшнемъ еще году въ производство водяныхъ работъ для пользы столичнаго нашего города Москвы, отъ насъ ему препорученныхъ. Мы желаемъ, чтобъ вы какъ съ своей стороны въ семъ дѣлѣ не оставили подавать ему всякое пособіе, такъ особливо, силою сего, предписали Московскому губернатору и оберъ-полицмейстеру да и всѣмъ до кого дѣло его касаться будетъ, о всевозможномъ исполненіи его требованій и помощи, гдѣ оная сходственнымъ образомъ учинена быть можетъ. Для караула при казнѣ, магазеинахъ и матеріалахъ прикажите дать ему потребное число солдатъ изъ гарнизона тамошняго; а въ случаѣ недостатка въ людяхъ,

(64) Изъ приложенной записки видно, что Безобразовъ получилъ изъ Ревельской генералъ-губернаторской канцеляріи серебряною монетою пять тысячь рублей по требованію иностранной коллегіи, тогда какъ сія послѣдняя вовсе не знала Безобразова.

и изъ дивизіи, вами предводимой. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны «Екатерина.»

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 28-го дня 1779 г.

173.

Князь Михайла Никитичь.

Для земляныхъ работъ по препорученному отъ насъ генералу-поручику Бауру вамъ извѣстному дѣлу, при настоящемъ войскъ нашихъ въ квартиры ихъ возвращеніи, прикажите по требованіямъ его давать изъ дивизіи, отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ вашимъ находящейся, коимъ изъ опредѣленной по смѣтѣ его Баура суммы выдаваемо быть должно по восьми копѣекъ на день. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. «Екатерина.»

Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 29-го дня 1779 г.

174.

Князь Михайла Никитичь.

Вдовѣ княгинѣ Аграфенѣ Михайловой дочери Борятинской пожалована отъ меня пенсія по двѣ тысячи рублей на годъ изъ кабинета съ тѣмъ, чтобы она могла получать сію пенсію въ Москвѣ. Сверхъ того я позволяю ей ѣздить цугомъ, о чемъ вы ей объявите. Пребываю и пр. »Екатерина.»

21 сентября 1779 г. С.- Петербургъ.

175.

Князь Михаилъ Никитичь!

Какое послѣдовало отъ насъ рѣшеніе по докладу сената о порученіи дѣтей умершаго графа Андрея Ефимовскаго и имѣнія ихъ въ опеку родственника ихъ генерала-поручика Расловлева и другаго опекуна отъ юстицъ-коллегіи опредѣленнаго, усмотрите вы изъ копіи указа нашего, сенату даннаго. Видѣвъ тутъ въ дѣлѣ по увѣдомленію вашему и по донесенію вамъ отъ генерала-маіора и Московскаго оберъ-полицмейстера Архарова, что вдова графиня Ефимовская кромѣ крайняго о дѣтяхъ нерадѣнія отягощаетъ крестьянъ несносными поборами, отъ коихъ многія ослушанія и непорядки происходятъ, мы находимъ нужнымъ. чтобъ вы помянутой графинѣ Ефимовской чрезъ оберъ-полицмейстера внушить приказали, что мы на выдѣлъ ей указныхъ частей и на оставленіе ихъ во владѣніи ея согласилися единственно въ надеждѣ, что она поведеніе

свое противъ крестьянъ своихъ перемѣнитъ, а въ противномъ случаѣ при первомъ узнаніи о суровости отъ нея или отъ кого либо по дозволенію ея происходящей и несносныхъ отягощеніяхъ крестьянъ, принуждены будемъ указать все то имѣніе взять въ опеку, давая ей доходы на прожитокъ, да и принять мѣры къ удержанію ея отъ таковыхъ непозволенныхъ поступковъ. Пребываемъ и пр. «Екатерина.»

22-го ноября 1779 г. С.-Петербургъ.

176.

Нашему генералу, въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ главнокомандующему князю Волконскому. Какъ въ имперіи нашей, при свободномъ исповѣданіи Римскаго католическаго закона, главное церковное начальство сего закона, по волѣ нашей, ввѣрено епископу Бѣлорусскому Станиславу Сестрженцевичу, то, дабы сіе соизволеніе наше вездѣ въ точности исполняемо было, повелѣваемъ со стороны нашихъ генераловъ-губернаторовъ, губернаторовъ и прочихъ начальствъ наблюдать: во первыхъ, чтобъ отъ всѣхъ монастырей и церквей Римскихъ, въ Россіи обрѣтающихся, сему епископу должное повиновеніе оказываемо было; а второе, чтобъ никто изъ духовныхъ Римскихъ въ церковное служеніе, визитацію, исправленіе и прочія по обрядамъ того закона потребы не дерзалъ вступаться кромѣ тѣхъ единственно, кои отъ помянутаго епископа, яко по волѣ нашей учрежденнаго въ имперіи нашей законнаго Римскія церкви пастыря, имѣютъ на то дозволеніе и благословеніе, и оное на письмѣ предъявятъ. Чего ради, о всякомъ изъ сихъ духовныхъ, когда изъ нихъ смертію или инымъ случаемъ выбудетъ изъ мѣста своего, Бѣлорусскаго епископа увѣдомлять. Есть ли же таковые безъ вѣдома его въ духовныя Римскія церкви дѣла и служенія вмѣшивающіеся найдутся, таковыхъ отъ уѣзда къ уѣзду и отъ губерніи къ другой препровождать къ границамъ для высылки внѣ оныхъ, о чемъ и намъ доносить. Подтверждаемъ при томъ, чтобъ и въ границы никто изъ духовенства сего впущаемъ не былъ инако, какъ когда онъ представитъ свидѣтельство призыва или дозволенія отъ епископа Бѣлорусскаго. А ежели которые изъ подобныхъ объявятъ, что къ нему имѣютъ нужду, оныхъ отсылать къ Бѣлорусскому нашему генералъ-губернатору, въ небытность же его къ правителю Могилевскаго намѣстничества, кои могутъ препровождать ихъ къ епископу. «Екатерина.»

Въ С.- Петербургѣ. Генваря 9-го дня 1780 г.

177.

Нашему генералу, въ столичномъ нашемъ городѣ Москвѣ главнокомандующему. По доходящимъ къ намъ извѣстіямъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ соли оказывается недостатокъ, отвращая дабы люди не могли потерпѣть крайней отъ того нужды, но всегда съ изобиліемъ сею необходимою вещію снабдены были, мы признали за благо подтвердить всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность и губернаторамъ, дабы каждый изъ нихъ, въ точности исполняя многократныя наши о семъ повелѣнія, паче же предписанныя Учрежденій нашихъ отъ 7 ноября 1775 года главы IV, въ 87-й и главы V въ 97-й статьяхъ, попечительнымъ распоряженіемъ старался упреждать подобные недостатки во ввѣренной ему губерніи; а для лучшаго и надежнѣйшаго въ томъ успѣха, предписываемъ слѣдующія правила. Первое, стараться имѣть двугодовой запасъ соли каждой губерніи въ запасныхъ магазейнахъ, полагая сей двугодовой запасъ противъ того года, въ которомъ больше другихъ расхода было, причитая остатокъ соли отъ прошлаго года, но не включая въ сіе число ту соль, которая изъ мѣстъ ломки или варенія соли до магазейна въ той губерніи еще не доставлена и въ магазейнъ не принята. Посредствомъ сего запаса не токмо предупредится недостатокъ, наипаче же въ чрезвычайныхъ и непредвидимыхъ случаяхъ, но и самимъ казеннымъ палатамъ или же другимъ начальствамъ, до кого сіе касаться можетъ, облегчатся время и способы доставлять соль по губерніи съ лучшимъ попеченіемъ, распоряженіемъ и хозяйствомъ. Второе, таковые магазейны имѣть въ каждомъ округѣ или уѣздѣ, наблюдая, что́ принадлежитъ до выбора мѣстъ для оныхъ, лучшую удобность къ доставленію въ тотъ магазейнъ и развозу соли изъ него въ потребномъ случаѣ водою или сухимъ путемъ. Третіе, въ тѣхъ губерніяхъ, кои солью такъ изобилуютъ, что нетокмо жителей своихъ довольствовать, но и другимъ губерніямъ въ томъ пособствовать могутъ, имѣть сверхъ двухъ годовыхъ окружныхъ или уѣздныхъ запасныхъ магазейновъ, о коихъ выше въ первомъ и второмъ пунктахъ сказано, еще особливые запасные магазейны на два же года для тѣхъ губерній или мѣстъ, кои сію соль обыкновенно заимствуютъ, дабы со изобиліемъ можно было отпустить оную, когда востребуютъ. Въ семъ случаѣ наши генералы-губернаторы, правящіе ту должность и губернаторы всѣ ну-

жныя свѣдѣнія могутъ требовать какъ отъ главной соляной конторы, покуда всѣ части имперіи нашей устроены будутъ въ образѣ желаемомъ, такъ особливо долженствуютъ они имѣть между собою взаимныя сношенія. Четвертое, подтверждаемъ имъ вообще всѣмъ и каждому въ надобности другъ другу подавать руку помощи и особливо чтобъ каждый изъ нихъ предписалъ по городамъ и уѣздамъ городничимъ и земскимъ исправникамъ, въ губерніяхъ же по прежнимъ обрядамъ еще управляемыхъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ, комиссарамъ, магистратамъ и ратушамъ наиточнѣйше наблюдать, дабы благовременно таковые недостатки вездѣ предостерегаемы были; и ежели усмотрено будетъ, что дѣйствительно находящейся для народнаго удавольствованія соли не болѣе какъ на полгода остается, то какъ наискорѣе доносили бы о томъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность, губернаторамъ и казеннымъ палатамъ для поспѣшнѣйшаго доставленія. Пятое, наконецъ, чтобъ извѣстно намъ было настоящее состояніе въ каждомъ мѣстѣ заготовленія соли и снабдѣнія ею народа, повелѣваемъ прислать намъ отъ всѣхъ губерній вѣдомости, сколько нынѣ по уѣздамъ заготовлено соли по всѣмъ магазейнамъ, различая запасные, и сколько каждому мѣсту потребно заготовить во исполненіе сея воли нашей, дабы, имѣя столь подробныя свѣдѣнія, могли мы единообразнымъ распоряженіемъ привести всѣ части имперіи нашей по дѣлу сему въ содѣйствіе и взаимное пособіе. «Екатерина.»

Въ С.-Петербургѣ. Февраля 1-го дня 1780 г.

178.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Принявъ во всемилостивѣйшее уваженіе прошеніе отъ васъ намъ принесенное объ увольненіи васъ отъ всѣхъ дѣлъ, мы удовлетворили оному даннымъ о томъ сенату нашему повелѣніемъ. Мы и при семъ случаѣ не можемъ оставить, чтобъ не подать вамъ удостовѣреній, что всегда съ особливымъ благоволеніемъ взирали мы на долговременную вашу службу, радѣтельные труды и многіе опыты вашего усердія. Въ знакъ таковаго монаршаго нашего благопризнанія указали мы производить вамъ во всю жизнь вашу полное по чину вашему жалованье, и сверхъ того жалуемъ вамъ изъ доходовъ вѣдомства каммеръ-коллегіи единовременно тридцать

тысячь рублей. Соизволяемъ впрочемъ, чтобъ вы команду и всѣ наставленія и указы, до должности главнокомандующаго въ отсутствіи нашемъ городѣ Москвѣ касающіеся, отдали опредѣленному на ваше мѣсто нашему генералу князю Долгорукому-Крымскому. Данъ въ Санктпетербургѣ апрѣля 11-го дня 1780 г.

*

Князю М. Н. Волконскому было уже 67 лѣтъ, когда онъ получилъ это увольненіе отъ службы. Многолѣтніе труды ослабили его здоровье. Къ тому же и личное значеніе его при дворѣ упало съ того времени, какъ утвердилось вліяніе князя Потемкина и сошли съ поприща Орловы. Это видно и по характеру самыхъ писемъ къ нему государыни, съ 1776 года.

179.

Увѣдомлена бывъ вами о намѣреніи вашемъ выдать дочь вашу въ супружество за генералъ-поручика князя Прозоровского, я желаю, чтобъ сіе доброе дѣло совершилось къ удовольствію вашему.

4-го августа 1780 г. Въ Царскомъ Селѣ.

180.

Всегда я была увѣрена въ вашемъ ко мнѣ усердіи, равно какъ и въ томъ, что чувства сіи вы стараетесь утверждать въ дѣтяхъ вашихъ. Пожалованіе сына вашего въ камеръ-юнкеры есть слѣдствіе признанія моего къ заслугамъ вашимъ и особливаго благоволенія.

11-го октября 1780 г. Въ Санктпетербургѣ.

181.

Считая, что всегдашнее присутствіе при васъ сына вашего будетъ служить къ удовольствію вашему, я уволила его отъ службы и, содержа въ незабвенной памяти знаменитыя заслуги ваши, пожаловала его каммергеромъ ([65]).

29-го сентября 1782 г. Въ Санктпетербургѣ.

182.

«Прикажите въ полки гвардіи сказать моимъ словомъ, чтобъ изъ желающихъ въ выпускъ унтеръ-офицеровъ выпустили въ армію сто тако-

([65]) Этотъ единственный сынъ кн. Волконскаго, кн. Павелъ Михаиловичъ, умеръ бездѣтнымъ, оставивъ по себѣ память благодѣтельнаго помѣщика. О немъ есть особая книжка, соч. Якова Бардовскаго М. 1808. 16°.

выхъ, кои бы могли быть прочны въ арміи какъ поведеніемъ, такъ въ знаніи военной службы» ([66]).

183.

«За проэктъ вашъ премного благодарствую. Онъ во многихъ сходствуетъ съ тѣмъ положеніемъ, которое уже самымъ дѣломъ готовится и состоитъ въ слѣдующемъ. Окромѣ три государственныя коллегіи, прочія исчезнутъ. Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату оборотить я намѣрена коммиссію уложенія, а ея частныя коммиссіи по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ. Оставимъ и переименуемъ прочихъ по-русски. Губерніи будутъ меньше, и сверхъ губернатора къ двумъ или тремъ приставимъ генералъ-губернатора. Губернское правленіе будетъ состоять изъ четырехъ департаментовъ. Вмѣсто коллегіи для аппелляціи съ пятью членами, въ каждой провинціи будетъ вице-губернаторъ и верхній земскій судъ, выбранный дворянствомъ. Въ каждомъ уѣздѣ будетъ уѣздный судъ да нижній земскій судъ; члены всѣ по выбору дворянства. Часть сего уже готова, а прочія пишутся, и съ успѣхомъ. Буде Богъ поможетъ, сей годъ ознаменится полезнымъ для государства учрежденіемъ. Сверхъ того сей порядокъ сходственъ съ порядкомъ нашихъ Остзейскихъ провинцій, кои, имѣвъ оного четыреста лѣтъ, почитаютъ себя весьма счастливы. Позабыла сказать, что уѣзды не болѣе будутъ какъ отъ 25 до 30 т. душъ» ([67]).

184

«Ни минуты не мѣшкавъ, даю симъ вамъ знать, что Гагаринъ мнѣ рекомендуетъ въ лучшихъ конюшенныхъ волостяхъ Реткина въ управителя. Прошу ужо изъяснить меня, что̀ изъ сего важнаго происшествія заключить надлежитъ; а Реткинъ тотъ, который большимъ имъ выдуманнымъ ножомъ Японскіе острова завоевать хотѣлъ.»

([66]) Начиная съ этого письма всѣ подлинники безъ чиселъ.

([67]) Это письмо можетъ относиться къ 1775 году, когда Екатерина занималась Учрежденіями о губерніяхъ. Бантышъ-Каменскій, въ краткой біографіи князя Волконскаго (Словарь, изд. 1836, I, 328), говоритъ, что рукописный проэктъ князя Волконскаго „о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и о раздѣленіи имперіи на губерніи,“ хранится въ портфеляхъ Миллера т. е. въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. Императрица здѣсь конечно и говоритъ объ этомъ, доселѣ не изданномъ, проэктѣ.

185.

«Спросите у князя Василія Михайловича Долгорукого что̀ ему милѣе будетъ: сына его, который въ конной-гвардіи, чтобъ онъ былъ при немъ адъютантомъ, или корнетомъ въ конной-гвардіи. Онъ уже, сказываютъ, теперь старшій вахмейстеръ въ полку, но для того что ему 13 лѣтъ, обойденъ. Желаю вамъ веселиться въ коммиссіи или въ сенатѣ, а мнѣ скучно.»

186.

«Пожалуй сыщи мнѣ здѣсь какого-нибудь полковника или генералъ-майора Нѣмца умного и вѣрного человѣка, которого я бъ могла къ брату моему послать, чтобъ его уговаривать ѣхать въ свой домъ и сюда не пріѣхать ([68]).

Нѣту ли въ кирасирскомъ полку такого офицера изъ штаба?»

187.

«Тверскія врата при въѣздѣ въ городъ покривились. Прикажите ихъ осмотрѣть и, буде малѣйшая есть опасность, прикажите ихъ снять.»

188.

«Идетъ ли кто изъ твоихъ капитановъ въ полковники, а кто пойдетъ, тотъ сорокъ второй или третій по арміи будетъ, и будетъ ли имъ въ томъ авантажъ? За тѣмъ только сталъ докладъ. Пожалуй мнѣ скорѣе отвѣтъ и не говори съ товарищами, для того что господамъ армейскимъ не милъ капитанскій выпускъ по гвардіи.»

189.

Стоящимъ на заставахъ чрезъ сіе наикрѣпчайше приказывайте, дабы свидѣтельствовали и строго осматривали всякого званія проѣзжающихъ, и, словомъ, всѣхъ брать и присылать подъ арестомъ, хотя бы кто и въ ливреѣ былъ, «однакожь по разсмотрѣньямъ.»

190.

«Завтра въ три часа послѣ обѣда пріѣзжайте ко мнѣ для конференціи о Польскихъ дѣлахъ.»

([68]) См. о братѣ императрицы Екатерины выше.

Будучи два раза посломъ въ Польшѣ и зная эту страну по квартированію въ ней войскъ во время Семилѣтней войны, кн. Волконскій могъ подать полезные совѣты въ дѣлахъ Польскихъ. По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго, онъ совѣтовалъ государынѣ приступить къ раздѣлу Польши. Но о семъ послѣднемъ читатели узнаютъ подробнѣе изъ нижеслѣдующей статьи; здѣсь же, въ заключеніе, мы должны означить время кончины кн. Волконскаго: онъ умеръ 8 декабря 1788 года.

ЖИТІЕ ОЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА,

СЪ ПРИОБЩЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

Въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи 1789 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИТІЕ ОЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА.

АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ КУТУЗОВУ.

Не безъ удовольствія, думаю, любезнѣйшій мой другъ, воспоминаешь иногда о дняхъ юности своея; о времени, когда всѣ страсти, пробуждаясь въ первый разъ, производили въ новой душѣ не стройное хотя волненіе, но дни блаженнѣйшіе всея жизни содѣловали. Беззаботный духъ и разумъ неопытностію не прѣтили въ веселіи распростираться чувствамъ, чуждымъ скорбнаго еще нервовъ содроганія. Да и самая печаль, грусть и отчаяніе скользили, такъ сказать, на юномъ сердцѣ, не проницая начальную его твердость, когда не рѣдко наиплачевнѣйшій день скончавался веселія изступленіемъ. Отвлеки мысленно невинную часто порочность изъ дѣяній юности, найдешь, что послѣ первыхъ восторговъ веселія, подобныхъ въ жизни своей не чувствовалъ. Первое веселіе назвать можно вершиною блаженства, и по тому только, что оно первое; послѣдующее уже есть повтореніе и нечаянности пріятность его не живитъ. Не съ удовольствіемъ ли, мой другъ, повторю я, воспомянешь о времени возрожденія нашей дружбы, о блаженномъ семъ союзѣ душъ, составляющемъ нынѣ мое утѣшеніе во дни скорьби, и надѣяніе мое для дней успокоенія. Не возрадуешся ли, если узришь паки подавшаго нѣкогда намъ примѣръ мужества, узришь учителя моего по крайней мѣрѣ въ твердости. Воспомяни, о мой другъ! *Ѳедора Васильевича* сгараема внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшаго изъ устъ нельстиваго своего врача,

и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго на скончаніе своего мученія... Воспомяни сію картину, и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей. Піющій Сократъ отраву предъ друзьями своими наилучшее преподалъ имъ ученіе, какого во всемъ житіи своемъ не возмогъ.

Таковыя размышленія побудили меня описать житіе сотоварища нашего *Өедора Васильевича Ушакова*. Я ищу въ томъ собственнаго моего удовольствія; а тебѣ, любезнѣйшему моему другу, хочу отверзти послѣднія излучины моего сердца. Ибо не рѣдко въ изображеніяхъ умершаго найдешь черты въ живыхъ еще сущаго.

Первые годы жизни *Өедора Васильевича* мало мнѣ извѣстны: и хотя бы охотно и съ удовольствіемъ ихъ я начерталъ, находя въ первѣйшихъ дѣтскихъ и отроческихъ дѣяніяхъ начальное образованіе души его, находя въ пятилѣтнемъ *Ушаковѣ* сѣмена твердости, душу его возвышавшей въ возмужалыхъ лѣтахъ: но лучше признаюсь въ невѣденіи моемъ, нежели поставлю что либо гадательное вмѣсто истинны, и единственнаго да не отъиму побужденія ко чтенію сего повѣствованія во истиннѣ.

Но не гадательнымъ предположеніемъ назвать можно, если скажу, что воспитаніемъ своимъ въ сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ положилъ онъ основательное образованіе прекрасныя своея души. Ибо въ душѣ своей болѣе предуспѣть могъ, нежели въ разумѣ, скончавъ жизнь свою тогда, когда юношескою крѣпостію мозга представленія, воображенія и мысли, проницая другъ друга, первыя полагаютъ украшенія верховнаго нашего члена главы; когда разумъ, хотя собравъ посредствомъ чувствъ много понятій, не имѣлъ еще довольнаго времени устроить ихъ въ порядокъ, дабы и послѣднее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успѣхи *Өедора Васильевича* въ наукахъ побудили тогда Тайнаго Совѣтника *Теплова* взять его къ себѣ въ должность Секретаря, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника. По изданіи Рижскаго торговаго устава, при составленіи котораго онъ много трудился, получилъ онъ чинъ, Коллежскаго Ассессора. Люди ослѣпляющіеся внѣшностію, и чтущіе въ человѣкѣ чинъ а не человѣка, завидуя ему и предъуказуя его возвышеніе, обучалися уже его почитать заранѣе: но сколь не равныхъ съ ними онъ самъ о себѣ былъ мыслей, доказалъ то самымъ дѣломъ.

Императрица Екатерина, между многими учрежденіями на пользу Государства, восхотѣла, чтобы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ, или

судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей имѣющихъ понятіе, какимъ образомъ отличившіеся законоположеніемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣяніями гражданъ на судѣ. На сей конецъ опредѣлила послать въ Лейпцигской Университетъ двѣнадцать юношей для обученія Юриспруденціи и другимъ къ оной относящимся Наукамъ. Будучи извѣщенъ о семъ благомъ намѣреніи Императрицы *Өедоръ Васильевичъ* прибѣгнулъ прозьбою къ начальнику своему, да участвуетъ въ пріобрѣтеніи знаній, сотовариществуя юношамъ, избраннымъ для отправленія въ Лейпцигской Университетъ.

Узнавъ о его предпріятіи многіе изъ его друзей увѣщевали его, да останется при своемъ мѣстѣ, и да не предпочтетъ невѣрную стезю къ почестямъ, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроетъ тѣмъ основанія своего возвышенія. Въ дѣлахъ житейскяхъ, говорили они ему, все зависитъ отъ разщета и уловки. Кто въ нихъ слѣдуетъ единому разсудку и добродѣтели, тотъ не брежетъ о себѣ. Благоразуміе, а иногда одинъ разторопной поступокъ далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованіи совокупно. Положимъ, что Государь истинное достоинство только награждаетъ, и пристрастенъ не бываетъ ни коли; но если бы возможно было ему хотя одному быть безпристрастному въ своемъ Государствѣ, всѣ другіе начальствующіе въ его образѣ таковы не будутъ; ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, пріязни, дружбѣ, любви, хотя потому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго. Сверхъ же того онъ малаго токмо числа Отечеству, или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ Вельможи, казнитъ не рѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ миліоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему; всѣ другіе (источая кровавыя слезы, признаться въ томъ дожно), всѣ другіе служатъ вельможамъ. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающихъ въ чины; кто чинъ, или мѣсто, или награжденіе какого бы рода ни было получитъ, обязаннымъ себя, да и справедливо, почитаетъ благодарить за то вельможей. Одного благодаритъ за то, что его рекомендовалъ государю, другаго за то, что не былъ ему противенъ, третьяго, чтобы впередъ не говорилъ о немъ худо. Государь не рѣдко бываетъ въ семъ случаѣ ничто иное, какъ корабль направляемый тѣмъ вѣтромъ, который другихъ превозмогаетъ. И такъ оставь пустую

мысль и тщетное намѣреніе быть извѣстнымъ Государю, въ низкомъ состояніи слѣдуй начатому пути и предуспѣешь.

Положимъ, что ты пребываніемъ своимъ въ училищѣ приобрѣтешь знанія превосходнѣйшія, что достоинъ будешь управлять не токмо важнымъ отдѣленіемъ, но достоинъ будешь вѣнца; не уже ли думаешь, что тебя Государь поставитъ на перьвую по себѣ степень? Тщетная мечта юнаго воображенія! По возвращеніи твоемъ имя твое будетъ забыто. Вмѣсто того что ты извѣстенъ нынѣ чрезъ твоего начальника, о тебѣ тогда и не воспомянутъ, ибо не удостоитъ тебя Государь, можетъ быть, воззрѣнія, отвлеченный отъ того или правленія заботою, или надмѣнностію сана своего, или завистію вельможей, которые, осаждая непрестанно престолъ Царскій, претятъ проникнуть до него достоинству. А если изтекаетъ на него награжденіе, то удѣляютъ его всегда въ видѣ милости, а не должнымъ за заслуги воздаяніемъ.—Ты помѣстишся въ число такихъ людей, кои не токмо не равны будутъ тебѣ въ познаніяхъ, но и душевными качествами иногда ниже скотовъ почесться могутъ; гнушаться ихъ будешь, но ежедневно съ ними обращаться долженъ. Окрестъ себя узришь не рѣдко согбенные разумы и души, и самую мѣрзость. Возненавидѣнъ будешь ими; поженутъ тебя, да оставишь ристаніе имъ свободно. А если тогда начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующіе ему; берегись, гибель твоя неизбѣжна.

Таковыми ужасными представленіями друзья *Өедора Васильевича* старалися отвратить его отъ его предпріятія. Начальникъ его, хотя другими доводами, то же имѣлъ намѣреніе: но всѣ старанія ихъ были тщетны. Полагаяся твердо на правосудіе своего Государя, и алкая науки, *Өедоръ Васильевичь* пребылъ не поколебимъ въ своемъ намѣреніи, и ученія ради сложилъ съ себя мужественный возрастъ, что степень почестей, ему уже давано въ обществѣ, сталъ неопытной юноша, или паче дитя, преклоняяся въ управленіе наставнику, управлявъ уже собою нѣсколько лѣтъ въ разныхъ жизни обращеніяхъ.

Описывая житіе столь близкаго сердцу моему человѣка, какъ то былъ *Өедоръ Васильевичь*, я не скрою однако же и того, чего разумъ его не могъ еще въ немъ исправить, и къ чему обращеніе въ большемъ Свѣтѣ приучило юныя его чувства. Сіе то предвременное познаніе большаго

общества, гдѣ съ дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болѣзнь въ лѣтахъ крѣпости, и смерть безвременную.

Вышедъ изъ Кадетскаго Корпуса *Өедоръ Васильевичь* сталъ управлять самъ собою. Семнадцатилѣтній юноша, наперстникъ вельможи, коего тогдашній доступъ до Государя всѣмъ былъ извѣстенъ, не могъ онъ обойтися безъ искушенія, и сіи были различнаго рода. Большая часть просителей думаютъ, и не рѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли, нужна приязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцомъ до дѣла ихъ касается: и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденія и все, что вздумать можно, не только къ самому тому, отъ кого исполненіе прозьбы ихъ зависитъ, но ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ то къ Секретарю его, къ Секретарю его Секретаря, если у него оной есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакѣямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ. Таковыя же ласкательства, угожденіи, и Богъ вѣсть что употреблено было отъ просителей на снисканіе благоволенія *Өедора Васильевича.* Богачь сулилъ злато, но не успѣвалъ, и долженствовалъ возвращаться съ негодованіемъ. Но если благоразположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида приязни. Трудившись во весь день, охотно ѣзжалъ онъ по вечерамъ въ собраніи малыя и большія, на балы, маскерады, ужины, гдѣ не рѣдко просиживалъ за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращаяся домой не рѣдко вмѣсто возобновленія силъ благотворнымъ сномъ, принужденъ бывалъ приниматься паки за работу, и свѣтило дневное восходя на освященіе блаженства и нещастія заставало его согбеннаго надъ трудомъ, невкушавшаго еще сладости успокоенія.

Въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины, женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или неправильной ихъ прозбѣ, забывали иногда чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя помня лѣты того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли чары красоты своея на приобрѣтеніе благосклонности *Өедора Васильевича.* Такого рода приключеніе онъ самъ разсказывалъ. Се повѣсть его.

Пробывъ гораздо за полночь въ веселой бесѣдѣ съ людьми, обыкновенно друзьями называющимися, пріѣхавъ домой работалъ онъ до пятаго часа утра, и утомившись веселіемъ и работою заснулъ крѣпко. Беззабот-

ливая юность не безпокоилась еще колючимъ терніемъ опытности, и мечты сна его столь же были исполнены веселія, какъ и бдѣніе. Ему снилось что лежалъ въ объятіяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастіемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ, и среди прелестныя сея мечты, отлѣтелъ сонъ отъ очей его. Но что же представилось просіявшему его взору? Сто кратъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ, зрѣлъ онъ отроковицу почти, сѣдящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его, и распростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучемъ своимъ въ его спальню. Лѣто было, и часъ уже десятый. Не вдругъ повѣрилъ онъ, что проснулся. Зря его пробудившагося и устремляя взоры пламеннаго желанія, съ улыбкою страсти и гласомъ *Сирены* «извините меня, Государь мой, сказала просительница, что я прервала вашъ сонъ, и лишила васъ, можетъ быть, приятныя мечты возлюбленной.» И проницала вѣщающая жаркимъ своимъ взоромъ всю его внутренность. Если бы я писалъ любовную повѣсть, колико обильная предлежала бы начертанію жатва. Чувственность была въ *Өедорѣ Васильевичѣ* при началѣ своего возниченія, просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ, имѣла нужду въ предстательствѣ *Өедора Васильевича*, провидѣла его горячее тѣлодвиженіе, пришла на уловленіе его и успѣла.

О если бы и мое пробужденіе могло быть иногда таково же, если бы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, если хочешь, о моей слабости: но се истинна

Симъ и симъ подобными случаями подсѣкъ *Өедоръ Васильевичь* корень своего здравія, и не отъѣзжая еще въ Лейпцигъ почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствіе неумѣренности и злоупотребленія тѣлесныхъ услажденій.

Какъ со времени начатія нашего путешествія повѣствованіе о *Өедорѣ Васильевичѣ* сопряжено съ повѣствованіемъ объ общемъ нашемъ пребываніи въ Лейпцигѣ: то не удивляйся, мой другъ, если оно коснется вообще положенія, въ которомъ мы находились, и если найдешь здѣсь нѣкоторыя черты разположенія твоихъ мыслей въ тогдашнее время. Ибо забыть того нельзя, колико единомысліе между нами царствовало.

Въ продолженіи нашего пути *Өедоръ Васильевичь* навлекъ на себя ненависть Путеводителя нашего, и самое то качество, которое ему приобрѣло нашу приверженность, самое то было причиною, что *Бокумъ*

его возненавидѣлъ. Твердость мыслей и вольное оныхъ изреченіе были въ немъ противны, и съ перваго раза, когда они въ немъ явны стали, началъ путеводитель нашъ помышлять, какъ бы погубить его. Но дивиться не должно, что противорѣчіе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчіе, или лучше сказать единое напоминовеніе справедливости, произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованіе и прещеніе. Сіе въ самодержавныхъ правленіяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластія Государя, неимѣющаго закона на послѣдованіе, ниже въ разположеніяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго начальника мыслить, что пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сіе столь справедливо, что не рѣдко правиломъ приемлется, что противорѣчіе власти начальника ([1]), есть оскорбленіе верховной власти. Мысль нещастная, тысячи любящихъ отечество гражданъ, заключающаяся въ темницу, и предающая ихъ смерти; тѣснящая духъ и разумъ, и на мѣстѣ величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство, подъ личиною устройства и покоя! Да сіе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленію къ самовластію, и *Гельвеціево* о семъ мнѣніе ежечасно подтверждается.

Привлекши на себя ненависть путеводителя нашего *Өедоръ Васильевичь* не возмутился сею мыслію, ибо что вѣщалъ ему, то была истинна. *Бокумъ* рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣренныхъ ему. *Өедоръ Васильевичь* имѣлъ болѣе опытности, нежели другіе его сотоварищи; довольныя причины для приведенія корыстолюбца на злобу.

Перьвой случай къ несогласію нашему съ нашимъ путеводителемъ, и первая причина его злобствованія противъ *Өедора Васильевича* было само въ себѣ малозначущее произшествіе, но великое имѣло дѣйствіе на расположеніе наше къ начальнику нашему. Мы всѣ воспитаны были

([1]) Съ вѣроятностію корень сего правила о непрекословномъ повиновеніи, найти можемъ въ воинскихъ законоположеніяхъ и въ смѣшеніи гражданскихъ чиновниковъ съ военными. Большая часть у насъ чиновниковъ въ гражданскомъ званіи, начали обращеніе свое въ службѣ Отечеству съ военнаго состоянія, и привыкнувъ давать подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженія не терпитъ воинское повиновеніе, вступаютъ въ гражданскую службу, съ приобрѣтенными въ военной мыслями. Имъ кажется вездѣ строй; кричитъ въ судѣ на караулъ, и опредѣленіе не рѣдко подписываютъ палкою.

по рускому обряду, и въ привычкѣ хотя не сладко есть, но до насыщенія. Обыкли мы обѣдать и ужинать. Послѣ великолѣпнаго обѣда въ день нашего выѣзда ужинъ нашъ былъ гораздо тощъ, и состоялъ въ хлѣбѣ съ масломъ и старомъ мясѣ, ломтями рѣзанномъ. Таковое кушанье для Нѣмецкихъ желудковъ весьма обыкновенное, востревожило Русскіе, привыкшіе болѣе ко штямъ и пирогамъ. И если захочешь безъ предубѣжденія внять винѣ нашего неудовольствія, къ нещастію нашему потомъ обратившагося, то найдешь корень онаго въ первомъ нашемъ ужинѣ. Покажется иному смѣшно, иному низко, иному нелѣпо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидѣть за таковую малость: но самаго умѣреннѣйшаго человѣка заставь поговѣть недѣлю, то нетерпѣніе въ немъ скоро будетъ примѣтно. Если сладость наскучить можетъ, кольми паче голодъ. Худая по большей части пища и великая неопрятность въ приуготовленіи оной произвели въ насъ справедливое негодованіе. *Ѳедоръ Васильевичь* взялся изъявить оное предъ нашимъ начальникомъ. Умѣренное его представленіе принято почти съ презрѣніемъ, а особливо женою *Бокума*, которую можно было почитать истиннымъ нашимъ Гофмейстеромъ. Сіе произвело словопреніе, и кончилось тѣмъ, что *Ѳедоръ Васильевичь* возненавиженъ сталъ обоими супругами.

Но не зналъ нашъ Путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе, и что высшая власть сокрушалася иногда, отъ безвременной упругости и безразсудной строгости.

Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали наконецъ презирать его власть. Если бы желаніе ученія не остановляло насъ въ поступкахъ нашихъ, и не умѣряло нашего негодованія, то *Бокумъ* на дорогѣ бы изыталъ колико безразсудно, даже дѣтей доводить до крайности. Во всѣхъ сихъ зыбленіяхъ боязни и отваги, младшіе предводительствуемы были старшими. Изъ сихъ первый былъ *Ѳедоръ Васильевичь*: но если его кто почтетъ или сварливымъ, или злобнымъ, или пронырливымъ, или коварнымъ, или вспыльчивымъ, тотъ конечно ошибется. Единое негодованіе на неправду бунтовало въ его душѣ, и зыбь свою сообщало нашимъ, немощнымъ еще тогда самимъ собою воздыматься на опроверженіе неправды. Таковыми произшествіями уготовлялись мы къ одной изъ знаменитѣйшихъ по моему мнѣнію эпохъ нашей жизни. Я говорю о содержаніи нашемъ въ Лейпцигѣ подъ стражею.

Ничто, сказываютъ, толико не сопрягаетъ людей, какъ нещастіе. Сія истинна подкрѣпляется и нашимъ примѣромъ. Худые съ нами поступки нашего Гофмейстера толико насъ сдѣлали единомысленными, что исключая нѣкоторыхъ изъ насъ, могли бы мы по истиннѣ одинъ за другаго жертвовать всѣмъ на Свѣтѣ. Да сіе иначе быть не можетъ; ибо дружба въ юномъ сердцѣ есть, какъ и всѣ онаго чувствованія, стремительна. Краткое пребываніе наше въ Митавѣ, возрѣніе неизвѣстныхъ намъ доселѣ нравовъ, обрядовъ, языка, загладило въ душѣ *Ѳедора Васильевича* угрызеніе печали. Ежедневныя оскорбленія начинали было производить въ немъ раскаяніе о предпринятомъ путешествіи, но новые предмѣты отвлекли душу его отъ горестныхъ мыслей, и содѣлали ее на нѣкоторое время къ оскорбленіямъ безчувственною. Но если новые предмѣты удобны были загладить въ душѣ *Ѳедора Васильевича* изрытіе печали; то не имѣлъ онъ однако же довольно опытности, такъ сказать, въ ученіи, дабы изъ путешествія своего извлечь всю возможную пользу. Примѣчанія достойно: человѣкъ достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать силы разума, устремляемый бодростію душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи внѣ зримой округи лежащія, возносится на крыліяхъ воображенія за предѣлы естественности, и не рѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Всѣ почти юноши мыслить начинающіе любятъ метафизику; съ другой же стороны всѣ чувствовать начинающіе придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ. И такъ *Ѳедоръ Васильевичь* мысли свои обращалъ болѣе къ умственнымъ предмѣтамъ, и не зналъ еще какую полезность извлечь можно изъ путешествія.

Между людьми получившими воспитаніе разнаго рода понятіи о священныхъ вещахъ долженствовали быть, и были разныя. Если бы возможно было опредѣлить, какое каждой изъ насъ имѣлъ тогда понятіе о Богѣ и о должномъ ему почитаніи, то бы описаніе сіе показалося взятымъ изъ какого либо путешествія, въ коемъ описывается исповѣданіе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе какъ палача, орудіемъ кары вооруженнаго и боялся думать о немъ, столь застращенъ былъ силою его прещенія. Другому казался онъ окруженнымъ толпою младенцевъ, азбучной учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется, ибо уловкою какою нибудь, можно избѣгнуть его розги, и скоро

съ нимъ опять поладить. Иной думалъ, что не токмо дразнить его можно, но дѣлать все ему на смѣхъ и во преки его велѣніямъ. Всѣ мы однако же воспитаны были въ греческомъ исповѣданіи, и для сохраненія насъ въ православіи, отправленъ съ нами былъ монахъ, которому въ должность предписано было, наставлять насъ въ Христіанскомъ законѣ, отправлять для насъ службу церьковную и быть нашимъ духовникомъ.

Отецъ *Павелъ* былъ въ своемъ родѣ человѣкъ полуученой, зналъ по Латынѣ, по Гречески и нѣсколько по Еврейски. Въ семинаріи прошелъ всѣ нижніе и вышніе Философскіе и Богословскіе классы, и былъ учителемъ Риторики. Но если ему извѣстны были правила краснорѣчія, древними Авторами преподаннаго, если зналъ онъ что есть Метафора, Антитезисъ и прочія риторическія фигуры, то никто столь мало не былъ краснорѣчивъ, какъ нашъ отецъ *Павелъ*. Добродушіе было первое въ немъ качество, другими же онъ не отличился, и болѣе способствовалъ къ возродившемуся въ насъ въ то время непочтенію къ священнымъ вещамъ, нежели удобенъ былъ дать наставленіе въ священномъ законѣ. Судить можно изъ слѣдующаго.

Исправленіе наше (ибо при первомъ нашемъ свиданіи онъ почелъ насъ богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни одинъ изъ насъ въ то время ниже повѣсти не читывалъ о Аѳеистахъ); исправленіе наше началъ онъ тѣмъ, что заставилъ насъ при утреннихъ и вечернихъ на молитвѣ собраніяхъ, пѣть. Если воспомнишь, мой другъ, сколь нестройной, несогласной и шумной у насъ былъ всегда концертъ, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянулъ очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чрезъ чуръ кудряво, и наконецъ устроенное на приученіе ко благоговѣнію, превратилося по степенно въ шутку и посмѣялище.

Отецъ *Павелъ*, если припомнишь, гораздо былъ смѣшливъ и если случалося ему во время Богослуженія видѣть что либо смѣшное, то забывъ важность своего дѣйствія, начиналъ смѣяться, какъ то случилося ему въ Лейпцигѣ, увидѣвъ одного изъ насъ, а именно *К. Т.* поющаго на крылосѣ изкрививъ лице для высокаго напѣва. Для сей то причины онъ отправлялъ Богослуженіе, большею частію зажмурившись.

Въ Ригѣ на молитвѣ случилось весьма смѣшное произшествіе. Отецъ *Павелъ* опасаясь увидѣть что либо предъ глазами, могущее подвигнуть его на смѣхъ, зажмурился начиная пѣніе. Симъ *М. У.* человѣкъ шут-

ливой и проказливой захотѣлъ воспользоваться, дабы разсмѣшить нашего отца *Павла*.

Икона, предъ коей совершался нашъ молитвенный напѣвъ, стояла въ верху довольно пространнаго стола, на которомъ раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Предъ столомъ стоялъ отецъ *Павелъ* зажмурившись. *М. У.* взявъ легонько одну изъ перчатокъ на столѣ лежавшихъ, и согнувъ персты ея образомъ смѣшнаго кукиша, положилъ оную возвышенно прямо предъ поющаго нашего Духовника. При дѣланіи поясныхъ поклоновъ, растворилъ зажмурившійся глаза свои, и первое представилася ему сложенная перчатка. Не могъ онъ воздержаться, захохоталъ громко, и мы всѣ за нимъ.

Отецъ *Павелъ*, не привыкнувъ еще къ нашимъ проказамъ, обрѣталъ въ нихъ болѣе, нежели простыя и юношескія шутки. Оборотясь, наименовалъ онъ насъ богоотступниками, непотребными, и другими въ приложеніи юношества смѣшными названіями; сдѣлавшаго же вину смѣха называлъ, неграмматикально можетъ быть, мошенникомъ, да и того хуже. При перьвыхъ уже словахъ *М. У.* будучи весьма вспыльчивъ, восколебался, и столь же смѣшнымъ дѣяніемъ, какъ сей неприличными словами, представили намъ позорище, какого ни на какомъ Ѳеатрѣ за рубль купить не можно. *М. У.* схвативъ висящую на стѣнѣ шпагу, и привѣсивъ ее къ бедрѣ своей, бодро приступилъ къ чернецу; показывая ему ефесъ съ темлякомъ, говорилъ ему не много заикаясь отъ природы, *забылъ развѣ батюшка, что я кирасирской офицеръ*. Въ такомъ вкусѣ было продолженіе сего дѣйствія, которое для насъ кончилось смѣхомъ, для *М. У.* мнимою побѣдою, а для отца *Павла* отъитіемъ съ негодованіемъ въ свою комнату.

Сіе и подобныя сему произшествія умалили въ насъ почтеніе къ духовной надъ нами власти, такъ какъ шутки надъ нашимъ Гофмейстеромъ нѣкотораго проѣзжавшаго Россійскаго гвардіи офицера, о чемъ я скажу послѣ, возбудили къ нему въ насъ совершенное пренебреженіе.

Еще о краснорѣчіи отца *Павла*: слѣдуя, не вѣдаю, данному предписанію, или по собственному своему побужденію, онъ каждое Воскресеніе по совершеніи литургіи становился предъ царскими дверьми за налоемъ, и преподавалъ намъ толкованіе о чтенномъ того дня Евангеліи. Въ слѣдствіе сего обряда въ нѣкакой праздникъ, въ Благовѣщеніе, если хорошо помню, онъ объяснить намъ старался, что въ священномъ писаніи

разумѣется подъ Ангеломъ Божіимъ. «Ангелъ есть слуга Господень, ко-«тораго онъ посылалъ для посылокъ; онъ тоже, что у Государя курьеръ «такъ то г. *Гуляевъ*». Тогда былъ въ Лейпцигѣ пріѣхавшій изъ Петербурга, съ нѣкоторыми приказаніями курьеръ кабинета, и былъ съ нами присутственъ на литургіи. При изреченіи сего забыли мы должное къ церькви благоговѣніе, забыли Ангела, видѣли дѣйствительнаго курiера, и всѣ захохотали громко. Отецъ *Павелъ* засмѣялся за нами въ слѣдъ, зажмурилъ глаза, потомъ заплакалъ, и сказалъ Аминь.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, забылъ *Ѳедоръ Васильевичь* всѣ обиды и притѣсненіи своего начальника, и вдался ученію съ наивеличайшимъ рвеніемъ, но какъ не окоренѣлъ еще въ трудолюбіи сего рода, то на время отъ онаго отвлеченъ былъ случившимся съ нами непріятнымъ произшествіемъ, которое для всѣхъ насъ было дѣятельною наукою нравственности во многихъ отношеніяхъ.

Если иные въ повѣствованіи семъ найдутъ что либо пристрастное, не буду тронутъ тѣмъ, вѣдая что они ошибаются; но ты, мой другъ, будучи содѣйствователь всего обрящешь въ немъ истинну.

Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги забылъ Гофмейстеръ нашъ умѣренность, и подобно правителямъ народовъ возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть ему данная надъ нами и опредѣленныя деньги, не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотѣлъ онъ употребить на приведеніе насъ къ молчанію о его поступкахъ. Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученій и оскорбленій. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы, и самая смерть мало его трогаютъ. Не доводи его токмо до крайности. Но сего то притѣснители частные и общіе, по щастію человѣчества не разумѣютъ, и простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаяніе бодрственную возноситъ главу, зрятъ всегда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣденіи своемъ пребудутъ ослѣплѣнны навсегда, не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенія, да и въ оборотъ то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не произведетъ содроганія, во стѣ другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. Пребуди благое невѣденіе всецѣло, пребуди нерушимо до скончанія вѣка, въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да

не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да изчезнетъ помышляяй о семъ, и умретъ въ семени до рожденія своего.

Первое, чѣмъ *Бокумъ* по пріѣздѣ въ Лейпцигъ началъ правленіе свое, было сокращеніе издержекъ относительно насъ, ерлико то возможно было. Но не воображай, что бы домостроительство было тому причиною; что онъ отчислялъ отъ нашего содержанія, то удвоялъ во своемъ, и принужденъ былъ лишать насъ даже нужнѣйшихъ вещей на содержаніе наше. О семъ тѣ, кои изъ насъ были постарѣе, и въ числѣ оныхъ первой былъ *Ѳедоръ Васильевичь*, дѣлали ему весьма кроткія представленія гораздо кротче, нежели когда либо Парижскій Парламентъ дѣлывалъ Французскому Королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, какъ то бываютъ и парламентскія, а не отъ всѣхъ, то *Бокумъ* отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и Король Французской, говоря своему народу «въ томъ состоитъ наше удовольствіе».

Наскучивъ представленіями *Бокумъ* захотѣлъ ихъ пресѣчь вдругъ, показавъ пространство своей власти. Придравшись въ маловажному проступку *К. Т.* онъ посадилъ его подъ стражу, отлучивъ его отъ обхожденія съ нами, и приставилъ у дверей комнаты, въ которую онъ былъ посаженъ, часоваго съ полнымъ оружіемъ, выпросивъ нарочно для того трехъ человѣкъ солдатъ. Не довольствуяся таковымъ наглымъ поступкомъ, онъ грозилъ посажденному, и намъ за нимъ, если не уймемся, то по данной ему власти онъ будетъ насъ наказывать фуктелемъ, какъ то называютъ, или ударами обнаженнаго тесака по спинѣ. Сіе произвело въ насъ противное дѣйствіе тому, которое онъ ожидалъ. Вѣдали мы, что власти таковой ему дано не было, и всякому извѣстно было, что мягкосердіе начинало въ Россіи писать законы, оставя всѣ извѣты лютости прежнихъ, хотя по истинѣ душесильныхъ временъ. Негодованіе въ насъ возрасло до изступленія; но мы не забыли еще умѣренности, и хотя скопомъ и заговоромъ, но для ребятъ довольно правильно и благопристойно, пришли всѣ просить его объ отпущеніи вины *К. Т.* и объ освобожденіи его изъ подъ стражи. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться кроткимъ расположеніемъ душъ нашихъ, и привлечь къ себѣ нашу признательность отпущеніемъ вины сотоварища нашего въ уваженіе нашея прозьбы, онъ ее нагло отвергнулъ и выслалъ насъ съ презрѣніемъ Сіе уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашемъ ученіи, какъ о способахъ освободиться отъ толико несноснаго ига.

Подобно какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ начинались сходбища, частыя совѣтованія, предпріятіи, и все что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспомоществованіи обѣщанія, неумѣренность въ изреченіяхъ; тутъ отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомысліе протекло всѣмъ души, и отчаяніе ждало на воспаленіе случая.

Бокумъ онаго не удалялъ. Причина нашего неудовольствія была недостатокъ иногда въ нужныхъ для нашего содержанія вещахъ, то есть въ пищѣ, одеждѣ и протчемъ. Вторая, зима по пріѣздѣ нашемъ въ Лейпцигъ была жесточѣе обыкновенныхъ, и съ худыми предосторожностями холодъ чувствительнѣе для насъ былъ, нежели въ самой Россіи при тридцати градусахъ стужи.

Домостроительство *Бокума* простиралось и на дрова, и мы болѣе въ семъ случаѣ терпѣли недостатка, нежели въ чемъ другомъ. Хотя запрещено было, какъ то намъ сказывали, присылать къ намъ деньги изъ домовъ нашихъ, но мы неизвѣстны будучи о семъ запрещеніи и охотны, особливо на случай нужды преступить сіе повелѣніе, имѣли при отъѣздѣ нашемъ изъ Россіи по нѣскольку собственныхъ денегъ. Кто ихъ имѣлъ, не только удовлетворялъ необходимымъ своимъ нуждамъ, но снабжалъ и товарищей своихъ. Словомъ во все продолженіе нашего пребыванія, кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ то на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ, не утаю и того, что деньги нами изъ домовъ получаемыя послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не онѣ къ возрожденію онаго въ насъ были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень, какъ то оно есть и вездѣ, въ чѣмъ всякой человѣкъ безъ предубѣжденія признается.

Одинъ изъ нашего общества, *Н.* не получалъ изъ дому своего ни копѣйки, и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Въ помянутую зиму не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго разположенія тѣла, рѣшился сдѣлать Гофмейстеру представленіе. *Бокума* онъ нашелъ играющаго на биліардѣ съ нѣкоимъ изъ его единоземцовъ и

главнымъ подстрекателемъ (b) его надменности. *Н.* объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказаніе изтопить его горницу. За день сего *Бокумъ* посадилъ подъ стражу *К. Т.* который былъ комнатной товарищъ *Н.* На отказъ сдѣланной *Бокумомъ Н.* сдѣлалъ возраженіе, а *Бокумъ* не хотя онаго слушать, а особливо при напоминателѣ о его власти, оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и къ нему обернувшись говорилъ, что требованіе его о семъ справедливо, то *Бокумъ* и паче того раздраженный ударилъ *Н.* по щекѣ. Сей мнимый отъ части знакъ безчестія столь сильно обезоружилъ *Н.*, что онъ не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова поклонился и вышелъ вонъ.

Отрада нещастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдованіе о скорби своей. И возвѣстилъ намъ обиженный о произшедшемъ съ нимъ. Презрѣніе къ начальнику нашему было первое душъ нашихъ движеніе: но скоро къ тому присовокупилось и негодованіе. Всякъ боялся такой же участи: иной мечталъ уже слѣдствіе своего отчаянія въ такомъ случаѣ, другой изумленный предварительно таковою мыслію находился въ нерѣшимости, что должно будетъ ему сдѣлать, если на него падетъ жребій равный съ *Н.* Но всѣ единогласно положили, что *Бокумъ* сдѣлавъ поступокъ противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать *Н.* удовлетвореніе за обиду. Въ общежитіи, говорилъ намъ *Ѳедоръ Васильевичь*, если таковой случай произойдетъ, то оной не иначе заглаженъ быть можетъ какъ кровію. Сіе говорилъ онъ изъ опытовъ, и подкрѣплялъ примѣрами: но ни онъ, ни мы не понимали еще всей гнусности поединковъ въ благоучрежденномъ обществѣ, и вождаемые примѣрами судили, что настоялъ бы и теперь къ оному случай, если бы дѣло должно было имѣть съ посторонним человѣкомъ, а не съ начальникомъ нашимъ.

Мы въ то время начали только слушать преподаваніи права естественнаго, и не объявъ еще всю онаго связь, остановились при первыхъ дви-

---

(b) Сказывали, что сей молодецъ за деньги доставъ себѣ званіе министра при какомъ то дворѣ, должность свою отправлялъ съ похвалою. Сіе оправдаетъ мнѣніе тѣхъ, кои думаютъ, чтобъ быть употреблену съ похвалою въ дѣлахъ министерскихъ надобенъ умъ, а честности мало. Коварство, пронырство, искусство выситься и низиться по обстоятельствамъ могутъ сдѣлать отличнаго министра, но добраго гражданина николи.

женіяхъ производимыхъ въ человѣкѣ оскорбленіемъ. Не имѣя въ шествіи своемъ ни малѣйшія преграды, человѣкъ въ естественномъ положеніи при совершеніи оскорбленія, влекомый чувствованіемъ сохранности своей пробуждается на отраженіе оскорбленія. Отъ сего рождается мщеніе, или древній законъ, *око за око*; законъ ощущаемый человѣкомъ всечастно, но загражденный и умѣряемый закономъ гражданскимъ. Несовершенное еще расположеніе мыслей представило уму нашему въ естественномъ насъ положеніи, въ отношеніи нашего начальника, и мы заключили что *Н.* долженствовалъ возвратить *Бокуму* полученную имъ пощечину.

Заключительной и общій нашъ приговоръ былъ таковъ, что *Н.* долженъ итти къ *Бокуму* и въ присутствіи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенія. Если же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему пощечину *Бокуму* возвратить. Долго *Н.* размышлялъ, колебался, не могъ рѣшиться на сей поступокъ: но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что если онъ сего не исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея приязни и обхожденія съ нами. Ни что столь сильнаго и столь скораго не могло произвести дѣйствія въ душѣ оскорбленной *Н.* какъ наша угроза. Если бы приговоръ нашъ былъ въ противную сторону, то онъ, да и всякой изъ насъ, и кто бы то ни было, въ равномъ токмо съ нами положеніи, терпѣливо бы принялъ еще десять пощечинъ, нежели бы захотѣлъ притти въ презрѣніе у своихъ сотоварищей.

Собравшися и условившись какимъ образомъ долженствовалъ *Н.* требовать отъ *Бокума* удовольствія въ обидѣ ему сдѣланной, мы пошли къ нему исключая *К. Т.* которой сидѣлъ подъ стражею.

Въ комнатѣ, гдѣ бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, пославъ его извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ началося дѣйствіе, которое при первомъ шагѣ нашего житія могло бы превратнымъ жребіемъ ввергнуть насъ въ совершенную гибель. Столь юность безъ совѣтовъ дружества сама себѣ губительна! но провидѣніе бдѣло надъ нами, ибо превратности въ сердцѣ нашемъ не зрѣло; и для того щитъ его носится всегда надъ неопытностію и блюдетъ ее въ самой пропасти.

Въ слѣдствіе сдѣланнаго между нами положенія *Н.* подступивъ въ *Бокуму* просилъ отъ него удовлетворенія въ обидѣ. Приятнѣе можетъ быть будетъ читателю, приятнѣе тебѣ, мой любезной другъ, если я упо-

треблю здѣсь самыя почти тѣ слова, которыя въ то время были изречены; онѣ были кратки, какъ и дѣйствіе было мгновенно.

Н. Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствія.

Б. За какую обиду и какое удовольствіе?

Н. Вы мнѣ дали пощечину.

Б. Не правда, извольте итти вонъ.

Н. А если не такъ, то вотъ она, и другая.

Сіе говоря ударилъ *Н. Бокума* и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствія *Бокумъ* вышелъ изъ горницы. Писарь *Бокумовъ* бывшій тогда съ нимъ, вообразивъ себѣ, что *Н.* хочетъ Господина его заколоть, ибо имѣлъ при себѣ шпагу, оторвалъ у него ее съ бедры, за что онъ былъ наказанъ только тѣмъ, что *М. У.* снялъ съ него парикъ. Но причина, для коей *Н.* имѣлъ при себѣ шпагу была иная; онъ былъ въ гостяхъ и пришедъ не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но *Бокумъ* въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства, и сказалъ, что мы, а паче *Н.* покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ насъ какъ ребятъ разогналъ и разкидалъ. И такъ въ самой клеветѣ не забывалъ онъ хвастовства, и никогда не признался, что *Н.* ему возвратилъ пощечину съ лихвою.

Но если бы вздумали располагать великость вины по оружію, которое кто имѣлъ, то никого не надлежало обвинить болѣе другихъ, какъ меня. Ибо у меня были въ то время карманные пистолеты, заряженные съ дробью, которые я купивъ за день предъ симъ произшествіемъ зарядилъ, и хотѣлъ итти испытать оныхъ дѣйствіе въ опредѣленномъ къ тому мѣстѣ, но по щастію меня тогда не обыскали. Изъ сего глупыя юности произшествія могло бы произойти, признаюся охотно, что либо слезное и несмѣшное, если бы *Бокумъ* имѣлъ кого либо при себѣ опричь стараго своего писаря; и если бы вождаемъ мыслію, что мы умышляли убить его сталъ бы на насъ наступать. Въ жару изступленія чего не могло бы случиться, но къ щастію *М. У.* двери заперъ, и на крикъ стараго писаря никто войти не могъ.

По совершеніи нашего приступа, мы почитая его правильнымъ поступкомъ, заявили о немъ Университетскому Ректору. Возвратяся отъ него души наши покойны не были. Мы чувствовали нашъ поступокъ, но чув-

ствовали и тягость нашего положенія, и на вѣсахъ правосудія мы осуждены бы быть не могли. Но всякой судія есть человѣкъ, не рѣдко вождается внѣшностію.

Я нынѣ еще трепещу воспоминая о намѣреніи нашемъ при семъ произшествіи. Мы разсуждали, что нашъ поступокъ конечно не одобрятъ, что *Бокумъ* разцвѣтитъ его тусклыми красками клеветы, что если посадилъ подъ стражу за маловажный проступокъ, можетъ сдѣлать надъ нами еще болѣе, и мы возвращены будемъ въ Россію для наказанія, а болѣе того на посмѣяніе; и для того многіе изъ насъ намѣреніе положили оставить тайно Лейпцигъ, пробраться въ Голландію или Англію, а оттуда сыскавъ случай ѣхать въ Остъ-Индію или Америку. Таковы могли быть слѣдствія безразсудной строгости начальника и неопытной юности. Но *Бокумъ* предварилъ умышляемому нами побѣгу, и не прошло получаса какъ онъ испросивъ отъ тамошняго военнаго начальника солдатъ вооруженныхъ, посадилъ насъ подъ стражу, каждаго въ своей комнатѣ.

Въ семъ тягчительномъ для насъ положеніи мы прибѣгнули къ Россійскому въ Дрезденѣ Министру, описавъ ему случившееся во всей подробности: но письмо наше до него не дошло, какъ то мы послѣ того узнали, ибо *Бокумъ* тамошнему правительству сказалъ ложно, что ему велѣно было всѣ наши письма останавливать, и не прежде отправлять въ Россію, какъ онъ увѣдомленъ будетъ о ихъ содержаніи. Такимъ образомъ ни Министръ нашего двора въ Дрезденѣ, ни въ Петербургѣ не могли быть извѣстны о истинномъ нашемъ положеніи, сколько мы о томъ ни писали. Когда же нашелся человѣкъ насъ довольно любящій, изъ сожалѣнія единственно и на своемъ иждивеніи отправившейся въ Россію для извѣщенія кого должно о произшедшемъ съ нами, то о всемъ было отъ Министра нашего по представленіямъ *Бокума* предварено и жалобѣ нашей не внято.

Но я могу тебѣ наскучить, мой любезной другъ, расказывая о томъ, что тебѣ столь же извѣстно, какъ мнѣ; и для того заключу повѣствованіе о семъ неприятномъ тогда для насъ произшествіи, но по истиннѣ сказать, преподавшемъ намъ много нравоученія дѣятельно. Намѣреніе мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники въ употребленіи своей власти, и коликой вредъ причиняютъ безвременною и безразсудною строгостію. Если бы мы исполнили наше намѣреніе и ушли бы изъ Лейпцига, вообрази колико горести навлекли бы мы на-

шимъ родителямъ, друзьямъ, да и всѣмъ сердцамъ юность возлюбляющимъ. Если бы Государство изгнаніемъ добровольнымъ десяти гражданъ ничего казалося не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящихъ его сыновъ. Буде кто захочетъ на сіе доказательства, то не дамъ никакого; но тебѣ только, мой другъ, воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію. Воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего инаго въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность, или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто понимая, что есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества; тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты мой любезный другъ въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ воздымающій сердце юности. Единожды смиривъ его не рѣдко на вѣки содѣлаете калѣкою.)

Подъ стражею содержимы были мы какъ государственные преступники или отчаянные убійцы Не токмо отобраны были у насъ шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили намъ кушанье, то оно было нарѣзано кусками, ибо не было при ономъ ни ножей, ни вилокъ. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверзстіе на возобновленіе воздуха, часовой сидѣлъ у насъ въ передспальной комнатѣ, и могъ видѣть насъ лежащихъ на постелѣ, ибо дверь въ спальную нашу была вынута.

Не взирая на всѣ предосторожности, чтобы возпретить намъ между собою сообщеніе, и что бы мы не могли извѣстить Министра нашего о нашемъ положеніи, ибо сіе и была причина строгаго нашего содержанія подъ стражею, мы написали письмо и подписали его всѣ своеручно. Ни кого къ намъ не допускали, сидѣли мы по двое вмѣстѣ, и потому странно покажется, что всѣ могли подписать письмо. Способъ мы къ тому употребили особой, (и да знаютъ удручители, что не рѣдко строгость ихъ бываетъ осмѣяна въ самомъ томъ, въ чѣмъ они усугубляютъ оную.)

Домъ, въ которомъ мы жительствовали былъ въ два жилья и имѣлъ четыре отдѣленія въ верьху, и четыре въ низу, въ каждомъ отдѣленіи было по двѣ комнаты, и мы жили по двое вмѣстѣ. Шестеро изъ насъ жили въ верху и четверо въ низу, прочія комнаты занимали учители наши. Письмо написано было *Ѳедоромъ Васильевичемъ*. Привязавъ его на длинную нитку выпускали его за окно; способной вѣтръ приносилъ его къ отверстію другаго окна, въ которое оно было приемлемо, и по подписаніи тѣмъ же способомъ доставляли его въ другую комнату; такимъ образомъ мы умѣли на пользу нашу употребить самыя силы естества. На почту относимы письма наши были однимъ изъ нашихъ учителей, который изъ единаго человѣколюбія жертвовалъ всемъ своимъ тогдашнимъ щастіемъ, и отправился въ Россію для нашего защищенія, взявъ отъ насъ на дорогу одни карманные часы въ чѣмъ состояло все тогдашнее наше богатство: но въ предпріятіи своемъ не успѣлъ, какъ то я сказалъ уже прежде. Великодушный мужъ! никто изъ насъ не могъ тебѣ за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда въ нашихъ сердцахъ.

Не довольствуяся тѣмъ что посадилъ насъ подъ стражу, *Бокумъ* испросилъ отъ совѣта Университетскаго чтобы надъ нами произвели судъ. Къ допросамъ возили насъ скрытнымъ образомъ и судопроизводство было похоже на то, какое бывало въ инквизиціяхъ, или въ тайной Канцеляріи, изключая тѣлесныя наказанія. Рѣшеніе сего суда было, что ты и я, *Я....* и *Р....* были освобождены, а прочіе между которыми былъ *Ѳедоръ Васильевичь*, остались еще подъ стражею, но скоро были освобождены по повелѣнію нашего Министра. Конецъ сему полусмѣшному и полуплачевному дѣлу былъ тотъ, что Министръ пріѣхавъ въ Лейпцигъ насъ съ *Бокумомъ* помирилъ, и съ того времени жили мы съ нимъ почти какъ ему неподвластные: онъ рачилъ о своемъ карманѣ, а мы жили на волѣ, и не видали его мѣсяца по два.

Случилося во время нашего пребыванія въ Лейпцигѣ проѣзжать чрезъ оной Генералъ Поручику и бывшему потомъ Сенаторомъ *И. Е. М.* съ супругою своею. Сотовариществовалъ ему въ путешествіи шуринъ его Гвардіи Офицеръ, человѣкъ молодой любящій шутку безвредную, и охотно смѣялся на счетъ глупцовъ. Совершенно таковаго нашелъ онъ въ нашемъ Гофмейстерѣ. Онъ пользуясь пристрастіемъ его къ хвастовству вывелъ его по пословицѣ на свѣжую воду. До того времени не вѣдали

мы, что Гофмейстеръ нашъ за похвалу себѣ вмѣнялъ прослыть богатыремъ, и если ему не было случая на подвиги съ *Бовою* равныя, то были удальства другаго рода, достойныя помѣщенія въ *Донъ Кишотовыхъ* странствованіяхъ.

Помянутой Гвардіи Офицеръ, подстрекая самолюбіе *Бокума*, довелъ его до того, что онъ для доказательства своихъ тѣлесныхъ силъ выпивалъ по его приказаніямъ однимъ разомъ по нѣскольку бутылокъ воды или пива, давалъ себя толкать многимъ лакеямъ вдругъ, упирался противъ ихъ усилія совлещи его съ мѣста, а симъ приказано было не жалѣть своихъ толчковъ дивяся о своемъ противъ его малосиліи: но сего не довольно было. Онъ его заставилъ ворочать всякія тяжести, подымать стулья, столы, платя ему за то не умѣряя и не скрывая своего смѣха: *Ну Бокумъ*!

Примѣчанія достойно, до коликой степени слабость сія въ человѣкѣ возрасти можетъ, и не рѣдко она въ общежитіи бываетъ разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. *Бокумъ* доведенъ былъ до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильнаго Електрическаго орудія. Сперва удары Електрической силы были умѣренны, и дабы его убѣдить самаго въ превосходствѣ его силъ, удары производимы были надъ многими вдругъ. Всѣ по предварительному условію, будто отъ жестокости удара падали на землю, онъ одинъ оставался непоколебимъ, торжествуя въ явь надъ падающими. Увѣривъ такимъ образомъ его самаго въ превосходствѣ его силъ, удары Електрическаго орудія становилися сильнѣе, онъ выдерживалъ ихъ не показывая сколь они для него были болѣзненны; сила ударовъ столь наконецъ была велика, что едва его съ ногъ не сшибала.

Таковые подвиги производилися ежедневно во все время пребыванія сказанныхъ путешественниковъ въ Лейпцигѣ. Мы были непрестанные оныхъ зрители, и презрѣніе наше къ *Бокуму* съ того времени стало совершенное.

Отправленіе Россійскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ, въ послѣднюю войну между Россіею и Турецією, доставило намъ въ Лейпцигѣ случай видѣть многихъ нашихъ соотчичей, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ Италію, и оттуда въ Россію. Нѣкто, (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе къ *Ѳедору Ва-*

сильевичу, и снискать хотѣлъ его дружбу. Послѣдствіе показало, сколь мало она была искренна и продолжалася не болѣе какъ пребываніе въ Лейпцигѣ сего мечтаннаго покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу охотно, ни одного почти часа во дни, чтобъ *Ѳедоръ Васильевичь* не былъ съ *Ѳ*... вмѣстѣ упражняяся съ нимъ въ разсужденіяхъ большею частію Метафизическихъ. Онъ дѣлалъ ему увѣреніи, что извлечетъ его изъ руки отягощенія, обѣщевая ему мощное свое покровительство. Внявъ лестному гласу дружбы *Ѳедоръ Васильевичь* отверзъ ему свое сердце. Лучь надежды, казалося, обновился въ немъ; но скоро збылася съ нимъ французская пословица: *отсутствующіе всегда виноваты*. Едва сказанной покровитель уѣхалъ изъ Лейпцига, какъ забылъ *Ѳедора Васильевича* и дѣланныя ему обѣщанія, да и столь совершенно, что на всѣ письма его не отвѣтствовалъ ему ни слова. Или ему низко было вступить въ переписку съ неравнымъ ему состояніемъ; или благодарить надлежитъ за то Наукамъ, что среди обиталища ихъ, различіе состояній нечувствительно и взоровъ природнаго равенства не тягчитъ, и для того въ Лейпцигѣ *Ѳ*.... обходился съ *Ѳедоромъ Васильевичемъ*, какъ съ равнымъ себѣ. И по истиннѣ равенъ онъ былъ тебѣ, мразная душа, силами разума, но далеко превышалъ тебя добротою сердца.

Сіе произшествіе оставило на душѣ *Ѳедора Васильевича* нѣкую мрачность, которая пребыла съ нимъ до кончины его; посѣяло въ душѣ его справедливую недовѣрчивость къ обѣщаніямъ, наипаче знатныхъ, и понудило его вдаться еще болѣе ученію, отъ коего единственныя ожидалъ онъ себѣ отрады; въ чѣмъ онъ и не ошибался. Ибо желаніе науки хотя не всегда, но паки развѣяло темноту грусти, и истинна свѣтомъ своимъ награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежитъ, что *Ѳ*... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ *Ѳедорѣ Васильевичѣ*, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву о Разумѣ*. *Ѳ*.. толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше другихъ, да другихъ можетъ быть и не зналъ. По его совѣту *Ѳедоръ Васильевичь* и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ, и въ оной мыслить научалися. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій* конечно равнодушно не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей

въ его сочиненіи мыслить (с) училося. Въ семъ отношеніи сочиненіе его немалую можетъ всегда приносить пользу.

Предоставленный самъ себѣ, и полагая единственное упованіе на правосудіе Государя своего, возчувствовавъ *Ѳедоръ Васильевичь* къ предстателямъ мерзѣніе. Онъ устремилъ всѣ силы свои и помышленія на снисканіе Науки, и въ томъ было единственное его почти упражненіе. Сіе упорное прилѣжаніе къ ученію ускорило можетъ быть его кончину. За годъ предъ смертію приключилась ему болѣзнь, которая была, можно сказать, преддверіемъ другой, введшей его во гробъ. Употребляя дѣйствительныя и мощныя лѣкарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача упражняться денно-нощно въ чтеніи, и въ сіе время началъ писать о книгѣ *Гельвеціевой* письма, коихъ найдены послѣ него только касающіяся до начала первой книги сочиненія о *Разумѣ*. Упорнымъ своимъ къ ученію прилѣжаніемъ онъ остановилъ въ крови своей смертоносной болѣзни жало, которое слѣдующей весною возсвирѣпствовавъ снова, отверзло ему врата смерти.

Сіе пишу я для собственнаго моего удовольствія, пишу для друга моего, и для того мало нужды мнѣ, если кто наскучитъ чтеніемъ сего, не нашедъ въ повѣствованіи моемъ ни одного произшествія достойнаго памятника, и ради мерзости своея или изящности ради, равно блистающаго. Ибо равно имяниты для насъ *Неронъ* и *Маркъ Аврелій*, *Калигула* и *Титъ*, *Аристидъ* и *Шемяка*, *Картушъ*, *Александръ*, *Катилина* и *Стенька Разинъ*; всѣ славны, всѣ живутъ на памяти потомства и не возмущаются тѣмъ, что о нихъ мыслятъ. Не тревожился бы и всякъ любящій человѣчество, если бы добрая или худая слава по смерти во что либо вмѣнялась: но по нещастію всѣхъ, имѣяй власть въ рукахъ, мало рачитъ о томъ, что о немъ скажутъ живу ему сущу, и не помышляетъ ни мало о томъ, что скажутъ о немъ по смерти. Онъ ищетъ токмо ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы. Не тревожился *Юлій Кесарь* о томъ, что прослыветъ Государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился *Ла*, что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ вводя во Францію мнимое богатство, которое существовавъ одно мгновеніе, повергло часть Государства

(с) Г. *Гримъ* въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи съ какимъ прилѣжаніемъ мы читали *Гельвеціеву* книгу о разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ *Гельвецію*.

въ нищету; не тревожился *Лудвигъ XIV* въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи, и разбойниками въ отношеніи тѣхъ которыхъ непріятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ.

Сказавъ сіе, можетъ быть не къ статѣ, я возвращусь къ умершему нашему другу, и постараюся отыскать въ его дѣяніяхъ то, что привлекательно быть можетъ, не для ищущихъ блестящихъ подвиговъ въ повѣствованіяхъ и съ равнымъ вкусомъ читающихъ *Квинта Курція* и *Серванта*, но для тѣхъ, коихъ души отверсты на любленіе юности.

Намъ предписано было учиться всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ, но *Өедоръ Васильевичь* думалъ, что не излишнее для него будетъ имѣть понятіе и о другихъ частяхъ учености, и для того имѣлъ онъ въ разныхъ частяхъ учителей, платя имъ за преподаваніе ихъ собственныя свои деньги. При сихъ способахъ для приобрѣтенія разныхъ знаній, онъ надежнѣйшимъ всегда почиталъ прилѣжное чтеніе книгъ.

Сіе разполагалъ онъ всегда соотвѣтственно тому, что преподаваемо намъ было въ коллегіяхъ (d). И такъ когда по общему школьному обыкновенію начали насъ учить прежде всего Логикѣ, то *Өедоръ Васильевичь* читалъ *Арново* искуство мыслить и основанія философіи *С'Гравезанда*, и соображая ихъ мнѣнія со мнѣніями своего учителя, старался отыскать истинну въ средѣ различія оныхъ.

Между разными упражненіями къ приобрѣтенію знаній относящимися, *Өедоръ Васильевичь* отмѣнно прилѣжалъ къ Латинскому языку. Сверьхъ обыкновенныхъ лекцій имѣлъ онъ особыя. Солнце восходя на освященіе трудовъ земнородныхъ, не рѣдко заставало его бесѣдующаго съ Римлянами. Наиболѣе всего привлекала его въ Латинскомъ языкѣ сила выраженій. Исполненные духа вольности сіи властители Царей упругость своея души изъявили въ своемъ реченіи. Не льстецъ *Августовъ* и не лизорукъ *Меценатовъ* прельщали его, но *Цицеронъ* грѣмящій противъ *Катилины* и колкой *Сатирикъ*, нещадящій *Нерона*. Если

(d) Въ Нѣмецкихъ Университетахъ коллегіею называютъ собраніе слушателей при преподаваніи какой либо науки.

бы смерть тебя не возхитила изъ среды друзей твоихъ, ты конечно, о бодрственная душа, прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островянъ, кои нѣкогда прельщенные наихитрѣйшимъ изъ властителей, Царю своему жизнь отъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣднаго своего Царя, избравъ на управленіе посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти и нынѣ не рѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ, противуборствовати державной власти, и оную побѣждать законно.

Между разными Науками, коихъ основанія алчная *Ѳедора Васильевича* душа пожрать, такъ сказать, хотѣла вдругъ, отмѣнно прилѣпился онъ къ Маѳиматикѣ. Сходствуя съ разположеніемъ его разума точность сей науки услаждала его разсудокъ. Съ какою жадностію онъ проходилъ всѣ части сей въ началахъ своихъ столь отвратительныя, такъ сказать, науки, но столь общеполезной въ ея употребленіи! Свойственно душѣ *Ѳедора Васильевича* было мыслить, что огромнѣйшія въ мирѣ тѣлеса, напотдаленнѣйшія отъ нашего обиталища, коихъ единое наше зрѣніе, сіе наивластительнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ чувствъ нашихъ, можетъ постигать при вспоможеніяхъ человѣкомъ изобрѣтенныхъ, что сіи малѣйшія точки во зрѣніи, необъятныя въ дѣйствительности громады, повинуются въ теченіи своемъ изчисленію. И какъ не возгордиться человѣку во бренности своей подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнію, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ Вселенныя, постигая и предузнавая будущее. Таковыя размышленія побудили нѣкогда сказать *Архимеда*: если бы возможно было имѣть внѣ земли опору неподвижную, то бы онъ землю превратилъ въ ея теченіи. Дай мнѣ вещество и движеніе, и миръ созижду, вѣщалъ *Декартъ*. Таковыя размышленія составили всѣ системы о Мірѣ, всѣ правдоподобія о немъ, и всѣ нелѣпости.

За щастіе почесть можно, если удостоишься въ теченіи житія своего бесѣдовати съ мужемъ въ Мірѣ прославившемся; удовольствіемъ почитаемъ, если видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ щастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ щастіемъ пользовалися мы хотя не долгое время въ Лейпцигѣ, наслаждаяся преподаваніями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго *Геллерта*. Ты не позабылъ, мой другъ, что *Ѳедоръ Василье-*

вичъ изъ всѣхъ насъ былъ любезнѣйшій *Геллертовъ* ученикъ, и что удостоился въ сочиненіяхъ своихъ поправляемъ быть симъ славнымъ мужемъ. Малое знаніе тогда Нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ; ибо хотя мы слушателями были его преподаваній, но недостатокъ въ знаніи Нѣмецкаго языка препятствовалъ намъ равняться съ *Ѳедоромъ Васильевичемъ*.

Вращаяся всечасно между разными предмѣтами разумѣнія человѣческаго, не возможно было, что бы въ ученіи разумъ *Ѳедора Васильевича* пребылъ всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованіи мнѣній чуждыхъ. Но въ семъ то и состоитъ различіе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ. Одни приемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданіемъ, другіе укрѣпивъ природныя силы своя ученіемъ, устраняются отъ проложенныхъ стезей и вдаются въ неизвѣстныя и непроложенныя. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится явно. Безпокойствіе произведшее все что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истину, Адъ, Рай, Сатану, Бога.

Ѳедоръ Васильевичъ упражняяся въ размышеніяхъ о вещахъ, видѣлъ возраждающіяся въ разумѣ его мысли отличныя новостію своею отъ обрѣтаемыхъ имъ на пути учености, и для того не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Скоро поданъ былъ ему случай испытать свои силы въ изображеніи связію своихъ мыслей. Ежегодно бывалъ намъ екзаменъ, или испытаніе о приобрѣтеніяхъ нашихъ въ ученіи. Сколь много всѣ таковыя испытаніи имѣютъ смѣшнаго, и цѣли для коей они уставлены недосязающаго, всякъ вѣдающій о нихъ до пряма, признается. Не рѣдко тотъ, кто болѣе всѣхъ знаетъ, почитается невѣждою и лѣнивымъ, хотя трудится наиприлѣжнѣйше и съ успѣхомъ. Но тѣмъ екзамены полезны, что возбуждаютъ тщеславіе и устремляютъ учащагося отличаться предъ сотоварищами своими: но дабы и въ семъ случаѣ не возбуждать тщеславія безуспѣшно, то нужно, что бы таковыя испытаніи не были рѣдки, дабы возникшая страсть въ обыкновенныхъ душахъ не угасала. Для назначенныхъ же перстомъ всевѣчнымъ къ безсмертію въ постороннихъ подстрекаяхъ любочестія нужды нѣтъ. Они сами въ себѣ довольно

имѣютъ ко стяжанію славы побужденія, и хотя оныя не безкорыстны, но умовенны всегда въ благомъ источникѣ.

По прошествіи трехъ лѣтъ обязаны мы были къ наступившему для насъ времени на испытаніе, показать наши успѣхи въ ученіи, представя письменно связь мыслей о какой либо матеріи. *Ѳедоръ Васильевичь* избралъ для сего наиважнѣйшіе предметы, до человѣка касающіеся въ гражданскомъ его отношеніи.

Человѣкъ живущій въ обществѣ подъ сѣнію законовъ для своего спокойствія, зритъ мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшею, возникающую на его погубленіе. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся его враги, преслѣдуютъ ему, и рука сильнаго подавляетъ слабаго, томитъ его въ оковахъ и темницѣ, отдаетъ его на поруганіе и на смерть. Что можетъ оправдать таковое свирѣпство? Сіе то намѣренъ показать *Ѳедоръ Васильевичь* въ сочиненіи своемъ, разыскавъ слѣдущія задачи:

1. На чемъ основано право наказанія?
2. Кому оное принадлежитъ?
3. Смертная казнь нужна и полезна ли въ Государствѣ?

Цѣль, для коей онъ писалъ сіе, не позволяла ему разпространиться: но все что можно сказать въ оправданіе нещастнаго права казни и все что можетъ ее представить вѣроятно справедливою, того *Ѳедоръ Васильевичь* не пропустилъ. Связь его мыслей есть слѣдующая.

Показавъ, что человѣкъ ощущая себя слабымъ на удовлетвореніе своихъ недостатковъ въ единственномъ положеніи, слѣдуя чувствительному своему сложенію, для сохранности своей вступаетъ въ общество. Дабы общество направляемо было всегда ко благому концу, условіемъ изъявительнымъ или предполагаемымъ поставляется власть могущая сіе производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лице власть сію имѣющее, именуютъ Государемъ въ единственномъ и соборномъ лицѣ. Слѣдственно тотъ, кто долгъ имѣетъ пещися о благѣ общества, имѣетъ право не дозволять и препятствовать вредить ему; слѣдственно что тотъ, кто поставляетъ власть для своего блага, согласуется повиноваться и ея прещенію, когда дѣяніи его отъ благой цѣли устраняются. Показавъ, что при опредѣленіи наказаній иной цѣли имѣть не можно, какъ исправленіе преступника или дѣйствіе примѣра для воздержанія отъ будущаго преступленія, *Ѳедоръ Васильевичь* доказываетъ

ясными доводами, что смертная казнь въ обществѣ не токмо не нужна, но и безполезна. Сіе нынѣ почти общеприемлемое правило утверждаетъ онъ примѣромъ Россіи. Я не намѣренъ преслѣдовать *Өедору Васильевичу* въ разсужденіяхъ его. Изображая ихъ здѣсь, могу или отъять силу его доводовъ, или только оные разпространить безъ нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочиненіе, которое ясностію мыслей, краткостію слога и твердостію доводовъ заставитъ всякаго потужить о безвременной кончинѣ Сочинителя на двадцати третьемъ году его возраста.

Опричь малаго сочиненія о любви, и писемъ о *Гельвеціевой* книгѣ о *Разумѣ*, ничего болѣе не найдено въ бумагахъ *Өедора Васильевича*. Выписки изъ многихъ книгъ, хотя безъ связи, доказываютъ что онъ располагалъ свое чтеніе со вниманіемъ. Кто можетъ опредѣлить, что съ нимъ потеряло общество? опредѣлить могу я, что потерялъ друга: но если судьба позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня съ избыткомъ давъ мнѣ, мой другъ, тебя.

Послѣднее время житія своего среди терзанія болѣзни, и грусти отъ нея раждающейся *Өедоръ Васильевичь* не забылъ ученія. и развѣ истощеніе силъ отвлекало его отъ упражненія въ наукѣ. На конецъ наступило время, когда почувствовалъ онъ совершенное силъ своихъ изнеможеніе. За недѣлю еще предъ кончиною своею ходилъ онъ съ нами на гулянье, и наслаждался еще бесѣдою любящихъ его: но силы его ослабѣвъ принудили лѣчь въ постелю. Надежда, сіе утѣшительное чувствіе въ человѣкѣ, не покидала его; но за три дни до кончины своея почувствовалъ онъ во внутренности своей болѣзнь несказанную. конечное разрушеніе тѣла его предвѣщающую. Не хотѣлъ онъ пребыть въ невѣденіи, призвавъ своего врача, на искуство коего онъ справедливо во всемъ полагался, просилъ его прилѣжно, да объявитъ ему истинну, есть ли еще возможность дать ему облегченіе, и да не льститъ ему напрасною надеждою изцѣленія, буде само естество положило уже тому преграду. Не мни, вѣщалъ зрящій кончину своего шествія, томнымъ хотя гласомъ, но мужественно; «не мни, что возвѣщая мнѣ смерть, востревожишь меня безвременно, или духъ мой приведешь въ трепетъ. Умереть намъ должно; днемъ ранѣе или днемъ позже, какая соразмѣрность съ вѣчностію!»

Долго человѣколюбивый врачь колебался въ мысляхъ своихъ, откроетъ ли ему грозную тайну, вѣдая, что утѣшеніе страждущаго есть надежда, и что она не покидаетъ человѣка до послѣдняго издыханія. Но видя упор-

ное желаніе въ больномъ вѣдать истинну о своей болѣзни, и понимая его нетрепетность, возвѣстилъ ему, что силы его не болѣе однихъ сутокъ противиться возмогутъ свирѣпости болѣзни, что завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ.

Случается, и много имѣемъ примѣровъ въ повѣствованіяхъ, что человѣкъ, коему возвѣщаютъ, что умреть ему должно, съ презрѣніемъ и нетрепетно взираетъ на шествующую къ нему смерть во срѣтеніе. Много видали и видимъ людей отъемлющихъ самихъ у себя жизнь мужественно. И по истинѣ нужна неробость и крѣпость душевныхъ силъ, дабы взирати твердымъ окомъ на разрушеніе свое. Но страсть дѣйствовавшая въ умирающемъ безъ болѣзни, предъ кончиною его, живетъ въ немъ до послѣднія минуты и крѣпитъ духъ. Не рѣдко таковый зритъ и за предѣлъ гроба и чаетъ возродитися. Когда же въ человѣкѣ истощеніемъ силъ тѣлесныхъ истощаются и душевныя, сколь трудно укрѣпить духъ противу страха кончины, а тѣмъ паче тому, кто нисходя во гробъ, за онымъ ничего не видитъ. Сравни умирающаго на лобномъ мѣстѣ или отъемлющаго у себя жизнь насильственно, съ умирающимъ нетрепетно по долговременной болѣзни на одрѣ своемъ, и скажи, кто мужественнѣе былъ испуская духъ бодрственно?

Услыша приговоръ свой изъ устъ врача, *Ѳедоръ Васильевичь* не встревожился ни мало, но взявъ руку его, «нелицемѣрной твой отвѣтъ, сказалъ онъ ему, почитаю истиннымъ знакомъ твоея дружбы. Прости въ послѣдній разъ и оставь меня.»

Удостовѣренный въ близкой кончинѣ своей *Ѳедоръ Васильевичь* велѣлъ насъ всѣхъ позвать къ себѣ, да послѣднюю совершитъ съ нами бесѣду. «Друзья мои, вѣщалъ онъ намъ, стоящимъ около его постѣли, часъ приспѣлъ, да разтанемся: простите, но простите на вѣки.» Рыдающихъ облобызалъ, и не хотѣвъ болѣе о семъ грустити, выслалъ всѣхъ вонъ.

Осмнадцать лѣтъ уже совершилося, какъ мы лишилися *Ѳедора Васильевича*, но мой другъ, сколь скоро вспомню о немъ, то послѣднее его съ нами свиданіе столь живо существуетъ въ моемъ воображеніи, что то же и днесь чувствую, что чувствовалъ тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорбію, что въ послѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль потеряніемъ возлюбленной супруги не истребило чувствованіе прежнія печали

Спустя нѣсколько времени онъ призвалъ меня къ себѣ, и вручилъ мнѣ всѣ свои бумаги. «Употреби ихъ, говорилъ онъ мнѣ, какъ тебѣ захочется. Прости теперь въ послѣдній разъ; помни, что я тебя любилъ, что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно.» Слезы и рыданіе были ему въ отвѣтъ, но слова его громко раздалися въ моей душѣ, и незагладимою чертою ознаменовалися на памяти. Поживутъ онѣ всецѣлы, доколѣ дыханіе въ груди моей не изчезнетъ, и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Даждь небо, да мысль присудственна мнѣ будетъ въ преддверіи гроба, и да возмогу важное сынамъ моимъ оставить наслѣдіе, послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моея юности, и живаго да оставлю имъ въ вожди, друга любезнѣйшаго, друга моего сердца, тебя.

Что послѣ сего послѣдовало, тебѣ мой другъ, болѣе извѣстно, нежели кому другому. Ты послѣдніе часы былъ при немъ безотлученъ, ты былъ свидѣтелемъ послѣдняго вздыманія его груди. Скажи, мой другъ, почто и я тутъ не былъ. Или слабость моего здоровья, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня отъ умирающаго и возпретила мнѣ видѣть послѣднія черты его жизни, и прехожденіе ея во смерть. Но ко всѣмъ симъ причинамъ совокупно было и недозволеніе на то умирающаго. Или столь малъ былъ жаръ дружбы въ сердцѣ моемъ, что я не преступилъ его велѣнія. О мой другъ! въ минуты благоденствія, когда разумъ ни чѣмъ не упрекаетъ сердцу, мысль сія тягчитъ меня, и я малъ становлюся передъ собою.

Предвѣщаніе врача начало совершаться. Доселѣ нечувствительнымъ покатомъ составъ жизни спускался ко смерти, но вдругъ она повлекла его всесильною рукою. За нѣсколько часовъ предъ кончиною *Ѳедоръ Васильевичь* почувствовалъ во внутренности своей болѣзнь несносную, возвѣщающую ему отшествіе жизни. Доселѣ уста его не испускали жалобнаго стона, но скорбь одолѣвъ сопротивленіемъ, страждущій вскричалъ содрагающимся гласомъ. Знаки антонова огня внутренность его объявшаго начинали казаться на поверьхности тѣла: въ окрестностяхъ желудка видны были черныя пятна. Терзаемый паче всякаго изтязанія, суевѣріемъ или мучительствомъ на казнь невинности изобрѣтаемаго, прибѣгнулъ *Ѳедоръ Васильевичь* къ тебѣ мой другъ, да скончаешь его болѣзнь, болѣзнь, а не жизнь скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверсты. Тебя, мой другъ, просилъ онъ да будешь его при

издыханіи благодѣтель, и дашь ему яду, да скоро пресѣчется его терзаніе. Ты сего не исполнилъ, и я былъ въ приговорѣ, да не исполнится требованіе умирающаго. Но почто толикая въ насъ была робость. Или боялися мы почесться убійцами? Напрасно; не есть убійца избавляяй страждущаго отъ конечнаго бѣдствія, или скорьби. Другъ нашъ долженствовалъ умереть, и часъ врачемъ былъ ему назначенъ по нелживымъ признакамъ. то не все ли равно было для насъ, что болящій скончаетъ жизнь свою мгновенно, или продлится она въ немъ на часъ еще единъ; но то не равно, что продолжится въ терзаніи несносномъ. Мы потерять его были уже осуждены. Скажетъ нѣкто, что врачь могъ ошибиться. Согласенъ; но болящій не ошибался въ мученіи своемъ, и правъ былъ желая скончанія онаго, а мы не правы давъ оному продолжиться.

Мой другъ, ты укоснилъ дать помощь *Ѳедору Васильевичу*, но не избавился впередъ можетъ быть отъ требованія такого же рода. Если еще услышишь гласъ стѣняшаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ не обходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли о любезнѣйшій мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушаемуся и ее возненавидѣвшему.

Наконенъ естественнымъ склоненіемъ къ разрушенію, пресѣклась жизнь *Ѳедора Васильевича*. Онъ былъ и его не стало. Изъ милліоновъ единый изторгнутый, не примѣтенъ въ обращеніи міровъ. Хотя не можно о немъ сказать во всемъ пространствѣ, какъ нѣкогда *Тацитъ* говорилъ о *Агриколѣ* и *Даламберъ* о *Монтескью:* «конецъ жизни «его для насъ былъ скорбенъ, для отечества печаленъ, чуждымъ и даже «неизвѣстнымъ не безъ прискорбія.» Но то скажу справедливо, что всякъ, кто зналъ *Ѳедора Васильевича*, жалѣлъ о безвременной его кончинѣ, тотъ кто провидитъ въ темноту будущаго и уразумѣетъ, что бы онъ могъ быть въ обществѣ, тотъ чрезъ многіе вѣки потужитъ о немъ; друзья его о немъ восплакали; а ты если можешь днесь внимать гласу стѣняшаго, приникни о возлюбленный къ душѣ моей, ты въ ней увидишь себя живаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РАЗМЫШЛЕНІИ.

1. О правѣ наказанія и о смертной казни. — 2. О Любвѣ. — 3. Письмы о первой книгѣ *Гельвеціева* сочиненія, о Разумѣ.

РАЗЫСКАНІЕ СЛѢДУЮЩИХЪ ВОПРОСОВЪ:

1. На чѣмъ основывается право наказанія?

2. Кому оное право принадлежитъ?

3. Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ Государствѣ, то есть въ обществѣ людей законами управляемомъ?

Прежде разысканія сихъ вопросовъ надлежитъ опредѣлить смыслъ понятія о *наказаніи*. Я подъ онымъ разумѣю *зло содѣловаемое начальникомъ преступнику закона*. Давъ таковое изъясненіе мнѣ надлежитъ кажется разсмотрѣть человѣка, каковъ онъ произведенъ природою, не коснувшись общества, дабы яснѣе опредѣлить, на чемъ основывается право наказанія. Сіе то я и намѣренъ разыскать столь кратко, сколько то возможно, по существу самой вещи и по намѣренію сего сочиненія.

Если мы вообразимъ первенственное состояніе человѣка, состояніе равенства и независимости, то узримъ его самовластнымъ судіею своихъ опредѣленій. Если мы разсмотримъ его существо, то найдемъ его одареннаго понятіемъ (то есть свойствомъ составлять идеи и оные сравнивать) и физическою или тѣлесною чувствительностію. Понятіе дѣлаетъ его удобнымъ ко блаженству, то есть опредѣлять хотѣніе свое сходственно со своимъ благосостояніемъ; тѣлесная чувствительность повѣщаетъ ему о его надобностяхъ, и показуетъ ему способы удобнѣйшіе къ удовлетворенію онымъ. Любовь самаго себя, или своего благосостоянія есть основаніе всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Сіе чувство природою въ насъ впечатлѣнное есть всеобщее, и для того не требовало бы доводовъ, но случается, что наипростѣйшія и яснѣйшія истинны подвергаются иногда сомнѣніямъ. Для того я дамъ оному доказательство, на самомъ существѣ нашего понятія основанное

Всякое понятіемъ одаренное существо имѣетъ чувство о своемъ существованіи ибо кто чувствуетъ. тотъ не можетъ быть безчувственъ. Слѣдственно онъ можетъ предпочесть состояніе пребыванія другому состоянію

пребыванія, то есть почитать одно счастливѣе другаго: но предпочитать одно состояніе другому есть то же, что опредѣлять свое хотѣніе и избирать состояніе пребыванія, щастливѣйшимъ почитаемое, суть одинаковыя вещи. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ права и должности человѣка изъ сего произтекаютъ начала, и всѣ оному безъ изъятія суть подчиненны. Оттуда право защищать себя или отвращая обиду, или награждая ущербъ, или предупреждая своего злодѣя, если случится быть въ грозящей опасности, или увѣренному о злодѣйскомъ намѣреніи своего противника. Ибо имѣющій право къ цѣли, имѣетъ неотмѣнно право къ способамъ позволительнымъ; и такъ стараніе о своей сохранности, будучи средствомъ необходимымъ для пребыванія во благосостояніи, есть право нераздѣльное отъ человѣка. Доселѣ понятіе о наказаніи изчезло для того, что оное предполагаетъ начальника, изтребляетъ понятіе естественныя свободы, а потому и равенства. Но сіе состояніе независимости и равенства, столь прекрасное въ воображеніи, не могло продлиться въ слѣдствіе несовершенства человѣка. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человѣка къ самовластію, непрестанная боязнь да не подвергнется насиліямъ могущественнѣйшихъ, словомъ препятствія, сохранности каждаго въ естественномъ состояніи вредящія, превзошедъ своимъ сопротивленіемъ силы употребляемыя каждымъ для пребыванія въ семъ состояніи, люди принуждены стали премѣнить внѣшнее состояніе ихъ житія. Но какъ они не могли произвести новыхъ силъ, а совокупить и соединить токмо имѣвшія; то надлежало установить общество, гдѣ каждой подвергался верховному вожденію Государя, и мѣнялъ свою природную свободу, силами каждаго ограниченную, на свободу гражданскую, въ житіи по законамъ состоящую Разсмотримъ теперь человѣка въ семъ новомъ положеніи и начнемъ объясненіемъ существа Государствъ.

Народъ есть общество людей соединившихся для снисканія своихъ выгодъ и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти въ немъ находящейся: но какъ всѣ люди отъ природы суть свободны, и никто не имѣетъ права у нихъ отнять сея свободы, слѣдовательно учрежденіе обществъ предполагаетъ всегда дѣйствительное или безмолвное согласіе. О семъ иные сомнѣваются, почитая народъ собраніемъ единственниковъ. Но оно представляетъ нравственную особу, общимъ понятіемъ и хотѣніемъ одаренною, и для того права и обязанности имѣть могущею; слѣдовательно можно ей сдѣлать обиду.

Общество такъ сложенное долженствовало помышлять о такомъ средствѣ, которое бы положило всѣмъ онаго членамъ необходимость направлять всѣ ихъ дѣяніи сходственно съ общимъ благомъ: для того то люди премѣняя образъ своего бытія не премѣняютъ своей природы, и злодѣянія принудившія ихъ составить общество не истребились бы, безпорядокъ остался бы и разрушеніе Государства послѣдовало бы непремѣнно. Но какъ скорбь и отвращеніе отъ зла и притяжательность веселія суть равно всеобщіи, то ясно слѣдуетъ, что наидѣйствительнѣйшее средство подчинить частное хотѣніе хотѣнію всеобщему, и принудить гражданъ поступать только сходственно съ намѣреніями законоположника, есть учрежденіе награжденій и наказаній. Я предъ симъ доказалъ, что общество не можетъ быть развѣ дѣйствительнымъ или безмолвнымъ согласіемъ всѣхъ единственниковъ. А какъ установленіе наказаній есть средство необходимое для содержанія порядка и для направленія дѣяній каждаго сходственно съ общимъ благомъ, то ясно, что начало права наказаній основывается на ихъ согласіи, ибо кто желаетъ цѣли тотъ желаетъ и средства.

Нѣкто возразить можетъ: опредѣляя волю свою къ цѣли блаженства, возможно ли, чтобъ человѣкъ условился на предосудительное своему благосостоянію? Отвѣтствую: 1) вступая въ общество никто не мнитъ о себѣ, что будетъ нарушитель закона, а тѣмъ общественный злодѣй; но каждый обязуяся жить по законамъ, никто изъ оныхъ не исключенъ, и сіе никому не предосудительно. 2) Всякъ властенъ вдать опасности не токмо нѣсколько своихъ правъ, но и самую жизнь для сохраненія оной. Въ таковомъ дѣяніи человѣка выборъ стремится къ цѣли своея выгоды, ибо мѣняетъ онъ зло дѣйствительное и настоящее, на зло будущее, отъ коего онъ легко уклониться можетъ. Сіи разсужденія влекутъ заключеніи, что человѣкъ обязуяся терпѣти зло начальникомъ его ему содѣловаемое за преступленіе закона, ничего не терпитъ, но паче выигрываетъ; слѣдственно дѣйствіе сіе стремящееся единственно къ его сохранности есть законно и твердо.

Положивъ основаніе праву наказанія я могу приступить къ рѣшенію втораго моего вопроса, то есть, кому принадлежитъ право наказанія. А понеже сія задача есть дальнее токмо слѣдствіе первой, то довольно будетъ, если утвержу оную однимъ простымъ доводомъ не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе.

Составъ каждаго правленія требуетъ Государя, или вождя, который бываетъ нераздѣльною или соборною особою, одаренною верьховною властію для направленія всѣхъ единственныхъ воль и силъ къ общественному благу. А какъ сохранность народа и содержаніе добраго порядка суть первые предмѣты его попеченія, чего безъ учрежденія наказаній и награжденій приобрѣсти не можно; то ясно слѣдуетъ, что право наказанія принадлежитъ единому токмо Государю, право, которое онъ можетъ вручить нижнимъ властямъ. Но онѣ суть токмо исполнители вышнія воли Государя, законами опредѣленной и пересуду неподверженной.

Я приступлю теперь къ послѣдней задачѣ. Вопрошается: смертное наказаніе полезно ли и нужно ли въ обществѣ? Для рѣшенія сего надлежитъ разсмотрѣть цѣль наказанія вообще.

Цѣль Законодателя при учрежденіи наказаній есть сохранность гражданъ, утвержденіе законнаго владѣнія ихъ имѣній, предвареніе природныя склонности человѣка присвоять все что можетъ взять невозмездно, наконецъ приведеніе къ должностямъ уклонившихся отъ оныхъ. Отсюду изтекаетъ примѣрное наказаніе стремящееся къ отвращенію отъ беззаконныхъ и злыхъ дѣлъ всѣхъ вѣдающихъ о болѣзняхъ, злодѣями претерпѣваемыхъ. Иные отметаютъ изправленіе, которое ничто иное есть, какъ средство къ приведенію преступника въ самаго себя истязаніемъ; средство къ произведенію въ душѣ истиннаго раскаянія и отвращенія отъ злыхъ дѣлъ. Другіе мнятъ быти возмездію состоящему въ содѣланіи зла за зло. Сомнѣваюсь, чтобъ тѣ были правы, а докажу, что сіи конечно ошибаются.

Представимъ себѣ Государство нравственною особою, а гражданъ онаго ея членами. То можно ли подумать, что человѣкъ раздробивши себѣ ногу восхотѣлъ бы воздать зло за зло, и преломить себѣ другую. Положеніе Государства есть сему подобно. Всѣ дѣйствіи Государства должны стремиться къ благосостоянію онаго; а награждать зломъ за зло есть тоже что невозвратное зло себѣ содѣлать. Желать себѣ зла, противно существу общества, и таковое дѣйствіе предполагаетъ безуміе, но безуміе права не составляетъ. Слѣдовательно таковое дѣйствіе ни есть законно, ни полезно, а потому и не возможно; да и полагающіе возмездіе кажется похожи на послѣдователей системы *безпристрастной свободы*, которые утверждая что *хотѣніе есть хотѣніе* и что *хочу, для того что хочу*, приемлютъ очевидно дѣйствіе безъ причины.

Отметающіе изправленіе основываются на невозможности судить объ ономъ и опредѣлить время, когда преступникъ придетъ въ себя. Судъ, говорятъ они, объемлетъ внѣшнія токмо дѣйствіи; никто не судитъ о намѣреніи, и Законодатель не можетъ пещися о изправленіи.

Дабы отвѣтствовать съ точностію на сіе заключеніе надлежитъ сперьва разыскать, можетъ ли человѣкъ изправиться? Для сего разсмотримъ его въ себѣ самомъ, и вопросимъ природу. Человѣкъ раждается ни добръ ни золъ. Утверждая противное того и другаго надлежитъ утверждать врожденныя понятіи, не бытіе коихъ доказано съ очевидностію. Слѣдственно злодѣяніи не суть природны человѣку; слѣдственно люди зависятъ отъ обстоятельствъ, въ коихъ они находятся, а опыты насъ удостовѣряютъ, что многіе люди повиновалися нещастному соитію странныхъ приключеній. Если же человѣкъ случайно бываетъ преступникомъ, то всякъ можетъ изправиться. Если онъ повинуется предмѣтамъ его окружающимъ, и если соитіе внѣшнихъ причинъ приводитъ его въ заблужденіе, то ясно, что отъемля причину другія воспослѣдуютъ дѣйствіи. Сверьхъ же того дабы доказать, что исправленіе не возможно, надлежало бы опредѣлить силу злобы потребной въ преступникѣ для содѣланія дѣйствія запрещеннаго законами. А какъ можетъ оное быть? Творецъ дѣйствія иногда не вѣдаетъ самъ побужденій его влекущихъ, то есть что онъ не ясно видитъ соитіе обстоятельствъ побудившихъ его къ дѣйствію. Если же не возможно положить явнаго предѣла исправленію, если же напротивъ того очевидно, что человѣкъ можетъ исправиться, и что люди разиствуютъ токмо въ количествѣ; то не справедливо ли будетъ въ семъ случаѣ клониться къ большой вѣроятности. Сіе то я и намѣренъ разсмотрѣть восходя отъ дѣйствія ко причинамъ.

Представимъ себѣ человѣка на нѣсколько степеней страсть имѣющаго, и со всѣмъ къ добродѣтели равнодушнаго: добродѣтелію я называю навыкъ дѣйствій полезныхъ общественному благу. Таковой человѣкъ столь же непремѣнно впадаетъ въ злодѣяніе, какъ брошенный камень падаетъ на землю. Рѣшить должно, можно ли сего человѣка исправить? Злодѣяніе въ человѣкѣ раждается отъ притяжанія веселія и отъ глупыя надежды безвозмездія, отъ чего должно воздерживать его болѣзнію. Злодѣй уличенный въ своемъ злодѣяніи осуждается на потеряніе своея свободы. Утрата невозвратимая, все превосходящая, а паче для человѣка просвѣщеннаго. Вринутый въ глубокую темницу и въ снѣдь скукѣ, от-

чаяніе объемлетъ его душу; за онымъ слѣдуетъ ярость на свое непроворство. Ибо трудно неистовцу признаться виновнымъ; но немощь содѣлати зло превращаетъ, такъ сказать, естество его хотѣнія, равно какъ невозможность удовлетворить желанію оное истребляетъ. Дошедъ до сея степени, онъ себя разсматриваетъ; а разсужденіе человѣка о извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ справедливо, если разумъ его не ослѣпленъ страстію. Здѣсь всѣ его страсти утихли или настоящимъ страданіемъ, или воображеніемъ отсутствія всѣхъ веселій. Онъ познаетъ свое злодѣяніе. И можно ли, чтобъ онъ его не позналъ? Если человѣкъ наикрѣпчайшій колеблется, если *Катонъ*, если *Брутъ*, сіи строгіе стоики возмогли подвигнуться и премѣнили намѣреніе, то какой смертной не премѣнится? Къ томужъ мы охотно послѣдуемъ въ разсужденіяхъ другимъ людямъ, дабы избавится трудности изслѣдованія угождая природному человѣка недѣйствію, или повинуяся общественному разсужденію. Тако преступникъ, зря себя покрыта безчестіемъ и срамотою, у всѣхъ въ презрѣніи, единъ среди всѣхъ, и преданный себѣ самому, прибѣгаетъ къ раскаянію, яко къ единой нещастныхъ отрадѣ, которая по истинѣ сильнѣе, нежели думаютъ.

Но преступникъ, скажутъ мнѣ, можетъ затвердѣть во злодѣяніи, онъ можетъ даже нечувствителенъ быть къ болѣзни, которую ощущаетъ. Сіе невразумительно; но раскаяніе, кое неизбѣжно, производитъ непремѣнно отвращеніе къ дѣйствіямъ приведшимъ въ раскаяніе, а тѣлесная болѣзнь дѣлаетъ оныя ужасными. Нещастный чрезъ долгое время навыкшій съ ужасомъ взирать на прошедшія свои дѣла отвращается отъ злодѣйства, а впечатлѣніе сіе всегда и непрерывно пребывающее столь привычно ему станетъ, что отъ единыя мысли злодѣянія возтрепещетъ. Если всѣ люди имѣютъ свойство соединять съ одинаковыми предмѣтами одинаковыя мысли, и воображать не раздѣльными идеи, кои они въ одно имѣли время, такъ что одна не можетъ возбудиться безъ другой; если привычка другая есть природа, коли не перьвая, какъ то думаетъ *Гельвецій*, и если чувствованіе скорьби сильнѣе по себѣ оставляетъ впечатлѣніе, нежели чувствованіе мысленнымъ воображеніемъ познаваемое, то я могу утверждать, что въ человѣкѣ степени порока премѣнятся въ десять лѣтъ во столько же степеней добродѣтели. Дабы смертная казнь производила свое дѣйствіе, нужно чтобы преступленіи были всечасны; ибо каждое примѣрное наказаніе предполагаетъ вновь сдѣланное преступленіе; желать сего есть

тоже, что хотѣть, чтобъ самая таже вещь, была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время, слѣдовательно желать противорѣчія.

Но скажетъ нѣкто, если тѣлесныя болѣзни смерьти предшествующія сильнѣе всего въ человѣкѣ дѣйствуютъ, то надлежитъ прибѣгнуть къ изысканнымъ казнямъ? Признаюсь, что онѣ весьма чувствительно и сильно дѣйствуютъ; но и то извѣстно, что онѣ преходящія токмо доставляютъ выгоды, и сіе то думаю доказываетъ ихъ безполезность. Какое звѣрство, какой ужасный вымыселъ въ казняхъ при *Калигулѣ*, *Неронѣ*, *Діоклитіанѣ*! какое на противъ того наблюденіе въ сохраненіи жизни гражданъ во время республики. Различіе въ сіи времена во нравахъ относится всегда къ похвалѣ народнаго правленія. Сіе и доказываетъ, что не жестокость казни удерживаетъ преступника или предваряетъ преступленіе, но мудрое Законоположеніе и соединеніе общей корысти съ частными корыстьми, поелику то возможно. Свирѣпость наказаній показуетъ всегда народное повреждение и причиняетъ избѣжаніе казни, а надежда укрыться отъ оныя умаляетъ ея дѣйствіе и возпрещаетъ жертвовать злодѣйскимъ, но настоящимъ веселіемъ. Владычество привычки есть всеобщее надъ человѣкомъ, и яко веселіе изчезаетъ продолженіемъ, тако пораженіе теряетъ свою силу частымъ повтореніемъ. Избраннѣйшая казнь теряетъ свое дѣйствіе и становится наконецъ безплодною; какъ же соразмѣрить наказаніе преступленію? Въ тѣлесномъ и нравственномъ Мірѣ все имѣетъ свои предѣлы, естество человѣческое имѣетъ такъ же свой предѣлъ во злѣ и благѣ; то ясно, что полагая изысканныя казни надлежитъ на чемъ нибудь остановиться. Тутъ будетъ несоразмѣрность наказанія съ преступленіемъ; будетъ сіе не правосудно, а потому сумазбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговременнаго не производитъ впечатлѣнія, и поражая сильно и мгновенно души бываетъ тѣмъ недѣйствительною; понеже жестокость казни становится вредною непремѣннаго ради слѣдствія своея безполезности; то я могу заключить, что смертное наказаніе не можетъ быть ни полезно, ни нужно въ Государствѣ.

Положивъ сіе начальное правило, и устремляя внимательное око на сложеніе Государствъ, и на обрядъ уголовныхъ дѣлъ, и покажу два опасныхъ слѣдствія смертныя казни. Образъ всякаго правленія влечетъ за собою неравенство имѣній. Монархическое тѣмъ и существуетъ, Аристократическое онаго отвергнуть не можетъ, въ Демократическомъ хотя бы

надлежало быть равенству имѣній; но судя съ точностію не можетъ быть истинной Демократіи, и сіе правленіе приличествуя токмо весьма малымъ и бѣднымъ Государствамъ, не можетъ и по мнѣнію Г. *Руссо* сдѣлать народа счастливымъ, по склонности своей къ возмущеніямъ. Опыты всѣхъ вѣковъ и настоящее Государствъ состояніе доказываютъ невозможность равенства имѣній. А неравенство оныхъ производитъ съ одной стороны нищету, а съ другой роскошь; сего ради могу я сдѣлать положеніе, что въ двадцати миліонахъ жителей найдется по самой крайней мѣрѣ двѣсти въ крайнее убожество поверженныхъ: едва возмогутъ они добыти дневную пищу, и жизнь не премѣнно будетъ имъ въ отягощеніе. Они восхотятъ оной лишится; законъ имъ доставитъ сіе благодѣяніе, котораго удостоятся они злодѣйствами; и се уже двѣсти преступниковъ укрѣпленныхъ мгновеніемъ казни, и надеждою нѣсколькихъ годовъ услажденія.

Второе слѣдствіе ужаснѣе перваго, изтекаетъ изъ обряда уголовныхъ дѣлъ. Люди опредѣляютъ наиважнѣйшія дѣйствія своея жизни по нравственной ясности; слѣдственно и знаки преступленіе утверждающіе, на оной же должны основываться: но и по мнѣнію самаго Творца книги о *преступленіяхъ* и *наказаніяхъ* нравственная ясность ничто иное есть какъ наивеличайшая вѣроятность; а какъ нѣтъ вѣроятности, коея бы противоположность не была возможна, то заключаю, что со всѣми осторожностями въ сужденіи преступленія можно ошибиться и осудить невиннаго, и что бываютъ случаи, коихъ истинна едва чрезъ долгое теченіе времени отверзается. Ибо какой человѣкъ почтется преступити не могущимъ? Невѣжество судіи введетъ его въ погрѣшность, сребролюбіе повредитъ его правоту, отеческая нѣжность, любовь сыновняя, предстательство вельможъ, долговременное дружество, и многія малыя симъ подобныя причины, не возмогутъ ли его обольстить, и не преступитъ ли онъ власти своей на судилищѣ?

Разсмотримъ свидѣтельство. Хотя и говорятъ, что вѣра ко свидѣтелю возрастаетъ по мѣрѣ умаленія его корысти: но можно ли назначить предѣлъ, гдѣ корысть изчезаетъ; можетъ ли кто проникнуть въ тайныя излучины сердца человѣческаго? Или нѣтъ уже болѣе душъ низкихъ и подлыхъ, всегда личиною прикрытыхъ, и тѣмъ наименованіе честныхъ людей пріобрѣтшихъ, прельщенныхъ или обоязненныхъ, и того ради на ложное свидѣтельство готовыхъ? Изъ сего заключаю, что приговоръ на свидѣ-

тельствъ основанной подверженъ заблужденію. Признаюсь, что таковые случаи суть рѣдки, но единая ихъ возможность приведетъ въ ужасъ сердце праведное, и отъ вопля невиннаго въ бѣдствіи содрогаться обыкшее; а если бываютъ случаи, въ коихъ можно предположить, что невинность развѣ чрезъ долгое теченіе времени открывается, и если опыты доказываютъ, что часто невинные со преступниками вмѣнялися и казнены смертію, то благоразумно и праведно имѣть готовое всегда средство скончавати мученія невинныя жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сіи причины царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и опыты всѣхъ временъ доказующіе, како смертное наказаніе не послужило къ удобренію человѣка, побуждаютъ меня заключить, что установленіе сей казни, со всѣмъ въ Государствѣ безполезно, да и казнить смертію для примѣра надлежитъ только того, кого безъ опасности сохранить невозможно. Я тѣмъ болѣе подвизаюся на сіе разсужденіе, что извѣстно, что люди располагаютъ свои дѣянія по повторяемому дѣйствію золъ имъ извѣстныхъ, а не по дѣйствію золъ имъ невѣдомыхъ.

Симъ образомъ изправленный, и вышшимъ правосудіемъ освобожденный чувствуетъ преисполненна себя благодарностію: но живо чувствующій благодѣяніе, старается явить признаніе онемъ; всякъ хочетъ быть почитаемъ, и скорбитъ зря себя въ презрѣніи. И такъ желаніе почтенія и скорбь презрѣнія произведутъ въ преступникѣ стремленіе ознаменитися, да будетъ общественнаго почтенія достоинъ, да воздастъ, такъ сказать, за худыя свои дѣла, и да погрузятся онѣ въ вѣчное забвеніе. Тако во Греціи воины избавившіеся смерти бѣгствомъ, храброму мужу всегда постыднымъ, но срамомъ и стыдомъ покрытые бывали всегда въ послѣдующее время наизнаменитѣйшіе; слѣдственно бываетъ предѣлъ довольно извѣстный, гдѣ виновный почесться можетъ обратившимся къ должности своей, то не достойно ли о семъ наистрожайше изслѣдовать? Сердце мудраго Законодателя не источитъ ли кровь, наказуя невиннаго. Ибо наказаніе исправившагося преступника есть закланіе невинныя жертвы.

Я не намѣренъ разспространять силу сего заключенія на убійцовъ. Жребій нарушителю договора и общественному злодѣю есть смерть гражданская. Ибо несть свято, несть ненарушимо паче жизни гражданина. Я думаю однако же, что по оному заключенію могу судить о воровствахъ и о другихъ меньшихъ преступленіяхъ, назначая токмо нѣкоторые предѣлы

да не войду въ скучныя подробности. Если бѣдность, столь всегда близко преступленія, ввела человѣка въ заблужденіе; если стремленіе страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой вринуло его въ преступленіе; то не побудитъ ли сіе мыслить благосклонно о преступникѣ? Слѣдовательно, кажется, не можно съ основаніемъ исключить изправленіе изъ намѣреній Законодателя.

Мы видѣли, что предмѣты установленія наказаній суть или средства воспретить преступнику впредь вредить обществу, или примѣръ для другихъ, да отвратятся отъ содѣланія подобныхъ злодѣяній, или наконецъ исправленіе. Дабы рѣшить теперь, полезно ли, и нужно ли въ Государствѣ учрежденіе смертныя казни, разсмотримъ каждой изъ сихъ предметовъ особо.

1. Я уже показалъ, что изправленіе неотмѣнно входитъ въ разположеніе Законодателя, понеже совершенное разрушеніе вещи истребляетъ понятіе о исправленіи: ибо отъемляй жизнь у преступника разрушаетъ его бытіе, его истребляетъ: то заключаю, что въ семъ случаѣ смертная казнь предосудительна.

2. Предварить, что бы преступникъ впредь не вредилъ обществу, для сего надлежитъ сдѣлать его только немощнымъ. Темница для сего избыточна. Слѣдуетъ, что въ семъ случаѣ смертная казнь не нужна.

3. Наказаніе для примѣра отвратитъ отъ подобныхъ преступленій согражданина виновнаго; для сего надлежитъ изыскать наказаніе, которое бы сильнѣе, дѣйствительнѣе и продолжительнѣе душу поражало. Обыкновенно думаютъ, что законная смерть оставляетъ по себѣ впечатлѣніе наисильнѣйшее, или дѣйствительнѣйшее, или долговременнѣе пребывающее. О семъ я сомнѣваюсь, и вотъ тому вина.

Смерти всегда предшествуетъ болѣзнь, жизни сопутствуютъ всегда какія нибудь веселіи. Къ жизни мы слѣдовательно прилѣпляемся ради страха болѣзней и вожделѣнія веселій. Чѣмъ жизнь блаженнѣе, тѣмъ страшнѣе оную оставить. Оттуда ужасъ въ смертный часъ въ довольствіи живущихъ. На противъ того, чѣмъ жизнь нещастнѣе, тѣмъ меньше жалѣютъ лишиться оной. Оттуда нечувствительность нищаго въ ожиданіи послѣдняго часа. А если любленіе бытія основано на страхѣ болѣзни и вожделѣніи веселія, то слѣдуетъ, что желаніе быть счастливымъ, сильнѣе въ насъ, нежели желаніе быть. Слѣдуетъ, что пренебреженіе жизни есть заключеніе изчисленія, доказующаго намъ самимъ, что лучше не

быть, нежели быть нещастнымъ. Сей доводъ не есть воображеніе умозрительства, но токмо обществованіе произшествій на опытахъ людей мудрыхъ и людей мало просвѣщенныхъ основанное, что и доказываетъ онаго общественность. Не съ охотою ли *Катонъ* отъялъ у себя жизнь изъ любви къ Отечеству? *Сцевола* влекомый корыстію общаго блага не подвергался ли не токмо смерти, но и острѣйшей мукѣ? Не терпѣлъ ли *Регулъ* наижесточайшихъ мученій, да исполнитъ свое обязательство? Я не могу сравнять съ сими великими людьми сихъ злодѣевъ, сихъ изверговъ природы, суевѣріемъ упоенныхъ и обагрившихъ руки свои въ крови Царей своихъ, и толико же безумныхъ убійцовъ. Сіе доказательство довольно кажется заключительное утверждаетъ, что смертная казнь не съ наибольшею дѣйствительностію поражаетъ разумы, и что впечатлѣнія ея не наисильнѣйшія суть; по крайней мѣрѣ онѣ не во всѣхъ равны бываютъ, а потому не будучи наисильнѣйшія, да и всегда мгновенныя, не могутъ конечно быть дѣйствительными.

Но положимъ, что оныя впечатлѣнія суть наисильнѣйшія, какъ то они суть въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ неимѣющихъ великихъ страстей ни къ добру ни ко злу, коихъ число конечно въ каждомъ Государствѣ велико, то утверждаю, что тѣмъ самимъ онѣ и вредны: ибо чѣмъ пораженіе сильнѣе, тѣмъ кратче оно бываетъ. Правда что оно объемлетъ всѣ наши душевныя силы, но они подобны изящной музыкѣ; ея дѣйствіе мгновенно насъ восхищаетъ, мгновенно и изчезаетъ. Тогда престаетъ соображеніе и человѣкъ въ совершенное погружается забвеніе. Смертная казнь удивляетъ, но не исправляетъ; она окрѣпляетъ, но не трогаетъ; но впечатлѣніе медленное и продолжительное оставляетъ человѣку полную власть надъ собою. Онъ соображаетъ, сравниваетъ; слѣдовательно сіе впечатлѣніе по существу своему есть дѣйствительнѣе, и тѣмъ полѣзнѣе. А если продолжительное впечатлѣніе глубокія въ сердцѣ человѣческомъ оставляетъ черты, то долженствуетъ слѣдовать, что оно дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе. Въ таковыхъ обстоятельствахъ былъ *Александръ* Великій въ разсужденіи *Филота*, единаго изъ первѣйшихъ своихъ Полководцевъ, ближайшаго своего друга и сына *Парменіонова*, великимъ войскомъ тогда предводительствовавшаго; таковъ же былъ случай *Генриха* IV въ разсужденіи *Бирона*. Обличенные оба въ оскорбленіи Величества (то есть въ наивеличайшемъ преступленіи, ибо великость онаго измѣряется всегда вредомъ Государству отъ того произходящимъ)

но оба могущественны, не можно было по мнѣнію моему ихъ сохранить безъ опасности. Сіе можетъ быть единое изъятіе, а изъятіе правила точность онаго доказуетъ. Присовокупимъ къ сему: дабы наказаніе было справедливо, надлежитъ оному имѣть токмо достаточную силу, для отвращенія людей отъ злодѣяній. Но какой человѣкъ восхощетъ промѣнять потеряніе совершенное и невозвратное своея свободы на злодѣяніе, какія бы онъ ни ожидалъ отъ него выгоды. Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствіе наказанія вѣчныя неволи, достаточно для отвращенія отъ преступленія напотважнѣйшую душу.

Я не войду въ раздробленіе преимущества такого положенія, ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому что нѣтъ злодѣя, кой бы къ чему либо не былъ пригоденъ, что самой природѣ совмѣстно. Если содѣлаешь зло обществу, возмездится за оное зломъ, то есть принужденною работою; сверхъ же того ясно, что вѣчная неволя тѣмъ и предпочтительна, что дѣйствіи ея въ глазахъ народа всегда обрѣтающіяся суть поразительнѣе и долговременнѣе. Теперь разсмотримъ вѣчная неволя не жесточѣе ли самыя смерти? Конечно жесточѣе въ глазахъ общества, но не для терпящагося. Общество судитъ по своей чувствительности о сердцѣ, привычкою закоренѣломъ, а нещастный утѣшается отсутствіемъ болѣзней злѣе тѣхъ, кои онъ ощущаетъ; разкаяніе приходитъ къ нему на помощь и труды его облегчаются упражненіемъ. А какъ чувствительность въ человѣкѣ возрастаетъ по мѣрѣ крѣпости его разсудка, нѣжности тѣлосложенія, или перемѣны его состоянія, то я заключаю, чѣмъ человѣкъ будетъ просвѣщеннѣе, тѣмъ положеніе сіе будетъ для него несноснѣе; чѣмъ болѣе онъ могъ жить въ довольствіи, тѣмъ болѣе сіе состояніе его скорбить будетъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ облегченія, ибо хотя злодѣй онъ, но человѣкъ. Сего требуетъ правосудіе; ибо наказаніе долженствуетъ всегда быть соразмѣрно преступленію. А какъ весьма рѣдко, что бы одинаковые предмѣты одинаковыя на разныхъ людей имѣли дѣйствія, къ тому же ясно, что человѣкъ съ разумомъ или человѣкъ сладострастное житіе имѣвшій гораздо наказаніе живѣе возчувствуетъ, нежели невѣжда, или тѣлосильный и крѣпкій къ нуждѣ и нищетѣ привыкшій: то заключаю, если таковые люди за одинаковыя преступленія одинаково накажутся, одинъ наказанъ будетъ жесточѣе другаго, и казнь винѣ не будетъ соразмѣрна.

О ЛЮБВИ.

Любовь есть чувство природою въ насъ впечатлѣнное, которое одинъ полъ имѣетъ къ другому. Всѣ одушевленныя твари чувствуютъ пріятность, горячность, силу и ярость оныя. Но различное сложеніе тѣла слѣдовательно больше или меньше раздражительности въ нервахъ, различное соитіе обстоятельствъ воображеніе воспламѣняющихъ, словомъ различное соитіе внѣшнихъ предметовъ на насъ дѣйствующихъ долженствуетъ неотмѣнно производить различное чувствованіе. Разсматривая любовь при ее источникѣ, увидимъ, что сіе чувствованіе равно сродно лѣнивому ослу и разъяренному льву; Португальцу крѣпкими напитками и пряным зеліемъ воспаленному, и Лопарю утомленному холодомъ и трудами. Сіе чувствованіе слѣдовательно есть необходимое, для того что оно въ нашемъ природномъ сложеніи имѣетъ свое начало. Любовь всѣ употребляетъ средства къ удовлетворенію ея служащія, преображаетъ еленей въ тигровъ, умножается отъ предстоящихъ препятствій удовлетворенію ея претящихъ, умаляется превзошедъ препоны. *Ѳедеръ* справедливо примѣчаетъ, что любовь въ естественномъ состояніи человѣка ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по возстановленіи обществъ она долженствовала сдѣлаться ужасною, какъ то она и есть. Самолюбіе со всемъ себя въ сравненіе ставящее, и себѣ всегда преимущество дающее, долженствовало неотмѣнно озлоблять самолюбіе другаго. Оно раждало зависть, а зависть ненависть, и такъ умножалися всѣ наши страсти. Онѣ столь много произвели божественныхъ дѣлъ и столько зла сотворили, что ихъ вообще ни хвалить, ни осуждать не надлежитъ. Нравоучители противу страстей возстающіе разсуждаютъ о человѣкахъ вообще по человѣку въ ихъ воображеніи сотворенному, или углубяся въ отдѣленнѣйшую Метафизику доказываютъ весьма велегласными словами, что все несходствующее съ совершеннѣйшею совершенностію (которую не объясняютъ) и съ существеннымъ порядкомъ вещей, котораго не знаютъ, есть противу-добродѣтель, порокъ и зло; и такъ мы постараемся отступить отъ понятія отдѣленнаго и будемъ наблюдать дѣйствительныя отношенія. Назовемъ добродѣтелію то, что удовольствіе и благосостояніе всѣхъ (а какъ сіе не возможно) по крайней мѣрѣ многихъ людей содѣловаетъ, и разсмотримъ полезна ли любовь или вредна?

Человѣкъ есть хамелеонъ принимающій на себя цвѣтъ предметовъ его окружающихъ; живущій съ Мусульманами Мусульманинъ, съ куклами, кукла общества, въ коемъ мы обращаемся. Общежитіе вселяетъ въ насъ родъ своихъ мыслей, и побуждаетъ насъ то называть добрымъ, что оно добрымъ почитаетъ. Мы усвояемъ помалу страсти въ обществѣ господствующія; наипаче мы склонны къ возприятію того, что насъ прельщаетъ, а все, что намъ веселіе доставляетъ, или обѣщаетъ, прельщаетъ насъ столь дѣйствительно, что объемлетъ всѣ наши душевныя силы. Всякъ довольно хотя и не весьма ясно понимаетъ, что мы благосклонность другихъ людей приобрѣтаемъ сходствіемъ нашихъ мыслей и дѣяніемъ, съ ихъ мыслями и дѣйствіемъ, а сіе потверждается опытами. Изъ того очевидно слѣдуетъ, что двое влюбленныхъ единаго составляютъ человѣка, единую имѣютъ волю и одинаковые поступки, ибо привычка преображаетъ природу. Случай, имѣющій въ общежитіи свое начало, восхотѣлъ, что бы мущины были что женщины суть, на коихъ онѣ свои взоры обращаютъ, а не женщины то, что мущины.

И такъ любовь въ обществѣ не на тѣлесныхъ токмо и чувственныхъ основывающаяся чувствованіяхъ, но тысячію чувствованіями производимая, любовь сія, зависящая отъ предразсужденій, отъ обыкновеній и отъ состоянія, не имѣетъ въ себѣ ничего непозволительнаго, и ничего наказанія достойнаго. Она становится добродѣтелію, или порокомъ, располагаяся по воспитанію женщинъ, тотъ или другой видъ приемлющему. У Грековъ, у коихъ мать слезы проливала, когда сынъ ея безъ лавръ возвращался, гдѣ дѣва прославившемуся сердце свое дарила, и вездѣ, гдѣ благоразумный законоположникъ женщинъ опредѣлилъ вперять въ сердца юношей ревность къ добродѣтельнымъ и отвращеніе отъ порочныхъ поступковъ, заслуживаютъ онѣ уваженіе, почтеніе и любовь; но въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ красота, *которая ужаснѣе стихіи ея родившей*, воспитывается въ играхъ и забавахъ, гдѣ вся разума ея округа внѣшнимъ ограничивается блескомъ, гдѣ свобода въ убранствѣ, гдѣ прелесть поступи и нѣсколько наизусть выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей и изгоняютъ природное чувствованіе, гдѣ она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннѣйшія склонности, гдѣ она злословна, для того что невѣдуща, честолюбива для того что не имѣетъ должнаго къ себѣ почтенія, и коварна для того что живетъ всегда въ принужденіи и безпрестанно бездѣлицами упражняется; гдѣ она неограничен-

но обожателями своими управлять желаетъ; достойна ли она, что бы быть ея жертвою, въ угожденіе ей наполнять голову свою замысловатыми бездѣлицами, оставить любовь истинны дабы ей понравиться, посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна? Въ наблюденіи безчисленнаго множества вещей, кои по разсмотрѣніи найдемъ бездѣлицами, но трудными бездѣлицами, можетъ ли кто безъ внутренняго отвращенія видѣть стараго, впротчемъ заслуженнаго и испытаннаго министра, которой отъ чрезмѣрной нѣжности невиннаго осудилъ на смерть, дабы пощадить злодѣя, отца своей обладательницы. Кто не возропщетъ на него! кто столь сильно объятъ любовію, что разумъ его никогда не въ состояніи покойно наблюдать вещи, а сердце всегда въ движеніи, и кто своими приобрѣтенными знаніями могъ бы свѣту быть полезенъ? Но кто можетъ противиться симъ голубымъ глазамъ, сему томящемуся и восхитительному взору, сему проницательному и привлекающему гласу. Кто можетъ облобызать бѣлую сію и нѣжную руку, на коей поцѣлуй впечатлѣвается, и не потерять своего сердца? Кто можетъ видѣть сію непринужденную походку, сію величественную осанку, воровскіе глазки, и что всего больше, слышать и видѣть добродѣтельныя предъупрежденія, и не восхититься и не воспалиться? Тотъ, кто въ младости къ тому приуготовленъ, кто старается познать истинное опредѣленіе человѣка, кто украшаетъ разумъ свой полезными и пріятными знаніями, кто питается противными симъ страстями, кто величайшее услажденіе находитъ въ томъ, чтобъ быть отечеству полезнымъ, и быть извѣстнымъ свѣту.

О разумѣ.

Письмо 1.

Милостивой мой Государь!

Я намѣренъ съ вами бесѣдовать о вещи весьма важной и многимъ трудностямъ подверженной; ласкаю себя, что вы мнѣ на сіе дадите дозволеніе, вѣдая довольно, что глубочайшія размышленія не токмо вамъ не наскучатъ, но возбудятъ развѣ ваше любопытство. Вещь сія есть важная, ибо непосредственно касается до человѣка; трудная, ибо познаніе сердца человѣческаго и побужденій къ дѣйствію и недѣйствію, весьма запутано. Сіе превзойдетъ можетъ быть мои силы: но самое сіе побуждаетъ

меня прибѣгнуть къ вашему просвѣщенію, которое по щастію моему я узналъ и почитаю. Я ищу наставленія, слѣдовательно я сомнѣваюсь. Но какъ не рѣшительность для разума, истинну возлюбляющаго, есть несноснѣйшее состояніе, то и прошу я вашея помощи. Но не отважно ли сіе? И по истиннѣ сей мой поступокъ, отъ чрезмѣрнаго желанія познаній происходящій, былъ бы непростителенъ, если бы я менѣе увѣренъ былъ въ милости вашей ко мнѣ; если бы вы, во время пребыванія вашего въ Лейпцигѣ не удостоили меня дружескаго обхожденія, и если бы вы мнѣ не дали полезнаго для меня дозволенія прибѣгать къ вамъ во всемъ, что до меня касаться можетъ. Я осмѣливаюся почитать себя воспитанникомъ вашимъ, ибо всѣ насъ наставляющіе, или дающій намъ способы къ наставленію по справедливости истинными родителями почитаться могутъ. Но сіе есть наималѣйшее изъ одолженій вашихъ. Вы извлекли душу мою изъ бездѣйствія и унынія, въ коихъ она погрязла, и по нещастію не безъ причины. Вы возвратили ей всю ея дѣятельность, отъемля причину ее угнѣтавшую. Вы вселили въ меня неутомимое рвеніе къ изслѣдованію всѣхъ полезныхъ истинъ и отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ, и мерзеніе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего я отягощалъ память мою. Но сколь велика долженствуетъ быть на конецъ моя признательность за то, что отъ васъ позналъ я удивленія достойнаго сочинителя, коего книгу вы благоволили прочесть со мною? Послѣ того я три раза читалъ ее со всевозможнымъ вниманіемъ, и для того только воздерживаюсь хвалить его, что я увѣренъ совершенно, что хвалить такого мужа, какъ есть сей, долженъ только тотъ, кто самъ заслужилъ уже похвалу.

Скажу только то, что удивляяся его проницательности, ясности и изящности его слога, не рѣдко сожалѣю о его краткости. Изъ него то почерпну содержаніе сихъ писемъ, которые заключать будутъ сокращеніе сочиненія о *Разумѣ*, или по крайней мѣрѣ онаго первыя и третія книги. Но исполненіе сего предпріятія весьма трудное, требуетъ напряженія разума, и довольнаго времени: да и тѣмъ паче что не всегда я съ Авторомъ одного мнѣнія, по крайней мѣрѣ въ помянутыхъ двухъ книгахъ. Для объясненія моихъ сомнѣній въ великія нужно войти подробности; и я за нужное почелъ прежде всего предложить вамъ со всевозможною краткостію стезю, которою онъ шествовалъ, во утвержденіи своихъ основательныхъ

мнѣній и во извлеченіи слѣдствій. Цѣль моя была двояка при семъ маловажномъ трудѣ. Перьвая, что бы тотъ, кто читалъ сію книгу и о ней уже размышлялъ, могъ бы себѣ посредствомъ сея выписки мгновенно представить всю цѣпь мыслей сочинителя; вторая что бы начинающій, имѣя сію выписку предъ собою, не былъ бы отъ главнаго предмѣта отвлекаемъ окольностями и прекрасными побочными разглагольствованіями сочинителя, и не проронилъ нить умствованія его, запутавшись во множествѣ дѣяній имъ приводимыхъ, гдѣ по дѣйствію заключается о причинѣ. Вы можете судить достигнулъ ли я моего предмета; мнѣ же должно ожидать вашего сужденія съ почтеніемъ пребывая чрезъ всю жизнь мою съ наичувствительнѣйшею благодарностію. есмь и проч.

Письмо 2.

Сочинитель разсматриваетъ разумъ, яко способность мыслить, которая по сему и долженствуетъ быть качествомъ какого либо существа, духовнаго или вещественнаго; ибо другіе роды намъ не извѣстны. Сія задача нерѣшенная до сего времени не можетъ имѣть о себѣ доказательства; тѣмъ паче, что сочинитель полагая всѣ дѣйствіи нашего разума въ чувствованіи, сіе равно съ тѣмъ и съ другимъ предположеніемъ согласуется. Но сіе то и требуетъ мнѣ кажется доказательства. Почитая душу вещественною, разсмотримъ, можетъ ли она чувствовать. Я прежде всего замѣчу что *вещество* и *тѣло* суть два слова равнаго значенія; ибо сказать можно, что всякое вещество есть тѣло и всякое тѣло есть вещество. А понеже пространство, заключающее въ себѣ понятіе нераздѣлимости, непроницательность производящая что два тѣла не могутъ въ одно время занимать одного мѣста, бездѣятельность, качество тѣлъ, посредствомъ котораго они тщатся пребывать въ настоящемъ положеніи, и слѣдствіе непремѣнное самой ихъ непроницательности, суть три свойства тѣлъ необходимыя; понеже тѣло заключаетъ въ себѣ понятіе общее, и поелику то что прилагаемъ роду, прилагаемъ всѣмъ единственностямъ къ нему принадлежащимъ: то слѣдуетъ, что всѣ единственности, поелику суть тѣла заключаютъ въ себѣ вышесказанныя три качества. Слѣдуетъ, если бы начало чувствующее было тѣлесно, то было бы протяженно и раздѣлимо. Слѣдуетъ, что бы понимать можно было треть и четверть чувствованія, что противорѣчитъ опытамъ.

Въ тѣлѣ примѣчаемъ мы только движеніе, что не иное есть какъ перемѣна мѣста, быстротечность и направленіе. Но равное ли видимъ въ нашей душѣ? И для того то въ каждомъ удареніи чувствъ двѣ вещи различать надлежитъ: тѣлесную, или удареніе въ мозгѣ; духовную или понятіе въ душѣ отъ того раждающееся. Кто захочетъ о семъ сдѣлать на самомъ себѣ примѣчаніе, познаетъ оное непремѣнно. Когда разумъ напряженно разсматриваетъ нѣкоторые предмѣты и разсуждаетъ о понятіяхъ оными производимыхъ, то онъ не замѣчаетъ ни мало о удареніи нѣкоторыхъ предмѣтовъ на орудіе слуха, хотя равное бываетъ ихъ дѣйствіе съ тѣми, кои производятъ звукъ, и хотя орудіе здраво. Причина же тому есть, что душа оному не внимаетъ. Но сочинитель думаетъ, что откровеніе таковой силы, какова на примѣръ сила притяжанія, не долженствуетъ ли побуждать мыслить, что тѣла имѣютъ еще нѣкоторыя свойства неизвѣстныя, какъ то свойство чувствовать. Въ первомъ моемъ письмѣ я намѣренъ разыскать сіе выраженіе,

есмь и проч.

Письмо 3.

Всѣ согласуются, что есть во всѣхъ тѣлахъ небесныхъ всеобщая тяжественность; что качество сіе, очевидное въ магнитѣ, притяженіемъ желѣза и стали, и по мнѣнію утвердителей тяжественности свойственное всякому тѣлу, осязательно становится только въ весьма большихъ тѣлахъ, въ малыхъ же со всѣмъ не ощутительно. Истинная же причина оную производящая намъ неизвѣстна, и Философы доселѣ въ ономъ не согласны. Одни утверждаютъ съ вѣроятностію, что нѣкое тонкое и невидимое вещество дѣйствуетъ на тѣла, и ихъ одного къ другому устремляетъ, и они называются *Устремителями*. Другіе говорятъ, что есть въ тѣлахъ сила скрытая и сокровенная, между ими притяжательность производящая. Оныя присносущность утверждаютъ на всемогуществѣ Божіемъ, и называются *Притяжателями*. Но если бы притяжательность была дѣйствіе всемогущества Божія непосредственное, въ существѣ тѣлъ неутвержденное: то можно бы сказать столь же справедливо, что Богъ тѣла движетъ непосредственно, что и было бы непрестанное чудо.

Если мы вообразимъ два тѣла безъ движенія и среди ихъ совершенную пустоту, то нелѣпо будетъ утверждать, что онѣ могутъ сблизиться, или

притянуть одно другое; ибо тѣла въ слѣдствіе своея существенности тщатся пребывать въ настоящемъ положеніи Не можно приступить къ противному мнѣнію для того, что понимать не удобно причины, для чего тѣло недвижимое будетъ двигаться въ ту, а не въ другую сторону; еще же неудобопонятнѣе, что движущееся тѣло престаетъ двигаться или премѣняетъ направленіе или скорость. И такъ если достовѣрно, что всякое тѣло по существу своему сохраняетъ свое положеніе, и что перемѣна въ ономъ происходитъ токмо въ слѣдствіе его непроницательности; то ясно, что тяжественность, то есть сила тѣло къ центру направляющая, хотя намъ неизвѣстная, не есть свойство въ тѣлахъ присносущное. Да и помнѣнію тѣхъ, которые притяжательность почитаютъ силою въ веществѣ вкорененною, сила сія не въ тѣлѣ надъ коимъ дѣйствуетъ. Слѣдуетъ, поелику извѣстны намъ силы только двухъ родовъ, силы тѣлесныя, изъ непроницательности тѣлъ проистекающія, и силы духовныя существущія токмо въ животныхъ: то притяжательность долженствовала бы принадлежать къ третьему роду силъ, но ни къ тѣлеснымъ ни къ духовнымъ. Но дабы утверждать сіе, то надлежитъ непрекословно доказать бытіе сихъ силъ, и что сила притяжанія не происходитъ изъ тонкаго вещества тѣла окружающаго. Если бы единожды возможно было, что бы два тѣла притягивать могли другъ друга и разстояніе между ними не было бы наполнено тончайшимъ веществомъ, то существенность притяжательности была бы неоспорима. Но какъ сіе не возможно, то можно въ томъ сомнѣваться или со всѣмъ отрицать.

Если же довольную имѣемъ причину отмѣтать силу притяжательную, то съ лучшимъ основаніемъ отрицать можемъ въ вещественности, свойство чувствовать. Но если вѣрно, что вещественность чувствовать можетъ, гдѣ найдемъ мы чувствующую соединенность, или нераздѣлимость? Присвоимъ ли оную каждой вещества частицѣ, или соборнымъ тѣламъ? Или присвоимъ сію соединенность жидкостямъ и твердостямъ въ сложныхъ и въ началахъ? Говорятъ: въ природѣ нѣтъ опричь единственностей; но каковы онѣ? Единственностію ли назовемъ камень, или сложеніемъ единственностей? Чувствительное ли онъ вещество, или содержитъ столько оныхъ, сколько въ немъ песчинокъ? Если каждая начальная порошинка (атомъ) есть вещество чувственное, то какъ вообразить сіе тѣсное собщеніе, отъ котораго одинъ чувствуетъ себя въ другомъ, и столь совершенно, что оба суть одинъ? Части чувствующія суть протя-

женны. но существо чувственное не раздѣлимо, одно, всецѣло, или же ничто. Сіи непреоборимыя трудности съ предъидущими причинами совокупно утверждаютъ меня во мнѣніи, что познавъ вещественность протяженною и раздѣлимою, надлежитъ удостовѣриться, что она чувствовать не можетъ. ибо утверждая противное станешь присвоять одному существу, свойства одно другое исключающія.

есмь и проч.

Письмо 4.

Сочинитель полагаетъ быть въ человѣкѣ двумъ силамъ страдательнымъ, которыхъ онъ признаетъ производящими нашъ разумъ причинами. Первая, свойство принимать удареніи внѣшнихъ предмѣтовъ, и сія есть тѣлесная чувствительность. Другая, сьойство хранить сдѣланное на чувства удареніе, называется память. Память по мнѣнію сочинителя есть ни что иное, какъ единое отъ орудій тѣлесной чувствительности, и чувствованіе продолженное но ослабѣвшее. То, что въ насъ чувствуетъ, говоритъ онъ, то непремѣнно и воспоминаетъ. Се доказательство его.

Когда я воспоминаю образъ дуба, тогда внутренніе мои органы находятся почти точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были, когда дубъ сей представлялся моему зрѣнію. Таковое положеніе органовъ производитъ чувствованіе. Слѣдовательно, воспоминать есть чувствовать. Сіе заключеніе для меня не кажется убѣдительнымъ, и здѣсь доказательство основано на томъ, что въ задачѣ. Положимъ, что воспоминая образъ дуба, внутренніе мои органы въ равномъ положеніи находятся съ тѣмъ, въ какомъ они были видя сей дубъ; однако же симъ вопросомъ не удовлетворится, для чего и какъ. и доводъ недостаточенъ; ибо ясно, что здѣсь не заключаетъ сочинитель отъ одинаковыхъ дѣйствій на одинаковыя причины, ибо дѣйствія суть разны. Когда дубъ находился предъ моими глазами, тогда внутренніе мои органы позыбнутые лучами изходящими отъ дуба, образъ его начертавали въ глубинѣ моего глаза на нервенной сѣти совокупляющейся съ зрящимъ (оптическимъ) нервомъ, который есть продолженіе мозга, и чрезъ него зыбленіе доходило до мозга, гдѣ душа извлекала понятіе. Но удаленный внѣшняго предмѣта, что дѣйствуетъ на мои органы? И если бы при воспоминовеніи внутренніе мои органы были въ таковомъ же положеніи, какъ при удареніи предмѣтовъ на чувствы, то не имѣя ничего предъ глазами, я видѣлъ бы солнце. Слѣдственно по-

нятіе напоминовенное совершенно разнствуетъ отъ понятія возбуждаемаго предстоящимъ предмѣтомъ. Изъясненіе памяти, что она есть чувствованіе продолженное но ослабшее, для меня не удовлетворительно. Ибо или чувствованіе продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало перьвое, то бы понятіи намъ были присутственны непрестанно, чего однако же нѣтъ; ибо тщетно иногда стараемся возобновить иныя понятія, которыя мы имѣли прежде; иногда же со всемъ ихъ позабываемъ, но обыкновенно забываемъ ихъ на половину. Если бы удареніе терялося со всемъ, какъ то случается; какъ бы вещественность могла воспоминать, что было на нее удареніе въ то время, когда оно на нее бываетъ вновь? Говоря, что память ни что иное есть, какъ чувствованіе продолженное но ослабшее, все присвоимъ чувствительности, но чувствительность производится движеніемъ нервовъ. Сіе движеніе можетъ умножиться и уменьшиться по мѣрѣ ударенія сильнаго или слабаго всѣхъ частей предмѣта: слѣдовало бы, что когда воспоминаю о солнцѣ, тоже бы было, что я вижу луну, коея свѣтъ 200,000 разъ слабѣе свѣта солнечнаго. Но видѣть луну теперь и воспоминать только о солнцѣ суть двѣ со всѣмъ разныя вещи. А потому ясно, что понятія чувственныя представляются намъ посредствомъ чувствъ; воспоминовенныя же производимъ мы сами по образу понятій чувственныхъ, поелику мы объ оныхъ воспоминаемъ. Понимаю я довольно ясно, что понятія памятію произведенныя суть таковы же какъ и настоящія: но сіе относится къ душѣ. Что же касается до тѣла, то всякое настоящее памятію сопряжено съ нѣкоторымъ движеніемъ въ мозгу, чего не бываетъ съ произведеннымъ памятію.

Признаться надлежитъ, что истинной источникъ памяти отъ насъ скрытъ совершенно. Вѣдаемъ мы что и тѣло въ ономъ участвуетъ; но и то вѣрно, что возобновленіе понятій есть собственное дѣйствіе души.

Письмо сіе окончу я различіемъ сдѣланнымъ въ воспоминовеніи. Оно двояко. 1) Сила сохранять на нѣсколько времени понятіе настоящее. *Локкъ* сіе называетъ *разсмотрѣніе*. 2) Сила возобновлять и оживлять въ разумѣ понятіи, которыя родясь въ ономъ, изчезли и изъ онаго совсѣмъ удалилися. Сіе собственно назвать можно памятью. Есмь и проч.

Письмо 5.

Сочинитель разыскивая прилѣжно дѣйствія разума человѣческаго ограничиваетъ ихъ на способность замѣчать сходствія и различія, приличность и разнообразность предмѣтовъ между собою. Слова всѣхъ языковъ, которыя почесть можно собраніемъ всѣхъ мыслей человѣческихъ, подтверждаютъ сію истинну; для того что они представляютъ намъ одни токмо образы внѣшнихъ предметовъ, отношеній ихъ одного къ другому и отношеніе ихъ къ намъ. Разумъ человѣческій превыше познанія сихъ отношеній не возносится, и черты сея не преступаетъ. Но и сужденіе ничто иное есть, какъ самое сіе усмотрѣніе или изъявленіе онаго: то и слѣдуетъ, что всѣ дѣйствія разума суть токмо сужденіи. Но и судить есть ничто иное, какъ усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность нашихъ чувствованій и понятій. Слѣдственно поелику сила сія ничто иное есть, какъ тѣлесная чувствительность, то и судить есть чувствовать; слѣдственно всѣ дѣйствія разума суть чувствованіи.

Разсужденіе сіе нахожу я весьма заключительнымъ. Всѣ предложеніи въ ономъ ясны и основаны на истиннѣ и опытахъ, одно изключая, то есть, что способность сравнивать понятіи наши и чувствованіи есть тѣлесная чувствительность. Сіе требуетъ разсмотрѣнія, и поелику оно есть главное его предложеніе, то позвольте мнѣ оное раздробить.

Я за доказанное пріемлю, что всѣ дѣйствія нашего разума состоятъ въ способности усматривать сходствія и несходствія, принадлежности и разнообразія въ предмѣтахъ. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только тѣлесная чувствительность.

Нѣтъ ни малаго въ томъ сомнѣнія относительно познанія различій между предмѣтами. Получивъ два чувствованіи или два понятія не могу не чувствовать, что то что чувствую въ одномъ въ другомъ того не чувствую; или сказать яснѣе, что одно удареніе иначе душу возбуждаетъ нежели другое. Чувствуя сіе, чувствую ихъ различіе. Слѣдуетъ, что для усмотрѣнія различія между предмѣтами, нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о ихъ сходствіи? Опредѣлимъ что значитъ сіе слово. Что назовемъ сходствіе одного предмѣта съ другимъ? Сходствіе существенное или случайное бываетъ, когда части одинъ предмѣтъ составляющія равнородны или равнообразны другому; или когда части од-

ного предмѣта суть во всемъ одинаковы съ частями другаго предмѣта. Если сіе вѣрно, то для познанія сего нужна одна чувствительность тѣлесная. Ибо имѣя два чувствованія разуму присутственныя, усматриваю непремѣнно какъ онѣ ударяютъ на мои чувства, одинакимъ ли образомъ или разнообразно; слѣдуетъ, оное усмотрѣть есть чувствовать.

Принадлежностію называемъ, когда одинъ предмѣтъ къ другому пристоенъ, пріятенъ, полезенъ, или нуженъ, или когда таковымъ намъ кажется (въ дальнѣйшее изъясненіе сихъ названій я не вхожу, дабы вмѣсто объясненія ихъ не затмить). Но опыты доказываютъ, что разныя чувствованія разнообразно на душу дѣйствуютъ. Иные разсматриваетъ она съ удовольствіемъ, на другіе взираетъ съ отвращеніемъ и посредствомъ того же опыта мы можемъ опредѣлить, принадлежность или разность между предмѣтами. Я изъ того заключаю, что судить есть тоже что чувствовать.

Для изъясненія сего разсужденія, я постараюся отдалить всѣ возраженія, которыя противъ него сдѣлать можно.

1) Если душа есть существо страдательное, то или каждый предмѣтъ она чувствовать будетъ раздѣльно, или будетъ чувствовать цѣлой предмѣтъ хотя сложной. Но не имѣя силы ихъ соблизить, она сравненія между ими сдѣлать не можетъ, не можетъ о нихъ судить. Что значитъ весь сей вздоръ? Каждой предмѣтъ будетъ она чувствовать особенно, то есть что одно чувствованіе не будетъ другое, или что одно чувствованіе не существуетъ въ другомъ, равно какъ одно тѣло не можетъ занимать одного мѣста съ другимъ въ одно время. Весь предмѣтъ будетъ чувствуемъ, то есть оба чувствованіи присутственны будутъ разуму. Слѣдуетъ что душа не будетъ имѣть силы ихъ сравнить, и что не можетъ судить о ихъ смежности. Но изъ сказаннаго мною можно заключить со всемъ противное, и сказать: слѣдовательно не будетъ ей нужды ихъ соближать, слѣдовательно она будетъ судить объ отношеніяхъ двухъ чувствованій или имѣть ихъ присутственными разуму, то есть будетъ ихъ чувствовать; но то и другое равно, какъ то доказано прежде. Но говоря, что душа не имѣетъ силы соближать чувствованія одного съ другимъ, если разумѣемъ, что душа не властна устремлять или отвращать своего вниманія продолжать или окончить своего размышленія, тогда задача становится важнѣе и касается до слѣдующей: свободны ли мы или нѣтъ? О семъ я съ вами въ особомъ письмѣ бесѣдовать буду.

2) Понятія уравнительныя, большій, меньшій; понятія числительныя, одинъ, два; понятія отвлеченныя, добродѣтель, красота, конечно не суть чувствованія, хотя разумъ производитъ ихъ тогда, когда я чувствую. Дабы удостовѣриться о слабости сего разсужденія войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Что можетъ быть простѣе понятія что отношеніе ничто иное есть какъ чувствованіе, или израженіе чувствованія произведеннаго во мнѣ разсмотрѣніемъ двухъ предмѣтовъ. Я сооружаю понятіе великаго; но оно не само по себѣ, а уравнительное; слѣдственно, кто имѣетъ понятіе великаго, тотъ не минуемо имѣетъ понятіе малаго. Слѣдуетъ если имѣю понятіе о большей палкѣ и о малой въ другъ, то какое нужно сравненіе, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но какъ получилъ я понятіе о большомъ и маломъ? Получивъ два разныя ударенія и примѣчая или чувствуя, что одинъ предмѣтъ имѣетъ больше частей нежели другой, я назвалъ одинъ большимъ а другой малымъ, хотя бы назвалъ ихъ иначе, вещь въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилась бы. Но какъ составляемъ мы численныя понятія? Замѣчая различія чувствованій. Напримѣръ цвѣтокъ ударяетъ на орудіе моего обонянія, я чувствую сіе удареніе и сохраняю его посредствомъ памяти. Другой цвѣтокъ производитъ равное удареніе; я и оное чувствую. Но сохранивъ прежнее удареніе, теперь чувствую нетокмо удареніе настоящее, но чувствую такъ же, что чувствовалъ подобное. Чувствовать что было во мнѣ подобное чувствованіе, есть тоже, что имѣть понятіе о двухъ чувствованіяхъ; и такъ далѣе. Разумъ слѣдуетъ той же стезѣ при составленіи общихъ понятій. Ибо очевидно, если удареніе разныхъ предмѣтовъ на мои чувства одинаково, то не возможно мнѣ нечувствовать, что чувствованіе мое при возрѣніи какого либо предмѣта есть подобное тому, которое имѣлъ видя другой предмѣтъ. Но израженіе сего чувствованія, есть составленіе понятія общаго или отвлеченнаго, которое существовать будетъ токмо въ моей головѣ и которое однако же чувствовалъ я въ самомъ дѣлѣ.

3) Если бы въ употребленіи нашихъ чувствъ мы были токмо страдательны, то не было бы между нами никакого сообщенія, не можно было мнѣ знать, что тѣло, которое я осязаю; и тѣло которое вижу есть тоже. Или мы ничего внѣ себя чувствовать не будемъ, или будемъ чувствовать всегда пять существъ отдѣленно, коихъ единственности намъ примѣтить не возможно. Возраженіе сіе весьма сильно въ томъ признаюсь. Но при-

нявъ, что въ употребленіи нашихъ чувствъ мы дѣйствующіи (хотя сіе мнѣ кажется нелѣпымъ, ибо не быть въ употребленіи чувствъ страдательнымъ, есть то же что бы быть властну не чувствовать того, что чувствую) легче ли можемъ понять сообщеніе между чувствъ и какъ душа замѣчаетъ единственность понятія. Представь себѣ слѣпаго, узнавшаго опытами какимъ образомъ шаръ и угольникъ ударяютъ на его осязаніе. Слѣпой сей получивъ зрѣніе не возможетъ конечно посредствомъ онаго различать шара отъ угольника; ибо если чувства его ударяемы на примѣръ шаромъ извѣстнымъ образомъ, не слѣдуетъ изъ того что бы и глаза его ударяемы были равномѣрно. Слѣдственно опыты насъ тому учатъ, слѣдственно разсужденіе, слѣдственно и сіе есть чувствовать. Хотя совершеннаго увѣренія о единственности вещи въ насъ нѣтъ, но для чего тому удивляться, если доводамъ идеалистовъ мы опричь брани ничего противупоставить не можемъ.

4) Наконецъ послѣднее возраженіе есть сіе: если бы сужденіе объ отношеніяхъ было простое чувствованіе и происходило бы единственно отъ предмѣта, то сужденіи мои никогда не были ли бы ложны, ибо то не ложно что когда чувствую, то чувствую. Но на сіе буду отвѣтствовать въ слѣдующемъ письмѣ слѣдуя стѣзямъ сочинителя, которой доказываетъ, что всѣ наши заблужденіи отъ нашихъ страстей и отъ невѣденія происходятъ. И если сіе послѣднее возраженіе достаточно будетъ опровергнуто, то излишнее будетъ да и нелѣпо утверждать что сила сужденій не есть свойство чувствовать. есмь и проч.

Примѣчаніе: Сочиненія *Ѳедора Васильевича* суть токмо въ переводѣ. Перьвое и послѣднее изъ оныхъ писалъ онъ на Французскомъ языкѣ, протчее же на Немѣцкомъ.

Эта книга Радищева перепечатывается здѣсь дословно съ перваго и единственнаго ея изданія, появившагося въ С.-Петербургѣ, въ *императорской* типографіи 1789 года, въ малую 8-ку, 228 стр. безъ всякаго означенія, что она дозволена къ печати. Хотя книга эта, съ сокращеніями, вошла въ «Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александръ Николаевича Радищева. М. въ тип. Платона Бекетова. Иждивеніемъ издателей 1807», мал. 8-ка, 6-ть частей (1), а именно составляетъ пятую часть

(1) Выписываемъ любопытное предисловіе къ этому Собранію сочиненій Радищева: «Отъ издателей. Вотъ все, что осталось изъ сочиненій человѣка извѣстнаго уже публикѣ; надѣемся, издавая ихъ въ свѣтъ принести ей удовольствіе. Жаль, что многія другія творенія какъ важныя такъ и забавныя пропали. Мы бы почли себѣ преступленіемъ, имѣя оставшіяся г. Радищева бумаги въ рукахъ своихъ, предать ихъ забвенію и не издать ихъ въ свѣтъ». О *Путешествіи* ни слова. Печатно говорить о немъ предоставлено только нынѣшнему времени. *П. Б.*

онаго; тѣмъ не менѣе самое это собраніе принадлежитъ къ числу рѣдкостей, трудно находимыхъ не только въ книжной торговлѣ, но и въ извѣстнѣйшихъ библіотекахъ.

Экземпляръ, съ котораго здѣсь напечатано «Житіе Ѳ. В. Ушакова», принадлежитъ Чертковской библіотекѣ и любопытенъ тѣмъ, что рѣзкія мѣста въ немъ помараны и неумѣренныя выраженія замѣнены другими: это было дѣло цензора Мерзлякова, и въ такомъ измѣненномъ видѣ Житіе вошло въ бекетовское собраніе сочиненій Радищева. У насъ возстановлено вполнѣ первоначальное чтеніе.

Житіе Ушакова появилось *безъ* имени сочинителя, всего годомъ раньше извѣстнаго Путешествія. Какъ и сіе послѣднее, оно посвящено А. М. Кутузову. Къ перепечаткѣ побудило насъ, кромѣ рѣдкости библіографической, самое содержаніе Житія, первая часть котораго заключаетъ въ себѣ черты историческія, а вторая не менѣе важна, представляя собою образчикъ философіи XVIII вѣка.

Для разъясненія собственныхъ именъ, означенныхъ въ Житіи начальными буквами, приводимъ найденный Я. К. Гротомъ въ архивѣ Лейпцигскаго университета списокъ Русскихъ студентовъ, обучавшихся въ Лейпцигѣ около того времени, когда жилъ тамъ Радищевъ съ Кутузовымъ и товарищами (1766—1770), а именно: въ 1767 году князь Александръ Несвицкій. князь Василій Трубецкой. Ѳедоръ Ушаковъ. Михаилъ Ушаковъ. Николай Зиновьевъ. Алексѣй Кутузовъ. Чилищевъ. Андрей Рубановскій. Александръ Радищевъ. Сергѣй Яновъ. Иванъ Насакинъ. Въ 1769 году Сергѣй Олсуфьевъ. Козадавлевъ. Николай Петровичь Хлоповъ. Алексѣй Григорьевичь Тепловъ.

(См. Извѣстія 2-го Отд. Акад. Н. т. IX, 1860 г.). М. Н. Лонгиновъ собралъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ студентовъ (Современ. 1856, № 8 и Библ. Зап. 1859, стр. 539—541). Екатерина подозрѣвала въ соучастіи съ Радищевымъ товарища его Чилищева. «Французская революція, говоритъ она, его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ: я думаю, Чилищевъ едва ли не второй». (Чтенія, 1865, кн. 3, стр. 77).

О Лейпцигскихъ студентахъ Екатерина писала къ отцу одного изъ нихъ, Олсуфьеву, изъ Казани, 30 мая 1767 г.: «Адамъ Васильевичь. Я за недѣлю до вашего письма уже увѣдомлена была о необузданномъ поведеніи нашихъ молодцовъ въ Лейпцигѣ; однакожъ видно, что и господинъ Бокумъ не умѣлъ съ начала взять ауторитета. Я уже приказала необузданныхъ головъ или начальниковъ выслать изъ Лейпцига, а именно Ушакова, вскормленника господина Теплова, да Насекина; а прочимъ Бѣлосельскій (нашъ посланникъ въ Саксоніи) объявитъ, чтобъ были Бокуму послушны, пока отселѣ дальняя о томъ послѣдуетъ резолюція. Что

же касается до денегъ, кои Бокумъ требуетъ, прикажите къ нему перевести, понеже я конечно не хочу, чтобъ нужду они бъ тамо терпѣли; только при томъ требуйте отчета обо всѣхъ уже вами на поѣздку и до сего времени выданныхъ и переведенныхъ денегъ». Изъ другаго письма (безъ числа) узнаёмъ объ окончаніи этой педагогической исторіи. «Въ Лейпцигѣ надлежитъ сдѣлать разборъ: большихъ господъ оттуда возвратить, если окончили свои ученія; не выберетъ ли кн. Бѣлосельскій одного изъ тѣхъ, чтобъ онъ остался въ его канцеляріи, какъ то Янова напр. и отнюдь не изъ маленькихъ, коихъ надлежитъ отдать профессорамъ на руки, съ тѣмъ, чтобъ они за ихъ поведеніемъ и за ихъ ученіями смотрѣли и чтобъ по третямъ года отписали къ кн. Бѣлосельскому объ ихъ ученіи и поведеніи. Князь Бѣлосельскій имѣетъ приказать господина Бокума счесть и раздѣлить его собственные долги съ тѣми счетами, кои за содержаніе молодыхъ людей казенными деньгами почесть надлежитъ; считая же Бокума, отпустить его, а молодыхъ господъ, по мѣрѣ какъ выучатся, отпустить сюда, и никого болѣе въ Лейпцигъ не отправлять для ученія». Дѣло улаживалъ, какъ кажется, Бенкій, находившійся въ 1767 г. въ чужихъ краяхъ. Ему поручено было взять домой сына статсъ-секретаря Олсуфьева, Сергѣя Адамовича (Р. Архивъ 1863, стр. 445—452).

Перепечатка наша можетъ послужить къ лучшему пониманію дѣятельности Радищева и къ разработкѣ его жизнеописанія, въ которомъ доселѣ многія стороны остаются не разъясненными. Такъ напр. не извѣстно, состоялъ ли Радищевъ въ службѣ, когда напечаталъ свое Путешествіе или былъ уже въ отставкѣ. Екатерина въ своихъ замѣчаніяхъ на его книгу говоритъ: «Подвигъ сочинителя, объ закладъ биться можно, по которому онъ ее написалъ, есть тотъ, для чего входъ не имѣетъ въ чертоги; можно быть, что имѣлъ когда ни на есть, а нынѣ не имѣя, бывъ съ дурнымъ, и слѣдовательно съ неблагодарнымъ сердцемъ, подвизается перомъ» (Чтенія, 68). Не опредѣлено съ точностью, гдѣ именно печаталъ онъ свою книгу, въ Петербургѣ ли, или у себя въ сельцѣ Нѣмцовѣ подъ Малоярославцемъ. Московскій типографщикъ Селивановскій въ любопытныхъ Запискахъ своихъ и разсказываетъ, что Радищевъ, оскорбленный чѣмъ-то на службѣ, написалъ свою книгу вышедъ въ отставку. Вѣроятно на пути къ себѣ въ деревню, явился онъ къ отцу Селивановскаго въ типографію для напечатанія Путешествія, уже одобреннаго къ печати знаменитымъ своею вѣтренностью С.-Петербургскимъ полицеймейстеромъ Рылѣевымъ. «Пробѣжавъ оригиналъ и понявъ всю важность его содержанія, батюшка (т. е. Семенъ Аникѣевичъ Селивановскій) оставилъ книгу. Является авторъ. Ему отвѣчаютъ, что книги печатать не станутъ. Тотъ разгорячился, наговорилъ грубостей, какъ дворянинъ вѣка Екатерины и авторъ, мастеровому — моему отцу; но тотъ

отказался печатать и возвратилъ оригиналъ. Радищевъ смягчилъ тонъ и, распросивъ о дѣлѣ типографскомъ и имѣя деньги, рѣшился самъ завести типографію, купилъ все нужное, повезъ въ свою деревню, въ Орловской или Рязанской губерніи и тамъ издалъ книгу свою, которую, не отдавая въ лавки, какъ говорятъ, разбросалъ по дорогѣ, чтобъ распространить». (Библіогр. Зап. 1858, стр. 518). Согласно съ Селивановскимъ, самъ Радищевъ въ отвѣтныхъ показаніяхъ своихъ, полныхъ раскаянія и самоуничиженія, говоритъ, что «по перепискѣ на бѣло книги посылалъ онъ для цензуры оную съ таможеннымъ досмотрщикомъ Мейснеромъ, который, спустя довольно времени, за цензурою оберъ-полицейм. Никиты Ивановича Рылѣева и принесъ къ нему въ домъ»; и въ этой уже одобренной рукописи «перемѣнялъ онъ нѣкоторыя только реченія, а въ другихъ мѣстахъ и листы, въ которыхъ однакожъ важности не заключалось» (Чтенія, 82). Извѣстно, что тоже самое дѣлаетъ всякій тщательный издатель. Слѣдовательно, по строгой буквѣ закона, виноватъ былъ Рылѣевъ, а не Радищевъ. Не знаемъ, какъ былъ наказанъ Рылѣевъ.

Не обращено должнаго вниманія на то, что освобожденный при Павлѣ Радищевъ не получилъ однако дозволенія жить въ столицахъ, а вызванъ въ Петербургъ и на видную службу только молодымъ государемъ Александромъ Павловичемъ, который былъ очевидно милостивъ къ Радищеву: 11 сентября 1802 года, когда по Петербургу разнеслась вѣсть, что Радищевъ выпилъ стаканъ крѣпкой водки и въ туже минуту пытался зарѣзаться бритвою императоръ немедленно прислалъ на помощь своего лейбъ-медика Вилье, и потомъ щедро одѣлилъ семейство несчастнаго (Русск. Вѣстн. 1858, XVIII, 423).

Своею ужасною кончиною Радищевъ какъ бы оправдалъ отзывъ о немъ Екатерины, сдѣланный за 12 лѣтъ назадъ: «Сложенія унылаго и все видитъ въ темночерномъ видѣ; сочинитель имѣетъ воображенія довольно и любитъ распространить гипохондрическія и унылыя мысли» (Чтенія, 67 и 73).

Нельзя не пожелать, чтобы сочиненія Радищева были изданы вполнѣ, а знаменитое Путешествіе неиначе какъ съ подстрочными замѣчаніями Екатерины, которая сказала о сочинителѣ: «судить его не хочу, дондеже не выслушенъ, хотя онъ судитъ о царей, не выслушивая ихъ оправданія» (Чтенія, 76).

П. Б.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПЕРЕПИСКѢ МЕЖДУ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ II-Ю И КНЯЗЕМЪ ВОЛКОНСКИМЪ.

(СМ. ВЫШЕ, СТР. 151 И ДАЛѢЕ.)

Копія съ письма Яицкихъ казаковъ къ князю Григорію Григорьевичу Орлову. (іюля 1774 г.)

Ваша свѣтлость, а нашъ премилосердый государь и отецъ Григорій Григорьевичъ, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, изволилъ меня просить, чтобъ (*поймать*) явившагося злодѣя и разорителя Пугачева, а наипаче господамъ благороднымъ дворянамъ мучителя, и неповинно смертоносно предаетъ всякимъ мученіямъ; а нынѣ я обще съ подателемъ вашей свѣтлости сего нашего письма согласили всѣхъ Яицкихъ казаковъ, чтобъ его злодѣя самаго живаго представить въ С. Петербургъ въ скорѣйшемъ времени. Онъ состоитъ, злодѣй, въ нашихъ рукахъ и подъ нашимъ карауломъ, о чемъ словесно вашей свѣтлости объявитъ нашъ посланный; только пожалуй, доложи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссійской, чтобъ намъ Яицкимъ казакамъ рыбною ловлею изволила приказать владѣть по прежнему. Еще вашей свѣтлости доношу, что въ томъ числѣ сто двадцать четыре человѣка въ С. Петербургъ не ѣдутъ. Какъ мы его злодѣя скуемъ въ колодки или въ желѣза и двѣсти человѣкъ поѣдемъ съ нимъ, а вышеписанныхъ сто двадцать четырехъ человѣкъ домой отпустимъ; только тѣ требуютъ на всякаго человѣка по сту рублей; теперь половину по пятидесяти рублей изволь съ посланнымъ нашимъ прислать золотыми имперіалами: а мы двѣсти человѣкъ теперь ничего напередъ не требуемъ, какъ поставимъ злодѣя къ вашей свѣтлости: тогда и намъ было бъ такое жъ награжденіе: такъ у насъ всѣ

обнадежены, и всѣ теперь приведены къ присягѣ между собою. А какъ мы его повеземъ, надлежитъ давать прогонныя деньги, и на прогоны деньги, такожъ на харчи и на водку было бъ довольно; мы въ томъ не споримъ, хотя извольте дать указъ, хотя бъ безъ прогоновъ, только бъ насъ везли. Обо всемъ извольте больше словесно говорить съ посланнымъ нашимъ. Оное письмо писали истинно, ночью. Пожалуй, батюшка Григорій Григорьевичъ, нашего отправьте въ самой скорости, чтобъ онъ, злодѣй, не допущенъ былъ до разоренія нашихъ селъ и деревень такожъ и городовъ. Иного до вашей свѣтлости писать не имѣемъ, остаюся вашъ, моего государя, рабъ и слуга, казакъ *Афанасій Петровъ Перфильевъ*, атоманъ *Андрей Афанасьевъ*, сотникъ *Никита Ивановъ*, полковникъ *Григорій Левоновъ*, хорунжій *Иванъ Власовъ*, дежурный *Екимъ Васильевъ* и всѣхъ триста двадцать четыре человѣка о вышеписанномъ просимъ и земно кляняемся.

Іюля дня 1774 года.

Копія съ даннаго сего числа отъ его свѣтлости князя Григорія Григорьевича Орлова, паспорта по титулѣ.

По силѣ высочайшаго ея императорскаго величества изъустнаго повелѣнія объявителямъ сего чинить не токмо безпрепятственный вездѣ пропускъ, но и въ случаѣ требованія ихъ всякое возможное и скорое вспоможеніе, во утвержденіе чего данъ за подписаніемъ моимъ въ С. Петербургѣ. Августа дня 1774 года.

(Обѣ бумаги находятся при письмамъ императрицы Екатерины въ князю М. Н. Волконскому.)

ПОЛИТИКА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО

СЪ 1763 ПО 1775 ГОДЪ.

Предисловіе.

«Исторія моего времени» Фридриха II переведена съ Французскаго на Русскій языкъ г. Кирiякомъ (*) въ 1793 г. Къ сожалѣнію переводъ доведенъ только до Семилѣтней войны, и потому доставляетъ меньшій интересъ для Русской публики. Двѣ первыя части этой исторіи, переведенныя Кирiякомъ, не имѣютъ того внутренняго достоинства, которымъ отличается глава о политикѣ отъ 1763 по 1775 годъ,—плодъ созрѣвшей мудрости.

Въ этой части своихъ Записокъ Фридрихъ откровенно и положительно признаетъ иниціативу свою въ первомъ раздѣлѣ Польши.

Дѣйствія императрицы Екатерины II, распоряженія и донесенія ея исполнителей въ Польшѣ, озаренныя свѣтлымъ коментаріемъ Фридриха Великаго, становятся понятными. Изъ его разсказа ясно опредѣляется постоянное нерасположеніе Русскаго правительства къ принятію участія въ этомъ раздѣлѣ. Преступная гордость и пагубное ослѣпленіе Поляковъ въ дѣлѣ о Диссидентахъ, совершенно несогласныя ни съ вѣчными законами правосудія, ни съ духомъ и политической обстановкой того времени, были въ рукахъ короля Прусскаго рычагомъ, опрокинувшимъ и раздробившимъ Польшу. Фридрихъ Великій смываетъ съ Россіи пятно безнравственнаго и коварнаго образа дѣйствій, — главнаго обвиненія, взводимаго на Россію просвѣщенною и нравственною Европою. Самъ Фридрихъ Великій свидѣтельствуетъ въ описаніи событій 1778 г. о чистосердечіи и даже простосердечіи Русскаго Кабинета: «Графъ Панинъ вовсе не былъ приноровленъ къ хитросплетеннымъ уверткамъ Австрійскихъ негоціацій. Необходимо было его постоянно предупреждать объ уготовленныхъ ему западняхъ, и не будь за нимъ внимательнаго присмотра, князь Кауницъ металъ бы его то въ одну, то въ другую сторону, по желанію».

(*) См. Р. Архивъ 1867, стр. 673 и 1266.

Сознаніе правоты Россіи въ этомъ вопросѣ выражено въ депешѣ короля отъ 31 Іюля 1772 г. къ графу Сольмсу. «Это общее правило въ политикѣ, что за неимѣніемъ неотразимыхъ аргументовъ, лучше выражаться лаконически, чѣмъ разбирать предметъ по мелочамъ. Я очень хорошо знаю, что Россія можетъ представить въ подтвержденіе гораздо болѣе основаній; но что касается до насъ, то дѣло совсѣмъ другое».

Король, во вступленіи къ труду своему, съ авторскимъ самолюбіемъ разсказываетъ, какъ онъ создалъ и осуществилъ планъ о раздѣлѣ Польши. Хотя онъ приписываетъ иниціативѣ императрицы Екатерины кандидатуру Станислава Понятовскаго и вопросъ о Диссидентахъ (оба пункта, на коихъ вертѣлось все дѣло), однако онъ немедленно за тѣмъ, увлеченный поэтической реминисценціей, рисуетъ себя передъ потомствомъ, «ухватившимъ за волосы окказію,» и въ самомъ началѣ своего повѣствованія высказываетъ, что ему, въ слѣдствіе первыхъ его, послѣ смерти Августа III, дипломатическихъ соображеній, удалось вывести Петербургскій кабинетъ изъ его нерѣшительности именно по этимъ самымъ вопросамъ.

Для разъясненія весьма сокровеннаго разсказа короля относительно конституціонныхъ вопросовъ и подтвержденія его словъ относительно вопроса территоріальнаго, въ слѣдъ за выписками изъ «Исторіи моего времени,» представлены въ переводѣ и разсмотрѣны письма короля, императора Іосифа и другихъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

Настоящее изслѣдованіе совершенно согласно съ выводами Фридриха Смитта (Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Paris, 1861) и опирается на тѣхъ же документахъ. Такимъ образомъ оно можетъ служить дополненіемъ къ русскому переводу его сочиненія «Суворовъ и паденіе Польши,» изданному при совѣщательномъ комитетѣ главнаго штаба подъ редакціею князя Голицына. Вся разница заключается въ томъ, что Фридрихъ Смиттъ преимущественно обращалъ вниманіе на найденныя въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д. и изданныя имъ депеши короля, а здѣсь главнымъ основаніемъ служатъ Записки короля и переписка императора Іосифа II съ Маріей Терезіей (Maria Theresia und Joseph II, A. Arneth. Wien 1867). Корреспонденція короля съ графомъ Сольмсомъ, изданная Фр. Смиттомъ, не восходитъ, за весьма малымъ исключеніемъ, ранѣе 1769 года. Этотъ важный пробѣлъ отчасти пополненъ изъ писемъ императрицы Екатерины и Фридриха II и переписки графа Панина съ княземъ Репнинымъ, изданныхъ С. М. Соловьевымъ въ 1863 году въ «Исторіи паденія Польши.»

Князь Павелъ Вяземскій.

I. ВЫПИСКИ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО:

„Исторія моего времени".

.....Образъ дѣйствій Англіи въ концѣ послѣдней войны расторгъ нашъ союзъ съ этою державою. Отдѣльный миръ, заключенный ею съ Франціей, переговоры начатые ею съ Россіею въ видахъ поссорить меня съ Петромъ III, заискиванія при дворѣ Вѣнскомъ съ пожертвованіемъ моихъ интересовъ, всѣ эти гнусности (infamies), разорвавъ связи, существовавшія между мной и Великобританіей, оставили меня послѣ общаго мира отчужденнымъ и безъ союзниковъ въ Европѣ. Это критическое положеніе было однако не продолжительно. Въ концѣ 1763 года дѣла приняли оборотъ болѣе благопріятный. Русскій дворъ былъ какъ будто ошеломленъ быстрой перемѣной, въ средѣ его совершившейся; нужно было время, чтобы собраться съ мыслями. Новая императрица едва утвердила внутреннее управленіе, какъ уже простерла свои виды далѣе: она приступила къ сближенію съ Пруссіей. Съ начала появились одни объясненія (1), но

---

(1) Въ концѣ Января 1763 г. графъ Сольмсъ писалъ королю, что графъ Панинъ въ весьма откровенномъ и довѣрительномъ разговорѣ сообщилъ, что императрица не видитъ въ Европѣ настоящей системы, что она готова сблизиться съ королемъ по всеобщемъ умиротвореніи, потому что это сближеніе благопріятно для мира. — Графъ Сольмсъ извиняется предъ королемъ, *„что онъ не дѣлалъ предложеній особеннаго рода,* чтобы не испортить дѣла и потому, что не сомнѣвается, чтобы подкупленный министръ могъ бы говорить съ бо́льшимъ довѣріемъ и дѣйствовать съ бо́льшею откровенностію, чѣмъ графъ Панинъ."

О честности графа Панина не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ тогдашнемъ Петербургскомъ дипломатическомъ корпусѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Sabathier de Cabres, весьма враждебно расположенный къ Русскому правительству, въ особенности къ графу Панину. Изъ этихъ объясненій, до кончины Августа III., С. Соловьевъ стр. 18 приводитъ письмо Фридриха II, въ коемъ онъ совѣтуетъ принять мѣры въ Варшавѣ, чтобы тамъ не были заключены союзы о престолонаслѣдіи. „Фридрихъ не скрывалъ, что желалъ бы видѣть на Польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣ-

вскорѣ обоюдная потребность соединиться оказалась не загадочной. Въ то время, какъ эти переговоры начали оживляться, скончался Августъ III король Польскій, и это неожиданное событіе достаточно было, чтобы ускорить заключеніе оборонительнаго союза между Россіей и Пруссіей. Императрица захотѣла располагать по своему выбору этимъ незанятымъ престоломъ: Пруссія была для этой цѣли союзникъ наиболѣе подходящій. Вскорѣ затѣмъ Станиславъ Понятовскій былъ избранъ королемъ Польскимъ. Это избраніе не имѣло бы прискорбныхъ послѣдствій, если бы императрица на этомъ остановилась; но она потребовала сверхъ того, чтобы Республика даровала значительныя преимущества Диссидентамъ ([2]). Эти новыя требованія подняли всю Польшу; вельможи королевства обратились къ Туркамъ съ мольбою о помощи; вскорѣ война загорѣлась, и Русскимъ войскамъ стоило показаться, чтобы побѣждать мусульманъ при каждой встрѣчѣ.

Эта война перевернула всю политическую систему Европы. *При открывающемся новомъ поприщѣ, надлежало или быть человѣкомъ, или совершенно окоченѣть* (enseveli dans un stupide engourdissement) ([3]) *чтобъ не воспользоваться столь выгоднымъ случаемъ. Читавъ когда-то превосходную аллегорію Боярдо, я схватилъ за волосы представляющуюся окказію*

чала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ, смотрящій въ гробъ, ибо тогда начнутся новыя волненія и интриги съ разныхъ сторонъ въ чаяніи скорыхъ выборовъ".

Къ этимъ первымъ объясненіямъ принадлежитъ упоминаемая въ пр. 9. депеша гр. Сольмса отъ 23 Августа 1763 года.

([2]) Слѣдуетъ сравнить объ инициативѣ короля въ дѣлѣ избранія Пяста, и именно Понятовскаго слѣдующій за симъ разсказъ о началѣ переговоровъ съ графомъ Панинымъ, а въ дѣлѣ Диссидентовъ запросъ его у императрицы въ Апрѣлѣ 1764 года и вторую его крайне возбудительную записку по этому же предмету. См. ниже.

([3]) Намекъ на лѣта, немощи и изнуреніе силъ вслѣдствіе столькихъ трудныхъ кампаній. Король объ этомъ говоритъ въ началѣ своего предисловія, объясняя, что послѣ его Исторіи о Семилѣтней войнѣ онъ не предполагалъ болѣе продолжать свои политическія и военныя повѣствованія и, предвидя скорую кончину, желалъ лишь исцѣлить мудрымъ и дѣятельнымъ управленіемъ неисчислимое зло, причиненное войною всѣмъ подвластнымъ областямъ. "У меня подагра въ ногахъ (пишетъ король гр. Сольмсу отъ 5-го Февраля 1772 г. по поводу Австрійскаго предложенія объ уступкѣ Глацкаго графства вмѣсто ихъ доли въ Польшѣ), а такія предложенія можно было бы мнѣ дѣлать, если бы подагра была у меня въ головѣ".

и, неутомимо договариваясь и интригуя (à force de negocier et d'intriguer), *успѣлъ вознаградить нашу монархію за прошлые убытки, вплотивъ Польскую Пруссію въ мои старыя области.*

....Въ концѣ 1763 года *приступлено* было къ переговорамъ въ Россіи, для заключенія съ этой державой оборонительнаго союза: въ Петербургѣ былъ тогда только одинъ графъ Панинъ хорошо расположенъ къ Пруссіи: старинный врагъ короля канцлеръ Бестужевъ ([4]), производитель всѣхъ ссоръ, возникавшихъ между обоими дворами, глухо противодѣйствовалъ, и былъ поддерживаемъ у императрицы графомъ Орловымъ, который тогда былъ извѣстнымъ любимцемъ этой государыни. Дворы Вѣнскій и Дрезденскій подъ рукою интриговали, сколько могли, чтобы перечить негоціаціи графа Сольмса. Австрійцы представляли императрицѣ Россійской, что только союзъ съ ихъ державой можетъ быть выгоденъ для Русскихъ, потому что дворъ Вѣнскій былъ одинъ въ состояніи поддерживать ихъ противъ Турокъ, ихъ общаго врага. Саксонцы имѣли другія причины подрывать переговоры графа Сольмса: они ходатайствовали о поддержкѣ и покровительствѣ императрицы, дабы проложить себѣ дорогу къ престолонаслѣдію въ Польшѣ, въ случаѣ кончины Августа III. Саксонцы, управляемые графомъ Брюлемъ, всегдашнимъ врагомъ Пруссаковъ, были и безъ того расположены пріобщить свои происки къ проискамъ любой державы, чтобы подрывать или ослаблять все то, что могло способствовать вліянію короля на европейскія дѣла

Нужно было неожиданное обстоятельство, чтобы покончить и порѣшить этотъ кризисъ: оно стукнуло какъ бы въ назначенный часъ: Августъ III король польскій скончался въ Дрезденѣ 5-го Октября того же года. Сынъ его курфюрстъ Саксонскій сошелъ вслѣдъ за отцомъ въ могилу: внукъ Августа, сдѣлавшійся тогда курфюрстомъ, не достигъ еще совершеннолѣтія. Эти двѣ столь быстрыя кончины и нахожденіе молодаго принца подъ опекой внезапно измѣнили положеніе дѣлъ; съ тѣхъ поръ происки и стачки Французовъ, Саксонцевъ и Австрійцевъ не могли болѣе ничего

([4]) Графъ Бестужевъ открыто поддерживалъ интересы Саксонскаго дома. С. Соловьевъ, въ Ист. Паденія Польши, приводитъ его записку по этому предмету, стр. 14, 15, 16, въ коей онъ впрочемъ кончаетъ тѣмъ, что отдаетъ предпочтеніе выбору Станислава Понятовскаго надъ выборомъ Адама Чарторижскаго.

произвести въ Петербургѣ. Графъ Панинъ ([5]) одержалъ верхъ и сдѣлался великимъ государственнымъ канцлеромъ, *и въ силу его вліянія на умъ императрицы, онъ убѣдилъ ее помѣстить Пяста* ([6]) *на престолъ Польскій. Чтобы идти по-вѣриякй, Екатерина сообщила свои предположенія Прусскому королю* ([7]). Государь этотъ обѣщалъ ихъ поддержать и, не ожидая подписанія трактата,

---

([5]) Въ теченіи Ноября 1763 г. дипломатическій корпусъ былъ извѣщенъ что графъ Панинъ назначенъ членомъ въ Иностранную Коллегію, и нѣсколько дней спустя ему ввѣрено было главное управленіе дѣлами этой Коллегіи.

([6]) Коренная польская династія, царствовавшая съ 842 по 1370 годъ. Пястами въ концѣ XVII столѣтія называлась партія, требовавшая избранія на престолъ Польскій потомка Пяста. Изъ фамилій претендующихъ на происхожденіе отъ Пястовъ избраны были до Станислава Понятовскаго Вишневецкій, Собѣсскій и Лещинскій.— Графъ Панинъ отказывался отъ преданій Русскаго двора въ пользу Саксонскаго дома, находившагося въ то время въ союзѣ съ Австріей и Франціей, и проводилъ мысль объ избраніи Пяста для преуспѣянія лелѣянной имъ сѣверной системы. Если кандидатура Пяста могла быть одной изъ точекъ опоры воздвигаемаго имъ сѣвернаго аккорда, то это могло быть расчитываемо лишь на расположеніи Фридриха II въ пользу этой кандидатуры.—Со времени Петра Великаго Россія находилась въ тѣсномъ союзѣ съ Саксонскимъ домомъ и встрѣчала противудѣйствіе со стороны Рѣчи Посполитой. Избраніе Поляка могло только усилить это противудѣйствіе.

([7]) Императрица Екатерина II писала къ Фридриху II-му:

„Получивши извѣстіе о смерти короля Польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ В. В. и такъ какъ мы согласны на счетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и безъ дальнѣйшихъ околичностей я предлагаю В. В. между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ В. В. и мнѣ за то что мы для него сдѣлаемъ. Если В. В. согласны, то это стольникъ Литовскій, графъ Станиславъ Понятовскій, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ. Этого нельзя сказать о главахъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. В. В. мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, заинтересованные тѣмъ, что одинъ изъ ихъ дома будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. В. В. не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: они въ связи съ моими государственными правилами. — Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно.“

На встрѣчу этого письма шло письмо Фридриха, въ коемъ онъ совѣтуетъ императрицѣ. „Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность дастъ Вамъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войска въ Польшу; мнѣ кажется, что если Вы объявите Саксонскому двору, что не можете согласиться на избраніе курфирста въ короли Польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаетъ дѣла.“ (Оба письма у С. Соловьева, стр. 19).

который онъ негоцировалъ въ Петербургѣ, поручилъ министру своему въ Варшавѣ поддерживать русскаго министра, находившагося въ этой столицѣ, и представлять по поводу будущаго избранія самыя сильныя и настойчивыя внушенія (les insinuations les plus fortes et les plus nerveuses) примасу и знатнѣйшимъ вельможамъ въ Польшѣ. *Этотъ хорошо обдуманный поступокъ подѣйствовалъ наконецъ побудительно на нерѣшительность Петербургскаго Двора*; русскіе министры замѣтили своей государынѣ, насколько содѣйствіе короля Прусскаго облегчило ихъ негоціаціи, что́ окончательно убѣдило императрицу *заключить союзъ, предложенный ей королемъ.* Въ Январѣ 1764 года контръ-проектъ ([8]) былъ отправленъ изъ Берлина графу Сольмсу, и послѣ устраненія нѣкоторыхъ *затрудненій относительно содѣйствія и пособія, требуемыхъ отъ короля императрицею,* этотъ важный трактатъ былъ подписанъ въ Мартѣ мѣсяцѣ.

Чтобы не слишкомъ распространяться, я довольствуюсь изложеніемъ въ краткихъ словахъ сущности его. Трактатъ былъ ограниченъ и долженъ былъ продолжаться только восемь лѣтъ; условлено было взаимное ручательство владѣній договаривающихся державъ; нельзя было заключить ни мира, ни перемирія безъ обоюднаго согласія; взаимно обѣщана была помощь въ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 2000 лошадей; секретною статьею было постановлено, что эта помощь будетъ оцѣнена, въ случаѣ если король будетъ аттакованъ на Рейнѣ, или императрица около Крыма,

---

([8]) Проэктъ договора былъ посланъ изъ Берлина въ Августѣ 1763 года. Онъ былъ разсматриваемъ въ Секретномъ Комитетѣ, въ коемъ графъ Панинъ не участвовалъ. По вступленіи графа Панина въ управленіе дѣлами Иностранной Коллегіи, колебанія продолжались касательно выбора между союзомъ Прусскимъ и Австрійскимъ. 25 Января 1764 г., Русскій контръ-проэктъ былъ подписанъ графомъ Панинымъ и княземъ Голицынымъ; то что́ король называетъ своимъ контръ-проэктомъ, отправленнымъ изъ Берлина въ Январѣ 1764 г, былъ составленный имъ проэктъ въ Августѣ 1763 г., измѣненный можетъ быть въ Январѣ, въ слѣдствіе замѣчаній Петербургскаго кабинета и побудившій наконецъ графа Панина представить свой контръ-проэктъ. — Къ этому времени относится вѣроятно записка императрицы: „Кончайте скорѣй союзъ съ королемъ Прусскимъ, а не то, я думаю мы дадимъ промахъ (Faites que l'Alliance avec le Roi de Prusse s'acheve sans quoi je crois que nous manquerons notre coup.)— Замѣчанія короля на русскій контръ-проэктъ 25 Января отправлены изъ Берлина 10-го Февраля 1764 г.

ежегодно въ 400.000 рублей или 480.000 талеровъ на наши деньги. Что касается до Польши, то условлено было противиться, дабы королевство не сдѣлалось наслѣдственнымъ и не допускать предпріятій тѣхъ лицъ, которыя попытались бы, измѣняя образъ правленія, ввести власть единодержавную (9). Сверхъ того обѣщано было покровительствовать Диссидентамъ противъ угнетенія господствующей церкви.

Наконецъ секретною конвенціею, подписанною въ тотъ же день, условились дѣйствовать такимъ образомъ, что избраніе выпало на Пяста, и Пястъ этотъ былъ Станиславъ Понятовскій, стольникъ Литовскій. Императрица Россійская знала его давно и была къ нему расположена. Вскорѣ 10.000 Русскихъ приблизились къ Варшавѣ; въ тоже время на границахъ Польши Прусскія войска дѣлали демонстраціи, способныя убѣдить этихъ республиканцевъ, а также и прочія державы, что желающіе вмѣшаться въ дѣло этого избранія противъ воли Пруссіи и Россіи найдутъ съ кѣмъ поговорить и хорошо сдѣлаютъ, если объ этомъ прежде не разъ подумаютъ (trouveraient à qui parler, et feraient bien d'y penser plus d'une fois). Срокъ собранія избирательнаго сейма приближался; достоинство обоихъ дворовъ требовало назначить туда первокласнаго и титулованнаго министра; король назначилъ посломъ князя Каролата Шёнайха, отправившагося немедленно въ Варшаву. Форма сейма была измѣнена: сеймъ былъ собранъ подъ именемъ конфедераціи, дабы уничтожить Liberum Veto или Nieposwolam противной партіи, и чтобы

---

(9) 23 Августа 1763 г. графъ Сольмсъ писалъ Фридриху, что графъ Панинъ полагаетъ, что не слѣдуетъ помогать Полякамъ установить единодержавіе, какъ они того желаютъ. Фридрихъ 8 Сентября отвѣчалъ: „Скажите графу Панину, что относительно Польши я съ нимъ одного мнѣнія.“ Тѣмъ не менѣе императрица Екатерина сочувствовала Русской партіи, партіи Чарторижскихъ, стоявшихъ во главѣ преобразователей, стремившихся къ усиленію монархической власти и содѣйствовала ей вопреки противудѣйствія Фридриха II. Въ нотѣ представленной въ Ноябрѣ 1767 года графъ Сольмсъ прямо обвиняетъ князя Репнина въ поддержкѣ этихъ стремленій и именно учрежденія Постояннаго Верховнаго Совѣта. Слѣдуетъ сравнить донесенія Репнина отъ 11(22) и 12(23) Декабря 1763 г., въ пользу реформъ, изданныя С. Соловьевымъ (Исторія паденія Польши), разговоръ Сальдерна съ Фридрихомъ II, приведенный у насъ здѣсь ниже, чтобы убѣдиться, какъ добросовѣстно русское правительство смотрѣло на этотъ предметъ. Съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что поддержка конституцій въ Польшѣ и Швеціи была въ традиціяхъ Петербургскаго кабинета. Императрица отчасти поддерживала этотъ принципъ до самой Французской революціи.

большинство голосовъ было бы достаточно для утвержденія постановленій, которыя внушены будутъ выборнымъ отъ палатинатовъ. За этимъ сеймомъ послѣдовалъ другой въ Августѣ мѣсяцѣ, также принявшій форму конфедераціи; этотъ сеймъ, въ слѣдствіе сильныхъ внушеній и поддержки пословъ Русскаго и Прусскаго, избралъ единогласно 7-го Сентября Станислава Понятовскаго королемъ Польскимъ; и этотъ государь былъ признанъ таковымъ всѣми европейскими державами.

Подъ годомъ 1765.

...Въ концѣ этого года собранъ былъ еще сеймъ въ Польшѣ. Императрица Россійская объявила себя покровительницею Диссидентовъ, часть которыхъ были Греки. Она требовала, чтобы имъ даровано было свободное исполненіе обрядовъ ихъ вѣры, и чтобы они могли занимать должности наравнѣ съ ихъ соотечественниками. *Это предложеніе было сѣмя всѣхъ послѣдовавшихъ раздоровъ и войнъ.* Посланникъ Прусскій представилъ записку ([10]) сейму для внушенія оному, что его государь не можетъ глядѣть съ равнодушіемъ на уничтоженіе Liberum Veto, учрежденіе новыхъ налоговъ и увеличеніе числа коронныхъ войскъ. Республика уважила это представленіе. Она не оказала той же угодливости въ отношеніи привилегій, испрошенныхъ въ пользу Диссидентовъ. Сеймъ не только не уважилъ оныхъ, но въ какомъ-то фанатическомъ восторгѣ подтвердилъ конституціи, наиболѣе возбуждавшія жалобы Диссидентовъ. Самое отрадное, до чего Русскій дворъ могъ добиться, было распущеніе этого сейма и конфедераціи, его созвавшей. Императрица, затронутая за живое дерзкою грубостію, съ каковою Поляки къ ней относились, рѣшилась поддержать дѣло Диссидентовъ открытою силою; немедля она пригласила короля принять съ его стороны участіе въ мѣрахъ ею предпринимаемыхъ, *къ чему этотъ государь уже обязался въ силу своего союзнаго договора.*

Подъ годомъ 1767.

...Однако неудовольствіе Поляковъ становилось почти всеобщимъ: во всемъ народѣ раздался громкій ропотъ; судя по немъ, дѣло шло объ уни-

---

([10]) Слѣдуетъ сравнить запросъ короля о мнѣніи императрицы относительно Диссидентовъ и вторую записку, упоминаемыя выше въ подстрочномъ примѣчаніи 2-мъ и ниже на стр 297.

чтоженіи Русскими католической вѣры; провозглашали, что каждый государь, рожденный въ нѣдрахъ Апостолической Римской Церкви, былъ совѣстію обязанъ поддержать оную. Эти часто повторяемые крики начинали производить впечатлѣніе на Вѣнскій дворъ, но болѣе всего самоуправство Русскаго правительства съ Поляками. Гордость императрицы Маріи Терезіи подымалась на дыбы (se cabrait) предъ гордостію императрицы Россійской. Вслѣдствіе неудовольствія императрицы, были произведены нѣкоторыя передвиженія войскъ въ Австрійскихъ областяхъ; начинали заниматься военными приготовленіями, не такими какъ они нужны для немедленнаго начатія кампаніи, но такими, которыя служатъ для приведенія въ дѣйствіе важнаго плана. Слухъ объ этомъ вооруженіи, быстро по всюду распространившійся, до нѣкоторой степени причинилъ тревогу при Петербургскомъ дворѣ. Опасенія императрицы Россійской подали поводъ къ секретной конвенціи между этой державой и Пруссіею, весьма скоро заключенной (23 Апрѣля 1767 г.) Въ сущности она постановляла, что императрица введетъ корпусъ въ Польшу для поддержанія партіи Диссидентовъ; а король, чтобы не возбудить въ Вѣнскомъ дворѣ новыхъ опасеній, ограничится ([11]) содѣйствіемъ предпріятіямъ Русскихъ сильными декларацiями, способными устрашить недовольныхъ. Однако постановлено было, что въ случаѣ если Вѣнскій дворъ введетъ войска въ Польшу для непріязненныхъ дѣйствій противъ Русскихъ, то его величество объявитъ себя и будетъ дѣйствовать открыто противъ Австрійцевъ, даже съ произведеніемъ сильной диверсіи въ ихъ владѣніяхъ; въ добавокъ было условлено, что, въ уваженіе войны, которую королю придется

([11]) При свиданіи въ Нейсѣ король сообщалъ императору Іосифу: „что союзъ съ Россіей для него больно безпокоенъ, что онъ платитъ 500.000 талеровъ вмѣсто условленнаго числа войскъ, что онъ имѣлъ счастіе и ловкость избѣжать этого, объяснивъ Русскимъ, что въ случаѣ если онъ пошлетъ туда (въ Польшу) войско, мы (Австрійцы) на него нападемъ, что ему надобно будетъ защищаться, и затѣмъ у нихъ (Русскихъ) не будетъ ни войска (Прусскаго) ни денегъ (Прусскихъ): собственноручная записка императора при письмѣ къ матери отъ 29-го Августа 1769 года, изданная Арнетомъ въ Вѣнѣ. Фридрихъ Великій излагаетъ ту же мысль въ депешѣ къ графу Сольмсу въ отвѣтъ на упрекъ графа Панина и на требованія Русскаго кабинета о содѣйствіи, по поводу Барской конфедераціи. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что обязался содѣйствовать Россіи лишь записками и декларацiями и объясняетъ свой образъ дѣйствій (одобренный императрицею) соображеніемъ или скорѣй уловкою, сообщаемою императоромъ Іосифомъ матери. — (Депеша къ графу Сольмсу у Фридр. Смитта, часть первая, стр. 126).

вести единственно ради интересовъ Россіи, императрица обѣщала поддержать короля *войскомъ и доставить ему приличное вознагражденіе послѣ заключенія мира.* Связи, становясь все болѣе и болѣе дружескими, между королемъ и Россіей, подѣйствовали на Вѣнскій дворъ; случайности, коимъ этотъ дворъ подвергалъ бы себя, превышали тѣ выгоды, которыя могли быть извлечены, и Вѣнскій дворъ рѣшился оставаться спокойнымъ зрителемъ происшествій.

Подъ тѣмъ же годомъ (1767).

..... Въ слѣдствіе возбужденій Русскихъ, Диссиденты составили конфедерацію. Она находилась подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, только что вступившихъ въ королевство. Въ то же время прусскій министръ, пребывающій въ Варшавѣ, объявилъ, что королъ смотритъ на возстановленіе Диссидентовъ какъ на условіе Оливскаго трактата и его союза съ императрицею Россійскою, и что онъ проситъ Республику уважить ихъ жалобы. Король Польскій принялъ депутатовъ этихъ Диссидентовъ: это подало поводъ къ Senatus Consilium, и созванъ чрезвычайный сеймъ. 5 Октября этотъ сеймъ собрался подъ покровомъ русскихъ войскъ, окружившихъ Варшаву. Князь Репнинъ, посолъ Екатерины, человѣкъ характера столь же вспыльчиваго, какъ и отважнаго, употребилъ лишь насильственныя мѣры для подчиненія сейма: онъ обратилъ пушки на залу, гдѣ были собраны нунціи; онъ велѣлъ захватить епископовъ Краковскаго, Кіевскаго и польнаго гетмана короннаго ([12]) Ржевуцкаго. Всѣ они были отъявленные враги Диссидентовъ; ихъ отправили въ ссылку за Москву, по направленію къ Сибири. Прочихъ нунціевъ заставили ограничить продолженіе сейма до 1-го Февраля 1767 г., и назначены были уполномоченные въ коммиссію для совершеннаго окончанія дѣлъ, именемъ Республики.

(1768). Посланники русскій, прусскій и протестанскихъ державъ и маршалы Диссидентовъ присутствовали при засѣданіяхъ этой коммисіи; здѣсь подписанъ былъ актъ, въ силу коего Диссиденты были возстановлены въ ихъ правахъ. Вскорѣ за тѣмъ приступлено было къ подписанію кардинальныхъ законовъ королевства, въ силу коихъ власть пер-

([12]) Польныхъ, т. е. походныхъ, гетмана было два, коронный и литовскій; они были подчинены великимъ гетманамъ каждый, по принадлежности, коронному и литовскому. Фридрихъ ихъ называетъ grand et petit général.

выхъ должностей Республики была ограничена, и именно власть великаго гетмана. Сеймъ долженъ былъ утвердить эти новые законы, послѣ чего онъ разошелся.

Столько дѣйствій верховной власти, предпринятыхъ чужеземной державой въ этой Республикѣ, взволновало всѣ умы; гордость князя Репнина ихъ не успокоивала; занимающіе первыя должности, уязвленные въ сердцѣ уменьшеніемъ ихъ могущества, не могли переварить измѣненій столь же унизительныхъ, какъ и вредныхъ для ихъ власти. Епископы, у коихъ половина епархіи состояла изъ Диссидентовъ, обнадеживавшіе себя обращеніями увеличить свои доходы, видѣли, что надежды ихъ рушатся, въ слѣдствіе новыхъ законовъ; они соединились въ силу своихъ интересовъ, и предвидя, что народъ не воспламенится изъ-за тѣхъ убытковъ, о которыхъ они сѣтуютъ, рѣшились прибѣгнуть къ фанатизму и возбуждать безмозглыя головы (ames stupides) къ защитѣ своихъ пастырей: епископы и магнаты, соединенные равнымъ неудовольствіемъ, распустили слухъ въ публикѣ, что Россія въ согласіи съ Польскимъ королемъ намѣревается уничтожить Католическую Апостолическую Римскую вѣру; что все потеряно, если не возмутся за оружіе, и если существуютъ еще усердные и набожные католики, то они должны сбѣгаться для защиты и спасенія своихъ алтарей.

Народъ, раздраженный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ расположены были Русскія войска, уже начиналъ выходить изъ терпѣнія и неоднократно обнаруживалъ неудовольствіе. Эта безумная толпа, созданная для того, что быть руководимой тѣми, кто даетъ себѣ трудъ ее обманывать, легко поддалась обольщенію священниковъ. Защита вѣры была знаменіемъ и собирательнымъ крикомъ; фанатизмъ обуялъ всѣ умы; вельможи воспользовались увлеченіемъ своихъ холоповъ, чтобы потрясти иго, начинавшее становиться для нихъ невыносимымъ. Уже вылетали искры изъ подъ пепла еще тлѣющаго огня: можетъ быть, вліяніе союзныхъ дворовъ его бы затушило, еслибы Франція, изъ ревности желавшая поселить раздоры и смуты на Сѣверѣ, усиленно раздувая этотъ огонь, не произвела бы послѣдовавшаго всеобщаго пожара.

Далѣе подъ тѣмъ же годомъ (1768)..... Кромѣ ревности, возбужденной во Франціи избраніемъ короля Польскаго, въ коемъ она не имѣла никакого участія, въ Версали не могли простить императрицѣ Россійской того, что она отстала отъ большаго союза и того, что она заклю-

чила отдѣльный миръ съ королемъ Прусскимъ. Г. Шуазель, въ отомщеніе, возбудилъ противъ Екатерины Поляковъ и Турокъ. Онъ также хотѣлъ, чтобы Шведы сдѣлали диверсію въ Финляндіи и Эстоніи и надѣялся, этими разными средствами, возбудить войну противъ Россіи, изъ коей ей трудно было бы выйти съ выгодой. Съ того времени французскіе эмиссары распространились повсюду: одни обнадеживали Поляковъ къ защитѣ своей свободы; другіе стремились въ Константинополь и подбивали Порту не смотрѣть равнодушно на самоуправство чужеземной державы въ Польшѣ; иные отправлялись въ Стокгольмъ, чтобы происками на сеймѣ измѣнить образъ правленія и предоставить королю самодержавную власть, дабы онъ могъ сдѣлать диверсію противъ Русскихъ въ пользу Турокъ и Поляковъ. Г. Шуазель, не довольствуясь столькими происками, старался отвлечь короля Прусскаго отъ державы, которую бы онъ могъ тѣмъ легче подавить. Съ сей цѣлью онъ предложилъ торговый договоръ, который имѣлъ быть составленъ въ Версали Г. де-Гюинъ завелъ объ этомъ переговоры въ Берлинѣ. Король не могъ не отправить г. Гольца въ Парижъ. Этотъ торговый трактатъ, представлявшій лишь незначительныя выгоды, былъ заторможенъ невозможными условіями, потому что они прямо противорѣчили обязательствамъ Пруссіи съ Россіей. Этотъ трактатъ, разумѣется, не былъ осуществленъ. Г-ну Шуазелю здѣсь не удалось, и онъ потерпѣлъ неудачу также и въ Швеціи, гдѣ на сеймѣ русская партія одержала верхъ надъ французской. Но въ Польшѣ было иначе, а равно и въ Турціи. Съ Марта, въ городѣ Барѣ въ Польшѣ образовалась конфедерація противъ Россіи; графъ Красинскій былъ выбранъ тамъ въ маршалы. Эта конфедерація породила нѣсколько другихъ; конфедераты ознаменовали первый шагъ своего возстанія уничтоженіемъ всѣхъ новыхъ законовъ; но, не довольствуясь этимъ первымъ испытаніемъ своихъ силъ, упоенные надеждой и въ чаду страстей, они замышляли не менѣе какъ свергнуть короля, и ждали случая, чтобы исполнить свое намѣреніе.

Король Польскій, узнавъ объ этомъ, встревоженный угрожающей опасностію, созвалъ Senatus Consilium, гдѣ условлено было просить помощи у Россіи для поддержки ею посаженнаго на престолъ Понятовскаго; это было сигналомъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Русскіе, не имѣвшіе 10 тысячъ человѣкъ въ этомъ королевствѣ, били однако всѣхъ конфедератовъ, которые оказывали сопротивленіе; но такъ какъ они не были

довольно численны, чтобы ихъ уничтожать, то этотъ рой шмелей, разогнанный въ одномъ мѣстѣ, появлялся немедленно въ другомъ. Въ одной изъ этихъ стычекъ въ Подоліи, Русскіе, не зная того, преслѣдовали конфедератовъ за предѣлы Турціи; маленькій городъ Балта, куда Поляки укрылись, былъ сожженъ. Это нарушеніе границъ было предлогомъ, послужившимъ Туркамъ объявить войну Россіи.

Подъ годомъ 1769.

. . . . . съ другой стороны объявленная между Портой и Россіей война обязывала короля исполнить его условія съ императрицей: надобно было платить субсидіи, по союзному договору, какъ мы уже сказали, составлявшія ежегодно 480 тысячъ прусскихъ талеровъ.

Чтобы какъ нибудь вознаградить себя за такой большой расходъ, король просилъ продолженія трактата съ Россіей, срокъ коего былъ опредѣленъ на 8 лѣтъ, причемъ прибавлено было еще нѣсколько выгодныхъ для него статей. Договоръ былъ продолженъ до 1782 года, и его величество выговорилъ предположительную гарантію маркграфствъ Барейтскаго и Анспахскаго, коихъ владѣтель, его племянникъ, не имѣлъ потомства. Императрица въ замѣнъ потребовала отъ Пруссіи гарантію нынѣшняго образа правленія въ Швеціи. Эта статья, вошедшая въ договоръ (cet article redigé) ограничивалась сохраненіемъ конституціи, объявленной въ этомъ королевствѣ въ 1720 году. (Графъ Гарсъ постановилъ эту конституцію для ограниченія верховной власти). Король обязался сдѣлать въ пользу Россіи диверсію въ шведской Помераніи, въ случаѣ, еслибы Шведы захотѣли посягнуть на этотъ основной законъ ихъ правительства.

Пока велись переговоры въ Берлинѣ, Русскіе и Турки уже вступили въ бой. Русскія войска, подъ начальствомъ кн. Голицына, разбили Оттомановъ близь Хотина, и за взятіемъ этого города послѣдовало завоеваніе Молдавіи. Генералы Екатерины не знали кастрометріи и тактики, а султановы имѣли еще менѣе свѣдѣній; такимъ образомъ, чтобы составить точное понятіе объ этой войнѣ, слѣдуетъ представить себѣ кривыхъ, которые, разъ хорошенько побивъ слѣпыхъ, берутъ надъ ними окончательно верхъ ([13]). Столь быстрые успѣхи тревожили равно союз-

([13]) Суворовъ былъ другаго мнѣнія. Онъ говорилъ про самаго себя, что онъ хотя безъ тактики и практики, а побѣды одерживаетъ и что его примѣру, а не Фридри-

никовъ Россіи, какъ и прочія европейскія державы. Пруссія должна была опасаться, чтобъ ея союзница, сдѣлавшись слишкомъ мощной, не захотѣла со временемъ ей предписывать законы какъ Польшѣ.

Эта перспектива была столь же опасна, какъ и грозна. Вѣнскій дворъ былъ слишкомъ дальновиденъ относительно своихъ интересовъ, чтобы не раздѣлять почти тѣхъ же опасеній. Общая опасность заставила на время забыть прежнюю вражду. Хотя изумительные успѣхи Русскихъ озабочивали всю Европу, но впечатлѣніе производимое на сосѣдственныя державы было гораздо сильнѣе

Опасность такимъ образомъ сблизила дворы Вѣнскій и Берлинскій. Одинъ шагъ повлекъ за собой другой. Императоръ, сѣтовавшій, какъ мы уже говорили, что свиданіе предположенное въ 1766 году не состоялось, предложилъ королю навѣстить его въ Силезіи; князь Кауницъ не противился его волѣ; императрица-королева также изъявила на это согласіе: объ этомъ дѣлѣ тотчасъ было переговорено, и условлено свиданіе въ Нейсѣ 25 Августа (1769).

. . . . . Король сказалъ императору, что онъ смотритъ на этотъ день, какъ на лучшій въ его жизни, потому что онъ обозначитъ эпоху соединенія обоихъ домовъ, слишкомъ долго враждовавшихъ; взаимная же ихъ выгода состоитъ въ пособіи другъ другу, а не въ уничтоженіи. Императоръ отвѣчалъ, что для Австріи нѣтъ болѣе Силезіи. За тѣмъ онъ довольно ловко далъ замѣтить, *что пока его мать жива, онъ не можетъ надѣяться имѣть достаточно вліянія на ея умъ, чтобы исполнить то, чего онъ желаетъ; однако не скрылъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ ни онъ, ни*

хову, послѣдовали полководцы Французской Республики. Онъ говаривалъ: „Я не знаю тактики, да тактика меня знаетъ.“ Много подобныхъ изреченій Суворова повторяется въ печати. Фридрихъ Смиттъ (Суворовъ и Паденіе Польши, пер. съ нѣмецкаго, подъ редак. князя Голицына. С.-Петербургъ 1866 г. Ч. I. стр. 255) приводитъ разговоръ Суворова съ принцемъ Кобургскимъ послѣ одержанной при Фокшанахъ побѣды 21 Іюля (1 Августа) 1789 г. на самомъ полѣ сраженія.

„Свиданія не нужны, сказалъ онъ. Я былъ увѣренъ, что мой другъ, принцъ Кобургскій, не согласится дѣйствовать согласно съ моими мыслями. Мой планъ аттаки былъ составленъ не по правиламъ тактики. Мы провели бы цѣлый день въ дипломатическихъ и тактическихъ преніяхъ, въ которыхъ я былъ бы побѣжденъ, но непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ и побилъ бы тактиковъ; а вмѣсто того — ура, съ нами Богъ!“

его мать никогда не допустятъ, чтобы Молдавія и Валахія остались во владѣніи Русскихъ (14).

Затѣмъ онъ предложилъ принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, для охраненія строгаго нейтралитета въ Германіи, въ случаѣ начатія войны между Англіей и Франціей.

. . . . . Императоръ обѣщалъ отъ имени матери и отъ своего, король обязывался честнымъ словомъ, вѣрно сохранить счастливо возстановленный миръ между Пруссіей и Австріей, и что въ случаѣ появленія какихъ либо другихъ замѣшательствъ, коихъ причины невозможно предвидѣть, они соблюдутъ строжайшій нейтралитетъ съ обѣихъ сторонъ, относительно ихъ обоюдныхъ владѣній: это соглашеніе, тайна коего была свято соблюдена, было подписано въ Нейсѣ, къ общему удовольствію обоихъ государей (28 Августа).

Надобно сознаться, что слѣпо довѣряться прямодушію Австрійцевъ было бы непростительной политической ошибкой; но при сочетаніи тогдашнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ перевѣсъ Россіи являлся слишкомъ значительнымъ, когда нельзя было предвидѣть, какія границы Россія опредѣлитъ для своихъ завоеваній, весьма кстати было сблизиться съ Вѣнскимъ дворомъ. Пруссія ощущала еще удары, нанесенные Россіей въ послѣднюю войну; не лежало въ интересѣ короля самому работать въ пользу увеличенія власти столь же угрожающей, сколько и опасной. *Предстояли двѣ дороги: или остановить ее среди громадныхъ завоеваній, или, что́ гораздо благоразумнѣе, попробовать искусно извлечь тутъ свои выгоды.* Король не пренебрегъ ничѣмъ для этой цѣли; онъ посылалъ въ Петербургъ политическій проэктъ, приписанный имъ нѣкоему графу Линару, извѣстному во время послѣдней войны негоціаціею договора Клостеръ-Севенскаго между Ганноверцами подъ начальствомъ герцога Кумберландскаго (расположенными въ лагерѣ близъ Стаде) и Французами подъ начальствомъ герцога Ришилье (15). Этотъ проэктъ заключалъ очеркъ возможнаго раздѣла пѣ-

(14) Эта откровенность императора дѣйствительно была весьма ловка, ибо она обѣщала много и вмѣстѣ съ тѣмъ представляла полную свободу дѣйствій. Она служитъ ключемъ для объясненія возможности послѣдующихъ колебаній и кажущихся противорѣчій въ политикѣ Австріи. — Слѣдуетъ сравнить депешу короля къ графу Сольмсу отъ 29 Февраля 1772 г. № 32 у Фридриха Смитта.

(15) Фридрихъ Смиттъ приводитъ по 2-му, т. е. послѣднему Берлинскому изданію 1846 года очеркъ этого проэкта, не находящагося въ прежнихъ изданіяхъ. Онъ пред-

сколькихъ польскихъ областей между Россіею, Австріею и Пруссіею. Цѣль этого раздѣла заключалась въ томъ, что Россія, вслѣдствіе раздѣла, могла спокойно продолжать войну съ Турками безъ опасенія быть остановленной въ своихъ предпріятіяхъ диверсіей, которую императрица-королева могла сдѣлать, подвинувъ корпусъ войскъ къ Днѣпру, что̀ отрѣзало бы Русскія войска отъ Польши, откуда они получали наибольшую часть продовольстія. Но большіе успѣхи Русскихъ въ Молдавіи и Валахіи и морскіе побѣды въ Архипелагѣ такъ упоили дворъ торжествами, что не было обращено никакого вниманія на такъ называемую записку графа Линара ([16]). *Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, оказалось нужнымъ обратиться къ другимъ мѣрамъ.*

полагаетъ, что графъ Герцбергъ умышленно скрылъ въ 1-мъ изданіи, что проэктъ трактовалъ о раздѣлѣ Польши. Разнорѣчія могутъ происходить отъ поправокъ и измѣненій самого короля, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вообще всѣ опущенія 1-го изданія были вызваны необходимостію сгладить оскорбительныя и компрометентныя выходки и прилагательныя касательно лицъ, пережившихъ Фридриха II въ 1788 году (годъ перваго изданія его посмертныхъ сочиненій). Графъ Герцбергъ впрочемъ, можетъ быть, дѣйствительно находилъ неприличнымъ это положительное сознаніе короля въ авторствѣ проэкта о раздѣлѣ. — Слишкомъ опредѣлительныя выраженія короля относительно собственныхъ его дѣйствій выпущены были въ изданіи подъ наблюденіемъ графа Герцберга, такъ напримѣръ слово: intrigner, при рѣчи о своихъ негоціаціяхъ о раздѣлѣ. Въ Парижскомъ изданіи 1866 г., не смотря на сдѣланное объявленіе, что оно согласно съ новымъ Берлинскимъ 1846 года, встрѣчаются почти всѣ пропуски, находящіяся въ старыхъ изданіяхъ.

([16]) Ферранъ приводитъ изъ бумагъ весьма свѣдующаго въ этихъ дѣлахъ Рюльера:..... „Фридрихъ попробовалъ скромно отправить въ Петербургъ, подъ именемъ одного составителя проэктовъ, планъ умиротворенія, по коему Пруссіи приходилась малая часть Польши. Но Екатерина, вмѣсто того, чтобы поддаться на подобныя соображенія, отвергла это сообщеніе съ презрѣніемъ.“

Этотъ составитель проэктовъ, графъ Рокъ-Фридрихъ-Линаръ, былъ въ Петербургѣ въ 1750 – 1751 годахъ по порученію Датскаго двора по дѣламъ Шлезвигъ-Гольстейнскимъ; въ 1757 негоцировалъ по порученію того же двора конвенцію Клостеръ-Севенскую. За тѣмъ жилъ въ деревнѣ у старшаго брата своего Морица Карла, бывшаго посланникомъ Польско-Саксонскимъ въ царствованіе Анны Іоанновны и во время регентства принцессы Анны. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ принцессы и былъ женихомъ фрейлины ея, Юліи Менгденъ. — По вступленіи на престолъ Елизаветы найденъ былъ императрицей въ бумагахъ принцессы данный Линаромъ Юліи Менгденъ вексель въ 30.000 рублей по займу для поѣздки въ Германію. По вступленіи на престолъ императрицы Екатерины, Линаръ не возвращался болѣе въ Россію. До представленія векселя онъ не соглашался платить, а по представленіи уплатилъ капиталъ безъ процентовъ. Въ 1764 году онъ наслѣдовалъ по-

Для Пруссіи было невыгодно совершенное подавленіе Оттоманскаго могущества, потому что въ случаѣ надобности оно могло быть употреблено съ пользою для диверсій въ Венгріи или въ Россіи, смотря по тому, съ которой изъ державъ пришлось бы воевать. Король разсудилъ, что, *побудивъ Вѣнскій дворъ вмѣшаться и присовокупивъ къ тому свое посредничество* ([17]), можно было возстановить миръ между воюющими державами *на условіяхъ, сходныхъ для обѣихъ сторонъ.*

Подъ годомъ 1770.

Второе свиданіе короля съ императоромъ было въ Нейштадтскомъ лагерѣ, въ Моравіи (3 Сентября). Нельзя было встрѣтить Австрійца, у котораго бы не вырывались враждебныя выходки противъ Русскаго народа.

мѣстья брата. Здѣсь онъ, и при жизни брата и послѣ его смерти, занимался богословскими и политическими предметами. Многое помѣщено было имъ въ изданіяхъ Бюшинга. Записки и депеши его были изданы, въ Гамбургѣ 1793 г. Фридрихъ Великій пишетъ о немъ и о его проектѣ графу Сольмсу отъ 2 Февраля 1769: „Графъ Линаръ прибылъ въ Берлинъ, чтобы выдать замужъ дочь свою за сына графа Камеке. Это тотъ же самый, что заключилъ договоръ Клостеръ-Севенскій. Онъ большой политикъ и управляетъ Европой изъ деревенской глуши, въ которую онъ удалился. У графа Линара явилась странная мысль: чтобы согласовать интересы монарховъ въ пользу Россіи, и чтобы разомъ дать другой оборотъ Европейскимъ дѣламъ, онъ хочетъ, чтобы Россія предоставила Вѣнскому двору, за его содѣйствіе противъ Турокъ, городъ Львовъ съ окрестностями, намъ Польскую Пруссію съ Варміей и право покровительства надъ Данцигомъ; и чтобы Россія, для вознагражденія своихъ военныхъ издержекъ, захватила бы часть Польши по удобству; тогда, за прекращеніемъ всякой ревности между Австріей и Пруссіей, обѣ державы могли бы съ соревнованіемъ одна передъ другой помогать Россіи противъ Турокъ. Этотъ планъ довольно блистателенъ и кажется заманчивымъ. Я счелъ долгомъ вамъ его сообщить.“

Въ окончаніи письма: „Вы знаете образъ мыслей графа Панина; или вы обо всемъ этомъ умолчите или воспользуетесь этимъ по вашему благоусмотрѣнію, *хотя мнѣ кажется, что въ этомъ болѣе блеска,* чѣмъ прочности.“ Кажется, онъ ему приписываетъ свой проэктъ о раздѣлѣ съ намѣреніемъ сдѣлать намекъ императрицѣ на проэкты, составляемые ею когда она была велик. княгиней, вмѣстѣ съ графомъ Линаромъ, въ кои входило отторженіе Польской провинціи для вознагражденія Фридриха II за предполагаемую уступку въ Пруссіи въ пользу Ангальтъ-Цербстскаго Дома.

([17]) Это малое число словъ заключаетъ въ себѣ полное оправданіе всѣхъ показаній о соглашеніи при свиданіяхъ Іосифа съ королемъ въ отношеніи къ Россіи по дѣламъ Турецкимъ и Польскимъ. Это показаніе короля ярче и съ бо́льшею подробностію выражено въ письмѣ императрицы Маріи Терезіи отъ 25 Января 1772.

Императоръ показался королю таковымъ, какъ онъ о немъ отозвался при первомъ свиданіи въ Нейсѣ. Князь Кауницъ, также находившійся въ Нейштадтѣ, имѣлъ продолжительныя конференціи съ Прусскимъ королемъ. Въ умѣ этого человѣка съ здравымъ разсудкомъ было много странностей: перебивать его рѣчь, когда онъ говорилъ, было для него оскорбленіемъ; вмѣсто того чтобы разговаривать, онъ читалъ диссертацію, предпочитая болѣе вслушиваться съ собственныя разсужденія, чѣмъ выслушивать то, что̀ ему говорятъ другіе. Разъ случилось императрицѣ-королевѣ спросить объясненія относительно предмета имъ весьма важно излагаемаго; князь Кауницъ, вмѣсто того чтобы ей отвѣтить, поклонился ей и сердито вышелъ изъ Совѣта. Въ конференціяхъ съ королемъ онъ распространялся высокопарно о системѣ своего двора; онъ его представлялъ за совершеннѣйшее политическое твореніе, коего самъ былъ творцомъ; затѣмъ онъ настаивалъ на необходимости противиться честолюбивымъ замысламъ Россіи, и объявилъ, что императрица-королева никогда не допуститъ ни перехода Русскихъ войскъ черезъ Дунай, ни пріобрѣтеній Русскимъ дворомъ въ сосѣдствѣ съ Венгріею. Онъ присовокупилъ, что согласіе Пруссіи и Австріи было единственной преградой, которую можно было бы предпоставить этому выступившему изъ береговъ потоку, угрожающему наводненіемъ всей Европѣ.

Когда онъ пересталъ говорить, король ему отвѣтилъ, что онъ всегда будетъ стараться поддерживать дружбу съ ихъ императорскими величествами, безпредѣльно имъ оцѣниваемую, но что съ другой стороны онъ проситъ князя Кауница обратить вниманіе на обязательства, возлагаемыя на короля союзомъ, заключеннымъ имъ съ Россіей, отъ котораго онъ ни въ какомъ случаѣ уклониться не можетъ, и что эти обязательства были въ тоже время препятствіями, мѣшающими ему приступить къ мѣрамъ, предложеннымъ ему въ послѣднее время княземъ Кауницемъ. Король присовокупилъ, что его единственное желаніе было помѣшать, чтобы война между Турками и Русскими не сдѣлалась бы всеобщей; для этой цѣли онъ отъ чистаго сердца предлагалъ себя *для примиренія обоихъ императорскихъ дворовъ;* что уже пора было объ этомъ подумать, дабы взаимныя неудовольстія не превратились въ открытую ссору. Однако, чтобы удержать Вѣнскій дворъ въ обнаруживаемыхъ имъ сомнительно-хорошихъ расположеніяхъ, король счелъ кстати повторить увѣренія, данныя имъ императору при посѣщеніи въ Нейсѣ.....

На другой день послѣ этой конференціи прибылъ въ Нейштадтъ курьеръ изъ Константинополя съ письмами отъ Каймакама, отъ 12 Августа, въ силу коихъ султанъ приглашалъ дворы Вѣнскій и Берлинскій взять на себя посредничество для устраненія несогласій, существующихъ между Портою и Россіею: въ этой депешѣ было положительно выражено, что Турки не хотятъ соглашаться ни на какой миръ, иначе какъ чрезъ посредство обоихъ дворовъ.

Императоръ согласился, что за это посредничество онъ обязанъ единственно стараніямъ короля Прусскаго въ Константинополѣ и выразилъ ему за то свою благодарность.

Въ этотъ же день король имѣлъ разговоръ съ княземъ Кауницемъ; онъ не преминулъ поздравить его съ этимъ счастливымъ событіемъ, которое могло его отчасти успокоить и даже уменьшить ревность, возбужденную въ его умѣ успѣхами Русскихъ. Онъ ему сказалъ, что эта просьба Порты давала Вѣнскому двору преимущество рѣшить относительно мирныхъ условій, которыя онъ пожелаетъ постановить между этими державами. Министръ принялъ этотъ комплиментъ со всею Австрійскою спѣсью и возвысивъ голосъ отвѣчалъ съ мнимымъ равнодушіемъ, что онъ одобряетъ сдѣланное Турками ходатайство. Можно сказать, что никакое посредничество не было принято съ такою готовностію.

.... Предложенія, сдѣланныя Портою Берлинскому и Вѣнскому дворамъ, были сообщены Петербургскому. Его величество въ тоже время предписалъ внушить въ Россіи, что въ случаѣ отказа императрицы въ посредничествѣ Австріи и Пруссіи, слѣдуетъ опасаться обращенія султана къ Франціи съ просьбою о помощи. Эта мысль одна могла побудить Петербургскій дворъ не отвергать Австрійскаго посредничества, потому что чувство, отталкивающее отъ Вѣнскаго двора, далеко не равнялось ненависти къ Версальскому Сначала Русскіе отвѣтили, что не могутъ принять посредничество, предлагаемое обѣими державами, подъ предлогомъ, что они отвергли Англійское. Однако изъ учтивости и во вниманіе къ обязательнымъ стараніямъ обоихъ дворовъ, Русскіе, опасаясь въ слѣдствіе вмѣшательства другихъ державъ, помѣхи въ предположеніяхъ, составленныхъ ими для мира, попытались завести съ Турками прямые переговоры, поручивъ ихъ фельдмаршалу Румянцеву, который могъ договариваться непосредственно съ великимъ визиремъ, что кромѣ названія было въ сущности то же, что принять наше предложеніе.

Такъ какъ попытка осталась безъ успѣха, то они согласились на предложенія, сдѣланныя имъ передъ тѣмъ дворами Берлинскимъ и Вѣнскимъ.

Случилось, что въ это же самое время принцъ Генрихъ, братъ короля, посѣтилъ въ Стокгольмѣ свою сестру, королеву Шведскую. Императрица, въ молодости знавшая принца въ Берлинѣ, просила, чтобы ему дозволено было посѣтить Петербургъ; это была такая вещь, въ коей нельзя было отказать учтивымъ образомъ. Принцъ прибылъ въ Россію и, съ его умомъ, не замедлилъ взять верхъ надъ императрицей и убѣдилъ ее открыться передъ королемъ, его братомъ. При письмѣ императрицы препровождалась длинная записка, заключающая условія мира, которыя должны были служить основаніемъ для предполагаемыхъ переговоровъ. Послѣ вступленія, объявлявшаго величайшую умѣренность, императрица требовала отъ Турокъ уступки Большой и Малой Кабарды, Азова съ принадлежащими землями, независимости Крымскаго хана, двадцатипятилѣтняго секвестра на Валахію и Молдавію, для вознагражденія военныхъ издержекъ, свободнаго плаванія по Черному морю, острова въ Архипелагѣ, какъ складочнаго мѣста для торговли обѣихъ націй, всеобщей амнистіи Грекамъ, принявшимъ сторону Россіи, и прежде всего освобожденія г. Обрѣзкова, заключеннаго въ Семи Башняхъ.

Столь непомѣрныя условія подняли бы окончательно Вѣнскій дворъ на дабы; сообщеніе ихъ, можетъ быть, даже заставило бы его рѣшиться на самыя отчаянныя мѣры. На этомъ основаніи король не сообщилъ Вѣнскому двору ни малѣйшаго о томъ свѣдѣнія ([18]). Король предпочелъ мягкія мѣры, самыя вѣрныя, дабы никого не возбуждать. Онъ дружески объяснился съ императрицей Россійской. Не противорѣча ей, но желая дать ей самой почувствовать, какъ трудно будетъ заставить султана согласиться на независимость Татаръ, онъ ей представилъ неодолимыя препятствія, которыя Вѣнскій дворъ противуставитъ, дабы помѣшать Россіи пріобрѣтеніемъ Валахіи и Молдавіи сдѣлаться сосѣдкой Австріи; островъ же въ Архипелагѣ возбудитъ ревность и зависть всѣхъ морскихъ державъ. Онъ совѣтовалъ ограничить требованія Большой и Малой Кабардой, городомъ Азовомъ съ принадлежащими землями и свободой плаванія по Черному морю. Король присовокупилъ, что объясненія его отнюдь не проистекаютъ отъ чувства зависти къ усиленію импе-

([18]) Императоръ Іосифъ въ письмѣ къ брату своему Леопольду говоритъ, что король дѣйствительно не сообщалъ условій въ слѣдствіе ихъ непомѣрности.

ратрицы, но единственно имѣютъ цѣлію посредствомъ этихъ облегченій предотвратить участіе другихъ державъ, влекущее за собой всеобщую войну; что же касается остальнаго, то Турки уже согласились на оба пункта: даровать амнистію Грекамъ и освободить г. Обрѣзкова.

Эта замѣчанія, хотя весьма умѣренныя, казалось, нѣсколько огорчили императрицу: она дала замѣтить, что не ожидала встрѣтить такое противодѣйствіе со стороны лучшаго ея союзника. Но такъ какъ императрица продолжала настаивать на своемъ проэктѣ, то, за нѣкоторыми исключеніями, король былъ вынужденъ сообщить его Вѣнскому двору. Его величество препроводилъ (1771) проэктъ со всевозможно-успокоительной обстановкой, и не желая встревожить князя Кауница, онъ далъ ему почувствовать, что это не послѣднее слово Русскаго двора, расположеннаго несомнѣнно отступиться отъ статей, могущихъ встрѣтить наибольшія затрудненія.

Предосторожности, принятыя королемъ, были тѣмъ болѣе необходимы, что императорскій дворъ не скрывалъ болѣе своихъ намѣреній. Всѣ движенія, замѣчаемыя въ Венгріи, обнаруживали близкій разрывъ съ Россіей. Вѣнскій дворъ рѣшилъ не допускать, чтобы театръ войны былъ перенесенъ за Дунай; онъ надѣялся даже, въ слѣдствіе вооруженнаго посредничества, заставить Русскихъ возвратить Туркамъ Молдавію и Валахію, и кромѣ того заставить ихъ отказаться отъ требуемой ими независимости Татаръ. Съ этой цѣлію войска Италіи, Фландріи и Австріи направлены были въ Венгрію. Посланникъ императора объяснялся съ королемъ по этому поводу довольно положительно; онъ даже дошелъ до того, что просилъ нейтралитета Пруссіи, въ случаѣ если бы Русскіе были атакованы гдѣ либо кромѣ Польши; въ этомъ было ему отказано начисто. Князь Кауницъ льстилъ себя надеждой, что посредствомъ этого плана онъ усилитъ могущество Австрійскаго дома, не затрудняясь завоеваніями; разсчитывалъ, что Порта вознаградитъ за помощь, уступивъ императрицѣ-королевѣ области, утраченныя ею въ слѣдствіе Бѣлградскаго мира.

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ роились проэкты, а въ Венгріи войска, Австрійскій корпусъ вступилъ въ Польшу и завладѣлъ старостіей Ципской ([19]), на которую Австрія имѣла претензію; но эти войска заняли

([19]) Въ Венгріи, на западномъ склонѣ Карпатовъ. Народонаселеніе этого уѣзда, также какъ и съ нимъ сосѣднихъ, Русское, съ примѣсью Словацкаго и отчасти

еще нѣсколько сосѣднихъ старостій, на которыя императоры никогда не имѣли правъ. Столь смѣлый поступокъ удивилъ Петербургскій дворъ; обстоятельство это преимущественно ускорило ходъ договора о раздѣлѣ, заключеннаго впослѣдствіи между тремя державами. Главная побудительная причина была: избѣгнуть всеобщей войны, которая была готова возгорѣться; кромѣ того надлежало сохранить равновѣсіе силъ между столь близкими сосѣдями. И такъ какъ дворъ Вѣнскій достаточно обнаруживалъ желаніе воспользоваться настоящимъ замѣшательствомъ для увеличенія числа своихъ владѣній, то король *не могъ позволить себѣ не послѣдовать его примѣру* и сдѣлалъ тоже. Императрица Россійская, разсерженная, что кромѣ ея собственныхъ войскъ другія осмѣливались распоряжаться самовластно въ Польшѣ, сказала принцу Генриху, что такъ какъ Вѣнскій дворъ хочетъ раздробить Польшу, то прочіе сосѣди этого королевства вправѣ сдѣлать тоже ([20]).

Этотъ намекъ былъ кстати, потому что, принявъ все въ соображеніе, путь этотъ былъ единственный уцѣлѣвшій для избѣжанія новыхъ замѣшательствъ и для удовлетворенія всѣхъ. Россія могла вознаградить себя за стоимость войны

Польскаго. Эта мѣстность носитъ названіе Зипшскаго графства и Ципскаго коронпаго мѣста.

([20]) Разсказываютъ, что послѣ этого разговора принца Генриха съ императрицей графъ Захаръ Чернышевъ подошелъ къ принцу и сказалъ ему: „Королю слѣдуетъ затѣмъ завладѣть Варміей.“ Въ дальнѣйшемъ изложеніи у насъ упоминается о неудачной попыткѣ принца Генриха придать, на другой день, этимъ словамъ императрицы серьезное значеніе. По поводу этого разговора и вообще участія принца Генриха въ негоціаціи по польскому вопросу существуетъ много разнорѣчивыхъ показаній; но не одно не противорѣчитъ существенно разсказу короля. — Принцъ Генрихъ имѣлъ право въ разговорахъ своихъ приписывать себѣ иниціативу въ раздѣлѣ Польши. Самъ король говоритъ, что занятіе Ципса Австрійцами много способствовало ему къ достиженію его цѣли. Вообще вся полемика о принцѣ Генрихѣ теряетъ всякое значеніе при множествѣ всесторонпихъ документовъ, изданныхъ въ послѣдніе годы. Фёрранъ, по бумагамъ Рюльера, говоритъ, что король поручилъ принцу Генриху, по возвращеніи его изъ Петербурга, сдѣлать попытку, чтобы проникнуть мнѣнія Вѣнскаго двора по этому предмету. Принцъ Генрихъ пригласилъ къ себѣ Ванъ-Свитена, посланника Австрійскаго въ Берлинѣ, и сказалъ ему: „Если Австрія хочетъ пособить Россіи въ переговорахъ съ Турками, то эта держава, кажется, согласится на расширеніе Австрійскихъ границъ. — Въ какой странѣ? — спросилъ Ванъ-Свитенъ. — Принцъ ему отвѣчалъ, не высказываясь вполнѣ: Вы знаете также хорошо, какъ и я, что можетъ годиться, и что возможно Россіи и Пруссіи уступить вашему двору“.

съ Турками и вмѣсто Валахіи и Молдавіи, которыми могла обладать лишь по одержаніи столькихъ же побѣдъ надъ Австрійцами, какъ и надъ Мусульманами, ей предстояло выбрать Польскую провинцію по удобству, не имѣя никакихъ новыхъ рисковъ въ виду; императрицѣ-королевѣ можно было назначить провинцію сосѣдственную съ Венгріей, а королю тотъ участокъ Польской Пруссіи, который раздѣляетъ области королевской Пруссіи. Вслѣдствіе этой политической нивеллировки равновѣсіе силъ между тремя державами оставалось почти тоже. Однако, дабы болѣе удостовѣриться въ намѣреніяхъ Россіи, гр. Сольмсу было поручено изслѣдовать, имѣли ли эти слова, сорвавшіяся у императрицы, нѣкоторую прочность или были произнесены въ минуту дурнаго расположенія духа и мимолетной запальчивости. Графъ Сольмсъ встрѣтилъ рознящіяся настроенія по этому предмету. Графъ Панинъ, по распоряженію котораго было объявлено въ началѣ Польскихъ безпорядковъ, что Россія поддержитъ нераздѣльность этого королевства, *питалъ отвращеніе къ этому раздробленію;* однако онъ обѣщалъ не противодѣйствовать, въ случаѣ если дѣло пройдетъ въ Совѣтѣ; но государынѣ *нравилась* мысль, что можетъ безъ опасности расширить границы своей имперіи; ея любимцы и нѣсколько министровъ, замѣтивъ это, *подчинились ея желанію. Такимъ образомъ проэктъ раздѣла прошелъ по большинству голосовъ.* Объ этомъ состоявшемся рѣшеніи увѣдомили короля Прусскаго, какъ о продѣлкѣ, придуманной для вознагражденія его за субсидіи, уплаченныя имъ Россіи ([21]).

([21]) Король здѣсь, кажется, подымаетъ на смѣхъ Петербургскій кабинетъ. Въ депешѣ изъ Потсдама отъ 2-го марта 1771 г. король пишетъ къ гр. Сольмсу: "Что касается до меня, то если я хочу, чтобы перевѣсъ былъ неслишкомъ силенъ на сторонѣ Австріи, мнѣ тоже нельзя воздержаться, чтобы я такимъ же образомъ не пріобрѣлъ бы какую либо часть Польши. Это мнѣ послужитъ въ родѣ вознагражденія за мои субсидіи, утраты и ущербы, мною понесенные въ этой войнѣ." Оно выходитъ, что въ Совѣтѣ слушали записку короля и опредѣлили домогательство его удовлетворить. Эта депеша весьма характеристична для опредѣленія хода дѣла.

Все, что король говоритъ здѣсь, въ своемъ повѣствованіи, опредѣляетъ, какъ малосильны были побужденія Русскаго кабинета въ пользу раздѣла. Для достиженія этой цѣли необходимы были твердая воля и глубоко обдуманный, дальновидный и всесторонній планъ,

Графъ Панинъ, сообщая о вышеизложенномъ графу Сольмсу, потребовалъ, чтобы прежде всего король развѣдалъ, что думаетъ Вѣнскій дворъ объ этомъ раздѣлѣ. Затѣмъ король открылся по этому предмету барону Ванъ-Свитену, увѣряя его, что Россія не обнаруживаетъ никакого неудовольствія по поводу завладѣнія Цинсомъ Австрійцами, и что его величество, дабы дать доказательство дружбы своей къ ихъ императорскимъ величествамъ, совѣтуетъ имъ распространиться въ этой части Польши по ихъ удобству; что они все это могутъ сдѣлать съ тѣмъ меньшимъ рискомъ, что ихъ примѣру послѣдуютъ прочія сосѣднія съ королевствомъ державы. Это сообщеніе, какъ оно ни было сердечно, не было принято Вѣнскимъ дворомъ такъ, какъ можно было надѣяться. Князь Кауницъ былъ слишкомъ занятъ проэктомъ, который онъ готовился привести въ исполненіе; онъ находилъ болѣе выгодъ въ союзѣ съ Турками, чѣмъ можно было ожидать отъ союза съ Россіей, и потому отвѣтилъ сухо, что если дворъ его приказалъ занять нѣсколько участковъ въ Польшѣ на границахъ Венгріи, то это было не въ виду оставленія ихъ за собой, но единственно, чтобы отстоять свои права касательно нѣкоторыхъ суммъ, отыскиваемыхъ Австрійскимъ домомъ на Республикѣ; что онъ не могъ вообразить, чтобы предметъ столь маловажный могъ породить мысль о планѣ для раздѣла, исполненіе коего сопряжено съ непреодолимыми затрудненіями, по той причинѣ, что почти невозможно опредѣлить совершенно равенство между различными долями трехъ державъ; наконецъ, что подобный проектъ можетъ только сдѣлать положеніе Европы еще болѣе критическимъ, а потому онъ отсовѣтываетъ его величеству королю Прусскому вдаваться въ подобныя предпріятія. Онъ присовокупилъ съ видомъ равнодушія, что дворъ его готовъ очистить занятые войсками уѣзды, въ случаѣ если прочія державы готовы сдѣлать тоже. Эти послѣднія слова были тонкій упрекъ Русскимъ, имѣвшимъ войско въ Польшѣ; они относились равно и къ королю, растянувшему кордонъ отъ Кроссенской земли за Вислу, для предохраненія своихъ владѣній отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Польшѣ.

выработавшійся въ слѣдствіе положительной и крайней государственной потребности. Слѣдуетъ сравнить прим. 24. — Впрочемъ здѣсь еще со стороны Петербургскаго кабинета не было выражено согласія на раздѣлъ, а лишь на пріобрѣтеніе королемъ польской области.

Въ подобномъ дѣлѣ не слѣдовало падать духомъ отъ мелочей. Можно было предвидѣть, что намѣренія Вѣнскаго двора измѣнятся, коль скоро Россія и Пруссія будутъ дѣйствительно согласны, потому что Австрійцы должны предпочесть долю въ раздѣлѣ случайностямъ войны съ столь сильнымъ противникомъ. Прибавьте къ этому, что императрица-королева, не имѣя другихъ союзниковъ, кромѣ Франціи, не могла тогда вовсе расчитывать на пособіе. Чтобы воспользоваться столь благопріятными обстоятельствами, король рѣшился подвинуть дѣло раздѣла. Въ отношеніи Вѣнскаго двора онъ замолкнулъ, чтобы дать имъ время одуматься. Въ то же время графу Сольмсу было поручено извѣстить Русскихъ, что въ Вѣнѣ сдѣланы были сообщенія по поводу проэктовъ о раздѣлѣ, и хотя князь Кауницъ до сихъ поръ избѣгалъ высказаться по сему предмету, тѣмъ не менѣе можно было предвидѣть, что онъ охотно приложитъ руки, коль скоро обѣ другія державы согласятся относительно ихъ взаимныхъ выгодъ; онъ употребилъ это побужденіе (motif) для ускоренія заключенія этого дѣла, потому что нельзя было терять ни одной минуты.

Можетъ быть, медлительность и обычная Русская лѣнь затянули бы еще дѣло, если бы Вѣнскій дворъ нехотя не помогъ бы королю: ежедневно своимъ посредничествомъ онъ возбуждалъ новыя препятствія къ заключенію мира; часто онъ язвительно оспаривалъ огромныя требованія Русскихъ и объяснялся съ деспотическимъ тономъ по поводу отвергаемыхъ имъ статей, благопріятствуя Туркамъ во всемъ, что отъ него зависѣло ([22]). Однако движенія войскъ въ Вен-

([22]) Грозный тонъ былъ принятъ Австрійцами по вліянію короля послѣ свиданія въ Нейсѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ императрица Марія Терезія въ письмѣ къ сыну безъ озн. числа, помѣченному у Арнета подъ 25 Янв. 1772 г. Подробнѣе см. здѣсь ниже объ отношеніяхъ Австріи къ изслѣдываемому вопросу. Въ запискѣ своей отъ 25—28 Августа 1769 императоръ Іосифъ неоднократно упоминаетъ о стараніи короля возбудить опасенія на счетъ Русскихъ по поводу Турецкой войны. Король не упустилъ возбудить опасенія касательно нашихъ единовѣрцевъ въ Венгріи: „Онъ мнѣ говорилъ о нашихъ Грекахъ въ Венгріи; сказывалъ, что наши купцы этого вѣроисповѣданія устроили въ Бреславлѣ публичный праздникъ въ честь Русскихъ побѣдъ; что слѣдуетъ съ ними хорошо обращаться, дабы они еще болѣе не сблизились и не причинили бы замѣшательства, и наконецъ, что слѣдуетъ быть вѣротерпиму.

гріи окончательно возбудили недовѣріе Петербургскаго двора къ Австрійцамъ. Въ это же время пронесся слухъ въ публикѣ, что Императрицы вели переговоры относительно трактата о субсидіяхъ въ Константинополѣ. Это послѣднее извѣстіе произвело тревогу въ Петербургскомъ (совѣтѣ, и король, сообщавшій Русскимъ всѣ извѣстія, *способствующія обнаруженію Австрійскихъ происковъ, наконецъ достигъ того, что исторгнулъ Петербургскій дворъ изъ летаргіи, въ которую онъ былъ погруженъ. Императрица Русская почувствовала, что ей нужно было содѣйствіе короля: она разсудила, чтобы ей вполнѣ можно было расчитывать на этого государя, слѣдовало предоставить ему нѣкоторыя выгоды: поэтому графъ Панинъ объявилъ графу Сольмсу, что онъ только ожидаетъ проэкта раздѣла изъ Берлина для приступленія къ переговорамъ по этому предмету.*

Этотъ проэктъ весьма скоро отправленъ былъ въ Петербургъ ([23]). Онъ предоставлялъ Россіи безусловный выборъ той области, которою ей заблагоразсудится завладѣть. Король просилъ себѣ Померелью, часть Великой Польши по сю сторону Нецы, епископства Вармійскія, палатинаты Маріенбургскій и Кулмскій и предоставлялъ на волю Австрійцевъ примкнуть къ трактату, если заблагоразсудятъ. Всѣ мѣры, принимаемыя въ Берлинѣ и Петербургѣ, не мѣшали князю Кауницу идти своимъ путемъ. Онъ былъ болѣе надмененъ, чѣмъ когда либо; посредничество давало ему возможность тормозить соглашеніе мира съ Турками несмѣтными затрудненіями; онъ преимущественно отвергалъ статью объ уступкѣ Валахіи и Молдавіи, требуемой Русскими отъ Порты. Возгордившись въ слѣдствіе предложеній, дѣлаемыхъ ему султаномъ и, полагая, что число войскъ, сосредоточенныхъ въ Венгріи, также грозно для Пруссаковъ, какъ и для Русскихъ, онъ поручилъ объявить королю, что условія мира, предложенныя Русскими, діаметрально противны интересамъ Австрійской монархіи, что они клонятся къ нарушенію равновѣсія на Востокѣ, что въ случаѣ если дворъ Петербургскій не захочетъ

Я его увѣрялъ во всемъ этомъ и что мы объ этомъ уже думали; однимъ словомъ, онъ насъ очень стращаетъ Русскими.“

([23]) Объ этомъ объявленіи гр. Панина графъ Сольмсъ извѣщаетъ короля отъ 2-го Іюня 1771 г. Проектъ былъ отправленъ въ Петербургъ при письмѣ короля отъ 14-го Іюня того же года.

ихъ убавить, ихъ императорскія величества будутъ вынуждены принять участіе въ этой войнѣ; что они надѣются, что король въ этомъ случаѣ сохранитъ совершенный нейтралитетъ, тѣмъ болѣе что его условія съ Россіей ограничиваются Польшей, на территорію коей Австрійцы не посягнутъ.

Видно было, что Вѣнскій дворъ безусловно противился, чтобы Русскіе сдѣлались его сосѣдями: съ одной стороны они опасались, чтобы значительное число Грековъ, распространенныхъ въ Венгріи, не примкнуло къ этой державѣ, въ слѣдствіе религіозныхъ стремленій; съ другой стороны онъ предпочиталъ быть въ сосѣдствѣ съ ослабленной Турецкой имперіей, нежели съ громадной Русской. Положеніе короля между обоихъ императорскихъ дворовъ было затруднительно: соображаясь съ своими выгодами, онъ не долженъ былъ ни желать увеличенія могущества Русскихъ, ни употреблять на то свои силы. Могущество Русскихъ уже безъ того было слишкомъ громадно. Эти побужденія уравновѣшивались торжественными обѣщаніями ([24]), заставлявшими короля содѣйствовать союзницѣ своей, императрицѣ во всѣхъ случаяхъ, когда она подвержена

([24]) Торжественныя обѣщанія, тяжкія условія, огромный рискъ обязательства вмѣшаться въ войну, можетъ быть, всеобщую, съ другой стороны слабыя обѣщанія, (и тѣ условныя) поддерживать короля вспомогательнымъ войскомъ, повторявшіяся съ 1763 года, доказываютъ твердую увѣренность короля съ 1763 года, что онъ извлечетъ необходимое для него прасоединеніе Польской Пруссіи къ его разъединенной монархіи. Ясно и твердо онъ долженъ былъ это сознавать еще до вопроса о кандидатурѣ Понятовскаго и возбужденія вопроса о Диссидентахъ, и конечно не обременялъ бы истощеннаго своего государства столь тяжкими и неравномѣрными обязательствами, если бы не имѣлъ въ виду положительной и значительной выгоды. Съ молодости онъ уже сроднился съ этой мыслію. Маркизъ Дюшателе, посолъ французскій при Вѣнскомъ дворѣ, пишетъ герцогу Пралену, министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 13-го Ноября 1763 года:

„Анекдотъ, сообщенный мнѣ княземъ Кауницомъ: король Прусскій, будучи еще наслѣдственнымъ принцемъ, горячо настаивалъ у отца о воспользованіи вакансіей Польскаго престола послѣ смерти Августа II, чтобы завладѣть Польской Пруссіей, и представлялъ даже по этому весьма подробную записку, въ коей показывалъ, съ одной стороны увеличеніе могущества, съ другой, какъ легко совершить и сохранить это завоеваніе.“ (Etudes Diplom... A. St. Priest. I, p. 34).

Это показаніе подтверждается донесеніемъ англійскаго посланника въ Берлинѣ Гюи Диккенса отъ 18 Сентября 1736 года: „Два года тому назадъ (1733—1734) Фридрихъ обнаружилъ большое желаніе надѣлать шуму въ свѣтѣ и заявилъ, что, будь онъ на престолѣ, онъ принялъ бы навѣрное участіе въ дѣлахъ Польскихъ.“

будетъ нападенію со стороны императрицы-королевы; необходимо было или исполнить эти условія, или отказаться *отъ плодовъ, которые можно было надѣяться изъ нихъ извлечь.* Кромѣ того для Пруссіи нейтралитетъ былъ опаснѣе поддерживанія союзницы: Австрійцы и Русскіе подрались бы, и потомъ, помирившись, могли заключить миръ на счетъ короля. Король утратилъ бы всякое уваженіе; никто не довѣрялся бы его прямодушію; послѣ мира онъ остался бы изолированнымъ, что̀ неминуемо должно было случиться, если король послѣдовалъ бы столь плохому плану.

Его величество не колебался: онъ рѣшился свято исполнить свои условія съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы успокоить Вѣнскій дворъ, онъ обнадеживалъ, что нѣтъ невозможности склонить императрицу Россійскую измѣнить ея виды на Валахію и Молдавію; но къ этому было присовокуплено, что въ случаѣ если дойдетъ до разрыва между обѣими императрицами, его величество не можетъ уклониться отъ пособія Русской императрицѣ, съ которой онъ находится въ союзѣ. Чтобы придать болѣе вѣса этому объявленію, кавалерія была ремонтирована и увеличена въ своемъ составѣ; повелѣнія, данныя по сему предмету, огласились быстро и повсемѣстно. Эти сильныя мѣры, столь кстати принятыя, подѣйствовали на Петербургскій дворъ; и мы воспользовались его хорошимъ расположеніемъ для склоненія его къ пожертвованію части претензій на Валахію общему благу умиротворенія.

Тяжело было договариваться съ Русскими, потому что они ничего не смыслили въ искусствѣ негоціацій. Они думаютъ только о своихъ выгодахъ и ни во что не ставятъ выгоды другихъ, какъ это немедленно увидимъ.

Петербургскій контръ-проэктъ договора о раздѣлѣ полученъ былъ тогда въ Берлинѣ; онъ былъ составленъ странно: всѣ выгоды были на сторонѣ Россіи, весь рискъ на сторонѣ Пруссіи. Правда, соглашались на большую часть земель, просимыхъ королемъ, но пріобрѣтеніе Русскихъ было по крайней мѣрѣ вдвое обширнѣе. Въ этотъ договоръ была включена статья весьма тягостная для его величества: въ ней настаивали, чтобы Пруссія помогала всѣми своими силами Россіи въ случаѣ нападенія на нее Австрійцевъ; но, предполагая, что императрица-королева объявитъ королю Прусскому войну, король могъ ожидать помощи отъ Россіи лишь по заключеніи мира съ Турками. Условія столь неравномѣрныя

не могли быть приняты; они подали поводъ къ нѣкоторымъ объясненіямъ; составленъ былъ краткій очеркъ всѣхъ условій Пруссіи съ Россіей. Изъ этого обозрѣнія оказывалось, что все было въ пользу императрицы и ничего въ пользу короля; впрочемъ къ этому было присовокуплено, что его величество король, рѣшившись удовлетворить всему, чего можно было отъ него благоразумно требовать, полагался на справедливость и умѣренность императрицы Россійской, которая согласится пожертвовать частію своихъ завоеваній для предупрежденія войны, грозящей въ весьма скоромъ времени сдѣлаться всеобщею, тѣмъ болѣе что Молдавія и Валахія служили предлогомъ Австрійцамъ для послѣдовательнаго запутыванія дѣлъ; въ столь же критическихъ обстоятельствахъ, каковы настоящія, достоинство великой монархіи, какова Россія, требовало менѣе обращать вниманія на собственныя выгоды, нежели на общее благо. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предложено для вознагражденія Пруссіи за всѣ опасности, которыя она могла на себя навлечь новою войною, послѣдствія коей нельзя было предвидѣть, чтобы Россія согласилась прибавить городъ Данцигъ, лежащій среди Помереліи, къ участку Польши, который королю слѣдовало получить во владѣніе.

Эти представленія, какъ обыкновенно случается, не произвели того дѣйствія, котораго слѣдовало ожидать. Однако, попадумавшись надъ основаніями ей столь ясно изложенными, императрица Россійская согласилась уменьшить тѣ предложенія относительно мира, которыя не могли быть согласованы съ интересами другихъ державъ: она обязалась по сему возвратить Туркамъ, послѣ мира, недавнія свои завоеванія между Днѣстромъ и Дунаемъ. Берлинскій дворъ немедленно сообщилъ это благопріятное извѣстіе въ Вѣну. Въ первый разъ увидѣли князя Кауница съ яснымъ лицомъ; его коварство и гордость укротились, умы успокоились, опасенія и зависть, возбужденныя въ Вѣнскомъ дворѣ великими успѣхами Русскихъ, исчезли, коль скоро онъ былъ освобожденъ отъ страха видѣть эту державу въ сосѣдствѣ съ его собственными областями.

Порта была немедленно извѣщена о добромъ расположеніи, въ коемъ находился Петербургскій дворъ; война опротивѣла Туркамъ въ слѣдствіе потерпѣнныхъ ими несчастій, и они сильно склонялись къ миру. Послѣдняя кампанія Русскихъ была рядъ тріумфовъ: они завоевали Крымъ, и рѣшительная побѣда, одержанная фельдмаршаломъ Румянцевымъ въ концѣ года, увѣнчала торжество ихъ оружія. Среди столь отчаяннаго

положенія прибыло въ Константинополь извѣстіе, что самыя важныя препятствія къ заключенію мира устранены. Турки рѣшили тогда съ своей стороны, для облегченія общаго умиротворенія, освободить г. Обрѣзкова, заключеннаго въ Семи Башняхъ. Императрица требовала этого прежде всего: безъ этого она не хотѣла слышать о переговорахъ.

Хотя всѣ дворы были въ движеніи, но медленность и нерѣшительность Русскаго затягивали заключеніе договора о раздѣлѣ; переговоры зацѣплялись преимущественно на владѣніи городомъ Данцигомъ: Русскіе утверждали, что они гарантировали независимость этой маленькой республики; но въ самомъ дѣлѣ это были лишь завидовавшіе Пруссакамъ Англичане, которые покровительствовали независимости этого приморскаго города и подговаривали императрицу не соглашаться на требованія его величества короля Прусскаго. Однако необходимо было королю рѣшиться, и такъ какъ было очевидно, что владѣтель Вислы и Данцигской гавани подчинитъ себѣ со временемъ сей городъ, то положено было не задерживать столь важной негоціаціи изъ-за выгоды, пріобрѣтеніе которой было лишь временно отложено; это соображеніе заставило его величество отступиться отъ этого требованія. Послѣ долгаго промедленія былъ полученъ ultimatum Петербургскаго двора (12 Января 1772). Русскіе все настаивали на значительную помощь, требуемую отъ Пруссіи, въ случаѣ объявленія имъ войны Австрійцами. Какъ ни было поразительно это неравенство, какъ ни были неравномѣрны пособія взаимно обязательныя для двухъ союзниковъ, извѣстно было, что императрица-королева находится въ болѣе благопріятномъ расположеніи ([25]) и болѣе

([25]) За три мѣсяца до того, король уже узналъ намѣренія императрицы Маріи Терезіи. Вотъ что пишетъ императоръ Іосифъ Леопольду отъ 25-го Сентября 1771 г. „Что касается до политическихъ дѣлъ, то они находятся въ настоящее время въ странномъ кризисѣ. Намъ надобно отвѣчать Русскимъ, и, отвѣтъ будетъ рѣшительный. Князь Кауницъ не заявлялъ еще своего мнѣнія, потому я вамъ ничего не могу сказать по этому предмету; между тѣмъ императрица сыграла ему хорошую штуку. Въ разговорѣ своемъ съ Прусскимъ посланникомъ Роде, она опрокинула всю нашу систему. Мы хотѣли подѣйствовать на Россію, можетъ быть даже вступить въ союзъ съ Турками, грозить ей войной и т. д.; она его сильно завѣрила, что она не хочетъ и не дозволитъ никогда войны, что владѣніе Крымомъ ей кажется предметомъ ничтожнымъ, что ей все равно, если Россія оставитъ оный за собой; а король Прусскій немедленно воспользовался этими словами, и упрекнувъ самъ нашего посланника Ванъ-Свитена, что министерство говоритъ не одинаково съ императрицей, увѣдомилъ объ этомъ Русскихъ и Порту, сообщая имъ, что онъ весьма обрадованъ,

миролюбивомъ, чѣмъ прежде; по этому можно было пренебречь соображеніями, утратившими свою важность, для заключенія *договора, становившагося выгоднымъ, и Русскимъ было обѣщано пособіе, о коемъ не могло быть и рѣчи впереди.*

По устраненіи столькихъ препятствій, этотъ секретный договоръ наконецъ былъ подписанъ въ Петербургѣ (17-го Февраля 1772 г.). Прусскія пріобрѣтенія были тѣ же, что мы уже упоминали, за исключеніемъ городовъ Данцига и Торна съ принадлежащими имъ землями. Этимъ раздѣломъ Петербургскій дворъ пріобрѣлъ въ Польшѣ значительную полосу вдоль своихъ прежнихъ границъ отъ Двины до Днѣстра. Время вступленію во владѣніе было назначено въ Іюнѣ мѣсяцѣ: согласились пригласить императрицу-королеву присоединиться къ двумъ договарившимся державамъ, для принятія участія въ раздѣлѣ. Россія и Пруссія поручились за свои пріобрѣтенія и обязались дѣйствовать согласно на Варшавскомъ сеймѣ, чтобы получить согласіе Республики на всѣ эти уступки. Король обѣщалъ въ добавокъ, секретной статьей, послать 20.000 человѣкъ своей арміи въ Польшу, для соединенія ихъ съ Русскими, въ слу-

---

узнавъ нашъ ultimatum. Каково ребята теперь попались (nous voilà à cette heure jolis garçons); но посмотримъ, на что мы можемъ еще рѣшиться, чтобы выйти изъ этого положенія. Однимъ словомъ, я думаю, если только мы будемъ дѣйствовать съ твердостію, то все будетъ возстановлено какъ было до войны; или если одна изъ двухъ сторонъ *что либо пріобрѣтетъ, то мы и король Прусскій должны пріобрѣсти по соразмѣрности.*"

Это письмо весьма важно, какъ первое совершенно-положительное доказательство соглашенія между королемъ и императоромъ. Изъ письма сего послѣдняго отъ 17-го Октября того же года къ императрицѣ Маріи Терезіи видно, какъ мало было примодушія въ отношеніяхъ Іосифа къ матери и даже къ брату по этому дѣлу. Это письмо, сопоставленное съ предъидущимъ, ярко характеризуетъ соглашеніе между обоими Нейскими пріятелями помимо императрицы Маріи Терезіи.

„Чтобы говорить о войнѣ, не надо быть въ томъ грустномъ положеніи, въ которомъ находятся наши области, Богемія и Моравія. Король Прусскій съ 20.000 человѣкъ можетъ ими завладѣть безъ сраженія, и все наше войско, по недостатку продовольствія и по невозможности припасти оное, должно будетъ бѣжать (se sauver) къ Дунаю. Вотъ, по чести, положеніе, въ коемъ находится великолѣпнѣйшее королевство всей монархіи, и не то время теперь, чтобы говорить оскаливъ зубы (pour parler des grosses dents). Этотъ рискъ равнается навѣрное тому вреду, который намъ можетъ причинить присоединеніе Крыма къ Россіи; и такъ — миръ, если онъ возможенъ, особенно же, чтобы намъ самимъ не имѣть войны. Раконицъ 17-го Октября 1771 г."

чаѣ если бы война сдѣлалась всеобщей; кромѣ того его величество обязывался объявить себя открыто противу Австрійскаго дома, если бы это пособіе было недостаточно. Также было условлено, что платежъ Прусскихъ субсидій прекратится, коль скоро ихъ вспомогательный корпусъ соединится съ Русскимъ войскомъ. Въ силу другой статьи оговорено было, что его величество властенъ вывести свое вспомогательное войско, въ случаѣ, если, изъ ненависти къ этому пособію, Австрійцы напали бы на его величество въ его собственныхъ владѣніяхъ; а въ этомъ случаѣ Россія обѣщала послать ему 6.000 человѣкъ пѣхоты, 4.000 человѣкъ казаковъ и даже удвоить это число, какъ скоро это дозволятъ обстоятельства. Россія обязывалась также содержать 50.000 армію въ Польшѣ, для поддержки короля всѣми силами, по окончаніи войны съ Турками; и наконецъ, Россія обѣщала продолжать это пособіе до тѣхъ поръ, пока, вслѣдствіе общаго умиротворенія, *она будетъ имѣть возможность доставить Пруссакамъ приличное вознагражденіе.* Ко всѣмъ этимъ статьямъ присоединена была отдѣльная конвенція для правильности обоюднаго содержанія этихъ вспомогательныхъ корпусовъ.

По окончаніи этой работы, служившей основаніемъ для проэктовъ, долженствовавшихъ проистекать изъ оной, оставалось убѣдить Вѣнскій дворъ присоединиться къ двумъ договорившимся державамъ. Три партіи образовались при этомъ дворѣ, изъ коихъ каждая мыслила различно ([26]). Императоръ желалъ бы возвратить Венгріи области, утраченныя его домомъ въ слѣдствіе Бѣлградскаго мира. Императрица, его мать, уже не имѣвшая энергіи и твердости, доказанной столькими примѣрами въ ея молодости, начинавшая предаваться мистической набожности, обвиняла себя въ крови, пролитой во время прежнихъ ея войнъ; она ненавидѣла войну и хотѣла сохранить миръ во чтобы то ни стало. Князь Кауницъ, обладавшій разсудкомъ вѣрнымъ, желавшій согласовать интересы монархіи съ наклонностями своей государыни, находился по этому въ затрудненіи выбирать между войной и раздѣломъ Польши, и опасался, въ добавокъ, что въ случаѣ, если онъ рѣшится на послѣднее, то союзъ домовъ Бур-

---

([26]) Эта тройственность управленія Австрійской монархіей объясняетъ разногласіе достовѣрныхъ и свѣдущихъ лицъ, трактовавшихъ объ участіи Австріи въ этомъ дѣлѣ. О соглашеніи съ Кауницемъ, король самъ здѣсь говоритъ между строкъ. О соглашеніи императора видно изъ двухъ его писемъ въ предъидущемъ подстрочномъ примѣчаніи.—Объ этомъ подробнѣе изложено ниже.

бонскаго и Австрійскаго, почитаемый имъ своимъ совершеннѣйшимъ твореніемъ, рушится. Съ одной стороны, прусская кавалерія, столь быстро ремонтированная, убѣждала его, что рѣшеніе короля непоколебимо; съ другой стороны онъ видѣлъ, что этотъ государь ничего болѣе не желалъ, какъ общаго умиротворенія, и что онъ ревностно работалъ для этой цѣли.

Наконецъ король, въ разговорѣ съ Австрійскимъ посланникомъ, сказалъ ему, что онъ поздравляетъ ея величество императрицу-королеву, что она держитъ въ эту минуту участь Европы въ своихъ рукахъ, потому что миръ и война зависѣли при этихъ обстоятельствахъ отъ выбора, на который она рѣшится. Король присовокупилъ, что онъ въ такой степени полагается на дознанную мудрость этой великой монархини, что онъ не сомнѣвается, что она предпочтетъ общее спокойствіе Европы замѣшательствамъ, могущимъ произойти, коихъ послѣдствія невозможно исчислить. Этотъ разговоръ, доведенный Ванъ-Свитеномъ до свѣдѣнія его двора, произвелъ совершенно то впечатлѣніе, на которое можно было надѣяться. Князь Кауницъ убѣдился, что слѣдовало отказаться отъ союза съ Турками, равно и отъ всѣхъ предположеній, основанныхъ на этомъ началѣ; онъ понялъ также, что онъ болѣе не могъ помѣшать раздѣлу Польши иначе, какъ вступивъ въ бой въ одно время съ Пруссіей и Россіей безъ пособія единаго союзника. Этотъ шансъ былъ слишкомъ не выгоденъ, чтобы человѣкъ мало-мальски осторожный рѣшился бы идти на такой рискъ: ему поэтому оставался одинъ благоразумный путь—присоединиться къ двумъ союзнымъ державамъ, для участія въ раздѣлѣ Польши и сохраненія такимъ образомъ равновѣсія между этими тремя державами. Въ слѣдствіе этого рѣшенія поручено было барону Ванъ-Свитену предложить отъ имени своего двора подписаніе акта, коимъ всѣ три державы обѣщали соблюсти совершенное равенство въ долженствующемъ совершиться раздѣлѣ Польши. Это справедливое предложеніе было принято безпрепятственно, потому что оно долженствовало сгладить всѣ затрудненія, причинившія столько замѣшательствъ, и что это было единственное средство избѣжать всеобщей войны, опасаться которой было столько основательныхъ причинъ. Этотъ актъ былъ подписанъ безъ отлагательства (4 Марта), и размѣнъ совершенъ немедленно.

Этотъ договоръ между дворами Берлинскимъ и Вѣнскимъ былъ немедленно сообщенъ Петербургскому. Императрица получила съ удовольствіемъ это важное извѣстіе; вслѣдствіе этого сближенія Австріи, она видѣла себя освобожденной отъ тягости новой войны, которую ей, можетъ быть, трудно было бы поддерживать. Она послѣдовала совѣтамъ короля, умолившаго ее уменьшить по возможности число ея враговъ: поэтому, вскорѣ послѣ того, тотъ же договоръ между обоими императорскими дворами былъ подписанъ въ С.- Петербургѣ. Потомъ поспѣшили уравнять раздѣлъ между тремя державами; то, что̀ было улажено между Россіей и Пруссіей, было немедленно сообщено императрицѣ-королевѣ. Дворъ Вѣнскій не забылъ себя въ своемъ контръ-проэктѣ: его жадность къ расширенію распростерла виды свои на множество палатинатовъ, занимавшихъ пространство отъ княжествъ Тешенскаго до границъ Валахіи и выдававшихся стрѣлкой чрезъ Бельцъ, въ маломъ разстояніи отъ Варшавы. Земли, заключавшіяся въ этомъ очертаніи и составлявшія почти треть Польши, были въ явномъ противорѣчіи съ договоромъ, едва только подписаннымъ этой державой съ прочими двумя. Эта доля, которую Австрійцы хотѣли себѣ присвоить, была признана непомѣрной въ С.-Петербургѣ; она была признана таковой же и въ Берлинѣ. Графъ Панинъ, пораженный столь непристойными пріемами, передалъ пояснительную записку князю Лобковичу, находившемуся въ С.-Петербургѣ въ качествѣ Австрійскаго министра, въ которой онъ оцѣнялъ съ точностію ([27]) участки трехъ дворовъ и заключалъ, что для совершеннаго уравненія онъ желалъ, чтобы Вѣнскій дворъ изволилъ отказаться отъ владѣнія Львовомъ и значительными Величьскими соляными копями, дабы доли были ровныя и никто не могъ жаловаться на обиду.

Вѣнскій дворъ продолжалъ настаивать на владѣніи городомъ Львовымъ и Величьскими соляными копями, которыя онъ хотѣлъ имѣть во чтобы то ни стало; вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія заключенія этого договора, онъ отказывался отъ палатинатовъ Люблинскаго, Хельмскаго и Бельцскаго. — Такъ какъ дѣло достигло уже этихъ предѣловъ, надобно было торопиться заключать, если не желали вовсе отказаться отъ раз-

---

([27]) Въ письмѣ императора Іосифа къ Леопольду отъ 17 Іюня 1772 года съ препровожденіемъ двухъ записокъ изъ С.-Петербурга упоминается объ этой запискѣ слѣдующимъ образомъ: „Пресловутый разсчетъ о доходахъ, извлеченный изъ книги Бюшинга, совершенно невѣренъ и гадателенъ.“

дѣла; при этомъ обстоятельствѣ, чрезмѣрная точность при оцѣнкѣ различныхъ участковъ породила бы безконечныя затрудненія: другія державы не упустили бы воспользоватся этимъ раздоромъ, и *всѣ труды, понесенные доселѣ, были бы потеряны. Въ этомъ убѣжденіи* король совѣтовалъ императрицѣ Россійской принять условія, объявленныя Вѣнскимъ дворомъ за его ultimatum. Эта государыня поняла, что каждая минута была дорога, и какъ ничто болѣе не препятствовало, то тройной договоръ обязующихся державъ былъ подписанъ ихъ министрами въ Петербургѣ (5 Августа 1772).

Прусскія и Русскія пріобрѣтенія въ этомъ трактатѣ были показаны какъ мы уже объявляли; то, что́ приходилось на долю Австрійцевъ, было означено отъ княжествъ Тешенскаго за Сандомиръ и притокъ Сана, проводя прямую линію къ Бугу, а отъ этой рѣки къ Днѣстру до границъ Покучья ([28]) и Молдавіи. Три двора поручились взаимно за свои владѣнія; они обязались дѣйствовать за одно для приглашенія Польской Республики дать свое согласіе на испрашиваемыя уступки. Вѣнскій дворъ, смягченный столькими пріобрѣтеніями, обѣщалъ приложить свое обязательное содѣйствіе совокупно съ Прусскимъ дворомъ, чтобъ настроить Порту къ принятію условій, предлагаемыхъ ей Россіею для заключенія мира. Три двора назначили для вступленія во владѣніе 1 число Сентября мѣсяца. Условлено было сообщить къ этому времени королю Польскому согласованное между тремя державами объявленіе, для извѣщенія Республики относительно сдѣланнаго уговора, и убѣдить его собрать Чрезвычайный Сеймъ, дабы оный озаботился о полномъ умиротвореніи королевства. Россія, Австрія и Пруссія предполагали представить этому Сейму доводы, долженствовавшіе заключать въ себѣ претензіи каждой державы, съ изложеніемъ тѣхъ правъ, которыя, по ихъ мнѣнію, они имѣли на занятыя ими земли.

Король основывалъ претензіи свои на Померелію и на часть Великой Польши, лежащую по сю сторону Нецы, на томъ, что области эти, нѣкогда соединенныя съ Помераніей и Бранденбургомъ, были отторгнуты Поляками. Онъ требовалъ города Ельбинга въ слѣдствіе текущей пре-

---

([28]) Въ рукописномъ текстѣ „Рососіе“, въ Берлинскомъ изданіи 1846 г. „Podolie“ но это должно быть Покучье, которое, вмѣстѣ съ частью Подоліи, достались Австріи по раздѣлу 1772 года.

тензіи, и денегъ, ссуженныхъ его предками Республикѣ подъ залогъ этого города. Епископства Вармійскія и Палатинаты Маріенбургскій и Кульмскій сочтены были соотвѣтствующими Данцигу, главному городу Помереліи, остающемуся независимымъ. Мы не хотимъ отвѣчать ни за основательность этихъ правъ, ни за права Русскихъ, а еще менѣе за права Австрійцевъ. Нужно было странное стеченіе обстоятельствъ, *чтобы привлечь и согласить умы на этотъ раздѣлъ, и онъ былъ совершенъ для избѣжанія всеобщей войны.*

Таковъ былъ конецъ столькихъ переговоровъ, требовавшихъ терпѣнія, твердости и ловкости. Этотъ разъ удалось предохранить Европу отъ всеобщей войны, уже готовой вспыхнуть. Трудно было согласовать интересы столь противоположные, каковы Русскіе и Австрійскіе. Не было другаго средства для вознагражденія Русскихъ завоеваній (на возвращеніе коихъ Портѣ настаивали Австрійцы) какъ предоставить Русскимъ пріобрѣтенія въ Польшѣ. Императрица-королева подала тому примѣръ занятіемъ своими войсками княжества Ципскаго; для сохраненія же въ нѣкоторой степени равновѣсія между сѣверными державами, было совершенно необходимо королю получить свою часть въ этомъ раздѣлѣ. Это первый представляемый исторіею примѣръ раздѣла, обусловленнаго и совершеннаго мирнымъ образомъ между тремя державами: безъ стеченія обстоятельствъ, среди коихъ находились тогда Европа, искуснѣйшіе политики потерпѣли бы тутъ неудачу: все зависитъ отъ случаевъ и времени, въ коихъ дѣла совершаются.

Оканчиваю этимъ вполнѣ безпристрастную выписку о дипломатической дѣятельности Фридриха въ вопросѣ о раздѣлѣ Польши. Окончаніе главы о политикѣ, касаясь военныхъ дѣйствій или переговоровъ, въ которыхъ его участіе было подчинено обстоятельствамъ, не представляетъ характеристическихъ данныхъ для оцѣнки его дипломатической дѣятельности въ веденіи этого дѣла — предметъ, исключительно имѣющійся въ виду при настоящемъ изслѣдованіи. Онъ самъ въ своихъ Запискахъ какъ будто завершаетъ здѣсь свой отчетъ объ этой негоціаціи. Далѣе между прочими событіями, изъ коихъ нѣкоторыя вовсе не относятся до вопроса, король подъ 1774 годомъ упоминаетъ о проискахъ въ Петербургѣ противъ графа Панина, паденіе (29) котораго было бы, по его

(29) Сѣверная система, созданная графомъ Панинымъ и опирающаяся на раздѣлѣ Польши, удержалась съ его времени безъ основныхъ поврежденій почти въ теченіи всего нынѣшняго столѣтія.

мнѣнію, пагубно для всѣхъ державъ, систематически придерживающихся Россіи. Это колеблющееся положеніе графа Панина пріостановило рѣшеніе относительно Данцига. Посланный туда графъ Головкинъ оставался въ бездѣйствіи. Русскіе противились распространенію Пруссаковъ и Австрійцевъ въ Польшѣ. Король изъявлялъ согласіе на уступки, въ случаѣ если Австрійцы подчинятся тому же; но Австрійцы упорствовали. Въ добавокъ они завладѣли безцеремонно, по заключенію мира между Россіей и Турціей, частью Молдавіи и Валахіи, въ силу своихъ съ Турками никогда ни ратификованныхъ, ни исполненныхъ съ ихъ стороны условій: такимъ образомъ они заняли положеніе ([30]), дозволявшее имъ отрѣзать въ случаѣ войны Россіи съ Портой Русскія войска отъ ихъ магазиновъ въ Польшѣ. Подъ годомъ 1775, въ концѣ своего разсказа, король упоминаетъ, что Австрійцы и Пруссаки не успѣли склонить Республику, и такимъ образомъ ихъ пріобрѣтенія не были законно признаны.

II. ПЕРЕПИСКА ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО СЪ ГРАФОМЪ СОЛЬМСОМЪ.

Письма императора Іосифа и Маріи Терезіи и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши.

Какъ бы основательны и чистосердечны ни были высшія соображенія Фридриха Великаго, коими онъ завершаетъ въ своихъ Запискахъ (отъ 1763 по 1775 годъ) изложеніе своей дипломатической дѣятельности въ первомъ раздѣлѣ Польши, но они были у него на второмъ планѣ. На первомъ планѣ гнѣздилось въ умѣ его литтературное воспоминаніе изъ Боярдо, приведенное выше изъ его предисловія.

Побудительныя причины, заставлявшія короля дѣйствовать съ безпримѣрной энергіей, были столь же сильны, какъ сила его воли. Польскій престолъ почти былъ упроченъ за Саксонскимъ домомъ: такимъ образомъ Фридрихъ находился съ обѣихъ сторонъ между польскими и германскими владѣніями враждебнаго дома, тѣсно соединеннаго съ Австрійскимъ: часть польскихъ владѣній въ добавокъ врѣзывалась клиномъ среди его владѣній и раздваивала ихъ вплоть до моря.

([30]) Въ отношеніи продовольствія положеніе измѣнилось въ слѣдствіе устройства Новороссійскаго края. Въ стратегическомъ же оно осталось таковымъ же.

Постоянныя интриги Франціи при избраніяхъ Польскихъ королей и ихъ долговременное вліяніе на Рѣчь Посполитую, тѣсная связь Франціи съ Австріей съ 1766 года, составляли также своего рода не малую опасность. По этому король прежде всего озаботился пустить въ ходъ ограниченіе права избранія въ короли на Пястѣ. И въ этомъ вопросѣ иниціатива короля несомнѣнна.

Въ договорѣ 8 Іюня 1762 г., имъ подписанномъ, но не получившемъ ратификаціи въ слѣдствіе смерти императора Петра III, постановлено было въ силу третьей секретной статьи:

«Такъ какъ интересъ его величества императора Всероссійскаго и его величества короля Прусскаго требуетъ быть внимательну и озабочену относительно того, чтобы Польская Республика сохранила свое свободное право избирательства и никому не было дозволено и никто не былъ бы допущенъ оную сдѣлать наслѣдственнымъ королевствомъ, или пожалуй еще бы кто надъ оной покусился сдѣлаться самодержцемъ (souverain): потому его императорское величество всея Россіи и его величество король Прусскій другъ другу обѣщали и наикрѣпчайшимъ образомъ обязались, что во всѣхъ и каждомъ случаѣ, если бы нѣкто, кто бы то ни былъ, отважился бы лишить Республику Польскую ея свободнаго права избирательства, или оную наслѣдственнымъ королевствомъ или самого себя самодержцемъ сдѣлать, ихъ величества Россійское и Прусское таковое не терпѣть, но таковыя несправедливыя и для сосѣдей опасныя намѣренія всякимъ образомъ и на всякій ладъ, послѣ общихъ соглашеній и соединенными силами, и даже вооруженною рукой, если бы это понадобилось, отклонить, разсѣять и въ ничто обратить хотятъ.»

Затѣмъ обѣ державы соглашаются, чтобы выборъ, послѣ смерти нынѣшняго короля, палъ на Пяста, и имѣютъ согласиться относительно подходящаго кандидата.

Вторая отдѣльная статья: «Его императорское Русское величество и его величество король Прусскій, съ большимъ соболѣзнованіемъ видѣвшія тяжелый гнетъ, подъ коимъ обоюдные единовѣрцы ихъ въ Польшѣ и Литвѣ уже много лѣтъ находятся, согласились между собой и обязались означеннымъ подъ именемъ Диссидентовъ, Грекамъ, Реформатамъ и Лютеранамъ, обитающимъ въ королевствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ, наилучшимъ образомъ покровительствовать и дружескими и настоятельными представленіями у короля и Республики Поль-

ской до того старательно довести, чтобы упомянутые Диссиденты опять получили привилегіи, вольности, права и правосудіе, которыя издревле, какъ въ духовныхъ такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, за ними признаны и имъ предоставлены были, въ послѣдствіи въ большей части ограничены, а также совсѣмъ, и даже неподобающимъ образомъ, отняты были; если же нынѣ того совершенно достигнуть нельзя было бы, тѣмъ не менѣе они покрайней мѣрѣ до лучшихъ временъ и обстоятельствъ въ отношеніи этихъ пунктовъ въ томъ положеніи, въ коемъ они нынѣ находятся, охранены быть должны.»

Эти обѣ статьи ([31]), повторенныя въ сущности въ союзномъ трактатѣ, заключенномъ между Фридрихомъ II и Екатериной II-й 31 Марта (11 Апрѣля) 1764 года, контрбалансировали въ договорѣ съ Петромъ III обязательство, принимаемое королемъ содѣйствовать Петру III для отторженія Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи и предоставленія Курляндіи дядѣ его, герцогу Людовику Гольштейнъ-Готторпскому.

Изъ этого весьма ясно, что иниціатива въ выборѣ Пяста въ короли Польскіе не принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II, равно и въ присоединеніи къ оному вопроса о Диссидентахъ. Не возможно приписывать ни заключенія, ни составленія этого договора вліянію императрицы или Панина по ихъ положенію въ царствованіе Петра III. Участіе въ заключеніи этого договора могъ принимать вице-канцлеръ Воронцовъ. Судя по редакціи, онъ долженъ былъ быть составленъ внѣ дипломатическихъ канцелярій (слѣдуетъ сравнить примѣчаніе 33).

Вотъ что пишетъ императрица графу Румянцеву отъ 25-го Декабря 1785 г. объ этомъ договорѣ:

«Вскорѣ послѣ нашего восшествія, въ то время какъ Россія находилась среди внутренняго раздора и безъ всякой внѣшней политической связи (*потому что этотъ трактатъ, наскоро начертанный не задолго предъ тѣмъ съ королемъ Прусскимъ, былъ скорѣе порабощеніе*, asservissement), оба двора, Вѣнскій и Берлинскій, начали заискивать нашей дружбы. Но ихъ намѣренія и желанія были въ

([31]) Эти обѣ статьи изданы Фридрихомъ Сминтомъ (Frederic II, Catherine et le partage de la Pologne) на нѣмецкомъ языкѣ. — Весь же договоръ, хранящійся въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д., изданъ имъ во французскомъ переводѣ. На немъ подпись Фридриха II. Съ Русской стороны онъ не ратификованъ по случаю перемѣны царствованія.

этомъ совершенно различны. Вѣнскій дворъ хотѣлъ, чтобы Россія, только что прекратившая весьма отяготительную войну, наложила бы на себя бремя *новыхъ военныхъ дѣйствій* и, не дѣлая никакихъ измѣненій, вошла бы во всѣ прежнія отношенія покойной императрицы, что̀ вовсе тогда не было примѣнимо къ обстоятельствамъ. Берлинскій дворъ напротивъ желалъ лишь видѣть Россію, только что освобожденную отъ его ига, пребывающею въ мирѣ и не возобновляющею прежнихъ своихъ отношеній къ Австріи и чрезъ это войны. Лишь обширность претензій Вѣнскаго двора заставила насъ ихъ отвергнуть. Это побудило Вѣнскій дворъ отказать въ поддержкѣ предложеннаго покойной императрицей плана объ избраніи нынѣшняго Польскаго короля. Король Прусскій, на оборотъ, немедленно *предложилъ* ([32]) свое содѣйствіе и обязался (трактатомъ 1764 г.) дѣйствовать въ соединеніи съ Россіей, содѣйствовать ея цѣлямъ, покровительствовать королю Польскому, избранному Россіей, и никому не дозволять принимать участія въ раздорахъ Польши».

Изъ этого письма видно, что Екатерина II, дѣйствительно, признавала избраніе Станислава Понятовскаго своимъ дѣломъ и даже дѣломъ императрицы Елисаветы. Дѣла оффиціальныя такъ ведутся, что каждый кабинетъ имѣетъ основаніе приписывать своей инициативѣ всѣ дѣла, въ коихъ онъ принимаетъ участіе. Нѣтъ также сомнѣнія, что всѣ три конституціонные вопроса были въ идеяхъ императрицы и отчасти согласовались съ традиціями Петербургскаго кабинета. Не будь этого, конечно, Фридрихъ II не могъ бы на этихъ данныхъ построить свой планъ. Онъ не насиловалъ обстоятельствъ, но выжидалъ ихъ и пользовался ими, подготовивъ средства. Императрица сблизилась съ Фридрихомъ, какъ она говоритъ въ своемъ письмѣ къ Румянцеву, нуждаясь въ мирѣ. Миръ былъ нуженъ, кромѣ внутреннихъ потребностей, для подготовленія войны, чтобы положить предѣлъ владычеству Турокъ въ Европѣ. Объ этомъ намѣреніи уже въ Августѣ 1763 года было сообщено графомъ Панинымъ графу Сольмсу. Фридрихъ II, предлагая свой союзъ, не ошибался въ разсчетѣ. Долго выжидалъ и обдумывалъ онъ возможность этого единственнаго исхода изъ его отчаяннаго положенія. Извѣстно уча-

---

([32]) Относительно этихъ сношеній въ пр. 1, 6 и 7, приведены отрывки изъ переписки императрицы съ королемъ, изданныя С. М. Соловьевымъ въ „Исторіи Паденія Польши.“

стіе короля въ выборѣ императрицей Елисаветой невѣсты для наслѣдника престола и полное подчиненіе ему матери императрицы Екатерины. Кажется даже, какъ будто не безъ участія короля присланъ былъ въ Петербургъ Понятовскій партіей Чарторижскихъ, для проложенія себѣ или родственникамъ своимъ дороги къ престолу ([33]). Онъ состоялъ при Англійскомъ посольствѣ, а Англичане находились тогда въ тѣсной связи съ Фридрихомъ II. Въ Парижѣ Понятовскій былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Г-жею Geoffrin, а эта послѣдняя съ принцессой Ангальтъ Цербстской, матерью императрицы. О его противудѣйствіи (послѣ избранія Понятовскаго) благорасположенію императрицы къ партіи Чарторижскихъ свидѣтельствуетъ весьма свѣдующій въ этихъ дѣлахъ Рюльеръ (Hist. de l'anarchie de la Pologne. Paris 1819, T. II, p. 88): «Скоро замѣтили, что царица встрѣчала неодолимое противудѣйствіе уступчивости, которую она желала оказывать Чарторижскимъ, и что онъ (Фридрихъ II) тогдаже поставилъ себѣ за правило, коего онъ постоянно придерживался во все продолженіе этой исторіи, не соглашаться на допущеніе новыхъ конституцій въ Польшѣ и удерживать эту республику въ ея плачевномъ безначаліи.»

О расположеніи Русскаго правительства къ Саксонскому дому свидѣтельствуютъ тѣсная связь Петра Великаго съ Августомъ II и договоръ императрицы Анны Іоанновны въ Іюлѣ 1733 съ курфюрстомъ Саксонскимъ, въ силу коего императрица обязалась поддерживать его избраніе

([33]) Саксонскій совѣтникъ посольства Прассе пишетъ отъ 28 Ноября 1758, что онъ подозрѣваетъ Понятовскаго и Чарторижскихъ не въ однихъ видахъ на Курляндію, но что они имѣютъ гораздо болѣе обширные планы. 18 Мая 1759 онъ же пишетъ о разговорѣ по Польскимъ дѣламъ князя Адама Чарторижскаго съ камергеромъ Шуваловымъ и о покровительствѣ, оказываемомъ симъ послѣднимъ этой фамиліи. Графъ Бестужевъ, по случаю переговоровъ съ Саксонскимъ дворомъ о возвращеніи въ Петербургъ Понятовскаго въ качествѣ Польско-Саксонскаго посланника, замѣтилъ, что онъ можетъ быть вреденъ коалиціи, какъ приверженецъ короля Прусскаго.

Сакенъ писалъ изъ Петербурга отъ 19 Апр. 1765, что король Прусскій, съ помощью Чарторижскихъ, съумѣлъ, за долго до смерти Августа III, такъ представить дѣла Польскія, что императрица Екатерина расчитывала на содѣйствіе его для избранія Станислава Понятовскаго.

4 Октября 1764 императрица писала Г-жѣ Geoffrin: „Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына (Станиславъ называлъ Г-жу Geoffrin—maman) Если онъ сдѣлался королемъ, то я не знаю какимъ образомъ: но то вѣрно, что такова была воля Провидѣнія.“

на престолъ Польскій даже вооруженной рукой, съ условіемъ, что курфюрстъ войдетъ въ соглашеніе по поводу избранія съ дворами Австрійскимъ и Прусскимъ. *Согласія сего послѣдняго не воспослѣдовало,* и императрица удовольствовалася сдѣланнымъ курфюрстомъ въ Берлинѣ предложеніемъ. Пріязненныя отношенія императрицы Елисаветы къ Саксонскому дому сохранились по самый день ея кончины. Такимъ образомъ кандидатура Понятовскаго могла быть въ глазахъ Русскаго правительства, до заключенія договора съ Фридрихомъ II, лишь мимолетнымъ желаніемъ. Что касается до поддержки вольностей Рѣчи Посполитой въ подрывъ самостоятельному устройству государства въ Польшѣ, то намѣренія Русскаго правительства даже по заключеніи договора съ Фридрихомъ весьма ясно опредѣлены: въ разговорѣ Сальдерна съ королемъ, въ жалобѣ короля на поддержку княземъ Репнинымъ Постояннаго Совѣта, въ свидѣтельствѣ Рюльера о расположеніи императрицы въ пользу стараній партіи Чарторижскихъ усилить монархическую власть.

Такъ какъ при настоящемъ изслѣдованіи особенно интересно не упускать изъ виду традицій Берлинскаго двора относительно этого предмета, то здѣсь кстати помѣстить выписку изъ Исторіи Бранденбурга, сочиненія Фридриха II, стр. 163 новѣйшаго Берлинскаго изданія.

«Передъ самой смертью онъ (Августъ) занятъ былъ обширнѣйшими планами: онъ думалъ учредить въ Польшѣ наслѣдственную монархію. Чтобы достичь этой цѣли, онъ придумалъ раздѣлъ этой монархіи, какъ средство для успокоенія ревности сосѣдственныхъ державъ. Король былъ ему нуженъ для исполненія этого замысла; онъ его просилъ прислать къ нему фельдмаршала Грумбкова, чтобы ему открыться по этому предмету. Король Польскій захотѣлъ проникнуть въ душу Грумбкова, а этотъ въ душу короля. Съ этой цѣлью они оба подпоили другъ друга: это причинило смерть королю Августу и болѣзнь Грумбкову, отъ которой онъ никогда не оправился. Однако король подалъ видъ какъ будто входитъ въ замыслы Августа; но, сознавая слишкомъ хорошо опасныя послѣдствія, онъ условился для противудѣйствія имъ съ императоромъ и царицей: они согласились не допускать Саксонскій домъ на престолъ Польскій и посадить на оный принца Еммануила Португальскаго ([34]). Но смерть,

---

([34]) 13 Декабря 1732 года. Это соглашеніе имѣло въ виду устранить избраніе Саксонскаго принца и Станислава Лещинскаго. Въ этомъ договорѣ также условлено

уничтожившая человѣка и проектъ, измѣнила совершенно точку зрѣнія на Польскія дѣла.

«Императорскій (Австрійскій) дворъ захотѣлъ привлечь къ себѣ Саксонію, и обѣщалъ поддерживать вооруженною силою избраніе на престолъ Польскій сына Августа, съ условіемъ, чтобы онъ поручился въ соблюденіи домашняго закона, постановленнаго Карломъ VI для своего дома, закона извѣстнаго въ Европѣ подъ названіемъ Прагматической Санкціи. Императрица Россійская (Анна Іоанновна), опасаясь, чтобы Станиславъ Лещинскій, поддерживаемый покровительствомъ Людовика XV, не сдѣлался бы снова королемъ Польскимъ, объявила себя покровительницею счастливаго Августа. Изо всѣхъ кандидатовъ на эту корону Станиславъ былъ самый приличный для интересовъ Прусскихъ. Франція попыталась склонить короля ввести корпусъ въ Польскую Пруссію и держать ее подъ секвестромъ, такъ какъ онъ поступилъ съ Помераніею; но Фридрихъ Вильгельмъ вовсе не думалъ рисковать: онъ боялся впутаться въ войну, которая могла его завести далеко и отвлечь его силы въ другую сторону въ то самое время, когда Палатинскій Курфюрстъ, хилый и престарѣлый, могъ умереть.»

Крайне любопытно было бы видѣть упоминаемую императрицею Екатериною переписку съ Вѣной по поводу плана императрицы Елисаветы Петровны о возведеніи на престолъ Польскій Станислава Понятовскаго. Въ изданныхъ Фридрихомъ Смиттомъ депешахъ не встрѣчается депешъ объ избраніи Понятовскаго. Это весьма важный пробѣлъ ([35]) въ исторіи этихъ переговоровъ. Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ долженъ представить обильную жатву для пополненія этаго пробѣла и другихъ, встрѣчающихся въ изданныхъ Фридрихомъ Смиттомъ документахъ. Но какъ бы ни была важна переписка между Петербургомъ, Берлиномъ и Вѣной по поводу Понятовскаго, она не можетъ имѣть вліянія при обсужденіи вопроса, кто велъ это дѣло къ его осуществленію. Обѣ императрицы могли желать избранія Станислава Понятовскаго на престолъ Польскій, по личному расположенію; обѣ императрицы могли покровительствовать этой кандидатурѣ, какъ дѣлу, поддерживаемому

было сохраненіе польскихъ вольностей. Негоціаторомъ съ нашей стороны былъ графъ Левенвольде.

([35]) Слѣдуетъ сравнить пр. 1, 6, 7 и 33. — Пробѣлъ отчасти пополненъ С. М. Соловьевымъ въ 1863 году въ „Исторіи Паденія Польши“.

Русскою партіею въ Польшѣ. Но дѣло это не могло имѣть особенной важности въ глазахъ Русскаго кабинета, находившагося тогда въ весьма хорошихъ сношеніяхъ съ Саксонскимъ дворомъ. Вліяніе графа Бестужева, сильно поддерживаемаго Орловымъ, было несомнѣнно до конца 1763 г. Всю важность этому вопросу придалъ Фридрихъ Великій, облекшій его въ торжественный договоръ съ дальновидными и долголѣтними условіями, въ предвидѣніи долженствовавшихъ проистечь весьма опасныхъ замѣшательствъ.

Въ Исторіи Паденіи Польши С. М. Соловьева напечатано мнѣніе графа Бестужева-Рюмина въ пользу избранія Саксонскаго курфирста, поданное имъ послѣ кончины Августа III. До кончины еще Августа III, Бестужевъ подавалъ тоже мнѣніе, но Совѣтомъ опредѣлено было избраніе Станислава Понятовскаго. Фридрихъ Великій положительно говоритъ, что вскорѣ воспослѣдовавшая смерть сына Августа и малолѣтство внука его дали перевѣсъ Прусской политикѣ. Въ Исторіи Соловьева не обозначенъ самый день засѣданія, ни указанъ источникъ его показанія о состоявшемся рѣшеніи въ Государственномъ Совѣтѣ. Вотъ пункты, на коихъ основывалъ Бестужевъ свое мнѣніе:

1) Главнѣйше вслѣдствіе того намѣренія, которое уже о немъ (курфирстѣ Саксонскомъ) при государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ принято, и союзнымъ дворамъ, Вѣнскому, Французскому и самому Саксонскому, сообщено было, а при томъ и въ такомъ разсужденіи, что 2) всякій избираемый природный Полякъ или Пястъ, сколь бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ чужестранной денежной помощи себя содержать не въ состояніи, слѣдовательно, въ случаѣ перевѣса отъ кого либо другаго денежной дачи, для Россіи и вредителенъ будетъ. 3) Равномѣрно и изъ иностранныхъ принцевъ, а того больше изъ усилившагося Бранденбургскаго дома, для Россіи и ея интересовъ отнюдь индиферентенъ быть не можетъ. 4) Государь Петръ Великій, по своей прозорливости и находя пользу своихъ интересовъ, объ удержаніи Польской короны въ Саксонскомъ домѣ, со всею колеблимостію онаго, наивозможнѣйше старался. 5) Избраніе помянутаго куръ-принца, можетъ быть, не столько затрудненій возымѣетъ, когда безъ сомнѣнія Поляки уже къ тому исподоволь приготовлены, такъ что, можетъ быть, и нужды не будетъ гораздо великихъ денегъ на то отсюда тратить. Между тѣмъ, по имѣющимся въ кол-

легіи иностранныхъ дѣлъ дѣламъ извѣстно, что хотя Поляки желаютъ лучше себѣ королемъ Пяста, но въ тоже время, подвергая выборъ онаго, сколько отъ самихъ себя, столь же больше отъ мелкаго шляхетства, крайнимъ затрудненіямъ или и самой невозможности, устремляются уже въ своихъ мысляхъ главнѣйше на двухъ иностранныхъ князей, то есть принца Карла Лотарингскаго и ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, изъ которыхъ о первомъ Вѣнскій, а о послѣднемъ Берлинскій дворъ стараются, имѣя уже для того въ Польшѣ нѣкоторыя партіи. Но какъ избраніе того или другаго изъ сихъ принцевъ Россійскимъ интересамъ, въ разсужденіи натуральной ихъ преданности и зависимости отъ Вѣнскаго или Берлинскаго Двора, полезно, а потому и индиферентно, быть не можетъ, то необходимо нужно немедленно избрать и назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ Пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно полагаться могла и который бы свое возвышеніе только ея и. в-ву долженствовалъ и отъ нея единой зависимъ былъ. Если ея и. в. не угодно будетъ избрать и назначить къ тому нынѣшняго курфирста Саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ или изъ его же Саксонскаго дома удѣльныхъ принцевъ ни чѣмъ разниться не могъ бы и отъ самыхъ Пястовъ, потому что неминуемо надлежало бы избираемаго, изъ первыхъ или послѣднихъ, короля Польскаго для обязательства къ Россіи ежегодными денежными субсидіями снабдѣвать. Что особливо до Пястовъ касается, то, сколько графу Бестужеву-Рюмину извѣстно, находятся въ Польшѣ только двое къ тому способныхъ, а съ другой стороны и для Россіи надежныхъ, а именно князь Адамъ Чарторижскій да стольникъ Литовской графъ Понятовской. Но какъ первый очень богатъ, слѣдовательно, не имѣя большой нужды въ полученіи отъ Россіи денежнаго вспоможенія, хотя въ руки какой другой иностранной державы и не отдастся, однакожъ и отъ Россіи совсѣмъ зависимъ быть не похочетъ; то въ разсужденіи сего важнаго обстоятельства и въ случаѣ если всевысочайшее ея и-го в-ва соизволеніе точно на выборъ Пяста будетъ, не безъ основанія кажется, что сей послѣдній, то есть графъ Понятовскій, для Россіи и ея интересовъ гораздо надежнѣйшимъ и полезнѣйшимъ былъ бы, столь наипаче, что, пользуясь въ прибавокъ къ своему собственному достатку нѣкоторымъ ежегоднымъ отсюда денежнымъ вспоможеніемъ, натурально былъ бы въ Россійской зависимости, а сверхъ того и возвышеніе свое единственно ея и. в. долженствовалъ бы».

Въ нотѣ, представленной Петербургскому Кабинету въ Ноябрѣ 1767 года, упоминается о поддержкѣ княземъ Репнинымъ учрежденія Постояннаго Совѣта для легчайшаго проведенія вопроса о Диссидентахъ. Въ этой же нотѣ король Прусскій говоритъ, что вопросъ этотъ былъ чисто Русскій и противопоставляетъ его учрежденію Постояннаго Совѣта, не соотвѣтствующему цѣлямъ Прусскимъ.

«Его величество сознаетъ само съ удовольствіемъ угодливость, съ «коей оно приложило руки ко всему тому, что̀ ея величество императрица «Россійская требовала отъ него въ дѣлѣ о Диссидентахъ; онъ готовъ и «теперь еще содѣйствовать для окончанія онаго къ ея удовольствію; но «онъ обнадеживаетъ себя, что государынѣ *угодно будетъ соединить-«ся съ нимъ, дабы вѐ-время противодѣйствовать проэктамъ «увеличенія (власти)*, кажется, вновь въ настоящее время затѣян-«нымъ королемъ Польскимъ; проэкты эти ему могутъ легко удасться, въ «слѣдствіе перевѣса голосовъ, коими онъ можетъ располагать въ депу-«таціи, нынѣ учрежденной для устроенія государственныхъ дѣлъ, и об-«ширности полномочій, ей предоставленныхъ: рѣшать окончательно.»

Фридрихъ Смиттъ (Frederic II, Catherine et le part. de la Pologne. Paris, 1861, p. 101) приводитъ выписку изъ депеши Сальдерна объ аудіенціи $\frac{9}{20}$ Мая 1766 г. въ Шарлотенбургѣ, въ яркомъ свѣтѣ обрисовывающую тогдашнюю политику Россіи и Пруссіи относительно Польши:

«Король навелъ разговоръ на Польшу, и его мнѣніе было: надобно оставить эту страну въ томъ положеніи, въ которомъ находится и не дозволять въ ономъ совершать никакихъ измѣненій. Слѣдуетъ думать о будущности и, хотя нечего опасаться отъ теперешняго короля, но сосѣднія державы должны поставить за правило: не дозволять никакого измѣненія въ формѣ республики, потому что̀ это можетъ только вредить въ будущемъ. Я хотѣлъ отвѣчать, но король немедленно присовокупилъ: Къ стати, мосье, полагаютъ ли еще у васъ дозволить Полякамъ уничтожить ихъ Liberum Veto?»

«Я отвѣчалъ: Если были сдѣланы въ этомъ смыслѣ съ нашей стороны сообщенія, то это было лишь для доказательства королю величайшей довѣренности и дабы ему ничего не скрывать относительно желаній и предложеній Поляковъ; единственно съ цѣлію узнать его мысли и мнѣнія относительно этого предмета.»

Король: «Если это такъ, то это другое дѣло.»

«Затѣмъ онъ долго говорилъ о положеніи Европы; сущность его рѣчи весьма опредѣлительно сосредоточивалась въ слѣдующемъ: что Россія и Пруссія не нуждаются ни въ какомъ другомъ союзѣ, какъ заключенномъ взаимно между ними, и что онъ, покрайней мѣрѣ, не желаетъ другаго кромѣ Русскаго.»

Въ другомъ разговорѣ съ Сальдерномъ $\frac{13}{25}$ Мая, онъ снова заявилъ касательно Польши: «Я подчиняюсь всему тому, что̀ императрица пожелаетъ сдѣлать въ Польшѣ; прошу ее однако убѣдительно объ одномъ чтобы не сдѣлано было *совершенно никакого измѣненія въ конституціи и въ правительствѣ: это можетъ только повредить*».

Сальдернъ замѣчаетъ: «Что императрица не помышляетъ ни о какомъ существенномъ измѣненіи въ конституціи, но онъ проситъ короля обратить вниманіе на то, что Россія, кажется, необходимо должна стараться, чтобы Польша, въ случаѣ нужды, могла замѣстить провалъ, образовавшійся въ отношеніи къ Турціи въ слѣдствіе удаленія кабинета Русскаго отъ Австріи и союза Россіи съ Пруссіею.»

Король: «Но какъ же вы хотите это сдѣлать?»

Сальдернъ: «Я не знаю quomodo; но мысль моя, которая столь естественна, что я не могу повѣрить, что она можетъ внушать вашему величеству опасенія: по моему мнѣнію слѣдуетъ подкрѣпить Диссидентовъ и придать королю нѣсколько силы, чтобы онъ могъ поставить на хорошую ногу малое число войска, принадлежащаго Польшѣ, дабы можно было впослѣдствіи получить пособіе въ случаѣ нужды».

Король: «Эти двѣ вещи трудно исполнить.»

Сальдернъ: «Напротивъ, изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною въ самой Польшѣ, я вовсе не смотрю на это, какъ на вещь затруднительную. Я вообще думаю, что можно еще сдѣлать много другихъ хорошихъ вещей въ этой странѣ.»

Король: «Я это знаю, но ее надо оставить въ ея летаргическомъ состояніи.»

Сальдернъ: «Летаргія, государь, хороша только въ случаѣ, если бы видно было, что пробужденіе вредно для сосѣдей. Но есть случаи, въ которыхъ государство дѣлается совершенно безполезнымъ, если не допускать нѣкотораго возобновленія силъ, чтобы оно могло сдѣлаться по-

лезнымъ для союзниковъ. Россія и Пруссія могутъ въ эту минуту раздавить Польшу, если бы она пожелала привести въ дѣйствіе свои пробужденныя силы. Въ Польшѣ король и министерство совершенно скованы и ничего не могутъ совершить безъ Сейма. Дабы пособить этому недостатку, я полагалъ бы, что было бы столь же полезно для Польши, какъ и для ея сосѣдей учрежденіе Постояннаго Совѣта, который бы засѣдалъ въ промежуткѣ двухъ Сеймовъ.»

Король: «Это кажется весьма благоразумнымъ, но надо хорошенько все это взвѣсить и пообдумать, прежде чѣмъ это допустить.»

Учрежденіе Постояннаго Совѣта было однимъ изъ главныхъ средствъ, проводимыхъ Русскою партіею, для поддержанія королевской власти и для доставленія бо̀льшей прочности и послѣдовательности дѣйствіямъ правительственнымъ. Это учрежденіе поддерживаемо было Русскимъ правительствомъ, было преслѣдуемо Фридрихомъ и окончательно ниспровергнуто образовавшеюся впослѣдствіи Прусскою партіею, незадолго до втораго раздѣла.

Князь Репнинъ писалъ графу Панину отъ $\frac{11}{22}$ Декабря 1767 года:

«Если вы намѣрены дать Польшѣ какую, хоть малую, консистенцію, для употребленія иногда противъ Турокъ: то внутренній сей порядокъ позволить нужно, ибо безъ оного никакой, ни самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ: понеже сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что уже болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы по прежнему всѣ головой матеріи на сеймахъ подъ единогласіемъ трактовались, и чтобы чрезъ Liberum Veto сеймы, какъ и прежде, разрывались, то и оное исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь то представить, что не только тѣмъ не утвердимъ довѣренности націи къ намъ и нашу здѣсь инфлуенцію, но, напротивъ, совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые раздѣленія законовъ желаютъ (на государственные, проходящіе единогласіемъ, и внутренніе, принимаемые по большинству голосовъ), на которыхъ однихъ надѣяться можно и которые наконецъ одни же только и могутъ, чрезъ свой разсудокъ, націею предводительствовать; слѣдовательно, и оскорбимъ мы ту большую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему безпорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, особливо когда желаемый ими порядокъ намъ не вреденъ; чрезъ которое легко будетъ до-

казать всей націи, что мы иного не желаемъ, какъ ее видѣть въ порабощеніи и сумятицѣ. Таковое мнѣніе произведетъ, натурально, крайнюю недовѣрку и сильно, слѣдовательно, препятствовать будетъ къ собранію намъ въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Еслижъ нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націи не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость, нежели въ пользу, не имѣя сами по себѣ никакого кредита; и такъ принуждены будемъ все дѣлать единственною силою (которая совершенно разрушаетъ сей важный предметъ) чтобы свою независимую въ землѣ партію имѣть; изъ сего же то произойдетъ, что при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сторону, Польша, по безсилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы оного избавиться. Правда, нами сдѣланы обѣщанія чрезъ декларацію о ниспроверженіи всего того, что́ вопреки вольности народной послѣдними сеймами постановлено было, обѣщая соблюсть націю въ ея преимуществахъ. Но не сдержимъ ли мы торжественнымъ образомъ наши обѣщанія, когда форму правленія чрезъ кардинальные законы такъ утвердимъ, что уже не только конфедераціи, но и самое единогласіе того перемѣнить не будутъ въ силахъ? Не оставимъ ли мы націю въ преимуществахъ Liberum Veto, когда всѣ штатскія матеріи однимъ единогласіемъ на вольныхъ сеймахъ рѣшены быть могутъ? Достальное все принадлежитъ до единаго порядка, какъ то внутренности судебнаго обряда, тожь экономіи учрежденныхъ уже доходовъ и содержанія имѣющагося уже войска. Бо́льшая часть націи, въ томъ числѣ всѣ резонабельные люди, того желаютъ. Не вѣрьте, ваше сіятельство, тѣмъ, кои вамъ противное сему отъ имени сконфедерованной націи говорятъ. Засѣданія конфедераціи совсѣмъ, съ начала Сейма, ни единаго не было, а безъ собранія таковаго никакія повелѣнія именемъ ея посылаться не могутъ. Сіи всѣ доношенія вамъ чинящіяся суть токмо плоды интриги, желая при настоящемъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу ловить и забирая на свои персоны репрезентаціи націи».

Репнинъ оканчиваетъ свои представленія словами:

«Какая слава составить счастіе цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній импе-

ратрицы, и вмѣстѣ содѣйствовать счастію народа, у котораго я имѣю честь быть ея представителемъ.» ($\frac{12}{23}$ Декабря того же года.)

«Для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ, намъ индиферентнымъ, порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться?» замѣтила императрица на донесеніе Репнина, и вслѣдствіе этого, относительно сеймовой формы, было постановлено, что въ первыя три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ послѣднія три недѣли единогласіемъ (С. Соловьевъ, Исторія Паденія Польши, стр. 74 и 75.)

Вопросъ Русскій, старый вопросъ о Диссидентахъ, о которомъ съ горечью упоминаетъ Фридрихъ Великій, какъ единственной причинѣ, по его словамъ, всѣхъ дальнѣйшихъ замѣшательствъ, былъ главнымъ орудіемъ, помогавшимъ осуществленію его плана. Избраніе Пяста, даже самого Станислава, не могло составлять серьознаго интереса для Русскаго Кабинета. Екатерина была расположена въ пользу измѣненій въ конституціяхъ, согласно желаніямъ Русской партіи въ Польшѣ.

Отчаянное, слѣпое сопротивленіе Рѣчи Посполитой справедливымъ требованіямъ Диссидентовъ и неодолимому гнету сочувствовавшей Диссидентамъ Россіи были главной причиною, давшею Фридриху Великому возможность осуществить свой планъ. Безъ этого вопроса Русскій Кабинетъ не могъ подчинить себя планамъ своего мудраго сосѣда, какъ бы они ни были хитро придуманы и исполнены. Поляки и съ ними вся Европа обвиняли и обвиняютъ Россію въ коварно преслѣдованномъ замыслѣ, вопреки очевидности,—свидѣтельству главнаго дѣятеля, свидѣтельству Французскихъ и Англійскихъ пословъ въ Петербургѣ, съ негодованіемъ сѣтовавшихъ въ своихъ депешахъ о совершенномъ и непонятномъ подчиненіи въ Польскомъ вопросѣ Русскаго Кабинета Берлинскому. Причина этого обвиненія лежитъ въ несознательномъ чувствѣ, что вся сила, разразившаяся на Польшѣ, лежала въ Русскомъ народѣ и именно въ законномъ требованіи равноправія Диссидентовъ, сила, поддерживаемая тогда между прочимъ и Англіею.

Въ изданныхъ Фридрихомъ Сміттомъ депешахъ находятся двѣ, доказывающія иниціативу короля даже въ грозномъ вопросѣ о Диссидентахъ, что, должно сознаться, довольно удивительно.

Въ Апрѣлѣ 1764 г. его посолъ представилъ въ Петербургѣ слѣдующую ноту: «Диссиденты Польскіе постоянно ходатайствуютъ предъ королемъ съ самою горячею настойчивостію о попеченіи въ ихъ пользу. Его величество, истинно растроганный ихъ положеніемъ и обязанный Оливскимъ миромъ, а равно и послѣднимъ договоромъ съ ея величествомъ императрицей Россійской, не смотрѣть на угнетеніе этихъ несчастныхъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, весьма расположенъ сдѣлать кое-что въ ихъ пользу. *Но, не желая приступить ни къ чему въ этомъ дѣлѣ безъ соглашенія съ Русскимъ дворомъ, онъ весьма былъ бы радъ узнать чувства ея императорскаго величества* о средствахъ, которыя она пожелала бы употребить для покровительства дѣлу Диссидентовъ. Онъ снабдитъ инструкціями своего посла въ Польшѣ, князя Каролата, въ силу тѣхъ сообщеній, которыя угодно будетъ сдѣлать ему по этому предмету».

Вторая его записка, приведенная Смиттомъ, преобразовываетъ скромный запросъ въ созрѣлый, глубокообдуманный планъ и представляетъ дѣло Диссидентовъ въ его страшной, возмутительной наготѣ.

«Диссиденты Польскіе ходатайствуютъ предъ ея величествомъ императрицею Россійскою о покровительствѣ для возвращенія имъ ихъ правъ, привилегій и преимуществъ, коими они прежде обладали въ силу основныхъ конституцій Республики, отторгнутыхъ у нихъ несправедливымъ образомъ двумя предшествовавшими правленіями, дабы они впредь могли быть уравнены съ прочими Поляками, ихъ католическими соотечественниками. Вашему императорскому величеству *угодно было обѣщать поручить ихъ интересы новому королю. Но такъ какъ это заступничество можетъ быть изложено лишь въ общихъ выраженіяхъ, то увѣренія, могущія быть даны новымъ королемъ изъ уваженія къ вашему величеству, могутъ остаться безъ дѣйствія, какъ это уже случилось.* Но рѣшенія, принимаемыя въ Созывательномъ Сеймѣ, входятъ въ Pacta Conventa; король обязанъ присягать въ ненарушеніи оныхъ: потому Диссиденты покорнѣйше просятъ ваше императорское величество благоволить повелѣть вашему послу въ Варшавѣ предложить, въ пользу ихъ, имѣющему вскорѣ открыться Созывательному Сейму слѣдующія статьи:

1-я, Чтобы конституція 1733 г., въ силу коей Диссиденты исключены изъ всѣхъ важныхъ мѣстъ, должностей и милостей, была уничтожена.

2-я, Чтобы имъ возвращены были церкви, кладбища со всѣми принадлежностями, въ случаѣ если они имѣютъ доказательство, что они входили въ составъ оныхъ и что они были у нихъ отняты.

3-е, Чтобы имъ дозволено было совершать Богослуженіе въ ихъ церквахъ, по ихъ исповѣданію, свободно и открыто; чтобы ихъ священники могли исполнять свои священническія обязанности въ совершенной безопасности, а именно: крестить, бракосочетать, хоронить, обучать и конфирмовать дѣтей въ училищахъ, безъ помѣхи со стороны Католиковъ и не нуждаясь въ полученіи предварительнаго разрѣшенія за деньги.

4-я, Чтобы новый король обязался равномѣрно жаловать Диссидентамъ и не-уніятамъ должности и коронные чины, а также и старостіи, назначать также изъ нихъ сенаторовъ, и, однимъ словомъ, допустить ихъ къ участію во всѣхъ милостяхъ, которыя доселѣ даровались однимъ католикамъ, и чтобы король обязался исполнить это обѣщаніе при первой вакансіи.

5-е, Окончательно, Диссиденты просятъ ея императорское величество даровать имъ гарантію этого возобновленія ихъ правъ и привилегій, кои они надѣются получить въ силу ея мощнаго покровительства.»

Поднявъ этотъ старый и грозный вопросъ, король, какъ будто пораженный примѣненіемъ его къ дѣлу, пишетъ къ графу Сольмсу, вѣроятно, въ 1767, послѣ арестованія князя-примаса Солтыка и епископа Залускаго:

«Каждая верховная власть имѣетъ право у себя уничтожать, предавать забвенію и объявлять законы. Польша воспользовалась этимъ правомъ; она признала, что Диссиденты не должны занимать должностей, и ихъ изъ оныхъ исключили. А вотъ и вопросъ: Какъ можетъ императрица Россійская вмѣшиваться во внутреннее Польское дѣло? На основаніи какой власти? На это все вамъ могутъ только дать плохіе резоны. Вѣнскій дворъ признаетъ именно этотъ образъ дѣйствій произвольнымъ и посягательнымъ (usurpatoire) въ отношеніи Польскихъ вольностей. Я, дѣйствительно, сознаюсь передъ вами, что трудно оправдать образъ дѣйствій императрицы, — здѣсь вопросъ не о твердости, а о правѣ.»

Болѣе чѣмъ любопытно сличеніе этихъ депешъ о Диссидентахъ. Побудивъ правительство Русское вмѣшаться въ это дѣло помимо сдѣланной императрицею рекомендаціи королю, доказавъ недѣйствительность принятой ею мѣры и подготовивъ подробно и отчетливо всѣ послѣдую-

ція настоятельныя требованія Россіи, король оспариваетъ самый принципъ вмѣшательства по дѣлу, находящемуся въ прямой зависимости отъ международныхъ договоровъ!

Во время Барской конфедераціи Фридрихъ II пишетъ графу Сольмсу:

«Что касается Польскихъ дѣлъ, я уже вамъ нѣсколько разъ замѣчалъ, и еще недавно, что я рѣшился исполнять принятыя на себя обязательства для гарантіи престола Польскаго короля; но это все, что̀ отъ меня могутъ требовать. Что касается до Диссидентовъ, то я обязался ихъ поддерживать лишь записками и деклараціями, что̀ было каждый разъ исполнено, какъ того желалъ Русскій дворъ, и не только что не имѣютъ права отъ меня требовать чего либо болѣе (какъ вамъ графъ Панинъ далъ почувствовать), но весьма легко доказать, что мною принятый образъ дѣйствія съ тѣхъ поръ какъ начались послѣднія смуты, одобренный императрицею,— наивыгоднѣйшій для ея интересовъ; потому что при вступленіи моихъ войскъ въ Польшу, Австрійцы сдѣлали бы тоже съ своей стороны, и этимъ возбудили бы всеобщій разгаръ: Русскій дворъ лишился бы субсидій, и я былъ бы поставленъ въ положеніе требовать его содѣйствія.»

27 Августа 1769 послѣ обѣда, въ подробной запискѣ о свиданіи въ Нейсѣ, Іосифъ II пишетъ своей матери Маріи Терезіи, что «король ему простосердечно сообщилъ, что онъ боится Русскихъ, что союзъ съ ними ему нуженъ, но жестоко тягостенъ, что онъ имъ платитъ 500.000 талеровъ въ годъ, взамѣнъ условленнаго числа солдатъ, что онъ имѣлъ счастіе и ловкость отъ этого отдѣлаться, представивъ Русскимъ, что въ случаѣ отправленія имъ корпуса, мы, Австрійцы, его аттакуемъ, что ему придется защищаться, и затѣмъ Русскіе не будутъ имѣть ни Прусскихъ денегъ, ни Прусскаго войска.»

Въ депешѣ къ графу Сольмсу отъ 24 октября 1767 года онъ жалуется на исполненіе:

«Князь Репнинъ испортилъ дѣло, съ самаго начала, неумѣстною и излишнею запальчивостію. Вмѣсто того, чтобы расположить умы подобающею кротостію, онъ ихъ ожесточилъ и оттолкнулъ своимъ увлеченіемъ.»

Ключь къ этому крайнему противорѣчію уже былъ извѣстенъ современникамъ.

Въ письмѣ Августа Сулковскаго къ брату въ Апрѣлѣ 1769 г., перехваченномъ Древицемъ и доставленномъ князю Репнину, говорится:

«Я долженъ тебѣ сообщить нѣчто о тайныхъ намѣреніяхъ Прусскаго короля. Приглядись къ его обращенію съ Диссидентами съ начала новаго царствованія въ Польшѣ, ты увидишь, какъ и всѣ, что онъ первый двигатель всѣхъ дѣйствій Русскихъ: онъ такъ возбуждалъ эту державу, что наконецъ Поляки возстали и изгнали Диссидентовъ, которые перешли въ его владѣнія. Подумай о той готовности, о тайныхъ пособіяхъ, которыя конфедераты находятъ въ его землѣ; они тамъ покупаютъ оружіе, порохъ, свинецъ и проч. съ условіемъ платить весьма дорого. Вспомни никонецъ о письмѣ генерала Четрица къ аббату Рогалинскому, въ которомъ онъ пишетъ: мы весьма далеки отъ того, чтобы быть враждебно расположенными къ истиннымъ конфедератамъ, если они не нарушатъ нашей границы.»

Въ союзномъ договорѣ 1764 г., въ секретной статьѣ, сказано:

«Его величество король Прусскій и ея величество императрица всея Россіи, съ прискорбіемъ видя тяжкое угнетеніе, подъ коимъ находятся лица, принадлежащія къ вѣроисповѣданіямъ ихъ величествъ, какъ въ королевствѣ Польскомъ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, согласились и обѣщались взаимно покровительствовать наивыгоднѣйшимъ способомъ этимъ лицамъ, а именно: всѣмъ жителямъ Польши и Литвы, исповѣдующимъ вѣры Реформатскую, Лютеранскую и Греческую и извѣстнымъ тамъ подъ именемъ Диссидентовъ; и приложить всѣ свои усилія, чтобы склонить, сильными и дружескими представленіями, короля и Республику Польскую возвратить симъ лицамъ права, привилегіи, вольности и преимущества оными пріобрѣтенныя, и которыя имъ были разрѣшены прежде какъ въ дѣлахъ церковныхъ, такъ и въ гражданскихъ, но которыя были въ послѣдствіи или ограничены или несправедливо отторгнуты. Но если этого нельзя было бы достигнуть немедленно въ сей же часъ, то обѣ договаривающіяся стороны удовольствуются, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и временъ, произвести, чтобы обозначенныя лица были по крайней мѣрѣ ограждены отъ несправедливостей и угнетеній, подъ коими они нынѣ бѣдствуютъ.»

Кромѣ того 23 Апрѣля 1767 г. была заключена конвенція между Пруссіей и Россіей, въ силу коей Русскія войска должны были вступить въ Польшу для поддержки участи Диссидентовъ. Пруссія обязывалась поддерживать энергически это дѣло и, въ случаѣ вмѣшательства Австрійцевъ, дѣйствовать открыто противъ нихъ и даже сдѣлать диверсію въ

ихъ собственныхъ областяхъ. Императрица Екатерина II обязывалась въ этомъ случаѣ поддержать короля и *приличнымъ образомъ вознаградить его по заключеніи мира*.

Весь вопросъ о кардинальныхъ законахъ (избраніе Пяста, вольности Рѣчи Посполитой, права Диссидентовъ) едвали могъ быть подготовленъ и изученъ въ Петербургѣ. Неожиданность смерти Августа III, быстрота, съ коею совершился договоръ между Фридрихомъ и Россіею, положеніе дѣлъ при началѣ царствованія императрицы Екатерины II, появленіе новыхъ государственныхъ людей, не допускаютъ ни малѣйшаго о томъ сомнѣнія. Это подтверждается словами Екатерины II о торопливости, съ коею начертанъ былъ трактатъ Фридриха II съ Петромъ III. Но ея первый трактатъ съ королемъ Прусскимъ въ пунктахъ, касающихся Польши, былъ лишь повтореніе трактата 1762 года. Въ трактатѣ съ Петромъ III условія относительно Польши уравновѣшены содѣйствіемъ со стороны Пруссіи Петру III противъ Датчанъ; въ договорѣ съ Екатериною II содѣйствіемъ въ пользу Россіи противъ Турокъ.

Уже во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію Оливскаго мира (3 Мая 1660) курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ горячо отстаивалъ права Диссидентовъ, по свидѣтельству Пуффендорфа (De rebus gest. Fried. Wilh. lib. VIII. § 68). Фридрихъ Великій ссылается на статью этого трактата, впрочемъ довольно темную. Она поясняется положительно въ пользу Диссидентовъ лишь предшествовавшими переговорами и послѣдующею декларацією Шведскихъ уполномоченныхъ ($\frac{2}{3}\frac{1}{1}$ Мая 1660 г.).

Очевидно, что король ясно видѣлъ послѣдствія поднятаго имъ въ 1764 вопроса о Диссидентахъ; тутъ дѣло не зависѣло отъ большей или меньшей запальчивости исполнителей. Императрица поручила это дѣло королю Польскому. Фридрихъ настоялъ, чтобы Русское правительство обратилось прямо къ Сейму. Торжественная и вооруженная обстановка требованій Русскихъ въ пользу Диссидентовъ, въ силу домогательствъ Фридриха II, въ силу секретной статьи 1764 г. и конвенціи 1767, въ виду всей Европы, сильное сочувствіе къ оскорбленіямъ своихъ единородцевъ и единовѣрцевъ, убѣжденіе въ правотѣ дѣла, сочувствіе руководителей общественнаго мнѣнія въ Европѣ, не оставляли Русскимъ другаго исхода, при встрѣчѣ неожиданнаго и фанатическаго противудѣйствія, какъ проводить

дѣло Диссидентовъ открытою силою ([36]). Здѣсь, на сѣтованія, Фридриху II можно было сказать: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ». Но Фридрихъ Великій рисковалъ не въ первый разъ и зналъ что̀ онъ дѣлаетъ. Безъ войны Россіи съ Турціею, возникшей въ слѣдствіе Диссидентскихъ дѣлъ, онъ ни достигъ бы своей цѣли. Фридрихъ Великій воспользовался постепенно конституціонными вопросами, чтобы привлечь Русское правительство къ раздѣлу. Первая мысль его была увѣриться въ нейтралитетѣ Россіи, въ предвидѣніи могущей снова возникнуть противъ него только что прекратившейся войны. Достигнувъ этой цѣли сближеніемъ съ Россіею по дѣламъ Польскимъ, онъ немедленно замѣтилъ всю пользу, которую онъ можетъ извлечь изъ этихъ дѣлъ для уничтоженія черезполосности, мѣшавшей развитію его государства. Эти обѣ цѣли такъ присущи при всѣхъ его дѣйствіяхъ, что трудно повѣрить, чтобы онъ ихъ не обнялъ съ перваго раза даже до воцаренія ([37]) Екатерины II. Безъ этой цѣли, обязательства, принятыя имъ въ отношеніи Петра III, были бы не понятны, какъ ничѣмъ не вознаградимыя. Изъ разсказа его видно, сколько усилій и *интригъ* ему, по собственному и правдивому его выраженію, было нужно, чтобы склонить Россію въ 1772 году на раздѣлъ Польши, какъ на единственное средство для Россіи предотвратить всеобщую войну. Онъ самъ говоритъ, что Австрія знала, что она,

---

([36]) Этотъ взглядъ вполнѣ подтверждается изложеніемъ дѣла во II и III главахъ Исторіи Пад. Польши С. Соловьева и изданными имъ документами. Ссылаюсь на крайне интересный и добросовѣстный трудъ нашего Историка. Какъ ни желательно было пользоваться изданными имъ документами для подтвержденія взгляда, здѣсь изложеннаго, на вопросъ о Диссидентахъ, я предпочитаю обратить на самую книгу вниманіе тѣхъ читателей, которые еще не прочли ея; тѣмъ болѣе, что настоящее изслѣдованіе посвящено исключительно опредѣленію политики Фридриха Великаго по этому дѣлу. Для опредѣленія хода этого дѣла особенно важны:

Стр. 13 Письма императрицы весной 1763, по жалобѣ Георгія Конисскаго и о стремленіяхъ Русской партіи въ Польшѣ, еще до кончины Августа III, съ обѣщаніями содѣйствія послѣ его кончины.

Стр. 24 Письмо Понятовскаго 20 го Апрѣля 1765 г.

Стр. 28 Депеша Панина отъ 13 Окт. 1764.

Стр. 30 Инструкція Репнину 15 Сент. 1766 г.

Стр. 35 Попытка Репнина отложить дѣло о Диссидентахъ.

Стр. 37 Депеша Панина отъ 12 Февр. 1765.

Стр. 40 75 Переговоры, дѣйствія и донесенія Репнина.

([37]) Это вполнѣ подтверждается приведенными въ подстрочномъ прим. (24), свидѣтельствами маркиза Дюшателе и Англійскаго посланника въ Берлинѣ.

въ случаѣ войны съ Россіей, нигдѣ не нашла бы пособія. А опасности, угрожавшія Россіи со стороны Австріи, были вызываемы имъ самимъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Іосифъ въ запискѣ къ императрицѣ Маріи Терезіи. Императрица Марія Терезія съ своей стороны въ послѣдствіи горько упрекала сына за движенія войскъ въ Венгріи для угрозы Русскимъ и прямо приписывала ихъ вліянію Фридриха II.

Дѣйствія Фридриха II оправдываютъ вполнѣ сознаніе его въ интригахъ. Въ 1765 году происки посланника Фридриха II въ Константинополѣ, Рексина, вызвали формальную жалобу Петербургскаго кабинета. Фридрихъ Смиттъ резюмируетъ это обвиненіе слѣдующимъ образомъ:

1) Рексинъ сдѣлалъ Портѣ весьма коварные намеки касательно Русскаго двора, напримѣръ: что Русскій дворъ или уничтожаетъ древнія Польскія конституціи или измѣняетъ ихъ такимъ образомъ, что вольности Республики подвержены опасности.

2) Онъ обвиняется въ увѣреніи Порты «что король его государь, тѣсно связанный дружбою съ Россіей, пользуется безпредѣльнымъ кредитомъ при этомъ дворѣ; а потому если Порта поддастся его желаніямъ, онъ согласенъ гарантировать ее противъ Россіи; потому что намѣренія Русскаго кабинета противу Порты были коварны и могли обнаружиться къ крайнему ея вреду, если Порта не заинтересуетъ короля въ свою пользу».

3) Онъ внушилъ «что Россія прямо намѣрена уничтожить Liberum Veto въ Польшѣ и успѣла бы въ этомъ, если бы король, его государь, не помѣшалъ бы тому заблаговременно. Однако нѣсколько древнихъ конституцій Республики были бы уничтожены, если бы король не воспротивился уничтоженію Liberum Veto, и новый король Польскій сдѣлался бы самодержавнымъ властителемъ, ко вреду Порты.»

Въ сентябрѣ 1765 года король сообщилъ графу Сольмсу, что онъ уже неоднократно требовалъ отъ Рексина отчета въ несоблюденіи экономіи, что онъ не иначе себѣ объясняетъ его намеки противъ Россіи, какъ въ слѣдствіе, можетъ быть, нужды, побудившей его дать себя подкупить какою либо державою, и что онъ немедленно будетъ отозванъ

Не смотря на всѣ данныя, трудно повѣрить, чтобы Фридрихъ II не предвидѣлъ обстоятельствъ, такъ какъ они дѣйствительно сложились. Планъ короля въ главныхъ чертахъ опредѣляется стараніемъ тѣснить Россію со стороны Турціи и Австріи и превлекать ея дѣятельность на Польшу,

замаскировывая сначала опасность и важность предпріятія, ручаясь, что дѣло пройдетъ безъ кровопролитія. Судя по мнѣнію его о дѣятеляхъ Русскихъ, нельзя также сомнѣваться, что онъ предвидѣлъ важныя затрудненія, замѣшательства и сильное возбужденіе самолюбія императрицы, — которыя не преминутъ представить широкое поприще его поползновеніямъ.

На сколько онъ предвидѣлъ затрудненія и замѣшательства, видно (прим. 11) изъ того, что онъ съ своей стороны, въ силу договора, ограничивалъ свое вмѣшательство одними декларацiями и успѣлъ склонить Русское правительство на принятіе субсидій, чтобы самому уклониться отъ участія въ исполненіи самого дѣла съ помощію военной силы, коей необходимость онъ самъ сознавалъ при составленіи договора.

Фридрихъ Великій въ своихъ Запискахъ неоднократно жалуется на медленность и нерѣшительность Русскаго двора. Препятствія были, по его словамъ, неодолимыя. Совершенно расположенный въ пользу короля, графъ Панинъ питалъ, по словамъ самого Фридриха, личное отвращеніе къ раздѣлу. Орловъ и Потемкинъ, одинъ за другимъ и оба въ одно время, подрывали довѣріе императрицы къ графу Панину, опираясь преимущественно на томъ, что онъ согласился съ королемъ по поводу раздѣла. О противудѣйствіи Бестужева при зародышѣ дѣла и говорить нечего. Изо всѣхъ правительственныхъ лицъ одинъ только графъ Чернышевъ выразилъ сочувствіе къ замысламъ Фридриха II, въ слѣдствіе, можетъ быть, личныхъ сношеній графа Захара Григорьевича, находившагося въ продолженіи кратковременнаго царствованія Петра III подъ командою короля. Впрочемъ можетъ быть, и слѣдуетъ надѣяться, что на него вліяли тяжкое угнетеніе, подъ коимъ находилось Бѣлорусское народонаселеніе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и бѣдственное положеніе Диссидентовъ въ Польской Пруссіи, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ во время Семилѣтней войны. Разсказываютъ, будто, послѣ знаменитаго разговора императрицы съ принцемъ Генрихомъ, по случаю занятія Австрійцами нѣсколькихъ Польскихъ земель на границѣ Венгріи, графъ Чернышевъ подошелъ къ принцу и сказалъ ему: «Пруссіи слѣдуетъ завладѣть Вармійскимъ епископствомъ. Надобно, чтобы каждый что нибудь да получилъ». Но вліяніе Чернышевыхъ на дѣла государственныя было ничтожно.

Жалкое и смѣшное доказательство иниціативы Русскаго правительства представилъ Прусскій посланникъ, графъ Герцъ (назначенный въ Петер-

бургъ вскорѣ послѣ перваго раздѣла) историку Фридриха II, Доому, навлекшему на себя упрекъ за то, что онъ недовольно положительно оправдываетъ короля въ первой части своихъ Достопамятностей. Во второй части оныхъ, въ дополненіяхъ и поправкахъ къ 1-й (Dohm's Denkwürdigkeiten, Lemgo, 1814—1819. II. стр. XLI и слѣдующія) онъ помѣстилъ доставленныя ему графомъ Герцомъ свѣдѣнія:

«По его замѣчанію я ошибочно сказалъ (стр. 483), что поѣздка принца Генриха въ 1770 году въ Петербургъ была вызвана королемъ для склоненія императрицы къ болѣе умѣреннымъ условіямъ относительно мира съ Портою и устраненія разрыва между нею и Австріею. Этому посѣщенію подало поводъ совершенно другое обстоятельство,—и оно не шло отъ короля. При свиданіи императора Іосифа и короля Фридриха въ Нейсѣ въ 1769 году, Генриху показалось, что первый изъ этихъ монарховъ съ нимъ обращался не съ тѣмъ отличіемъ, котораго онъ могъ ожидать. Чтобы не подвергнуться тому же, при условленномъ на слѣдующій годъ свиданіи въ Нейштадтѣ, онъ не хотѣлъ вовсе присутствовать при ономъ и, чтобы имѣть приличный предлогъ, онъ просилъ у короля позволенія посѣтить сестру свою, королеву Шведскую. Лишь въ Стокгольмѣ получилъ онъ приглашеніе императрицы посѣтить Петербургъ. Императрица въ молодости своей, находясь при Берлинскомъ дворѣ, когда еще была принцессою Цербстскою, знала принца и оказывала ему большое уваженіе. Она писала объ этомъ королю и просила его позволенія на эту поѣздку, которая была дозволена лишь по неоднократномъ настояніи. Тогда то и было произнесено императрицею расказанное мною о раздѣлѣ Польши, что̀ было вызвано дѣйствіями Австрійцевъ» ([38]).

«Графъ Герцъ замѣчаетъ, что кромѣ этого есть еще другое обстоятельство, извѣстное лишь въ весьма маломъ кружкѣ, но совершенно достовѣрное, способствовавшее порожденію, именно въ это самое время, мысли о раздѣлѣ Польши.»

«Во времена императрицы Елисаветы, Датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, былъ нѣкій графъ Остенъ-Сакенъ, пріятель Польскаго посланника графа Понятовскаго; говорятъ, что онъ содѣйствовалъ поддержанію близкаго знакомства между послѣднимъ и тогдашнею великою княгинею Екатериною. Императрица Елисавета, весьма внимательная къ по-

([38]) Занятіе Австрійцами Ципскихъ городовъ.

добнымъ дѣламъ, открыла это; она потребовала, чтобы оба посланника были немедленно отозваны, что̀ и воспослѣдовало. Послѣ вступленія Екатерины на престолъ, Датскій дворъ полагалъ, что возвращеніе графа Остенъ-Сакена будетъ пріятно этой монархинѣ,—но она этому воспротивилась. Онъ былъ посланъ въ Варшаву, гдѣ его пріятель Понятовскій возсѣлъ на престолъ; но онъ очень желалъ вернуться въ Петербургъ и добился наконецъ, что императрица просила о его назначеніи посланникомъ. При его отъѣздѣ, король Станиславъ довѣрилъ ему письмо къ императрицѣ, долженствовавшее быть передано совершенно въ тайнѣ. Король въ этомъ письмѣ взводилъ горькія жалобы на пренебреженіе къ нему графа Орлова и фельдмаршала графа Захара Чернышева. Въ Варшавѣ полагали, что время благопріятно для поднесенія этихъ жалобъ, потому что извѣщены были, что оба графа попали въ нѣкотораго рода немилость. Графъ Остенъ обѣщался передать письмо безъ свидѣтелей; но, пріѣхавъ въ Петербургъ, нашелъ, что графы Орловъ и Чернышевъ не только въ милости, но скорѣе пользуются особеннымъ расположеніемъ монархини. По этому онъ счелъ разсудительнѣе, для собственной своей пользы, передать письмо не императрицѣ, но предпочтительнѣе самимъ обвиненнымъ. Сильно раздосадованные содержаніемъ этого письма, они рѣшили отомстить наичувствительнѣйшимъ образомъ королю Станиславу. Такимъ образомъ родилась у нихъ мысль о раздѣлѣ Польши, и они объ этой мысли сообщили императрицѣ. Чтобы повести это дѣло съ разныхъ сторонъ, они ознакомили съ этою мыслію графа Сольмса и настоятельно просили его довести о томъ до свѣдѣнія короля. Но король отвѣчалъ холодно и не удостоилъ никакого вниманія это сообщеніе. Но когда въ послѣдствіи принцъ Генрихъ прибылъ въ Петербургъ, эти оскорбленные государственные люди сообщили свою мысль и ему, и убѣдили императрицу открыться по этому дѣлу принцу Генриху».

«*Много ли, мало ли способствовало это обстоятельство совершенію дѣла, но то остается вѣрнымъ, что раздѣлъ возбужденъ былъ сперва въ Петербургѣ и совершенъ былъ въ слѣдствіе обстоятельствъ, въ коихъ Фридрихъ не имѣлъ ни самаго отдаленнаго участія*».

Эта жалкая, ничего не доказывающая, сплетня, имѣющая, можетъ быть, долю правды въ своемъ основаніи, есть единственное доказательство, приведенное двумя Прусскими дипломатами, и составляетъ суть

ихъ защиты. Не смотря на посвященіе графа Герца въ Петербургскія интимныя тайны, показаніе его, будто вопросъ о раздѣлѣ возбужденъ въ Петербургѣ, остается совершенно голословнымъ. Чтобы повторить подобную сплетню чистосердечно, въ политическомъ обсужденіи, надобно было графу Герцу и Доому не знать сообщеннаго Прусскому посольству въ Петербургѣ, въ 1769 году, проекта Линара и быть вообще незнакомыми съ ходомъ переговоровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Герцъ умышленно запутывалъ истину, ибо невозможно предполагать, чтобы дѣла ввѣреннаго ему посольства были ему вовсе неизвѣстны.

Непонятно, изъ-за чего бились Прусскіе публицисты. Въ 1810 г., во время изданія документовъ по этому дѣлу графомъ Герцомъ, и въ 1815, году, при изданіи книги Доома, могли на это вліять тяжкое положеніе Пруссіи и утрата этою державою Польскихъ своихъ пріобрѣтеній. Желчная, до несправедливости возбужденная, раздражительность могла быть тогда понятна. Безпокойство Прусскихъ патріотовъ могло продолжаться еще въ 1815 году. Но политическое стеченіе обстоятельствъ не удовлетворительно объясняетъ возбужденную полемику. Слабость и весь характеръ этой полемики заставляютъ скорѣе предполагать, что она вызвана была по заказу, въ слѣдствіе измѣнившагося взгляда Прусскаго правительства на Польскій вопросъ въ Наполеоновскую эпоху.

Доомъ, въ первой части своихъ Достопамятностей (441), говоритъ про короля Фридриха:

«Онъ не отрицалъ, что онъ наидѣятельнѣйшимъ образомъ осуществилъ раздѣлъ Польши, что онъ наиусерднѣйше боролся, при исполненіи, противъ медленности и нерѣшительности двухъ прочихъ дворовъ; зачѣмъ же ему захотѣлось бы умалчивать, что отъ него шла первая мысль, если бы оно такъ было въ дѣйствительности?»

Идея не воплощенная принадлежала XVIII и даже XVII столѣтію; она принадлежала Карлу Густаву и Карлу XII, Августу II, Станиславу Лещинскому и Яну Казимиру III; воплощеніе же ея безспорно принадлежитъ Фридриху II. Фридрихъ II исполнилъ въ этомъ дѣлѣ обязанность свою передъ отечествомъ. Онъ обязанъ былъ соединить Берлинъ съ Кенигсбергомъ, какъ скоро увидѣлъ къ тому возможность. Сознавая эту необходимость, онъ хитро и настоятельно исполнилъ глубоко обдуманный планъ. Смѣшно предполагать, при его умѣ и силѣ воли, чтобы онъ дѣйствовалъ иначе. Фридрихъ II раздѣломъ Польши сплотилъ свое разъединенное го-

сударство, пріискалъ средство, сдѣлавшее возможнымъ заключеніе мира между Россіею и Турціею, и на основаніи, имъ положенномъ, установилъ миръ на Сѣверо-Востокѣ Европы, сохранившійся въ теченіи почти ста лѣтъ.

Идея о раздѣлѣ въ его время распространена была повсемѣстно и имѣла свои корни въ самой почвѣ. Гогенцоллернъ-Бранденбургская вѣтвь, пустивъ свои корни въ трещины Польскаго государственнаго строенія, должна была, напоромъ своей органической силы, разрушить дряблое зданіе.

Замѣчательно, какъ все, что̀ приводится для доказательства иниціативы Русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ, шатко, сомнительно и даже, въ случаѣ достовѣрности разсказа, лишено всякого дѣловаго значенія.

Но какъ важны съ другой стороны свидѣтельства, доказывающія нерасположеніе Петербургскаго кабинета къ раздѣлу Польши!

Въ отвѣтъ на сообщенный королемъ при депешѣ гр. Сольмсу, отъ 2 Февраля 1769, планъ Линара, графъ Панинъ выразилъ, что, въ случаѣ тѣснаго союза Пруссіи и Австріи съ Россіею для уничтоженія владычества Турокъ въ Европѣ, Россія съ удовольствіемъ будетъ смотрѣть на пріобрѣтеніе вознагражденія Пруссіею въ Польшѣ и Австріею въ Турціи. На запросъ же Сольмса объ участіи Россіи въ этомъ дѣлежѣ графъ Панинъ отвѣчалъ, что «Россія не должна принимать участія въ дѣлежѣ, потому что она владѣетъ гораздо бо̀льшимъ числомъ земель, чѣмъ въ состояніи управлять, такъ что за исключеніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ на отдаленныхъ границахъ она не должна болѣе замышлять о пріобрѣтеніи областей».

Соображеніе это въ глазахъ Русскаго правительства въ то время имѣло крайнюю важность: недостатокъ въ людяхъ былъ крайне ощутителенъ въ арміи и для производства дѣлъ внутри Россіи. Изъ изданныхъ писемъ императрицы видно, какое вниманіе обращаемо было не только для пріисканія начальствующихъ лицъ, но самыхъ второстепенныхъ исполнителей. Совершенно другой взглядъ на дѣла имѣлъ генералъ Веймарнъ, игравшій значительную роль во время посольства князя Волконскаго, замѣнившаго въ Польшѣ князя Репнина въ началѣ 1769 года. Генералъ Веймарнъ выражалъ мнѣніе: «что въ скоромъ времени, по заключеніи мира съ Турками, Русское правительство будетъ держать постоянное войско въ Польшѣ, поставитъ полковниковъ во главѣ каждаго палати-

ната, зажметъ ротъ вельможамъ, и тогда будетъ правильное судопроизводство» (mais en revanche il y aura administration de justice. Essen, 29 Sept. 1770 г.).

Принцъ Генрихъ, постоянно сообщавшій брату о своихъ разговорахъ съ императрицею, пишетъ о разговорѣ своемъ касательно занятія Австрійцами тринадцати Цинскихъ городовъ: «Хотя это былъ только шутливый разговоръ, но однако это навѣрное былъ сказано не даромъ, и я не сомнѣваюсь, что весьма возможно будетъ вамъ этимъ при случаѣ воспользоваться.» Принцъ Генрихъ, не теряя времени, отправился на другой день къ Панину; но сей послѣдній пріостановилъ его порывъ. Онъ видѣлъ въ поступкѣ Австрійскаго двора дѣйствіе произвольное, которому должно скорѣе противиться, чѣмъ подражать. Въ этомъ же смыслѣ онъ высказался графу Сольмсу и объявилъ: *«что онъ никода не будетъ помогать своей государынѣ въ пріобрѣтеніи земли, на которую она не имѣетъ правъ»*.

Отзывы императрицы принцу Генриху, по свидѣтельству Рюльера, были совершенно согласны съ отзывами Панина и Сальдерна.

Баронъ Сакенъ въ депешѣ отъ $\frac{8}{19}$ Февраля 1771 г. пишетъ объ Австрійскихъ военныхъ приготовленіяхъ:

«Одни считаютъ ихъ просто демонстраціями, другіе, напротивъ, думаютъ, что они весьма легко могутъ имѣть въ виду нѣкоторые Польскіе уѣзды и, слѣдовательно, раздѣлъ; при чемъ и нашъ вѣнценосный сосѣдъ, должно быть, заинтересованъ и дѣятеленъ.

«Я объ этомъ предметѣ на дняхъ имѣлъ самый интимный разговоръ съ извѣстнымъ министромъ (Сальдерномъ) и могъ замѣтить изъ его рѣчей, что ему послѣднее мнѣніе не показалось неправдоподобнымъ, особенно же судя по тому, что онъ выразилъ, что нѣкоторыя державы простерли виды на раздробленіе нѣкоторыхъ Польскихъ областей, и осуществили бы свои намѣренія, если бы на ихъ дорогѣ не стояла Россія, которая, пока достанетъ у нея силъ, того не допуститъ.»

Не излишне припомнить здѣсь депешу Сальдерна объ аудіенціи $\frac{9}{20}$ Мая 1766 въ Шарлотенбургѣ. Договоръ о раздѣлѣ былъ подписанъ 5 Августа 1772 г. Въ концѣ Сентября, Сальдернъ, вслѣдствіе настоятельной просьбы, былъ отозванъ и замѣщенъ барономъ, въ послѣдствіи графомъ, Стакельбергомъ.

Г. Лебедевъ приводитъ (Графы Н. и П. Панины 1863) отрывокъ изъ письма императрицы къ Потемкину отъ 16 Декабря 1787:

«Система съ Вѣнскимъ дворомъ есть ваша работа, она и издревле, по полуденнымъ дѣламъ и границѣ, предпочитаема была, ибо существуетъ по локальному положенію тѣхъ странъ и общаго интереса. Самъ Панинъ, когда онъ еще не былъ ослѣпленъ Прусскими ласкательствами, на иныя связи смотрѣлъ какъ на pis aller, которое не награждало въ разсужденіи общаго врага (то есть Турокъ) Австрійскаго союза.»

Со времени Петра Великаго политика наша въ отношеніи къ Польшѣ состояла въ союзѣ противъ Турокъ и Шведовъ. Съ этой цѣлію заключались договоры съ принцами Саксонскаго дома. Противудѣйствіе оказываемо было постоянно Рѣчью Посполитою. Избраніе природнаго Поляка могло только увеличить это противудѣйствіе и повлечь за собой совершенное уклоненіе Петербургскаго кабинета отъ петровскихъ преданій. Петербургскій кабинетъ нехотя возвратился къ преданіямъ Московскаго государства, постоянно и энергично преслѣдовавшаго, съ первыхъ годовъ своего возрожденія въ XVII столѣтіи, соединеніе Великой, Бѣлой и Малой Россіи. Но нигдѣ не видать, чтобы эта цѣль была намѣренно преслѣдуема Русскимъ правительствомъ въ царствованіе Екатерины. Къ этой цѣли привели обстоятельства въ слѣдствіе машинацій и давленія, производимыхъ Фридрихомъ II-мъ. Императрица и Панинъ, главный ея исполнитель въ этомъ дѣлѣ, съ самаго начала ея царствованія, были оба расположены содѣйствовать усиленію Пруссіи на счетъ Польши, въ случаѣ содѣйствія короля противъ Турокъ. Но Фридрихъ настаивалъ ([39]) на раздѣлъ между тремя державами и направлялъ дѣло къ этой цѣли, сознавая, что Пруссія можетъ спокойно укрѣпиться на счетъ Польши лишь съ условіемъ, чтобы Россія и Австрія приняли участіе въ раздѣлѣ.

Отвращеніе графа Панина къ раздѣлу было неизмѣнно даже и по совершеніи онаго.

Разсказываютъ, кажется со словъ Бибикова, что графъ Панинъ, получивъ, по случаю совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, нѣсколько имѣній, отдалъ, въ силу этого чувства, секретарямъ своимъ всѣ

([39]) Это соображеніе вполнѣ выражено въ депешѣ короля къ графу Сольмсу отъ 29-го Февраля 1772.

пожалованныя имѣнія, не желая имѣть своей доли во вновь присоединенномъ краю.

Въ перепискѣ короля съ графомъ Сольмсомъ встрѣчается, въ самомъ началѣ, одинъ загадочный пунктъ въ обсужденіи политики графа Панина относительно Польши.

Графъ Сольмсъ пишетъ, 29 Декабря 1763 года, королю: «Онъ (Панинъ) къ этому прибавилъ, что ваше величество не будетъ имѣть причинъ сожалѣть, что вошли въ обязательства съ нашимъ дворомъ, потому что, если, паче чаянія, дѣла дойдутъ до крайности, онъ мнѣ ручается, что ваше величество, равно какъ и Россія, будутъ вознаграждены за усиліе и что работа не будетъ тщетная. Это дѣло, которое я уже напередъ устроилъ, но я не могу его объяснить, пока дѣла не подвинутся болѣе впередъ.»

Въ отвѣтъ на эту депешу, король пишетъ отъ 21 Января 1764 года: «Я вамъ просто долженъ сказать, что конецъ вашей депеши породилъ во мнѣ, относительно видовъ Петербургскаго двора, мысли, которыя я вовсе не желаю видѣть оправданными дальнѣйшими событіями; но намекъ, пущенный графомъ Панинымъ въ прикрытыхъ выраженіяхъ, мнѣ кажется, слишкомъ ясно обнаруживаетъ мысль о возможномъ раздѣлѣ въ Польшѣ въ случаѣ войны въ этой странѣ, чтобы я не заподозрилъ этого министра въ замышленіи весьма важныхъ плановъ, могущихъ, въ случаѣ ихъ осуществленія, ввергнуть снова Европу въ раздоры, изъ коихъ она только что вышла.»

Намекъ графа Панина долженъ былъ имѣть въ виду Турцію съ вознагражденіемъ короля въ Польшѣ, въ случаѣ пособія съ его стороны противу Турокъ. Положительныя свидѣтельства объ отвращеніи графа Панина къ раздѣлу Польши опровергаютъ подозрѣнія короля: и отвѣтъ графа Панина Сольмсу по поводу проекта Линара прямо указываетъ, что намекъ его долженъ былъ имѣть въ виду Турцію съ вознагражденіемъ короля въ Польшѣ, въ случаѣ пособія съ его стороны противъ Турокъ. Дѣла Польскія не могли имѣть достаточной важности въ глазахъ Петербургскаго кабинета, чтобы на нихъ можно было смотрѣть какъ на цѣль Русской политики. Неоспоримое и ни съ кѣмъ не раздѣленное вліяніе Россіи на Польшу не давало повода Россіи преслѣдовать какое либо измѣненіе въ положеніи Польши. Польша могла только служить средствомъ для достиженія другой, болѣе важной цѣли.

До какой степени Русскій кабинетъ не расположенъ былъ соглашаться на раздѣлъ, видно изъ его нерѣшительности и попытки въ самую послѣднюю минуту сблизиться съ Вѣнскимъ дворомъ. Вѣнскій кабинетъ съ своей стороны сдѣлалъ среди своихъ колебаній, что̀ могъ, чтобы помѣшать осуществленію плана Фридриха Великаго. Онъ обратился къ Франціи, чтобы пригласить ее войти въ соглашеніе съ Россіею и Австріею для устройства Польскихъ дѣлъ. Отказъ Французскаго кабинета и сообщеніе Фридриху II о предложеніи Австрійцевъ былъ, въ послѣднюю минуту, обстоятельствомъ, рѣшившимъ дѣло согласно глубокообдуманному плану короля. Герцогъ Роганскій, въ концѣ Ноября мѣсяца 1773 года, пишетъ изъ Вѣны Людовику XV довѣрительное письмо, хранящееся въ архивѣ Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ (St. Priest, Etudes Dipl. T. I, p. 256).

«Императоръ и князь Кауницъ мнѣ сказали, что они не могутъ имѣть къ нему (Дегильону) довѣрія, потому что онъ нарушилъ оное, сообщивъ Прусскому посланнику при в-мъ в-вѣ о критическомъ положеніи ихъ двора и о ничтожности содѣйствія Франціи, которое можетъ быть оказано этому двору; въ слѣдствіе этого Австрійскій домъ былъ вынужденъ измѣнить тонъ, войти въ нѣкотораго рода подчиненное положеніе въ отношеніи къ королю Прусскому, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ такъ тѣсно сблизился съ Россіею; а эта связь не образовалась бы, если бы Австрійскій домъ былъ въ состояніи оказать помощь царицѣ. Въ слѣдствіе этого нарушенія довѣрія и въ силу онаго, Австрійскій дворъ былъ поставленъ въ невозможность предупредить и предотвратить несчастія, нагрянувшія на Сѣверъ. Король Прусскій самъ сообщилъ Австрійскому дому все, что̀ было сказано г-мъ Дегильономъ. Затѣмъ онъ объяснилъ этому двору, что положеніе онаго и пособія, на которыя оный можетъ расчитывать, были извѣстны и не внушали опасенія; что Россія, имъ извѣщенная, уже болѣе не считаетъ на ихъ союзъ. Къ этому король прибавилъ, что какъ дѣло находилось въ подобномъ положеніи, то Вѣнскій дворъ долженъ рѣшиться немедленно. Такова причина тайны, такъ долго хранимой предъ в. в., и источникъ всѣхъ бѣдствій, разразившихся надъ Польшей. Я не могу сомнѣваться въ истинѣ, открываемой мною предъ в. в., потому что самъ императоръ и князь Кауницъ мнѣ это сказали; но мнѣ было не возможно все это угадать. Я могу завѣрить в. в., что я все сдѣлалъ, чтобы уничтожить это неблагопріятное предубѣжденіе; но, видя, что я не могу въ этомъ

успѣть, я довожу о томъ до вашего свѣдѣнія. Государь, я долженъ буду себя упрекать, если скрою подобную тайну, и моимъ молчаніемъ причиню новыя несчастія, потому что я считаю большимъ несчастіемъ, что упустилъ столь благопріятный случай, который далъ бы вашему величеству возможность рѣшить судьбы вселенной, безъ всякаго опасенія войны. Императоръ меня увѣрялъ, что все, что Вѣнскій дворъ просилъ отъ Франціи, было не положительное содѣйствіе, но лишь показать видъ, что содѣйствіе будетъ оказано, и при этомъ было секретное обѣщаніе не требовать онаго, если бы демонстрація оказалась недостаточною. Князь Кауницъ мнѣ говорилъ въ томъ же духѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ; но Россія не была еще подчинена гнету короля Прусскаго и искала, прежде чѣмъ попробовать отъ него избавиться, содѣйствія Австрійскаго дома, увеличившаго свои войска и собиравшаго значительную армію, чтобы произвести впечатлѣніе. Такимъ образомъ Франція сдѣлалась бы покровительницей Европы. Сѣверный аккордъ не образовался бы, и революція въ Швеціи совершилась бы безъ опасности. Я представляю этотъ отчетъ въ сокращенномъ видѣ вашему величеству. Онъ требовалъ бы больше подробностей; но, исполняя мой долгъ, я не долженъ подвергать себя опасности, болѣе распространяясь, вамъ надоѣсть.»

Попытка сближенія Россіи съ Австріею, о коей упоминаетъ герцогъ Роганскій, была сдѣлана весною въ 1771 году; о ней есть намекъ въ письмѣ императора Іосифа II, въ Маѣ 1771 года, къ брату его Леопольду.

Противъ этой попытки Петербургскаго кабинета Фридрихъ II сообщаетъ своему посланнику въ Петербургѣ отъ 14 Іюня 1771 года: «Я старался въ это время разузнать, на сколько возможно, о ея (Австріи) средствахъ; вотъ что до меня дошло. Она отнюдь не можетъ считать на содѣйствіе Франціи, которая находится въ столь ужасномъ истощеніи, что она не могла оказать никакой помощи Испаніи, совершенно готовой объявить войну Англіи, и если эта война не состоялась, то это слѣдуетъ приписать совершенному разстройству французскихъ финансовъ».

Хотя эти рекриминаціи Австрійскаго правительства были ни что иное, какъ оправданіе, тѣмъ не менѣе они весьма важны, какъ свидѣтельство о попыткѣ, сдѣланной Россіею, чтобы уклониться отъ политики, преслѣдуемой Фридрихомъ II.

Эта попытка сближенія Россіи съ Австріею и Франціею доказываетъ чистоту намѣреній Русскаго правительства. Чистота намѣреній въ отно-

шеніи къ Польшѣ освѣщается въ полномъ свѣтѣ слѣдующимъ показаніемъ короля:

«Г-нъ Сальдернъ, не имѣвшій ни маперъ, ни гибкости въ умѣ, принялъ (на аудіенціи въ Маѣ 1766 г.) тонъ Римскаго диктатора, чтобы заставить короля согласиться на примкнутіе Англіи, Швеціи, Даніи и Саксоніи къ Петербургскому договору 31 Марта (11 Апрѣля) 1764. *Этотъ проэктъ, совершенно противный интересамъ Пруссіи, не дозволилъ королю приложить къ нему руки*».

Два эти факта крайне важны для полнаго пониманія хода дѣлъ: потому что не слѣдуетъ забывать, что Россія объявила себя въ пользу нераздѣльности Польши и постоянно повторяла чрезъ своихъ представителей обѣщаніе поддержать нераздѣльность Польши. Принципъ нераздѣльности, господствовавшій въ Петербургскомъ кабинетѣ, не дозволялъ оному долгое время согласоваться съ видами Фридриха II, пока соглашеніе это не сдѣлалось необходимостью въ слѣдствіи вызванныхъ королемъ Австрійскихъ демонстрацій, направленныхъ противъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и Турціи.

Изъ сравненія письма императрицы Екатерины къ графу Румянцеву отъ 25 Декабря 1785 года по дѣламъ Польскимъ съ Postscriptum письма ея къ Еропкину отъ 20 Мая 1787 видно, какъ различны были чувства императрицы при обозрѣніи своей Польской и своей Восточной политики и какой слѣдъ оставила въ умѣ ея необходимость подчинить свою политику политикѣ Фридриха II.

«P. S. Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края; и Херсонъ и Таврида со временемъ не токмо окупятся, но надѣяться можно, что, если Петербургъ приноситъ осьую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ (т. е. безплодныя мѣста). Кричали и противъ климату, пугали и отсовѣтывали обозрѣть самолично; сюда пріѣхавши, ищу причины такого предубѣжденія безразсуднаго. Слыхала я, что Петръ Первый въ разсужденіи Петербурга долговременно находилъ подобныя, и я помню еще, что тотъ край никому не нравился; воистину сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ пріобрѣтеніемъ исчезнулъ страхъ отъ Татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украйна и Елисаветградъ по нынѣ сіе помнятъ. Съ сими мыслями и я, съ немалымъ утѣшеніемъ,

написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать сего дня, видя своими глазами, что я не причинила вредъ, но величайшую пользу своей имперіи».

Шёль (Traité de Varsovie de 1773) приводитъ весьма любопытныя и разнорѣчивыя показанія о согласіи между Фридрихомъ Великимъ и императоромъ Іосифомъ II по поводу раздѣла Польши, состоявшемся будто бы при свиданіи обоихъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ въ 1769 и 1770 годахъ. Главная цѣль Шеля доказать, что Фридриху неосновательно приписываютъ первый проэктъ раздѣла. Здѣсь приводимъ мы цѣликомъ все, что онъ говоритъ по сему предмету, въ текстѣ и подстрочномъ замѣчаніи.

«Обыкновенно приписываютъ планъ раздѣла Польши Фридриху II, изъ трехъ монарховъ самому заинтересованному въ этомъ дѣлѣ. Это мнѣніе опровергнуто утвержденіемъ короля, объявившаго въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ, что не ему (40) принадлежитъ первая мысль о раздѣлѣ. Разсказъ этого великаго человѣка, имѣвшаго полное право сказать: «я никого не обманывалъ въ теченіи моей жизни, еще менѣе буду обманывать потомство», былъ бы одинъ достаточенъ для уничтоженія обвиненій, взведенныхъ на него злонамѣренными или поверхностными писателями. Счастливо для его памяти, что все сказанное имъ объ этой негоціаціи подтверждено было достовѣрными документами, изданными графомъ Герцомъ въ 1810 году: Mémoires et actes authentiques relatifs aux négociations qui ont precédé le partage de la Pologne tirés du portfeuille d'un ancien ministre du 18 siècle, Weimar, 1810 in 8°. Безъименный, но весьма свѣдущій сочинитель: Vie privée, publique et militaire du P^ce Henri de Prusse. Paris, 1809 in 8° и сочинитель Воспоминаній графа ***, находящихся въ Lettres du Baron de Viosmenil sur les affaires de Pologne, Paris in 8°, согласны съ разсказомъ короля и документами, изданными графомъ Герцомъ. Столь достойные уваженія авторитеты уничтожаютъ сомнѣніе относительно сего историческаго вопроса. По этому г. Кохъ, соглашаясь съ общимъ мнѣніемъ, въ первомъ изданіи своей сокращенной Исторіи трактатовъ, приписывавшій королю Прусскому первый проэктъ раздѣла Польши, не усумнился отказаться отъ своихъ словъ во второмъ изданіи своей книги Tableau des Revolutions de l'Europe, появившемся не

(40) Шёль не обозначаетъ и не могъ обозначить, гдѣ въ Запискахъ Фридриха находится это утвержденіе.

задолго до его смерти. Онъ разсказываетъ это дѣло согласно съ нашимъ (г. Шёля) разсказомъ. Съ тѣхъ поръ предметъ этотъ былъ лучше представленъ г. Доомомъ ([41]) въ первомъ томѣ его Достопамятностей (Denkwürdigkeiten meiner Zeit, Lemgo. 5 vol. in 8°) изданныхъ въ 1815 г. Противное мнѣніе было пущено Рюльеромъ въ его Histoire de l'anarchie de la Pologne, Paris, 1807, 4 vol. in 8° и Вильямомъ Коксомъ въ его уважаемой Исторіи Австрійскаго дома, коего переводъ былъ изданъ въ Парижѣ въ 1809 г. 5 томовъ въ 8°; также поверхностнымъ Вракcалемъ (Wraxall) въ его Mémoires des cours de Berlin, Dresde, Varsovie et Vienne dans les années 1777 à 1779, изданныхъ на Англійскомъ языкѣ въ 1800. По доводамъ этихъ сочинителей раздѣлъ Польши былъ условленъ между Фридрихомъ II и Іосифомъ II на конференціяхъ въ Нейсѣ въ 1769 и Нейштадтѣ въ 1770 году. Коксъ (часть V, стр. 356 Французскаго перевода M. Henry) говоритъ: «При свиданіи въ Нейштадтѣ Фридрихъ предложилъ императору раздѣлъ Польши и настаивалъ на необходимости привести, убѣжденіемъ или открытою силою, Петербургскій дворъ къ согласію на раздѣлъ. Карта этого королевства была развернута передъ обоими государями; ихъ обоюдныя доли были назначены, и весь планъ исполненія опредѣленъ.» Онъ прибавляетъ въ примѣчаніи: «Сначала я колебался говорить утвердительно, что первая мысль проекта раздѣла зародилась у короля Прусскаго. Дѣло это было въ существѣ своемъ столь ненавистно, что каждая изъ трехъ державъ старалась перенести упрекъ на обѣ другія. Однако достаточно прочесть главу о политикѣ съ 1763 до 1775 г. въ посмертныхъ сочиненіяхъ Фридриха II, чтобы убѣдиться, что государь этотъ былъ первымъ авторомъ проэкта, и что онъ достигъ своей цѣли, пользуясь несогласіемъ, существовавшимъ между дворами Вѣнскимъ и Петербургскимъ. Обстоятельство весьма замѣчательное, что, въ разсказѣ своемъ о свиданіяхъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ, король Прусскій вовсе не упоминаетъ ни о какомъ планѣ раздробленія Польши. Когда я былъ въ Вѣнѣ, мнѣ сообщено было однимъ вельможею, слышавшимъ про то отъ самаго Іосифа II, что

([41]) Доомъ говоритъ, что король приложилъ крайнюю дѣятельность при осуществленіи мысли о раздѣлѣ и усердно боролся въ этомъ дѣлѣ съ медленностію и нерѣшительностію дворовъ Петербургскаго и Вѣнскаго. Доомъ, въ слѣдствіе побужденій графа Гёрца, хлопочетъ только о томъ, чтобы не думали, что первая мысль о раздѣлѣ принадлежитъ королю.

при второмъ свиданіи, карта Польши была развернута передъ обоими государями. Графъ Герцбергъ мнѣ также говорилъ, что въ Нейсѣ и Нейштадтѣ уговаривались относительно этого проекта (le projet fut concerté). Министръ, спрошенный королемъ, дѣлалъ даже ему представленія противъ допущенія Австрійцевъ къ раздѣлу добычи; Фридрихъ ему отвѣчалъ: «они получатъ тоже долю въ упрекахъ». Эти два показанія заключаютъ въ себѣ по нашему (Шёля) мнѣнію нѣсколько обстоятельствъ, неточность коихъ доказана изданными документами. Прежде всего мы ссылаемся на всѣхъ прочитавшихъ со вниманіемъ посмертныя сочиненія Фридриха II-го, сознаются ли они, что глава, упоминаемая Коксомъ, могла породить въ нихъ убѣжденіе, что король былъ первый составитель этого проэкта; мы сознаемся, что чтеніе это не произвело на насъ того же впечатлѣнія, и мы считаемъ долгомъ устранить изъ историческаго спора обстоятельство, основанное на умозаключеніи, на мнѣніяхъ, порожденныхъ чтеніемъ въ умѣ читателей, разнящихся между собою согласно съ ихъ личными предубѣжденіями. Мы держимся того, что̀ въ разсказѣ Фридриха положительно. Онъ не говоритъ положительно, что не было разговора о раздѣлѣ Польши въ конференціяхъ Нейштадтскихъ, потому что онъ не могъ предвидѣть, что это будутъ когда нибудь утверждать; но это выходитъ само собой изъ разсказа его о началѣ проэкта раздробленія, и изъ того обстоятельства, что онъ относитъ его къ 1770 г. ([42]). Далѣе мы можемъ замѣтить, что документы, изданные графомъ Гёрцомъ, не ознакомливая съ первымъ авторомъ проэкта, разъясняютъ до очевидности: 1-е, что предложеніе о раздѣлѣ было сдѣлано Австріи послѣ соглашенія Россіи и Пруссіи по сему предмету; 2-е, что кабинетъ Вѣнскій затруднялся присоединиться, потому ли что князь Кауницъ опасался нарушенія равновѣсія между державами въ слѣдствіе ослабленія Польши, потому ли что онъ желалъ казаться въ глазахъ своей государыни лишь по нуждѣ согласившимся на дѣйствіе, осуждаемое этой набожною особою. Какія бы не были заднія мысли этого министра, онъ не могъ бы играть этой роли, если бы онъ нѣсколько лѣтъ до того самъ бы предлагалъ это раздробленіе ([43]). Эти документы

([42]) А проектъ короля, посланный въ Петербургъ подъ именемъ Линара 2 Февраля 1769 года?

([43]) Ни одинъ публицистъ этого не говоритъ; рѣчь идетъ лишь о картѣ, разсматриваемой въ 1769 и 1770 г. императ. Іосифомъ II и Фридрихомъ II.

и сказанное Фридрихомъ II о его переговорахъ съ Ванъ-Свитеномъ не допускаютъ никакого сомнѣнія относительно другаго факта, а именно, что обоюдныя доли Австріи и Пруссіи не были опредѣлены въ 1770 году: ибо это первая держава объявила свои претензіи лишь въ 1772 году, и тогда же она вступила въ переговоры съ Пруссіею, настаивая, чтобы Глацкое графство вошло бы также въ составъ Австрійской доли. Словомъ, то́, какимъ образомъ Фридрихъ II отзывается въ своихъ сочиненіяхъ о свиданіяхъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ перестаетъ быть дѣломъ достойнымъ замѣчанія, коль скоро перестаютъ искать въ этомъ разсказѣ обстоятельство, не имѣющее въ немъ мѣста, потому что оно никогда не существовало.»

«До сихъ поръ мы (Шёль) опровергли разсужденія Кокса Но вотъ два факта. Графъ Герцбергъ сообщилъ этому писателю, что проэктъ былъ обусловленъ (concerté) въ Нейсѣ и Нейштадтѣ, а Фридрихъ II, коему сей министръ дѣлалъ представленія противу допущенія Австрійцевъ къ участію въ добычѣ, отвѣчалъ: они раздѣлятъ также упрекъ. Кто же не видитъ съ перваго взгляда, что оба факта, служащіе главнымъ основаніемъ Кокса, уничтожаютъ другъ друга? Въ самомъ дѣлѣ, если проектъ былъ обусловленъ въ Нейштадтѣ, то это было, какъ говоритъ Коксъ, только между Пруссіею и Австріею, и тогда было условлено убѣдить Петербургскій дворъ согласиться на раздѣлъ. Въ такомъ случаѣ Фридрихъ II не могъ совѣтоваться съ графомъ Герцбергомъ о допущеніи Австріи къ раздѣлу добычи. Намъ (Шелю) кажется, что Коксъ, занятый мыслію, что раздѣлъ былъ условленъ между Пруссіей и Австріей до сообщенія его Россіи, былъ введенъ въ заблужденіе своимъ воображеніемъ ([44]). Графъ Герцбергъ могъ ему сказать, что онъ не одобрялъ допущенія Австріи къ раздѣлу, но это обстоятельство какъ бы подтверждаетъ намъ, что проэктъ былъ обусловленъ между Россіей и Пруссіей».

«Такъ какъ память Кокса измѣнила ему по одному пункту, то мы можемъ отвергнуть и другой, а именно, что Герцбергъ ему сказалъ, что проэктъ обусловленъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ. Послушаемъ другаго пи-

---

([44]) Г. Шель умышленно запутываетъ различные фазисы переговоровъ. Въ Нейсѣ условія были и могли быть только разговорныя; въ послѣдствіи они появились въ формѣ дипломатическихъ нотъ и даже договоровъ. Отвѣтъ Фридриха Герцбергу былъ сдѣланъ при приглашеніи Австріи приступить къ договору, заключенному между Россіею и Пруссіею.

сателя, который, образовавшись въ школѣ этого министра, жилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Въ Запискахъ своихъ г. Доомъ, кн. I-я стр. 447, говоря о показаніи Кокса, выражается такимъ образомъ: «Сознаюсь, что здѣсь должно быть недоразумѣніе, потому что я не хотѣлъ бы обвинять г. Кокса въ сознательномъ искаженіи истины. Я присутствовалъ часто при разговорахъ, въ коихъ министръ этотъ (Герцбергъ) довѣрительно выражался о раздѣлѣ Польши, и я помню очень хорошо, что онъ никогда не говорилъ о соглашеніи въ Нейсѣ и Нейштадтѣ. Онъ напротивъ того положительно замѣтилъ, что ни съ кѣмъ не было совѣщаемо ([45]) о проэктѣ раздѣлить Польшу; но что король, рѣшившись на это, поручилъ ему составить записку о различныхъ претензіяхъ, которыя могутъ быть взведены на нѣсколько Польскихъ уѣздовъ». Этотъ писатель, посвященный въ политику Фридриха II, присовокупляетъ: «Въ высшей мѣрѣ невѣроятно, чтобы Фридрихъ открылся по дѣлу подобной важности державѣ, съ которою онъ только началъ сближаться съ крайнею осторожностію, прежде чѣмъ бы онъ о томъ снесся съ своею союзницею, въ то самое именно время, когда между нимъ и ею царствовало самое довѣренное единство. Но всякій, знающій лишь поверхностно политику Фридриха, найдетъ безумнымъ утвержденіе, что онъ предложилъ заставить Петербургскій дворъ согласиться на раздѣлъ».

Этимъ оканчивается разсужденіе г. Шёля. Оно приведено здѣсь цѣликомъ, какъ любопытный образецъ голословнаго и, должно сказать, недобросовѣстнаго защищенія короля нѣмецкими публицистами. Главный интересъ заключается въ весьма удовлетворительномъ обзорѣ литературы этого вопроса.

Со времени Шёля, графъ Сенъ При, на основаніи документовъ, хранящихся въ архивахъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, подкрѣпилъ показанія Рюльера, Кокса и Враксаля. Ихъ показанія и

([45]) Доомъ здѣсь говоритъ, что Фридрихъ ни съ кѣмъ не совѣщался изъ своихъ министровъ и приближенныхъ Фридриху II вовсе не было необходимости вполнѣ выяснять свой планъ императору и Кауницу. Императоръ и Кауницъ могли также объясняться съ королемъ лишь съ крайнею осторожностію по этому предмету, потому что окончательное рѣшеніе принадлежало императрицѣ Маріи Терезіи, и что ея нерасположеніе къ завоевательной политикѣ было несомнѣнно. Также неосновательно замѣчаніе Доома, что Фридрихъ не могъ вступить въ довѣрительныя сношенія съ Австріею, не переговоривъ съ императрицею Екатериною. Король въ своемъ разсказѣ говоритъ, что онъ обратился къ Австрійцамъ въ слѣдствіе неудачной попытки съ проэктомъ Линара.

предположенія вполнѣ подтверждаются перепиской императора Іосифа съ императрицею Маріею Терезіею, сличенною съ разсказомъ и депешами короля. Фридрихъ Смиттъ издалъ депеши короля къ графу Сольмсу и вполнѣ подтвердилъ взглядъ французскихъ и англійскихъ дипломатовъ и публицистовъ. Онъ признаетъ взглядъ графа Сенъ-При вѣрнымъ, но гипотетичнымъ. Фридрихъ Смиттъ ссылается на документы, изданные Германомъ въ его Исторіи Россіи, хотя отзывается о нихъ съ недостаточнымъ уваженіемъ: Саксонскій дворъ дѣйствительно не принималъ въ это время дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Польши, но агенты его въ Варшавѣ и Петербургѣ могли очень хорошо знать ходъ дѣлъ. Депеши ихъ представляютъ богатый источникъ для изученія и характеристики этого времени. Нельзя таже не раздѣлять мнѣнія Смитта о Германѣ. Взглядъ самаго Германа не всегда вѣренъ. Такъ, онъ взводитъ на императрицу обвиненіе, что она не допускала вооруженнаго вмѣшательства короля Прусскаго въ дѣла Польскія. Эта догадка, ничѣмъ не подтвержденная, совершенно противорѣчитъ показанію короля. Король хвалится передъ императоромъ Іосифомъ, что ему удалось уклониться отъ содѣйствія Русскимъ военною силою въ Польшѣ. Эту же самую мысль, хотя иначе, онъ выражаетъ въ депешѣ графу Сольмсу въ отвѣтъ на упрекъ графа Панина. Фридрихъ Смиттъ обвиняетъ Курда Шлецера въ намѣренномъ искаженіи истины и въ стремленіи доказать иниціативу императрицы Екатерины и графовъ Чернышевыхъ и Орловыхъ въ этомъ дѣлѣ. Полемическая сторона разсказа Курда Шлецера дѣйствительно не представляетъ ничего важнаго. Въ изложеніи его явно желаніе оправдать обвиненнаго, и несостоятельность доводовъ болѣе замаскирована чѣмъ у предшественниковъ его Герца и Доома. Выдержки, сдѣланныя имъ изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Прусской миссіи въ Петербургѣ, хотя намѣренно сокращенныя, вполнѣ заслуживаютъ однако вниманія Русскихъ изслѣдователей исторіи XVIII столѣтія.

Если оставить въ сторонѣ неудавшіяся попытки короля и всѣ болѣе или менѣе гадательные выводы, и слѣдить строго одни его оффиціальныя сношенія, прямо ведущія къ договору о раздѣлѣ, то иниціатива его въ веденіи этого дѣла оказывается еще болѣе достовѣрною, не смотря на всѣ старанія затемнить истину.

Вотъ самый ходъ окончательныхъ переговоровъ:

Графъ Сольмсъ въ запискѣ своей къ графу Панину до Іюня ([46]) мѣсяца 1771 (Смиттъ № 6) опредѣляетъ, что по мнѣнію короля Австрійцы никогда не согласятся на отдѣленіе Молдавіи и Валахіи отъ Турецкой имперіи, что пріобрѣтеніе Русскими Азова и условія относительно торговли не встрѣтятъ препятствій, что дѣло Татаръ (независимость Крыма) также можетъ уладиться по ихъ желанію. *По этому онъ предлагаетъ: чтобы вознаградить Россію за военныя издержки, ей должно имѣть участокъ Польши по ея выбору.*

«Если она захочетъ взять вознагражденіе это въ Польшѣ, *онъ гарантируетъ, что пріобрѣтеніе это обойдется безъ* кровопролитія..... Вѣнскій дворъ подаетъ примѣръ (Ципсъ); такимъ образомъ Россія и Пруссія имѣютъ основаніе сдѣлать тоже. Въ слѣдствіе всего вышеизложеннаго, по мнѣнію короля, Россія должна переговорить съ Вѣнскимъ дворомъ относительно условій мира съ Турками. Затѣмъ, чтобы они условились съ его величествомъ о пріобрѣтеніяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы въ Польшѣ. Вѣнскій дворъ не можетъ тому противиться. Это не въ его сосѣдствѣ. Тѣмъ болѣе, онъ самъ имъ подаетъ примѣръ, такъ какъ онъ первый захватилъ. Такимъ образомъ все дѣло состоитъ въ соглашеніи касательно Молдавіи и Валахіи, и въ этомъ случаѣ король убѣжденъ, если захотятъ придать вѣру его словамъ, что остальное удастся къ удовлетворенію императрицы Россійской и *ея союзниковъ.*»

16 Мая 1771 графъ Сольмсъ извѣщаетъ графа Панина, что, въ случаѣ замедленія отвѣта, онъ не можетъ отвѣчать, на что рѣшится король въ силу своего личнаго убѣжденія.

19 Мая, 1771 графъ Сольмсъ пишетъ графу Панину: «Такъ какъ ваше высокопревосход. опредѣлили нынѣшній день для передачи кн. Лобковицу ([47]) того что вы ему назначили для увѣдомленія его двора, я умоляю васъ благоволить вспомнить, что вы предполагали дать мнѣ въ тоже самое время тѣ бумаги, которыя вы желаете довести до свѣдѣнія моего двора, и такимъ образомъ, чтобы я могъ выгадать одинъ день для отправленія моего курьера. Я желалъ бы, прежде чѣмъ установить мою

([46]) Въ запискѣ упоминается о выступленіи войскъ изъ Италіи которыя могутъ быть всѣ собраны къ концу 1771 г.

([47]) Австрійскому послу.

депешу, имѣть возможность показать вамъ то, что̀ я отмѣтилъ изъ разговора, который мы имѣли на дняхъ, *съ географической картой въ рукахъ, относительно предмета, особенно интересующаго Прусскаго короля.* Для поддержки моего личнаго кредита мнѣ необходимо быть въ состояніи *представить ему кое-что, служащее для убѣжденія, что дѣло начато и что оно въ такомъ ходу, какъ онъ желалъ его видѣть.*»

14 Іюня 1771, король пишетъ графу Сольмсу: «Я такъ доволенъ вашей депешей отъ 2-*го сего мѣсяца*, что, хотя я бы не пріобрѣлъ ни одной деревни въ Польской Пруссіи, образъ мыслей Петербургскаго двора, чистосердечный и любезный, мнѣ замѣняетъ всякое будущее пріобрѣтеніе. Однако, такъ какъ этотъ дворъ находится въ столь выгодномъ расположеніи, я думаю (чтобы начать съ того, что̀ до меня касается) что можно было бы предложить пріобрѣтеніе Помереліи, за исключеніемъ Данцига, и для замѣна этого города, старостію Кульмскую и Маріенбургскую, или, если это предложеніе покажется слишкомъ затруднительнымъ, вмѣсто Помереліи, Вармію, Эльбингъ, Маріенбургъ и Кульмъ. Но первое предположеніе всегда будетъ выгоднѣйшимъ, потому что оно мнѣ доставляетъ сообщеніе съ Пруссіей, отъ которой я иначе буду всегда отрѣзанъ Польшею. Я полагаюсь всегда на ваше усердіе и искусство для успѣха перваго предположенія. Что касается до дѣлъ, о которыхъ слѣдуетъ договориться по случаю этого пріобрѣтенія, я полагаю совершенно необходимымъ заключить между обоими дворами договоръ объ ихъ обоюдныхъ пріобрѣтеніяхъ, и для сей цѣли вы найдете при семъ прилагаемый планъ. Я не вхожу въ часть назначаемую себѣ Россіею, и я нарочно оставилъ чистое поле, чтобы она распорядилась по своимъ выгодамъ и своему благоусмотрѣнію. Теперь я вхожу въ разсужденіе того, что̀ требуетъ исполненіе этого плана, и начинаю съ того, что чистосердечно поздравляю графа Панина, что онъ не упомянулъ ни о Польшѣ ни о раздѣлѣ при сообщеніи Австрійцамъ своихъ условій относительно мира, потому что осторожнѣе ожидать мнѣнія Вѣнскаго двора о мирѣ, прежде чѣмъ дѣлать ему новыя предложенія. Надѣюсь, что при вашемъ дворѣ будутъ ко мнѣ имѣть довольно довѣрія, чтобы вѣрить, что въ случаѣ, если мнѣ возможно будетъ смягчить князя Кауница моими представленіями, я это сдѣлаю; но теперь я далеко не управляю этими людьми, которые въ сущности остаются непримиримыми врагами моего дома.»

Въ депешѣ 29 Февраля 1772 года:..... «Баронъ Ванъ-Свитенъ по пріѣздѣ курьера изъ Вѣны просилъ аудіенціи; онъ былъ у меня вчера и изложилъ слѣдующее: «Что дворъ его, серьезно обдумавъ всеобщее положеніе дѣлъ, рѣшился отказаться отъ пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи, но для поддержанія Сѣвернаго равновѣсія, онъ желаетъ имѣть долю въ Польшѣ, и желаетъ, чтобы доли были равныя. Для этого онъ мнѣ показалъ прилагаемый при семъ документъ, и спросилъ меня, согласенъ ли я выдать таковой его двору? Я употребилъ нѣкоторое время, чтобы подумать, для соображенія, можетъ ли предложеніе это быть полезно, или сдѣлано не кстати. Но послѣ того онъ присовокупилъ, что дворъ его предписалъ князю Лобковицу предложить въ Петербургѣ составить (таковый документъ) между нами троими для раздѣла. Какъ скоро эта бумага будетъ подписана, онъ обѣщаетъ, что дворъ его приложитъ всѣ свои усилія, чтобы ускорить миръ согласно съ намѣреніями Россіи, и что онъ предлагаетъ съ своей стороны гарантіи, которыя должны быть взаимны и съ нашей стороны, для будущихъ пріобрѣтеній.»

«Я смотрѣлъ такимъ образомъ на этотъ актъ, требуемый отъ меня Вѣнскимъ дворомъ, какъ на дѣло въ сущности безполезное, потому что пріобрѣтенія и претензіи Австрійцевъ должны быть опредѣлены въ Петербургѣ; но однако я счелъ полезнымъ подписать актъ, подобный ихнему.»

1) «Чтобы тѣмъ ихъ закрѣпить (fixer) и помѣшать имъ измѣнить ихъ намѣреніе.»

2) «Чтобы Франція не перевернула бы *мнѣ* своими интригами дѣло постановленное и условленное.»

3) «Я призналъ этотъ актъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что онъ обязуетъ Вѣнскій дворъ, даннымъ имъ мнѣ словомъ и которое графъ Панинъ можетъ попросить князя Лобковица ему повторить, добросовѣстно стараться о мирѣ съ Турками, ускорить заключеніе оного и дѣйствовать во всемъ согласно съ Русскимъ дворомъ; успокоить Конфедератовъ и подавить самый зародышъ смутъ, опустошающихъ Польшу.»

«Навѣрное, выгоднѣе для Россіи и для меня, чтобы Австрійцы сдѣлали бы свои пріобрѣтенія въ Польшѣ, чѣмъ въ Венгріи, *потому что этимъ они становятся въ одно съ нами положеніе. Изъ этаго проистекаютъ полезныя ручательства,* и Поляки не будутъ знать, противъ кого кричать, потому что Австрійцы взяли также свою долю, какъ и мы. Весьма достославно для императрицы Россійской, что

эти гордые Австрійцы, пренебрегавшіе ею въ началѣ замѣшательствъ, ходатайствуютъ теперь у нея въ Петербургѣ, и приносятъ повинную голову (font amende honorable) въ виду всей Европы.»

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ на поздравленія Вольтера король положительно отказывается отъ главнаго участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ ничего не могъ отвѣчать другаго, какъ приписывать честь всего дѣла императрицѣ Екатеринѣ. Принятіе имъ поздравленій на свой счетъ сдѣлалось бы весьма вѣроятно извѣстно въ Петербургѣ и не приминуло бы повредить его вліянію, востановившемуся уже, и безъ того тягостному.

Вольтеръ пишетъ королю: «Утверждаютъ, что это вы, государь, придумали раздѣлъ Польши. Я этому вѣрю, потому что тутъ виденъ геній, и что договоръ состоялся въ Потсдамѣ.»

На это Фридрихъ отвѣчалъ:

«Мнѣ неизвѣстны догоры *подписанные* въ Потсдамѣ или Берлинѣ; я знаю, что таковые были *совершены* въ Петербургѣ. Такимъ образомъ публика, обманутая газетчиками, часто приписываетъ лицамъ честь въ дѣлахъ, въ которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго участія.»

Тогда же король писалъ Вольтеру:

«Вотъ наконецъ приближается умиротвореніе Польши. Заслуга въ этомъ великолѣпномъ исходѣ принадлежитъ единственно императрицѣ Россійской; она умѣла сама положить предѣлы своимъ завоеваніямъ. Я знаю, что въ Европѣ почти всѣ полагаютъ, что раздѣлъ сдѣланный въ Польшѣ есть послѣдствіе мнѣ приписанныхъ ухищреній (manigances); но однако нѣтъ нечего болѣе несправедливаго. Послѣ тщетныхъ разнородныхъ предложеній (tempéremens) какъ бы дѣло уладить, необходимо было прибѣгнуть къ этому раздѣлу, какъ единственному средству избѣжать всеобщей войны. Наружность обманчива, а публика судитъ только по ней. Что я вамъ говорю, также вѣрно какъ 48 предложеніе Евклида.»

Что король не вполнѣ обнаружился передъ императоромъ Іосифомъ II относительно раздѣла Польши, это весьма можетъ быть, хотя этому противорѣчитъ свидѣтельство достовѣрнаго историка Кокса, весьма уважаемаго въ Германіи. Отношенія императора къ этому вопросу, какъ видно изъ его переписки съ матерью и братомъ, сильно подтверждаютъ это показаніе. Затѣмъ нѣтъ основанія сомнѣваться въ его достовѣрности ([48]).

([48]) Ни Фридрихъ Смиттъ, ни Сенъ-При того не объясняютъ

Если даже принять, что король не уговаривался съ императоромъ Іосифомъ о принятіи мѣръ для склоненія Россіи на раздѣлъ, то положительно достовѣрно, что Фридрихъ II убѣдилъ Іосифа II принять мѣры, чтобы склонить Россію заключить съ Турками миръ на условіяхъ возможныхъ и *выгодныхъ для Россіи, Австріи и Пруссіи.*

Трудно было Фридриху Великому привлечь Австрію къ своимъ планамъ, вертѣвшимся первоначально на двухъ точкахъ: вопросѣ правительственномъ и вопросѣ религіозномъ. По первому Австрія была совершенно въ согласіи съ интересами и происками Франціи и Саксонскаго дома: въ интересахъ Австрійскаго дома лежало видѣть на престолѣ Польскомъ подчиненнаго, одновѣрнаго и родственнаго Саксонскаго принца и покровительствовать усиленію монархической власти. Вопросомъ о Диссидентахъ были заживо задѣты жизненные и духовные интересы Австріи.

Фридрихъ пишетъ въ депешѣ отъ 15-го Ноября 1772. «Она (Марія Терезія) увѣряетъ, что договоръ о раздѣлѣ мучитъ ея совѣсть, и въ припадкахъ дурнаго расположенія духа увѣряетъ, будто она горячо упрекала императора, что *его свиданія съ королемъ Прусскимъ были первымъ источникомъ всѣхъ замѣшательствъ, среди которыхъ она нынѣ находится.*»

Далѣе въ той же депешѣ:

«Князь Кауницъ, на долю котораго достается много при всѣхъ случаяхъ, навлекающихъ подобныя выходки, придерживается стороны императора, *вслѣдствіе чего ему легче удается вовлечь императора въ свои виды, для взаимной поддержки противъ императрицы и заставить ее согласиться на принятіе желаемыхъ мѣръ.*»

5-го Февраля 1772 г. король пишетъ графу Сольмсу (у Смитта, № 31), что Вѣнскій кабинетъ предлагаетъ королю сдѣлать обмѣнъ Глацкаго графства на принадлежащій имъ участокъ Польши. Ванъ-Свитенъ предлагаетъ въ той же аудіенціи содѣйствовать уступкѣ въ ихъ пользу Бѣлграда и Сербіи. 29 Февр. 1772 г. король пишетъ графу Сольмсу:

«Ожидаю, что графъ Панинъ, и вы сами, должны оба быть крайне удивлены различными измѣненіями видовъ Вѣнскаго двора, мною вамъ сообщаемыхъ; *но это не слѣдуетъ приписывать мнѣ, а болѣе нраву князя Кауница и управленію императорскихъ особъ и министра,* мнѣнія коихъ одерживаютъ верхъ, то одного, то другаго.»

Это показаніе короля о взаимныхъ отношеніяхъ императрицы, императора и князя Кауница, облегчающіе послѣднему возможность вовлечь императора въ свои виды для взаимной поддержки противъ императрицы и заставить ее согласиться на принятіе желаемыхъ мѣръ, кажется достаточно, чтобы опредѣлить степень соглашенія князя Кауница съ королемъ Прусскимъ. Предложенія относительно Силезіи или Сербіи оказываются, въ отношеніи къ императрицѣ Маріи Терезіи, болѣе чѣмъ дипломатическою уловкою, для постепеннаго склоненія ея на раздѣлъ.

Два приведенныя въ подстрочномъ примѣчаніи (25) письма императора Іосифа къ Леопольду отъ 25 Сентября 1771, и къ императрицѣ Маріи Терезіи отъ 17 Октября того же года, опредѣлили тайное соглашеніе императора съ королемъ. Они явно обнаруживаютъ коварство Іосифа II-го въ отношеніи къ матери и, совершенно безполезное для дѣла, лукавство въ отношеніяхъ его къ брату. Что же оставалось дѣлать князю Кауницу въ Ноябрѣ 1772 г., чтобы вовлечь императора въ свои виды? Замѣчательно и то, что Фридрихъ въ предъидущей депешѣ къ графу Сольмсу опасается, что на него падетъ въ Петербургѣ подозрѣніе въ авторствѣ Австрійскихъ колебаній.

Фридрихъ II и Кауницъ понимали другъ друга и видѣли туже исходную точку. Для перваго она была главною цѣлію, для втораго средствомъ избѣгнуть войны, съ сохраненіемъ политическаго баланса.

Въ силу этихъ соображеній Фридрихъ такъ сильно опирается на томъ, что осуществленіе его плана помѣшало войнѣ.

Изъ разсказа Фридриха видно убѣжденіе его, что средство имъ придуманное для склоненія Россіи отказаться отъ независимости Молдавіи и Валахіи, должно неминуемо подѣйствовать и на Австрійцевъ, которые предпочтутъ расширеніе своихъ границъ безъ кровопролитія опасностямъ войны съ Россіею. Переговоры его съ Россіею были интимны и изложены имъ ясно, въ полномъ согласіи съ изданными въ послѣдствіи документами. Расчетъ же его на Австрію былъ до нѣкоторой степени гадателенъ. Онъ не желалъ въ своихъ Запискахъ распространяться слишкомъ чистосердечно объ этомъ предметѣ и, согласно объявленному имъ намѣренію, имѣлъ на то право, такъ какъ на это не было у него въ архивѣ подтвердительныхъ документовъ.

Договариваясь съ Россіей, онъ зналъ положительно, что Австрія примкнетъ къ договору. Трудно понять, какъ можно было утаить отъ импе-

ратрицы Маріи Терезіи о планѣ короля для удовлетворенія всѣхъ интересовъ.

Принцъ Людовикъ Роганскій сообщаетъ герцогу Дегильону, 9-го Ноября 1772 года, что онъ сказалъ императрицѣ, что ему было трудно вѣрить въ ея невѣденіе и что онъ объ этомъ даже увѣдомлялъ свой дворъ. Императрица, замѣчаетъ посолъ, казалась этимъ довольною.

Предполагать, что вмѣсто Польши король лелѣялъ Австрійцевъ возможностію получить обратно часть Силезіи или Сербіи, было бы гипотезой, не имѣющей вовсе никакихъ данныхъ въ своемъ основаніи.

Относительно этого предмета вотъ что король пишетъ въ депешѣ своей графу Сольмсу отъ 5-го Февраля 1772 года:

«Что касается до пріобрѣтенія Бѣлграда и Сербіи, я сказалъ Ванъ-Свитену, что онъ долженъ вспомнить, что уже болѣе двухъ лѣтъ тому Русскіе имъ предоставляли разныя выгоды на счетъ Турокъ, отъ которыхъ они отказались. Сознаюсь, что послѣ образа дѣйствій Вѣнскаго двора онъ не слишкомъ заслуживаетъ, чтобы въ его пользу работали, и я того мнѣнія, что его слѣдуетъ ограничить участкомъ въ Польшѣ, чтобы наказать за прошлое поведеніе.» Въ той же депешѣ отъ 5-го Февраля 1772 года король пишетъ, что «Ванъ-Свитенъ ему сказалъ: «Есть таки средство сдѣлать нашу долю болѣе выгодною, содѣйствуя полученію отъ Турокъ Бѣлграда и Сербіи.» Слыша эти слова, я думалъ, что падаю съ неба. Я ихъ вовсе не ожидалъ отъ союзниковъ Турокъ и отъ двора, коего любимое изрѣченіе было «восточное равновѣсіе.» Я ему сказалъ, шутя, что я весьма радъ узнать, что Австрійцы не подверглись еще обрѣзанію, какъ это говорили, и что они хотятъ взять свою долю на счетъ ихъ добрыхъ пріятелей Турокъ. Онъ меня спросилъ, что я думаю объ этой мысли. Я ему отвѣчалъ, что я не полагаю, чтобы успѣхъ былъ невозможенъ. На это онъ сказалъ, что отпишетъ объ этомъ своему двору и что это будетъ оному весьма пріятно. Вы не упустите замѣтить изъ всѣхъ этихъ переговоровъ совершенный переворотъ, сдѣлавшійся въ образѣ мыслей Вѣнскаго Совѣта. Я это приписываю отчасти вступленію въ Польшу 40,000 Русскихъ и отчасти послѣдней аудіенціи данной Ванъ-Свитену въ Берлинѣ, въ которой я ему указалъ на всѣ Прусскія силы готовыя напасть на Австрію въ случаѣ, если бы они аттаковали корпусъ графа Румянцева. Я ему также далъ почувствовать, что для избѣжанія пагубной войны слѣдуетъ стараться возстановить

миръ. Что же касается до предложеннаго имъ промѣна, то я это считаю тяжелой ошибкой, обнаруживающей ихъ безсильное коварство.»

29-го того же мѣсяца король извѣщаетъ, что Австрійцы отказываются отъ Сербіи и намѣрены взять свою долю въ Польшѣ.

Скрытный образъ дѣйствія императора Іосифа въ этомъ дѣлѣ, обнаруженный нынѣ его перепиской, изданной Арнетомъ и подавшій въ свое время поводъ къ горькимъ жалобамъ его матери, его извѣстная осмотрительность и обдуманность, главное управленіе военными дѣлами, ему исключительно предоставленное, не дозволяютъ сомнѣваться, что занятіе Липскихъ городовъ было ничто иное какъ ухищренное содѣйствіе негоціаціи, порученной принцу Генриху въ Петербургѣ, хотя Фридрихъ II и приписываетъ счастливый для него образъ дѣйствій Австрійцевъ слѣпому случаю.

Король такъ обстановилъ вопросъ Польскій во всей его сложности и повелъ его такъ ловко, послѣдовательно и энергично, что Россія и Австрія должны были принять его планъ для избѣжанія всеобщей войны. Два главныя средства для того были: замѣшать самолюбіе императрицы Екатерины II въ дѣлѣ Польскомъ и возбудить Австрійцевъ къ противудѣйствію Русскимъ въ вопросѣ восточномъ, уговоривъ Турокъ обратиться къ Австріи съ просьбою о посредничествѣ, и побудивъ Австрійцевъ сосредоточить войска въ Венгріи.

Въ запискѣ Іосифа II при письмѣ къ императрицѣ Маріи Терезіи отъ 29 Августа 1769 года императоръ пишетъ 27 числа: «Король сказалъ ему относительно Польши: достаточно, чтобы честь императрицы ([49]) была спасена, что она не будетъ слишкомъ настаивать на строгомъ исполненіи требуемыхъ ею предметовъ.» 26-го числа въ той же запискѣ: «Онъ особенно старается и хочетъ возбудить наши опасенія на счетъ Русскихъ, желающихъ пріобрѣсти Азовъ и расположить насъ къ угодливости касательно Диссидентовъ.»

Упреки Маріи Іосифу II въ 1772 г. по поводу участія Австріи въ раздѣлѣ Польши, приписываемомъ ею прямо вліянію свиданій съ королемъ, и особенно то обстоятельство, что король, сообщая объ этихъ упрекахъ Петербургскому кабинету, говоритъ уже прямо отъ себя, по собственному соображенію, что *часть этихъ упрековъ Маріи Терезіи падала*

([49]) Россійской.

и на долю Кауница, эти соображенія возводятъ показанія англійскихъ и французскихъ писателей о соглашеніи (не документальномъ) на счетъ раздѣла Польши при свиданіяхъ въ Нейсѣ и Нейштадтѣ на степень не только исторически, но даже юридически-достовѣрнаго факта.

Отъ 25 Января 1772 г. (по отмѣткѣ издателя — Арнета), императрица Марія Терезія пишетъ къ императору Іосифу:

«Теперь невозможно вернуться вспять послѣ ошибочныхъ распоряженій (fausses demarches), которыя я всегда судила быть таковыми съ Ноября 1770 года ([50]), когда рѣшены были движенія Италіянскихъ и Нидерландскихъ войскъ, и послѣ несчастной конвенціи, подписанной съ Турками. Слишкомъ грозный тонъ съ Русскими, нашъ таинственный образъ дѣйствій, какъ съ нашими союзниками, такъ и съ врагами все это произошло отъ того, что поставлено было въ принципъ стараться воспользоваться войной между Портой и Россіей, *чтобы расширить наши границы и добыть выгоды, о коихъ мы не думали до войны.* Хотѣли дѣйствовать по прусски и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить признаки честности. Въ слѣдствіе этого взгляда обольстили себя относительно способовъ, и стараются обнадеживать себя относительно производимаго впечатлѣнія и послѣдствій. Можетъ быть, что я ошибаюсь, и что событія эти благопріятнѣе, чѣмъ они мнѣ могутъ казаться; но хотя бы они намъ и доставили участокъ въ Валахіи, даже Бѣлградъ, я буду ихъ всегда признавать купленными слишкомъ дорого, ибо они куплены цѣною чести, славы монархіи, нашего прямодушія и нашей вѣры.»

Тѣмъ не менѣе, въ томъ же письмѣ, въ коемъ она жалуется на политику сына своего и отказывается отъ всякихъ пріобрѣтеній, Марія Терезія говоритъ:

«.....слѣдуетъ разсудить, какъ выйдти поскорѣе изъ этого несчастнаго положенія, на сколько возможно съ наименьшимъ вредомъ, и не думая о новыхъ для насъ пріобрѣтеніяхъ, но думая объ оправданіи нашего добраго имени и чистосердечія и на *сколько возможно возстановленія политическаго равновѣсія.*»

Къ этимъ послѣднимъ словамъ, для окончанія мысли, ничего нельзя приставить какъ: на счетъ *Польши или Турціи.*

([50]) Два мѣсяца послѣ свиданія въ Нейштадтѣ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Австрійцы взяли отъ Польши Галицію, отъ Турокъ Буковину.

15 Ноября 1772 года. Фридрихъ сообщалъ гр. Сольмсу о размолвкѣ между матерью и сыномъ и о упрекахъ матери по поводу свиданія съ нимъ Іосифа. Прусскій посланникъ Едельсгеймъ доставлялъ, какъ видно, вѣрныя свѣдѣнія изъ Вѣны.

Въ письмѣ Іосифа къ Леопольду, въ Маѣ 1771 года, читаемъ:

«Наконецъ Панинъ ([51]) говорилъ съ Лобковицемъ, самымъ ласковымъ образомъ, однако не опредѣляя условій. Онъ его увѣрилъ въ правилахъ безкорыстія императрицы, и намекнулъ о ея рѣшимости сохранить къ намъ дружбу, даже съ готовностію пожертвовать въ пользу нашей дружбы дружбою короля Прусскаго, еслибы оная была несовмѣстима, и онъ далъ почувствовать, что они имъ недовольны. Они находятъ его образъ дѣйствій двусмысленнымъ и полагаютъ, что онъ выжидаетъ, какъ бы ухватить какой либо участокъ Польши, что̀ имъ не желательно.»

«Вотъ король Прусскій и обличенъ передъ нами во лжи, предлагая намъ раздѣлъ Польши какъ идущій изъ Петербурга; сей послѣдній очень былъ пораженъ нашимъ отвѣтомъ. Будучи увѣренъ, что ударъ его не можетъ быть промахомъ и видя себя обличеннымъ, онъ не далъ отвѣта, а только завѣрилъ, что онъ ничего рѣзкаго не предприметъ (qu'il ne brusquera rien).»

Императоръ Іосифъ II пишетъ Леопольду отъ 9 Января 1772 года:

«Князь Кауницъ занятъ работой, о которой никогда ничего не узнаешь, пока онъ ея не окончитъ: полагаю, что дѣло идетъ о раздѣльномъ трактатѣ, но это пока еще несовсѣмъ достовѣрно. Если я могу отъ него получить копію съ Русскаго отвѣта, то я съ нынѣшнею же оказіею вамъ перешлю.»

Въ письмѣ отъ 22 Января 1772 года императоръ Іосифъ пишетъ императрицѣ Маріи Терезіи:

«Какъ бы ни было желательно по моему мнѣнію затянуть продолженіе войны, но я долженъ сознаться, что основанія, отсовѣтывающія это, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, крайне убѣдительны и математически доказаны княземъ Кауницемъ.»

([51]) Попытка сближенія Петербургскаго кабинета съ Вѣнскимъ, о коей упоминается въ депешѣ принца Людовика Рогана въ концѣ Ноября 1773 года, касательно объясненій императора Іосифа и Кауница.

«Остается затѣмъ вопросъ, которое изъ многихъ предложеній слѣдуетъ выбрать: militariter, politice и cameraliter. Ничто не можетъ намъ такъ подходить какъ Глацкій и Нейсскій округи; Барейтъ и Анспахъ ни въ какомъ случаѣ. Если это не будетъ признано возможнымъ, какъ я это безъ сомнѣнія съ прискорбіемъ предвижу, то самое полезное было бы Бѣлградъ съ частью Босніи до Дринскаго залива.»

«По удаленіи непріятелей оно прикрыло бы всю Карльштадтскую страну и тѣмъ самымъ внутреннюю Австрію отъ всякаго возможнаго вторженія Турокъ. Таково мое скромное мнѣніе; но такъ какъ князь Кауницъ своихъ мнѣній не обнаруживаетъ, а именно: которому изъ семи предложеній онъ даетъ предпочтеніе, то заблагоразсудите прежде всего сами его о томъ спросить.»

Въ письмѣ къ Леопольду въ Апрѣлѣ 1772 года:

«Мы наконецъ объявили, что мы хотимъ въ Польшѣ принять самый большій проектъ изъ трехъ, мною вамъ нѣкогда посланныхъ, а именно тотъ, который обнимаетъ весь палатинатъ Пельцкій (Pelcs), распространяющійся отъ Билицы и нашей Селезіи до Молдавіи и Подоліи. Императрица Россійская къ этой угодливости присовокупила самыя дружескія выраженія, говоря о системѣ союза и довѣрія, которую слѣдовало возстановить по прежнему. Король Прусскій очень ревниво смотритъ на наше начинающееся непосредственное сближеніе съ Россіей. Турки приняли перемиріе и хотятъ, чтобы имъ гарантировали, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, когда оное будетъ прекращено, военныя дѣйствія не возобновятся: остается ожидать, до какой степени Россія одобритъ это предположеніе. Съ нашей стороны она успокоена и теперь устроилась въ Польшѣ; она затѣмъ не очень будетъ дорожить заключеніемъ мира съ Портой; и кто знаетъ, если эта послѣдняя не представитъ намъ еще своими вѣроломными поступками справедливую причину вмѣшаться и что въ наступающій годъ мы не запрячемъ въ карманъ (nous ne mettions en poche) Бѣлградъ и часть Босніи, совершенно такимъ же порядкомъ, какъ мы въ нынѣшнемъ году поступимъ съ палатинатами Польскими. Уже болѣе не тайна, что корпусъ нашихъ войскъ вступитъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ въ Польшу; но о раздѣлѣ должно хранить ненарушимо тайну, хотя уже она начинаетъ обнаруживаться, и Французы въ Берлинѣ пронюхали подкопъ.»

Изъ этихъ писемъ видно, на сколько императоръ Іосифъ II былъ приготовленъ и расположенъ относительно раздѣла. Затѣмъ не трудно опредѣлить участіе князя Кауница, такъ какъ король Фридрихъ Великій говоритъ, что князю Кауницу будетъ легче вовлечь императора въ свои виды для взаимной поддержки противъ императрицы и заставить ее согласиться на принятіе желаемыхъ мѣръ.

*

При окончаніи этого изслѣдованія приходитъ на мысль вопросъ, что̀ могло побудить Петербургскій кабинетъ, не смотря на свое постоянное сопротивленіе, наконецъ безусловно согласиться съ планомъ Фридриха Великаго?

Договоры Франціи съ Австріею, 1756, 1757 и 1758 годовъ, сильно встревожившіе Европу, и семейный союзъ 1761 года между всѣми вѣтвями домэ Бурбоновъ, побудили Петербургскій кабинетъ противупоставить этому весьма грозному, при его появленіи, сочетанію силъ, Сѣверную систему;—основаніемъ же этой системы графъ Панинъ признавалъ союзъ съ Пруссіей, коему онъ былъ безусловно преданъ и вѣренъ съ перваго года царствованія Екатерины II до своей смерти. Фридрихъ II говоритъ въ своихъ Запискахъ подъ годомъ 1771: «Императрица Русская почувствовала, что ей нужно было содѣйствіе короля. Она разсудила, что, дабы ей вполнѣ можно было расчитывать на этого государя, слѣдовало предоставить ему нѣкоторыя выгоды; поэтому графъ Панинъ объявилъ графу Сольмсу, что онъ только ожидаетъ проектъ раздѣла изъ Берлина для приступленія къ переговорамъ по этому предмету.»

Князь Павелъ Вяземскій.

С.-Петербургъ, 13-го декабря 1867 года.

ДИДРО.

Въ ряду великихъ умовъ восемнадцатаго вѣка Дидро ([1]) безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Мы справедливо привыкли соединять его имя съ именами Монтескьё, д'Аламбера, Вольтера и Руссо. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе его, подобно вліянію его знаменитыхъ современниковъ, далеко выходило за предѣлы Франціи и во многомъ опредѣлило характеръ новѣйшаго образованія и міросозерцанія. Впрочемъ, до послѣдняго времени мы не имѣли надлежащей, основанной на добросовѣстномъ изученіи данныхъ, полной и безпристрастной, оцѣнки личности и дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка. Образъ его представлялся далеко не въ тѣхъ опредѣленныхъ и ясныхъ чертахъ, какъ образы знаменитыхъ писателей, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ на одномъ поприщѣ и въ одномъ направленіи. Это былъ «стереотипный образъ даровитаго, но парадоксальнаго скептическаго писателя.» Сужденія объ немъ большею частію отличались пристрастіемъ. Дидро былъ матеріалистъ и атеистъ — и потому къ нему относились съ предубѣжденіемъ, старались отыскать въ немъ только подтвержденіе напередъ составленному объ немъ мнѣнію, въ родѣ того, напримѣръ, что онъ былъ врагъ престоловъ и алтарей. Забывали, что наука столько же нуждается въ свободѣ, какъ и религія. Только въ настоящее время Дидро нашелъ себѣ вполнѣ достойную оцѣнку въ книгѣ извѣстнаго кёнигсбергскаго профессора Карла Розенкранца, недавно изданной въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: «Жизнь и сочиненія Дидро» ([2]). Задача этого обширнаго и

([1]) Денисъ Дидро род. въ Лангрѣ (въ Шампаніи) 5 октября 1713 года. ум. въ Парижѣ 30 іюля 1784.

([2]) Diderot's Leben und Werke. Von Karl Rosenkranz. Zwei Bände. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1866.

прекраснаго труда объясняется самимъ авторомъ въ слѣдующихъ словахъ. «Цѣль настоящаго сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы восполнить пробѣлъ, оставленный въ исторіи литературы тѣми, кто до сихъ поръ говорилъ о Дидро. Оно должно представить объективный, полный образъ его, и произнести объ немъ справедливое, чуждое всякого пристрастія и фанатизма, сужденіе.»

Мы не можемъ входить здѣсь въ разборъ интереснаго и основательнаго сочиненія профессора Розенкранца. Замѣтимъ только, что при составленіи своей монографіи онъ пользовался богатыми матеріалами, и между прочимъ рукописными, находящимися въ Петербургѣ ([3]), и вполнѣ достигъ предположенной имъ цѣли. На основаніи строго-критической разработки ихъ, требовавшей отъ него большаго труда и особенной проницательности, ему не только удалось ярко обрисовать личность Дидро, но и воспроизвести великую эпоху «просвѣщенія», въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Но кромѣ этого общаго значенія, сочиненіе Розенкранца имѣетъ для насъ еще особый интересъ: Дидро находился въ близкихъ отношеніяхъ къ императрицѣ Екатеринѣ, и біографъ его, какъ и слѣдовало ожидать, не забылъ коснуться этихъ отношеній. На нихъ-то мы и хотимъ теперь остановиться нѣсколько подробнѣе.

Начало этихъ отношеній восходитъ къ самому началу царствованія Екатерины.

Съ 1751 года Дидро, соединившись съ математикомъ д'Аламберомъ (Jean le Rond d'Alembert, 1717—1783), при содѣйствіи лучшихъ умовъ Франціи, началъ изданіе знаменитой Энциклопедіи ([4]), изданіе,

---

([3]) Въ 1861 году авторъ получилъ, чрезъ посредство старшаго библіотекаря, г. Минцлова, копію каталога Дидротовскихъ рукописей, а потомъ и копіи самыхъ рукописей, которыя онъ желалъ имѣть.

([4]) Дидро предпринялъ этотъ трудъ по предложенію Парижскаго книгопродавца, Ле-Бретона, который думалъ сначала издать во французской передѣлкѣ Энциклопедію англичанина Чамберса, вышедшую въ 1727 году подъ заглавіемъ: «Cyclopedia or a Universal Dictionary of Arts and Sciences.» Первый томъ французской Энциклопедіи, получившей всемірно-историческое значеніе, вышелъ въ 1751 году подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers, par une société de gens de lettres, mis en ordre et publié par Diderot et d'Alembert.» Все изданіе составляло 17 фоліантовъ текста и 11 фоліантовъ гравюръ (на 1200 таблицахъ), и продолжалось съ 1751 по 1772 годъ

которому онъ главнымъ образомъ обязанъ славою своего имени, и которое, не смотря на яростные крики духовенства, особенно іезуитовъ, шло безпрепятственно до 1757 года, когда появился седмой томъ со статьею д'Аламбера «Genève.» Эта статья подняла на ноги не только католиковъ, но и протестантовъ: авторъ ея позволилъ себѣ осуждать Женевское духовенство, обвинять его въ социніанизмѣ и предлагать городу Женевѣ построить театръ! Множество брошюръ и журнальныхъ статей посыпалось теперь на Энциклопедію и ея сотрудниковъ, которыхъ старались представить вредною для государства и церкви партіею. Огорченный этими нападками, слабохарактерный д'Аламберъ устранился отъ редакціи Энциклопедіи, и весь трудъ и отвѣтственность по изданію ея понесъ теперь на своихъ плечахъ одинъ Дидро. 23 февраля 1759 года послѣдовало формальное обвиненіе энциклопедистовъ, сдѣланное генеральнымъ адвокатомъ парижскаго парламента, Омеромъ (Omer Joli de Fleury): онъ объявилъ ихъ деистами и атеистами, бунтовщиками и развратителями юношества, и сослался при этомъ на свидѣтельство противъ нихъ Авраама Шоме (Abraham Chaumeix), который прежде торговалъ уксусомъ, потомъ былъ янсенистомъ и послѣ разныхъ похожденій сдѣлался наконецъ школьнымъ учителемъ въ Москвѣ ([5]), откуда возвратился въ Парижъ, чтобы заняться ремесломъ литературнаго доносщика. Парламентъ осудилъ Энциклопедію: продажа уже вышедшихъ и имѣющихъ еще выйти томовъ была запрещена. Съ другой стороны, журналистика не переставала преслѣдовать Дидро многочисленными статьями. Положеніе его было очень трудное и даже опасное, и надобно удивляться тому, какъ онъ въ это время не палъ духомъ, подобно д'Аламберу, не опустилъ рукъ, не бросилъ своего «великаго предпріятія.» Изъ письма его къ Вольтеру, отъ 28 ноября 1760 года, видно, что онъ продолжалъ горячо работать надъ Энциклопедіей. «Рукопись ея будетъ непремѣнно окончена, писалъ онъ, доски будутъ вырѣзаны — и мы бросимъ нашимъ врагамъ одинадцать томовъ.»

Между тѣмъ какъ Дидро трудился надъ рукописью Энциклопедіи и обдумывалъ средства, какъ бы удобнѣе было бросить своимъ врагамъ не-

---

([5]) «Maître d'école à Moscou, où il enseigne l' *a b c* aux petits enfants,» какъ писала объ немъ Екатерина Вольтеру въ 1765 г. (Oeuvres complètes de Voltaire, T. X, стр. 394. Paris. Firmin Didot. MDCCCLV.).

достающіе томы ея, 28 іюня 1762 года взошла на престолъ Екатерина II—и предложила ему бросить ихъ *изъ Россіи*. Она живо интересовалась этимъ изданіемъ, съ которымъ хорошо познакомилась, будучи еще великой княгиней. Въ Энциклопедіи, которая какъ нельзя болѣе пришлась по ея вкусу, она находила полное удовлетвореніе для своей любознательности. Она возмущалась безчестнымъ поступкомъ Шоме ([6])—и теперь, въ самомъ началѣ своего царствованія, предложила Дидро перенести печатаніе Энциклопедіи въ Ригу. Предложеніе, отъ имени императрицы, сдѣлано было И. И. Шуваловымъ чрезъ Вольтера, съ которымъ онъ давно уже находился въ перепискѣ. Розенкранцъ говоритъ, что Вольтеръ сообщилъ Дидро объ этомъ предложеніи въ письмѣ отъ 25 сентября 1763 года, и вслѣдъ за этимъ замѣчаетъ: «Но уже 3 октября 1762 года Дидро писалъ объ этомъ дѣвицѣ Воланъ.» Отвѣтное письмо Дидро къ Вольтеру, приведенное у Розенкранца, помѣчено 29 сентября 1763 года. Но это едва ли вѣрно. Кажется, оба письма надобно отнести къ тому же 1762 году, къ которому относится и письмо Дидро къ дѣвицѣ Воланъ. По крайней мѣрѣ, въ *сочиненіяхъ* Вольтера ([7]), какъ письмо его къ Дидро о предложеніи Русской императрицы, такъ и отвѣтное письмо къ Шувалову, помѣщены подъ 1762 годомъ (оба отъ 25 сентября). Предложеніе Екатерины привело въ восторгъ Вольтера и его друзей. «Милостивый государь! писалъ онъ изъ Фернея къ Шувалову. Я получилъ ваше письмо за столомъ, и мы всѣ позволили себѣ выпить за здоровье ея императорскаго величества и пожелать ей долгоденствія и счастія, котораго она вполнѣ заслуживаетъ. Первый поднялъ бокалъ герцогъ Вилляръ, сынъ знаменитаго маршала, имя котораго, безъ сомнѣнія, извѣстно у васъ при дворѣ. Съ нами было нѣсколько философовъ, интересующихся *Энциклопедіей*. Мы всѣ пришли въ восхищеніе отъ великодушія вашей августѣйшей государыни. Мы послали вамъ свое благословеніе и, сохраняя все уваженіе наше къ ея величеству, позволили себѣ, милостивый государь, присоединить имя ваше къ ея имени, какъ прежде имя Мецената присоединялось къ имени Августа. Я сомнѣваюсь чтобы ученые, предпринявшіе изданіе

([6]) S'il prenait de l'esprit — писала она къ Вольтеру отъ $\frac{11}{22}$ августа 1766 г.—il ferait croire les miracles aux incrédules. Mais tous les miracles du monde n'effaceront pas la tache d'avoir empêché l'impression de l'*Encyclopédie*" (Тамъ же).

([7]) Oeuvres complètes de Voltaire, T. XII (стр. 331—332).

Энциклопедіи, въ виду заключенныхъ ими во Франціи обязательствъ, могли воспользоваться милостію ея императорскаго величества; но предложеніе, которое ваше превосходительство дѣлаете имъ, будетъ для нихъ конечно самымъ достойнымъ вознагражденіемъ за ихъ труды, и ваше имя справедливо будетъ прославлено ими. Надо признаться, что въ этомъ полезномъ словарѣ есть много статей, которыя недостойны д'Аламбера и Дидро, потому что не ими составлены. Ихъ непремѣнно надо будетъ передѣлать во второмъ изданіи, и я полагаю, что это второе изданіе можно было бы тиснуть у васъ въ Россіи. Это было бы великолѣпной услугой для литературы и — осмѣлюсь прибавить — не умалило бы славы вашей знаменитой государыни. Только великіе люди способствовали процвѣтанію свободныхъ искусствъ. Императрица пріобрѣтетъ право на имя великаго человѣка. Я пишу къ Дидро и убѣдительно совѣтую ему окончить первое изданіе подъ вашимъ покровительствомъ.»

Вольтеръ сомнѣвался, чтобы Дидро принялъ предложеніе русской императрицы; но отъ души радовался за Дидро. Отъ того же 25 сентября онъ писалъ къ нему: «Ну, славный философъ! Что скажете объ русской императрицѣ? Не правда ли, что ея предложеніе есть самая жестокая пощечина, какую только можно было отвѣсить господамъ, въ родѣ Омера? Въ какое время живемъ мы? Франція преслѣдуетъ философію, а Скиѳы ей покровительствуютъ! Господинъ Шуваловъ поручилъ мнѣ испросить у васъ позволенія на печатаніе вашей *Энциклопедіи* въ Россіи. Господинъ Шуваловъ выше Анахарсиса: онъ одушевленъ тою горячею любовью къ свободнымъ искусствамъ, какая обыкновенно замѣчается на зарѣ ихъ развитія, и какою мы отличались при Францискѣ. — Я сомнѣваюсь, чтобы заключенныя вами въ Парижѣ обязательства дозволили вамъ принять предложеніе о перенесеніи вашего изданія въ Ригу; но за то вы можете утѣшаться мыслію, что, подвергаясь дерзкимъ преслѣдодованіямъ со стороны какихъ-нибудь Шоме, Бертье и Омеровъ, вы почтены самымъ лестнымъ вниманіемъ со стороны героини.... Что вы отвѣтите мнѣ на предложеніе г. Шувалова?»

Въ письмѣ Вольтера къ графу д'Аржанталю, отъ 28 сентября 1762, есть нѣсколько строкъ по поводу предложенія Екатерины. Онѣ не лишены интереса. «Я немного безпокоюсь на счетъ моей императрицы Екатерины. Вы знаете, что она поручила мнѣ просить энциклопедистовъ, преслѣдуемыхъ Омеромъ, чтобы они перенесли печатаніе своего словаря къ

ней въ Россію. Эта пощечина, данная изъ Скиѳіи глупцамъ и бездѣльникамъ, доставила мнѣ величайшее удовольствіе, которое и вы должны раздѣлять со мною; но я крѣпко боюсь, чтобы Иванъ не свергъ съ престола нашей благодѣтельницы, а вѣдь этотъ молодой человѣкъ, воспитанный въ Россіи монахами, далеко, вѣроятно, не будетъ философомъ» (8). Вольтеръ боялся ввѣрить судьбу Энциклопедіи только-что образовавшемуся въ Россіи правительству, на прочность котораго ему не давали права разсчитывать происходившія дотолѣ поразительныя своею неожиданностію и быстротою перемѣны на русскомъ престолѣ. Этимъ обстоятельствомъ надо объяснить, почему Вольтеръ не особенно *убѣдительно совѣтовалъ* Дидро принять предложеніе Екатерины и, въ письмѣ къ Шувалову, выразивъ сильное сомнѣніе въ согласіи энциклопедистовъ на перенесеніе ихъ изданія въ Россію, вмѣсто перваго тисненія предлагалъ второе! Но если Шлиссельбургскій узникъ, бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ, заставлялъ его *немного безпокоиться* на счетъ судьбы Екатерины и еще болѣе на счетъ судьбы Энциклопедіи, которую русская государыня готова была принять подъ свое покровительство, то вскорѣ полученное имъ письмо отъ Дидро должно было совершенно его успокоить на счетъ невѣрной будущности, предстоявшей изданію энциклопедистовъ въ Россіи. Дидро отказался отъ предложенія Екатерины. Отъ 29 сентября онъ отвѣчалъ Вольтеру: «Любезный и досточтимый братъ! Для окончанія Энциклопедіи намъ нечего ѣхать ни въ Берлинъ, ни въ Петербургъ, потому что въ настоящую минуту ее печатаютъ здѣсь, и я держу корректуру. Но скажу вамъ по секрету: конечно, предложеніе русской императрицы есть тяжелая пощечина моимъ врагамъ; только не думайте, что эти бездѣльники получили ее теперь въ первый разъ. О нѣтъ! вотъ ужъ болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, какъ точно такую же отвѣсилъ имъ король Прусскій, который мыслитъ подобно вамъ, мыслитъ о дѣлахъ самыхъ маловажныхъ, совершая величайшія. Сдѣлайте милость, напишите отъ моего имени нѣсколько словъ къ господину Шувалову и не забудьте обратить его вниманіе на знаменательность того обстоятельства, что нынѣ царствующая государыня поступила въ этомъ отношеніи точно такъ же, какъ величайшій монархъ. Оба они не побрезгали протянуть намъ руку.... Но имъ, какъ видно изъ сдѣланныхъ намъ предложеній, не извѣстно, что

(8) Тамъ же, стр. 332.

рукопись Энциклопедіи не принадлежитъ намъ, что она составляетъ собственность книгопродавцевъ, которые пріобрѣли ее съ большими издержками, и что мы поступили бы безчестно, если бы присвоили себѣ хоть одинъ листокъ ея.»

Между тѣмъ правительство дозволило подъ рукой печатаніе Энциклопедіи, и теперь, чтобы разомъ порѣшить со всѣми преслѣдованіями, надобно было одновременно издать всѣ остальные десять томовъ ея. Въ 1765 году печатаніе ихъ было окончено, и они вышли въ свѣтъ (9), не встрѣтивъ никакой помѣхи со стороны правительства; только черезъ годъ, когда разразилась новая гроза надъ Энциклопедіей, Ле-Бретонъ долженъ былъ поплатиться за нее восьмидневнымъ заключеніемъ въ Бастиліи.

Съ 1764 года, со времени трагической смерти Іоанна Антоновича, маленькое безпокойство Вольтера на счетъ Екатерины, вѣроятно, совсѣмъ разсѣялось: русская императрица прочно сидѣла на престолѣ и продолжала осыпать благодѣяніями Вольтера и его друзей. Въ томъ же 1765 году, когда окончено было изданіе Энциклопедіи, Екатерина самымъ блистательнымъ образомъ заявила свое благоволеніе ея редактору: она купила его библіотеку.

Довольно значительный гонорарій, который получилъ Дидро за свои труды по редакціи Энциклопедіи (10), далеко не могъ обезпечить его будущности. Нельзя сказать, чтобы Дидро былъ расточителенъ, но онъ былъ крайне неразсчетливъ и проживалъ много. Что оставалось у него отъ издержекъ на содержаніе семьи, состоявшей изъ жены и дочери, которыхъ онъ окружалъ величайшей заботливостью, стараясь, чтобы онѣ ни въ чемъ не нуждались, то уходило на покупку новыхъ или рѣдкихъ книгъ, прекрасныхъ гравюръ, къ которымъ онъ всегда чувствовалъ маленькую сла-

---

(9) Вольтеръ извѣщалъ объ этомъ Екатерину въ письмѣ отъ 24 января 1766 года: „Je crois, писалъ онъ, que l'*Encyclopédie* est en chemin pour aller demander une place dans la bibliothèque de votre palais“ (Oeuvres complètes de Voltaire, т. X, стр. 396).

(10) Нельзя сказать подлинно, какъ великъ былъ этотъ гонорарій. Гриммъ, который долженъ былъ знать это лучше другихъ, говоритъ, что Дидро получилъ за Энциклопедію единовременно 20,000 франковъ и за каждый томъ еще по 2,500 франковъ. Другіе утверждаютъ, что за все изданіе онъ получилъ только 10,000 франковъ и за каждый томъ отдѣльно по 2,500 франковъ (или по 1,200 франковъ, какъ думаютъ нѣкоторые).

бость. Онъ никому не могъ отказать въ нуждѣ и многимъ помогалъ далеко не по своимъ средствамъ. Онъ часто давалъ въ займы, но ему никто не возвращалъ долга, да онъ никогда и не требовалъ возвращенія ([11]). Онъ много тратилъ денегъ на фіакры, потому что, при огромныхъ разстояніяхъ Парижа, онъ иначе не могъ бы поддерживать своихъ знакомствъ. Дидро любилъ играть не только на биліардѣ и въ шахматы, но и въ карты — и не рѣдко, по разсѣянности, проигрывалъ. Театры и концерты, хотя онъ и умѣренно посѣщалъ ихъ, стоили также денегъ. Надо полагать, что не мало издерживалъ онъ и на подарки подругѣ своей, Воланъ. Полученнаго имъ по смерти отца (въ 1759 году) наслѣдства было недостаточно для покрытія его огромныхъ расходовъ. Надо было приготовить приданое нѣжно любимой имъ дочери, въ случаѣ же невыхода ея замужъ— обезпечить ея существованіе пожизненною рентою. Съ этою цѣлью Дидро рѣшился продать свою библіотеку. 28 сентября 1761 года онъ писалъ Софіи Воланъ, что дѣло о продажѣ его библіотеки почти уже кончено. Ее торговали Палези, де Фаржъ и еще кто-то. Дочь его, въ біографіи своего отца, говоритъ, что ее намѣревался купить адвокатъ Отёйль. Но изъ этого ничего не вышло. «Гриммъ, продолжаемъ словами его дочери, познакомилъ отца моего съ княземъ Голицынымъ, тогдашнимъ русскимъ посломъ, и дѣло было устроено иначе. Императрица купила библіотеку за 15,000 франковъ ([12]), оставила ее отцу моему и назначила ему въ

([11]) Здѣсь нельзя не вспомнить пристрастной и крайне недобросовѣстной характеристики Дидро и д'Аламбера, принадлежащей нашему Фонъ-Визину. „Корыстолюбіе — писалъ онъ отъ $\frac{18}{29}$ сентября 1778 года изъ Ахена къ гр. П. И. Панину—несказанно заразило всѣ состоянія, не исключая самыхъ философовъ нынѣшняго вѣка. Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческою слабостію. *Д'Аламберы, Дидероты* въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видалъ я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе“ (Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина. Спб. 1866, стр. 343). Мы будемъ имѣть случай убѣдиться, какъ не вѣрна эта характеристика.

([12]) Или за 16,000 ливровъ, какъ говоритъ самъ Дидро въ одномъ письмѣ къ Софіи Воланъ, отъ 21 іюля 1765 года, а не за 50,000 франковъ, какъ читаемъ у Вейдемейера (Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи, Спб 1846, ч. 1, стр. 138), который заимствовалъ это показаніе у Сегюра (Mémoires, т. III, стр. 38).

пенсію 1,000 франковъ въ должности библіотекаря. Пенсія, съ умысломъ забытая, два года не была высылаема. Князь Голицынъ спросилъ отца моего, исправно ли онъ получаетъ ее; тотъ отвѣчалъ, что онъ и не думалъ о ней, почитая за особенное счастіе, что ея императорскому величеству угодно было купить лавку его, оставя ему инструменты. Князь увѣрилъ его, что, конечно, не таково намѣреніе государыни, и что онъ обязывается предупредить на будущее время подобный безпорядокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ того, отецъ мой получилъ 50,000 франковъ впередъ за пятьдесятъ лѣтъ.»

Благодѣяніе, которое императрица Екатерина оказала Дидро покупкою его библіотеки, привело въ восторгъ Вольтера. Отъ 24 апрѣля 1765 года онъ писалъ къ Дамилавиллю: «Любезный братъ! Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 18 апрѣля я отъ всего сердца обнимаю Платона Дидро, а также и императрицу Всероссійскую. Кто могъ бы подумать, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, что добродѣтель, наука, философія, съ которыми такъ недостойно обращаются у насъ, найдутъ себѣ въ Парижѣ такую великодушную оцѣнку со стороны Скиѳовъ? Примите, славный Дидро, увѣреніе въ моей живѣйшей радости» ([13]). Въ то же время Вольтеръ писалъ къ Екатеринѣ (письмо впрочемъ безъ даты): «Я счастливъ еще и тѣмъ, что всѣ, кого ваше величество осыпаете милостями, мои друзья. Я много обязанъ вамъ за то, что̀ вы сдѣлали для Дидро, д'Аламберовъ и Каласовъ. Всѣ европейскіе литераторы должны повергнуться къ стопамъ вашимъ.» Екатерина отвѣчала Вольтеру письмомъ изъ Петербурга, отъ $\frac{17}{28}$ ноября 1765 года: «Никогда я не думала, что пріобрѣтеніе библіотеки доставитъ мнѣ такія похвалы, какими всѣ осыпаютъ меня по случаю покупки книгъ Дидро. Но вы, кому человѣчество обязано защитою невинности и добродѣтели въ лицѣ Каласовъ, согласитесь, что было бы жестоко и несправедливо разлучать ученаго съ его книгами.»

Рѣчь по поводу благодѣянія, оказаннаго Екатериною Дидро, возобновилась въ перепискѣ ея съ Вольтеромъ и на слѣдующій годъ. «Милостивый государь! писала императрица, отъ 29 іюня (9 іюля) 1766 года, изъ Петербурга. Мерцаніе сѣверной звѣзды есть только сѣверное сіяніе. Благодѣянія, распространяющіяся на нѣсколько сотень миль, и о которыхъ вамъ угодно было упомянуть, не принадлежатъ мнѣ: Каласы обяза-

---

([13]) Oeuvres complètes de Voltaire, T. XII, стр. 565.

ны тѣмъ, что получили, своимъ друзьямъ; а Дидро продажею своей библіотеки — своему другу; но и Каласы и Сирвены вамъ обязаны всѣмъ. Ничего не значитъ помочь ближнему отъ своихъ излишковъ; но быть ходатаемъ человѣчества и защитникомъ угнетенной невинности — это безсмертная заслуга.» Вольтеръ отвѣчалъ (отъ 22 декабря): «Прошу извинить меня, ваше императорское величество! Нѣтъ, вы не *сѣверное сіяніе*; вы навѣрное самая блестящая звѣзда Сѣвера, и никогда еще не бывало звѣзды столь благодѣтельной, какъ вы: Андромеда, Персей и Каллиста не стоятъ васъ. Всѣ эти звѣзды оставили бы Дидро умереть съ голоду. Онъ былъ гонимъ въ своемъ отечествѣ, а вы взыскали его своими милостями... Мы втроемъ — заключаетъ Вольтеръ свое письмо — Дидро, д' Аламберъ и я, мы воздвигаемъ вамъ алтари: вы сдѣлали меня язычникомъ» (14)

Воздвигая алтари Русской императрицѣ, Вольтеръ и его друзья дошли до идолопоклонства (15). Оно было нѣсколько преувеличеннымъ, но въ основѣ своей все таки искреннимъ выраженіемъ съ ихъ стороны чувства глубокой признательности, которой заслуживалъ поступокъ Екатерины относительно Дидро. Кромѣ личнаго благодѣянія, оказаннаго ею главѣ энциклопедистовъ, тогдашніе философы справедливо видѣли въ этомъ великодушномъ поступкѣ самое блистательное доказательство сочувствія ея къ дѣлу «просвѣщенія,» къ тому великому дѣлу, во главѣ котораго они стояли, за которое такъ горячо бились съ его врагами. Осыпая милостями передовыхъ бойцовъ просвѣщенія, она этимъ самымъ уничтожала ихъ враговъ. Немолчно раздается бранный крикъ Вольтера: «*Ecrasez l'infame!*» (16)—крикъ, которымъ, въ родѣ припѣва, заканчиваются почти всѣ его письма къ друзьямъ. И вотъ, съ далекаго Сѣвера, отзывается на него Екатерина, онъ дѣлается и ея лозунгомъ... Она изъявляетъ готовность взять подъ свое покровительство изданіе Энциклопедіи, наносившей такіе страшные удары этому *infame*; она осыпаетъ

---

(14) Oeuvres complètes de Voltaire. T. X. стр. 395—397.

(15) Приведенное выше письмо Вольтера оканчивается слѣдующими словами: je suis avec *idolâtrie*, madame, aux pieds de votre majesté, mieux qu'avec un profond respect,

Le prêtre de votre temple."

(16) Подъ l'infame Вольтеръ разумѣлъ суевѣріе, невѣжество, религіозный фанатизмъ, тираннію, и пр.

необыкновенными милостями ея смѣлаго редактора.... Отсюда идолопоклонство Вольтера и его друзей.

Но если нельзя сомнѣваться въ искренности того чувства, которое побуждало ихъ созидать алтари Екатеринѣ, то еще менѣе можно сомнѣваться въ искренности расположенія самой императрицы къ тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ вѣка, которыхъ носителями были тогдашніе философы, и которыя нашли себѣ такое полное выраженіе въ Энциклопедіи. То «философское расположеніе ума», которое графъ Гилленбургъ замѣтилъ у Екатерины еще въ дѣтствѣ, когда она жила съ матерью въ Гамбургѣ ([17]) впослѣдствіи развилось и окрѣпло у нея подъ вліяніемъ чтенія Платона, Тацита (его Лѣтописей), Бэйля (историческаго и критическаго словаря), Монтескье, Вольтера и Энциклопедистовъ, чтенія, которому она предавалась, будучи еще великой княгиней, и которымъ опредѣлился характеръ и направленіе философскихъ симпатій будущей императрицы. Ими-то и вызвано было то покровительство, которое оказывала Екатерина тогдашнимъ философамъ оппозиціи вообще и Дидро въ особенности, хотя и нельзя отрицать, чтобы къ нему не примѣшивалось нѣтотораго политическаго разсчета. (Сличи Р. Арх. 1866, стр. 71 и 72).

«Екатерина — говоритъ профессоръ Розенк ранцъ по поводу покупки ею библіотеки Дидро—Екатерина хорошо знала, что дѣлала. Покупкою библіотеки Дидро она не только сдѣлала хорошее пріобрѣтеніе, но и унижала французскій дворъ и заставляла всѣхъ друзей тогдашняго революціоннаго движенія, и во главѣ ихъ Вольтера, громко восхвалять ея великодушіе. Фридрихъ былъ Соломономъ, Екатерина Семирамидой Сѣвера. Однажды послала она въ подарокъ французскимъ академикамъ прекрасныя шубы. Это было весьма практично, но Гриммъ пришелъ въ восторгъ отъ этого поступка Екатерины, какъ будто бы онъ былъ самымъ добродѣтельнымъ подвигомъ. Самъ Дидро писалъ въ Петербургъ, отъ 29 декабря 1767 года, что Екатерина не только тамъ, но и въ Парижѣ пользуется великою славою, которую раздѣляютъ съ нею самые просвѣщенные и передовые мужи націи, его друзья. Если Моренъ («Essai sur la vie et le caractère de Rousseau,» 1851, стр. 73) упрекаетъ Дидро въ томъ, что онъ, философъ оппозиціи, чуть не демократъ, унизился

([17]) Mémoires, изд. 1859, стр. 20.

предъ Екатериной и принялъ отъ нея пенсію, то онъ забываетъ, что философы видѣли въ Екатеринѣ также философа. Тогдашніе государи, наравнѣ съ ними, были друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предразсудковъ, уничтоженіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утвержденіе терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство промышленности—все это было и ихъ лозунгомъ, и въ отношеніи къ нимъ философы умѣли держать себя съ большимъ достоинствомъ, въ чемъ легко убѣдиться, прочтя переписку не только Вольтера, но и д'Аржанса, д'Аламбера и Гримма. Sensiblerie déclamatoire просвѣщенія была тогда общею страстью. Когда госпожа Жоффренъ, женщина мѣщанскаго происхожденія, въ 1766 году, на пути въ Варшаву, пріѣхала въ Вѣну, то ее приняли съ величайшею предупредительностью; но, съ своей стороны, она вела себя съ такимъ тонкимъ тактомъ, что блистательно оправдала сдѣланный ей блистательный пріемъ. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Дидро такъ свободно говорилъ съ императрицей въ ея кабинетѣ, что потомъ самъ удивлялся своей смѣлости. Когда же случалось ему останавливаться, она сама просила его продолжать не стѣсняясь.»

Мысль о поѣздкѣ въ Петербургъ была вызвана въ Дидро чувствомъ глубокой признательности къ Екатеринѣ за оказанное ему благодѣяніе, къ которому она присоединила новое предложеніе о перенесеніи изданія Энциклопедіи въ Петербургъ, не зная еще, какъ видно, что печатаніе текста словаря было уже окончено, и что вскорѣ онъ долженъ былъ выйти въ свѣтъ. Самъ Дидро смотрѣлъ на предстоящую ему поѣздку, какъ на исполненіе долга благодарнаго сердца въ отношеніи къ его благодѣтельницѣ. Этотъ долгъ сердца онъ исполнилъ въ 1773—1774 годахъ, будучи уже шестидесятилѣтнимъ старцемъ.

Въ сочиненіи Розенкранца мы находимъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ описанію путешествія Дидро въ Петербургъ ([18]) Въ самомъ началѣ авторъ представляетъ легкій очеркъ предшествовавшихъ отношеній Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ и къ княгинѣ Дашковой. «Дидро — говоритъ онъ — почти уже свелъ свои счеты съ жизнію. Онъ окончилъ изданіе Энциклопедіи и обѣщанныхъ къ ней, въ видѣ приложенія, гравюръ. Послѣ своихъ драмъ онъ ужъ ничего болѣе не хотѣлъ печатать. Онъ раздѣлился съ братомъ и сестрою, и въ 1770 году ви-

([18]) Во 2-мъ томѣ, подъ заглавіемъ: «Reise nach Petersburg», стр. 326—332.

дѣлся съ ними въ послѣдній разъ. Онъ ограничилъ кругъ своихъ общественныхъ отношеній и, что̀ особенно было для него важно, выдалъ за мужъ свою дочь. Когда полученный имъ за Энциклопедію гонорарій пересталъ покрывать собою его домашнія издержки, благоволеніе Русской императрицы обезпечило его старость въ средствахъ пропитанія. Засвидѣтельствовавъ уже письменно свою благодарность Екатеринѣ и въ прозѣ, и въ восторженныхъ стихахъ, онъ передъ смертію хотѣлъ исполнить еще одинъ долгъ—принести ей личную благодарность. Съ 1765 года онъ вошелъ къ ней въ ближайшія отношенія и исполнялъ нѣкоторыя небольшія ея порученія. Онъ купилъ для нея картинную галерею Геньята (Gaignat); онъ склонилъ Фальконета къ поѣздкѣ въ Петербургъ для изваянія статуи Петра Великаго ([19]); въ интересахъ императрицы, онъ

([19]) Дѣло о вызовѣ въ Петербургъ Фальконета (род. въ Веве, въ Ваадскомъ кантонѣ, въ 1716, ум. въ Парижѣ, въ 1791 году) шло чрезъ посредство Дидро. Сохранилось письмо̀ послѣдняго къ Бецкому, гдѣ онъ рекомендуетъ своего друга и предлагаетъ условія для заключенія съ нимъ контракта. Условія были приняты, и Фальконетъ въ томъ же 1765 году отправился въ Петербургъ, откуда, по отлитіи статуи (4 іюля 1777 г.), возвратился въ Парижъ въ 1778 году, не дождавшись торжественнаго открытія памятника, послѣдовавшаго 7 августа 1782 года. „Многія досады“ со стороны Бецкаго, завѣдывавшаго работами по сооруженію памятника (Рус. Арх. 1867, стр. 1264), были, кажется, главной причиной отъѣзда его изъ Россіи.—Державинъ воспѣлъ его „Грозящаго купидона“ (Соч. Державина, т. II, 1865, стр. 512—514); но не это произведеніе, какъ читаемъ въ изд. Грота, а статуя „Милона Кротонскаго“ доставила ему мѣсто (1745) въ Парижской академіи художествъ (Diderot's Leben und Werke, т. 2, стр. 191). — Во время пребыванія Фальконета въ Петербургѣ Дидро велъ съ нимъ любопытную переписку *о безсмертіи въ потомствѣ*, поводомъ къ которой послужило парадоксальное мнѣніе Фальконета о томъ, что для человѣка достаточно суда современниковъ, что посмертная слава — дымъ, и потому къ ней можно оставаться равнодушнымъ. Дидро, матеріалистъ, не вѣрившій въ личное безсмертіе, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, исходившимъ изъ глубины его великой и прекрасной души, въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Фальконету, горячо защищалъ противъ него свою мысль о недостаточности суда современниковъ, объ уваженіи къ суду потомства, о безсмертіи въ исторіи. Письма эти Фальконетъ сообщалъ императрицѣ, которая читала ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Переписка началась 10 декабря 1765 года и продолжалась до 1767. Писемъ Фальконета, къ сожалѣнію, не дошло до насъ; сохранились только письма Дидро (числомъ 12). Объ одномъ изъ послѣднихъ, если не оши-

уговорилъ Рюльера не издавать своего сочиненія о русскомъ переворотѣ 1762 года, гдѣ не была пощажена Екатерина, и пр. ([20]). Въ 1770 году онъ познакомился съ княгинею Дашковою, которая, во время перваго пребыванія своего въ Парижѣ, продолжавшагося всего три недѣли, «избѣгала всякихъ знакомствъ, исключая знаменитаго Дидро.» Она путешествовала тогда инкогнито, подъ именемъ госпожи Михалковой. Послѣ своихъ утреннихъ прогулокъ, продолжавшихся отъ восьми до трехъ часовъ по полудни, она обыкновенно сама подъѣзжала къ его квартирѣ, брала его съ собой обѣдать и часто заговаривалась съ нимъ за полночь. Въ своихъ *Запискахъ* она очень живо передала намъ содержаніе этихъ бесѣдъ, между прочимъ, разговоръ объ освобожденіи крестьянъ, на которомъ сильно настаивалъ Дидро въ интересахъ образованія ихъ и развитія народнаго богатства въ Россіи ([21]). Въ обращеніи съ княгиней

баемся, упоминается въ письмѣ Бецкаго къ императрицѣ Екатеринѣ (отъ 3 мая 1767 года): «Je prend la liberté — пишетъ Бецкій — d'adresser à votre majesté le *manuscript sur la posterité* reçu de Falconet avec une lettre qu'il m'écrit» (Рус. Арх. 1865, стр. 773). Въ письмѣ Екатерины къ г-жѣ Жоффренъ, отъ 21 октября 1766 года, мы находимъ слѣдующій отзывъ ея о Фальконетѣ: „Г-нъ Дидро, чрезъ посредство Бецкаго, изливаетъ всю чувствительность своего сердца и за нѣсколько сотъ миль (lieues) отъ своего дома; онъ намъ рекомендуетъ своихъ друзей, и далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, нѣтъ равнаго: это Фальконетъ; онъ вскорѣ начнетъ статую Петра Великаго; если и есть художники, которые ему равны по искусству, то смѣло, я думаю, можно сказать, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно бы сравнить съ нимъ по чувствамъ: однимъ словомъ, онъ — задушевный другъ Дидро“ (Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб. 1867, т. I, стр. 289—290).

([20]) Госпожа Жоффренъ, состоявшая въ перепискѣ съ императрицей, также хлопотала по поводу этого сочиненія: она уговаривала Рюльера сжечь его рукопись (Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб. 1867, т. стр. 254).

([21]) Въ этомъ любопытномъ разговорѣ съ Дидро княгиня Дашкова, безспорно одна изъ образованнѣйшихъ русскихъ женщинъ вѣка Екатерины, горячо отстаивала крѣпостное право и на замѣчаніе Дидро возражала, между прочимъ, слѣдующими доводами: „Богатство и счастіе нашихъ крестьянъ составляютъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и нашихъ доходовъ; при такой аксіомѣ надо быть сумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса.“ — „Вы извините меня — продолжала княгиня — если я замѣчу, что вы смѣшиваете дѣйствіе съ причиной: образованіе ведетъ за собой свободу, а не свобода творитъ образованіе. Свобода безъ обра-

онъ не сдерживалъ живыхъ движеній своего чувства и порой руководилъ ею, какъ ребенкомъ. Такъ онъ не допустилъ ея до личнаго знакомства съ госпожею Жоффренъ, потому что послѣдняя — какъ онъ объяснялъ ей потомъ — по краткости времени не могла бы хорошо узнать ее, а между тѣмъ, будучи парижскою трубою, могла бы, не понявъ ея, разнести про нее дурную славу. Онъ не допустилъ ея также принять пріѣхавшаго къ ней съ визитомъ Рюльера, потому что этимъ пріемомъ — какъ говорилъ онъ ей — она могла бы придать значеніе его книгѣ ([22]), въ высшей степени непріятной императрицѣ, и съ которой онъ успѣлъ снять три копіи и передать ихъ — одну въ кабинетъ министерства иностранныхъ дѣлъ, другую госпожѣ Граммонъ, а третью архіепископу Парижскому. Впослѣдствіи она благодарила его за этотъ добрый и умный совѣтъ. Вотъ что говоритъ она о Дидро: «Искренность и правдивость его характера, блескъ генія, вмѣстѣ со вниманіемъ и уваженіемъ, которое онъ оказывалъ мнѣ при всякомъ случаѣ, привязали меня къ нему на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту я свято чту его память. Міръ не зналъ хорошо этого необыкновеннаго человѣка. Добродѣтель и простота проникали каждое дѣйствіе его, и главною задачей всей его жизни было способствовать благу своихъ ближнихъ. Если онъ, по чрезмѣрной живости своего характера, и впадалъ иногда въ заблужденія, то все таки былъ искрененъ, потому что самъ всегда оставался въ накладѣ. Впрочемъ, не мнѣ превозносить его рѣдкія качества; это было дѣломъ болѣе достойныхъ меня лицъ» ([23]).

зованія непремѣнно вызоветъ безначаліе и смуту. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сдѣлаются достойными свободы, потому что будутъ умѣть пользоваться ею, не вредя своимъ согражданамъ и не нарушая необходимой во всякомъ цивилизованномъ обществѣ подчиненности“ (Memoirs of the princesse Daschkaw, edited by mrs. W. Bradford, т. I, стр. 164—165. London. 1840).

([22]) Рѣчь идетъ о сочиненіи Рюльера (род. въ 1735 году въ Бонди, близь Парижа, ум. въ Версали, въ 1791), изданномъ уже по смерти автора и Екатерины, подъ заглавіемъ: «Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie, en 1762, par. Mr. de Rulhière (Paris. 1797). Онъ состоялъ при миссіи барона Бретёля въ Петербургѣ и былъ очевидцемъ переворота, возведшаго Екатерину на престолъ.

([23]) Эта характеристика Дидро, сдѣланная княгиней Дашковой, служитъ лучшимъ опроверженіемъ злобнаго отзыва Фонъ-Визина о нравственныхъ свойствахъ Дидро.

Десять лѣтъ спустя ([24]) княгиня Дашкова опять была въ Парижѣ, на этотъ разъ уже подъ настоящимъ своимъ именемъ. «Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ, говоритъ она, я опять увидѣлась съ Дидро, который принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Дидро, не смотря на упадокъ своего здоровья, каждый день проводилъ со мною. Утреннее время мы обыкновенно посвящали изученію произведеній лучшихъ художниковъ» ([25]).

Въ 1770 году Дидро написалъ превосходную характеристику княгини Дашковой, Portrait de la princesse d'Aschkoff» ([26]), начинающуюся слѣдующими словами: «Княгиня Дашкова прожила здѣсь (въ Парижѣ) двѣ недѣли. Я провелъ съ ней въ это время четыре вечера, отъ пяти часовъ по полудни до полуночи; имѣлъ честь съ нею обѣдать и ужинать, и былъ почти единственнымъ Французомъ, котораго она у себя принимала.» Онъ изображаетъ ее истою русскою женщиной, русскою съ головы до ногъ («intus et in cute»), полною удивленія къ императрицѣ, о которой она всегда говорила съ глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ. Онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Она (княгиня) величала меня самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, человѣкомъ вездѣ и всегда неизмѣннымъ въ своемъ характерѣ»...

Въ такихъ чертахъ профессоръ Розенкранцъ изображаетъ отношенія Дидро къ императрицѣ Екатеринѣ и въ особенности къ княгинѣ Дашковой, съ которой такъ близко сошелся онъ еще во время первой поѣздки ея за границу и которую могъ надѣяться встрѣтить теперь въ Петербургѣ. Дидро отправился въ дорогу, черезъ Гагу, гдѣ болѣе трехъ мѣся-

---

([24]) Въ первый разъ княгиня Дашкова была за границей въ 1769 — 1772, а во второй разъ въ 1775—1782 годахъ.

([25]) Розенкранцъ пользовался для своего труда нѣмецкимъ изданіемъ *Записокъ* Дашковой, вышедшимъ въ Гамбургѣ въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Memoiren der Fürstin d'Aschkoff. Zur Geschichte der Kaiserin Katharina II. Nebst Einleitung von Alexander Herzen.“ 2 Bde. Мы обращались къ англійскому подлиннику *Записокъ*, потому что русскій переводъ ихъ, изданный въ Лондонѣ въ 1859 году, въ одномъ томѣ, далеко не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ.

([26]) Характеристика эта, напечатанная въ „Oeuvres de D. Diderot, publiés sur les manuscrits de l'auteur, par Naigeon“ (15 т. Paris. 1798, 8°), въ 9 томѣ, помѣщена, въ переводѣ, и въ англійскомъ изданіи *Записокъ* Дашковой (т. II, стр. 176—190).

цевъ лучшаго времени года прожилъ въ семействѣ русскаго посла, князя Голицына, и только къ осени пустился въ далекій и трудный путь.

«Путешествіе изъ Парижа въ Петербургъ—продолжаетъ Розенкранцъ—было сопряжено тогда съ немалыми опасностями, и потому Дидро, прежде чѣмъ предпринять его, сдѣлалъ распоряженіе о своемъ литературномъ наслѣдствѣ: онъ поручилъ его заботамъ своего друга Нэжона.... Въ завѣщаніи своему семейству онъ обязалъ Нэжона условіемъ не обнародовать изъ его бумагъ ничего такого, что̀ могло бы повредить его чести или благу другихъ. Въ маѣ ([27]) 1773 года онъ отправился въ путь и прибылъ въ Гагу, гдѣ остановился въ домѣ князя Голицына, съ которымъ былъ весьма друженъ еще съ Парижа. Онъ очень любилъ также и общество жены князя Голицына, которая, благодаря Гемстергюйсу, Якоби, Гаманну и Гете, пріобрѣла громкую извѣстность въ нѣмецкой литературѣ. Онъ хвалитъ ея познанія, ея умѣнье свободно говорить на разныхъ языкахъ, ея музыкальное образованіе, ея умъ, и говоритъ, что она диспутируетъ какъ львенокъ; можетъ быть только—прибавляетъ онъ—она слишкимъ чувствительна, чтобы быть вполнѣ счастливою. «Съ княземъ и его женой—писалъ онъ—я живу какъ добрый братъ ихъ; сижу дома и много работаю; если выхожу иногда, такъ только на берегъ моря, которое настраиваетъ меня къ мечтамъ.» Его интересовали республиканскіе пріемы, республиканскій тонъ Голландцевъ; оба Бентинка казались ему двумя древними Римлянами.»

Много сердечной теплоты вносилъ Дидро въ свои привязанности. Вообще онъ былъ одаренъ нѣжнымъ и глубокимъ чувствомъ дружбы, которая составляла насущную потребность его прекраснаго сердца. Здѣсь кстати будетъ привести любопытный отзывъ объ немъ графа Растопчина (извѣстнаго московскаго главнокомандующаго) въ одной запискѣ его къ княгинѣ Дашковой. «Всякій, кто читаетъ и понимаетъ читаемое—говоритъ онъ—знаетъ геній Дидро, хотя многіе не знакомы съ его сердцемъ. Всѣ согласны съ тѣмъ, что это былъ великій человѣкъ, но немногіе знаютъ, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей своего вѣка. Сочиненія его нажили ему славу, гоненія и зависть, но сердце его находило утѣшеніе въ любви его друзей. Возвышенный философъ, могучій ораторъ, глубокій

([27]) 10-го мая, какъ говоритъ г-жа Вандёль, дочь Дидро, въ біографіи своего отца.

наблюдатель; природа была страстію его; пламенная душа его порывалась охватить великія творенія Вѣчнаго. Отсюда вытекало уваженіе его къ княгинѣ Дашковой» ([28]). Хотя въ послѣднихъ словахъ звучитъ комплиментъ княгинѣ Дашковой, тѣмъ не менѣе нельзя заподозрить этого отзыва въ неискренности. Графъ Растопчинъ совершенно справедливо замѣтилъ, что Дидро былъ одинъ изъ лучшихъ людей своего вѣка. Отъ природы застѣнчивый, онъ не любилъ большихъ собраній и предпочиталъ имъ тѣсный кругъ добрыхъ друзей, съ которыми могъ говорить свободно. Особенное удовольствіе доставляло ему это tête-à-tête съ уважаемыми и любимыми имъ лицами, когда оно было оживлено присутствіемъ женщины. Женщина всегда имѣла для него большую привлекательность. Онъ не могъ обойтись безъ ея общества. Такимъ образомъ пребываніе его въ Гагѣ у Голицыныхъ было для него особенно пріятно. Онъ жилъ у нихъ, какъ родной. Онъ могъ говорить съ ними не стѣсняясь. Участіе, которое принимала въ этихъ задушевныхъ бесѣдахъ княгиня Голицына, возвышало для него ихъ прелесть. Мы встрѣтимся еще разъ съ этою замѣчательною женщиной и будемъ имѣть возможность познакомиться съ нею ближе. Что касается до ея мужа, то мы видѣли, что Дидро сошелся съ нимъ, чрезъ посредство Гримма, въ Парижѣ, когда еще онъ былъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ (chargé d'affaires). Мы знаемъ, что при его посредствѣ, въ 1765 году, устроено было дѣло о продажѣ библіотеки Дидро, который отчасти напоминанію своего друга обязанъ былъ и тѣмъ, что въ 1767 году получилъ свое библіотекарское жалованье за пятьдесятъ лѣтъ впередъ. Чрезъ Голицына же (при участіи Бецкаго)—какъ разсказываетъ княгиня Дашкова — велись переговоры съ Рюльеромъ о перекупкѣ его сочиненія: велись впрочемъ такъ неловко, что Рюльеръ, какъ мы видѣли, успѣлъ сдѣлать съ него три копіи: неудача, которую Дидро могъ потомъ поправить только тѣмъ, что взялъ съ Рюльера обѣщаніе не издавать этого сочиненія ни при своей жизни, ни при жизни Екатерины ([29]). Въ 1767 году, по рекомендаціи того же Голицына, Ека-

---

([28]) Memoirs of the princesse Daschkaw, T. II, стр. 160.

([29]) Тамъ же, Т. I, стр. 169. Любопытно сужденіе Дидро объ этомъ сочиненіи: „Оно показалось мнѣ—говоритъ онъ въ характеристикѣ княгини Дашковой—какимъ-то романтическимъ сплетеніемъ (a tissue of romance), лишеннымъ дѣйствительнаго знанія фактовъ и лицъ; но не пройдетъ и двухъ столѣтій, какъ признана будетъ вся историческая

терина вызвала изъ Парижа Мерсье де Ла-Ривьера (бывшаго прежде интендантомъ на островѣ Мартиникѣ), одного изъ друзей Дидро, который вѣроятно и предложилъ его русскому послу; но прославленный публицистъ, авторъ сочиненія «L'ordre naturel et essentiel des societés politiques,» не оправдалъ ожиданій императрицы, и вскорѣ уѣхалъ изъ Россіи (30). Извѣстно также, что Голицынъ находился въ перепискѣ съ Вольтеромъ, которая, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ писемъ Фернейскаго философа, главнымъ образомъ касалась Россіи и Екатерины. «Если бы меня спросили — писалъ Вольтеръ князю Голицыну въ Гагу отъ 19 іюня 1773 года — почему я такъ расположенъ къ вамъ, я отвѣчалъ бы: потому что вы терпимы (tolérant), справедливы и благотворительны» (31). Вольтеръ не даромъ говорилъ о терпимости личныхъ убѣжденій князя Голицына: въ то время русскій посланникъ былъ занятъ въ Гагѣ перепечаткою запрещенной во Франціи книги своего покойнаго друга Гельвеція (1715—1771) «О духѣ.»

Дидро зажился у Голицыныхъ, какъ надобно думать, въ ожиданіи Нарышкина, который долженъ былъ сопровождать его въ Петербургъ, — и

важность (all the authority of history) этого сочиненія.“ Тамъ же, Т. II, стр. 186.

(30) Въ своихъ *Запискахъ* (Mémoires, T. III, стр. 34—35) Сегюръ передаетъ намъ разсказъ самой Екатерины о забавныхъ затѣяхъ въ *Москвѣ* Де-ла Ривьера, вообразившаго себя ея первымъ министромъ, разсказъ, дословно повторенный и Вейдемейеромъ (*Дворъ*, ч. I, стр. 70—71). Но въ *Воспоминаніяхъ* Тьебо дѣло разсказывается нѣсколько иначе: „Au moment où Catherine II résolut de donner un nouveau code à son vaste empire, elle demanda au prince de Gallitzin, son ministre à Paris, s'il ne pourrait pas lui procurer le secours d'un homme digne de confiance en ce genre de connaissances. Le prince proposa Mercier de la Rivière, dont il fit un grand éloge: le marché fut conclu et ratifié, à condition que Mercier de la Rivière se rendrait auprès de l'imperatrice avant l'époque pour laquelle elle avait convoqué à Moscou ses députés de toutes ses provinces de l'empire. M. de la Rivière n'arriva à Saint-Pétersbourg que sept ou huit jours après le départ de l'impératrice; Catherine fut mécontente: M. de la Rivière ne la vit qu'une fois après son retour de Moscou, et il se décida bientôt à demander l'agrément de sa majesté pour revenir en France. M. de la Rivière fut très fâché de ce voyage. Il se plaignit hautement et avec énergie et de la souveraine, et de ses ministres, et du pays“ (Oeuvres complètes de Voltaire, T. X, стр. 473).

(31) Въ *Сочиненіяхъ* Вольтера (T. XII и XIII) напечатано пять писемъ его къ князю Голицыну: одно отъ 1765, два отъ 1767, одно 1769 и одно отъ 1773 года.

только въ концѣ августа пустился въ дорогу. Прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ, мы замѣтимъ, что сообщаемыя Розенкранцомъ данныя о путешествіи Дидро извлечены, главнымъ образомъ, изъ собственныхъ его писемъ къ дѣвицѣ Воланъ, и потому точнѣе тѣхъ, которыя обыкновенно приводятся, точнѣе даже тѣхъ, которыя находимъ въ разсказѣ его дочери ([32]).

«22 августа — разсказываетъ Розенкранцъ — Дидро, въ сопровожденіи императорскаго камергера Нарышкина, отправился въ Петербургъ. Въ Дюссельдорфѣ, на который лежалъ его путь, онъ осматривалъ картинную галлерею ([33]). Сколько скучное, столько же и опасное пространство между Кёнигсбергомъ и Мемелемъ онъ воспѣлъ въ дошедшемъ до насъ стихотвореніи: «La poste entre Koenigsberg et Memel.» Проѣзжая берегомъ Куришъ-гафа, гдѣ дорога печально тянулась между двумя пустынями, съ одной стороны, пустыней песку, съ другой — моря, онъ страшно боялся, чтобы его не поглотили волны того или другаго. Время прибытія его въ Петербургъ неизвѣстно. Въ письмѣ къ дѣвицѣ Воланъ, отъ 29 декабря, онъ говоритъ, что двѣ недѣли страдалъ отъ невской воды, но что теперь чувствуетъ себя лучше. Онъ думалъ остановиться у друга своего Фальконета, который такъ часто приглашалъ его въ Петербургъ; но тотъ принялъ его довольно холодно и отказалъ ему въ помѣщеніи у себя, извиняясь тѣмъ, что у него нѣтъ свободной комнаты, а та, которая была для него приготовлена, занята теперь его сыномъ, недавно къ нему пріѣхавшимъ. Это очень огорчило Дидро и на нѣкоторое время произвело между ними охлажденіе. Онъ переѣхалъ къ Нарышкину, который во все время пребыванія его въ Петербургѣ оказывалъ ему величайшее вниманіе. Увидѣвъ въ мастерской Фальконета модель ([34]) конной статуи Петра Великаго, онъ написалъ къ нему теплое письмо (отъ

([32]) Разсказъ г-жи Вандёль и нѣкоторыя изъ писемъ Дидро, относящіяся къ поѣздкѣ его въ Петербургъ, переведены кн. П. А. Вяземскимъ и помѣщены въ приложеніи къ его книгѣ „Фонъ-Визинъ,“ на стр. 310—317 (Спб. 1848).

([33]) Екатерина съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала Дидро и очень сожалѣла, узнавъ, что онъ заболѣлъ въ дорогѣ. „J'attendais Diderot d'un moment à l'autre, писала она Вольтеру отъ $\frac{15}{26}$ сентября 1773 года; mais je viens d'apprendre, à mon grand regret, qu'il est tombé malade à Duisbourg“ (Oeuvres complètes de Voltaire, T. X, стр. 467—468).

([34]) Эта модель была окончена еще въ іюнѣ 1769 года.

6 декабря), въ которомъ выражалъ свое удивленіе его созданію. Изъ этого видно, что онъ по прежнему продолжалъ любить Фальконета и какъ художника, и какъ человѣка. Но въ томъ же письмѣ онъ вступилъ съ нимъ въ споръ о конѣ статуи Марка Аврелія въ Капитоліи: еще въ 1771 году Фальконетъ написалъ объ этомъ конѣ книгу, въ которой, подъ вліяніемъ не совсѣмъ возвышеннаго чувства, старался унизить достоинства этого изваянія.» Надо замѣтить впрочемъ, что Фальконетъ могъ быть въ этомъ дѣлѣ, если не вполнѣ безпристрастнымъ, то вполнѣ компетентнымъ судьею: извѣстно, что работая въ Петербургѣ надъ моделью конной статуи Петра Великаго, онъ усердно занимался изученіемъ анатоміи лошади, выписалъ себѣ изъ Рима снимки головы, ногъ и бедръ коня Марка Аврелія, сравнивалъ ихъ съ другими художественными произведеніями и съ природой.

Дидро очень уважалъ и любилъ Фальконета, хотя не всегда сходился съ нимъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Онъ хорошо зналъ неровности его характера. Еще въ 1765 году, по поводу художественной выставки ([35]) въ Парижѣ, онъ сдѣлалъ общую характеристику Фальконета, гдѣ коснулся и личныхъ качествъ его, какъ человѣка. Въ этой характеристикѣ онъ ставитъ его необыкновенно высоко и говоритъ, что въ немъ соединяются самыя противоположныя свойства. Онъ вѣжливъ и грубъ, ласковъ и суровъ, мягокъ и ѣдокъ, шутливъ и серьезенъ. Это философъ, который умѣетъ читать и размышлять, который ни во что не вѣруетъ — и знаетъ почему. Это добрый отецъ семейства, уже давно потерявшій свою любовницу, къ которой былъ сильно привязанъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся мрачнымъ и задумчивымъ Сколько ревнивъ онъ къ славѣ между современниками, столько же равнодушенъ къ славѣ въ потомствѣ, и не далъ бы ни одного экю для увѣковѣченія изящнѣйшей изъ своихъ статуй ([36]), — мнѣніе, по поводу котораго, въ томъ же году, Дидро, какъ

([35]) Или *салона* (salon), какъ говорятъ Французы. Между рукописями Дидро, хранящимися въ императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ, подъ № 3[c]4 каталога, значится цѣлый рядъ его „Salons“ (статей о художественныхъ выставкахъ въ Парижѣ), написанныхъ имъ съ 1759 по 1781 годъ

([36]) Кромѣ упомянутыхъ уже выше „Милона Кротонскаго“ и „Грозящаго Купидона“, назовемъ еще „Пигмаліона“, „Купальщицу“, „Христа“ для цер. St. Roch, „Ифигенію“, „Амвросія“ для дома Инвалидовъ, извѣстнѣйшія изъ статуй Фальконета.

мы знаемъ, завязалъ переписку съ Фальконетомъ, когда послѣдній находился уже въ Петербургѣ. Онъ ставитъ его выше Пигаля, произведенія котораго составляютъ не болѣе, какъ вѣрное и живое подражаніе природѣ, безъ всякой идеализаціи. Но, не смотря на дружбу свою къ Фальконету, онъ произноситъ строгое сужденіе на счетъ выполненія деталей въ его прекрасномъ барельефѣ, который изображаетъ Александра, уступающаго свою любовницу Кампаспу (Campaspe) живописцу Апеллесу.

Дидро, какъ видно изъ этой характеристики, давно уже былъ знакомъ съ неровностями въ нравѣ Фальконета, и потому вопреки увѣренію г-жи Вандель, мы думаемъ, что добрыя отношенія между ними не измѣнились и въ Петербургѣ. На отношенія эти набѣжало только легкое облачко недоразумѣнія, что вѣроятно случалось и прежде, и какъ прежде, скоро разсѣялось, не оставивъ по себѣ никакой тѣни. «Душа твоя превосходная»—писала нѣкогда Екатерина Фальконету ([37]). Дидро долженъ былъ знать эту душу такъ же хорошо, какъ и Екатерина—и извинять странности въ характерѣ великаго художника. Притомъ, разрывать старыя дружескія связи было вовсе не въ свойствахъ Дидро, обладавшаго золотымъ сердцемъ.

«Императрица—продолжаемъ разсказъ Розенкранца—дозволила Дидро свободный входъ къ себѣ ежедневно, отъ трехъ часовъ по полудни до шести. Много часовъ провелъ онъ у нея въ кабинетѣ, свободно бесѣдуя съ ней обо всѣхъ возможныхъ предметахъ, особенно о законодательствѣ и образованіи Россіи. Порой, въ пылу оживленнаго разговора, онъ трепалъ ее по колѣнямъ, и она вовсе не оскорблялась этимъ. Она совершенно очаровала его, и онъ увѣрялъ, что у нея душа Брута въ образѣ Клеопатры. Онъ далеко не былъ созданъ для жизни въ кругу придворныхъ, и они, естественно, столько же завидовали ему, сколько и подсмѣивались надъ нимъ. Они ожидали отъ него не болѣе, какъ легкихъ, остроумныхъ рѣчей—и нашли въ немъ слишкомъ много серьезности и разсудительности. Впрочемъ онъ не далъ имъ замѣтить въ себѣ ни одной слабости. Онъ явился къ императрицѣ въ простомъ черномъ платьѣ. Она подарила ему цвѣтной, подбитый мѣхомъ, парадный кафтанъ и муфту. Изъ ученыхъ, съ которыми ему случалось встрѣчаться въ Петербур-

---

([37]) Рус. Арх. 1867, стр. 1264.

гѣ, онъ упоминаетъ только о «добромъ и почтенномъ» Эйлерѣ. Онъ довольно хорошо переносилъ петербургскій климатъ, только сильный холодъ причинялъ ему жестокую боль въ груди. Пріѣздъ Гримма въ Петербургъ доставилъ ему большое удовольствіе» ([38]).

Считаемъ не лишнимъ дополнить этотъ краткій разсказъ Розенкранца о пребываніи Дидро въ Петербургѣ нѣсколькими чертами, заимствованными отчасти изъ воспоминаній дочери Дидро и его писемъ, отчасти изъ другихъ источниковъ. Прежде всего замѣтимъ, что Дидро былъ очень доволенъ своей поѣздкой въ Петербургъ; лучшей, по его словамъ, нельзя было бы и совершить; время ея онъ называлъ наисчастливѣйшимъ въ жизни для своего самолюбія. Онъ не могъ забыть гостепріимства и радушія Нарышкиныхъ, въ домѣ которыхъ прожилъ все время пребыванія своего въ Петербургѣ, до самаго отъѣзда. Все что̀ онъ потомъ разсказывалъ своей дочери о ласкахъ, одолженіяхъ, изъявленіяхъ дружбы и уваженія къ нему всего семейства Нарышкиныхъ, исполнило ее живѣйшею благодарностью и преданностію къ каждому, кто носилъ ихъ имя. Дочь его помнила, что объ Екатеринѣ онъ говорилъ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ. Отправляясь въ Петербургъ, онъ думалъ прожить тамъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Надо будетъ представиться императрицѣ, поблагодарить ее за оказанное ему благодѣяніе; мѣсяцъ спустя, она, можетъ быть, пожелаетъ его видѣть, спроситъ о чемъ-нибудь; черезъ мѣсяцъ онъ откланяется ей и возвратится. Такъ—замѣчаетъ Дидро—обошлось бы все дѣло при какомъ бы то ни было дворѣ, за исключеніемъ петербургскаго. Здѣсь пришлось ему прожить вмѣсто предполагаемыхъ двухъ мѣсяцевъ — пять, видѣться и говорить съ императрицей не на двухъ-трехъ оффиціальныхъ представленіяхъ, а почти ежедневно, запросто, въ ея кабинетѣ, проводить здѣсь по нѣскольку часовъ въ своемъ любимомъ tête-à-tête съ нею, въ откровенномъ, свободномъ разговорѣ обо всемъ, что̀ ни приходило въ голову. И въ какое время императрица оказывала Дидро столько вниманія? Въ самое трудное время своего царствованія, когда она была озабочена въ высшей степени, съ одной сто-

---

([38]) Впрочемъ Гриммъ (род. 25 декабря 1723 года въ Регенсбургѣ, ум. 19 декабря 1807 года въ Готѣ), пріѣхалъ въ Петербургъ нѣсколько раньше Дидро, какъ видно изъ письма Екатерины къ Вольтеру отъ $\frac{15}{26}$ сентября (Oeuvres, т. X, стр. 467).

роны, затянувшеюся войною съ Турціей, съ другой—Пугачевскимъ бунтомъ, развившимся до страшныхъ размѣровъ и угрожавшимъ самому существованію государства.

Иностранные дипломаты при русскомъ дворѣ никакъ не могли понять этихъ простыхъ, человѣческихъ отношеній между великою государыней и великимъ писателемъ, и объясняли ихъ по-своему. Такъ лордъ Каткартъ, не задолго до выѣзда своего изъ Петербурга, писалъ въ своей депешѣ отъ 3 декабря 1773 года: «Дидро теперь съ императрицею въ Царскомъ Селѣ, гдѣ продолжаетъ вести политическія интриги. Всѣ письма его исполнены восторженныхъ похвалъ (des panégyriques) императрицѣ, которую онъ изображаетъ существомъ необыкновеннымъ (comme un être au dessus de l'humanité). Не менѣе грубо льстилъ онъ и великому князю; но этотъ молодой принцъ—къ чести его—высказалъ столько же презрѣнія къ низкому ласкательству, сколько и отвращенія къ пагубнымъ началамъ этого мнимаго философа» ([39]).

Очень можетъ быть, что великій князь холодно принялъ Дидро, когда тотъ ему представился, холодно обходился съ нимъ при встрѣчахъ и впослѣдствіи, такъ какъ въ немъ вообще не замѣчалось особенной симпатіи къ лицамъ, къ которымъ расположена была императрица; но Каткартъ совершенно ошибся, заподозривъ Дидро въ веденіи политическихъ интригъ и объясняя грубою лестью тотъ энтузіазмъ, съ которымъ онъ въ въ своихъ письмахъ говорилъ объ Екатеринѣ. Дидро никогда не былъ политикомъ, а тѣмъ менѣе политическимъ интригантомъ. Если въ разговорахъ съ Екатериною онъ и касался иногда политики, то преимущественно политики внутренней. Что касается до энтузіазма въ отзывахъ его объ Екатеринѣ, то онъ исходилъ изъ самаго чистаго источника—изъ чувства удивленія къ ней, его благодѣтельницѣ, великой государынѣ и необыкновенно привлекательной женщинѣ.

Дидро не засталъ въ Петербургѣ княгини Дашковой, которая, не задолго до его прибытія, выѣхала въ Москву. Но онъ часто и съ удовольствіемъ вспоминалъ объ ней, и въ разговорахъ съ императрицею, и въ разговорахъ съ Фальконетомъ и его *воспитанницей* ([40]), онъ хлопо-

---

([39]) La cour de Russie il y a cent ans, стр. 276 (Troisième édition. Berlin. 1860).

([40]) „Falconet, his *elève* and myself, talk of you from time to time"—писалъ къ ней Дидро (*Записки* Дашковой, т. II, стр. 169). Эта воспитанница

талъ объ исполненіи какого-то важнаго ея порученія, для чего ему надо было видаться съ ея братомъ ([41]). Онъ даже думалъ было побывать у нея въ Москвѣ; но «бѣдная машина, разстроенная утомительнымъ путешествіемъ, окутанная отъ холода шубой въ пятьдесятъ фунтовъ вѣсомъ, разбитая, исковерканная, дрожащая, по истинѣ достойная состраданія, шатающаяся, сморщившаяся и укоротившаяся въ половину своего размѣра» — эта жалкая машина не позволила ему исполнить его намѣренія. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ двухъ писемъ Дидро къ княгинѣ Дашковой, которыя издательница ея *Записокъ*, госпожа Брадфордъ, помѣстила между приложеніями къ нимъ, въ англійскомъ переводѣ. Оба письма изъ Петербурга: одно отъ 24 декабря, нов. ст. (1773), другое отъ 23 января 1774 года ([42]). Первое изъ нихъ имѣетъ для насъ особенный интересъ, потому что сообщаетъ нѣсколько данныхъ о пребываніи Дидро въ Петербургѣ. «Ничего не можетъ быть вѣрнѣе — пишетъ онъ къ княгинѣ въ Москву:—я дѣйствительно въ Петербургѣ. На шестидесятомъ году возраста я проѣхалъ восемь или девять сотенъ миль (lieues), покинулъ жену, дочь, родныхъ, друзей, знакомыхъ, чтобы засвидѣтельствовать уваженіе великой государынѣ, моей благодѣтельницѣ. Что вы скажете обо мнѣ? Хорошо я поступилъ? Я увѣренъ, что вашъ отвѣтъ будетъ отвѣтомъ женщины съ душой, съ чувствомъ и, сверхъ того съ порядочнымъ запасомъ того качества, безъ котораго ни въ чемъ нельзя стать выше посредственности, и которое называется *энтузіазмомъ*. Со всѣмъ тѣмъ, во время моего путешествія, я дважды рисковалъ жизнію, хотя жизнь въ разлукѣ съ тѣми, кого мы любимъ и кто насъ любитъ, не много стоитъ. Можетъ быть, вернувшись домой, я перестану хвалиться моею неустрашимостью.»

была, вѣроятно, пріѣхавшая съ Фальконетомъ дѣвица Колло (Collot), изваявшая, какъ извѣстно, голову всадника конной статуи Петра Великаго.

([41]) Графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ (1741—1805), тогда тайнымъ совѣтникомъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи.

([42]) Этого кн. П. А. Вяземскій не зналъ (1848), говоря, что „сохранилось только одно письмо Дидро, писанное изъ Петербурга, и то въ нѣсколькихъ строкахъ, къ пріятельницѣ его дѣвицѣ Воланъ“ („Фонъ-Визинъ“, стр. 312).—Кстати замѣтить, что въ императорской публичной библіотекѣ находится 139 писемъ его къ дѣвицѣ Воланъ (Diderot's Leben, т. II, стр. 8).

«Я имѣлъ честь очень часто бывать у ея императорскаго величества, гораздо чаще, чѣмъ смѣлъ надѣяться. Я нашелъ ее совершенно такою, какъ вы описывали мнѣ ее въ Парижѣ: у нея душа Брута въ очаровательномъ образѣ Клеопатры ([43]). Велика она на тронѣ, но, какъ частное лицо, она вскружила бы головы тысячамъ. Никто не обладаетъ такимъ умѣньемъ дѣлать людей непринужденными, какъ она. Виноватъ, милостивая государыня, я забылъ, что въ этомъ отношеніи вы не уступите ей: я знаю это по собственному опыту. Самая ничтожная или мелочная вещь получаетъ цѣну подъ рукой императрицы или вашей. Вы, конечно, помните, какъ свободно я могъ говорить съ вами въ *Rue de Grenville*. Такою же свободою, какъ бывало у васъ, я пользуюсь и во дворцѣ ея императорскаго величества: говорю все, что ни придетъ въ голову — умно, можетъ быть, что мнѣ самому кажется глупымъ, а можетъ быть — и очень глупо, что мнѣ самому кажется умнымъ. Вѣрно то, что идеи, перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ.»

«Но сказать ли вамъ правду? Отъ трехъ очаровательныхъ часовъ, черезъ каждые два дня, остается у меня слишкомъ много досуга, и я обязанъ спасеніемъ отъ *скуки* занятіямъ и попеременнымъ приливамъ здоровья и нездоровья. Я постоянно долженъ или работать мыслію, или страдать; но страдать, по-моему, все таки лучше чѣмъ зѣвать.»

Розенкранцъ разсказываетъ, что, отправляясь въ Россію, Дидро обѣщалъ Анживилье привезти образцовъ сибирскаго мрамора—и сдержалъ слово, подаривъ ему, въ небольшомъ ящикѣ, очень хорошее собраніе ихъ. Химику Дарсе онъ обѣщалъ достать образцовъ штуфа, и также не забылъ исполнить обѣщаніе. Изъ письма его къ княгинѣ Дашковой мы узнаёмъ, что за этими образцами онъ обращался къ Демидову. «Если бъ я попросилъ васъ—писалъ онъ ей — объ одномъ одолженіи, неужели вы отказали бы мнѣ въ немъ? Разумѣется, нѣтъ. И такъ, подкрѣпите своимъ ходатайствомъ просьбу Нарышкина, который долженъ получить для меня отъ извѣстнаго Демидова (его мнѣніе о Французахъ не лучше вашего, но онъ дѣлаетъ исключеніе въ мою пользу, разумѣется, изъ простой вѣжливости), изъ его кабинета естественной исторіи, нѣсколько

([43]) „One who possesses the soul of Brutus, with all the fascinations of Cleopatra". Memoirs of the princesse Daschkaw. т. II, стр. 166.

образцовъ ископаемыхъ, минераловъ, раковинъ, и т. п. Этотъ Демидовъ, хотя нѣсколько желчный и необщительный, однако очень достойный человѣкъ, которому не нужно часто напоминать о данномъ имъ обѣщаніи, особенно потому, что онъ много обязанъ д-Обертену (d'Aubertin) лестнымъ пріемомъ въ кабинетѣ естественной исторіи. Попросите, пожалуйста, и о томъ, чтобъ подаренные имъ образцы были поименованы и перенумерованы.» При этомъ Дидро приложилъ и небольшой каталогъ главнѣйшихъ образцовъ, которые желалъ имѣть, оговорившись напередъ, что если Демидовъ будетъ такъ добръ и увеличитъ число ихъ, то онъ отнюдь не будетъ пенять на него за это (44).

Исполняя порученія своихъ парижскихъ знакомыхъ на счетъ составленія минералогическихъ коллекцій въ Россіи — съ тѣмъ же вниманіемъ и заботливостью, съ какими онъ впослѣдствіи покупалъ для нихъ рѣдкія книги въ Голландіи. Дидро занималъ свою любознательную мысль изученіемъ явленій окружавшаго его міра, такъ мало походившаго на тотъ, въ которомъ онъ дотолѣ вращался. Съ особеннымъ интересомъ относился онъ къ русской музыкѣ, въ которую уже тогда начали входить мотивы народныхъ пѣсенъ. «Я учусь здѣсь всему — писалъ онъ княгинѣ Дашковой — всему, чему могу учиться. И для этого есть два пути: первый состоитъ въ томъ, чтобы спрашивать у другихъ, чего мы сами не знаемъ, и спрашивать именно у тѣхъ, кто знаетъ дѣло, — такимъ образомъ мы можемъ попасть на истину; другой путь выбрасывать изъ своей головы всякую засѣвшую тамъ нелѣпость: стоитъ только разъ отъ нея освободиться, и она ужь больше не воротится къ намъ. — Кстати, милостивая государыня: вы пишете стихи, я также могу писать ихъ; но ваши всегда прелестны, а мои рѣдко. Вы можете пѣть ихъ, и ваша го-

---

(44) Демидовъ, о которомъ говоритъ здѣсь Дидро, есть конечно Павелъ Григорьевичъ (род. 29 декабря 1738, умеръ 1 іюля 1821 года), основатель Ярославскаго училища высшихъ наукъ (29 апрѣля 1805 г.). Онъ много занимался естественными науками и за границей и въ Россіи. У него былъ драгоцѣнный кабинетъ естественной исторіи, въ составъ котораго вошла пріобрѣтенная имъ въ Парижѣ покупкою большая коллекція естественныхъ произведеній, госпожи Клеронъ, и который впослѣдствіи онъ принесъ въ даръ Московскому университету. Дидро могъ видѣться съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ пробылъ вѣроятно недолго, воротившись въ Россію изъ своей заграничной поѣздки, въ 1773 году.

лосовая музыка всегда нѣжна, разнообразна, плѣнительна, и, смѣю сказать, сладострастна. Что касается до меня, то я могу только чувствовать всю прелесть ея, но не больше этого. Какъ вы счастливы, княгиня, съ своей вдохновенной любовью къ музыкѣ! Это самое могущественное изъ изящныхъ искусствъ. Вліяніе музыки, подобно вліянію любви, необъятно: она доставляетъ высокое удовольствіе и, можетъ быть, еще больше утѣшенія. Госпожа Бороздина, поющая прекрасно и владѣющая очень пріятнымъ голосомъ, обѣщала мнѣ нѣсколько народныхъ пѣсенъ. Но я боюсь, чтобы она не забыла даннаго слова: она слишкомъ разсѣяна, слишкомъ окружена поклоненіемъ и ѳиміамомъ, слишкомъ безпечна» (45).

Тотъ энтузіазмъ, съ какимъ Дидро говорилъ объ Екатеринѣ въ письмахъ своихъ изъ Петербурга, подъ живымъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ ея личности, нисколько не охладѣлъ и по выѣздѣ его изъ Петербурга: стоитъ только прочесть отзывъ его объ ней въ письмѣ изъ Гаги, отъ 15 іюня 1774 года, чтобы убѣдиться въ этомъ: «Ахъ, друзья мои! — писалъ онъ въ Парижъ — что за государыня! что за необыкновенная женщина! Нельзя заподозрить похвалу мою, ибо я обвелъ щедрость ея самыми тѣсными границами; надобно же будетъ вѣрить мнѣ, когда опишу ее собственными ея рѣчами; надобно же будетъ признаться вамъ всѣмъ, что это душа Брута въ образѣ Клеопатры: мужество одного и прелести послѣдней; непостижимая твердость въ мысляхъ (une tenue incroyable dans les idées), со всею обольстительностью и возможною легкостью въ выраженіи; любовь истины, доведенная до высшей степени; знаніе быта и дѣлъ государства своего, знаніе, которое не уступитъ вашему въ домашнемъ хозяйствѣ» (46).

Каково же было впечатлѣніе, произведенное на Екатерину знаменитымъ энциклопедистомъ? Что думала и говорила она объ немъ? Еще во время пребыванія его въ Петербургѣ она не разъ высказывала свое мнѣніе объ немъ въ письмахъ къ Вольтеру. Такъ, отъ 27 декабря 1773 года (7 января 1774), она писала къ нему: «Философъ Дидро, еще не совсѣмъ оправившійся въ здоровьи, пробудетъ у насъ до февраля, когда намѣренъ предпринять обратный путь въ отечество. Къ тому же

---

(45) Memoirs, т. II, стр. 166—172.

(46) Дидеротъ въ Петербургѣ (приложеніе къ книгѣ кн. Вяземскаго „Фонъ-Визинъ“), стр. 315—316.

времени думаетъ уѣхать и Гриммъ. Я очень часто видаюсь съ ними, и разговоры наши нескончаемы. Оба они могутъ засвидѣтельствовать предъ вами, какъ высоко я уважаю Генриха IV, *Генріаду*, и автора многихъ другихъ сочиненій, составляющихъ славу нашего вѣка. Не знаю, весело ли имъ въ Петербургѣ; что касается до меня, то я не устала бы говорить съ ними всю жизнь. Я нахожу въ Дидро неистощимое воображеніе и считаю его однимъ изъ необыкновенныхъ, когда-либо существовавшихъ людей. Если онъ и не жалуетъ Мустафы ([47]), какъ вы пишете мнѣ, то все же не хочетъ ему зла: для этого у него слишкомъ много доброты сердца, при всей силѣ его ума и желаніи мнѣ успѣха.» Извѣщая Вольтера (довольно впрочемъ поздно) о появленіи самозванца ([48]) и объ отправленіи противъ него генерала Бибикова, Екатерина писала (отъ $^{8}/_{19}$ января 1774 года): «Вы понимаете, что этотъ вздоръ (cette incartade de l'espèce humaine) отнюдь не мѣшаетъ мнѣ наслаждаться удовольствіемъ бесѣды съ Дидро. Это необыкновенно умный человѣкъ, съ такими свойствами сердца, какія я желала бы имѣть всѣмъ людямъ.» Наконецъ, черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Дидро изъ Петербурга, императрица писала Вольтеру (отъ $^{4}/_{15}$ марта): «Дидро отправился въ Парижъ. Бесѣды наши были очень часты, и его пребываніе въ Петербургѣ доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Такіе люди рѣдки. Ему не легко было разставаться съ нами; насъ разлучила только привязанность его къ семейству» ([49]).

Изъ этихъ отзывовъ видно, что Екатерина хорошо поняла и вѣрно оцѣнила всѣ прекрасныя стороны въ личности Дидро; но она не высказалась вполнѣ передъ его пріятелемъ. Они находила величайшее наслажденіе въ бесѣдѣ съ Дидро, который, по единогласному свидѣтельству всѣхъ современниковъ, лично знавшихъ его, обладалъ даромъ блестящей, необыкновенно увлекательной рѣчи. У него у самого былъ порядочный запасъ того качества, котораго онъ требовалъ отъ княгини Дашко-

---

([47]) Мустафа III, турецкій султанъ, вступилъ на престолъ въ 1757 году, умеръ 24 декабря 1773.

([48]) «Je m'attends — писала она Вольтеру о Пугачевѣ — à voir les oisifs fort occupés d'un voleur de grand chemin qui pille le gouvernement d'Orembourg, et qui tantôt, pour effrayer les paysans, prend le nom de Pierre III, et tantôt celui de son employé.»

([49]) Oeuvres complètes de Voltaire, т. X, стр. 469—471.

вой, и безъ котораго, по его замѣчанію, ни въ чемъ нельзя стать выше посредственности: энтузіазмъ составлялъ существенное свойство его натуры. Онъ говорилъ съ энтузіазмомъ, весь отдаваясь предмету рѣчи, особенно въ небольшомъ кругу, съ глазу-на-глазъ, — и рѣчь его была живой, могучей импровизаціей: госпожа Неккеръ не могла наслушаться его и желала, чтобы секретарь, за спиной его, записывалъ все, что онъ говоритъ. Понятно восхищеніе Екатерины, слушавшей Дидро. По словамъ ея, она не устала бы говорить съ нимъ всю жизнь: но какъ далеко она готова была слѣдовать его идеямъ?

Германъ, въ своей «Исторіи Русскаго государства,» коснувшись отношеній Екатерины къ Дидро, говоритъ слѣдующее: «Въ концѣ 1773 года Дидро и Гриммъ, которыхъ императрица не разъ приглашала къ себѣ, пріѣхали въ Петербургъ. Оба приняты были отлично. Съ первымъ она бесѣдовала ежедневно, послѣ обѣда. Обычнымъ предметомъ ихъ разговоровъ были философія, законодательство и политика. Дидро, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, развивалъ основныя мысли свои о свободѣ и народномъ правѣ. Казалось, императрица была въ восхищеніи отъ его словъ, однакожь не выказала ни малѣйшаго расположенія дѣйствовать въ ихъ смыслѣ. Дидро — говорила она — разсуждаетъ иногда, какъ столѣтній старецъ, а иногда, какъ десятилѣтній ребенокъ» ([50]).

Много лѣтъ спустя по выѣздѣ Дидро изъ Петербурга, когда его уже не было въ живыхъ, Екатерина еще яснѣе высказалась на счетъ практической приложимости идей, которыя онъ развивалъ предъ нею съ такимъ энтузіазмомъ. Въ 1787 году, во время Таврическаго путешествія, она вспомнила о Дидро и разсказала Сегюру слѣдующее: «Я долго и часто съ нимъ бесѣдовала, но болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я послушалась его, то пришлось бы все перевернуть въ моемъ государствѣ: законы, администрацію, политику, финансы — уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно было бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности, и ему самому такъ думалось; ибо,

---

([50]) Этотъ разсказъ заимствованъ Германомъ изъ Кастера: «Monsieur Diderot — говорила Екатерина — a cent ans à bien des égards, mais à d'autres il n'en a que dix.» — Geschichte des russischen Staats von Dr. Ernst Herrmann, т. V, стр. 658 (Hamburg, 1853).

по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ великихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: «Господинъ Дидро! Я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ: она гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми (je travaille sur la peau humaine), которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги.» Я увѣрена, что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мною только о литературѣ: политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ» ([51]).

Екатерина ошиблась. И послѣ этого разговора Дидро не измѣнилъ своего высокаго мнѣнія объ ней: съ тѣмъ же энтузіазмомъ, какъ въ Петербургѣ, онъ, какъ мы видѣли, отзывался объ ней и мѣсяца три спустя по выѣздѣ изъ Петербурга. Онъ только долженъ былъ убѣдиться въ неприложимости своихъ началъ къ русской почвѣ, которой вовсе не зналъ, и которую такъ хорошо знала императрица—убѣжденіе грустное; но онъ могъ успокоиться на мысли, высказанной имъ княгинѣ Дашковой, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ только-что приведеннаго разговора, что «идеи,перенесенныя изъ Парижа въ Петербургъ, принимаютъ совсѣмъ другой цвѣтъ.»

Екатерина могла не сходиться съ Дидро и по восточному вопросу и по вопросамъ внутренней политики, но она не могла отказать ему въ глубокомъ уваженіи, не могла не отдать должной справедливости и благородству его характера и чистотѣ его побужденій. Его поведеніе при ея дворѣ было честно и возвышенно. Во все время пребыванія своего въ Петербургѣ онъ не подалъ ни малѣйшей поживы недоброжелательству. «Если бы я пожелалъ черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, пи-

---

([51]) Mémoires ou souvenirs et anecdotes, par m. le comte de Ségur, т. III, стр. 37—38 (3—me éd., Paris, 1827).

салъ онъ впослѣдствіи, то вѣроятно дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру во мнѣ парижскимъ невѣрующимъ» ([52]). Дидро ничего не искалъ у императрицы, ничего не надѣялся и ничего не опасался — и потому въ отношеніи къ ней могъ сохранить всю свою нравственную свободу. Это впрочемъ не помѣшало одному изъ «петербургскихъ злоязычниковъ» обвинить его впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими энциклопедистами, въ тщеславіи, шарлатанствѣ и корыстолюбіи. Но вотъ что писалъ Дидро княгинѣ Дашковой во второмъ письмѣ своемъ изъ Петербурга (отъ 23 января 1774 года): «Въ этомъ мірѣ есть только три вещи, достойныя осужденія въ людяхъ: пристрастіе къ богатству, почестямъ и жизни. Что касается до меня, мои потребности такъ невелики, что презирать богатство для меня ничего не стоитъ. Кусокъ хлѣба, бѣлаго или чернаго — все равно, кружка чистой воды, нѣсколько книгъ, другъ и по временамъ прелесть живой женской бесѣды — вотъ все, что̀, съ чистою совѣстью, мнѣ нужно. Почести, не возлагающія на насъ никакихъ обязанностей, суть не болѣе, какъ игрушки, бросаемыя на забаву взрослымъ дѣтямъ. Для меня прошелъ тотъ возрастъ, когда эти вещи могутъ нравиться; впрочемъ, припоминая прошлое, я право не знаю, когда онѣ имѣли для меня особенную привлекательность. Если съ ними соединяются важныя должности — тогда другое дѣло... Что касается до жизни, то признаюсь вамъ, мнѣ такъ же легко съ ней разстаться, какъ выпить рюмку шампанскаго» ([53])...

Но не такъ легко было разстаться ему съ Петербургомъ. Объ этомъ, какъ мы знаемъ, писала Вольтеру сама императрица; объ этомъ же можно заключать и изъ одного мѣста въ письмѣ его къ княгинѣ Дашковой. Извѣщая ее о сборахъ своихъ къ отъѣзду изъ Петербурга, онъ пишетъ: «Здѣсь есть одно праздное дитя Парижа, пріѣхавшее въ Петербургъ. Онъ тащитъ меня назадъ къ женѣ, которая сведетъ меня съ ума, когда я увижу ее; къ дѣтямъ, которыхъ шалости придется долго исправлять; къ друзьямъ, которые, десять на одного, за одинъ день удовольствія заплатятъ цѣлымъ мѣсяцомъ скорби; къ знакомымъ, которые будутъ пѣть, смѣяться и ликовать отъ радости какъ будто мое присутствіе, безъ котораго они отлично могли бы обойтись, крайне необходимо

([52]) Дидеротъ въ Петербургѣ, стр. 313.

([53]) Memoirs of the princesse Daschkaw, т. II, стр. 172—173.

для ихъ удовольствія; къ моимъ соотечественникамъ, изъ которыхъ одна половина ложится спать въ безуміи отъ своего разоренія, а другая — въ отчаяніи отъ мысли, что бѣдняки проснутся и начнутъ раздѣлываться съ грабителями. Такъ почему же вы не остаетесь тамъ, гдѣ вамъ такъ хорошо теперь? спросите вы; или почему бы не ѣхать въ Москву, гдѣ я могу предложить вамъ отдыхъ, кругъ людей, съ которыми вы можете бесѣдовать откровенно и по душѣ, ваше любимое божество, *Sacro-Santo Far Niente*, и полное счастіе, нарочно для васъ приготовленное? Потому, милостивая государыня, что я безумецъ, и потому, что мудрость ваша, моя и мудрость всего міра состоитъ въ неспособности управлять ходомъ обстоятельствъ, которыя, не смотря на всѣ усилія наши въ борьбѣ съ ними, всегда надъ нами торжествуютъ» ([54]).

Дѣло въ томъ, что Дидро скучалъ по дому и въ февралѣ собрался въ дорогу. «Екатерина осыпала бы его щедрыми милостями говоритъ профессоръ Розенкранцъ, если бы только онъ пожелалъ ихъ: изъ одного письма ея къ Вольтеру ([55]) видно, что она была искренно расположена къ нему, съ чѣмъ и поздравлялъ его Вольтеръ. Но онъ испросилъ себѣ у императрицы только свободнаго отъ путевыхъ расходовъ возвращенія въ отечество и на память отъ нея—какой-нибудь бездѣлки, которую бы она сама носила. Она подарила ему перстень съ рѣзнымъ камнемъ: онъ дорожилъ имъ болѣе всего на свѣтѣ.»

4 марта (нов. стиля) 1774 года, послѣ пятимѣсячнаго пребыванія, онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ каретѣ, которая, по приказанію императрицы, была изготовлена собственно для него — такимъ образомъ, чтобы онъ могъ въ ней дорогою и ѣсть и спать. Она дала ему въ провожатые любезнаго и расторопнаго человѣка, котораго звали *Бала*. При переѣздѣ черезъ Двину, въ Ригѣ, онъ чуть было не утонулъ въ рѣкѣ, которая готова уже была тронуться ([56]). На паромѣ, въ Митавѣ, ему едва не переломило руки и плеча, и тридцать человѣкъ съ величайшими усиліями могли поставить на паромъ его карету.

([54]) Тамъ же, стр. 174—175.

([55]) Отрывокъ изъ него переведенъ нами выше стр 360.

([56]) „Когда вспомню переѣздъ нашъ чрезъ Двину по растреснувшимъ льдинамъ, писалъ онъ впослѣдствіи, изъ подъ коихъ вода выбивалась кругомъ насъ, а онѣ подымались и опускались подъ тяжестью кареты и трещали по сторонамъ, то и теперь дрожу еще отъ ужаса“ (Дидеротъ въ Петербургѣ, стр. 314).

Онъ ѣхалъ почти безостановочно до самой Гаги, гдѣ съ радостнымъ нетерпѣніемъ ожидали его князь Голицынъ и его жена. Фридрихъ приглашалъ его заѣхать къ нему въ Берлинъ, но онъ не принялъ этого приглашенія, боясь вѣроятно подвергнуться чрезмѣрному напряженію силъ въ сферѣ берлинской придворной жизни, а можетъ быть, и не желая дѣлить чувствъ своего обожанія между Екатериною и Фридрихомъ. Впрочемъ послѣдній, въ письмѣ своемъ къ д'Аламберу, отъ 7 января 1774 года, отзывается объ немъ не совсѣмъ благосклонно: «Я слыхалъ, что Дидро въ Петербургѣ наводитъ на всѣхъ скуку, потому что пережевываетъ все одно и тоже. Я самъ, такой терпѣливый читатель, не могу осилить его сочиненій, потому что въ нихъ звучитъ самодовольный, высокомѣрный тонъ, возмущающій инстинктъ моей свободы.» Прежде Фридрихъ интересовался Энциклопедіей, и еще до Екатерины предложилъ ея редакторамъ перенести продолженіе этого изданія къ нему въ Берлинъ. Предложеніе было отклонено благодарственнымъ письмомъ д'Аламбера. Очень можетъ быть, что и Дидро, со своей стороны, также опасался, чтобы такая могущественная личность, какова была личность Фридриха, не стѣснила инстинкта его свободы.

5 апрѣля ([57]), ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Петербурга, Дидро, черезъ Гамбургъ, прибылъ въ Гагу, здоровый — какъ писалъ онъ своимъ роднымъ—и менѣе утомленный этимъ далекимъ путемъ, нежели бывалъ иногда отъ прогулки. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ несчастнаго паденія на паромѣ, въ Митавѣ, дорога во все время его переѣзда была благопріятная; погода, какъ нарочно, стояла отличная: тѣмъ не менѣе на пути онъ побросалъ четыре изломанныя кареты.

Можно представить себѣ, какъ обрадовались Голицыны пріѣзду Дидро. Онъ опять поселился у нихъ и провелъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, окруженный заботливостью и любовью этого семейства.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма его, отъ 15 іюня 1774 года, изъ Гаги, которыя живо характеризуютъ его отношенія къ Голицынымъ и ближе знакомятъ насъ съ привлекательною личностью самой княгини ([58]). «Не опасайтесь за меня, писалъ Дидро: мы ложимся

([57]) Какъ видно изъ письма самого Дидро изъ Гаги, отъ 9 апрѣля 1774 года. У Розенкранца ошибкою сказано: 15 апрѣля.

([58]) Княгиня Амалія Самуиловна Голицына, дочь прусскаго фельдмаршала, графа Самуила фонъ-Шметау, супруга князя Дмитрія Алек-

спать рано, почти не ужинаемъ. Не имѣю еще духа приняться за работу; надобно дать время окрѣпнуть развинтившимся членамъ моимъ; это дѣло сна, и я, съ возвращенія моего, сплю часовъ восемь и девять безъ просыпа. Князь занятъ своими политическими дѣлами; княгиня ведетъ жизнь едва ли сродную съ ея молодостью, легкостью ума и веселыми свойствами: она выѣзжаетъ мало, рѣдко принимаетъ у себя гостей, имѣетъ учителей исторіи, математики, языковъ; охотно оставляетъ придворный пиръ, чтобы во-время пріѣхать домой къ назначенному уроку, старается нравиться мужу, заботится сама о воспитаніи дѣтей, отказалась отъ богатыхъ нарядовъ, встаетъ и ложится спать рано, и жизнь моя размѣрена на ихъ домашній ладъ. Мы охотно споримъ до бѣшенства; я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями княгини; хотя мы оба заражены страстью къ древности, но князь будто обязался намъ во всемъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, Китайцы честнѣйшіе люди въ свѣтѣ, и такъ далѣе. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши вмѣшивается одна веселость и живость, и частица самолюбія для приправы. Князь, который пріобрѣлъ такъ много картинъ,охотнѣе соглашается, что онъ въ нихъ толку не знаетъ, нежели сознается въ знаніи другаго любителя.» (59).

Въ это время у Голицыныхъ часто встрѣчался съ Дидро шведъ Біёрнстэль, въ письмахъ котораго мы находимъ подтвержденіе сообщенныхъ Розенкранцомъ данныхъ о путешествіи Дидро. Въ письмѣ изъ Гаги, отъ 31-го октября 1774 года, Біёрнстэль говоритъ о Дидро между прочимъ слѣдующее («Björnstählis Briefe aus seinen ausländischen Reisen an den königlichen Bibliothekar Gjöwell. Aus dem Schwedischen von Groskind,» III, 217 – 233): «Онъ пользуется очень высокимъ уваженіемъ князя и княгини Голицыныхъ. Да и кто могъ бы не уважать его высоко? Онъ такъ пріятенъ и милъ въ обращеніи, такъ живъ и веселъ, рѣчь его такъ поучительна, такъ полна новыхъ и неожиданныхъ мыслей, что ему нельзя не удивляться. Онъ охотно говоритъ съ глазу-на-глазъ; но въ многолюдныхъ собраніяхъ онъ мало интересенъ: вотъ почему въ Петербургѣ онъ могъ понравиться далеко не всѣмъ.»

сѣевича Г., род. въ 174[illegible], ум. въ 1806 году („Словарь русскихъ писательницъ“ въ Рус. Арх. 1865 года, стр. 1161).

(59) Дидеротъ въ Петербургѣ, стр. 317.

Фридрихъ, какъ мы видѣли, прямо писалъ д'Аламберу: Дидро въ Петербургѣ наводитъ на всѣхъ скуку, потому что пережевываетъ все одно и тоже. Петербургскіе придворные также находили въ немъ слишкомъ много серьезности и разсудительности. По всему видно, что впечатлѣніе, произведенное имъ на тогдашнее петербургское общество, было незначительно. Да онъ, кажется, рѣдко и появлялся въ немъ, и если не жаловался на скуку, въ то время, какъ не бывалъ у императрицы, такъ только благодаря «занятіямъ и поперемѣннымъ приливамъ здоровья и нездоровья.»

Со словъ Нэжона, друга Дидро, Розенкранцъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ его петербургской жизни. Разъ сидѣлъ онъ, вмѣстѣ съ Эйлеромъ, въ обществѣ русскихъ вельможъ и заспорилъ съ ними объ одномъ вопросѣ изъ механики. Дѣло шло о приложеніи параллелограма силъ. Дидро горячо отстаивалъ свое мнѣніе. Эйлеръ молчалъ. Русскіе могли думать, что послѣдній не раздѣляетъ его мнѣнія. Тогда Дидро твердымъ и громкимъ голосомъ попросилъ Эйлера произнести свое компетентное въ этомъ дѣлѣ сужденіе: Эйлеръ объявилъ, что господинъ Дидро совершенно правъ.

Дидро могъ быть совершенно правъ, но надо полагать, что возбужденный имъ споръ о приложеніи параллелограма силъ не показался особенно интереснымъ большинству того общества, въ которомъ онъ находился.

Спѣша домой, Дидро располагалъ оставаться въ Гагѣ весьма недолго, а между тѣмъ прожилъ въ ней до начала сентября! Впрочемъ — не безъ дѣла. Есть основаніе думать, что во время этого втораго пребыванія въ Голландіи онъ занимался сочиненіемъ очень подробнаго описанія этой страны («Voyage de Hollande»). Кромѣ того, у него было и другое дѣло, требовавшее его присутствія въ Голландіи. Изъ писемъ его въ Парижъ видно, что ему поручено было императрицею изданіе «Плановъ и уставовъ различныхъ заведеній, основанныхъ въ имперіи государынею для образованія юношества и блага всѣхъ ея подданныхъ.» На немъ лежалъ трудъ стилистической отдѣлки и корректуры этихъ «Плановъ и уставовъ,» вышедшихъ въ Амстердамѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Les plans et les statuts des différents établissemens ordonnés par sa majesté impériale Chatherine II pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de son empire, écrits en langue russe par Monsieur Betzky, et traduits en langue française d'après les originaux par Monsieur Clerc. Un bon prince est sem-

blable à la divinité à qui l'on ne peut rien offrir, qui ne fasse partie de ses bienfaits» (2 тома, Амстердамъ, 1775) ([60]).

По окончаніи этихъ трудовъ, Дидро могъ наконецъ оставить Гагу, и съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ подъѣзжать къ Парижу ([61]), послѣ отсутствія, продолжавшагося почти полтора года, можно видѣть изъ слѣдующихъ заключительныхъ словъ его «Путешествія по Голландіи:» Passons vite à Roye et à Senlis, puisqu'il nous reste assez de jour pour arriver à Paris. Mais voilà, je crois, ma femme et ma fille, qui viennent au devant de moi. Ah! qu'il est doux, mes amis, de se trouver entre les bras de ceux, qui nous sont chers, après en avoir été séparé si longtemps!» Наконецъ онъ возвратился въ Парижъ — и могъ обнять дорогихъ его сердцу жену и дочь. Дочь нашла, что онъ похудѣлъ, но былъ все также веселъ, чувствителенъ и добръ. «Сочти мое бѣлье — сказалъ онъ женѣ; тебѣ не за что будетъ журить меня: я не потерялъ ни одного носоваго платка.»

Кромѣ изданія труда Бецкаго, Екатерина поручила Дидро еще другое дѣло, исполненіе котораго онъ долженъ былъ отложить до возвращенія своего въ Парижъ, такъ какъ въ Гагѣ, за другими занятіями, онъ не могъ посвятить ему достаточно времени и вниманія. Мы видѣли, что главнымъ предметомъ бесѣдъ его съ императрицею, кромѣ литературы и философіи, было законодательство и образованіе Россіи. Мы знаемъ, что предложенныя имъ реформы должны были измѣнить или, скорѣе, уничтожить весь существующій порядокъ вещей въ государствѣ и построить общество на новыхъ началахъ, на тѣхъ великихъ началахъ свободы и народнаго права, которыя съ такимъ краснорѣчіемъ развивалъ онъ предъ Екатериною. Мы имѣемъ основаніе думать, что въ числѣ этихъ реформъ была и крестьянская, на необходимости которой Дидро сильно

([60]) Второе французское изданіе этой книги вышло въ Невшателѣ, въ 2 ч., 1777, въ-8. Русскій оригиналъ явился еще въ 1774 г., въ 2 ч., въ Спб., въ—4, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Учрежденія и уставы, касающіяся до воспитанія и обученія въ Россіи обоего пола юношества“. Вторично онъ изданъ подъ заглавіемъ: „Собраніе учрежденій и предписаній, касательно воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества, съ прочими въ пользу общества установленіями.“ 3 ч., съ планами и виньетами. Спб. 1789—1791, въ—4 (Сопиковъ, ч. IV и V. № 11,039 и 12,346).

([61]) По словамъ его дочери — въ первыхъ числахъ октября 1774 года.

настаивалъ еще въ 1770 году, въ разговорѣ съ княгинею Дашковой — и долженъ былъ еще сильнѣе настаивать въ 1773—1774 годахъ, въ эпоху Пугачевщины, въ разговорѣ съ Екатериной. Императрица отступила предъ «несбыточными теоріями» Дидро; но мыслямъ его о народномъ образованіи она придавала, кажется, болѣе практическаго значенія. По крайней мѣрѣ, она поручила ему составить проэктъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Этотъ проектъ написанъ былъ имъ въ Парижѣ, въ 1774 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Plan d'une université pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences.»

Профессоръ Розенкранцъ посвятилъ нѣсколько страницъ своей книги анализу этого «плана университета для русскаго правительства» (слово *université* надо понимать здѣсь во французскомъ смыслѣ, какъ совокупность всѣхъ публичныхъ учебныхъ заведеній).

Планъ Дидро не только представляетъ замѣчательный фактъ для исторіи народнаго образованія въ Россіи, о правильномъ устройствѣ котораго Екатерина, какъ видно, помышляла задолго еще до учрежденія коммиссіи о заведеніи народныхъ училищъ ([62]), но и не лишенъ интереса по отношенію къ нашему времени.

Къ сожалѣнію, этотъ планъ, сколько извѣстно намъ, не изданъ вполнѣ и до сихъ поръ, и потому считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько данныхъ о рукописяхъ его.

Въ 1813 году Сюаръ (Suard), другъ Дидро, въ то время, если не ошибаемся, секретарь Института ([63]), сообщилъ Гизо рукопись во 170 страницъ, отъ начала до конца писанную рукою Дидро, съ поправками и подчистками. Это былъ планъ, очевидно, черновой, по смерти его составителя попавшій въ руки Сюара. Гизо, издававшій въ то время «Annales de l'éducation.» сдѣлалъ изъ этой рукописи большое извлеченіе и напечаталъ его въ своемъ журналѣ (въ нумерахъ отъ 15 ноября до 15

([62]) Коммиссія для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ учреждена была 7 сентября 1782 года именнымъ указомъ Екатерины, даннымъ тайному совѣтнику Завадовскому и дѣйст. ст. сов. Эпинусу и Пастухову (П. С. З., т. XXI, № 16,507).

([63]) Нашъ Батюшковъ видѣлъ этого Сюара въ 1814 году, въ Парижѣ, во время торжественнаго засѣданія Института, 21 апрѣля (Рус. Арх. 1867 г., стр. 1460).

декабря 1813, VIII – XI, и 15 января 1814 годовъ). По смерти Сюара, она возвращена была его вдовѣ и вѣроятно уничтожена. Сдѣланныя Гизо извлеченія вошли потомъ въ *сочиненія* Дидро (Oeuvres de D. Diderot. Edition Brière, Paris. 1825. T XII, стр. 150 –234). Не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ, они согласны съ разборомъ, который Нэжонъ посвятилъ этому сочиненію въ своихъ *Запискахъ* о Дидро (Mémoires historiques et philosophiques sur la vie et les oeuvres de Diderot), помѣщенныхъ въ Edition Brière (т. XXI, стр. 352—375). Стало быть, Сюаровская рукопись была у него подъ руками.

Но былъ ли составленный Дидро планъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ?

Еще до изданія біографіи Дидро, профессоръ Розенкранцъ, въ 1862 году, въ числѣ другихъ иностранныхъ педагоговъ, приглашенный нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія сообщить свои замѣчанія на вырабатывавшіеся тогда проэкты уставовъ университетовъ, общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ, обратилъ вниманіе нашего правительства на это сочиненіе Дидро и тогда же писалъ, что Дидро, кажется, не посылалъ его въ Петербургъ, отчего оно и не находится между рукописями Эрмитажа, какъ онъ могъ убѣдиться изъ копіи каталога находящихся тамъ рукописей Дидро. «Вѣроятно, — говорилъ онъ тогда — Дидро умеръ во время этой работы, и рукопись попала въ руки его друга Сюара.» Но эта догадка Розенкранца оказалась невѣрною, и онъ самъ поспѣшилъ исправить свою ошибку слѣдующею замѣткою, сообщенною имъ статсъ-секретарю Танѣеву. «Въ каталогѣ сочиненій Дидро, входящихъ въ составъ Эрмитажной библіотеки (переданной въ императорскую публичную библіотеку), значится подъ № 391 «Plan d'une université et d'une bibliothèque,» съ объясненіемъ въ скобкахъ — publié. Такъ какъ рукопись, которая принадлежала Сюару и которою руководствовался Гизо, была написана самимъ Дидро, то нѣтъ сомнѣнія, что петербургскій манускриптъ есть списокъ съ подлинника. Слова *et d'une bibliothèque* подтверждаютъ указаніе Гизо, состоящее въ томъ, что Дидро, при составленіи учебнаго плана, обозначилъ съ тѣмъ вмѣстѣ и учебники, которые должны были быть приняты въ руководство въ каждомъ классѣ по предметамъ, къ нимъ относящимся.» ([64]).

([64]) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проэкты уставовъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1863, стр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Розенкранцъ, какъ это видно изъ вышедшей теперь монографіи его о Дидро, отказался и отъ другаго своего предположенія, будто Дидро умеръ во время самой работы надъ этимъ планомъ, и прямо отнесъ его составленіе къ 1774 году.

Перейдемъ теперь къ содержанію плана. Но прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что Розенкранцъ, хотя и умалчиваетъ объ этомъ, не имѣлъ, кажется, подъ руками петербургской рукописи плана, и въ своемъ разборѣ долженъ былъ ограничиться извлеченіями, сдѣланными изъ него Гизо.

Планъ распадается на двѣ главныя части. Въ первой Дидро совѣтуетъ императрицѣ, при организаціи учебныхъ заведеній въ Россіи, принять въ образецъ систему нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ изъ *народныхъ школъ*, *гимназій* и *университетовъ*. Такимъ образомъ Дидро первый указалъ Екатеринѣ на эту систему, начало осуществленія которой она положила впослѣдствіи учрежденіемъ главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ и которой полное осуществленіе принадлежитъ уже позднѣйшему времени ([65]). Онъ довольно вѣрно описываетъ нѣмецкія учебныя заведенія, при чемъ выставляетъ на видъ выгоды такихъ порядковъ, которые на первый взглядъ могутъ поразить своею странностью. Сильное пристрастіе его къ протестантскимъ учебнымъ заведеніямъ, удивительное во Французѣ, надо объяснять вліяніемъ нѣмецкихъ друзей его, особенно Гримма, которые могли внушить ему высокое объ нихъ понятіе. Какъ человѣка весьма опытнаго въ педагогикѣ, онъ рекомендуетъ императрицѣ лейпцигскаго профессора Эрнести: пусть только она обратится къ нему и скажетъ, что дѣлаетъ это по его рекомендаціи. ([66])

309—310. Не по мысли ли Дидро, Екатерининская коммиссія, въ своемъ планѣ устройства главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ, обозначила и изданные ею учебники по каждому предмету преподаванія и для каждаго класса? (См. Высочайше утвержденный уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской имперіи, 5 августа 1786 года, въ П. С. З., т. XXII, № 16,421).

([65]) Кромѣ народныхъ школъ и университетовъ, Екатерина думала основать и гимназіи, какъ посредствующее звѣно между ними; объ нихъ упоминается въ уставѣ училищамъ.

([66]) Мы не знаемъ, обращалась ли Екатерина къ Эрнести. Въ указѣ объ учрежденіи коммиссіи для заведенія въ Россіи народныхъ училищъ она называетъ другое лицо: „Для удобнѣйшаго изъясненія — говоритъ она — призвали мы одного изъ трудившихся въ устроеніи таковыхъ

Во второй части своего труда Дидро набрасываетъ планъ *университета* — въ нѣмецкомъ смыслѣ — со всѣми четырьмя факультетами. Первое мѣсто однако даетъ онъ факультету философскому, за которымъ слѣдуютъ у него — юридическій, богословскій и медицинскій. Въ заключеніе, онъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ университетской полиціи. Онъ предвидитъ наступленіе того времени, когда учреждены будутъ въ удобныхъ для того мѣстностяхъ особыя заведенія — *земледѣльческія* и *ремесленныя школы*. Преимущественно занимается онъ факультетомъ *философскимъ*, который называетъ Faculté des arts.

Этотъ факультетъ онъ подраздѣляетъ на три курса. Первый состоитъ изъ восьми классовъ: 1) Ариѳметика, алгебра, исчисленіе вѣроятностей, геометрія. 2) Законы движенія и паденія тѣлъ — свободнаго или по наклонной плоскости, сила центробѣжная и сила притяженія, механика и гидравлика. 3) Окружность и шаръ, система міра, вычисленіе затмѣній, движеніе небесныхъ тѣлъ, или астрономія, гномоника. 4) Естественная исторія, опытная физика. 5) Химія, анатомія. 6) Логика и критика, всеобщая философическая грамматика. 7) Отечественный языкъ. 8) Языки греческій и латинскій, поэзія и краснорѣчіе или изученіе изящныхъ искусствъ ([67]).

Второй курсъ состоитъ только изъ двухъ классовъ. Въ первомъ читается 1) объ основныхъ началахъ метафизики, или о различіи обѣихъ субстанцій: о бытіи Бога, о безсмертіи души и о будущихъ наказаніяхъ; 2) о всеобщей морали; 3) объ естественной религіи; 4) о религіи откровенной.

«Религія — говоритъ Дидро — есть освященіе откровенной и соединенной съ естественною моралью божественной воли. Чтенія этого класса можно было бы заключить строгимъ доказательствомъ справедливости той мысли, что, вообще говоря, самое лучшее средство достигнуть воз-

---

народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія его величества императора Римскаго, директора сихъ училищъ въ Темесварскомъ уѣздѣ, Ѳедора Янковича, знающаго языкъ Россійскій и нашъ православный законъ исповѣдующаго“ (П. С. З., т. XXI, № 16,507).

([67]) Прежде Розенкранцъ писалъ, что эти восемь классовъ составляютъ первое изъ двухъ главныхъ отдѣленій, на которыя Дидро подраздѣляетъ философскій факультетъ, обнимающее собственно то, что теперь (т. е. по новымъ проэктамъ уставовъ) заключаютъ въ себѣ прогимназія и гимназія (Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ, стр. 309).

можнаго для человѣка на землѣ счастія есть быть добрымъ — проведя эту мысль или чрезъ сравненіе съ невыгодами порока, или даже чрезъ сравненіе его выгодъ съ выгодами добродѣтели Если немногіе умѣютъ пользоваться своими способностями для сохраненія и увеличенія своего матеріальнаго благосостоянія, то нищета есть такой могущественный врагъ честности, а потеря имущества составляетъ такое частое явленіе и влечетъ за собою такія гибельныя для воспитанія дѣтей послѣдствія, что я прибавилъ бы еще сюда элементы экономической науки, или *искусства домоводства*, искусства, которое такъ высоко цѣнилось Греками и Римлянами.»

Во второмъ классѣ преподаются исторія, миѳологія, географія и хронологія.

Третій курсъ идетъ параллельно двумъ первымъ: онъ долженъ быть общимъ для всѣхъ воспитанниковъ въ продолженіе ихъ ученія и заключаетъ въ себѣ только одинъ классъ—для рисованія и перспективы. Дидро желаетъ, чтобы съ обученіемъ рисованію соединено было также обученіе хорошему чтенію и письму.

«Ошибочное произношеніе и дурное письмо говоритъ Дидро — составляютъ два весьма сходные недостатка: это зиканіе для глазъ и ушей.»

Говоря о богословскомъ факультетѣ, Дидро не преминулъ войти въ разсмотрѣніе тѣхъ затрудненій, въ которыя можетъ ставить правительства даже самый благонамѣренный священникъ, ибо онъ опирается на авторитетъ, стоящій выше государева ([68]). Нэжонъ въ восхищеніи отъ этой полемики, что̀ и понятно. Атеисту религія представляется безуміемъ, потому что для него вовсе не существуетъ предметъ, къ которому

([68]) Опасеніе Дидро произошло отъ незнанія отношеній нашего духовенства къ верховной власти, и Екатерина, исключая богословскій факультетъ изъ проэктированныхъ ею университетовъ, едвали могла руководствоваться этимъ опасеніемъ. Вотъ что она писала: „Богословскій факультетъ не долженъ входить въ университеты: ибо по правиламъ, отъ предковъ нашихъ принятымъ и отъ насъ свято наблюдаемымъ, ученіе богословія присвоено училищамъ духовнымъ, изъ коихъ не токмо двѣ духовныя академіи, Московская Заиконоспаская и Кіевская, тѣмъ факультетомъ снабдены, но и всякая семинарія можетъ завести сіе ученіе.“ (О составленіи плана для заведенія университетовъ во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ—именной указъ, данный Коммиссіи объ учрежденіи училищъ 29 января 1786 года. П. С. З., т. XXII, № 16.315).

она относится. Дидро согласенъ съ мнѣніемъ императрицы, что атеизмъ, какъ дѣло убѣжденія, можетъ быть только достояніемъ небольшой школы, и говоритъ, что для массъ необходима религія, составляющая надежное средство къ удержанію ихъ отъ пущаго безумія. Потому храмы представляются ему чѣмъ-то въ родѣ предохранительныхъ клапановъ противъ разрушительныхъ взрывовъ фанатическаго помѣшательства, всегда тайно бродящаго въ большихъ массахъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, предложенный Екатеринѣ знаменитымъ энциклопедистомъ планъ организаціи учебныхъ заведеній въ Россіи.

Теперь возникаетъ любопытный вопросъ: какъ отнесся Дидро въ своемъ планѣ къ изученію древнихъ языковъ?

Еще прежде, разбирая проэкты уставовъ нашихъ учебныхъ заведеній, профессоръ Розенкранцъ, по поводу плана Дидро, коснулся и этого вопроса, но отвѣчалъ на него очень коротко. «Замѣчательно, писалъ онъ тогда, какъ у Дидро проглядываетъ столкновеніе между реализмомъ и идеализмомъ, какъ онъ цѣнитъ изученіе древнихъ языковъ, преимущественно греческаго, однакожь, согласно съ своимъ временемъ, и ограничиваетъ, желая, напротивъ того, расширенія математики, физики, химіи и беллетристики» (69). Теперь онъ высказался по этому вопросу гораздо полнѣе и опредѣленнѣе. Видно, что Дидро не придавалъ большой образовательной и воспитательной силы изученію классическихъ языковъ и допускалъ его только для цѣлей спеціальныхъ. «Въ планѣ своемъ— прямо говоритъ теперь біографъ Дидро — онъ является приверженцемъ педагогическаго *реализма*. Хотя онъ страстно любилъ греческій и латинскій языкъ и литературу, но изученіе ихъ онъ думалъ ограничить только тѣми, для кого знаніе классической древности составляетъ необходимое условіе будущей дѣятельности, или кто посвящаетъ себя ученой жизни. Кромѣ того, ему казалось, что на изученіе древнихъ языковъ употребляется слишкомъ много времени, которое все уходитъ въ занятіяхъ однѣми формами и которое болѣе производительно можетъ быть употреблено на изученіе другихъ предметовъ и новыхъ языковъ (70). Онъ предчувствовалъ наши реальныя школы.»

---

(69) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ, стр. 309.

(70) Тѣмъ не менѣе, въ своемъ планѣ, Дидро, какъ мы видѣли, помѣстилъ и греческій и латинскій языки. Любопытно, что по плану Екатерининской коммиссіи во всѣхъ четырехъ классахъ главныхъ на-

Профессоръ Розенкранцъ вовсе не можетъ быть названъ приверженцемъ педагогическаго реализма. Хотя онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проэкты уставовъ нашихъ учебныхъ заведеній, покоряясь духу времени, и допускаетъ совмѣстное существованіе у насъ реальныхъ и классическихъ гимназій, однако всѣ симпатіи его видимо на сторонѣ послѣднихъ. «Въ филологическихъ гимназіяхъ—говоритъ онъ — греческій и латинскій языки должны быть изучаемы со всею основательностью, иначе преподаваніе ихъ безполезно. Богатство, образованность и свобода этихъ языковъ не могла бы насъ заставить такъ высоко цѣнить ихъ, если бы они не имѣли въ то же время классической литературы. Мы часто говоримъ, какъ будто однѣ формы этихъ языковъ насъ образуютъ; но тутъ много содѣйствуетъ и содержаніе, которое насъ привлекаетъ и воспитываетъ своимъ неоцѣнимымъ совершенствомъ. Когда мы учимся латинскому и греческому языкамъ, мы знакомимся въ то же время съ самыми интересными всемірными фактами, съ важнѣйшими всеобщими категоріями, съ разнообразнѣйшими понятіями,—другими словами, съ самымъ избраннымъ реализмомъ. Правда, изученіе этихъ языковъ можетъ быть низведено до простаго механизма, если учить только слова, правила и фразы. Это самое можно дѣлать и при всякомъ другомъ предметѣ, даже при математикѣ, если неопытный и неспособный преподаватель заставляетъ учить наизусть доказательства теоремъ.» Потому, обращая вниманіе нашего правительства на проэктъ Дидро, Розенкранцъ ограничился только слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Проектъ Дидро, совершенно отвлеченный, совсѣмъ лишенъ точнаго знакомства съ мѣстными и національными свойствами Россіи, и теперь можетъ имѣть цѣну только для исторіи педагогики, хотя въ немъ и разбросаны многія цѣнныя, остроумныя, пригодныя и теперь, замѣчанія» ([71]).

родныхъ училищъ (соотвѣтствовавшихъ, хотя и не вполнѣ, нынѣшнимъ уѣзднымъ), кромѣ языка русскаго и одного изъ иностранныхъ, „какой по сосѣдству каждаго намѣстничества, гдѣ главное училище находится, быть можетъ полезнѣе по употребленію его въ общежитіи“ — должны были еще преподаваться основанія латинскаго „для желающихъ ученіе свое продолжать въ вышнихъ училищахъ, какъ то: гимназіяхъ и университетахъ.“ Такимъ образомъ для людей Екатерининскаго времени высшее образованіе было немыслимо безъ латинскаго языка (П. С. З. т. XXII, № 16, 421).

([71]) Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ, стр. 304 и 309.

Съ тѣхъ поръ взглядъ Розенкранца нѣсколько измѣнился— и теперь, въ своей біографіи Дидро, онъ придаетъ педагогическому реализму его плана болѣе широкое значеніе въ отношеніи къ современной русской дѣйствительности. «Планъ Дидро—говоритъ онъ въ заключеніе своего разбора—былъ абстрактно-раціональный, отправлявшійся отъ утилитарной точки зрѣнія и не обращавшій никакого вниманія на особенное положеніе Россіи, которую составитель его зналъ слишкомъ мало. Теперь, сто лѣтъ спустя, при императорѣ Александрѣ II, выработанъ былъ коммиссіей въ Россіи проектъ учебнаго устава, въ которомъ, согласно съ требованіями новаго времени, сдѣлали опытъ приведенія въ надлежащую мѣру обученія древнимъ языкамъ съ потребностью обученія новымъ и вообще обученія языкамъ съ потребностью обученія реальнымъ наукамъ. Дидро понялъ возрастающее значеніе техническаго образованія. Россія, самое молодое изъ образованныхъ государствъ Европы, призванное къ воспитанію дикарей сѣверной Азіи, открывшее теперь доступъ къ просвѣщенію столькимъ милліонамъ освобожденныхъ крестьянъ, должна стать совсѣмъ на новую точку зрѣнія, которая, въ общихъ чертахъ, указана планомъ Дидро.»

Мы не намѣрены подымать здѣсь вопроса объ историческомъ призваніи Россіи. Каково бы ни было оно, мы думаемъ, что, въ дѣлѣ образованія, Россіи не за чѣмъ становиться на новую точку зрѣнія, оставивъ ту, которая выработана вѣковымъ опытомъ образованныхъ европейскихъ народовъ, къ семьѣ которыхъ она принадлежитъ.

Немного остается досказать намъ изъ исторіи отношеній Дидро къ Екатеринѣ. Розенкранцъ не касается болѣе этихъ отношеній во все остальное время жизни своего героя. Десять лѣтъ еще прожилъ Дидро по возвращеніи изъ Петербурга. Но поѣздка эта не обошлась ему дешево: онъ заплатилъ за нее разстройствомъ здоровья. Онъ началъ страдать грудью и ногами. Послѣдніе три-четыре года въ немъ видимо совершался процессъ разрушенія, хотя онъ сохранялъ всю живость ума. 19 февраля 1784 года у него открылось сильное кровохарканіе; черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ ударъ. Немного оправившись отъ него, Дидро сталъ замѣчать, что опухоль ногъ, которою онъ страдалъ, начала подыматься выше. Оказалась водяная, противъ которой были безсильны всѣ средства медицины. Они могли только облегчить нѣсколько его страданія. Старый другъ его, Белль, перевезъ его къ себѣ на дачу, гдѣ ухаживалъ

за нимъ, какъ за роднымъ. Тогда-то новый знакъ вниманія со стороны Русской императрицы оживилъ на нѣсколько дней угасавшую жизнь Дидро. Она вспыхнула послѣднимъ яркимъ пламенемъ—живѣйшей признательности къ Екатеринѣ, оставшейся до конца его «благодѣтельницею.» Тридцать лѣтъ прожилъ онъ въ домѣ, на углу улицъ Taranne и St.-Benoît, занимая четвертый этажъ; на пятомъ помѣщалась его библіотека. Врачъ объявилъ, что ему нельзя болѣе всходить по лѣстницѣ, не подвергая жизни своей серьезной опасности; но его никакъ нельзя было уговорить къ перемѣнѣ квартиры. Тогда Гриммъ обратился къ императрицѣ, которая приказала нанять для него великолѣпную квартиру на Ришельевской улицѣ ([72]). Переѣхавъ въ городъ, Дидро дней двѣнадцать прожилъ еще въ новомъ своемъ помѣщеніи, которое нашелъ восхитительнымъ.

Въ субботу, 30 іюля 1784 года, его не стало.

Императрица пожаловала пенсію его вдовѣ.

М. Шугуровъ.

10 декабря, 1867.

([72]) Такимъ образомъ заимствованное у Сегюра показаніе Вейдемейера о томъ, будто Екатерина *купила* для Дидро домъ въ Парижѣ, оказывается не вѣрнымъ (Дворъ, ч. I, стр. 139. Mémoires, т. III, стр. 38).

ОБРЯДЪ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕМЪ ШЕСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

чрезъ харьковское намѣстничество.

1-е. На границѣ Харьковскаго съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, у тріумфальныхъ воротъ и пирамидъ, ожидаютъ господа: въ должности генералъ-губернатора, губернаторъ съ 12-ю драгунами при одномъ оберъ-и унтеръ-офицерѣ; господа губернской и уѣздные предводители, депутаты и дворянство, 1) кромѣ дворянъ Харьковскаго, Золочевскаго и Волчанскаго уѣздовъ (о коихъ, гдѣ имъ быть, ниже сказано) сколько можно въ большемъ количествѣ, имѣя съ собою и верховыхъ лошадей въ предписанномъ приборѣ; чего для на сей высокій, знаменитый случай во всѣхъ мѣстахъ уволить и судей отъ присутствія, оставя въ каждомъ судебномъ мѣстѣ, для неостановленія текущихъ дѣлъ, по одному присутствующему; а при томъ остаются же въ своихъ мѣстахъ городничіе, капитаны-исправники, казначеи и стряпчіе. И для встрѣтенія Ея Императорскаго Величества да станутъ съ правой стороны дороги въ должности генералъ-губернатора и губернаторъ, за ними отступя на одинъ шагъ дворянской губернской предводитель, а отступя отъ него тоже на шагъ уѣздные предводители съ депутатами предъ дворянствомъ своихъ уѣздовъ, отстоящихъ отъ нихъ на одинъ же шагъ; а Валковскаго уѣзда дворянской предводитель съ дворянами на правой у нихъ рукѣ верхами, ровняясь предводитель съ прочими предводителями, дворяне съ дворянствомъ, а драгуны 12 человѣкъ по лѣвую руку, съ своимъ оберъ-и унтеръ-офицеромъ по 6 человѣкъ въ рядъ; а какъ отъ границы до города Харькова 38 верстъ, и по толикому же числу порядочно одѣтыхъ гражданъ, по лѣвой у нихъ рукѣ, верхами 24 человѣка Валковскаго уѣзда войсковыхъ обывателей съ хорошими лошадьми и приборомъ, да и въ

кафтанахъ изъ синяго или другаго какова цвѣта или бѣлаго своего рукодѣлія, только не изъ серемяжнаго сукна; а предъ ними верхомъ же земской исправникъ Валковскаго уѣзда съ двумя засѣдателями. Между тѣмъ, какъ скоро покажутся передовые сея Высочайшея свиты, произвести 71 пушечной выстрѣлъ, для чего и привезть туда изъ Зміева или откуда удобнѣе 4 пушки съ снарядами и людьми, кои бъ стрѣлять умѣли; но во время проѣзда, чрезъ мостъ на Жгунѣ, стрѣльбу прекратить, пока не переѣдутъ всѣ кареты. 2) По приближеніи къ тріумфальнымъ воротамъ Ея Императорскаго Величества заиграть на трубахъ и литаврахъ, и всѣ да сдѣлаютъ подлежащій поклонъ: а въ самое то время, когда станутъ откланиваться (передъ ними жъ капитанъ-исправникъ съ засѣдателями, въ передѣ его) если сыщутся 4 почталіона, на рожкахъ играть умѣющіе, кои, какъ скоро тронуться съ мѣста кареты, заиграютъ на рожкахъ, и при всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мосты и переправы тожъ повороты, играютъ на оныхъ, такъ какъ и при въѣздѣ въ Мерефу.

3) На межѣ Валковскаго съ Харьковскимъ уѣздомъ подлѣ сдѣланной піедестали и отъ сельскихъ жителей постановленныхъ (тріумфальныхъ изъ зелени съ вензелевымъ Ея Императорскаго Величества именемъ изъ полевыхъ цвѣтковъ) воротъ, ожидаютъ дворянской предводитель Харьковскаго уѣзда и дворянской депутатъ съ дворянами верхами.

О Мерефѣ 4) По проѣздѣ Мерефянской плотины ожидать обывателямъ Мерефянскимъ пѣшимъ, въ лутчей ихъ одеждѣ, а особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ по ихъ обыкновенію цвѣтками, наблюдая, чтобъ отнюдь никого въ раздранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было; при проѣздѣ императорской кареты да сдѣлаютъ они всѣ обыкновенной поклонъ, и лутчіе обыватели могутъ поднести по обычаю ихъ хлѣбъ и соль на глиняномъ блюдѣ; а женщины, если сыщутся хорошіе и душистые цвѣтки и травы, связавъ изъ нихъ пучокъ красною лентою на таковомъ же блюдѣ; и по поднесеніи дѣвки бросаютъ подъ карету цвѣты, а прочіе изъявляютъ свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями. По всей той улицѣ, по которой проѣздъ будетъ, домы всѣ порядочно выбѣлить, крыши и заборы исправить, а надъ окнами и дверьми сдѣлать изъ сосны или изъ травъ и цвѣтовъ вѣнки; косяки жъ у дверей и оконъ обить сосновыми вѣтьми и въ окнахъ на улицу, поднявши оныя, вывѣсить какія у кого сыщутся портища, суконныя, стамедныя, или такія изъ чего дѣлаются плахты; равно ковры и пилимы, такъ чтобъ оными противъ оконъ

покрылись призбы, то есть завалины, что соблюсти во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя проѣздъ будетъ.

5) Во дворцѣ не прежде какъ по вступленіи Ея Императорскаго Величества на крыльцо, караулъ (о коемъ снестись съ воинскою командою и въ прочіе дворцы) отдастъ подобающую честь, потомъ Харьковской дворянской предводитель съ дворянскимъ депутатомъ, а напослѣдокъ губернской дворянской предводитель; за нимъ съ прочими придворными въ должности генералъ-губернатора и господинъ губернаторъ; а благородныя дамы и дѣвицы позади Ея Императорскаго Величества за госпожами придворными дамами; прочіе же остаются до повелѣнія подлѣ крыльца, и да будутъ въ готовности къ отъѣзду. Между тѣмъ ѣхавшіе предъ каретою Мерефянскіе обыватели при капитанѣ-исправникѣ съ двумя засѣдателями и старостою или атаманомъ, вставъ съ лошадей и держа ихъ въ поводахъ, останавливаются по лѣвой сторонѣ кареты, и какъ скоро поровняется съ ними карета, то сдѣлаютъ поклонъ, а дворянство, ссскоча съ лошадей, поспѣшаютъ приближиться для встрѣтенія къ крыльцу. Въ селѣ Филиповѣ, гдѣ имѣютъ ожидать 24 человѣка Харьковскихъ конныхъ жителей съ прочими туда назначенными, въ выше предписанной одеждѣ съ ихъ атаманомъ или старостою, кои при проѣздѣ императорской кареты, поклонясь сидя на лошадяхъ, поскачутъ впередъ и перемѣнятъ Мерефянскихъ жителей, а тѣ, отъѣхавъ въ сторону и ставши въ одинъ рядъ, а предъ ними староста или атаманъ, соскоча съ лошадей и сдѣлавъ поклонъ, возвращаются въ домы. На всякой случай по дорогѣ отъ Мерефы до Харькова постановить въ пристойныхъ мѣстахъ, особливо при началѣ и окончаніи лѣса, также при плотинѣ чрезъ Уды и на Холодной горѣ смоляныя бочки во всякомъ мѣстѣ одну противъ другой.

О Харьковѣ. При самомъ съѣздѣ съ Холодной горы, гдѣ быть во единой готовности до 50 человѣкъ или и болѣе живущихъ въ городѣ казенныхъ обывателей (на случай для спуску каретъ) начать въ городѣ пушечную стрѣльбу, сдѣлавъ всего 101 выстрѣлъ; но при проѣздѣ чрезъ Лопанской мостъ и до дворца стрѣльба да умолкнетъ, пока кареты туда не пріѣдутъ; а потомъ продолжать оную, пока не кончится 101 выстрѣлъ. И по приближеніи императорской кареты поставленнымъ на тріумфальныхъ воротахъ здѣшнимъ музыкантамъ заиграть на духовой музыкѣ. А предстоящіе, сдѣлавъ всѣ поклонъ, магистратъ и купечество

поднесутъ на фарфоровомъ или на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ соль, а на другомъ фрукты, конфекты, или что придумаютъ. А городничій съ частными офицерами и съ двумя драгунами да поскачетъ впередъ всѣхъ. Какъ уповательно въ семъ мѣстѣ у воротъ и по улицѣ Екатеринославской, соберется не малое количество народа, то и не возбранять имъ изъявлять радостныя восклицанія, а женщинамъ и дѣвицамъ метать подъ карету императорскую цвѣты, только чтобъ не было никого въ развращенныхъ и разодранныхъ одеждахъ, а особливо пьяныхъ и нищихъ, что̀ соблюсти и у крыльца, что̀ предъ дворцомъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собраніе народное будетъ. А отъ Лопанскаго моста до воротъ за̀мка студентовъ порядочно одѣтыхъ съ ихъ значками же, кои какъ цеховымъ такъ и студентамъ во время проѣзда, снявъ шапки, приклонить до земли. Между тѣмъ въ верхнихъ сѣняхъ играть вокальной музыкѣ, а на время стола быть въ готовности духовой, инструментальной и вокальной музыкамъ, и ожидать повелѣнія, въ разсужденіи чего какъ на музыкантовъ, такъ и на пѣвчихъ сдѣлать новые мундиры. Пока Ея Императорское Величество въ городѣ пробыть соизволитъ, всѣ въ городѣ домы, такъ же и Екатеринославскую улицу, освѣщать. Дамы и дѣвицы да предстанутъ въ мундирахъ сего намѣстничества и въ приличныхъ нарядахъ въ то время, въ которое имъ позволено будетъ. Отъ дворца до выѣзжихъ воротъ изъ за̀мка да будутъ поставлены студенты съ ихъ значками; а отъ туду до городовыхъ воротъ или до Харьковскаго моста цеховые съ значками же, кои при проѣздѣ, снявъ шапки, приклоняютъ значки до земли. При пограничныхъ піедесталяхъ сдѣлать такъ же сельскіе изъ соломы и цвѣтовъ тріумфальные ворота сельскимъ обывателямъ.

Общія примѣчанія. 1-е) Хотя кромѣ положеннаго указомъ числа лошадей, на всякой станціи запасныхъ не меньше 200 лошадей быть должно, но и сверхъ того еще несомнѣнно надѣюсь, что господа дворяне поусердствуютъ вообще на станціи каждой, именно: 1, Мерефянской, 2, Липецкой и 3, Черемошанской пріуготовить въ упряжку подъ императорскую карету по 12 добрыхъ ѣзжалыхъ цуговыхъ лошадей. хотя и разношерстныхъ, съ исправною упряжкою, и при нихъ по 4 человѣка форрейторовъ въ красныхъ камзольчикахъ съ красными стоячими воротниками, обшлага подкладки зеленые съ бѣлыми жилетами, и такимъ же исподнимъ платьемъ, въ черныхъ картузахъ. 2-е) равномѣрно поставитъ себѣ за честь благородное дворянство угостить во всѣхъ мѣстахъ

Высочайшую Ея Императорскаго Величеству особу, средствомъ господъ гостепріимцовъ, въ чемъ въ городѣ Харьковѣ всеконечно и купечество не преминетъ соучаствовать. 3-е) Господину Харьковскому городничему въ городѣ, а господамъ капитанамъ-исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, по коимъ Высочайшее шествіе будетъ, найсильнѣйше наблюсти, чтобъ нигдѣ, особливо въ воротахъ, на мостахъ и по срединѣ улицъ, стѣсненія народа и непристойнаго шуму, равно просящихъ милостыню и въ раздранной одеждѣ, паче же пьяныхъ, отнюдь не было, для чего въ городѣ и деревняхъ имѣть денные и нощные караулы, кои бы обще съ десятскими въ мѣстахъ своихъ неупустительно соблюдали, посредствомъ наилучшаго присмотра тишину, чистоту, безопасность и во всемъ подобающій порядокъ; и прилежно смотрѣть, что въ сходство именныхъ Высочайшихъ правительствующаго сената указовъ, въ разныхъ годѣхъ, мѣсяцахъ и числѣхъ состоявшихся, а особливо послѣдне обнародованнаго въ 1765 году Генваря въ 19 день, въ коемъ между прочимъ изображено: «Ежели «явятся таковые продерзкіе, которые, не бивъ челомъ о своихъ дѣлахъ «прежде въ учрежденныхъ правительствахъ, прошеніи свои подавать бу«дутъ самой Ея Императорскому Величеству, и тѣмъ Ея Величества «утруждать осмѣлятся, съ таковыми поступать по нижеслѣдующему: 1-е, «имѣющихъ чины штрафовать за первую подачу вычетомъ за треть по ок«ладу его годоваго жалованья, за вторый разъ арестъ на мѣсяцъ, котораго «и содержать при командѣ, за третій лишить одного чина на годъ; а если «и затѣмъ еще четвертый разъ кто окажется, таковаго лишить всѣхъ чи«новъ вѣчно; 2-е) чиновныхъ людей женъ за подачу челобитной въ пер«вый разъ взысканіемъ съ нихъ третнаго жалованья по окладу мужей «ихъ, за второй содержать въ домѣхъ ихъ мѣсяцъ подъ арестомъ, за «третій содержать же въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ онѣ по житель«ствамъ вѣдомы, подъ карауломъ годъ, а въ четвертый, если также кто «изъ нихъ отважится, таковымъ жить въ своихъ деревняхъ, не въѣз«жая въ столицы Ея Императорскаго Величества; 3-е) не имѣющихъ чи«новъ, а благородныхъ, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, за первый «разъ взысканіемъ же третнаго жалованья противъ прапорщичья оклада «пѣхотныхъ полковъ, за вторый и третій равно такъ, какъ съ женами «чиновныхъ людей, а за четвертый мужескъ полъ писать вѣчно въ сол«даты, а женскъ такъ же отсылать въ ихъ деревни, и жить имъ не «въѣзжая въ столицы Ея Императорскаго Величества, въ чемъ смотрѣ-

«ніе надъ таковыми имѣть тѣмъ канцеляріямъ, гдѣ они по тѣмъ ихъ «деревнямъ вѣдомы; но изъ сего исключаются малолѣтные т. е. ниже «двадцати лѣтъ, коихъ штрафовать единственно за всякій разъ содержа- «ніемъ подъ арестомъ мѣсяцъ; 4-е) не имѣющихъ же чиновъ и неблаго- «родныхъ людей, мужескъ и женскъ полъ, за первый разъ отсылать въ «работу на каторгу на мѣсяцъ, за вторый съ наказаніемъ публично, «на годъ тудажъ, которыхъ по прошествіи полагаемыхъ сроковъ воз- «вращать на прежнія жилища, а за третій съ наказаніемъ потомужъ пуб- «лично плѣтьми, отсылать вѣчно въ Перчинскъ на поселеніе, изъ коихъ «мужескъ полъ, если чьи крѣпостные, тѣмъ ихъ владѣтелямъ, яко они «тому ихъ дерзновенію участниками никакъ быть не могутъ, зачитать «въ рекруты; по чему исполнять всѣмъ, до кого сіе принадлежать бу- «детъ.» На основаніи сего, ктобъ, какого чина и званія ни былъ, не осмѣлился бы подать Ея Императорскому Величеству письменныхъ прошеній ниже словесно оными утруждать, о чемъ заблаговременно, сколько возможно, въ тѣхъ мѣстахъ обывателямъ внушить, чтобъ кто похочетъ приносить жалобы, тѣмъ на основаніи именныхъ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ, 1763 года Іюня 11, въ дополненіе онаго Іюня 14 и приложенной при томъ инструкціи Іюня 23 числъ состоявшихся, подавали опредѣленнымъ къ тому особамъ, или на ихъ мѣста вступившимъ, изъ коихъ нѣкоторыя непремѣнно будутъ въ свитѣ Ея Императорскаго Величества, а кто въ противность того сдѣлать дерзнетъ, съ таковымъ неупустительно поступлено будетъ въ сходство вышеупомянутаго Ея Императорскаго Величества указа. 4) Равномѣрно во все время пребыванія Ея Императорскаго Величества въ городѣ Харьковѣ и въ другихъ мѣстахъ, тожъ при высочайшемъ шествіи, гдѣ бы то ни было, чтобъ никто, въ каретахъ, колясках, дрожкахъ и повозкахъ, встрѣчу, а тѣмъ менѣе въ объѣздъ ѣзжать не отваживались, и ѣдущіе встрѣчу, тотъ часъ остановясь, выходили бы изъ своихъ повозокъ, а въ тѣсныхъ мѣстахъ возвращались бы, или въ другую улицу или переулокъ поворачивали, и чтобъ никто скоро и въ скокъ ни подъ какимъ видомъ не ѣздилъ.

5) Чтобы кучеры, форрейторы и извощики, будучи у дворца или при собраніяхъ, съ козелъ, съ лошадей и повозокъ не сходили, дабы лошади иногда отъ чего либо встревожась не бѣгали, и своихъ и иныхъ екипажей не ломали, а паче всего людей не изувѣчили.

6) Городовому магистрату приложить стараніе, чтобъ не были возвышены цѣны на товары, а особливо на всякіе съѣстные и питейные припасы, и чтобъ сихъ послѣднихъ не только было достаточно, но и всѣ добраго качества; остерегаясь, чтобъ поврежденнаго и залежавшагося никакъ ничего въ продажѣ не было; въ противномъ же случаѣ магистратъ неминуемо подвергнетъ себя законному взысканію; а отъ городовой полиціи да наблюдается строго, чтобы въ мясномъ ряду, харчевняхъ и въ шинкахъ, торгующіе всякими съѣстными питейными и прочими припасами, разнощики и сбитенщики были одѣты сами опрятно и чисто; посуду, столы и лавки имѣли чистые же, фартуки бѣлые незамаранные, и рогожами нигдѣ бъ завѣшено не было; а въ шинкахъ чтобы на то время никого отнюдь до пьяна не напаивалъ подъ штрафомъ взять таковаго, кто противно тому поступать будетъ, подъ стражу, запрещенія торговать или смотря по винѣ и неминуемаго истязанія.

Маія 31 дня, 1787 года.

Василій Чертковъ.

(*Сообщено Г. П. Данилевскимъ.*)

Объ этомъ Чертковѣ (родномъ прадѣдѣ владѣльца Чертковской библіотеки) помѣщено слѣдующее извѣстіе въ Словарѣ свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія (ч. 2-я, стр. 240 и 241: «Чертковъ Василій Алексѣевичь, генералъ-поручикъ и орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеръ, родился въ 1726 г. изъ дворянъ, обучался съ 1742 г. въ Кадетскомъ корпусѣ, самъ былъ въ ономъ долго Математики учителемъ; а въ 1761 г. вышелъ въ напольные полки маіоромъ, и проходя постепенно чины армейскіе, съ 1764 г. былъ бригадиромъ и комендантомъ крѣпости св. Елисаветы; съ 1771 главнымъ командиромъ на Днѣпровской линіи, а съ 1775 Азовскимъ губернаторомъ, и наконецъ съ 1782 Воронежскимъ и Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ. Скончъ. въ Воронежѣ 1793 г. Сент. 24. Онъ сочинилъ комедію подъ названіемъ *Кофейной домъ*, которая представлена была на Елисаветградскомъ театрѣ въ 1770 г. и тогда же напечатана въ Кременчугѣ.»

Указы и рескрипты къ нему Екатерины II помѣщены въ Воронежскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ 1862 г. № 28 и далѣе. Въ Харьковѣ, 10 Іюня 1787 года, императрица поручила ему сверхъ его должности управлять и Саратовскимъ намѣстничествомъ (Вор. Г. Вѣд. 1862, стр. 493, № 45).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА Е. О. КОМАРОВСКАГО.

Записки генералъ-адъютанта графа Евграфа Өедотовича Комаровскаго, за время царствованій Павла Петровича, Александра и Николая Павловичей, напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1867 года. Здѣсь помѣщается доселѣ неизданное начало этихъ правдивыхъ и любопытныхъ Записокъ, т. е. все то, что относится къ царствованію Екатерины II-й. *П. Б.*

Я родился 1769-го года 18-го ноября, въ Петербургѣ, на Пескахъ. Батюшка мой, Өедотъ Аөанасіевичъ, служилъ тогда въ Дворцовой Канцеляріи, начальникъ коей былъ сенаторъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ. Сынъ его, Александръ Матвѣевичъ (бывшій впослѣдствіи любимцемъ императрицы Екатерины) съ сестрою моею, Даріею Өедотовною, были моими воспріемниками. Батюшка вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку и переѣхалъ на жительство въ Ухотскую волость, гдѣ онъ купилъ до 100 душъ крестьянъ. Батюшка учредилъ, на рѣкѣ Ухтѣ, винокуренный заводъ и имѣлъ еще, въ другихъ мѣстахъ, до 120 душъ, которыя отданы были впослѣдствіи моимъ двумъ сестрамъ. Наслѣдственныя мои деревни, въ Ухотской волости, я подарилъ племянницѣ моей, А. А. Щулепниковой.—Матушка моя, Іуліяна Ивановна, урожденная Зиновьева, скончалась въ 1770-мъ г. 17-го августа, 38-ми лѣтъ отъ роду, и похоронена возлѣ соборной церкви, въ городѣ Каргополѣ, въ 50-ти верстахъ отъ Ухотской волости. Я остался послѣ моей родительницы 10 мѣсяцевъ. Черезъ два года послѣ кончины матушки, сестра моя, Дарья Өедотовна, вышла за мужъ за Алексѣя Николаевича Астафьева и уѣхала въ Петербургъ; батюшка отправилъ съ нею и сестру мою Анну Өедотовну. Первымъ учителемъ моимъ былъ упраздненный священникъ, а вторымъ отставный офицеръ. Батюшка ѣздилъ для свиданія съ сестрами моими и бралъ меня съ собою; зять мой, А. Н. Астафьевъ, служилъ тогда въ городѣ Нарвѣ, коллиеромъ. По возвращеніи въ Ухотскую волость, куда пріѣхала съ

нами и сестра моя Анна Ѳедотовна, батюшка женился на Дарьѣ Степановнѣ Рындиной, отъ которой имѣлъ дочь Софью, но она вскорѣ умерла.—1776-го г. 26-го ноября скончался родитель мой, 48-ми лѣтъ отъ рода, и я остался круглымъ сиротою по 8-му году. Батюшка погребенъ былъ подъ церковью, во имя Спаса, въ Ухотской волости. Послѣ кончины батюшки, учреждена была опека: изъ роднаго дяди моего, Ивана Аѳанасьевича Комаровскаго, брата мачихи моей, Дмитрія Степановича Рындина и зятя моего, А. Н. Астафьева, пріѣхавшаго въ Ухотскую волость, чтобъ отвезти сестру мою Анну Ѳедотовну и меня въ Петербургъ. Это было въ 1777-мъ году; я помню, что меня возили смотрѣть иллюминацію, въ день рожденія императора Александра Павловича бывшую.

А. Н. Астафьевъ имѣлъ обо мнѣ попеченія отца самаго нѣжнаго; онъ немедленно занялся тѣмъ, чтобъ отдать меня въ лучшій тогда въ Петербургѣ пансіонъ г. де Вильнёва и записать по тогдашнему обыкновенію въ службу, и я записанъ былъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ сверхъ комплекта. Потомъ, по связямъ его съ Ѳ. Я. Олсуфьевымъ, бывшимъ тогда преміеръ-маіоромъ и командиромъ Измайловскаго полка, я переведенъ былъ въ тотъ полкъ, тѣмъ же чиномъ, въ комплектѣ. Послѣ смерти г. де Вильнёва, я поступилъ въ пансіонъ г-жи Люскъ, а оттуда въ г. Массону. Въ первомъ и послѣднемъ изъ сихъ пансіоновъ, я имѣлъ товарищемъ своимъ князя В. П. Кочубея; это случилось отъ того, что старшій братъ зятя моего служилъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ съ графомъ Безбородко, и былъ съ нимъ очень друженъ, а по брату своему и А. Н. находился въ короткомъ съ нимъ знакомствѣ; они оба сговорились отдать питомцевъ своихъ въ лучшіе пансіоны. Насъ привезли почти въ одно время въ Петербургъ: меня изъ Ухотской волости, къ зятю моему,—а Кочубея, изъ Малороссіи, къ родному дядѣ его, графу Безбородко. Я поступилъ отъ г. Массона въ кадетскую роту Измайловскаго полка. Въ 1786-мъ г. я имѣлъ несчастіе лишиться сестры моей Даріи Ѳедотовны.

Въ 1787-мъ г. назначенъ я былъ находиться при графѣ Безбородко, для курьерскихъ посылокъ, въ чужіе краи. Во время путешествія императрицы Екатерины въ Кіевъ и Крымъ, въ числѣ чиновниковъ, составлявшихъ свиту ея величества, находился придворной конторы, В. П. Головцынъ; онъ былъ очень друженъ съ батюшкою и любилъ меня какъ сына; въ предстоявшій путь онъ взялъ меня съ собою въ кибитку, и я

сдѣлалъ путешествіе отъ Царскаго Села до Кіева, самымъ пріятнымъ образомъ.

Вояжъ этотъ императрицею Екатериною предпринятъ былъ для обозрѣнія присоединеннаго къ Россіи полуострова Крыма-Тавриды, княземъ Потемкинымъ, которому и данъ былъ титулъ Таврическаго. Назначено было также свиданіе съ Римскимъ императоромъ, Іосифомъ II-мъ, во время плаванія на галерахъ по Днѣпру, по случаю предполагаемой тогда обѣими имперіями войны противъ Порты Оттоманской. Императоръ Іосифъ пріѣхалъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Станиславъ, король Польскій, находился тогда въ мѣстечкѣ Каневѣ, на берегу Днѣпра, и имѣлъ свиданіе съ императрицею, на ея галерѣ. Этотъ вояжъ, по Днѣпру и по Крыму, описанъ принцемъ де Линьемъ (Prince de Ligne) и графомъ Сегюромъ.

Въ свитѣ императрицы Екатерины, отъ Царскаго Села до Кіева, а потомъ и по Днѣпру, находились иностранные министры: графъ Кобенцель, посолъ Римскаго Императора; Фицъ-Гербертъ, Англійскаго; графъ Сегюръ, Французскаго дворовъ и другія знатныя особы. Путешествіе императрицы представляло торжественное шествіе: во время ночи, по обѣимъ сторонамъ дороги, горѣли смоляныя бочки; во всѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ ея величество останавливалась, были балы, и всѣ города иллюминованы. На границахъ намѣстничествъ встрѣчали государыню ея намѣстники, или генералъ-губернаторы: на границѣ Новгородской губерніи встрѣтилъ Архаровъ, намѣстникъ Новгородскій и Тверскій; на границѣ Псковской князь Репнинъ, намѣстникъ Псковскій и Смоленскій; на границѣ Бѣлоруссіи Пассекъ, намѣстникъ Полоцкій и Могилевскій; на границѣ Черниговской губерніи генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, генералъ-губернаторъ и намѣстникъ всей Малороссіи. Въ Кіевъ пріѣхало множество знатныхъ особъ, въ особенности же Поляковъ. — Дворъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; это великолѣпіе поразило всѣхъ, преимущественно у заутрени, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ Печерской Лаврѣ. Императрица поѣхала въ Софійскій монастырь къ вечерни, по окончаніи коей посѣтила митрополита Самуила, больнаго, въ его келіи; онъ сказалъ государынѣ рѣчь и уподобилъ ее Христу, явившемуся, послѣ Воскресенья, своимъ ученикамъ. — Тогда былъ фаворитомъ крестный отецъ мой А. М. Мамоновъ, но всѣ домогательства мои до него дойти были тщетны.

Изъ Кіева, въ концѣ марта мѣсяца того же года, отправленъ я былъ курьеромъ въ Парижъ, съ подарками, къ министрамъ французскаго двора: Монмореню, иностранныхъ дѣлъ—перстень съ прекраснымъ солитеромъ; наслѣдникамъ Верженя — полная коллекція Россійскихъ золотыхъ медалей; графу Сегюру, сухопутныхъ силъ, — соболій мѣхъ, и фельдмаршалу де Кастри—перстень съ солитеромъ. Подарки эти, уложенные въ двухъ ящикахъ, посланы были по случаю заключенія съ Франціею перваго торговаго тактата.

Я поѣхалъ на перекладной повозкѣ. Не доѣзжая до первой станціи, Василькова, я сбился съ дороги, ибо начало уже смеркаться; повозка моя завязла съ лошадьми въ большую лужу. Къ моему несчастію, ямщикъ съ мною былъ молодой мальчикъ и въ первый разъ, по словамъ его, ѣхалъ по этой дорогѣ; насилу могли мы вытащить одну изъ пристяжныхъ лошадей. Я не зналъ что мнѣ дѣлать: послать ли ямщика на слѣдующую станцію, но онъ говорилъ, что его тамъ никто не знаетъ, а потому и не послушаютъ его; или же самому мнѣ туда ѣхать? Я рѣшился на послѣднее: вооружился двумя моими пистолетами и саблею, сѣлъ на выпряженную лошадь и поѣхалъ, самъ не зная куда. Къ счастію, я выбрался на большую дорогу и пріѣхалъ на станцію; тотчасъ заложена мнѣ была повозка, въ которой я поскакалъ отыскивать мою, завязшую въ грязи; я имѣлъ однако предосторожность спросить у прежняго ямщика объ его имени. Проѣхавъ столько верстъ, сколько (мнѣ казалося) я сдѣлалъ верхомъ, начали, я и новый проводникъ мой, кричать изо всей силы, называя по имени прежняго ямщика, но тщетно! Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ, мы остановились, повторяли тоже саоме, но не имѣли большаго успѣха. Каково же было мое положеніе! Я зналъ, что со мною драгоцѣнныхъ вещей отправлено на нѣсколько сотъ тысячь рублей, что это непремѣнно дойдетъ до свѣдѣнія императрицы, а сверхъ того, первое сдѣланное мнѣ порученіе оказалось бы столь неудачнымъ, за что̀ я могъ подвергнуться строгой отвѣтственности. Я пришелъ въ такое отчаяніе, что ямщикъ, сжалясь надо мною, началъ меня уговаривать и просилъ быть покойнѣе; онъ увѣрялъ меня, что пріѣхавъ на станцію, какъ скоро разсвѣнетъ, смотритель пошлетъ нѣсколько ямщиковъ, которые непремѣнно отыщутъ завязшую мою повозку; это дѣйствительно нѣсколько меня успокоило. Проѣхавъ нѣсколько верстъ назадъ и увидѣвъ влѣво небольшую дорогу, я приказалъ ямщику туда повернуть, но онъ мнѣ

сказалъ: «тамъ баринъ не проѣдешь, тамъ ужасная топь!» — «Да можетъ быть тамъ-то мы и увязли,» отвѣчалъ я ему, и точно, сдѣлавъ версты съ полторы, я громко назвалъ по имени прежняго ямщика—и онъ мнѣ откликнулся. Я не могу изъяснить тогдашней моей радости: я выскочилъ изъ повозки, началъ обнимать ямщика, наградилъ его щедро, переложилъ свои ящики на новую повозку и отправился на станцію. — Я нашелъ тамъ курьера, ѣхавшаго въ Кіевъ изъ Франкфурта на Майнѣ, отъ графа Н. П. Румянцова, бывшаго тогда министромъ при нѣсколькихъ нѣмецкихъ дворахъ. Курьеръ этотъ былъ камердинеръ его Машанъ; онъ имѣлъ прекрасную коляску. Я убѣдительно началъ его просить мнѣ ее продать, ибо я не могъ представить себѣ, какимъ образомъ, въ перекладныхъ повозкахъ, я довезу до Парижа мои посылки; къ совершенному моему успокоенію и удовольствію, Машанъ мнѣ коляску свою уступилъ, и я всегда за эту услугу былъ ему признателенъ.

Я проѣзжалъ чрезъ всю Польшу, Силезію, Саксонію, города: Люблинъ, Бреславль, Наумбургъ, Дрезденъ, Мейсенъ, гдѣ находится славная фарфоровая фабрика. Масса, изъ коей дѣлаютъ фарфоръ, есть лучшая изъ всѣхъ извѣстныхъ; недалеко оттуда, въ почтовомъ домѣ, на станціи Розбахъ, мнѣ показывали стулъ, на которомъ Фридрихъ Великій провелъ ночь наканунѣ сей знаменитѣйшей баталіи. Лейпцигъ, Гельнгаузенъ, Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ графа Н. П. Румянцова, который впослѣдствіи такъ много любилъ меня и столь много мнѣ благодѣтельствовалъ, оттуда же чрезъ Мецъ въ Парижъ. Я адресованъ былъ къ пребывавшему у Французскаго двора министру нашему Симолину и къ министру герцога Готскаго, барону Гримму. Этотъ послѣдній всегда находился въ партикулярной перепискѣ съ императрицею Екатериною и былъ, такъ сказать, ея коммиссіонеромъ въ Парижѣ. Барону Гримму было тогда поручено отъ государыни купить кабинетъ герцога Орлеанскаго гравированныхъ камней, который составляетъ теперь одну изъ первыхъ достопамятностей Эрмитажа.

Я остановился въ Парижѣ, Rue Traversière, Hôtel des trois Mylords. Въ этомъ домѣ останавливались всѣ русскіе курьеры, потому что въ немъ жилъ г. Добровской, служившій прежде совѣтникомъ посольства при нашей миссіи и, находясь въ отставкѣ, онъ былъ покровителемъ всѣхъ молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ Россіи курьерами въ Парижъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II-ой другихъ курьеровъ не

посылали въ чужіе краи, какъ служащихъ въ гвардіи дворянъ, сержантами; ихъ всегда находилось нѣсколько, для сего предмета, при иностранной коллегіи. Это постановленіе было самое благодѣтельное, ибо оно давало небогатымъ дворянамъ возможность видѣть чужіе краи. Я не могъ воспользоваться благосклонностями г-на Добровскаго, потому что онъ былъ тогда болѣнъ въ деревнѣ Пасси (Passy) близъ Парижа, гдѣ однако же я его посѣтилъ. Г. Добровской оставилъ, послѣ смерти своей, драгоцѣнные манускрипты, которые находятся теперь, кажется, въ Императорской публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ.

Въ день моего пріѣзда въ Парижѣ, король дѣлалъ, à la plaine de Sablon, смотръ (на которомъ я былъ) своей Французской и Швейцарской гвардіямъ; сею послѣднею командовалъ тогда графъ д'Артуа, теперешній король Карлъ X-й. — Швейцарская гвардія имѣла мундиръ красный съ серебромъ. Король Людовикъ XVI объѣзжалъ ряды солдатъ въ каретѣ, изъ коей не выходилъ даже во время церемоніальнаго марша.

Г. Симолинъ велъ жизнь весьма уединенную, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтственную званію Россійскаго посланника. Совѣтникомъ посольства былъ П. А. Обрѣсковъ; первымъ секретаремъ г. Мошковъ, вторымъ г. Павловъ; священникомъ при посольствѣ былъ іерей Криницынъ, теперешній придворный духовникъ.

Оба секретаря оказывали мнѣ большія услуги. Г. Мошковъ ѣздилъ со мною въ Версаль (Versailles). Въ день сошествія Св. Духа, я былъ въ придворной церкви, видѣлъ процессію сего ордена, которая была едва ли не послѣдняя до Революціи. Г. Мошковъ испросилъ у королевы позволеніе осмотрѣть Маленькій Тріанонъ (le Petit Trianon), любимое ея тогда мѣстопребываніе. Король и королева обѣдали, въ этотъ день, au petit couvert, т. е. за столомъ сидѣлъ король одинъ и королева также одна, но въ разныхъ комнатахъ; вся публика могла проходить мимо ихъ величествъ.

Г. Павловъ показывалъ мнѣ, что̀ было любопытнаго въ Парижѣ и ходилъ со мною въ театры. Первый спектакль, который я видѣлъ былъ: Aux Français, Mérope, которую представляла M-elle Rocourt, въ большомъ совершенствѣ. Тогда лучшій трагикъ былъ Larive; онъ игралъ превосходно, въ сочиненной для него трагедіи Hercule sur le Mont Etna. Я пріѣхалъ въ Парижъ вскорѣ послѣ того, какъ распущены были les Notables и собирались les Etats-Généraux, слѣдовательно

Революція уже приготовлялась. Бомарше (Beaumarchais) незадолго предъ тѣмъ сочинилъ свою комедію: Свадьбу Фигаро (Le mariage de Figaro). Когда ее представляли, зрители доходили почти до изступленія, и всякій разъ какъ занавѣсъ спускалась, весь партеръ кричалъ: à demain (до завтра). Эта комедія была дана 130 разъ сряду; правда, что въ ней играли самые лучшіе, того времени, актеры, какъ то: Molé, Dazaincourt, Dugason, M-elle Contat, M-elle Olivier, M-me Vicuménille и проч. Въ мое время, въ театрѣ Большой Оперы, было первое представленіе Tarrare (Таррары) оперы, сочиненія также Бомарше; но опера эта не имѣла такого успѣха, какъ свадьба Фигаро. Я долженъ признаться, что любезный мой театръ, былъ тогда Les Variétés Amusantes; зала была въ самомъ Palais Royal, близко моей квартиры. Мнѣ случалось иногда проводить цѣлый день въ этомъ единственномъ мѣстѣ въ свѣтѣ. По утру пойду я завтракать au Café de Foi, бывшій тогда въ большей модѣ, или въ другой кофейный домъ; въ полдень почти весь Парижъ съѣзжался гулять подъ аркадами, или въ саду; тогда на дворѣ были прекрасныя аллеи, которыя истреблены были во время Революціи. Обѣдать пойду или à la Grotte Flamande, или въ другую ресторацію, ибо тогда въ одномъ Palais Royal ихъ было нѣсколько. Послѣ обѣда кофе пить ходилъ я au Café Méchanique, гдѣ, изъ подпола, посредствомъ машинъ, доставлялось все, что̀ пожелаешь, а за буфетомъ сидѣла женщина для полученія денегъ. На этотъ кофейный домъ сдѣланы были тогда куплеты, на голосъ: Coeurs sensibles, coeurs fidèles и проч.

Par un art presque magique
Dans ce pays enchanté
Est un Café Mechanique,
Dont on vante la beauté;
Un ressort suit la parole,
Chacun y prend son régal,
Ce n'est qu'au Palais Royal (bis)

Оттуда, погулявъ до 6-ти часовъ, aux Variétés, гдѣ, по большей части, давали комедіи Dumaniant, который былъ тутъ же актеромъ; изъ театра опять гулять подъ аркады. Всѣ лавки, всякій вечеръ, были превосходно освѣщены воскомъ, — кенкетовъ тогда еще не знали. Вся Парижская публика туда съѣзжалась, и гулянье продожалось до 11-ти часовъ

вечера, по пробитіи коихъ, свистъ солдатъ Швейцарской гвардіи былъ сигналомъ гасить свѣчи и разъѣзжаться публикѣ. Я часто ѣздилъ гулять въ Булонскій лѣсъ (au Bois de Boulogne), ходилъ завтракать въ Елисейскія поля (aux Champs Elysées). Всякое воскресенье было гулянье на Бульварахъ (aux Boulevards), гдѣ видны были прекраснѣйшіе экипажи, равно какъ и à Longchamps: это гулянье состояло въ томъ, что отъ заставы до Bois de Boulogne тянулись въ два ряда кареты, одна за другой.

Въ Парижѣ были тогда изъ Русскихъ: княгиня Н. П. Голицына, съ мужемъ и со всѣмъ ея семействомъ (я у ней нѣсколько разъ обѣдалъ), Р. А. Кошелевъ съ женою, В. Н. Зиновьевъ, А. П. Ермоловъ, бывшій фаворитъ, и еще графъ Б. Этотъ послѣдній велъ жизнь развратную, проигрывалъ цѣлыя ночи въ карты и надѣлалъ множество долговъ; онъ находился подъ присмотромъ нашего посланника и барона Гримма. Графъ Б., у котораго я иногда бывалъ (но не иначе какъ когда онъ самъ заходилъ за мной, и я не въ состояніи былъ отъ него отговориться) не могъ понять, что я, на 18-мъ году, не находилъ удовольствія въ его обществѣ, и называлъ меня le très sage monsieur Kamarowsky (благоразумнѣйшій господинъ Комаровскій).

Послѣ трехъ-мѣсячнаго моего пребыванія въ Парижѣ, мнѣ дано знать отъ посольства, чтобъ я готовился къ отъѣзду въ Россію. П. А. Обрѣсковъ, о которомъ я говорилъ выше, получилъ отпускъ; онъ желалъ ѣхать въ Россію со мною, на что я согласился; но какъ онъ имѣлъ долги, ему надлежало выѣхать такимъ образомъ, чтобы заимодавцы его не остановили. Я, получивъ депеши отъ посланника Симолина и отъ барона Гримма, который посылалъ со мною къ императрицѣ нѣсколько вещей, изъ купленнаго кабинета гравированныхъ камней, у герцога Орлеанскаго, долженъ былъ остановиться у заставы, пока Обрѣсковъ, подъ чужимъ именемъ, выѣхалъ изъ города въ фіакрѣ. У него былъ слуга Михайло, который непремѣнно хотѣлъ возвратиться въ Россію; дорогою открылась у него бѣлая горячка, и въ бѣшенствѣ, онъ едва насъ обоихъ въ одну ночь, не зарѣзалъ; кончилось тѣмъ, что онъ соскочилъ съ козелъ и ушелъ въ лѣсъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Михайло явился къ своему господину; онъ нѣсколько разъ въ Пруссіи завербованъ былъ въ солдаты и все спасался бѣгствомъ.

По возвращеніи моемъ въ Россію, я нашелъ дворъ въ Москвѣ, гдѣ мнѣ случилось видѣть великолѣпный праздникъ, данный императрицѣ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ, въ селѣ его Кусковѣ. Что болѣе всего меня удивило, это плато, которое поставлено было предъ императрицею, за ужиномъ; оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на возвышеніи томъ былъ вензель императрицы, изъ довольно крупныхъ бриллiантовъ.

Графиня С. О. Разумовская, жена графа Петра Кириловича, просила меня отвезть отъ нея изъ Парижа подарки къ фельдмаршалу, графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому; по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я узналъ, что фельдмаршалъ живетъ въ своемъ загородномъ домѣ, Петровскомъ. Онъ меня очень обласкалъ и пригласилъ къ обѣду, что́ для меня весьма лестно, ибо онъ былъ и подполковникомъ Измайловскаго полка, въ которомъ я служилъ тогда сержантомъ. Къ обѣду, фельдмаршалъ вышелъ украшенный подарками, мною привезенными, какъ то: косынкою на шеѣ, жилетомъ и пуговицами на кафтанѣ. Графъ Разумовскій публично меня благодарилъ за доставленіе ему такихъ пріятныхъ для него подарковъ отъ любезной его невѣстушки.

Пробывъ въ Москвѣ нѣсколько дней, я отправленъ былъ въ Петербургъ, съ депешами къ вице-канцлеру, графу Остерману.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1787-го года, я посланъ былъ курьеромъ въ Лондонъ. Не доѣзжая сыпучихъ песковъ Куришъ-Гафа, на первой Прусской станціи Иммерзаттъ, я долженъ былъ оставить мою коляску, которая мнѣ такъ хорошо служила и ѣхать въ перекладныхъ повозкахъ. На трактѣ моемъ были города: Мемелъ, Кенигсбергъ, Берлинъ (гдѣ я нашелъ посланникомъ двора нашего графа С. П. Румянцова и съ нимъ познакомился), Оснабрюкъ, Гарлемъ, Роттердамъ и Геллефётслюйсъ (Hellevoetesluis). Здѣсь я долженъ былъ сѣсть на пакетъ-ботъ и отправиться въ Англійскій портъ Гарвичь.

Проѣзжая Голландію, я не могъ довольно налюбоваться чистотѣ и опрятности, которыя видны не только въ домахъ, но и на улицахъ, а равно и тѣмъ каналамъ, помощію коихъ доставляются всѣ припасы изъ одного мѣста въ другое; лодку довольно нагруженную, одинъ человѣкъ, деревяннымъ правиломъ ведетъ очень свободно.

Въ Геллефетслюйсѣ я нашелъ много пассажировъ: въ тотъ самый день вѣтеръ былъ попутный, мы сѣли на пакетъ-ботъ ввечеру и пусти-

лись въ море ночью; сдѣлался такой сильный штурмъ, что мы едва могли попасть въ гавань; всѣ увѣряли, что еслибъ этотъ штурмъ нашелъ насъ въ открытомъ морѣ, мы непремѣнно бы погибли. Противный вѣтеръ дулъ 7 дней, потомъ повѣялъ попутный, и мы пустились опять въ море. Проѣхавъ 24 часа, сдѣлался совершенный штиль, и зыбь, нѣсколько часовъ продолжавшаяся, до того была несносна, что ни одного пассажира не было, который бы отъ нея не страдалъ; наконецъ, при довольно свѣжемъ вѣтрѣ, мы прибыли въ Гарвичъ. Когда я вышелъ на твердую землю, странное испыталъ я чувство: мнѣ казалось, что всѣ предметы, которые я вижу, въ безпрестанномъ движеніи, и что земля подо мною ходитъ, такъ что нѣсколько минутъ я не могъ шагу сдѣлать впередъ.

Нигдѣ не устроены такъ хорошо дороги какъ въ Англіи; одна половина укатывается катками и насыпается хрящемъ, а по другой ѣздятъ; и содержатся точно такъ, какъ дорожки въ англійскихъ садахъ. Почтовыхъ станцій, какъ въ прочихъ государствахъ, тамъ не учреждено, но во многихъ деревняхъ, по большой дорогѣ, есть содержатели лошадей и постъ-шезовъ (poste chaise) т. е. весьма легкихъ двумѣстныхъ каретъ, которыя, за извѣстную цѣну, возятъ проѣзжающихъ отъ одного мѣста до другаго. Почта однако въ Англіи дороже чѣмъ гдѣ нибудь. Въ Гарвичѣ явился ко мнѣ Италіанецъ съ просьбою довезть его до Лондона, съ тѣмъ что онъ будетъ служить мнѣ переводчикомъ и такъ какъ онъ много ѣзжалъ по дорогамъ, онъ брался нанимать для меня лошадей, по выгоднѣйшимъ цѣнамъ; я на предложеніе его согласился. Отъ Гарвича до Лондона 75 миль или 100 верстъ; я долженъ сказать, что никогда не ѣхалъ я такъ скоро, покойно и пріятно, и мой Италіанецъ былъ мнѣ весьма полезенъ. Пріѣхавъ на послѣднюю перемѣну до Лондона, на воротахъ того трактира, гдѣ мы должны были остановиться, увидѣлъ я надпись прекрупными словами; на вопросъ мой о томъ, что эта надпись значитъ, Италіанецъ объяснилъ мнѣ, что предупреждаютъ всѣхъ проѣзжающихъ, чтобъ они берегли чемоданы и сундуки свои, сзади каретъ находящіеся, ибо въ окрестностяхъ Лондона множество пѣшихъ и конныхъ воровъ..... Ночь была лунная. Италіанецъ мнѣ сказалъ, чтобъ я на всякій случай приготовилъ нѣсколько гиней, а содержатель лошадей велѣлъ меня предупредить, что если дорогою на насъ нападетъ конный воръ и закричитъ кучеру stop (стой), онъ остановится, ибо онъ не намѣренъ за насъ жертвовать своею жизнію. Отъѣхавъ нѣ-

сколько миль, кучеръ сказалъ мнѣ, что онъ видитъ двухъ конныхъ воровъ, ѣдущихъ къ намъ на встрѣчу. Италіанецъ мнѣ говоритъ: держите ваши гинеи въ рукѣ. Одинъ изъ воровъ закричалъ stop, и карета наша остановилась, а другой стоялъ по одаль; воръ подъѣхалъ къ той сторонѣ, гдѣ сидѣлъ Италіанецъ и въ опущенное стекло, протянувъ руку съ пистолетомъ, требовалъ денегъ; товарищъ мой сказалъ ему, что онъ слуга и нечего дать ему не можетъ; впрочемъ, что мы оба недостаточные люди и едва что мы имѣемъ, достаточно чтобъ доѣхать до Лондона, но готовы дать сколько можемъ; тогда воръ подъѣхалъ къ моей сторонѣ, и я ему далъ четыре гинеи, послѣ чего онъ велѣлъ кучеру ѣхать. Этимъ кончилось трагическое сіе происшествіе. Когда воры мимо насъ проѣхали, Италіанецъ мой посмотрѣлъ въ окошко и когда уже ихъ не было въ виду, онъ выстрѣлилъ изъ моего пистолета имъ вслѣдъ, сказавъ мнѣ: «это нужно, чтобъ дать острастку другимъ ворамъ.» Мнѣ сказывали потомъ въ Лондонѣ, что эти воры имѣютъ свое общество и клубъ, въ которомъ они собираются, что правителству извѣстны даже всѣхъ ихъ имена, и когда на которыхъ есть явная улика въ грабежахъ, полицейскіе чиновники приходятъ въ ихъ клубъ и забираютъ уличенныхъ безъ малѣйшаго со стороны ихъ сопротивленія.

Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ посланнику нашему, гр. С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ, я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородко, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня въ свое покровительство. На другой день, мнѣ сказывали чиновники посольства, что когда графъ Воронцовъ распечаталъ и прочиталъ привезенныя мною депеши, онъ сказалъ: «Комаровскій привезъ старыя газеты; видно, графу Безбородко хотѣлось познакомить его съ Лондономъ.»

Какую я нашелъ разницу между Парижемъ и Лондономъ! Тамъ, кажется, всякій день праздникъ, а здѣсь никогда. Тамъ, по улицамъ ходя, поютъ, веселятся; здѣсь же ходятъ въ глубокомъ молчаніи; правда, что въ Парижѣ я былъ лѣтомъ, а въ Лондонъ пріѣхалъ въ глубокую осень; тамъ, я видѣлъ за то всякій день солнце, а здѣсь, отъ каминовъ, въ которыхъ горитъ уголь, образуется такой мрачный туманъ, что и иногда въ полдень надобно зажигать свѣчи, и бѣлье къ вечеру дѣлается чернымъ; этотъ-то мракъ производитъ въ Англіи сплинъ, болѣзнь, въ другихъ земляхъ, кажется, неизвѣстную; очень часто въ газетахъ читаешь о самоубійствахъ! Молодому человѣку, въ особенности, должно, по моему

мнѣнію, побывать прежде въ Лондонѣ, а потомъ уже ѣхать въ Парижъ, ибо сравненіе всегда будетъ въ пользу послѣдняго. Лондонъ имѣетъ большое преимущество предъ Парижемъ, относительно чистоты улицъ; тамъ прекрасные тротуары передъ каждымъ домомъ обливаютъ водою ежедневно, а потому грязи никогда на нихъ не бываетъ; для пѣшеходовъ это большое удобство. Въ Парижѣ, напротивъ, какъ извѣстно, улицы узкія и грязныя, и высота домовъ такова, что въ нѣкоторые солнце вовсе не проникаетъ.

Въ Лондонѣ есть обыкновеніе, весьма удобное: чрезъ объявленіе въ газетахъ, можно все получить, что̀ желаешь; даже нѣкоторые находили себѣ невѣстъ и жениховъ. Мнѣ хотѣлось употребить время пребыванія моего въ Лондонѣ, чтобъ выучиться по англійски; я воспользовался средствомъ, доставляемымъ газетами, вызывая желающихъ принять меня къ себѣ въ пансіонъ; чрезъ нѣсколько дней, я получилъ множество записокъ. Я рѣшился войти въ домъ къ одному лингвисту, жившему въ Нюманъ-Стритъ, Оксфордъ-родъ (Newman Street, Oxford-road) № 38; онъ былъ родомъ Французъ, фамилія его Морандъ (Morand), но съ малолѣтства жилъ въ Лондонѣ. Я предпочелъ его, потому что онъ могъ удобнѣе объяснить правила языка, но я ошибся: въ англійскомъ семействѣ, я гораздо болѣе бы успѣлъ. Я платилъ двѣ гиніи въ недѣлю и двѣ гиніи заплатилъ единовременно, какъ говорится d'entrée; я имѣлъ особливую комнату, общій завтракъ и обѣдъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Лондонъ, было открытіе парламента. Я видѣлъ короля Георга III, ѣдущаго въ осмистекольной раззолоченной каретѣ, запряженной въ 8 изабелловыхъ лошадей; напротивъ его сидѣлъ первый министръ Питтъ. Впереди и сзади кареты ѣхалъ конвой гвардіи; но это не мѣшало нѣсколькимъ мальчишкамъ, изъ многочисленной толпы, бѣгущей за каретою, бросать иногда въ нее грязью. Засѣданія парламента были тогда весьма интересны; онѣ открылись процессомъ, дѣлаемымъ Гастингсу, бывшему вицероемъ въ Индіи, за жестокости и употребленіе во зло тамъ власти. Знаменитые ораторы оппозиціи истощили все свое краснорѣчіе на обвиненіе Гастингса,—но онъ былъ оправданъ.

Я ходилъ смотрѣть въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ монументъ лорда Чатама (Chatham) отца Питта; онъ представленъ говорящимъ рѣчь, противъ войны съ Соединенными Штатами. Мнѣ случалось нѣсколько разъ быть въ Олдбели: такъ называется Уголовный Судъ, гдѣ судятся

всѣ преступники; этотъ судъ открывается три раза въ годъ и продолжается до тѣхъ только поръ, пока есть подсудимые. Посреди присутственной комнаты находится родъ амвона, на которомъ становятся подсудимые; на столбикахъ, прикрѣпленныхъ къ амвону, утверждено зеркало, обращенное къ свѣту оконъ, такъ что лучи свѣта, падающіе на зеркало, отражаются на лицѣ подсудимыхъ, стоящихъ лицомъ къ судьямъ; такимъ образомъ они видятъ всѣ измѣненія, въ чертахъ подсудимыхъ происходящія. Чтобъ обвинить, необходимо показаніе трехъ свидѣтелей; судья дѣлается тогда, такъ сказать, адвокатомъ подсудимыхъ, ибо онъ старается сбивать свидѣтелей въ ихъ показаніяхъ. Когда доказательства такъ ясны, что содѣянное преступленіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, тогда отдается дѣло на заключеніе присяжныхъ, которые для обсужденій уходятъ въ другую комнату; эта минута самая интересная: вдругъ — отворяются двери, присяжные входятъ въ присутствіе; приговоръ ихъ состоитъ въ одномъ только словѣ: guilty (виноватъ) или not guilty (не виноватъ).

Я нашелъ въ Лондонѣ изъ Русскихъ: графа Ѳ. В. Ростопчина, имѣвшаго тогда чинъ поручика Преображенскаго полка; П. А. Левашева, бывшаго кавалеромъ при великихъ князьяхъ, Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ; Г. А. Сенявина и графа Бобринскаго, пріѣхавшаго не за долго предо мною изъ Парижа; въ его обществѣ находился маркизъ Вертильякъ, подобный ему игрокъ. Вертильякъ уѣхалъ тайнымъ образомъ изъ Парижа, дабы избѣгнуть заключенія въ Бастиль (Bastille), на что испрошены были отцомъ его lettres de cachet.

Въ доказательство ненависти, существовавшей тогда у Англичанъ противъ Французовъ, достаточно слѣдующаго. Мы трое, графъ Бобринскій, Вертильякъ и я, шли вмѣстѣ по улицѣ; у перваго и у меня были фраки англійскаго покроя и круглыя шляпы, а на Французѣ полосатый фракъ и треугольная шляпа; мы примѣчаемъ, что за нами множество бѣжитъ мальчишекъ, и поднимаютъ грязь; одинъ изъ нихъ закричалъ french dag (французская собака), и вдругъ посыпался градъ комковъ грязи на бѣднаго Вертильяка: съ трудомъ скрылся онъ въ кондитерскую лавку, случившуюся на дорогѣ; мы же двое шли тихимъ шагомъ, на насъ ни одного кусочка грязи не попало. — При нашей миссіи въ Лондонѣ, изо всѣхъ чиновниковъ, одинъ только былъ человѣкъ замѣчательный: это священникъ нашей церкви, Яковъ Ивановичъ Смирновъ; онъ былъ

употребляемъ и по дипломатической части. Изъ нашихъ Русскихъ, я болѣе всего видался съ графомъ Ростопчинымъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ ѣздили смотрѣть битву пѣтуховъ, ученаго гуся и знаменитыхъ, въ тогдашнее время, кулачныхъ бойцовъ: Жаксона, Англичанина и Рейна, Ирландца. Пари были ужасные; Англичане парировали за Жаксона, а Ирландцы за Рейна. Парламентъ, узнавъ о приготовленіи этого боя, запретилъ всякое сборище подобнаго рода въ городахъ и селеніяхъ, въ слѣдствіе чего, мѣсто было выбрано въ полѣ, на открытомъ воздухѣ. Въ назначенный день, тысячи каретъ туда отправились изъ Лондона; мы же наняли портъ-шезъ. Сдѣланъ былъ большой помостъ для бойцовъ, а зрители, чтобъ лучше видѣть этотъ спектакль, взлѣзли на имперіалы каретъ. Бойцы были полунагіе: за каждымъ изъ нихъ находился секундантъ и человѣкъ державшій бутылку съ какимъ-то напиткомъ. Предъ началомъ боя Жаксонъ и Рейнъ дали другъ другу руку, въ знакъ того, что они не имѣютъ никакой вражды между собою и если бы случилось одному быть убиту, то другаго не преслѣдовать, по законамъ, какъ смертоубійцу. Бой начался; нѣсколько разъ тотъ и другой были повержены на полъ; тогда секундантъ подходитъ, протягиваетъ шею, за которую боецъ долженъ ухватиться обѣими руками, и секундантъ, такимъ образомъ, поднимаетъ его, дабы сохранить болѣе силы въ бойцѣ; держащій же бутылку даетъ ему изъ нея пить и считаетъ протяжно, начиная отъ одного до того числа, какъ былъ уговоръ, и если боецъ, лежащій на полу, до сочтенія положеннаго числа разовъ, не встанетъ, то признаетъ себя побѣжденнымъ. Зрѣлище звѣрское; удивительно, какъ люди просвѣщенные могутъ имѣть въ немъ удовольствіе! Крикъ отъ держащихъ пари ужасный и, смотря по тому, какъ одинъ изъ бойцовъ ослабѣваетъ, держащая за него сторона пари свои уменьшаетъ, а другая прибавляетъ; противъ одного держатъ пять, десять и т. д. Наконецъ Рейнъ, получивъ сильный ударъ отъ Жаксона, сказалъ: довольно. Надобно было видѣть, съ какимъ торжествомъ Жаксонъ поклонился тѣмъ, которые за него парировали и съ какимъ восторгомъ выигравшіе вскочили на помостъ, обагренный кровью и побѣдителя и побѣжденнаго! Жаксона подняли на руки и съ тріумфомъ носили нѣсколько времени. Возвращаясь въ Лондонъ, мы проѣзжали чрезъ одну деревню и, замѣтивъ множество каретъ у трактира, изъ любопытства остановились, вошли въ комнату, наполненную людьми; видимъ человѣка, лежащаго на

канапе, у коего лице было обвязано чѣмъ-то бѣлымъ и подлѣ него другаго стоящаго и прикладывающаго припарки; мы узнали, что то былъ побѣжденный Рейнъ. На другой день въ газетахъ было подробное описаніе этого кулачнаго боя, и ежедневно выходили бюллетени о состояніи здоровья бойцевъ, ибо Жаксонъ не дешево купилъ побѣду — была минута, въ которую считали даже его побѣжденнымъ. Когда изъ газетъ извѣстно стало, что Рейнъ совершенно выздоровѣлъ, Ростопчину вздумалось брать у него уроки; онъ увѣрялъ, что битва на кулакахъ — наука столько же, сколько и фехтованіе.

Я ѣздилъ верхомъ съ Ростопчинымъ въ Гринвичь (Greenwitch), гдѣ, какъ извѣстно, находятся знаменитый инвалидный домъ для моряковъ и славная обсерваторія; это было на канунѣ нашего Рождества, и по дорогѣ мы нашли луга такъ зелены, какъ у насъ лѣтомъ. — Въ Лондонѣ было тогда три главныхъ театра: итальянская опера, къ которой должно было быть въ башмакахъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и съ треугольною шляпою; два англійскихъ: Дрюриленъ (Drurylane) и Ковентъ-гарденъ (Coventgarden). На первомъ славилась голосомъ своимъ и пѣніемъ дѣвица Белингтонъ (Miss Belington), на второмъ была знаменитая трагическая актриса госпожа Сидонсъ (Missis Sidons). На этомъ послѣднемъ театрѣ, во время святокъ, представляемы были пантомимы, въ которыхъ арлекинъ игралъ главную роль и механизмъ былъ доведенъ до такого совершенства, что всякій разъ какъ арлекинъ ударитъ по кулисамъ деревянною своею шпагою, онѣ перемѣнялись мгновенно какъ будто какимъ-то волшебствомъ. На святки распускаются студенты изъ всѣхъ университетовъ, и эти представленія наполнены были студентами. Однажды я сидѣлъ въ ложѣ съ Ростопчинымъ, въ которой находилось нѣсколько изъ нихъ; мы нарочно говорили между собою по русски, чтобъ возбудить ихъ любопытство; сначала они долго прислушивались, потомъ начался между ними споръ: кто утверждалъ, что мы говоримъ по польски, иные—по венгерски; наконецъ мы слышимъ, что они начали другъ другу предлагать пари, къ чему Англичане имѣютъ врожденную склонность. Мы, будто бъ ничего не понимая, продолжаемъ между собою разговаривать. Одинъ изъ студентовъ рѣшился у насъ спросить, на какомъ языкѣ мы говоримъ. Ростопчинъ ему отвѣчалъ: на такомъ, какой никому изъ васъ въ голову не пришелъ; мы говоримъ по русски, слѣдовательно никто изъ васъ пари ни выигралъ, ни проигралъ.

Сенявинъ (его звали Григорій Алексѣевичъ, родная сестра его была за-мужемъ за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ) служилъ тогда въ англійскомъ флотѣ и только что возвратился изъ Индіи. Онъ пригласилъ меня однажды ѣхать съ нимъ и съ секретаремъ графа Воронцова Жоли отыскивать корабль, на которомъ онъ прежде находился. Мы взяли фіакръ, чтобъ доѣхать до Темзы. Тутъ мы сѣли въ лодку и поплыли въ прегустѣйшій лѣсъ мачтъ; я никогда не видалъ такого множества кораблей вмѣстѣ. Гребцы у насъ были одинъ старикъ, а другой молодой человѣкъ. Сенявинъ, оттолкнувъ ихъ обоихъ, снялъ съ себя фракъ и началъ самъ гресть; между тѣмъ пошелъ проливной дождь, корабля мы не нашли и промокли до нитки, въ особенности Сенявинъ, который былъ въ одной рубашкѣ. Онъ предложилъ намъ заѣхать въ Оренджъ-кафе-хаузъ (Orange-Caffe-House), гдѣ собираются большею частію морскіе офицеры, велѣлъ себѣ подать пуншъ хавъ андъ хавъ (half and half), т. е. половина рому и половина французской водки, выпилъ этого напитка пребольшую кружку, и какъ ни въ чемъ не бывало! Сенявинъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ отличный морской офицеръ и любимъ въ англійскомъ флотѣ.

Однажды, по утру рано, пришелъ ко мнѣ графъ Б—ій: при видѣ встревоженнаго на немъ лица, я спросилъ у него о причинѣ столь ранняго ко мнѣ прихода; онъ бросился ко мнѣ на шею и почти со слезами сталъ убѣдительно меня просить ѣхать съ нимъ въ Парижъ на нѣсколько дней, ибо знакомая ему одна особа внезапно туда уѣхала, а безъ нея онъ жить не можетъ. Я ему сказалъ, что я охотно бы это сдѣлалъ, но что не завишу отъ себя и безъ позволенія министра никуда отлучиться не могу. Онъ былъ въ такомъ изступленіи, что почти ничего не понималъ, что̀ я ему говорилъ и твердилъ только одно, чтобъ я непремѣнно съ нимъ ѣхалъ. Къ счастью моему, въ это время пришелъ ко мнѣ Левашовъ, котораго графъ Б—ій нѣсколько уважалъ, и на-силу вразумилъ его, что онъ не въ правѣ требовать такой отъ меня жертвы. Изъ Лондона выѣзжать можно когда угодно, сто̀итъ только послать за постъ-шезомъ, что̀ графъ Б—ій и сдѣлалъ: черезъ часъ его въ Лондонѣ уже не было.

Извѣстно сдѣлалось, что со Швеціею у насъ началась война, а турецкая продолжалась; графъ Б—ій былъ ротмистромъ конной гвардіи; онъ написалъ въ Петербургъ и просилъ, чтобы позволено ему было, по слу-

чаю войны, возвратиться въ Россію и служить въ полкахъ употребленныхъ противъ непріятеля; этому предположенію были очень рады, ибо давно желали возвращенія его. Онъ опять началъ просить ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже объяснялся на этотъ счетъ съ графомъ Воронцовымъ; мнѣ самому этого хотѣлось, но къ счастію моему случилась нужда послать изъ Лондона въ Россію курьера, и меня отправили. Я говорю къ счастію моему, ибо графъ Б—ій только что пріѣхалъ на нашу границу, какъ тамъ приказано было отвезть его въ Ревель и оставаться въ томъ городѣ впредь до повелѣнія, гдѣ онъ и прожилъ до восшествія императора Павла на престолъ. Что же бы со мною тогда случилось, какъ съ его сопутникомъ? Графъ Ростопчинъ оставилъ Лондонъ прежде меня, но я нагналъ его на дорогѣ, и до Берлина мы ѣхали вмѣстѣ; я находилъ большое удовольствіе въ его обществѣ: онъ былъ чрезвычайно забавенъ и любезенъ.

Послѣ шестимѣсячнаго моего отсутствія я пріѣхалъ въ Петербургъ. Меня видѣли мои знакомые одѣтымъ прежде совершенно на французскій ладъ, а теперь на англійскій. Я въ полку на лицо не служилъ, а считался при графѣ Безбородко, почему и щеголять могъ въ моихъ французскихъ и англійскихъ фракахъ.

Я прожилъ спокойно до 1790-го года, въ началѣ котораго я посланъ былъ курьеромъ въ Вѣну къ послу нашему князю Д. М. Голицыну. Я нашелъ эту столицу въ торжествѣ и печали. Въ тотъ самый день присягали Леопольду, какъ эрцъ-герцогу Австрійскому, и оплакивали кончину императора Іосифа II-го, а еще болѣе смерть эрцъ-герцогини Елисаветы, первой жены императора теперешняго, Франца, родной сестры императрицы Маріи Ѳеодоровны, — она была чрезвычайно любима. Князь Д. М. Голицынъ былъ препочтенный вельможа. Онъ оставилъ послѣ себя незабвенный памятникъ христіанской добродѣтели, учрежденіемъ въ Москвѣ знаменитой Голицынской больницы. Странно было его слышать, когда онъ говорилъ о Петербургѣ, въ которомъ онъ 40 лѣтъ не бывалъ; онъ никакъ не могъ себѣ представить этой столицы, какъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ ее оставилъ.

Я видѣлъ въ Вѣнѣ знаменитаго канцлера князя Кауница, съ которымъ посолъ нашъ жилъ въ большой дружбѣ, также фельдмаршаловъ: Лассія и Лаудона.

Въ Вѣнѣ всякій офицеръ, въ мундирѣ, въ праздничные дни, имѣлъ входъ во дворецъ; а какъ намъ позволено было, за границею, носить

офицерскіе мундиры армейскихъ полковъ, то и я, пользуясь этимъ правомъ, сдѣлалъ себѣ карабинерный мундиръ, синій съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, и видѣлъ всѣ придворныя церемоніи, по случаю похоронъ императора Іосифа и эрцъ-герцогини. По причинѣ траура никакихъ публичныхъ увеселеній не было, а только ежедневныя почти гулянья въ прелестномъ Пратерѣ и Аугартенѣ.

Князь Д. М. Голицынъ получилъ отъ императрицы Маріи Терезіи, бывшей къ нему очень милостивою, одну изъ окружавшихъ Вѣну горъ въ подарокъ и называемую Predig-Stuhl (Предигъ-Штуль): сказываютъ, что на горѣ той, въ началѣ христіанства, проповѣдуемо было слово Христа Спасителя. Князь выстроилъ на этой горѣ прекрасный, загородный домъ, куда онъ часто любилъ ѣздить, и меня онъ туда нѣсколько разъ приглашалъ. Этотъ загородный домъ князь Голицынъ, по смерти своей, завѣщалъ графу Н. П. Румянцову. По старости его лѣтъ, а равно и дряхлости, назначенъ былъ въ помощники, а потомъ въ преемники ему, графъ А. К. Разумовскій. Этотъ послѣдній женился на графинѣ Тунъ, и я слышалъ ея прелестный голосъ въ одной ораторіи, которая составлена была изъ знатныхъ особъ вѣнскихъ, и исполнена въ церквѣ каѳедральной Святаго Стефана.

Въ Вѣнѣ Русскихъ никого тогда не было кромѣ чудака Зыбина, пріѣхавшаго туда изъ Англіи; онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ и притворялся будто бы забылъ русскій языкъ; напримѣръ, въ Петербургѣ, выходя изъ театра, онъ кричалъ Зибенъ — каретъ! Тогда была мода имѣть превысокіе фаетоны для гулянья; Зыбинъ, въ этомъ уродливомъ экипажѣ, сдѣлалъ дорогу изъ Петербурга въ Москву; на станціяхъ всѣ на него смотрѣли какъ на шута, а мальчики за нимъ бѣжали съ крикомъ. Зыбинъ это самъ разсказывалъ, относя это къ невѣжеству нашего народа.

Пробывъ въ Вѣнѣ около трехъ мѣсяцевъ, я отправленъ былъ въ Петербургъ, съ депешами. Въ 1791-мъ году пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа (le Comte d'Artois) впослѣдствіи король французскій Карлъ X, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ склонить императрицу Екатерину принять дѣятельное участіе въ ихъ дѣлахъ. Онъ принятъ былъ со всевозможными почестями, ему давали много праздниковъ, но возвратился, кажется, съ одними пустыми надеждами; а такъ какъ оба брата несчастнаго Людовика XVI-го основали временное свое пребываніе на берегахъ Рейна, то императрица аккредитовала при нихъ графа Н. П. Румянцова, съ сохра-

неніемъ прежняго поста его, министра во Франкфуртѣ на Майнѣ. — Принцъ Нассау-Зигенъ былъ принятъ въ нашу службу адмираломъ, во время Очаковской кампаніи. Извѣстно, что онъ пловучими батареями нанесъ большой вредъ Турецкому флоту, потомъ служилъ противъ Шведовъ, командовалъ галернымъ флотомъ и имѣлъ одно счастливое, а другое неудачное сраженіе. Какъ рыцарь, ищущій всюду славы, едва онъ узналъ, что вокругъ французскихъ принцевъ собирается армія изъ эмигрантовъ, то просилъ императрицу позволить ему ѣхать и быть въ числѣ защитниковъ трона Бурбоновъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я два раза былъ посыланъ курьеромъ съ депешами къ графу Румянцову и принцу Нассау, имѣвшимъ тогда пребываніе свое въ Кобленцѣ, гдѣ находились и французскіе принцы. Я останавливался всегда въ домѣ принца Нассау, который меня очень полюбилъ. Онъ жилъ чрезвычайно открыто, и я имѣлъ случай познакомиться съ нѣсколькими весьма умными эмигрантами, какъ то: съ графомъ Бретелемъ (le comte de Breteuil), г. Калонномъ (m-r de Calonne), графомъ Сомбрелемъ (le comte de Sombreuil), герцогомъ де Гишъ (le duc de Guiche), аббатомъ Мори (l'abbé Maury) и многими другими.

Принцъ Нассау потомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ говорили, съ порученіемъ отъ французскихъ принцевъ къ императрицѣ просить вспомогательнаго для нихъ войска. Я тотчасъ къ нему явился; онъ осыпалъ меня милостями: обѣщалъ просить князя Зубова, бывшаго тогда фаворитомъ, чтобъ мнѣ исходатайствовать чинъ офицера гвардіи и позволеніе взять меня съ собою въ предстоявшую противъ республиканцевъ кампанію.

Графъ Н. П. Румянцовъ, всякій разъ какъ я возвращался въ Петербургъ, давалъ мнѣ порученія къ брату своему гр. Сергѣю Петровичу и въ письмахъ къ нему всегда отзывался обо мнѣ лестнымъ образомъ: почему графъ С. П. былъ очень хорошо расположенъ ко мнѣ и познакомилъ меня съ Настасьею Николаевною Нелединскою, съ которою онъ жилъ въ одномъ домѣ. У нея воспитывалась одна дѣвица, какъ говорили, близко принадлежавшая князю П. В. Репнину. По вечерамъ, у Настасьи Николаевны Нелединской часто играли провербы, сочиненные графомъ С. П. Румянцовымъ. Онъ писалъ прекрасно и съ большимъ умомъ, и я въ этихъ представленіяхъ участвовалъ. Князь Репнинъ случился тогда въ Петербургѣ; онъ былъ подполковникомъ Измайловскаго полка. По имѣвшимся

ли на меня какимъ нибудь видамъ, въ разсужденіи той дѣвицы, или просто по рекомендаціи меня Н. И. Нелединскою князю Репнину, только вдругъ я получаю приказъ отъ полка (мы жили тогда въ купленномъ домѣ, въ Измайловскомъ полку, 10-й ротѣ) чтобъ на другой день, рано по утру, явиться къ его сіятельству. Каково было мое удивленіе! Я пріѣзжаю къ князю съ сержантскомъ моемъ мундирѣ, встрѣчаетъ меня Ѳ. И. Энгелъ (служившій тогда при князѣ и имѣвшій маіорскій чинъ) спрашиваетъ мое имя и вводитъ меня прямо въ кабинетъ князя. Я нашелъ его за уборнымъ столикомъ; только что увидѣлъ меня, сказалъ мнѣ: «Здравствуй, мой другъ, садись.» Я началъ было отговариваться, но онъ рѣшительно приказалъ мнѣ сѣсть. «Я слышалъ о тебѣ много хорошаго, «продолжалъ онъ, и что ты употребленъ былъ нѣсколько разъ въ курь«ерскихъ посылкахъ за границу; скажи мнѣ какія теперь твои намѣре«нія?» Я ему отвѣчалъ: что я просился было въ армію въ капитаны, но что меня не выпустили; потомъ пересказалъ ему обѣщанія, сдѣланныя мнѣ принцемъ Нассау. Онъ покачалъ головою и сказалъ: «Желаю, чтобъ «онъ ихъ исполнилъ; я увижусь съ нимъ сегодня во дворцѣ и узнаю, «что̀ тебѣ ожидать можно.» Я пробылъ у князя Репнина до тѣхъ поръ, пока тотъ же Ѳ. И. Энгель вошелъ доложить ему, что генералъ Арбеневъ пріѣхалъ къ нему съ рапортомъ.—Между тѣмъ принцъ Нассау не преставалъ меня увѣрять, что я непремѣнно произведенъ буду въ офицеры, и я рѣшился заказать себѣ мундиръ.

Послѣ пребыванія нѣсколькихъ недѣль въ Петербургѣ, принцу данъ былъ фрегатъ, на которомъ онъ отправился до Ельзенера; ему сказано было, что, пріѣхавъ въ эту гавань, онъ узнаетъ, съ курьеромъ, который вслѣдъ за нимъ будетъ посланъ, волю императрицы на сдѣланныя французскими принцами ея величеству предложенія. Принцъ Нассау просилъ князя Зубова, чтобъ курьеромъ къ нему отправить меня. Эта просьба была исполнена; я дѣйствительно былъ посланъ курьеромъ съ депешами къ нему и къ графу Н. П. Румянцову, но нескоро послѣ отъѣзда принца. Не доѣзжая до Ельзенера, я узналъ, что принцъ давно уже оттуда отправился въ Кобленцъ.

Я пріѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ въ самую интересную эпоху: императоръ Леопольдъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, и послѣ смерти его старшій сынъ эрцъ-герцогъ Францъ былъ его преемникомъ. Извѣстно, что Римскіе императоры были избираемы всѣми имперскими

владѣтельными князьями и курфистрами, римско-католическаго исповѣданія; въ числѣ сихъ послѣднихъ находились три духовные: Майнцкій, Кельнскій и Трирскій. Кельнскимъ курфистромъ былъ тогда Максимиліанъ, сынъ Маріи Терезіи и братъ императоровъ Іосифа II-го и Леопольда II-го. Это важное событіе начиналось тѣмъ, что, въ назначенное время, должны были съѣхаться во Франкфуртъ на Майнъ принцы-избиратели или уполномоченные ими послы; при семъ долженъ былъ находиться представитель будущаго императора, какъ короля Богемскаго и Венгерскаго. Нѣсколько столѣтій Римскіе императоры избираемы были изъ Габсбургскаго дома; впослѣдствіи достоинство это перешло въ домъ Лотарингскій, нынѣ въ Австріи царствующій, и сынъ императора Леопольда не могъ не быть избраннымъ.

Эрцъ-герцогъ Францъ, въ то самое время какъ избиратели съѣзжались во Франкфуртъ, выѣхалъ изъ Вѣны и остановился въ одномъ замкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Франкфурта, издревле для того назначенномъ. Нѣкоторые изъ принцевъ-избирателей и посолъ королевствъ Богемскаго и Венгерскаго выѣхали къ эрцъ-герцогу на встрѣчу, въ видѣ депутатовъ, объявить ему, что онъ избранъ въ императоры и пригласить его во Франкфуртъ на коронованіе.

Со мною прислано было къ графу Н. П. повелѣніе отъ императрицы, чтобъ онъ находился полномочнымъ отъ нея министромъ при священномъ обрядѣ. Графъ принялъ меня какъ отецъ; приказалъ, для житія моего, отвесть свою библіотеку, ибо другой комнаты, по малому пространству занимаемаго имъ дома, не было; а дабы доставить мнѣ способъ видѣть всю коронацію, онъ послалъ привезенныя мною депеши, съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, къ принцу Нассау, въ Кобленцъ, и въ партикулярномъ своемъ письмѣ увѣдомилъ принца, что онъ не могъ меня къ нему отправить, потому что онъ получилъ отъ императрицы порученія, для исполненія которыхъ я ему нуженъ. Я видѣлся впослѣдствіи съ принцемъ Нассау, и онъ былъ столько же благосклоненъ ко мнѣ, какъ и прежде; онъ обѣщалъ писать обо мнѣ къ князю Зубову, что̀ и исполнилъ. — Это происходило въ началѣ іюня мѣсяца 1792-го года.

Вшествіе избраннаго императора было превеликолѣпное; онъ окруженъ былъ своими вельможами и единственною, можно сказать, въ свѣтѣ Венгерскою своею гвардіею. Всѣ принцы-послы встрѣтили его у ратуши; потомъ онъ поѣхалъ во дворецъ. Нунціемъ отъ папы, по случаю

коронаціи, былъ назначенъ славный аббатъ Мори, съ которымъ я уже былъ знакомъ.

Насталъ день коронаціи, которая совершилась во Франкфуртской каѳедральной церкви, тремя духовными курфирстами. Процессія, шедшая въ церковь по мосткамъ, покрытымъ сукномъ, была премногочисленная: всѣ германскіе принцы и курфирсты, бывшіе при коронаціи, а отсутствующихъ послы; каждаго изъ нихъ гвардія шла передъ ними, а сзади придворные ихъ чины и пажи. Ничего не было богаче и великолѣпнѣе одеждою какъ гвардія и свита князя Эстергази, посла императора, какъ короля Богемскаго и Венгерскаго. Пажи его одѣты были въ голубыхъ бархатныхъ кафтанахъ, по всѣмъ швамъ вышитыхъ серебряными блестками. Князь Эстергази считается первымъ магнатомъ и богачемъ Венгерскимъ; онъ имѣетъ право содержать нѣкоторое число войскъ конныхъ и пѣшихъ, на своемъ иждивеніи. По окончаніи священнаго обряда коронованія, процессія шла тѣмъ же порядкомъ, а императоръ имѣлъ уже на себѣ корону и порфиру. По прибытіи во дворецъ, онъ тотчасъ показался на балконѣ, и въ то время бросали въ народъ серебряные жетоны.

Послѣ того начались праздники, состоявшіе изъ обѣдовъ и баловъ. Обѣды великолѣпнѣе всѣхъ были у нашего посланника, а вечера и балы у князя Эстергази. Аббатъ Мори также далъ одинъ обѣдъ; онъ занималъ небольшой домъ, и столы накрыты были въ разныхъ комнатахъ. Увидя насъ, Русскихъ, которые были тогда на коронаціи: каммергеръ Колычевъ, графъ Витгенштейнъ (онъ былъ поручикомъ конной гвардіи) князь Егоръ Голицынъ, бывшій тогда прапорщикомъ преображенскаго полка, нѣсколько чиновниковъ посольства и я, аббатъ сказалъ: «Что касается до прекрасной государыни Русской, я приглашу ее откушать со мной». («Quant à la belle Princesse Russe, je la ferai diner avec moi»). Аббатъ Мори чрезвычайно превозносилъ императрицу Екатерину; онъ говорилъ однажды, что письма ея величества гораздо лучше написаны нежели Вольтеровы.

Послѣ коронаціи императоръ поѣхалъ въ городъ Майнцъ, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ Прусскимъ; большая часть особъ, бывъ во Франкфуртѣ, туда же отправилась, и потому не было возможности имѣть почтовыхъ лошадей. Графъ Н. П. нанялъ прекрасную барку, взялъ съ собою меня и одного изъ чиновниковъ посольства, и мы поплыли по Майну. Ничего нѣтъ живописнѣе въ мірѣ береговъ этой рѣки и Рейна,

въ который Майнъ впадаетъ. Безпрестанно видны: развалины древнихъ замковъ, обширные виноградные сады и множество селеній. Городъ Майнцъ былъ столицею курфирста этого имени; онъ далъ прекрасный праздникъ, въ загородномъ своемъ домѣ, называемомъ Фаворита (La Favoritte), что доставило случай одному Французу сказать: «у этого священника очень хорошенькая фаворитка («ce prêtre a une bien jolie Favoritte»).

Свиданіе императора съ королемъ Прусскимъ имѣло цѣлью, чтобы соединить ихъ арміи, уже собранныя подъ начальство герцога Брауншвейгскаго для предстоявшей войны противъ французскихъ республиканцевъ. Изъ Майнца императоръ поѣхалъ въ свои владѣнія, а король Прусскій въ городъ Кобленцъ, въ окрестностяхъ котораго собрана была его армія; мы, въ прежней баркѣ нашей, поплыли и до Кобленца. Французскіе принцы находились тогда въ Бингенѣ (Bingen) маленькомъ городкѣ на берегу Рейна. Король Прусскій имѣлъ тутъ съ ними свиданіе. Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ столько войскъ вмѣстѣ соединенныхъ, когда король Прусскій собралъ свою армію для смотра и маневровъ; она мнѣ показалась прекрасною; въ особенности понравилась мнѣ точность, съ которою исполнялись всѣ ея движенія; но знатоки увѣряли, что прусская армія въ большой пришла въ упадокъ, противъ того какъ она была во времена Фридриха II-го. Можно себѣ представить, какое множество было военныхъ чиновниковъ, ибо они съѣхались почти изо всѣхъ государствъ! Мнѣ случилось видѣть тутъ нынѣ царствующаго короля (это писано въ 1830-мъ году); онъ былъ тогда кронъ-принцемъ.... Этотъ смотръ продолжался нѣсколько дней, и прусская армія пошла въ соединеніе съ австрійскою; герцогъ Брауншвейгскій принялъ главное начальство надъ обѣими арміями. Онъ публиковалъ извѣстную всѣмъ прокламацію, которая, какъ говорили, соединяла всѣ партіи во Франціи и была пагубною причиною этой кампаніи.

Графъ Н. П. съ маленькою своею свитою, въ которой находился и я, возвратился во Франкфуртъ. Онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ ѣхать въ Карлсруэ, къ маркграфу Баденскому, при которомъ онъ также былъ аккредитованъ и который, бывъ на коронаціи, пригласилъ его будто бы къ себѣ пріѣхать, и что онъ возметъ меня съ собою. Графъ говорилъ это для того, чтобъ не подать мнѣ малѣйшаго подозрѣнія о настоящей причинѣ его поѣздки. Я уже въ послѣдствіи узналъ, что императрица Ека-

терина, когда вознамѣрилась женить великаго князя Александра Павловича, поручила графу Н. П. Румянцову, какъ бывшему въ сношеніяхъ со многими маленькими имперскихъ князей дворами, объѣхать ихъ и доставить ея величеству свѣдѣнія о всѣхъ принцессахъ, бывшихъ тогда въ лѣтахъ для бракосочетанія. Выборъ императрицы палъ на Баденскій дворъ. Со мною прислано было графу повелѣніе отправиться въ Карлсруэ, сдѣлать маркграфу предложеніе выдать одну изъ принцессъ его дома въ замужество за великаго князя Александра Павловича, и когда получено будетъ согласіе, прислать портреты принцессъ къ императрицѣ. Во исполненіе этого повелѣнія ея величества, графъ отправился въ Карлсруэ, тотчасъ по возвращеніи своемъ во Франкфуртъ: онъ не взялъ съ собою ни одного изъ своихъ чиновниковъ; въ каретѣ сидѣли: графъ, я и его камердинеръ; при немъ были два лакея.

Едва мы пріѣхали въ Карлсруэ и остановились въ трактирѣ, какъ маркграфъ прислалъ спросить о здоровьѣ графа и поздравить его съ пріѣздомъ; присланъ былъ каммергеръ. Графъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и что онъ тотчасъ будетъ имѣть честь представиться его свѣтлости; вслѣдъ за тѣмъ пріѣхала за нимъ придворная карета. По возвращеніи графа изъ дворца, тотъ же каммергеръ присланъ былъ пригласить его на обѣдъ къ маркграфу, и съ тою особою, которая при немъ находится. При дворахъ владѣтельныхъ князей былъ этикетъ: что должно имѣть по крайней мѣрѣ чинъ штабъ-офицера, чтобы обѣдать за столомъ принца, а по сему графъ Н. П. поручилъ маркграфа благодарить за честь, сдѣланную его спутнику, но что чинъ его не позволяетъ ему воспользоваться ею. Каммергеръ немедленно возвратился съ повтореніемъ приглашенія и что его свѣтлость не намѣренъ соблюдать никакихъ этикетовъ, изъ уваженія къ особѣ графа, а наиболѣе ко двору, отъ котораго онъ аккредитованъ. Въ назначенный для обѣда часъ, пріѣхала за нами придворная карета; при въѣздѣ нашемъ на дворцовый дворъ, стоявшій караулъ, отъ гвардейскихъ кирасиръ, вышелъ съ ружьемъ и отдалъ честь. У маркграфа всего войска было: кавалеріи одинъ эскадронъ и баталіонъ пѣхоты.—Графъ Н. П. былъ принятъ со всевозможною почестью: оберъ-каммергеръ вышелъ его встрѣтить. Маркграфъ, наслѣдный принцъ и принцесса, принцъ Фридрихъ, вторый сынъ маркграфа, обошлись съ нимъ весьма ласково. Графъ представилъ меня всему двору. Маркграфъ былъ женатъ на графинѣ Хохбергъ, но она была какъ партикулярная

дама; это было, какъ называется, морганическая свадьба; дѣти, родившіяся отъ этого брака, въ послѣдствіи были признаны законными, и владѣтельный нынѣ принцъ великій герцогъ Баденскій, одинъ изъ сыновей маркграфа. Принцессъ въ первый день я не видалъ, онѣ были въ загородномъ домѣ. За обѣдомъ было особъ 20; послѣ стола былъ концертъ, въ которомъ прекрасно пѣла одна благородная дѣвица, принадлежавшая къ двору. На другой день принцъ Фридрихъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ, въ Дурлахъ. Аллея, ведущая изъ Карлсруэ къ этому замку, считается единственною въ Европѣ: дорога, на разстояніи $2\frac{1}{2}$ нѣмецкихъ миль, обсажена, по обѣимъ сторонамъ, въ два раза, вѣковѣчными, величественными пирамидальными тополями. Обѣдъ былъ на открытомъ воздухѣ въ саду; мужчинамъ позволено было быть во фракахъ и за столомъ сидѣть въ шляпахъ: на этомъ обѣдѣ находились обѣ принцессы: Луиза и Фредерика. У принца Фридриха жилъ одинъ Французъ, имени котораго я теперь не помню; онъ затѣялъ играть шарады, на театрѣ устроенномъ въ саду; кулисы состояли изъ стриженныхъ шпалеръ: день кончился маленькими играми. Мнѣ случилось хоронить папу съ принцессою Луизою; я ничего не видывалъ прелестнѣе и воздушнѣе ея таліи, ловкости и пріятности въ обращеніи. Маркграфъ, дѣдъ этихъ принцессъ, былъ добродѣтельнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ германскихъ принцевъ. Когда мы въѣхали въ границы его владѣній и, поднимаясь на высокую гору, вышли изъ кареты, мы увидѣли нѣсколько мужиковъ, пахавшихъ въ полѣ; графъ сказалъ мнѣ: «спроси у нихъ, кто ихъ владѣтель.» Они мнѣ отвѣчали: «у насъ нѣтъ владѣтеля, а мы имѣемъ отца-маркграфа Баденскаго.» Вѣтоятно, по этой причинѣ, императрица Екатерина и предпочла женить своего внука на одной изъ принцессъ этого благословеннаго дома.

Въ это время въ Карлсруэ находилась княгиня В. А. Шаховская, съ дочерью своею; княгиня, будучи въ Парижѣ, выдала дочь свою за князя д'Арамберга (d'Aremberg), бывшаго однимъ изъ главныхъ участниковъ въ Нидерландской революціи. Графъ Кобенцель, бывшій тогда при дворѣ нашемъ посломъ Римскаго императора, довелъ это до свѣдѣнія императрицы Екатерины. Государыня, въ первую минуту своего гнѣва, издала указъ, чтобы княгиня Шаховская возвратилась немедленно въ Россію, въ противномъ случаѣ лишена будетъ своего имѣнія, и дѣти, отъ ея дочери рожденныя, не могутъ быть ея наслѣдниками, ибо имѣніе княгини

состоитъ въ желѣзныхъ рудникахъ и соляныхъ варницахъ, а по закону Петра Великаго, имѣнія такого рода могутъ принадлежать лишь Россійскимъ подданнымъ. Это извѣстіе столь сильно поразило княгиню Шаховскую, что у нея отнялась одна нога; не взирая на это, она была на пути въ Россію, и остановилась на нѣсколько дней въ Карлсруэ, потому что супруга наслѣднаго принца очень ее любила. Узнавъ о пріѣздѣ графа Н. П., княгиня Шаховская просила его навѣстить ее; она умоляла графа донести императрицѣ о болѣзненномъ ея состояніи и желала бы сама написать къ ея величеству, но не имѣла никого, кто бы могъ это сдѣлать. Графъ послалъ къ ней меня, и съ этого времени началось мое знакомство съ княжною Шаховскою.

Пробывъ, самымъ пріятнымъ образомъ, всякій день, въ обществѣ прелестныхъ принцессъ и августѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ихъ родителей, съ небольшимъ три недѣли, графъ Н. П., у котораго я иногда исправлялъ должность секретаря, отправилъ меня съ депешами въ Петербургъ, къ императрицѣ. Княгиня Шаховская просила развезть письма ея къ роднымъ своимъ, которыхъ тамъ было много, между прочими и къ Екатеринѣ Ивановнѣ Вадковской.

Нетерпѣніе императрицы видѣть великаго князя Александра Павловича женатымъ было такъ велико, что (недождавшись портретовъ принцессъ Луизы и Фридерики, которая была впослѣдствіи королевою Шведскою, ибо портреты были отправлены со мною) на дорогѣ, проѣхавъ Майнцъ, я встрѣтилъ большую четырехъ-мѣстную карету, которая, проѣхавъ не много, остановилась, увидя во мнѣ вѣроятно курьера; я услышалъ голосъ, кричавшій, чтобы и я остановился; подходитъ ко мнѣ лакей, въ придворной нашей ливреѣ, и спрашиваетъ: «не курьеръ ли я, не ѣду ли я отъ графа Румянцева, и гдѣ онъ теперь находится?» Я отвѣчалъ, что я посланъ отъ него къ императрицѣ и что онъ изъ Карлсруэ, откуда я былъ отправленъ, на другой день долженъ былъ выѣхать во Франкфуртъ на Майнѣ. Я узналъ отъ лакея, что въ каретѣ ѣхали: графиня Шувалова и Стрекаловъ, которые и привезли потомъ въ Петербургъ обѣихъ Баденскихъ принцессъ.

Пріѣхавъ на станцію, называемую Кипень, по Нарвской дорогѣ, я узналъ, что императрица въ Царскомъ Селѣ, куда прямо отправился я, не заѣзжая въ Петербургъ. Тогда иностранная часть поручена была князю Зубову; графъ Безбородко, по заключеніи имъ мира съ Портою, былъ

сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и оставленъ вторымъ присутствующимъ членомъ въ иностранной коллегіи, но все имѣлъ отъ императрицы разныя порученія. Графъ Румянцевъ, отправляя меня, приказалъ депеши вручить князю Зубову, что̀ я и исполнилъ; онъ обошелся со мною очень ласково. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ поднесть ему золотый жетонъ, выбитый на коронацію императора Франца во Франкфуртѣ, и замѣтилъ, что ему это было пріятно. Довольно долго распрашивалъ онъ меня о всемъ, что̀ я видѣлъ, спрашивалъ также, не встрѣтилъ ли я брата его Валеріана Александровича, поѣхавшаго служить волонтеромъ въ австрійскую армію; но я съ нимъ не видался. Прочитавъ на скоро партикулярныя къ нему письма отъ принца Нассау и графа Румянцева, онъ сказалъ мнѣ: „принцъ Нассау и графъ Румянцевъ васъ очень хвалятъ,“ и отпустилъ меня. Князь Зубовъ оказалъ мнѣ впослѣдствіи большое благодѣяніе: зять мой, А. Н. Астафьевъ, невиннымъ образомъ пострадалъ, бывъ отрѣшенъ отъ должности совѣтника губернскаго правленія, и находился нѣсколько лѣтъ подъ судомъ, отъ того только, что докладъ о немъ лежалъ у рекетмейстера Терскаго; по просьбѣ моей, князь Зубовъ послалъ къ нему записку, и дѣло зятя моего на другой же день доложено и рѣшено императрицею.

Чрезъ нѣсколько дней, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, получается высочайшее повелѣніе въ измайловскій полкъ, изъ дежурства при ея величествѣ, что я пожалованъ въ этотъ полкъ прапорщикомъ. Я не въ состояніи изъяснить радости моей; въ особенности мнѣ пріятно было видѣть, сколько чинъ мой обрадовалъ зятя моего А. Н. и сестрицу мою А. Ѳ., съ которыми я жилъ вмѣстѣ. Мое удовольствіе еще болѣе увеличилось, когда, чрезъ нѣсколько часовъ, пришелъ ко мнѣ фельдфебель 10-й роты, въ которую я былъ написанъ и въ которой мы жили, и съ поданною рапортичкою привелъ ко мнѣ рядоваго, для посылокъ: а такъ какъ мундиръ офицерскій былъ уже у меня готовъ, я, на другой день, поѣхалъ явиться къ командовавшему тогда измайловскимъ полкомъ, премьеръ-маіору Іосафу Іевлевичу Арбеневу; это было въ четвергъ, а въ воскресенье 15-го Августа, онъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Царское Село, благодарить императрицу.

Командовавшіе гвардейскими полками, каждое воскресеніе и праздники, ѣздили съ рапортомъ къ государынѣ, во время пребыванія ея въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхавъ туда, я тотчасъ пошелъ къ князю Зубову благо-

дарить его за полученный мною чинъ; онъ мнѣ сказалъ, что послѣ обѣдни самъ представитъ меня, какъ дежурный генералъ-адъютантъ, императрицѣ; потомъ онъ прислалъ сказать, чтобъ я былъ представленъ дежурнымъ каммеръ-геромъ, которымъ былъ тогда В. Н. Зиновьевъ. Во время обѣдни, многія изъ знатныхъ особъ, узнавъ, что я пріѣхалъ съ Рейна, обступили меня и осыпали разными вопросами, какъ то: началась ли война противъ республиканцевъ были ли уже сраженія, что говорятъ о королѣ Французскомъ и множествомъ другихъ. Императрицѣ, въ Царскомъ Селѣ, представлялись, послѣ обѣдни, въ биліардной комнатѣ, что подлѣ большей раззолоченной залы, гдѣ стоятъ горы съ японскимъ фарфоромъ; мнѣ велѣно было тамъ дожидаться. Когда ея величество благодарили за какую нибудь милость, то можно было становиться и не становиться на колѣно; но я предпочелъ сдѣлать первое. Когда каммеръ-геръ меня назвалъ и государыня пожаловала мнѣ руку, чтобъ ее поцѣловать, признаюсь, что я крѣпко прижалъ ее къ моимъ губамъ. Императрица, въ то время, оборотясь къ графу Безбородко, сказала ему, съ небесною улыбкою: «какъ онъ скоро пріѣхалъ!» Эти слова глубоко врѣзались въ мое сердце. Послѣ того подошелъ ко мнѣ гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій и сказалъ мнѣ: «Вы можете остаться обѣдать за столомъ императрицы.» Это было мнѣ очень пріятно. Какой шагъ давалъ въ царствованіе Екатерины чинъ гвардіи офицера! Я былъ тогда наравнѣ со всѣми, и полковый мой командиръ, І. І. Арбеневъ, который, въ сержантскомъ моемъ чинѣ, не хотѣлъ и знать меня, теперь обѣдаетъ за однимъ со мною столомъ, и у кого-же? у Россійской императрицы! Послѣ обѣда, онъ первый подошелъ ко мнѣ и просилъ меня ѣздить къ нему за просто, на обѣдъ или на вечеръ, какъ я хочу. Признаюсь въ моемъ малодушіи, мнѣ хотѣлось въ полномъ мундирѣ показаться публикѣ и, прямо изъ Царскаго Села, я проѣхалъ на извѣстную, прекрасную дачу, по Петербургской дорогѣ, А. А. Нарышкина, куда, по праздникамъ, съѣзжался почти весь Петербургъ; я увѣренъ былъ, сверхъ того, что хорошо буду принятъ хозяевами, ибо жена А. А., Анна Никитична, была родная тетка графа Н. П. Румянцева, отъ котораго я привозилъ нѣсколько разъ къ ней письма. Я былъ чрезвычайно ими обласканъ и обратилъ многихъ тутъ находившихся гостей на себя вниманіе. Нѣсколько разъ я долженъ былъ, въ тотъ же день, удовлетворять на тѣ же вопросы. Въ то время, когда Россія славилась своимъ гостепріим-

ствомъ, А. А. и супруга его могли служить примѣромъ онаго; всякое воскресеніе и праздникъ, во все лѣто, на дачѣ ихъ было гулянье, и всѣ пріѣзжающіе, знакомые и незнакомые, угощаемы были даромъ: чаемъ, фруктами, конфектами, лимонадомъ, аршадомъ и проч.

Принцессы Баденскія вскорѣ послѣ того пріѣхали въ Петербургъ, и принцесса Луиза, нареченная во святомъ мѵропомазаніи Елисаветою Алексѣевною, избрана была въ супруги великаго князя Александра Павловича. Его высочество, извѣстясь, что я привезъ портретъ нареченной его невѣсты, желалъ меня узнать хотя съ виду, и всякій разъ, какъ мнѣ удавалось съ нимъ встрѣчаться, онъ отличалъ меня поклономъ, съ ласковымъ взглядомъ или улыбкою. Послѣ обрученія было поздравленіе, на коемъ находились всѣ гвардейскіе офицеры. Когда пришла моя очередь подходить, великій князь, увидя меня, сказалъ что-то своей невѣстѣ, и когда должно было поцѣловать ея руку, она мнѣ съ пріятною улыбкою, сказала: «Comment, c'est vous, monsieur» (какъ, это вы, сударь). Вѣроятно, она меня не узнала вдругъ, въ новомъ моемъ одѣяніи.

Скоро послѣ того, полкъ нашъ, какъ и вся гвардія, былъ въ парадѣ, по случаю въѣзда Турецкаго посла въ Петербургъ; а второй парадъ въ день свадьбы великаго князя Александра Павловича. Въ слѣдующее лѣто, пріѣхалъ въ Петербургъ князь Репнинъ; онъ вступилъ въ командованіе измайловскаго полка и сдѣлалъ смотръ оному. Князь нашелъ полкъ такъ запутаннымъ, что приказалъ составить образцовую команду, въ которую назначилъ и меня; спустя нѣсколько времени, онъ смотрѣлъ эту команду и былъ очень ею доволенъ, приказалъ мнѣ къ себѣ пріѣхать, обласкалъ меня чрезвычайно, сказалъ мнѣ, что ему отзывался обо мнѣ весьма милостиво великій князь Александръ Павловичъ, и поручилъ мнѣ пригласить къ нему всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ образцовой командѣ, на обѣдъ; въ томъ числѣ и я былъ приглашенъ. Это отличіе, сдѣланное мнѣ княземъ, возбудило зависть въ моихъ товарищахъ. Одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ уволенъ былъ въ отпускъ; князь назначилъ меня исправлять его должность. При полку находилась нормальная школа, составленная изъ солдатскихъ дѣтей измайловскаго полка; въ ней обучали русской грамотѣ, ариѳметикѣ и военной экзерциціи; главная цѣль этой школы была: образовать въ ней для полка хорошихъ унтеръ-офицеровъ. Воспитанники этой школы одѣты были по егерьски и учились всѣмъ эволюціямъ этого войска. Князь Репнинъ сдѣлалъ меня

начальникомъ нормальной школы; онъ поручилъ было мнѣ и полковую музыку, но старшій адъютантъ, Александръ Яковлевичъ Сукинъ, который былъ на время въ отпуску, такъ этимъ обидѣлся, что хотѣлъ выдти въ отставку. Получивъ порученіе отъ императрицы, князь Репнинъ оставилъ Петербургъ, въ концѣ года, приказавъ оставшемуся послѣ него, командовавшему полкомъ, Арбеневу внести меня въ докладъ къ 1-му генваря 1794-го года, на вакансію въ полковые адъютанты, съ заслугою однаго года, за подпоручичій чинъ. Во всей гвардіи производство было одинъ только разъ въ годъ, 1-го генваря; я былъ одинъ изъ младшихъ прапорщиковъ, а такъ какъ была еще одна адъютантская вакансія, то Арбеневъ упросилъ князя помѣстить на оную младшаго своего сына, который былъ подпоручикомъ, но по производству въ поручики ему еще не доставалось. Едва докладъ вышелъ, и я произведенъ былъ въ полковые адъютанты, какъ написалъ къ князю Репнину письмо, на которое онъ мнѣ немедленно отвѣчалъ собственноручно; я священною обязанностію считаю сохранять этотъ памятникъ, свидѣтельствующій о благодѣяніяхъ, оказанныхъ мнѣ этимъ знаменитымъ вельможею.

Я велъ жизнь чрезвычайно пріятную, принятъ былъ въ лучшемъ Петербургскомъ обществѣ. Княгиня Наталья Петровна Голицына возвратилась изъ чужихъ краевъ, открыла свой домъ, и каждую середу у нея были балы; у сестры ея, графини Даріи Петровны Салтыковой, по воскресеньямъ. Въ то время были прекрасные балы публичные подъ названіемъ дворянскихъ; число членовъ было ограниченно, и лучшая публика на оные съѣзжалась. Также были балы, называвшіеся англійскими; въ этихъ балахъ участвовали иностранные негоціанты. Въ измайловскомъ полку служилъ тогда штабсъ-капитатъ П. А. Талызинъ; я съ нимъ былъ очень друженъ; онъ былъ въ родствѣ со многими знатными фамиліями, между прочими съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, съ которымъ онъ меня познакомилъ. Я встрѣчался тамъ съ княгинею К. Ѳ. Долгорукою; она была тогда изъ первыхъ молодыхъ дамъ въ Петербургѣ, какъ по красотѣ своей, такъ и по пріятному обращенію; я часто у нея бывалъ. Тогда въ большемъ обыкновеніи были спектакли изъ лицъ высшаго общества. Посолъ Римскаго императора, графъ Кобенцель, извѣстный своею любезностію, былъ изъ числа обожателей княгини Долгорукой; онъ имѣлъ прекрасный талантъ къ театру, и часто они играли вмѣстѣ; однажды, между прочимъ, они представляли италіанскую оперу: La

Serva Padrone (Служанка-Госпожа) превосходно. Общею молвою было тогда, что посолъ, послѣ одной роли, пріѣхалъ столь утомленный домой прямо съ театра, что легъ въ постель не раздѣвшись; едва онъ заснулъ, какъ камердинеръ его будитъ и вводитъ курьера, къ нему пріѣхавшаго отъ имени императора, съ нужными депешами. Графъ Кобенцель вскочилъ съ постели; курьеръ, увидя его съ насурменными бровями, нарумяненнымъ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказалъ: «Это не посолъ, а какой-то шутъ!» Не знаю, по какому-то случаю графъ Кобенцель давалъ большой балъ, но я съ нимъ не былъ знакомъ и не получилъ приглашенія на оный; на канунѣ уже того дня, я случился вмѣстѣ съ княгинею Долгорукою у князя Куракина, который спросилъ у меня, буду ли я на другой день у посла на балѣ? Я ему отвѣчалъ, что я не приглашенъ: онъ обратился къ княгинѣ и говоритъ: «Королева, пошли къ своему подданному повелѣніе сей часъ, чтобъ онъ прислалъ зовъ этому молодому человѣку.» Она написала на лоскуткѣ бумажки нѣсколько словъ, и я съ тѣмъ же посланнымъ получилъ билетъ приглашенія. Тогда въ обществѣ составились двѣ партіи: графиня Головкина завидовала преимуществамъ, которыми пользовалась княгиня Долгорукая предъ прочими дамами, а въ томъ числѣ и предъ нею; она вздумала собрать свою труппу актеровъ, между коими былъ и я. Выбрали двѣ комедіи: La seconde surprise de l'amour, de Marivaux, et l'Impatient: въ первой играли: графиня Головкина, дѣвица Конноръ, теперешняя г-жа Меліанъ (M-me Meilhan), Ростопчинъ, баронъ А. С. Строгоновъ, князь П. М. Волконскій, Окуловъ и я; во второй: графиня Головкина, графъ П. А. Шуваловъ и баронъ Строгановъ; можетъ быть и еще кто нибудь участвовали въ этомъ представленіи, но я теперь не помню. Театръ былъ поставленъ въ домѣ баронессы Строгановой, на дворцовой набережной. Главная наша актриса не имѣла большаго успѣха, и тѣмъ окончилось ея соперничество съ княгинею Долгорукою. Большую часть моего времени я проводилъ тогда у Екатерины Ивановны Вадковской; она лѣтомъ живала на Каменномъ острову, въ домѣ отца своего графа Ивана Григорьевича Чернышева. Общество ея, въ которомъ я находилъ большое удовольствіе, имѣло свой мундиръ. Я долженъ сказать однакоже, что Екатерина Ивановна была причиною, что у меня едва не было дуэли съ княземъ Б. В. Голицынымъ. Въ числѣ молодыхъ людей, съ которыми я связанъ былъ дружбою, находился князь Павелъ Михайловичъ Волконскій: онъ служилъ

при дворѣ каммеръ-геромъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ жить въ Москву. Во время свадьбы великаго князя Константина Павловича, князь Волконскій пригласилъ меня пріѣхать въ Москву и остановиться въ его домѣ, чтобъ быть свидѣтелемъ: какимъ образомъ древняя столица будетъ праздновать это радостное происшествіе, тѣмъ болѣе, писалъ князь, что мнѣ уже извѣстны Петербургскія празднества, по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича бывшія. Я получилъ отпускъ и тотчасъ отправился въ Москву. Князь П. М. познакомилъ меня съ лучшими тамъ домами, и такъ какъ въ мущинахъ всегда бываетъ недостатокъ въ Москвѣ, то я приглашаемъ былъ на нѣсколько обѣдовъ и баловъ, въ одинъ и тотъ же день. Лучшіе балы были у князя Михайла Михайловича Голицына и у князя Щербатова, отца красавицъ, вышедшихъ впослѣдствіи за мужъ за графа Шувалова, за Скарятина и за Соловова; онѣ составляли лучшее украшеніе тѣхъ баловъ. Меня находили похожимъ лицемъ на старшаго ихъ брата, князя Алексѣя Григорьевича, и потому я принятъ былъ въ домѣ какъ нельзя лучше. Я былъ приглашаемъ и на большіе обѣды; великолѣпнѣйшіе были: у оберъ-камергера князя А. М. Голицына, у графа А. Г. Орлова и у графа Остермана. Повеселившись въ Москвѣ, мѣсяца два, я возвратился въ Петербургъ; это происходило въ началѣ 1795 года. Вскорѣ послѣ того, я познакомился съ княземъ А. М. Бѣлосельскимъ; онъ тогда женился на дѣвицѣ Козицкой и, какъ извѣстно, взялъ за нею большое богатство. Отъѣзжая въ Москву, онъ совѣтовалъ мнѣ туда пріѣхать, говоря, что у него множество знакомыхъ, въ числѣ которыхъ есть и невѣсты богатыя; я рѣшился послѣдовать его совѣту, списавшись съ княземъ П. М. Волконскимъ, который всегда былъ радъ со мною видѣться, а потому и пригласилъ меня въѣхать опять прямо къ нему въ домъ. Князь Бѣлосельскій жилъ въ Москвѣ великолѣпно, я былъ у него почти всякій день; онъ любилъ играть комедіи и можно сказать былъ мастеръ этого дѣла; особливо онъ игралъ въ совершенствѣ роль игрока въ комедіи Реніяра. По нѣкоторомъ моемъ пребываніи въ Москвѣ, онъ предложилъ мнѣ въ невѣсты дѣвицу Бекетову, бывшую впослѣдствіи женою Сергѣя Сергѣевича Кушникова, а дабы познакомить меня съ этою дѣвицею и съ ея родственниками, князь пригласилъ всѣхъ ихъ и меня къ себѣ на обѣдъ. Вскорѣ послѣ того разнесся въ Москвѣ слухъ, что у насъ война съ Швеціею: всѣ гвардейскіе офицеры, тамъ находившіеся, въ томъ числѣ и я, поспѣшили от-

правиться къ своимъ полкамъ; слухъ этотъ оказался неосновательнымъ, и предположенія князя Бѣлосельскаго женить меня на дѣвицѣ Бекетовой не имѣли никакихъ послѣдствій.

Зять мой, Алексѣй Николаевичъ, служилъ тогда при графѣ Безбородко и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ; я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда я пожелаю. Кромѣ званныхъ гостей, обыкновенное общество состояло изъ особъ живущихъ у графа и нѣсколько человѣкъ, коротко знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе слышать разговоръ графа Безбородко. Онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, въ особенности о фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ, при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ читая схватывалъ смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна. Мнѣ случалось видѣть, что привезутъ къ нему отъ императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобъ для него не безпокоились и продолжали-бъ разговаривать, между тѣмъ онъ только что переворачивалъ листы и иногда вмѣшивался въ бесѣду гостей своихъ, не переставая въ тоже время читать бумаги. Если то, что онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, онъ намъ сообщалъ содержаніе онаго. Я слышалъ отъ графа Маркова, что онъ не могъ никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородко читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостію и такъ вѣрно и скоро постигать смыслъ оныхъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1796-го года, вздумалось офицерамъ нашего полка дать праздникъ своимъ знакомымъ, и для того они наняли дачу, на 6-й верстѣ по Петербургской дорогѣ, принадлежавшую князю С. Ѳ. Голицыну; она построена была по плану залы Таврическаго дворца. Барону Г. А. Строганову поручено было украшеніе залы и ужинъ; на меня возложили полицейскую часть насчетъ пріѣзда и разъѣзда экипажей; нѣсколько офицеровъ назначено было для пріема гостей, коихъ было до 150 особъ. Вся дача была иллюминована, и въ заключеніе сожженъ былъ фейерверкъ и когда въ щитѣ загорѣлся вензель императрицы, со всего полка собранные барабанщики били походъ, а полковая музыка играла. Праздникъ вообще былъ прекрасный, и о немъ долго говорили.

Петербургъ готовился къ большимъ празднествамъ, которыхъ конецъ долженствовалъ быть ознаменованъ ужаснѣйшимъ происшествіемъ, по-

грузившимъ всю Россію въ печаль и уныніе: ожидали короля Шведскаго, и бракъ его съ великою княжною Александрою Павловною казался достовѣрнымъ; онъ пріѣхалъ, и послѣ всѣхъ угощеній, послѣ всѣхъ ласкъ, императрицею Екатериною ему оказанныхъ, и когда уже всѣ священнослужители, въ полномъ облаченіи, въ придворной церкви, готовы были совершать бракосочетаніе, король, подъ разными предлогами, отъ онаго уклонился и на другой день уѣхалъ въ свое государство. Такой неожиданный поступокъ противъ великой государыни, привыкшей видѣть все покорнымъ ея волѣ, произвелъ на ея здоровье, какъ говорили тогда, самое вредное вліяніе. Императрица, шесть недѣль послѣ отъѣзда Шведскаго короля изъ Петербурга, скончалась отъ апоплексическаго удара. Это несчастіе, для всѣхъ подданныхъ великія Екатерины, случилось 6-го ноября 1796-го года.

ДВА ПИСЬМА ГРАФА ЭСТЕРГАЗИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА КЪ ЖЕНѢ СВОЕЙ.

(1791).

Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, 1791 г., Сент. 3-го: «Явился у насъ графъ Эстергази, генералъ-поручикъ французской службы. Его приняли (т. е. императрица Екатерина II-я) въ Эрмитажѣ; онъ былъ отъ 3 до 6 часовъ послѣ обѣда и приглашенъ въ спектакль.»

Этотъ графъ Валентинъ-Владиславъ Эстергази (род. въ Парижѣ въ 1740 г.) послѣ неудавшагося бѣгства короля Людовика XVI, въ Августѣ 1791 года, былъ посланъ братомъ короля графомъ д'Артуа въ Петербургъ просить помощи у Екатерины II-й. Вслѣдствіе событій, разыгравшихся во Франціи, онъ уже не могъ возвратиться домой и поселился у насъ въ пожалованномъ ему помѣстьи на Волыни, гдѣ и умеръ въ 1805 г.

Предки его нѣкогда были Венгерскими магнатами; но по причинамъ политическимъ должны были покинуть родину. Отецъ графа Валентина-Владислава, въ началѣ XVIII в., поступилъ во французскую службу, а самъ онъ занималъ губернаторскую должность въ Рокруа.

Французскіе подлинники помѣщаемыхъ писемъ хранятся въ семействѣ графовъ Эстергази. Они были списаны княземъ П. А. Вяземскимъ и обязательно сообщены въ *Русскій Архивъ;* здѣсь слѣдуетъ ихъ русскій переводъ. *П. Б.*

I.

С.-Петербургъ $\frac{4}{15}$ Сент. 1791 г.

Наконецъ, моя милая, достигъ я здѣшней тихой пристани. Путешествіе, при всей его продолжительности, совершилось вполнѣ благополучно. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня вечеромъ, но до сихъ поръ не могъ къ тебѣ писать, такъ какъ почта отходитъ только завтра. Не стану распространяться о здѣшнемъ городѣ, объ его разительныхъ особенностяхъ,

объ его громадности, красотѣ и молодости (не прошло еще и ста лѣтъ, какъ возведенъ здѣсь первый домъ): все это опишу тебѣ послѣ, на досугѣ; а теперь разскажу кое-что позанимательнѣе, и прежде всего о моемъ представленіи императрицѣ. Вчера утромъ я послалъ маіора Рата къ генералу Зубову съ депешами на его имя и съ письмомъ моимъ, въ которомъ я освѣдомлялся, какъ мнѣ поступить, чтобъ быть представлену ея величеству и поднести привезенныя мною письма. Зубовъ очень вѣжливо отвѣчалъ, что, если мнѣ угодно явиться къ нему въ 4-мъ часу, онъ проведетъ меня къ императрицѣ, которая приметъ меня въ своемъ Эрмитажѣ. Эрмитажъ—это великолѣпное, обширное зданіе, украшенное картинами, собранными отовсюду; въ немъ устроена галлерея, точь въ точь такая, какъ въ Ватиканѣ: снимки съ Рафаелевыхъ ложъ сдѣланы лучшими живописцами. Миновавъ семь или восемь огромныхъ залъ, я былъ введенъ въ комнату, гдѣ находилась императрица, одна, безъ орденовъ, въ самомъ простомъ одѣяніи и безъ украшеній на головномъ уборѣ. Взявши мое письмо, она указала мнѣ кресло возлѣ себя, и бесѣдовала со мною около часу о дѣлахъ. За тѣмъ она стала говорить о дядюшкѣ, который былъ здѣсь посломъ (1), о Венгріи, о разныхъ другихъ болѣе или менѣе важныхъ предметахъ, и все это съ такою любезностью, такъ просто, что я почувствовалъ себя какъ нельзя свободнѣе, точно будто передо мною сидѣла наша королева (2). Она сказала мнѣ, что въ 7 часовъ у нея соберется небольшое общество, и на театрѣ дадутъ небольшое представленіе, и что она меня приглашаетъ туда. Послѣ этого былъ позванъ г-нъ Зубовъ. Императрица спросила меня, знакомъ ли я съ гг. Кобенцелемъ, Штедингомъ, и Сенъ-При (3) и послала пригласить ихъ въ театръ, чтобы видѣть, какъ они изумятся, внезапно встрѣтивъ меня въ близкой бесѣдѣ съ Россійской императрицею, тогда какъ они и не воображали, что я въ Петербургѣ. Пока не началось представленіе, императрица вызвалась показать мнѣ свой Эрмитажъ. Никогда не видалъ я, чтобы столько мастерскихъ произведеній собрано было въ одномъ мѣстѣ; но признаюсь, всего болѣе удивляло меня то, что первое лицо, съ которымъ я бесѣдовалъ о Россіи, была сама императрица, что

(1) Германскаго императора.

(2) Марія Антуанета.

(3) Гр. Луи Кобенцель — посолъ Германскаго императора, гр. Штедингъ—посолъ Шведскій.

внезапно мнѣ сдѣлалось столь легко быть подлѣ нея; что этотъ геній, столь обширный, эта государыня столь великаго характера, являлась передо мною чрезвычайно любезною женщиною, веселоправною и необыкновенно-простою въ обращеніи. Около часу мы ходили по заламъ, точно какъ будто я заѣхалъ къ кому нибудь въ деревню, и любезный хозяинъ показывалъ мнѣ свое жилище. Наконецъ, въ билліардной, императрица присѣла; я и Зубовъ помѣстились возлѣ нея. Она приказала позвать императорскаго посла (4). Я его близко знаю: онъ намъ съ родни по твоей матушкѣ, т. е. черезъ Пальфлей. Графъ Кобенцель близорукъ. По мундиру и голубой лентѣ онъ принялъ меня за Сенъ-При; но императрица сказала ему, чтобы онъ вглядѣлся пристальнѣе. Тутъ онъ узналъ меня, и можешь вообразить себѣ его изумленіе. Вслѣдъ за нимъ явился Сенъ-При, и тоже не могъ надивиться, увидавъ меня. Штединга не нашли дома. Потомъ къ намъ явились какіе-то три дамы, два мальчика-великіе князья и еще человѣкъ около двадцати. Все это общество отправилось въ великолѣпную театральную залу. Императрица заняла стулъ во второмъ ряду, пригласивъ сѣсть возлѣ себя гр. Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старшій внукъ ея сѣлъ впереди нѣсколько въ лѣво, г. Сенъ-При въ право; Зубовъ возлѣ меня, а графъ Брюсъ возлѣ гр. Кобенцеля. Дамы помѣстились въ первомъ ряду, а остальное общество гдѣ кому вздумалось. Пустыхъ мѣстъ было довольно. Представляли Щедраго Человѣка и Школу Мужей. Пока шла первая піеса (безъ пѣнія и музыки), императрица то и дѣло заговаривала то съ тѣмъ, то съ другимъ. Она была весела и обворожительна въ обращеніи. Я позабавилъ ее, признавшись, какое имѣлъ я понятіе объ этикетѣ Петербургскаго двора и какъ мой маіоръ Ратъ увѣрялъ меня, что иностранцамъ никакъ нельзя видѣть Эрмитажа. Императрицѣ захотѣлось, чтобы нѣсколько дней спустя я самъ показалъ ему Эрмитажъ. Словомъ, ты не можешь себѣ представить, какъ она умѣетъ сдѣлать, чтобы всѣмъ было пріятно. Вторую піесу играли очень удачно, и мы смотрѣли ее внимательнѣе, чѣмъ первую. Старшему великому князю 14 лѣтъ, но съ виду ему лѣтъ 16. Онъ очень красивъ и даже величавъ. Младшій не такъ хорошъ собою, но въ чертахъ лица его есть что-то особенное, и онъ очень живъ въ обращеніи. Императрица, какъ видно, до безумія любитъ ихъ.

---

(4) Графа Кобенцеля.

Когда представленіе кончилось, мы подали руки дамамъ и прошли въ залу, гдѣ императрица откланялась намъ по русски (какъ кланяются мужчины или скорѣе монахи) и удалилась къ себѣ. Тогда гр. Кобенцель повелъ меня къ гр. Пушкину ([5]), главному лицу при великомъ князѣ (уѣзжавшемъ сегодня по утру), чтобы освѣдомиться, не могу ли я видѣть его еще до отъѣзда (онъ возвратится недѣли черезъ три) и передать ему письмо, которое привезъ къ нему отъ графа д'Артуа. У Пушкина было много дамъ. Гр. Кобенцель представилъ имъ меня. Мой пріѣздъ и оказанный мнѣ пріемъ были предметомъ разговора. Гр. Кобенцель потребовалъ, чтобы я переѣхалъ жить къ нему. Онъ отвезъ меня домой, и до полночи мы съ нимъ сидѣли и говорили. На утро великій князь прислалъ сказать, что приметъ меня въ 10 часовъ, передъ своимъ отъѣздомъ ([6]). Меня ввели къ нему въ кабинетъ, безъ всякаго этикета. Онъ пригласилъ меня сѣсть въ кресло, и мы довольно долго разговаривали. За тѣмъ онъ вывелъ меня въ другую комнату, и чрезъ минуту возвратился съ великою княгинею, въ которой я не нашелъ никакой перемѣны со времени ея путешествія въ Парижъ ([7]). Оба они говорили со мною о плачевныхъ обстоятельствахъ Франціи и короля. Какъ только я откланялся, они уѣхали въ деревню.

Тѣмъ временемъ гр. Кобенцель велѣлъ перевезти къ себѣ всѣ мои пожитки, отвелъ мнѣ превосходныя комнаты, и помѣстилъ у себя и моего маіора, чѣмъ я очень доволенъ. По его настоянію, я началъ дѣлать визиты: это значитъ, что мы, въ 6 лошадей, рыскали по всѣмъ Петербургскимъ улицамъ и развозили карточки: потому что принялъ насъ одинъ только графъ Остерманъ, вице-канцлеръ, напередъ извѣщенный о нашемъ посѣщеніи. Здѣсь всегда надо ѣздить въ 6 лошадей, имѣть бородатаго кучера и двухъ форейторовъ, сѣдящихъ на правой сторонѣ. Ѣзда адская, и лошади запряжены съ утра до вечера. Овса кладутъ на день подъ козлы, гдѣ сидитъ кучеръ. Обѣдали мы у г-на Гальвера, испанскаго министра; было много дамъ. По русскому обычаю мужчины цалуютъ у нихъ руку, а они цалуютъ васъ въ лице или дѣлаютъ видъ, что цалуютъ. Я еще не привыкъ къ этому обычаю. Обѣдъ былъ хорошъ,

---

([5]) Графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину.

([6]) Конечно, въ Гатчину.

([7]) Въ 1781 году.

и дамы, возлѣ которыхъ я сидѣлъ, любятъ поговорить. Послѣ обѣда мы съ Кобенцелемъ ѣздили съ визитами еще въ два дома. Въ одномъ хозяйка, уже не первыхъ лѣтъ, не красива собой и слаба здоровьемъ, но умна. Она не любитъ новыхъ знакомствъ, и чтобы продлить посѣщеніе, я вздумалъ съ ней поспорить. Представь себѣ, она утверждала, что бракъ есть самое глупое изобрѣтеніе, и что, хоть она и любитъ своего мужа и дѣтей и очень счастлива въ семействѣ, но тѣмъ не менѣе вообще почитаетъ брачное состояніе отвратительнѣйшимъ въ мірѣ. Я возражалъ ей. Въ это время появилась другая дама, которая два года тому назадъ была въ Парижѣ и встрѣчала тебя у мадамъ Ламбаль въ Версали. Она спрашивала о тебѣ. Я не помню, видалъ ли ее; да кромѣ того у меня здѣсь всѣ имена въ головѣ перепутались. Г-жа Сенъ-При осталась въ Швеціи, а мужъ ея пріѣхалъ сюда: императрица очень уважаетъ его. Я забылъ сказать, что Штедингъ обѣдалъ съ нами. Онъ много распрашивалъ меня о тебѣ. Я пораньше возвратился домой, чтобы отправить курьера и хоть въ главныхъ чертахъ дать отчетъ о переговорахъ. Завтра обѣдаю у гр. Безбородки, министра иностранныхъ дѣлъ, а ужинаю на дачѣ у гр. Остермана, гдѣ, говорятъ, будетъ небольшой праздникъ.

$\frac{5}{16}$ поутру. Г-нъ Зубовъ прислалъ звать меня къ себѣ между 10 и 11 часами. И такъ не имѣю больше времени какъ только сказать тебѣ, моя дорогая, что люблю тебя всею душою.

II.

Со смерти князя Потемкина ([8]) все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; Эрмитажа не было; она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы всѣ были слишкомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса. Что касается до меня, то мнѣ очень жаль, что я не зналъ его. Мнѣ кажется, никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, геніальныхъ способностей, приверженности къ монархинѣ, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣность, нарушеніе заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до

([8]) 5 Октября 1791 года.

такой степени странныя, что иной разъ раждалось сомнѣніе, въ здравомъ ли онъ умѣ. Отъ всего этого онъ скучалъ жизнью и былъ несчастливъ, и ты легко поймешь это, моя милая: онъ не любилъ ничего!

Я еще не успѣлъ разсказать тебѣ объ Олегѣ, Русской оперѣ, въ которой слова написаны императрицею, а музыку сочинялъ Сарти. Я тебѣ привезу ее. Содержаніе взято изъ древней Русской исторіи. Олегъ былъ дядя и опекунъ молодаго великаго князя Русскаго Игоря, и во время его управленія основана Москва. Сцена открывается торжественною закладкою этого города. Игорь кладетъ первый камень, въ присутствіи Олега, жрецовъ, бояръ и народа. Орелъ появляется въ поднебесьи, и жрецы пророчествуютъ, что новый городъ будетъ столицею великой имперіи. Жители, намѣревающіеся поселиться въ городѣ, празднуютъ его основаніе.

Во второмъ актѣ являются послы предлагающіе Игорю невѣсту. Ихъ великолѣпно принимаютъ. Они расхваливаютъ невѣсту. Игорь соглашается на ея пріѣздъ. Назначаютъ бояръ и женщинъ, которыя отправятся ей на встрѣчу. Въ концѣ акта Олегъ повѣряетъ одному своему приближенному намѣреніе воспользоваться праздниками Игоревой свадьбы и предпринять походъ на Константинополь, гдѣ царствуетъ императоръ Левъ, нанесшій Россіи оскорбленіе.

Въ третьемъ актѣ свадьба Игоря и Ольги; сначала невѣсту одѣваютъ; потомъ хлѣбъ и соль. Князь приходитъ за невѣстою. Она закрыта. Дорогу новобрачнымъ устилаютъ мѣхами и богатыми тканями. По возвращеніи изъ храма, бояринъ концомъ стрѣлы поднимаетъ покрывало съ молодой великой княгини; обоимъ осыпаютъ головы зернами, и трутъ ихъ собольями хвостами въ предостереженіе отъ колдовства. Во время пира Олегъ съ воинами выступаетъ въ походъ

Четвертое дѣйствіе подъ Константинополемъ. Готовы машины къ разрушенію городовыхъ стѣнъ. Олегъ размѣщаетъ къ приступу воиновъ своихъ (которые всѣ одѣты и вооружены по тогдашнему), какъ вдругъ являются послы съ предложеніемъ мира. Олегъ предписываетъ условія и отправляетъ своего боярина съ греческими послами. Они скоро возвращаются съ подписаннымъ договоромъ. Императоръ Левъ приглашаетъ къ себѣ князя Олега. Греки, сопровождающіе посланника, выражаютъ плясками радость свою о заключеніи мира.

Въ пятомъ дѣйствіи сначала дворецъ императора, который съ императрицею Зоею ожидаетъ Олега, окруженный дворомъ своимъ. Олегъ появляется съ своими воинами. Императоръ идетъ къ нему на встрѣчу, привѣтствуетъ его, представляетъ императрицѣ. Въ это время, въ глубинѣ театра, готовятъ столъ. Три царственныя лица садятся за него; пѣніе и пляска не прекращаются во время стола. Они пьютъ другъ за друга изъ большой золотой чаши. За тѣмъ пляска кончается. Они уходятъ со всѣмъ дворомъ на конское ристалище. Имъ указываютъ путь вѣстники, а впереди идутъ присудители наградъ въ играхъ. Гиподромъ — это обширная сцена въ глубинѣ театра съ подымающимися вокругъ рядами ступенекъ, на которыхъ сидитъ множество зрителей. Дворъ помѣщается правѣе на первой ступени, покрытой золотою тканію. Насупротивъ вѣстники и присудители наградъ. По трубному звуку начинается представленіе всякаго рода греческихъ игръ: бѣганья, борьбы, кулачнаго боя, бросанія диска и пр., все это подъ звуки прелестной музыки. Красавицы-Гречанки увѣнчиваютъ побѣдителей и пляшутъ съ ними. По окончаніи этого праздника, въ глубинѣ театра, подымается занавѣсъ, и представляется сцена Евридики и Геркулеса, приходящаго къ Адмету въ минуту смерти Альцесты. Сарти слишкомъ вѣрно подражалъ греческому искусству. Впечатлѣніе выходило весьма печальное и было довольно скучно. Послѣ этого представленія дворъ сходитъ со своихъ ступенекъ, и Олегъ, въ знакъ признательности за ласковый пріемъ, прибиваетъ щитъ свой съ Россійскимъ гербомъ къ одной изъ колоннъ гиподрома.

Трудно представить себѣ что либо прекраснѣе этого зрѣлища, особливо относительно одеждъ. Декораціи, хотя и хороши, но въ Парижѣ могли бы найтись несравненно лучше. Говорятъ, они чрезвычайно вѣрны тому времени, но тутъ я не судья; что до одеждъ, то онѣ превосходятъ всякое вѣроятіе: это золото и серебро, и вѣрность времени соблюдена въ нихъ со всею точностью. Увѣряютъ, что постановка стоила страшныхъ денегъ, хотя большая часть одеждъ запасная, а не новая. Я не въ состояніи судить о подробностяхъ представленія; но увѣряютъ, что въ этой піесѣ много замысловатаго. Олегъ преподаетъ своему молодому питомцу много великихъ наставленій, какъ нужно править. Поэтому я постигаю восторгъ зрителей, знающихъ, кто сочинялъ піесу. Ея императорское величество позвала меня къ себѣ въ ложу и повидимому желала видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на меня піеса. Она дѣйствительно

поразила меня, особливо зрѣлище гипподрома, о которомъ иначе трудно составить себѣ понятіе.

«Начальное управленіе Олега, подраженіе Шакеспиру безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ. Печатано въ тип. Горнаго Училища 1791.» 2°. VII (предисловіе Н. А. Львова), 38 стр. текста и 189 стр. нотъ. соч. Сарти. Въ текстѣ гравир. картины. Книга эта имѣется въ Чертковской библіотекѣ Д. II $\frac{1}{3}$. Театральное произведеніе это есть скорѣе либретто для музыки. Въ него вставлены нѣкоторыя лучшія строфы изъ одъ Ломоносова. Олегъ, отправляясь въ Кіевъ, гдѣ произошла тревога въ умахъ. говоритъ между прочимъ: «Изъ давнихъ уже временъ то есть дѣло народныхъ правителей. чтобъ сносить людское поношеніе терпѣливо. Не знавъ меня въ лице, всякъ обо мнѣ судитъ по своему смыслу или праву. Оправдывать себя не могу и не буду противу всѣхъ, ибо я одинъ; но оставлю потомству обо мнѣ безпристрастно отзываться повально и подробно.» Въ другомъ мѣстѣ. «Человѣкъ аки шаръ. Счастіе и несчастіе, играющія между собою, кидаютъ его изъ угла въ уголъ къ стѣнамъ горницы. Не повреждается душевно отъ того лишь тотъ, кто довольно имѣетъ въ себѣ твердости, чтобъ бодрость духа его не понесла урона отъ чрезвычайной скорби или же не позабылась при безмѣрной радости.» — Желательно бы было обратить вниманіе на эту Екатеринскую оперу, вниманіе Русскаго музыкальнаго общества. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ А. П. МЕЛЬГУНОВА (*).

I. Рескриптъ императрицы Екатерины II.

Алексѣй Петровичъ! Коммиссія объ учрежденіи училищъ, продолжая, по волѣ Нашей, труды ея къ снабденію имперіи народными училищами, пріуготовилася уже къ открытію оныхъ въ двадцати пяти губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ намѣстничествахъ Ярославскомъ и Вологодскомъ. Утвержденные Нами уставъ и штатъ сихъ училищъ, равно какъ и потребные для нихъ учители съ книгами, симъ заведеніямъ присвоенными, будутъ къ вамъ отъ коммисіи присланы. Вслѣдствіе чего, возлагаемъ Мы на попеченіе ваше, чтобъ къ открытію оныхъ къ назначенному отъ коммисіи времени, то-есть 22 сентября, все нужное было приготовлено; и хотя не вездѣ приказы общественнаго призрѣнія столь достаточные капиталы имѣютъ, чтобъ изъ процентовъ ихъ удовлетворять всѣмъ предметамъ, попеченію ихъ предоставленнымъ; но какъ доходы оныхъ, при добрыхъ и усердныхъ стараніяхъ начальства и разныхъ обществъ, отъ времени далѣе могутъ умножаться: сверхъ того, снабдивъ города Наши разными выгодами, въ Городовомъ Положеніи изображенными, доставили Мы имъ доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями — просвѣщеніе народное одною изъ первыхъ почитаться долженствуетъ; содержаніе же народныхъ училищъ не требуетъ большаго иждивенія, какъ то въ штатѣ ясно показано, и при томъ на первое время довольно будетъ открытія въ губернскомъ городѣ главнаго, да еще также и по самымъ знатнѣйшимъ городамъ малыхъ народныхъ училищъ, то и увѣрены Мы, что вы изыщете средства заимствовать нужное сихъ училищъ содержаніе безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія и для другихъ полезныхъ заве-

---

(*) См. объ А. П. Мельгуновѣ статьи Л. Н. Трефолева и Ѳ. Н. Фортунатова въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., изд. 2-е, стр. 873–952.

деній, о чемъ и будемъ ожидать вашего увѣдомленія. Впрочемъ, нашъ тайный совѣтникъ Заводовскій, по предсѣданію его въ коммисіи о народныхъ училищахъ, о всемъ, до установленія оныхъ касающемся, не упуститъ съ вами снестися. Пребываемъ всегда вамъ благосклонны.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 12, 1786.

II. Письмо П. В. Заводовскаго къ Мельгунову.

Милостивый государь мой, Алексѣй Петровичъ!

Во исполненіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, къ вамъ, уповаю, уже дошедшаго, объ открытіи въ губерніяхъ, вамъ ввѣренныхъ, Ярославской и Вологодской, въ каждой — главнаго народнаго училища, имѣю честь представить при семъ вашему высокопревосходительству осмерыхъ учителей, именуя ихъ и самыя науки, которыя преподавать будутъ, въ приложенномъ у сего спискѣ (*). Какъ воля Всемилостивѣйшія Государыни есть, чтобъ въ двадцати пяти губерніяхъ открыты были сіи училища 22-го сентября сего года, во всемъ сообразно установленному въ здѣшней столицѣ, то, спѣша доставить все къ тому потребное, не утруждаю больше ваше в—ство, какъ единымъ препорученіемъ въ ваше покровительство сихъ людей и самаго дѣла, которое, по новости своей, токмо онымъ можетъ быть споспѣшествуемо.

Съ одной стороны, сіе заведеніе, яко пособствующее просвѣщенію народному, само-собою представляетъ свою важность; съ другой, пособія, оному потребныя, какъ ни малоцѣнны суть, могутъ иногда предложить затрудненія по части хозяйственной: разумѣю симъ нужныя издержки. Въ соображеніи сего, сообщу не больше какъ одну мою мысль, что въ здѣшней губерніи многіе ревнительные о благѣ общемъ граждане, въ пользу сего заведенія, добровольнымъ подвигомъ, одни выстроили, другіе дали на школы домы, нѣкоторые же и денежныя подаянія учинили. Подвигнуть подобное благотвореніе и въ вашихъ губерніяхъ средствами, поощряющими усердіе и благость, — дѣломъ будетъ собственнаго вашего благоразсужденія.

(*) Списка этого мы не имѣемъ. П. Б.

Въ скоромъ времени нельзя ожидать удобности въ выстройкѣ домовъ для школъ; но какъ для сего не требуются огромныя зданія, а только вмѣстилище учащихся, въ часы, для наукъ назначенные, то къ тому и всякое казенное въ городѣ строеніе, отъ употребленія излишнее, или жъ монастырское, по мѣрѣ того испрошенное, употребить весьма возможно.

Вслѣдъ за симъ не умедлю я доставить в—му в—ству самый уставъ о народныхъ училищахъ, лишь отпечатанъ оный будетъ. — Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, всепокорнымъ слугою,

Петръ Заводовскій.

С.-Петербургъ.
Августа 14 дня 1786-го года.

(Сообщено Л. Н. Трефолевымъ).

Замѣтка о могилѣ А. П. Мельгунова.

Минувшей весной, мнѣ случилось быть, съ моими знакомыми, въ Толгскомъ монастырѣ, близь Ярославля. Тамъ въ одной изъ церквей погребенъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ — личность не дюженная, такая личность, которую Ярославцы, во всякомъ случаѣ, должны поминать добрымъ словомъ.... И что же я узналъ?

Духовное лицо, сопровождавшее насъ при обзорѣ монастырскихъ древностей, на просьбу мою показать гробницу Мельгунова, выразительно улыбнулось, махнувъ рукой.

— Что такое? — спрашиваю.

— Смотрѣть-то нечего.

— Какъ такъ? удивился я.

— Да, видите ли, не давно у насъ въ церкви разрушеніе произошло, часть потолка рухнула, — такъ гробъ-то Мельгуновскій и пострадалъ, знаете, при семъ казусномъ случаѣ...

— А кости сохранились?

Спрашиваемый еще выразительнѣе замахалъ обѣими руками.

— Нѣтъ, костей не найдете. Послѣ обвала, ихъ смѣшали съ другими, и гдѣ онѣ теперь — одинъ Богъ знаетъ. Вотъ, доска съ золотыми буквами, гласящая, что здѣсь погребенъ такой-то, сохранилась; а останковъ, увѣряю васъ, нѣтъ и въ поминѣ...

Мнѣ стало грустно. Бѣдный другъ Петра III! Бѣдный филантропъ и основатель масонской ложи въ Ярославлѣ! Не ужели, еслибъ прахъ его лежалъ не подъ церковнымъ сводомъ, этотъ почтенный прахъ сохранился бы еще надолго?...

Церковь была заперта, а ключа мы не могли добыть, и потому лично удостовѣриться въ справедливости сказаннаго я не могъ; но, конечно, разсказъ нашего чечероне вполнѣ основателенъ. Что за радость фантазировать на такую тяжелую тему? А если это правда, то, мнѣ кажется, необходимо снять и доску, чтобы она не вводила въ заблужденіе довѣрчивыхъ путниковъ, желающихъ поклониться праху Мельгунова, тогда какъ онъ «Богъ знаетъ гдѣ.»

24 Августа 1867 г.

Ярославль.

Л. Трефолевъ.

Въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1867 года заявлено было о вопіющихъ безпорядкахъ на одномъ изъ старѣйшихъ Московскихъ кладбищъ, гдѣ схоронены также люди, дорогіе для Россіи. Мы не знаемъ, приняты ли монастырскимъ начальствомъ мѣры къ прекращенію такого оскорбительнаго святотатства; по крайней мѣрѣ въ сентябрѣ 1867 года мы сами видѣли поломанные кресты, расшатавшіеся камни и коровъ, разгуливающихъ между историческими могилами. Не таковы кладбища монастырей Донскаго и Алексѣевскаго. *П. Б.*

ВЫПИСКИ ИЗЪ АРХИВА КАНЦЕЛЯРІИ ПРИБАЛТІЙСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

I.

Яицкіе казаки въ прибалтійскомъ краю.

Извѣстно, что Пугачевъ въ сентябрѣ 1774 г. уже не имѣлъ никакихъ средствъ къ своему спасенію. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой — надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его правительству.

«Пугачевъ, говоритъ Пушкинъ (Исторія Пугач. бунта, глава VIII), хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ нибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Козаки на то притворно согласились, но, сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Козаки, не согласившіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.»

«Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ козаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и, между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Козаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. Чтоже? сказалъ Пугачевъ: вы хотите измѣнить своему государю? — Что дѣлать! отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. «Я давно видѣлъ вашу измѣну, сказалъ Пугачевъ и, подозвавъ своего любимца, Плецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: вяжи! Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пуга-

чевъ не дался. Развѣ я разбойникъ? говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому городку (Уральскъ), — гдѣ и сдали его гвардіи капитанъ-поручику Маврину.»

Пугачевъ и его главнѣйшіе сообщники: Перфильевъ, Шигаевъ, Падуровъ, Торновъ и Чика казнены смертію.

Относительно же казаковъ, выдавшихъ Пугачева правительству, въ 9 пунктѣ «сентенціи 1775 г. января 10 о наказаніи смертною казнію измѣнника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщниковъ», сказано:

«Илецкаго казака Ивана Творогова, да Яицкихъ Ѳедора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Ѳедулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милостиваго манифеста, отъ всякаго наказанія освободить: первыхъ пять человѣкъ потому, что, внявъ гласу и угрызенію совѣсти и восчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, не только пришли сами съ повинною, но и виновника пагубы ихъ, Пугачева, связавъ, предали себя и самаго злодѣя и самозванца законной власти и правосудію; Пустобаева за то, что онъ отдѣлившуюся шайку отъ самаго злодѣя Пугачева склонилъ придти съ повиновеніемъ, равномѣрно и Кочурова, еще прежде того времени явившагося съ повинною; а послѣднихъ двухъ за оказанные ими знаки вѣрности, когда они были захвачены въ толпу злодѣйскую и были подсылаемы отъ злодѣевъ въ Яицкій городокъ, но они, приходя туда, хотя отстать отъ толпы опасались, однако возвѣщали всегда о злодѣйскихъ обстоятельствахъ и о приближеніи къ крѣпости вѣрныхъ войскъ, и потомъ когда разрушена была злодѣйская толпа подъ Яицкимъ городомъ, то сами они къ военачальнику явились. И о семъ Высочайшемъ милосердіи Ея Императорскаго Величества и о помилованіи сдѣлать имъ особое объявленіе чрезъ отряженнаго изъ Собранія члена, сего января 11 дня (1775 г.) при всенародномъ зрѣлищѣ предъ Грановитою Палатою, гдѣ и снять съ нихъ оковы.»

Этихъ-то, выдавшихъ Пугачева, казаковъ (число ихъ впрочемъ простиралось до 25 человѣкъ, какъ сказано въ манифестѣ 19 декабря 1774 г.) правительство рѣшило выслать на поселеніе въ такую страну, гдѣ бы они, находясь посреди инороднаго и иновѣрческаго населенія, наименѣе были-бы опасны. Такою страною была признана Лифляндія.

Въ 1775 году Лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-аншефъ, графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ. Бывшій въ то время генералъ-прокуроромъ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій писалъ изъ Москвы 6 февраля 1775 года къ графу Броуну слѣдующее:

«Ея императорское величество о содержащемся въ Москвѣ въ тайной экспедиціи Яицкомъ казакѣ Козьмѣ Фофановѣ высочайше повелѣть соизволила: оный казакъ Фофановъ за прилѣпленіе къ бывшему злодѣю и что онъ былъ при всѣхъ чинимыхъ злодѣемъ злодѣяніяхъ безотлучно, и почиталъ государемъ злодѣя и былъ ему вѣрнымъ, по законамъ достоинъ смертной казни; но какъ по слѣдствію въ тайной экспедиціи открылось, что оный Фофановъ при вязаніи злодѣя Чумаковымъ съ прочими былъ и напослѣдокъ самъ съ другими его таковыми же товарищами въ Яикъ явился, то по силѣ всемилостивѣйшаго ея императорскаго величества манифеста и онаго Фофанова отъ казни и наказанія избавить, а отослать также какъ и прочихъ таковыхъ же на поселеніе со всѣмъ семействомъ въ Ригскую губернію; однакожь приказать, чтобы за нимъ надлежащій присмотръ употребленъ былъ, дабы иногда не сдѣлалъ онъ оттуда утечки, чего ради сей Фофановъ къ вашему высокопревосходительству и отправленъ при семъ за присмотромъ баталіоннаго сержанта Бахтина на почтовыхъ подводахъ, съ выдачею на оныя въ оба пути прогонныхъ и на пропитаніе оному Фофанову кормовыхъ денегъ, по 10 коп. на день, на одинъ мѣсяцъ.»

Фофановъ былъ привезенъ 17 февраля и посаженъ на гаубтвахту въ Рижской цитадели.

Графъ Броунъ ничего не зналъ о послѣдовавшемъ распоряженіи на счетъ поселенія казаковъ во ввѣренномъ ему краѣ, ибо, увѣдомляя князя Вяземскаго о доставленіи въ Ригу Фофанова, онъ писалъ 21 февраля 1775 г.:

«Здѣсь въ Ригской губерніи такихъ порозжихъ земель гдѣ бы его, Фофанова, поселить не имѣется, да и въ разсужденіи особливыхъ узаконенныхъ и всевысочайше конфирмованныхъ здѣшнихъ правъ и привилегій ни въ коронныхъ, ни въ дворянскихъ мызахъ, а притомъ и между поселенныхъ здѣсь въ мызахъ Гиршенгофъ и Гельфрексгофъ иностранныхъ колонистахъ такаго злоѣреднаго и подозрительнаго человѣка опредѣлить на поселеніе не можно, ибо здѣшнее дворянство и арендаторы ко-

ронныхъ мызъ почтутъ себѣ, если къ нимъ онаго опредѣлить, за большое безчестіе, а колонисты въ нарушеніи сдѣланныхъ съ ними акордовъ; а если его здѣсь, не употребляя въ работу, подъ карауломъ или за какимъ другимъ присмотромъ содержать, то онаго надлежитъ пищею и одеждою довольствовать, чего однакожъ ни откуда не опредѣлено. И такъ по симъ обстоятельствамъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйше прошу реченнаго злодѣйскаго товарища Яицкаго казака Фофанова приказать для поселенія отсюда взять въ другое мѣсто: ибо если онъ здѣсь останется, то хотя бы за нимъ нѣкоторый и присмотръ былъ, по близости границъ отъ утечки удержать сомнительно, а когда его подъ карауломъ содержать въ крѣпости, не употребляя въ работу, то должно его съ прибывшимъ семействомъ пищею и одеждою изъ казны довольствовать въ единственно на казенный убытокъ. Впрочемъ передаю сіе на особливое вашего сіятельства благоусмотрѣніе и что опредѣлится имѣю ожидать немедленнаго увѣдомленія, до полученія коего объявленный Фофановъ содержаться будетъ здѣсь подъ карауломъ въ крѣпости, съ производствомъ на пищу изъ присланныхъ ему съ сержантомъ 3-хъ рублей.»

18 марта 1775 г. графъ Броунъ снова писалъ князю Вяземскому, что «Курляндская и Польская границы находятся здѣсь въ такой близости, что сколько за нимъ (Фофановымъ) ни присматривать, но, по вкоренившемуся его злодѣйству, легко уйти можетъ за границу и пробраться въ свои мѣста, ибо онъ, не будучи еще на поселеніи, но сидя подъ карауломъ, не страшась ничего и не чувствуя монаршей щедроматерней высочайшей милости, своими пустыми разговорами приводитъ себя въ крайнее сумнительство: того ради вашего сіятельства, милостиваго государя моего, чрезъ сіе вторично покорно прошу объявленнаго присланнаго въ Ригу на поселеніе Яицкаго казака Фофанова приказать взять въ Финляндію или въ другое по разсужденіямъ вашего сіятельства мѣсто.»

Сильно не хотѣлось графу Броуну имѣть у себя въ краѣ Фофанова, человѣка ужь потому крайне подозрительнаго, что онъ былъ изъ числа ближайшихъ подручниковъ Пугачева, тѣмъ не менѣе ни на это, ни на первое письмо графъ Броунъ не получилъ никакого отвѣта. Скоро къ нему пришло приказаніе такого рода, которое не допускало уже никакихъ возраженій. Приказаніе это было выражено въ письмѣ къ нему отъ князя Вяземскаго, писанномъ въ Москвѣ 28 февраля 1775 г. Вотъ это письмо:

«Милостивый государь мой графъ Юрій Юрьевичь! Изъ публикованнаго о злодѣѣ бывшемъ самозванцѣ Емелькѣ Пугачевѣ манифеста ваше сіятельство усмотрѣть изволите; между прочаго въ 9 пунктѣ сказано, что онаго злодѣя связали, и въ Яицкій городокъ привели первые его во всѣхъ чинимыхъ имъ злодѣйствахъ способники, а именно: Ѳедоръ Чумаковъ, Иванъ Твороговъ, Иванъ Федулевъ, Василій Коноваловъ, Петръ Пустобаевъ, Козьма Кочуровъ и Яковъ Почиталинъ ([1]); а по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества прошедшаго 1773 г. ноября 29 числа манифесту повелѣно: что хотя бы кто каковыя злодѣянія по случаю происходимаго тогда отъ злодѣевъ бунта ни сдѣлалъ, но добровольно пришедъ въ раскаяніе отъ злодѣйской шайки отстанетъ и явится въ назначенныхъ мѣстахъ, а тѣмъ паче кто того изверга поимаетъ и представитъ правосудію, тотъ избавится нетолько положенной законами казни, но и всякаго наказанія, да и вина его всемилостивѣйше прощается, вслѣдствіе чего святѣйшій синодъ, правительствующій сенатъ, собранные генералитетъ и коллежскіе президенты опредѣлили: онымъ Чумакову съ товарищи объявить (и объявлено) всемилостивѣйшее прощеніе, и велѣно со всѣмъ ихъ семействомъ поселить въ Новороссійской губерніи, но какъ въ поселеніи въ той губерніи государственной военной коллегіи вицепрезидентомъ и той губерніи генералъ-губернаторомъ господиномъ Потемкинымъ найдены не только затрудненія, но и совершенное неудобство, то ея императорское величество высочайше повелѣть соизволила: оныхъ Чумакова съ товарищи со всѣмъ ихъ семействомъ поселить въ губерніи вашего сіятельства, почему и отвести для ихъ поселенія удобныя казенныя мѣста. Однимъ словомъ, ея императорское величество представляетъ касательно до сего поселенія благоразумію и попеченію вашего сіятельства, а дабы они въ поселеніи ихъ были обезпечены такъ, чтобы они внутренно чувствовали показанное къ нимъ отъ ея императорскаго величества единственно только за собственное ихъ признаніе въ своихъ согрѣшеніяхъ милосердіе, по новости ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, выдать имъ на 6 мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ по гривнѣ каждому на день и провіанта изъ казенныхъ магазейновъ по 3 четверти ржи или муки, а

([1]) О Иванѣ Бурновѣ и Семенѣ Шелудяковѣ, о которыхъ упомянуто въ 9 пунктѣ, равно и о прочихъ казакахъ князь Вяземскій ни слова не пишетъ. Куда они были посланы, изъ дѣла канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора не видно.

притомъ и въ построеніи, ибо все ихъ семейство чаятельно нынѣшнимъ путемъ въ Ригу доставлено будетъ; но долженъ вашему сіятельству въ примѣчаніе отписать и то, чтобы они внутрь Россіи ни для чего отпускаемы до будущаго указа не были, да Яицкими казаками себя во всю жизнь свою не назывались, а именовались бы переведенцами. Въ подушный окладъ ихъ не писать, такъ и оброковъ съ нихъ никакихъ не брать. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга князь А. Вяземскій.»

Означенные въ письмѣ семъ казаки прибыли подъ конвоемъ въ Ригу 18 марта 1775 г. и тотчасъ же подали графу Броуну слѣдующее прошеніе:

«Хотя по всевысочайшему имянному ея императорскаго величества соизволенію и повелѣно насъ, нижайшихъ, поселить въ здѣшней Лифляндской губерніи со всѣмъ нашимъ семействомъ, но какъ здѣсь мы къ поселенію способнаго себѣ мѣста не предвидимъ, потому что мы въ прежнихъ нашихъ жительствахъ никогда хлѣбопашества не имѣли, а пропитаніе наше состояло въ томъ только чрезъ ловленіе рыбъ, и для того ваше рейхсграфкое сіятельство всенижайше просимъ, какъ мы намѣреніе имѣемъ въ Россійскихъ губерніяхъ, а особливо въ Кіевской жительствовать, представить объ ономъ на разсмотрѣніе главной командѣ. Если же въ апробаціи тамъ намъ не послѣдуетъ, то въ тогдашнее время рейхсграфское сіятельство трудить станемъ гдѣ и въ коихъ здѣсь мѣстахъ-намъ къ поселенію за лутчее признаемъ, о чемъ ожидаемъ вашего рейхсъграфскаго сіятельства милостивой резолюціи. Рига, марта 1775 г. Къ сему прошенію я Твороговъ подписуюсь и вмѣсто товарищей своихъ Чумакова, Пустобаева, Федулева, Кочерова, Коновалова и Почиталина, кои грамотѣ не умѣютъ, руку приложилъ.»

Графъ Броунъ, принявъ это прошеніе, въ тотъ же день 18 марта предписалъ Лифляндской генералъ-губернской и регирунгсъ-коммиссіи подать мнѣніе о томъ «имѣются-ли здѣсь такія мѣста, гдѣ рѣченныхъ людей поселить можно.» Къ предписанію было приложено и приведенное выше прошеніе казаковъ.

Вмѣстѣ съ симъ графъ Броунъ приказалъ прибывшихъ казаковъ сдать въ вѣдомство Рижскаго плацъ-маіора, коему велѣно содержать ихъ и для смотрѣнія ихъ, чтобы не произошло отъ нихъ какихъ шалостей или утечки опредѣлить унтеръ-офицера и 3 человѣкъ рядовыхъ. 20 марта было

описано семейство казаковъ. Оказалось, что они всѣ были людьми женатыми и всѣ имѣли дѣтей. У Чумакова остались на родинѣ жена, сынъ и 3 дочери; у Творогова жена, сынъ, двѣ дочери и 18-ти лѣтній братъ Алексѣй; у Ѳедульева жена, два сына и дочь; у Коновалова жена, дочь и сынъ; у Пустобаева жена, два сына и дочь; у Кочурова жена и дочь; у Почиталина жена, два сына и три дочери. Такимъ образомъ приходилось поселить всего 36 человѣкъ.

24 марта 1775 г. коммиссія донесла графу Броуну, что «въ Перновскомъ уѣздѣ и на островѣ Эзелѣ есть на коронныхъ мызахъ пустыя крестьянскія мѣста, нужно только для казаковъ домы снабдить припасами, скотомъ, лошадьми и посѣвомъ, понеже безъ оныхъ они никакой пашенной работы предпринять не могутъ. Но какъ изъ письменнаго и словеснаго сихъ людей прошенія усматривается, что сіи люди отнюдь хлѣбопашества не разумѣютъ, и въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ крайне не желаютъ поселиться, то въ семъ случаѣ другаго способа для нихъ не остается, какъ чтобы они въ такихъ по уѣздамъ малыхъ городахъ, гдѣ магистраты имѣются, раздѣлены были и гдѣ бы они рыбною ловлею, огородами и прочею работою питаться могли. И такъ могли бы они въ семъ случаѣ расположены быть въ Дерптѣ, Перновѣ, Аренсбургѣ, Валкѣ и Венденѣ, гдѣ они на первый нужный случай домы пріобрѣтутъ, покуда они сами себѣ съ поможеніемъ построятъ, и на что имъ должно опредѣлить нѣкоторое число денегъ.»

«Въ заведенныхъ, продолжаетъ коммиссія, по всевысочайшему Ея Императорскаго Величества указу селеніяхъ на мызахъ Гиршенгофѣ и Гельфрейхсгофѣ 11 домовъ хотя и имѣются порожніе, но ежели сіи люди туда поселены будутъ, то оное 1) кажется было бы не сходно съ 1 пунктомъ заключеннаго съ колонистами и апробованнаго контракта, 2) должны бы они питаться отъ землепашества, котораго они не разумѣютъ и отъ котораго усердно просятъ освобожденія, да къ тому же слѣдовало бы имъ сдѣлать ссуду на лошадей, скотъ и посѣвы и 3) были бы сіи поселенія близко къ границѣ.

Мнѣніе это графъ Броунъ представилъ 25 марта 1775 г. князю Вяземскому, который отвѣчалъ изъ Москвы 23 апрѣля 1775 г. слѣдующимъ письмомъ:

«По присланному отъ вашего сіятельства письму, касательно до поселенія бывшихъ Уральскихъ казаковъ Ѳедора Чумакова съ товарищи въ

городахъ Дерптѣ, Перновѣ, Аренсбургѣ, Валкахъ, Венденѣ, всеподданнѣйше имѣлъ счастіе докладывать ея императорскому величеству, и ея императорское величество для прописанныхъ въ письмѣ вашего сіятельства резоновъ высочайше повелѣть соизволила: о поселеніи оныхъ, а равно и товарища ихъ казака Фофанова, въ губерніи вашего сіятельства въ описанныхъ городахъ предоставить рѣшиться вашему сіятельству. на построеніе же имъ домовъ и обзаведеніе выдать каждому человѣку по 100 р. изъ доходовъ Рижской губерніи. Онымъ же Чумакову съ товарищи объявить, что и семейство ихъ къ нимъ доставлено будетъ. Исполняя сіе ея императорскаго величества высочайшее соизволеніе для надлежащаго исполненія, имѣю честь симъ сообщить, пребывая и пр.»

Увѣдомляя о полученіи сего письма, графъ Броунъ писалъ 16 мая 1775 г. князю Вяземскому, что онъ, по совѣщаніи съ лифляндскою генералъ-губернскою и регирунгсъ-коммиссіею, опредѣлилъ поселить 4 человѣкъ: Коновалова, Кочарова, Почиталина и Фофанова въ Аренсбургѣ на Эзелѣ, а 4 человѣкъ: Чумакова, Пустобаева, Творогова и Федулева въ Перновѣ и приказалъ начальству этихъ городовъ отвести имъ для постройки удобныя мѣста, паспортовъ никуда не давать, податей никакихъ не брать. Вмѣстѣ съ симъ графъ Броунъ приказалъ изъ означенныхъ 100 р. на человѣка выдать каждому на руки при отправленіи изъ Риги по 10 руб., а по прибытіи на мѣсто по 40 р. Всѣ эти распоряженія были выполнены во всей точности. 18 мая 1775 г. казаковъ повезли изъ Риги на вольнонаемныхъ подводахъ и сдали въ Аренсбургѣ подъ надзоръ Эзельской провинціальной канцеляріи, а въ Перновѣ подъ надзоръ тамошняго коменданта генералъ-маіора Поссіета.

Волею-неволею приходилось казакамъ селиться между народомъ чуждымъ для нихъ по своимъ нравамъ, обычаямъ, образу жизни. Приходилось волею-неволею примѣняться къ новымъ мѣстамъ, къ новымъ порядкамъ, приходилось браться за работу для насущнаго пропитанія. Нелегкое это дѣло вообще и въ особенности на первыхъ порахъ, и вотъ какъ описывали казаки, поселенные въ Аренсбургѣ, свое положеніе въ доношеніи, поданномъ графу Броуну 21 октября 1755 г., слѣд. не болѣе, какъ чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ выбытія изъ Риги.

1) «Опредѣлены мы всенижайшіе вашимъ графскимъ сіятельствомъ сюда въ Аренсбургъ на поселеніе и для прокормленія рыбною ловлею, которою не только мы всенижайшіе, будучи здѣсь, себя могли прокормить, но и

настоящіе и знающіе всѣ тѣ мѣста рыбаки Чухны не могутъ тѣмъ прокормиться, потому что весьма мало, да и то только однимъ весеннимъ временемъ рыбы въ ловлѣ бываетъ, а и когда потрафляется, то за малолюдіемъ, а наибольше скудостію купить некому; почему и принуждены продавать за самую дешевую цѣну, что не только можно было за трудъ и инструментъ получить, но съ нуждою и едва себя, еще съ прибавленіемъ къ тому другаго по ихъ знаемости промысла, питать могутъ. Мы же нижайшіе кромѣ означенной рыбной ловли въ убоѣ рогатаго скота и въ печеніи хлѣбовъ и калачей никакого болѣе мастерства за собою не имѣемъ и вышеписаннымъ въ бытность нашу при домахъ жизнь своихъ женъ и дѣтей питали. А нынѣ хотя бы здѣсь въ работникахъ простыхъ и могли быть, но только по незнаемости нашей какъ нѣмецкаго, такъ и чухонскаго языковъ приступить не можемъ, а притомъ работы весьма мало бываетъ, а когда и случится, то работаютъ уѣздные съ мызъ всему знающіе мастерству Чухны; а о галіотахъ здѣсь и упоминать способу нѣтъ, ибо самое малое число оныхъ приходитъ, да и то по большей части къ одному ассесору, отъ котораго на оныя и работаютъ состоящіе ему должники Чухны. Здѣсь же рыбной ловли промышленниковъ находится предовольное число, какъ въ городѣ такъ и около онаго, почти по всему уѣзду, и не знаемъ не только будучи съ женами и дѣтьми, но теперь и однихъ своихъ головъ чѣмъ прокормить.

2) «На опредѣленную отъ всемилостивѣйшей ея императорскаго величества милости сумму велѣно намъ нижайшимъ построить на каждаго человѣка по одной квартирѣ, что̀ уже здѣшняя Эзельская провинціальная канцелярія надобныя къ тому строенію матеріалы приготовлять изволитъ, къ чему намъ нижайшимъ нимало способности нѣтъ: во первыхъ почти та вся опредѣленная сумма какъ на построеніе дворовъ съ посудою, такъ и на покупку по знаемости нами промысла рыбнаго инструмента выттить можетъ, а намъ нижайшимъ уже на пропитаніе не только бы съ нами были жены и дѣти, но однѣмъ оставаться не будетъ, почему и принуждены будемъ претерпѣвать всекрайнѣйшую нужду.

3) «Изъ опредѣленной намъ суммы только донынѣ кромѣ къ выданнымъ намъ изъ Риги въ дорогу, здѣсь въ провинціальной канцеляріи получили 52 р. и съ тѣмъ объявлено, что де впредь выдаваемо будетъ въ мѣсяцъ на каждаго человѣка по 1 р. и съ котораго числа, не

только можно было харчь или на себя что купить, но едва по здѣшней дороговизнѣ на хлѣбъ ставать съ нуждою будетъ.

«Того ради, вашего графскаго сіятельства припадая къ стопамъ, въ разсужденіи вышеписанныхъ обстоятельствъ, что нимало намъ нѣтъ способу въ городѣ Аренсбургѣ прокормленія имѣть, осмѣливаемся вашего графскаго сіятельства раболѣпнѣйше слезно просить, дабы мы всенижайшіе вовсе безъ пропитанія оставлены бы не были и жизнь бы свою въ томъ укоротовать не могли, объ опредѣленіи насъ для общаго житія и знаемаго нами рыбной ловли промысла къ товарищамъ нашимъ, четыремъ же человѣкамъ въ Перновъ, гдѣ намъ весьма способнѣе всѣмъ 8 человѣкамъ какъ для заведенія того инструмента, такъ для другой работы по тамошнему мѣсту прокормиться съ женами и дѣтьми можемъ.»

Графъ Броунъ 3 ноября за № 2716 предписалъ Эзельской провинціальной канцеляріи объявить казакамъ, что переводъ ихъ въ Перновъ состояться не можетъ. Исполнивъ это предписаніе, канцелярія отъ 20 ноября за № 298 донесла графу Броуну, что «отъ сихъ людей совсѣмъ ложно представлено, будто сія канцелярія опредѣлила построить имъ для жительства каждому по особливой квартирѣ, ибо только одинъ купленный по ихъ желанію готовый домъ на отведенное имъ мѣсто переведенъ и тамъ перестраивается, кототорый уже готовъ былъ-бы, если бы они не отдумывались, а нынѣ не тамъ, но въ городѣ жить хотятъ, и ради сего ихъ упрямства оное строеніе такъ удержано, что въ нынѣшнюю осень оное окончить невозможно было. Что же касается до довольствія ихъ пропитаніемъ, то оное отъ сей канцеляріи такъ производится, какъ о томъ отъ вашего высокографскаго сіятельства предписано, т. е. по 1 р. каждому человѣку на мѣсяцъ и сіи деньги всегда впредь истеченія мѣсяца по ихъ требованію имъ выдаваемы бываютъ. При чемъ сія канцелярія не можетъ оставить вашему высокорейхсграфскому сіятельству съ покорностію и то представить, что сіи казаки весьма лѣнивые люди и никакого попеченія о доставленіи себѣ пропитанія не имѣютъ, хотя имъ отъ сей канцеляріи и многократно о томъ увѣщеваніе дано и совѣтовано было купить для рыбной ловли неводу и прочаго, но они только праздно шатаются и для покупки съѣстныхъ припасовъ и обуви деньги требуютъ, съ коихъ однакоже по большей части для заведенія имъ жительства опредѣлено.»

Не остались безъ жалобъ и Перновскіе переведенцы. 29 октября 1775 г. они написали прошеніе графу Броуну объ отпускѣ за общимъ

ихъ поручительствомъ Петра Пустобаева въ Ригу до персоны вашего графскаго сіятельства для обстоятельнаго изъясненія о бѣдной нашей всекрайнѣйшей нуждѣ, такъ какъ въ Перновскомъ магистратѣ обстоятельно изъяснить никакъ не можемъ.» Графъ Броунъ дозволилъ прибыть Пустобаеву, и онъ 7 января 1776 г. подалъ ему отъ имени живущихъ въ Перновѣ бывшихъ Уральскихъ казаковъ, а нынѣ переведенцевъ, прошеніе, въ которомъ казаки, жалуясь на крайнѣйшую нужду въ деньгахъ, просятъ дозволенія имѣть для рыбной ловли вольно-наемныхъ Русскихъ работниковъ и позволенія ѣздить изъ Пернова по Лифляндіи на ярмарки.

Но такого позволенія уже никакъ не могло быть дано, ибо графъ Юрій Юрьевичъ получилъ слѣдующее письмо отъ Оренбургскаго губернатора, генералъ-поручика Рейнсдорпа, отъ 24 декабря 1775 г. за № 2914.

«Войска Уральскаго Ѳедоръ Чумаковъ съ товарищи, будучи за учиненное ими въ бывшемъ по возмущеніямъ государственнаго злодѣя и самозванца Пугачева мятежѣ преступленіе, по высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи, сосланы во ввѣренной вашему сіятельству губерніи городъ Перновъ, отважились на такой поступокъ, что, нанявъ Суздальскаго уѣзда села Иванова крестьянина Веденикта Журавлева, для прокормленія работой тамъ бывшаго, отправили въ Уральскій городъ къ тамошнему атаману Акутину со старшинами и къ родственникамъ ихъ съ письмами и хотя по перехватѣ ихъ и по разсмотрѣніи ничего предосудительнаго, кромѣ одного только, якобы они казаки получили на каждаго человѣка жалованья по 300 р., не оказалось, совсѣмъ тѣмъ однако проговаривали они ему, Журавлеву, яко бы рѣченный злодѣй Пугачевъ понынѣ еще вживѣ, что слыша, онъ Журавлевъ, по пріѣздѣ въ Уральскіе предѣлы, одной женщинѣ произносилъ; а потому и примѣчается, что они казаки, будучи въ ссылкѣ, о томъ злодѣѣ помышляютъ и онъ изъ памяти ихъ не исчезъ и чрезъ то подали причину сумнѣваться, дабы они чрезъ таковую переписку не сдѣлали вновь въ войскѣ возмущенія и обществу вреда. Сего ради я вашего сіятельства покорнѣйше прошу помянутаго города Пернова начальству предложить, чтобы за ними казаками, яко извѣстными злодѣями и измѣнниками, чинено было неослабное смотрѣніе, дабы они ни на какія худыя

поступки, а паче на непристойное разглашеніе и переписку съ родственниками ихъ отваживаться и тѣмъ новаго возбужденія сдѣлать не могли.»

5 февраля 1776 г. графъ Броунъ, представляя князю Вяземскому въ оригиналѣ это письмо и изложивъ приведенныя выше прошенія казаковъ, просилъ увѣдомить: 1) въ число 100 р., изъ казны выданныхъ на каждаго человѣка, достальныя по 50 р., за непостройкою домовъ, повелѣно-ль будетъ имъ на прочее ихъ содержаніе выдать, или оныя деньги на построеніе ихъ домовъ единственно употребить, и за тѣмъ что либо останется имъ отдать. 2) Дозволить-ли имъ для рыбной ловли Россійскихъ работниковъ нанимать и ѣздить по всей Лифляндіи для таковаго имъ промысла, ибо, по мнѣнію моему, хотя работниковъ они и могутъ нанять для той рыбной ловли, однакоже не изъ Россійскихъ людей, но изъ Чухонъ, здѣшнихъ жителей, которые съ ними къ зловредному обществу пристать не могутъ, а разъѣздъ ихъ по Лифляндіи тогда развѣ дозволить, какъ жены и дѣти къ нимъ сюда пришлются, и они здѣсь обзаведятся; чего ради не соблаговолите ли ваше сіятельство по содержанію письма вашего ко мнѣ отъ 23 апрѣля прошлаго 1775 г. о присылкѣ ихъ семейства сюда, къ кому надлежитъ подтвердить, и меня о вышеписанномъ и что съ ними за изображенный въ письмѣ Оренбургскаго губернатора поступокъ учинить, увѣдомить.»

«Отъ 16 мая я вашему сіятельству доносилъ, что въ прежнемъ письмѣ вашего сіятельства отъ 28 февраля прошлаго 1775 г. повелѣно: при поселеніи изъ оныхъ 7 человѣкъ въ здѣшней губерніи, выдать имъ на 6 мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ по гривнѣ каждому на день и провіанта изъ казенныхъ магазейновъ по три четверти ржи или муки, то хотя онымъ 7 человѣкамъ, кромѣ Фофанова, какъ извѣстно въ бытность ихъ въ Тулѣ на полтора, да и здѣсь на полтора же, итого на 3 мѣсяца кормовыя деньги каждому по гривнѣ на день, а Фофанову здѣсь на два мѣсяца также по 10 к. на день и выданы, но достальныя въ числѣ 6 мѣсяцевъ помянутыя кормовыя деньги и провіантъ изъ казенныхъ магазейновъ, потому что уже имъ по послѣднему письму вашего сіятельства выдается каждому по 100 р., кромѣ оныхъ надлежитъ-ли произвесть, просилъ я отъ вашего сіятельства увѣдомленія, о чемъ и нынѣ вторично покорнѣйше прошу, что изволите опредѣлить меня также увѣдомить.»

12 февраля 1776 г. графъ Броунъ предписалъ Перновскому коменданту имѣть наблюденіе, чтобы Чумаковъ съ товарищи писемъ никуда не посылали, чтобы нанимали работниковъ изъ Чухонъ, а не изъ Русскихъ.

12 же февраля послѣдовалъ и отвѣтъ князя Вяземскаго:

«Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 5 числа сего мѣсяца и при немъ приложенное въ оригиналѣ писанное къ вашему сіятельству отъ господина Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа мною получено, по коимъ того же самаго дня имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Ея Императорскому Величеству, и Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила: къ господину Рейнсдорпу о присылкѣ крестьянина Журавлева въ тайную экспедицію писать, о чемъ отъ меня и писано; касательно же до Уральскихъ ссыльныхъ казаковъ Чумакова съ товарищи, о коихъ изъ письма вашего сіятельства видно, что они къ обзавожденію себя домами какъ должно поселянамъ никакъ не заботятся, а сверхъ того просятъ о позволеніи имъ поѣздить по всей Лифляндіи и имѣть имъ Русскихъ работниковъ, то на оное вашему сіятельству, впредь до воспослѣдованія по сему дѣлу отъ Ея Императорскаго Величества высочайшаго соизволенія, имѣю честь свое мнѣніе сообщить: 1) какъ они никакого обзавожденія къ хлѣбопашеству не имѣютъ, то, кажется, на нѣкоторое время, дабы они не могли имѣть въ пропитаніи нужды, можно выдать каждому по одному кулю муки, да на счетъ ихъ изъ оставшихся у вашего сіятельства 50 р., рубля по 3 на человѣка. 2) Ѣздить имъ по Лифляндіи не только не нужно, но, какъ они ссыльные, и предосудительно, а для того, а неменьше что и ваше сіятельство позволенія еще въ ихъ разъѣздѣ и работникахъ дать не изволили, имъ отказать; а можно имъ приказать, пристойно внуша, дабы они вспомнили то, что они по единому Ея Императорскаго Величества милосердію отъ заслуженнаго имъ по законамъ жребія избавлены, а потому не имѣютъ они нималѣйшаго права безпокоить ваше сіятельство такими пустыми своими требованіями. Сіе-жъ мое мнѣніе вашему сіятельству за долгъ мой почелъ изъяснить, но однако впрочемъ предоставляю все мною описанное зрѣлому вашего сіятельства разсмотрѣнію и рѣшенію, пребывая и пр.»

Сдѣлавъ распоряженіе объ отпускѣ казакамъ какъ въ Перновѣ, такъ и въ Аренсбургѣ изъ казенныхъ магазейновъ по четверти ржаной муки на человѣка и по 3 р. на человѣка же изъ суммы, оставшейся на построеніе домовъ, и донеся о томъ князю Вяземскому, графъ Броунъ пожелалъ имѣть

свѣдѣнія о Перновскихъ переведенцахъ, помимо доставляемыхъ ему Перновскимъ комендантомъ, и для этого предписалъ Перновскому магистрату, лишь только получено было письмо Рейнсдорпа, донести, чѣмъ Перновскіе переведенцы занимаются, съ кѣмъ имѣютъ сношенія, не имѣютъ-ли знакомства съ Перновскими жителями, какъ идетъ постройка домовъ, какъ переведенцы употребляютъ получаемое ими содержаніе.

Магистратъ 8 февраля 1776 г. донесъ, что люди эти ничего не дѣлаютъ и никто ихъ ни за какой работой не видалъ, что они живутъ на форштатѣ въ куренѣ Русскаго маркитанта Филипа Петрова, куда пристаютъ всѣ проѣзжающіе Русскіе, изъ здѣшнихъ жителей неизвѣстно имѣютъ-ли какое знакомство, но слышно, что они часто бываютъ у бывшаго атамана Донскихъ казаковъ Степана Даниловича Ефремова, о постройкѣ домовъ не хлопочутъ, какое содержаніе получаютъ и какъ расходуютъ, магистрату неизвѣстно.

Вслѣдствіе этого донесенія графъ Броунъ предписалъ Поссіету 20 февраля 1776 г. за № 462 приказать казакамъ въ куренѣ у Петрова не жить, стараться строить домъ, съ Ефремовымъ не видаться, переписки ни съ кѣмъ не имѣть.

Этимъ прекращается дѣло № 69, изъ котораго мы заимствовали всѣ выше приведенные документы. Въ теченіе послѣдующихъ девяти лѣтъ никакой переписки о переведенцахъ не было, по крайней мѣрѣ нами не найдено. Изъ послѣдующихъ офиціальныхъ бумагъ, которыя мы приведемъ ниже, слѣдуетъ заключить, что какъ Перновскіе, такъ и Аренсбургскіе переведенцы отъ казны никакого постояннаго пособія не получали, жили въ построенныхъ имъ домахъ, занимаясь рыбною ловлею, никакихъ податей не платили, но семейства къ нимъ доставлены не были, — по какой причинѣ, неизвѣстно. Дальнѣйшую судьбу переведенцевъ можно прослѣдить по дѣламъ 1785, 1786, 1800 и 1804 годовъ.

12 августа 1785 г. Перновскіе переведенцы: Твороговъ, Чумаковъ, Федулевъ, и Пустобаевъ прислали графу Броуну слѣдующее прошеніе:

«Припадая къ стопамъ вашего высокографскаго сіятельства и орошая со истекающими горькими нашими слезами подножіе ваше, милостивно просимъ о помилованіи, вспоможеніи нашему бѣдственному состоянію.

«По судьбѣ Всемогущаго и по указамъ Всемилостивѣйшей нашей Государыни присланы мы въ дальнее разстояніе отъ отечества нашего въ

сіи мѣста, гдѣ мы бѣдные хотя и съ нуждою, однакоже только и до сего времени пребываніе свое имѣемъ.

«Но какъ нынѣ чрезъ долгое время изъ числа насъ другіе, а именно Федоръ Чумаковъ и Петръ Пустобаевъ пришли уже въ глубокую старость и всесовершенныя древнія лѣта и глазами совсѣмъ мало видятъ, въ такомъ случаѣ всенижайше просимъ вашего высокографскаго сіятельства премилосерднаго и высоко-милостиваго государя и отца о помилованіи насъ бѣдныхъ отпускомъ въ свое отечество, ибо мы въ ономъ имѣемъ дѣтей и родственниковъ, то и безъ всякой нужды сами себя пропитать можемъ; а если нашихъ ради обстоятельствъ вашему высокографскому сіятельству насъ бѣдныхъ въ свое отечество отпустить не можно, то хотя не можно-ль, ваше высокографское сіятельство, по нашей бѣдности и недостатку изъ числа насъ хоть Федору Чумакову и Петру Пустобаеву на старости ихъ глубокихъ лѣтъ опредѣлить мѣсячный провіантъ или какое денежное опредѣленіе, почему мы должны принесть искреннюю Всевышнему Господу Богу хвалу о многолѣтнемъ Ея Императорскаго Величества высочайшемъ благоденствіи и вашего высокографскаго сіятельства и потомкамъ вашимъ восклицанія вожделѣнной нерушимой славы молить и что̀ на сіе отъ вашего высокорейхгграфскаго сіятельства опредѣлено будетъ, милостивѣйшей резолюціи ожидать будемъ. Къ сему прошенію за себя и товарищей Чумакова, Пустобаева и Федулева, что они грамотѣ не знаютъ, казакъ Иванъ Твороговъ руку приложилъ.»

Получивъ это прошеніе, графъ Броунъ отъ 23 августа 1785 г. за № 411 писалъ Перновскому коменданту бригадиру Фогту:

«Переведенцы Иванъ Твороговъ, Чумаковъ, Пустобаевъ и Федулевъ прислали ко мнѣ чрезъ содержателя въ Перновѣ торговой бани письменное прошеніе, въ которомъ они просятъ, дабы за старостію и немощію изъ ихъ Чумакова и Пустобаева отпустить въ отечество или исходатайствовать симъ двумъ мѣсячный провіантъ, а какъ нельзя положиться на донесеніе ихъ, что они такъ дряхлы были, что не могутъ прокормить себя работою, то потребно мнѣ надлежащее о томъ удостовѣреніе; почему и извольте вы, господинъ бригадиръ, о семъ обстоятельно развѣдать, точно ли они въ такомъ состояніи, что уже никакой работы производить не могутъ; и буде то дѣйствительно найдется, призвавъ ихъ всѣхъ къ себѣ уговорить, чтобы они, какъ товарищи, другъ другу во всемъ помогали и немощныхъ пропитали, а притомъ имъ примѣтить и приказать, чтобы

обо всемъ въ чемъ имъ случится нужда и просили васъ, а ни о чемъ и никуда не писали-бы, да и баньщику объявить, чтобы онъ впредь никакихъ отъ нихъ писемъ самъ не бралъ и никуда не отправлялъ, а лучше, буде весьма знакомъ съ ними, примѣчалъ за поступками и перепискамъ ихъ, доносилъ вамъ. Все сіе произвести вамъ подъ рукою такъ, чтобы отъ нихъ общество не отвращалось и они содержаны бы въ должныхъ границахъ. Чтоже окажется въ разсужденіи немощи и старости, пришлите ко мнѣ рапортъ.»

Во исполненіе этого предписанія, бригадиръ Фогтъ 28 августа 1785 г. за № 634 донесъ графу Юрію Юрьевичу, что «Чумаковъ и Пустобаевъ дѣйствительно отъ старости глазами худо видятъ, другіе же Твороговъ и Федуловъ моложе и работою прокормиться могутъ. По объявленіи, чтобы они какъ товарищи другъ другу помогали, объявили, что то во всю бытность здѣсь дѣлали, но уже теперь въ разсужденіи Чумакова и Пустобаева нынѣшней совершенной немощи дѣлать не могутъ. Отослать прошеніе чрезъ баньщика я дозволилъ имъ самъ, ибо о семъ предметѣ отъ меня вашему сіятельству представлено было, но какъ на то резолюціи еще не послѣдовало, то я о семъ вторично представить не дерзалъ. А чтобы никуда никакихъ писемъ безъ вѣдома моего не писали, то часто имъ подтверждаю. Они преступниками себя еще въ семъ случаѣ не подвергали, и я по справедливости объявить долженъ, что себя во всякомъ случаѣ ведутъ добропорядочно, тихо и смирно и держатъ себя въ должныхъ границахъ.»

Графъ Броунъ, изложивъ все сказанное въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 1 ноября 1785 г., просилъ: «дабы въ разсужденіи престарѣлости и худаго зрѣнія переведенцевъ Чумакова и Пустобаева къ дальнѣйшему выполненію изливаемаго Ея Императорскаго Величества на сихъ людей милосердія исходатайствовать соблаговолите гдѣ надлежитъ провіантъ и хотя малое содержаніе симъ нынѣ, а прочимъ на будущее время, и тѣмъ благосклонно избавить меня отъ ихъ докукъ и претензій, имъ же внушить чрезъ то больше чувствованія высочайшей милости.»

Князь Вяземскій отвѣчалъ 27 февраля 1786 г.:

«Ея Императорское Величество всемилостивѣйше, по присланному ко мнѣ отъ вашего сіятельства письму, коимъ описывать изволили изнеможеніе извѣстныхъ бывшихъ Яицкихъ казаковъ Творогова съ товарищи, повелѣть соизволила каждому человѣку выдать по 100 р., предоставя

на распоряженіе вашего сіятельства, по рукамъ ли оныя деньги имъ раздать, или препоручить кому ваше сіятельство разсудите для употребленія на всегдашнее ихъ обзаведеніе. Я, исполняя сіе высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе, имѣю честь симъ вашему сіятельству сообщить, прося покорно повелѣнную выдачу приказать учинить изъ суммы, принадлежащей остаточному казначейству.»

Вслѣдствіе этого письма графъ Броунъ предписалъ 5 марта 1786 г. за № 126 Рижской казенной палатѣ отпустить 400 р., въ Перновъ коменданту бригадиру Фогту, а сему послѣднему 7 марта за № 127 писалъ: «чтобы вы, въ разсужденіи всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества пожалованія сихъ денегъ на всегдашнее ихъ содержаніе, употребляли ваше стараніе распорядить оныя такъ, дабы Чумаковъ и Пустобаевъ получали отъ васъ по два четверика ржаной муки и по полтора гарнца крупъ на мѣсяцъ, приказывая оныя закупать выгодною цѣною на рынкѣ или, буде сходнѣе будетъ, требовать за уплату наличныхъ денегъ изъ провіантскихъ магазейновъ и вести сему обстоятельную записку, отнюдь не объявляя о таковой высочайшей милости Творогову и Федулеву, пока вы въ томъ совершенную нужду усмотрите, о чемъ мнѣ тогда не оставьте донести.»

Объ этомъ распоряженіи гр. Броунъ увѣдомлялъ князя Вяземскаго 7 марта 1786 г. за № 128. Бригадиръ же Фогтъ 12 марта за № 19 донесъ графу Броуну, что 400 р. имъ получены и что относительно распоряженія ими будетъ поступлено по предписанію за № 127.

Объ Аренсбургскихъ переведенцахъ (Фофановѣ, Коноваловѣ, Кочуровѣ и Почиталинѣ) до 1800 года не производилось никакой переписки. Въ этомъ году, 24 января, Лифляндскій и Эстляндскій генералъ-губернаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ фонъ Нагель донесъ генералъ-прокурору Беклешову слѣдующее:

«Экономическое острова Эзеля правленіе 9 января 1800 г. доноситъ мнѣ, что въ 1775 г. по имянному высочайшему повелѣнію присланы въ городъ Аренсбургъ на поселеніе четыре Уральскіе казака, которые до того времени рыбною ловлею и ручными работами доставляли себѣ достаточное пропитаніе, ведя себя при томъ весьма смирно и порядочно. Изъ нихъ одинъ 80-ти лѣтній казакъ Козьма Фофановъ нынѣ за старостію и крайнею слабостію самъ себѣ пропитанія доставлять никакъ не въ состояніи, то не соблаговолите ли ваше высокопревосходительство

выдавать ему на оставшіеся жизни его, вѣроятно уже немногіе, годы содержаніе изъ казны?»

Генералъ-прокуроръ 4 февраля 1800 г. отвѣчалъ на это, что «какъ приказъ общественнаго призрѣнія, богадѣльни и другія въ губерніяхъ разныя заведенія суть тѣ мѣста, кои служатъ вспомоществованіемъ неимущимъ и престарѣлымъ, въ Ригѣ оныя, сколько мнѣ извѣстно, довольно достаточны, то и нѣтъ сомнѣнія по начальству вашего высокопревосходительства приказать оному престарѣлому казаку содержаніе, какъ на дѣло по человѣчеству, изъ приказа общественнаго призрѣнія, не требуя особеннаго изъ казны содержанія.»

Вслѣдъ за симъ 7 февраля 1800 г. генералъ-прокуроръ опять писалъ генералъ губернатору:

«Сосланные на житье въ 775 г. въ Перновъ Уральскіе казаки Ив. Твороговъ съ товарищи просятъ меня по неимуществу и глубокой старости о назначеніи имъ содержанія. Почитая, что призрѣніе таковыхъ дряхлыхъ относится къ начальственному вашего превосходительства попеченію, особливо въ отношеніи къ симъ и подобнымъ въ Аренсбургѣ находящимся, неимѣющимъ свободы, долгомъ я себѣ поставляю сообщить вамъ, милостивый государь, дабы благоволили вслѣдствіе отношенія моего отъ 4 сего февраля приказать сдѣлать къ пропитанію ихъ нужное распоряженіе.»

19 февраля за № 241 фонъ Нагель донесъ Беклешову, что о назначеніи содержанія казакамъ «потребное о семъ предписаніе дано.»

Окончательное рѣшеніе участи переведенцевъ послѣдовало уже въ 1804 году.

Министръ юстиціи, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ писалъ 25 іюля 1804 г. Лифляндскому и Эстляндскому генералъ-губернатору, графу Ѳедору Ѳедоровичу Буксгевдену:

«По поводу всеподданнѣйшаго прошенія Уральскаго казака Семена Фофанова объ освобожденіи отца его, который находился въ толпѣ Пугачева и въ числѣ 5 казаковъ въ 1775 г. посланъ въ Перновское предмѣстье, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ узнать: какого они всѣ поведенія, какъ отецъ просителя, такъ и прочіе съ нимъ вмѣстѣ сосланные, и желаютъ-ли возвратиться на прежнія жилища. Вслѣдствіе сегопокорно прошу ваше сіятельство пожаловать сіи свѣдѣнія доставить ко мнѣ для донесенія его императорскому величеству.»

Графъ Буксгевденъ уже рѣшительно ничего не зналъ объ Уральскихъ переведенцахъ, ибо, предписавъ Перновскому коменданту генералъ-лейтенанту Баскакову отъ 2 августа 1804 г. за № 1996 доставить требуемыя княземъ Лопухинымъ свѣдѣнія, прибавилъ: «а если оные люди уже не въ Перновѣ, но однакожь въ мѣстахъ начальству моему ввѣренныхъ, то о семъ отнестись туда, гдѣ они находятся, съ тѣмъ, чтобы мнѣ доставлено было то свѣдѣніе непосредственно и безъ замедленія.»

Баскаковъ донесъ 15 августа 1804 г. за № 363, что казакъ Фофановъ умеръ въ Аренсбургѣ въ іюлѣ 1804 г., что тамъ остались въ живыхъ двое: Василій Коноваловъ и Козьма Кочуровъ, которые возвратиться, по старости лѣтъ и слабости здоровья, на родину не желаютъ. Въ Перновѣ остался въ живыхъ одинъ Иванъ Твороговъ, который также возвращаться не желаетъ, проситъ только дозволенія отъѣзжать по временамъ въ Ригу и Ревель, каковою милостію онъ уже имѣлъ счастіе отъ князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына пользоваться.»

Давъ просимое Твороговымъ дозволеніе, графъ Буксгевденъ донесъ 28 августа 1804 г. за № 2077 министру юстиціи, что казакъ Фофановъ умеръ, что «оставшіеся двое живущіе въ Аренсбургѣ Василій Коноваловъ и Козьма Кочуровъ, такъ и находящійся въ Перновѣ изъ числа ихъ же казакъ Иванъ Твороговъ, ведутъ себя честно и добропорядочно, но въ разсужденіи старости ихъ и слабаго здоровья на прежнее жилище возвратиться не желаютъ.»

Была и другая гораздо важнѣйшая причина не возвращаться на родину. Въ подпискахъ, которыя дали Коноваловъ, Кочуровъ и Твороговъ о нежеланіи возвратиться на прежнія жилища, говорится, что изъ ихъ семействъ и родныхъ на родинѣ въ живыхъ уже никого не оставалось, слѣд. они явились бы въ свои края людьми совершенно чужими.

Вѣроятно не долго послѣ того пожили въ Лифляндіи эти послѣдніе соучастники Пугачева.

II.

Къ исторіи первыхъ дней царствованія Екатерины II.

Указы императрицы Екатерины II генералъ-губернатору Рижскому Броуну.

1.

Указъ нашему генералъ-губернатору Рижскому Броуну.

Понеже по желанію всѣхъ сыновъ отечества мы вступили благополучно на престолъ Всероссійской, того ради, вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляя и уповая на ваше къ намъ усердіе, повелѣваемъ: всѣ мѣры къ тому принять, чтобы сіе народное желаніе, съ Божіимъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, а въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство и ни отъ кого кромѣ что за нашимъ подписаніемъ никакихъ повелѣній не принимать. О прочемъ указы наши съ присягою присланы будутъ немедленно. Екатерина. Іюня 28 дня 1762 года, въ Санктпетербургѣ.

2.

Чрезъ нѣсколько дней былъ высланъ дупликатъ этого указа также за собственноручною подписью императрицы. Подъ указомъ приписано императрицею:

P. S. При семъ посылаются манифесты и присяга, по которой вы ввѣренной вамъ командѣ немедленное объявленіе учинить и къ присягѣ привесть имѣете.

Присланные манифестъ и клятвенное обѣщаніе слово въ слово напечатаны въ XVI томѣ Полнаго Собранія Законовъ, стр. 3.

3.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая императрица и самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему Рижскому губернатору генералъ-аншефу Броуну.

Вчера мы васъ увѣдомили о благополучномъ нашемъ восшествіи на Всероссійской престолъ, а нынѣ повторительно увѣдомляемъ, что въ послѣдствіе того бывшій императоръ своеручнымъ и торжественнымъ удостовѣреніемъ письменно вовсе отъ престола въ Имперіи нашей отказался, о чемъ мы вскорѣ и публикацію учинимъ. Данъ въ Петергофѣ, 1762 года іюня 29 дня. Екатерина.

4.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая императрица Всероссійская и пр. и пр. и пр.

Всѣхъ отправленныхъ въ нынѣшнемъ 1762 г. въ заграничную армію изъ Санткпетербурга полковъ шефамъ и главнымъ полковымъ и командным командирамъ.

По власти Всемогущаго Бога и по желанію всѣхъ сыновъ Россійскихъ вѣрноподанныхъ воспріяли мы Всероссійскій императорскій престолъ, о чемъ во всей Нашей Имперіи наиторжественнѣйше присягу Намъ учинили; того ради повелѣваемъ вамъ, получа сіе, въ командахъ своихъ объявить и приложенные при семъ манифестъ и присяги принявъ обнародовать и команды свои къ той присягѣ привесть и означеннымъ отправленнымъ въ нынѣшнемъ 1762 г. изъ Санктпетербурга полкамъ и командамъ возвратиться въ Санктпетербургъ, и точную съ сего копію принявъ отъ посланнаго съ симъ нашимъ указомъ лейбъ-гвардіи офицера, оригинальной, для объявленія прочимъ, отдавать ему обратно. Данъ въ Санктпетербургѣ іюня 28 дня 1762 г. Екатерина.

Указъ сей былъ доставленъ Броуну лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитаномъ княземъ Андреемъ Щербатовымъ.

5.

Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну.

Изъ присланнаго отъ васъ рапорта мы всемилостивѣйше усмотрѣли всѣхъ Намъ вѣрноподданныхъ военныхъ и гражданскихъ губерніи Рижской усердіе и радость о восшествіи Нашемъ на престолъ Всероссійскій. И мы чрезъ сіе объявляемъ за то непрерывное Наше къ нимъ благоволеніе и милость, о чемъ вы каждаго по состоянію и обнадежить имѣете публикаціею. Учрежденія же ваши собственныя о удержаніи скоропоспѣшнѣйшихъ вѣдомостей въ чужія руки, сухимъ путемъ и водою отъ недоброжелателей, ежели бы какіе случиться могли и предварить прежде нежели Наши отправленные въ армію курьеры достигнутъ, Мы всемилостивѣйше похваляемъ и таковою ревностію вашею довольны. Подполковника Рихтера Голстинской службы, присланнаго къ вамъ отъ генералъ-маіора графа Салтыкова, ежели объ немъ вамъ отъ него Салтыкова больше ничего не объявлено какъ то что̀ вы пишите, имѣете выпустить

на свободу, ибо онъ по одному тому подозрѣнію взятъ, что онъ Голстинской службы. И сіе на то время Салтыковъ изрядно сдѣлалъ. Іюля 10 дня 1762 г. Екатерина.

На указѣ собственноручная приписка императрицы:

Извольте Рихтеру сказать отъ себя, чтобы онъ воздержался на время пріѣхать въ Питербурхъ, ибо ихъ и безъ того слишкомъ много и не знаю куда ихъ дѣвать.

(Изъ собранія имянныхъ указовъ Екатерины II Броуну, хранящихся въ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. Книга № 61.)

III.

О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ. (*)

(Изъ дѣла канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора № 44, 1772 года.)

1 января 1769 г. послѣдовалъ первый выпускъ государственныхъ ассигнацій на 1 милліонъ рублей. Эти ассигнаціи были принимаемы во всѣ платежи казенные и частные на равнѣ съ золотыми и серебряными деньгами, а желавшіе обмѣнять ихъ получали немедленно изъ банка, на предъявленную сумму, звонкую монету. Для вымѣна государственныхъ ассигнацій были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ два банка съ капиталомъ также въ 1 милліонъ рублей золотомъ и серебромъ. Публика приняла ассигнаціи съ полною охотою и съ полною довѣренностію къ правительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлили явиться и люди, желавшіе воспользоваться этою довѣренностію, поживиться на счетъ ассигнацій. Вотъ что писала императрица къ генералъ-аншефу Броуну 6 февраля 1772 г.

Секретнѣйше.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ.

Безпутнымъ своимъ поведеніемъ извѣстный Сергѣй Пушкинъ въ прошломъ году поѣхалъ въ чужія края. Нынѣ нѣкоторое подозрѣніе есть, что онъ сіе учинилъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобы тамо стараться поддѣлывать наши банковыя ассигнаціи, коихъ пересылать будто бы намѣренъ къ своему брату, на Москвѣ, къ Михаилу Пушкину. Прикажите непримѣтно примѣчать на ваша граница, не проявятся ли гдѣ пакеты на имя Михаила Пушкина и есть ли таковые будутъ, то подъ видомъ контрабанды велите тѣхъ осматривать и есть ли найдете чего ни на есть, сей

(*) Сличи выше, въ письмахъ къ кн. Волконскому.

слухъ подтверждающее, то не мѣшкавъ отправьте ко мнѣ хотя съ нарочитымъ, а до тѣхъ поръ избѣгайте огласку. Здѣсь же уже отъ меня приказано ординарныя обѣихъ братьевъ письма раскрывать и осматривать. Впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательная Екатерина.

На это письмо генералъ Броунъ донесъ 10 февраля 1772 г.

Всевысочайшій вашего императорскаго величества писанной собственною вашего величества рукою отъ 6 сего мѣсяца секретнѣйшій указъ о безпутныхъ поступкахъ извѣстнаго Сергѣя Пушкина, я сего числа всеподданнѣйше получилъ и на оное вашему императорскому величеству всенижайше рабски доношу: объявленной называющійся отставной капитанъ Сергѣй Пушкинъ прошлаго 1771 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ сюда въ Ригу и стоялъ въ одномъ трактирѣ нѣсколько недѣль, гдѣ будучи, хотя и покушался у меня требовать паспорта о пропускѣ его за границу, объявляя притомъ, что объ ономъ писано ко мнѣ отъ господина вицъ-канцлера князь Александра Михайловича Голицына; но я, не имѣя того въ полученіи писалъ къ помянутому князю Голицыну и требовалъ объ немъ Пушкинѣ изъясненія, почему и получилъ отвѣтъ, что его, Пушкина, по присланной изъ Москвы челобитной, по воспослѣдовавшему докладу отъ вашего императорскаго величества пропустить заграницу безъ дачи паспорта дозволено. Почему іюля 24 дня онъ изъ Риги заграницу и отправился, и о томъ отъ меня коллегіи иностранныхъ дѣлъ репортовано. А нынѣ онъ, Сергѣй Пушкинъ, назадъ тому дня съ три изъ заграницы возвратился и теперь находится въ Ригѣ, но изъ оной хочетъ скоро ѣхать прямо въ Москву и требовалъ надлежащаго о пропускѣ туда паспорта. Того ради съ показаннымъ Сергѣемъ Пушкинымъ что соизволите, всемилостивѣйшая государыня, указать, пропущать ли его въ Москву и повелѣно-ль будетъ во всемъ его экипажѣ не сыщуться-ль иногда какія фальшивыя банковыя ассигнаціи осмотръ учинить, о томъ всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества указа. И до полученія онаго объявленной Пушкинъ здѣсь непримѣтнымъ образомъ всячески будетъ удержанъ, и на поступки его буду имѣть примѣчаніе. Рижскому жь почтъ-директору приказано отъ меня, если отъ него Пушкина между тѣмъ какія посланы будутъ въ Москву къ брату его Михаилѣ или пришлются изъ Москвы къ нему Сергѣю отъ брата письма, то бы первыя не посылая туда, а послѣднія не отдавая ему, приносить

ко мнѣ, которыя буду открывать, и что въ оныхъ найду представлю къ вашему императорскому величеству; и какъ уповаю, что таковые безпутные люди, закрывая свои погрессы, могутъ иногда письма свои пересылать подъ другими конвертами, то не соизволитель, всемилостивѣйшая государыня, указать получаемыя отсюда въ Санктпетербургскомъ почтамтѣ для пересылки въ Москву письма, кои окажутся нѣсколько сумнительны, на то время, пока реченный Пушкинъ здѣсь въ Ригѣ пробудетъ, открывать почтъ-директору Эку, что всеподданнѣйше предаю въ высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ г. Броунъ.

Донесеніе это было возращено Броуну, со слѣдующею собственноручною резолюціею императрицы:

Прикажите подъ именемъ контръ-банду осматривать какъ Пушкина самого, такъ и всѣ при немъ находящіяся вещи, экипажи, карета и людей и если что сумнительнаго найдете, то прикажите и самого его арестовать; также старайтесь узнать, гдѣ онъ былъ въ чужіе краи. Февраля 15 ч. 1772.

Дальнѣйшій ходъ дѣла лучше всего виденъ изъ нижеслѣдующихъ имянныхъ указовъ:

Секретнѣйше.

Господинъ Лифляндской генералъ-губернаторъ.

Незадолго предъ Сергѣя Пушкина или скоро послѣ него будетъ привезено какой-то инструментъ нивѣсь органъ, нивѣсь клавикордъ, нивѣсь скрипица, и той будетъ адресовано на имя мануфактуръ коллегіи вицъ-президента Федора Іоаннова сына Сукина, которой инструментъ надлежитъ весьма осматривать, нѣтъ ли въ немъ прятаны поддѣланныя ассигнаціи и не составленъ онъ весь изъ двойныхъ досокъ, между коими сей запрещенный товаръ спрятанъ. Пожалуй велите строго стеречь и поймать сію вещитца. Екатерина. Февраля 19 ч. 1772.

*

Господинъ Рижскій генералъ-губернаторъ.

Вчерашній вечеръ изъ Пскова пришла штафета къ Новгородскому губернатору, которая привезла съ собою письмо отъ Сергѣя Пушкина къ его брату Михаилу Пушкину на Москвѣ, а писано то съ Нейгаузена, гдѣ онъ содерживается по вашему, думать надобно, повелѣнію подъ арестомъ. Сіе письмо ясно и явно его обличаетъ, ибо онъ самъ признается,

что у него ассигнаціонный приборъ, какъ-то: штемпели и прочее найдено и что онъ уйти хочетъ и что онъ брату пѣняетъ, что онъ къ нему не прислалъ человѣка, изъ чего родится сумнѣнье, не знаютъ ли его наемные люди чего нибудь его похожденіе, и для того прикажите того, который съ нимъ ѣхалъ, допрашивать порядочно и если чего знаетъ къ Пушкина облики, то пришлите того человѣка сюда къ генералъ-прокурору подъ крауломъ. Я вчерашній вечеръ отселѣ послала твердаго и исправнаго полковника Ушакова, который былъ въ гвардіи капитаномъ, въ Нейгаузенъ съ указомъ, дабы онъ Пушкина взялъ и привезъ бы его сюда въ Санктпетербургской крѣпости; а если онъ найдетъ, что Пушкинъ по вашему повелѣнію повезенъ въ Ригу, чтобы онъ ѣхалъ изъ Нейгаузенъ къ вамъ, и вамъ показалъ бы мой ордеръ; а вы, господинъ генералъ-губернаторъ, отдайте ему полковнику Ушакову вышеписаннаго арестанта, и у васъ по сю пору произведенное слѣдствіе пришлите ко мнѣ, чтобъ оное здѣсь въ примѣръ другимъ благороднымъ бездѣльникамъ могло по законамъ приведено быть къ концу. Отъ васъ же не имѣю о семъ происшествіи нималѣйшее извѣстіе, чего мнѣ и не дивитъ, ибо ближе чрезъ Пскову изъ Нейгаузена письмо Пушкина могло притти сюда нежели изъ Нейгаузена все происшествіе чрезъ Ригу сюда. Я съ письма Пушкина къ его брату посылаю къ вамъ копія, которая иногда вамъ открывать можетъ болѣе обстоятельства, нежели мы знаемъ. Впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Марта 1 ч. 1772 г.

Если при Пушкинѣ есть Французъ, то не оставясь арестуйте его.

*

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ.

Вчерашній день я получила по штафетъ найденные штемпели и литеры въ экипажѣ извѣстнаго плута Пушкина и увѣдомилась изъ вашего письма, что онъ арестованъ, чего я уже знала, какъ я къ вамъ и писала по штафетѣ нарочной, давъ вамъ знать, что я отправила полковника Ушакова, дабы онъ того арестанта сюда везъ; а теперь не имѣю прибавить окромѣ того, чтобы вы приказали письма и бумаги Пушкина запечатать и сюда прислать, дабы узнать чрезъ нихъ можно было, нѣтъ ли иногда еще какія ни на есть обстоятельства въ семъ дѣлѣ, кои мы не вѣдаемъ и не имѣетъ-ли онъ окромѣ брата его еще какіе ни на есть со-

общниковъ, а наипаче не видно ли будетъ откуда бумагу изъ коей дѣлать намѣрены были ассигнаціи получить имѣли, ибо сія бумага особливая и нигдѣ не дѣлается окромѣ Сиверсова фабрика, и надлежитъ думать, что бумага будетъ прислана въ извѣстномъ вамъ органѣ или музыкальнаго инструмента, чего въ таможнѣ накрѣпко прикажите стеречь; мы тоже и здѣсь дѣлаемъ, и есть подозрѣніе, что она въ Питербурхъ привезется. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Марта 2 ч. 1772 г.

Пришлите ко мнѣ копія съ репорта о арестованіи Пушкина въ Нейгаузена и всему сему происшествію: онъ въ дѣлѣ нуженъ.

Всѣ эти указы писаны императрицею собственноручно.

*

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ.

Посланные отъ васъ отъ 6 числа сего мѣсяца въ Перновскій и Аренсбургскій порты ордеры по дѣлу Пушкина мы не токмо не почитаемъ излишними, но еще находимъ вашу въ семъ дѣлѣ предосторожность нужною, и повелѣли такія же приказанія послать отсюда и въ Ревельскія таможни. Подписано: Екатерина. 20 апрѣля 1772 г. Санктпетербургъ.

Слѣдующее письмо генералъ-прокурора къ Броуну служитъ заключеніемъ этого дѣла:

Милостивый государь мой! По полученному мною письму отъ вашего превосходительства имѣлъ я счастіе докладывать ея императорскому величеству, на что̀ и послѣдовало высочайшее повелѣніе, дабы всѣ пожитки Сергѣя бывшаго Пушкина, находящіеся въ Рижской портовой таможнѣ продать, и полученныя за нихъ деньги переслать къ его матери. Таможенному же досмотрщику Петру Янсону за сысканіе упомянутаго бывшаго Пушкина везенныхъ имъ тайно для дѣланія ассигнацій инструментовъ, ея величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила дать 500 рублей въ награжденіе. О чемъ донеся, съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ пребываю всегда вашего превосходительства, милостиваго государя моего, всепокорный слуга князь Александръ Вяземской. 19 декабря 1772. Спб.

IV.

О Невзоровѣ и Колокольниковѣ.

(Изъ дѣла канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора № 1828, 1792 года).

Екатерина II, въ послѣдніе годы своего царствованія, смотрѣла крайне неблагопріятно на русскихъ масоновъ и на всѣ дѣйствія ихъ. Вотъ распоряженія ея касательно студентовъ Невзорова и Колокольникова, которые ѣздили за границу на счетъ И. В. Лопухина учиться медицинѣ, гдѣ они по самымъ принципамъ и наставленьямъ его не вступали ни въ какія ложи или другія общества изъ опасенія „ложнаго масонства.“

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій графъ Броунъ.

Двое изъ Московскихъ студентовъ Василій Колокольниковъ и Максимъ Невзоровъ, воспитывавшіеся въ чужихъ краяхъ на иждивеніи нѣкотораго общества, по извѣстіямъ, долженствуютъ вскорѣ возвратиться изъ Гетингена во свояси чрезъ Берлинъ и Ригу. Имѣя подозрѣніе въ ложныхъ правилахъ ихъ ученія и въ намѣреніи распространить сѣмена зла сего въ Россіи, повелѣваемъ вамъ секретнѣйшимъ образомъ принять мѣры осторожности, дабы въ случаѣ проѣзда сихъ людей чрезъ Ригу, подъ видомъ таможеннаго осмотра, отобраны были всѣ имѣющіяся у нихъ бумаги и письма, и по освидѣтельствованіи оныхъ извѣстнымъ способомъ въ Рижскомъ почтамтѣ, буде въ нихъ ничего сумнительнаго и подозрѣніе утверждающаго не найдется, доставя намъ списки, подлинныя имъ возвратить и самыхъ ихъ отпустить въ путь имъ предлежащій; а въ противномъ случаѣ всѣ таковыя бумаги и письма оригинальныя намъ представить съ нарочнымъ, а путешественниковъ подъ предлогомъ или утайки вещей, или же провоза законами запрещенныхъ, задержите тамъ впредь до указа. Пребываемъ къ вамъ благосклонною Екатерина. 6 февраля 1792 г.

19 февраля 1792 г. за № 84 графъ Броунъ донесъ императрицѣ:

По прибытіи изъ чужихъ краевъ извѣстныхъ студентовъ, при таможенномъ осмотрѣ, забраны были всѣ находящіяся при нихъ бумаги, между которыми нашлось рукописное сочиненіе о крестахъ (?), прочія же на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ суть большею частію учебныя въ университетахъ, при слушаніи лекцій писанныя, почему дабы съ точнымъ наблюденіемъ выполнить высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе и не учинить просмотра почтя иногда вредное за неважность, рѣшился я препроводить съ нарочнымъ всѣ сіи бумаги на прозорливѣйшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе, которыя при семъ и слѣдуютъ. Онымъ же двумъ людямъ приказалъ объявить чрезъ та-

можно, что какъ Латинскихъ книгъ здѣсь разсмотрѣть некому и нѣтъ-ли въ числѣ ихъ каковыхъ запрещенныхъ, то отосланы они на разсмотрѣніе въ Академію Наукъ, кои уповательно въ скоромъ времени сюда паки возвращены будутъ, а для того имъ нужно здѣсь обождать, ибо при нихъ никакихъ вещей нѣтъ, и кажется, что они люди бѣдные. Исполняя такимъ образомъ высочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе, буду ожидать на сіе донесеніе мое всемилостивѣйшаго разрѣшенія. Вашего императорскаго величества вѣрноподданный г. Броунъ.

Вмѣстѣ съ симъ графъ Броунъ 19 февраля 1792 г. за № 85 писалъ Платону Александровичу Зубову:

По секретному ея императорскаго Величества указу отправилъ я съ нарочнымъ бумаги на высочайшее разсмотрѣніе изъ осторожности, дабы не вѣдомо не погрѣшить, а людей, оныя имѣющихъ, остановилъ здѣсь до резолюціи. А какъ сіи люди бѣдные, такъ что денегъ на пропитаніе не имѣютъ, и для того просятъ объ отпускѣ ихъ въ путь, то приказалъ я дать имъ отъ таможни подъ видомъ общественной складки 50 руб. изъ экстраординарной суммы, на время здѣшняго ихъ пребыванія. Почему ваше превосходительство прошу покорно на донесеніе мое предстательствомъ вашимъ исходатайствовать высочайшую резолюцію, не помедля. И пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Броунъ.

Резолюція послѣдовала въ слѣдующемъ указѣ:

Господинъ генералъ-губернаторъ Лифляндскій и Эстляндскій графъ Броунъ!

Для объясненія нѣкоторыхъ бумагъ, отъ васъ присланныхъ, повелѣваемъ задержанныхъ въ Ригѣ студентовъ Колокольникова и Невзорова отправить сюда подъ присмотромъ пристава, снабдя нужными на проѣздъ деньгами. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны, Екатерина. 27 февраля 1792.

Препровождая этотъ указъ, П. А. Зубовъ писалъ Броуну 27 февраля, что «посланному при нихъ приставу нужно дать наставленіе, чтобы онъ съ послѣдней станціи къ здѣшнему городу не прежде въ оный въѣзжалъ, какъ въ вечеръ, и чтобы, остановяся въ ямской, самъ явился у меня для полученія дальнѣйшихъ приказаній.»

Для отвоза въ Петербургъ студентовъ назначенъ Рижской губернской роты капитанъ Тархановъ. Ему было дано 200 руб. на прогоны. 1 марта онъ выѣхалъ изъ Риги. 2 марта графъ Броунъ отослалъ Зу-

бову письмо, приготовленное студентами къ статскому совѣтнику Лопухину. 6 марта Тархановъ доставилъ арестованныхъ студентовъ Зубову, который немедленно отправилъ ихъ къ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, сей же послѣдній сдалъ ихъ въ Невскій монастырь. 7 марта Тархановъ выѣхалъ изъ Петербурга и 18 марта 1792 г. представилъ графу Броуну остатокъ отъ прогоновъ 25 р., израсходовавъ въ дорогѣ 175 р.

Слѣдующій разсказъ самаго Невзорова служитъ продолженіемъ этого дѣла (Вѣстникъ Европы, 1867 г. томъ IV, отд. VII, стр. 61):

„Мы съ покойнымъ товарищемъ своимъ В. Я Колокольниковымъ, живя еще въ голандскомъ Лейденѣ, получили отъ благодѣтеля своего И. В. Лопухина письмо, въ которомъ онъ насъ увѣдомлялъ, что въ Россіи нѣкоторые злоязычники разславляютъ, что будто-бы мы въ Парижѣ (въ которомъ мы не только тогда, но и никогда не были) были изъ Русскихъ въ числѣ депутатовъ во французское національное собраніе съ поздравленіемъ Французовъ съ революціонными ихъ предпріятіями. И въ 1792 г. въ мартѣ мѣсяцѣ привезли насъ въ Петербургъ и въ Невскій монастырь подъ именемъ якобинцевъ, какъ я послѣ узналъ. Смѣшнѣе же всего и грѣшнѣе то, что покойный Степанъ Ивановичъ Шешковскій въ Алексѣевскомъ ровелинѣ при Петербургской крѣпости допрашивалъ насъ, и конечно по повелѣнію, отъ чего произошла французская революція, сіе чудовищное произведеніе кровопійственной философской просвѣщенной политики, противъ чего всего именно благодѣтельные наши учители и наставники, истинные свободные каменьщики, и ученіемъ, и примѣрами, и сочиненіями, и всѣми заведеніями именно шли, въ чемъ я ручался тогда письменно своею головою.“

Не въ одномъ якобинствѣ, впрочемъ, подозрѣвала Екатерина русскихъ масоновъ. Главнымъ и существеннымъ предметомъ подозрѣній служили предполагавшіяся сношенія масоновъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

V.

О Кременчугскомъ купцѣ Тимофѣѣ Курдиловѣ.

(Изъ дѣла канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора 1788 г. № 1143).

Въ царствованіе Екатерины II являлось немало самозванцевъ, принимавшихъ на себя имя Петра III. Но вотъ документы о самозванцѣ, явившемся было въ 1788 г. въ Ливоніи и принявшемъ на себя имя Іоанна Антоновича, сына принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Антона и принцессы Анны, родной племянницы императрицы Анны Іоанновны, того самаго Іоанна, который былъ убитъ въ Шлессельбургѣ 5 іюля 1764 г. во время извѣстной попытки подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка Мировича освободить его и возвести на престолъ.

Герцогъ Курляндскій Петръ Биронъ прислалъ при письмѣ отъ 4 апрѣля (24 марта) 1788 г. къ графу Броуну человѣка, показавшагося ему

въ высшей степени подозрительнымъ и опаснымъ. Человѣкъ сей 25 марта 1788 г. былъ допрошенъ въ канцеляріи Рижскаго и Ревельскаго генералъ-губернатора и показалъ:

Имя его Иванъ Ульрихъ, содержавшійся прежде сего въ городѣ Шлиссельбургѣ, отъ роду имѣетъ 49 лѣтъ. Отецъ его Антонъ Ульрихъ, мать Анна, братьевъ же и сестеръ не знаетъ. Въ 1762 г. посредствомъ бывшаго въ оной крѣпости коменданта Ребиндера, который при взятіи отъ правительства со всѣхъ чиновъ, кромѣ черни, подписокъ, чтобы не выпускать его живаго, пришедъ къ нему, палъ на колѣни и сказалъ: «ищи случая и спасай жизнь, а я на твое мѣсто человѣка похожаго на тебя уговорилъ», который былъ изъ Чухонъ именемъ Петръ и который, какъ онъ послѣ слышалъ, стражею заколотъ, — и далъ ему 3000 рублей золотою и серебряною монетою. Въ дорогу отправился на нанятыхъ лошадяхъ съ даннымъ отъ него подъ видомъ купца билетомъ въ Запорожскую Сѣчь, съ которымъ онъ на заставахъ, ниже въ другомъ какомъ либо мѣстѣ задержанъ не былъ. Въ томъ же году пріѣхалъ онъ въ Сѣчь, явился къ кошевому Петру Ивановичу Калнышу, который, по просьбѣ его быть въ казакахъ, его принялъ, гдѣ онъ доучился читать и писать по россійски и позналъ права и законы. Бывъ въ Сѣчи до 1774 г., ходилъ въ походъ подъ Очаковъ. По возвращеніи изъ Турціи тогда, когда господинъ генералъ-поручикъ Текелли по особливому повелѣнію приступалъ къ разрушенію Сѣчи, взялъ онъ отъ кошеваго билетъ и поѣхалъ въ Астрахань и ѣздилъ по другимъ мѣстамъ тамошняго края для осмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ къ предпринятому своему намѣренію; а оттуда ѣздилъ въ Крымъ и прибылъ туда въ самое то время, когда возведенъ былъ Шагинъ-Гирей ханомъ. А въ 1782 г. пріѣхалъ онъ въ С.-Петербургъ и присталъ у купца Пчолкина и перемѣняя квартиры жилъ также и у купца Рыканова подъ видомъ купца. Изъ С.-Петербурга ѣздилъ въ Архангельскъ для полученія извѣстія о своихъ родственникахъ, о которыхъ въ Холмогорѣ узналъ отъ матросовъ, что отецъ и мать его померли, а братья и сестры сосланы на суднѣ Полярной Звѣздѣ въ Океанъ. По полученіи таковаго извѣстія возвратился въ С.-Петербургъ и сталъ на квартирѣ въ адмиралтейской части у купца Рыканова, гдѣ живучи сталъ помышлять со временемъ какъ о родственникахъ своихъ, такъ и о самомъ себѣ, и (имѣя надобность до Курляндскаго герцога Бирона самую ту, дабы узнать въ точности, какимъ образомъ сверженъ онъ императрицею

Елисаветою съ престола и какъ отецъ его Бирона посланъ въ заточеніе въ Ярославль, т. е. матерью ли его или императрицею Елисаветою, а равно и о томъ, въ какое время сосланы были въ Холмогоры Антонъ Ульрихъ съ женою и дѣтьми) изъ Петербурга отправился въ Могилевъ на наемныхъ лошадяхъ съ билетомъ, самимъ написаннымъ и партикулярною печатью запечатаннымъ, и приставъ на постояломъ дворѣ, отправился въ Херсонъ и оттуда въ Курляндію прибылъ въ февралѣ сего года. Пріѣхавъ въ Курляндію, искалъ онъ случая дойти до герцога и, получивъ оный, пріѣхалъ къ герцогу въ Вирцау дней 10 тому назадъ и спросивъ у придворныхъ можно ли видѣть герцога, сказалъ о себѣ, что онъ Россійскій купецъ Камердинеръ, доложивъ герцогу, приказалъ войти къ нему; онъ началъ требовать опредѣленія время и мѣста, дабы можно было переговорить на единѣ, въ чемъ герцогъ ему отказалъ; приказавъ подать надобное о себѣ на письмѣ, которое онъ третьяго дня и подалъ, содержанія вышеписаннаго, но герцогъ во всякой помощи ему отказалъ, объявя, что онъ опасенъ Россіи, и приказалъ взять подъ стражу и вчерашняго числа привезенъ въ Ригу.

Въ тотъ же день, 25 марта, графъ Броунъ далъ слѣдующій ордеръ Рижской штатной роты поручику Тарханову:

По полученіи сего имѣете отправиться въ С.-Петербургъ съ арестантомъ, закованнымъ въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ, для лучшаго за которымъ смотрѣнія придается вамъ одинъ унтеръ-офицеръ и солдатъ; и вы, явясь у графа Александра Андреевича Безбородка, вручите ему прилагаемый у сего кувертъ и арестанта. Въ дорогѣ смотрѣть вамъ бодрственнымъ окомъ, дабы арестантъ не сдѣлалъ утечки, а равно наблюдать за конвойными служителями, чтобы онъ не сдѣлалъ иногда покушенія къ уговору ихъ объ отпускѣ его; словомъ, должны вы употребить всевозможное стараніе, чтобы сей человѣкъ, такъ какъ по самой важности въ С.-Петербургъ посылаемый, сохраненъ былъ до мѣста его врученія безвредно.

Тарханову на дорогу дано 100 р. прогоновъ, съ тѣмъ чтобы изъ этихъ же денегъ онъ на пищу себѣ употреблялъ въ день по 25 коп., а арестанту и конвойнымъ по 10 коп. въ день на каждаго.

Въ кувертѣ заключалось письмо графа Броуна къ Безбородко и донесеніе императрицѣ отъ 25 марта за № 173. Къ ея величеству графъ Броунъ писалъ:

Вчерашняго числа присланъ ко мнѣ отъ герцога Курляндскаго арестантъ, который по учененному въ канцеляріи моей допросу объявляетъ, якобы онъ есть отпущенный изъ Шлиссельбургской крѣпости бывшимъ комендантомъ Ребиндеромъ принцъ Иванъ. Допросъ сей хотя нимало съ объявленіемъ въ Курляндіи учиненнымъ не сходствуетъ и болѣе на сказки нежели на истину походитъ, тѣмъ паче, что коменданта Ребиндера въ Шлиссельбургѣ не было, а былъ тогда Бередниковъ; но совсѣмъ тѣмъ для важности сего дѣла и дерзновеннаго сего человѣка изреченія, а неменьше и соблазна, въ народѣ произойти могущаго, за долгъ поставилъ я препроводить его къ господину гофмейстеру графу Безбородку съ приложеніемъ присланныхъ отъ герцога бумагъ (*) и взятой здѣсь сказки для отобранія ближайшаго объясненія и всеподданнѣйшаго обо всемъ вашему императорскому величеству донесенія; а притомъ неменьше нужнымъ почелъ всенижайше доложить и отъ себя, что̀ мнѣ чрезъ присланнаго отъ герцога Курляндскаго нарочнаго донесено, что Россійской купецъ Софронъ Бѣлянкинъ, который его привезъ и отдалъ на содержаніе въ Митавѣ харчевнику Крегеру для пропитанія и обѣщалъ за то отвѣтствовать, хотя жительствуетъ здѣсь, но теперь въ отлучкѣ по промыслу въ Псковѣ, и для того оставлено сіе дѣло до прибытія его въ Ригу; сколь же скоро онъ возвратится и что̀ въ дополненіе повѣсти сей къ донесенію откроется, не оставлю я всеподданнѣйше донести обстоятельно. Вашего императорскаго величества вѣрный подданный графъ Броунъ.

Къ Безбородку же графъ Броунъ 25 марта за № 174 писалъ:

Его свѣтлость герцогъ Курляндскій, приславъ ко мнѣ нѣкотораго человѣка, именующагося принцемъ Иваномъ, содершавшимся прежде сего въ Шлиссельбургской крѣпости и будто бы выпущеннаго тогдашнимъ комендантомъ Ребиндеромъ съ даннымъ билетомъ въ Запорожскую Сѣчь (который, бродя по разнымъ мѣстамъ, вышелъ наконецъ въ Курляндію для испрошенія въ его обстоятельствахъ помощи отъ герцога) предалъ дальнѣйшее слѣдствіе и отправленіе къ высшему опредѣленію на мое разсмотрѣніе. По привозѣ его сюда приказалъ я учинить ему допросъ, который сколько на басню ни походитъ, совсѣмъ тѣмъ однако не можетъ

(*) Т. е. письма̀ герцога Петра къ графу Броуну и записки, въ которыхъ изложено все, что̀ разсказывалъ арестантъ камердинеру герцога. Документовъ этихъ мы не прилагаемъ: въ нихъ повторяется почти тоже самое, что арестантъ показалъ въ Ригѣ.

безъ уваженія оставленъ быть, какъ для прекращенія разглашенія въ публикѣ, такъ и отвращенія произойти могущихъ иногда неистовыхъ лжей: ибо отъ выдаваемой имъ вѣсти онъ не отходитъ, произнося при томъ много непристойностей, кои по здравому разсудку не заслуживаютъ никакого вниманія. Сей допросъ, равно какъ и присланныя отъ герцога Курляндскаго на нѣмецкомъ языкѣ бумаги по сей же исторіи прилагая при семъ, прошу ваше сіятельство покорнѣйше представить ея императорскому величеству въ удобное время, и посылаемыхъ въ конвоѣ офицера съ военнослужителями отправить обратно. Впрочемъ пребываю и пр.

Чрезъ три дня, 28 марта 1788 г. за № 186, графъ Броунъ доносилъ императрицѣ:

Вслѣдствіе отправленнаго къ вашему императорскому величеству донесенія моего отъ 25 сего марта о присланномъ отъ герцога Курляндскаго арестантѣ, за долгъ себѣ поставляю всенижайше доложить въ пополненіе, что по возвращеніи Россійскаго купца Бѣлянкина въ Ригу онъ ко мнѣ былъ призванъ и допрашиванъ, почему тотъ арестантъ ему знакомъ, на что онъ въ отвѣтъ объявилъ, что знакомства съ нимъ никогда не имѣлъ, но, пріѣхавъ въ Митаву съ товарищи, нашелъ его въ одномъ вольномъ домѣ и по просьбѣ его, въ разсужденіи многолюдства и безпокойства въ ономъ, показалъ ему другой, гдѣ онъ и остался; почему, не дѣлая болѣе никакой огласки, сего купца оставилъ я безъ всякаго изслѣдованія и въ покойномъ жительствѣ. Вашего императорскаго величества вѣрный подданный графъ Броунъ.

Тархановъ привезъ арестанта въ Петербургъ 2 апрѣля и сдалъ его графу Безбородку.

Слѣдующее письмо генералъ-прокурора къ графу Броуну показываетъ, кто именно былъ этотъ арестантъ:

Сіятельный графъ, милостивый государь мой! Привезенный отъ вашего сіятельства къ господину гофмейстеру и кавалеру графу Александру Андреевичу Безбородку, доставленный къ вамъ отъ его свѣтлости герцога Курляндскаго извѣстный человѣкъ и всѣ касающіяся до него бумаги, по высочайшему ея императорскего величества соизволенію присланы были ко мнѣ, и по слѣдствію въ тайной экспедиціи открылось, что помянутой человѣкъ есть Кременчугскій купецъ Тимофей Ивановъ сынъ Курдиловъ, бѣжавшій отсюда по причинѣ учиненныхъ имъ долговъ, о коемъ по высочайшей всемилостивѣйшей государыни волѣ рѣшеніе уже

воспослѣдовало, о чемъ за долгъ почитаю увѣдомить ваше сіятельство, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію всегда вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга князь Александръ Вяземскій. Мая 19 дня 1788 года.

VI.

О баронѣ фонъ Герштерфѣ.

(Изъ дѣла канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора 1785 г., за № 691).

Господинъ Лифляндской генералъ-губернаторъ графъ Броунъ! Проѣдетъ сквозь Ригу флигель-адъютантъ принца Витенбергскаго баронъ фонъ Герштерфъ въ препровожденіи Невскаго пѣхотнаго полка сержанта Ларіона Штендрихта. Прикажите обѣихъ остановить подъ видомъ контрабандъ или инаго непримѣчательнаго предлога и велите обѣихъ порознь приводить къ себѣ и спросите у Герштерфа: давно ли онъ въ моей службѣ? куда онъ ѣдетъ? надолго-ли? а пуще всего приводите въ ясность, принужденно-ли онъ ѣдетъ или по своей волѣ, и нѣтъ ли насилія въ его поѣздкѣ? У сержанта также отберите истину, за чѣмъ посланъ, и, отобравъ у обѣихъ нужныя свѣдѣнія, подъ видомъ, что незаплатя долговъ изъ Имперіи выѣхать нельзя, буде найдете насиліе въ ихъ посылкѣ, остановите ихъ и мнѣ репортуйте; буде же насилія нѣту, то, по вашему усмотрѣнію, отпустите ихъ въ свой путь. Здѣсь слышно: Герштерфу насиліе сдѣлано великое. Буде уже за границу уѣхали, то прикажите ихъ воротить и учинить по вышеписанному. Впрочемъ остаюсь я вамъ доброжелательная Екатерина. 8 ноября 1785 г.

Графъ Броунъ отъ 11 ноября 1785 г., за № 559 донесъ:

Всевысочайшій вашего императорскаго величества имянной указъ отъ 8 сего ноября о учененіи проѣзжающему чрезъ Ригу за границу барону Герштерфу и находящемуся въ препровожденіи Невскаго пѣхотнаго полка сержанту Штрембергу повелѣнныхъ вопросовъ и о прочемъ въ 10 день сего же ноября на нарочной эстафетѣ мною всеподданнѣйше полученъ, по которому вашему императорскому величеству всенижайше доношу, что помянутый Герштерфъ, пріѣхавъ сюда чрезъ 12 часовъ по полученіи вашего величества указа съ паспортомъ изъ Санктпетербургскаго губернскаго правленія и отпускомъ изъ государственной военной коллегіи на полгода, объявилъ, что онъ ѣдетъ въ Саксонію на время, нахо-

дился при принцѣ Витенбергскомъ за дежуръ-маіора и состоитъ въ службѣ вашего императорскаго величества три года; принужденія же къ сей его поѣздкѣ не было, но просилъ увольненія и отпущенъ отъ принца по причинѣ тяжкой болѣзни его отца. Сержантъ же Штрембергъ объявилъ, что онъ находится у принца Витенбергскаго на ординарцахъ и, какъ полученныя Герштерфомъ письма требовали скорого его отъѣзда, то и отправленъ онъ при Герштерфѣ для препровожденія до Риги въ разсужденіи незнанія Герштерфомъ Россійскаго языка, безъ всякаго письменнаго вида; да и Герштерфу помянутые паспортъ и абшидъ доставлены уже въ Нарвѣ съ курьеромъ, гдѣ они того дожидали около 2-хъ сутокъ. Почему, не усматривая никакого насилія въ поѣздкѣ его, на основаніи вашего императорскаго величества высочайшаго предписанія, маіора Герштерфа приказалъ я пропустить за границу, а сержанта Штремберга отправить обратно въ С.-Петербургъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Броунъ.

VII.

Указы императрицы Екатерины II генералъ-аншефу Броуну касательно возвращенія Курляндскаго престола герцогу Эрнсту Іоганну Бирону.

1.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему генералъ-аншефу и генералъ-губернатору (Лифляндскому) Броуну.

Хотя мы сумнѣваемся, чтобы герцогъ Курляндскій Карлъ (*), не вѣдая напередъ нашего соизволенія, похотѣлъ пріѣхать къ нашему двору, однакожъ мы въ запасъ, получа о томъ реляцію вашу отъ 24 сего іюля, снабдили уже потребнымъ наставленіемъ нашего министра въ Митавѣ Симолина, чтобы онъ старался отвратить такую сюда поѣздку, какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи съ посланнаго къ нему рескрипта пространнѣе усмотрѣть можете. Вслѣдствіе чего имѣете и вы съ своей стороны, сколько возможно, герцогу отсовѣтовать, ежели бъ онъ паче

(*) См. Русскій Архивъ 1866 г. стр. 284—304, статью г. Щебальскаго: Вопросъ о Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III.

чаянія иногда къ вамъ въ Ригу пріѣхалъ. Данъ въ С. Петербургѣ, 28 іюля 1762. Екатерина.

Копія съ рескрипта, отправленнаго изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Митаву къ статскому совѣтнику и министру Симолину въ 28 день іюля 1762 года.

Отъ нашего генерала-аншефа и генерала-губернатора Броуна получили мы извѣстіе, якобы герцогъ Курляндскій Карлъ, по пріѣздѣ своемъ въ Митаву, намѣренъ чрезъ нѣсколько дней оттуда отправиться сюда къ нашему двору. Мы сему извѣстію не можемъ подавать совершенной вѣры, ибо не думаемъ мы, чтобы принцъ Карлъ поступилъ собою на такую поѣздку, не вѣдая напередъ, пріятно ли будетъ намъ присутствіе его здѣсь; тѣмъ болѣе, что вчерась Саксонскій резидентъ Прассе канцлеру нашему знать далъ только о желаніи принца Карла прислать къ намъ генерала Лашеналя для поздравленія насъ съ восшествіемъ на Всероссійскій императорскій престолъ. Однакожъ въ запасъ повелѣваемъ вамъ, что если вы по пріѣздѣ въ Митаву провѣдаете, или примѣтите, что герцогъ дѣйствительно имѣетъ такое намѣреніе, то надлежитъ вамъ всячески стараться отвращать его отъ поѣздки сюда, не упоминая сперва, что вы имѣете отъ насъ о томъ повелѣніе; а буде онъ въ своемъ намѣреніи неотмѣнно пребывать станетъ и присовѣтованіи ваши не возъимѣютъ никакого дѣйствія, въ такомъ случаѣ можете вы не обинуясь ему объявить, что какъ мы положили уже намѣреніе герцога Эрнста-Іоганна въ справедливыхъ его требованіяхъ на Курляндію подкрѣплять: то, конечно, пріѣздъ его принца Карла сюда причинитъ намъ нѣкоторое неудовольствіе, тѣмъ паче, что онъ, не испрося напередъ нашего соизволенія, предприметъ путь свой сюда.

Генералу Броуну мы также поручили, чтобы онъ съ своей стороны принцу Карлу равномѣрно, сколько возможно, отсовѣтовалъ, ежели бы онъ паче чаянія прежде сего рескрипта изъ Митавы выѣхалъ и въ Ригу прибылъ.

Биронъ былъ арестованъ Минихомъ 8 ноября 1740 года, 9 ноября отвезенъ въ Шлиссельбургъ и потомъ сосланъ въ Пелымъ; но ссылка его какъ Регента Имперіи, не могла однакоже его лишить права на независимое герцогство, признанное польскимъ леномъ и Россіею. Императрица Елисавета Петровна дозволила герцогу Бирону поселиться въ Ярославлѣ, но о возвращеніи ему Курляндіи не было и рѣчи. Герцогство это оставалось безъ герцога до 1758 г. Въ этомъ году, по настоя-

нію императрицы, былъ избранъ и утвержденъ курляндскимъ герцогомъ сынъ польскаго короля Августа III принцъ саксонскій Карлъ, человѣкъ слабый, расточительный и, подобно отцу, чрезмѣрно любившій удовольствія. Положеніе новаго герцога было далеко незавидное: Поляки были недовольно его избраніемъ потому, что оно усиливало значеніе саксонской династіи; многіе Курляндцы были недовольны тѣмъ, что принцъ исповѣдывалъ католическую вѣру; хуже же всего было то, что ни великій князь, наслѣдникъ Русскаго престола, ни его супруга отнюдь не признавали законности его избранія. Петръ III въ 1762 г. возвратилъ Бирона изъ Ярославля къ своему двору, отдалъ ему всѣ остатки его имущества, но все-таки не думалъ о возвращеніи ему Курляндскаго герцогства. Сей императоръ, вообще сильно заботившійся о Гольштиніи, желалъ доставить корону Курляндіи своему дядѣ герцогу Георгу-Людвигу Гольштинскому, генералу прусской службы,—и предложилъ Бирону уступить свои права на Курляндію принцу Георгу. Сдѣлка готова уже была совершиться, но вступленіе на престолъ Екатерины II измѣнило все дѣло. Она тотчасъ же устранила эту сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и, опираясь на томъ, что самъ король Августъ III призналъ законность правъ Бирона и за основаніе новаго назначенія принца Карла герцогомъ поставилъ исключительно объявленіе императрицы Елисаветы, что никто изъ сосланной фамиліи Бирона не будетъ освобожденъ, рѣшилась настоять на прямомъ и безусловномъ возстановленіи въ Курляндіи герцога Эрнста-Іоганна. Курляндское рыцарство раздѣлилось на три партіи, на приверженцевъ Карла, Бирона и Георга. Перевѣсъ не замедлилъ явиться на сторонѣ партіи Бирона, сильной уже одною поддержкою императрицы. Въ іюлѣ 1762 года принцъ Карлъ находился въ Варшавѣ, но въ этомъ же мѣсяцѣ прибылъ назадъ въ Митаву.

2.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому губернатору Броуну.

Какъ герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени отсюда въ Митаву со всею фамиліею своею отправится, и, можетъ быть, надобно ему будетъ пробыть нѣкоторое время въ Ригѣ, то повелѣваемъ вамъ находящійся тамо казенный домъ, въ которомъ напредъ сего живалъ генералъ Бисмаркъ, къ пріѣзду его приготовить и потребныя починки исправить. Данъ въ С. Петербургѣ, іюля 30 дня 1762 года. По ея императорскаго величества указу подписали: графъ Михайла Воронцовъ и князь Александръ Голицынъ.

3.

Нашему генералъ-аншефу Броуну.

Какъ мы намѣрены герцога Курляндскаго Эрнста-Іоганна въ имѣющихся его на сіе герцогство претензіяхъ не токмо подкрѣплять, но и

способствовать къ возстановленію его въ сіи княжества, почему могутъ происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторые непорядки, то для предупрежденія оныхъ всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ изъ находящихся въ командѣ вашей гарнизонныхъ полковъ или же изъ ярославскаго нарядить немедленно цѣлой баталіонъ (*) при исправномъ штабъ-офицерѣ и велѣть оному итти вскорѣ въ Митаву и, явясь къ находящемуся тамо нашему министру статскому совѣтнику Симолину, расположиться по квартирамъ и поступать во всемъ по наставленіямъ онаго министра нашего Симолина, который снабженъ уже отъ насъ потребною о томъ инструкціею, и пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С. Петербургѣ, августа 3 дня 1762 г. Екатерина.

4.

Нашему генералъ-аншефу Броуну.

Вамъ уже извѣстно, что герцогъ Курляндскій Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Ригу и тамо нѣсколько времени пробудетъ. По пріѣздѣ же его туда имѣете вы ему выдать изъ тамошней рентеріи 20 т. рублей, которыя мы ему пожаловали на его столовый сервизъ. Данъ въ С. Петербургѣ, августа 21 дня 1762 г. Екатерина.

5.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому губернатору Броуну.

Вамъ уже дано знать рескриптомъ нашимъ отъ 30 минувшаго іюля, что герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени отсюда въ Митаву со всею фамиліею своею отправится и чтобъ для того находящійся въ Ригѣ казенный домъ, въ которомъ напредъ сего живалъ генералъ Бисмаркъ къ пріѣзду его изготовленъ и потребныя починки исправлены были; но какъ мы увѣдомились, что оный домъ для герцога со свитою его недо-

---

(*) Баталіонъ былъ посланъ собственно въ распоряженіе Симолина. Курляндія съ 1711 г. постоянно была занимаема русскими войсками. Въ Семилѣтнюю войну русскіе генералы распоряжались и Курляндіею и Польшею, какъ русскими провинціями. Они занимали въ Курляндіи Польшѣ квартиры, гдѣ было нужно, брали провіантъ и фуражъ, собирали контрибуцію. По заключеніи мира, двух-тысячный отрядъ сталъ въ Грауденцѣ, угрожая Польшѣ, а другой пятитысячный отрядъ вошелъ въ Курляндію, чтобы въ случаѣ надобности удалить герцога Карла силою.

статоченъ, то всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ по близости еще одинъ или уже два дома, въ которыхъ бы свита его помѣститься могла, пріискать и въ готовности содержать, а онъ герцогъ отсюда сего числа тоъѣзжаетъ. Данъ въ С. Петербургѣ, августа 23 дня 1762 года. По ея императорскаго величества указу подписали: графъ Михайла Воронцовъ и князь Александръ Голицынъ.

6.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому губернатору Броуну.

На письмо ваше къ канцлеру нашему отъ 6 сего августа, которымъ вы просите наставленія, какимъ образомъ принять вамъ надлежитъ Курляндскаго герцога Эрнста-Іоганна по прибытіи его въ Ригу, чрезъ сіе всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ, по пріѣздѣ онаго герцога въ Ригу принять его такъ, какъ положено по воинскому уставу принимать владѣтельныхъ принцевъ. Данъ въ С. Петербургѣ, августа 23 дня 1762 г. По имянному ея императорскаго величества указу подписали: графъ М Воронцовъ и князь А. Голицынъ.

7.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому генералъ-губернатору Броуну.

Извѣстно вамъ, что Курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ со своею фамиліею въ Митаву уже прибылъ, и какъ намъ отъ статскаго совѣтника Симолина донесено, онъ герцогъ на пути своемъ препровожденъ и при въѣздѣ въ городъ встрѣченъ и принятъ отъ рыцарства и земства тамошняго съ немалымъ оказательствомъ ему, какъ старому ихъ герцогу, любви и совершенной преданности, и всѣ обыватели города купно съ рыцарствомъ отличные знаки своего удовольствія и радости при семъ случаѣ оказали (*). Такимъ образомъ несомнѣнно сей герцогъ, по имѣющейся къ нему отъ всего народа любви, утвердиться во владѣніи тамо можетъ; но между тѣмъ, понеже необходимо потребно еще для совѣтованія и принятія нужныхъ при сихъ обстоятельствахъ мѣръ собраніе

(*) Герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ съ фамиліею прибылъ въ Митаву $\frac{14}{25}$ января 1763 г. Симолинъ пригрозилъ митавскому городовому магистрату военною экзекуціею, если герцогъ не будетъ встрѣченъ обывателями съ надлежащею честію. (См. Geschichte der Ostseeprovinzen von Richter. Kurland unter den Herzögen, стр. 171).

рыцарства въ Митавѣ на братскую конференцію, которая назначена къ 30 сего января (10 февраля), а пребываніе тамо его высочества королевскаго принца Карла иногда препятствовать будетъ въ пріемлемыхъ отъ того рыцарскаго собранія мѣрахъ: того ради мы всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего, безъ замедленія ѣхать въ Митаву, а нашимъ именемъ помянутому принцу Карлу присовѣтовать, дабы онъ по своему благоразумію уступилъ времени и обстоятельствамъ, которыя столь рѣшительно жребій его опредѣляютъ, и не сдѣлался бъ для себя безплодною причиною развращенія древней тѣсной дружбы между нашимъ и королевскимъ домами, которую мы конечно съ его пользою сохранять и распространять искренно желаемъ, слѣдовательно изволилъ бы выѣхать оттуда съ благопристойностію: ибо мы съ своей стороны герцога Эрнста-Іоганна въ его издавна благопріобрѣтенныхъ на курляндскія княжества правостяхъ не можемъ оставить безъ совершеннаго подкрѣпленія по самой справедливости, и по собственнымъ сего герцогства фундаментальнымъ уставамъ, какъ въ разсужденіи его религіи, такъ и въ разсужденіи особливо, что не усматриваемъ никакой основательной причины, для которой бы онъ своихъ правъ лишенъ быть могъ; и что сверхъ того самъ онъ принцъ довольно видѣлъ, сколь многою любовію и преданностію рыцарство и земство вообще герцога Эрнста-Іоганна приняли, желая по прежнему его владѣтелемъ надъ собою имѣть, и что при сихъ обстоятельствахъ не можетъ онъ принцъ нималой надежды имѣть къ утвержденію себя въ семъ герцогствѣ, когда сами тамошнее рыцарство и земство имѣть его не желаютъ, и что весьма лучшее сдѣлаетъ онъ для своей безопасности, когда изъ Курляндіи выѣдетъ и прежде нежели братская конференція въ Митавѣ настоять будетъ, которая отъ его тамъ пребыванія можетъ произвесть всякія для него особливо худыя замѣшательства и неспокойства. Мы же съ своей стороны на оныя по ближнему сосѣдству индиферентно смотрѣть отнюдь не можемъ, но паче и какъ наискорѣе возможно стараться станемъ о прекращеніи оныхъ въ совершенное спокойствіе. Мы будемъ ожидать о происшествіи по сему доношенія вашего, а между тѣмъ буде выѣдетъ изъ Митавы принцъ Карлъ, то и вы можете возвратиться къ своей командѣ въ Ригу, а инако въ Митавѣ обождать нашего указа на доношеніе ваше. Данъ въ Москвѣ, января 23 дня 1763 г. Екатерина.

Подъ указомъ собственноручная приписка императрицы:

Отдаю на ваше разсужденіе, остаться ли въ Митавѣ или возвратиться въ Ригу вамъ (*).

8.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому генералъ-губернатору Броуну.

Хотя мы и повелѣли вамъ рескриптомъ нашимъ отъ 23 числа сего января сдѣлать именемъ нашимъ принцу Карлу присовѣтываніе, чтобы онъ выѣхалъ изъ Митавы; но понеже не уновательно, чтобы такое чинимое вами присовѣтываніе возъимѣло желаемый успѣхъ, то въ запасъ отправили мы къ министру нашему въ Митавѣ статскому совѣтнику Симолину такое наставленіе, чтобы онъ обще съ герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ старался довести до того, чтобы тамошнее дворянство формальнымъ образомъ адресовалось къ помянутому Симолину какъ министру нашему и просило у него нашего вспоможенія въ выпровожденіи принца Карла изъ Митавы. Ежели сіе въ самомъ дѣлѣ воспослѣдуетъ (**), то повелѣли мы васъ о томъ увѣдомить, не теряя времени въ перепискахъ, отъ себя послать способную къ тому персону, или же вторично сами ѣхать къ принцу Карлу съ подтвердительнымъ сильнымъ увѣщаніемъ о выѣздѣ его изъ Митавы, присовокупляя къ тому: что если онъ еще продолжать станетъ свое упрямство, то вскорѣ неизбѣжно подвергнетъ себя самой крайности, которую уже ничѣмъ исправить будетъ невозможно, ибо Курляндское дворянство теперь формально рекламируетъ обѣщанную отъ насъ протекцію общимъ ихъ уставамъ, правамъ и вольностямъ и проситъ потому руку помощи, и что вы повелѣніе имѣете всё то исполнить, что̀ можетъ служить къ покровительству и защищенію законовъ и правъ сосѣдственнаго съ нами герцогства, дабы оное такими внутренними несогласіями и раздорами совсѣмъ не рушилось.

Впрочемъ повелѣваемъ вамъ генерала-поручика Штофеля и бригадира Эльбта смѣнить другими при арміи нашей въ Лифляндіи находящимися генералами, ибо хотя и могутъ они быть добрыми военными людьми, но могутъ не имѣть достойныхъ качествъ обращаться въ такой землѣ, гдѣ

(*) Броунъ прибылъ въ Митаву $\frac{1}{12}$ февраля. Принцъ Карлъ рѣшительно отказался выѣхать изъ Курляндіи, и объявилъ Броуну, что будетъ ждать въ Митавѣ приказаній короля и заключенія уже созваннаго польскаго сената. Броунъ воротился въ Ригу, не видя успѣха въ своихъ присовѣтываніяхъ.

(**) Не воспослѣдовало.

интересъ нашъ требуетъ раздѣленія партій и ихъ дѣйствій. Данъ въ Москвѣ, января 30 дня 1763 г. Екатерина. Графъ М. Воронцовъ.

9.

Нашему генералъ-губернатору Броуну.

Нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ читалъ предъ нами письмо ваше къ нему, о являющихся у васъ изъ Митавы служивыхъ людяхъ гвардіи принца Карла польскаго. Мы симъ вамъ повелѣваемъ оныхъ людей отпустить (такъ какъ нашъ въ Курляндіи министръ Симолинъ вамъ представляетъ) въ службу герцога Курляндскаго Эрнста-Іоганна, если только они сами пожелаютъ принять ту службу; нежелающимъ же дозволить остаться, гдѣ и въ какомъ званіи они сами похотятъ въ областяхъ нашей имперіи. Впрочемъ пребываемъ мы къ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Москва, 1763 г февраля 4 дня. Екатерина.

10.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому генералъ-губернатору Броуну.

Изъ доношенія вашего отъ 12 числа сего мѣсяца усмотрѣли мы съ удовольствіемъ, что вы, по причинѣ вступившихъ въ Курляндію польскихъ войскъ, приняли благовременно достаточныя мѣры. Апробуя всемилостивѣйше сей вашъ поступокъ, повелѣваемъ мы вамъ по приложенной при семъ копіи съ рескрипта нашего, на сей самой стафетѣ къ статскому совѣтнику Симолину отправленнаго, содѣйствовать въ лучшемъ онаго исполненіи, и именно командировать въ Митаву одного изъ нашихъ въ Курляндіи находящихся генераловъ, который бы способенъ былъ къ исправленію предписаннаго принцу Карлу комплимента, съ такимъ точно наставленіемъ, дабы онъ во всемъ и не описываясь никуда поступалъ по требованіямъ помянутаго статскаго совѣтника. Данъ въ Москвѣ, февраля 22 дня 1763 г. Екатерина. Графъ Михаила Воронцовъ.

Копія съ имяннаго рескрипта, отправленнаго въ Митаву къ статскому совѣтнику и министру Симолину 22 февраля 1763 года.

Изъ полученной отъ васъ на стафетѣ реляціи подъ № 17 отъ 10 числа сего мѣсяца съ крайнимъ удивленіемъ усмотрѣли мы, что королевской польской дворъ, упорствуя въ несправедливости своей противъ герцога Курляндскаго Эрнста-Іоганна, вздумалъ напослѣдокъ съ пренебре-

женіемъ законовъ республики употребить силу для удержанія какимъ бы то образомъ ни было княжествъ Курляндскаго и Семигальскаго за принцемъ Карломъ саксонскимъ; ибо всемѣрно никто иной въ другомъ намѣреніи не отважился бы вводить туда войска свои; но какъ мы единожды приняли за правило подкрѣплять герцога Эрнста-Іоганна въ законныхъ его требованіяхъ, то и не хотимъ, ниже можемъ, сходственно съ достоинствомъ нашимъ, уступить полагаемымъ вопреки отъ польскаго двора страшилищамъ.

Теперь надобно весьма, чтобы, по принятымъ отъ васъ и отъ генерала Броуна мѣрамъ противъ явившихся въ Курляндіи польскихъ войскъ, рѣшены уже были дѣла между ими и войсками нашими, и конечно сбылось одно изъ сихъ двухъ обстоятельствъ, что поляки либо разбитые, если осмѣлились вступить въ бой, прогнаны назадъ въ Литву, или же и отъ однихъ оказательствъ устрашенные сами домой пошли (*).

Въ первомъ случаѣ, т. е. если польскія войска имѣли съ нашими бой или по крайней мѣрѣ противъ курляндцевъ производили какія-либо насильства, повелѣваемъ мы вамъ: 1) Герцогу именемъ нашимъ точно знать дать, что мы ничѣмъ не допустимъ отвратить себя отъ подаваемаго ему подкрѣпленія и чтобъ онъ потому, полагаяся на великодушное наше покровительство, старался только о пріобрѣтеніи себѣ любви и преданности отъ курляндцевъ. 2) Собранному на братскую конференцію дворянству сдѣлать формальное обнадеживаніе, что мы отнюдь никогда не позволимъ, дабы оное, вопреки важности и преимуществъ отъ самой республики утвержденныхъ, малѣйше въ совѣтахъ своихъ о пользѣ отечества утѣсняемо и въ порабощеніе приводимо было, но что паче намѣрены мы защищать всѣхъ вообще и каждаго порознь, доколѣ они въ должной старому своему государю вѣрности тверды и неподвижны; а дабы напослѣдокъ всѣмъ хлопотамъ сдѣлать совершенный конецъ чрезъ отлучку изъ Курляндіи принца Карла, то лучше всего, дабы герцогъ или дворянство согласились и дѣйствительно чрезъ депутацію къ вамъ отъ братской конференціи присылаемую подали на имя наше письменное прошеніе въ такой силѣ, что какъ принцъ Карлъ причиною былъ толь великихъ и бѣдственныхъ раздоровъ, отъ коихъ не только Курляндія особливо нынѣ по

(*) Екатерина II не допускала даже возможности, чтобы русскіе были разбиты поляками.

поводу введенныхъ имъ войскъ угрожается совершенною гибелью, но и республика терпитъ поврежденіе въ фундаментальныхъ своихъ законахъ: то они, основывая всю спасенія надежду на великодушіи нашемъ, просятъ насъ какъ о поданіи имъ руки помощи въ защищеніе отъ помянутыхъ войскъ, такъ и о высылкѣ изъ земли принца Карла, дабы тѣмъ изъять изъ среды самой претыканія камень.

Сей послѣдній со стороны герцога и братской конференціи поступокъ нуженъ необходимо, и вы не оставите ничего, чтобы довести ихъ къ учиненію онаго, а сколь скоро будетъ сдѣланъ въ желаемой отъ насъ формѣ, то и имѣете вы, по обнадеженіи присылаемой къ вамъ депутаціи о высочайшемъ нашемъ къ герцогу и ко всей землѣ покровительствѣ, объявить отъ имени нашего принцу Карлу чрезъ одного изъ нашихъ генераловъ (котораго генералъ Броунъ назначитъ къ сей коммиссіи) что собранное на братскую конференцію дворянство обще со старымъ и однимъ законнымъ своимъ государемъ, признавая дальнѣйшее его въ Митавѣ пребываніе и для земли и для самой республики вреднымъ, потому что и одна и другая, по причинѣ неосновательныхъ его требованій, приведены въ смятеніе и принуждены въ драгоцѣннѣйшихъ своихъ правостяхъ терпѣть изнуреніе и насильство, просили насъ о поданіи имъ руки помощи противъ введенныхъ для утѣсненія ихъ войскъ и о высылкѣ его изъ Курляндіи, дабы пресѣчь самой злу корень; что мы тѣмъ меньше могли уклониться отъ снисхожденія на сію просьбу, что независимо отъ справедливости обязаны еще и гарантіею 1716 года пещись о сохраненіи въ цѣлости правъ и преимуществъ польскихъ, кои по Курляндіи толь явно уже нарушены, да и нынѣ не меньше нарушаются; что онъ принцъ, поступя съ своей стороны призванными въ Курляндію польскими войсками на *явныя противъ нашихъ непріятельства* или *противъ курляндцевъ насильства*, принудилъ насъ тѣмъ приняться равномѣрно за мѣры крайности; что потому мы ему въ послѣдній разъ объявить повелѣли, дабы онъ для предупрежденія собственно ему непріятныхъ слѣдствій въ 24 часа непремѣнно изъ Курляндіи выѣхалъ, а инако, если онъ далѣе упрямиться похочетъ, самъ бы себѣ приписывалъ, когда по прошествіи сутокъ взятъ и въ здѣшнюю имперію отвезенъ будетъ.

Мы надѣемся, правда, что толь сильное объявленіе возымѣетъ совершенный успѣхъ; но если бы паче чаянія принцъ Карлъ, не уважая ничего, долѣе въ Митавѣ оставаться хотѣлъ, въ такомъ случаѣ имѣете

вы домъ его обставить карауломъ, не впуская въ оный и не выпуская никого, и потомъ отправить его за границу не сюда, но въ Литву, наблюдая однакожъ весьма, чтобы должное особѣ его почтеніе нисколько не было пренебрежено, о чемъ не оставите вы и будущимъ въ конвоѣ до перваго польскаго мѣста офицерамъ дать точное и строжайшее наставленіе

Ежели бы принцъ, по учиненіи ему объявленія, сталъ только вмѣсто 24 часовъ требовать къ выѣзду своему двухъ или трехъ дней времени, въ томъ можете вы ему показать удовольствіе.

Въ другомъ обращенія дѣлъ случаю, т. е. ежели бы польскія войска вышли изъ Курляндіи, не сдѣлавъ ничего ни противъ нашихъ, ни противъ курляндцевъ, имѣете вы только, какъ и въ первомъ стараться довесть дворянство до учиненія вамъ именемъ герцога и братской конференціи письменнаго прошенія о защищеніи нашемъ, которое принявъ на доношеніе, надлежитъ вамъ сюда переслать; ибо не можемъ мы принять рѣшительной резолюціи прежде нежели увѣдомимся объ успѣхѣ повторныхъ генерала Броуна представленій, которому между тѣмъ, присообщеніи для извѣстія съ сего рескрипта копіи повелѣли мы отправить по усмотрѣнію его въ Митаву одного изъ находящихся въ Курляндіи нашихъ генераловъ съ такимъ наставленіемъ, чтобы оной, не описываясь никуда, поступалъ по тѣмъ вашимъ требованіямъ.

Съ сего нашего рескрипта сообщена копія послу графу Кейзерлингу(1) для его извѣстія.

11

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому генералъ-губернатору Броуну.

При другомъ нашемъ рескриптѣ за собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ сообщается вамъ копія съ посланнаго къ министру нашему Симолину указа, который изготовленъ былъ по первому отъ него полученному извѣстію о приближеніи польскихъ войскъ къ курляндскимъ границамъ, а при семъ слѣдуетъ еще копія съ другаго къ нему жъ Симолину рескрипта, который изготовленъ по полученіи отъ него извѣстія о неосновательности первой вѣдомости о приближеніи польскихъ войскъ: вы имѣете и ваши по тому поступки распоряжать. И пребываемъ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны. По ея императорскаго ве-

(1) Нашему послу въ Варшавѣ.

личества указу подписали: графъ Михайла Воронцовъ и князь Александръ Голицынъ.

Копія съ имяннаго рескрипта, отправленнаго въ Митаву къ статскому совѣтнику Симолину въ 22 день февраля 1763 года.

По изготовленіи другаго при семъ слѣдующаго рескрипта на реляцію вашу № 17, получены здѣсь еще реляціи ваши № № 18 и 19. Изъ послѣдней усмотрѣли мы, что донесенное обстоятельство о приближеніи польскихъ войскъ къ границамъ Курляндіи явилось совсѣмъ неосновательно, а какъ вы примѣтите, что мы реляціею вашею № 17 нѣсколько потревожились, то рекомендуемъ впредь осторожнѣе поступать въ доношеніяхъ вашихъ; а между тѣмъ что касается до помянутаго другаго нашего рескрипта, то надобно вамъ только исполненія чинить по послѣднему пункту, а именно, чтобы довести дворянство до учиненія намъ письменнаго прошенія о защищеніи нашемъ, а прочее все оставить до того времени, когда дѣйствительно случай къ тому настоять будетъ.

Съ сего рескрипта равномѣрно жь сообщена копія послу нашему графу Кейзерлингу для его извѣстія.

12.

Нашему генералъ-аншефу и Рижскому генералъ-губернатору Броуну.

Изъ реляціи вашей подъ № 6 усмотрѣли мы учиненныя вами распоряженія о непропускѣ въ Митаву военныхъ польскихъ людей (1). Мы такія ваши распоряженія всемилостивѣйше апробуемъ, рекомендуя однакожъ стараться избѣгать всего того, что бы съ нашей стороны поводъ подать могло къ какимъ либо непріятельскимъ поступкамъ. И пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, марта 7 дня 1763 года. Екатерина. Графъ Михаилъ Воронцовъ.

13.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Мы получили реляцію вашу отъ 12 сего марта съ приложеннымъ слѣдствіемъ, которое по приказу вашему учинено въ Митавѣ, по случаю

---

(1) Надобно полагать, что эти люди слѣдовали съ польскими сенаторами: каштеляномъ Липскимъ и палатиномъ Плятеромъ, назначенными королемъ Августомъ присутствовать на братской конференціи (сеймѣ) въ Курляндіи.

бывшей недавно ссоры отъ польскихъ драгунъ съ нашими на пикетѣ стоявшими солдатами; и усмотря изъ онаго, что солдаты наши въ той ссорѣ нимало не виновны, а начата оная отъ помянутыхъ польскихъ драгунъ и одного княжескаго рейтара и доведена до такого злодѣйства, что наши унтеръ-офицеръ да солдатъ при семъ случаѣ жестоко шпагами отъ нихъ порублены, повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе какъ у принца Карла, такъ и у находящихся въ Митавѣ польскихъ сенаторовъ требовать именемъ нашимъ строгой на тѣхъ людей сатисфикаціи, давая притомъ знать, что въ недостаткѣ оной по винамъ ихъ мы почтемъ сіе дѣло за публичное возмущеніе, и для того послать вамъ отъ себя къ принцу Карлу и къ сенаторамъ нарочнаго офицера изъ Риги или употребить къ тому одного изъ обрѣтающихся въ Митавѣ нашихъ офицеровъ съ крѣпкимъ о томъ домогательствомъ (*). И пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, марта 21 дня 1763 года. Екатерина.

Предначертанія императрицы о возведеніи на Курляндскій престолъ герцога Эрнста-Іоганна увѣнчались полнымъ успѣхомъ. $\frac{10}{21}$ февраля 1763 г., сеймъ призналъ своимъ истиннымъ герцогомъ Бирона и низложилъ Карла.—Король Августъ III не соглашался было на такое опредѣленіе сейма, хотѣлъ было созвать чрезвычайный сеймъ; но графъ Кейзерлингъ, имѣя на своей сторонѣ многихъ польскихъ магнатовъ, нежелавшихъ видѣть принца Карла на Курляндскомъ престолѣ, не допустилъ до того. Между тѣмъ и Фридрихъ II Прусскій призналъ Бирона герцогомъ, когда тотъ уступилъ ему часть своихъ силезскихъ имѣній. Августу III по неволѣ пришлось покориться силѣ обстоятельствъ, да и могъ-ли онъ безъ войскъ, безъ денегъ, безъ союзниковъ, противиться могущественной императрицѣ, распоряжавшейся и Польшею и всѣми ея дѣлами по своему усмотрѣнію и волѣ? Полубольной Августъ выѣхалъ съ Брюлемъ изъ Варшавы въ Дрезденъ и, почувствовавъ усиленіе своей болѣзни, вызвалъ къ себѣ принца Карла. Карлъ удалился изъ Митавы $\frac{16}{27}$ апрѣля 1763 г., оставивъ однакоже послѣ себя въ Курляндіи не малое число своихъ приверженцевъ, причинявшихъ новому правительству не мало безпокойствъ и хлопотъ.

Биронъ управлялъ, лучше сказать, самоуправствовалъ въ Курляндіи до 1769 г., находясь, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ (Ист. XVIII стол. томъ 3, глава 3, § 1), къ русскимъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ индійскіе вассальные государи къ англичанамъ. Да и управленіе его по-

(*) Къ сожалѣнію слѣдственнаго дѣла въ архивѣ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора не сохранилось, какъ не сохранилось и отвѣта Броуна на этотъ указъ, — и потому неизвѣстно, какую сатисфакцію получилъ Броунъ по этому дѣлу.

ходило на управленіе какого-нибудь набоба или раджи. Слѣдующій указъ императрицы къ Броуну, послѣдовавшій чрезъ годъ послѣ возстановленія Бирона, именно 13 марта 1764 г., показываетъ всю справедливость сего замѣчанія.

14.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. По сообщеніямъ нашего въ Курляндіи министра Симолина извѣстны вамъ обстоятельства дѣла приписнаго къ рижскому дворцу крестьянина Алексѣя Филиппова, котораго регирунгсъ-ратъ Плетенбергъ (*), по случаю смертнаго убивства двухъ мужиковъ его, безвинно болѣе года содержалъ въ тюрьмѣ, а потомъ въ судѣ признанъ невиннымъ и освобожденъ. А какъ ему Филиппову искъ свой за пропавшіе тогда пожитки свои, въ разсужденіи волокитъ и многихъ трудностей судебныхъ средствъ, въ Курляндіи получить не токмо не надежно, но и весьма убыточно; то, апробуя представленный къ тому кратчайшій способъ, повелѣваемъ во время пріѣзда въ Ригу съ товаромъ Плетенберговыхъ мужиковъ, коихъ посылаетъ онъ туда подъ именемъ тестя своего Виганта, отобрать у нихъ столько товару сколько на заплату крестьянину Филиппову потребно, наблюдая только при семъ, чтобы то вѣрно и безъ посторонней корысти исполнено было. Екатерина.

Необходимость испытывать подобные кратчайшіе способы продолжалась для Курляндцевъ до самаго 1795 года. Отъ волокитъ и трудностей, отъ интригъ и раздора партій, они освободились только съ паденіемъ Польши и съ послѣдовавшимъ за тѣмъ $\frac{4}{15}$ апрѣля 1795 г. отказомъ герцога Петра Бирона отъ своего достоинства и присоединеніемъ Курляндіи къ Россійской Имперіи.

(Изъ собранія именныхъ указовъ Екатерины II къ генералъ-губернатору Броуну, хранящихся въ архивѣ канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора въ книгахъ подъ № № 45, 46 и 47).

Герцогъ Эрнстъ Биронъ въ 1769 г. отказался отъ Курляндскаго престола въ пользу своего сына Петра и умеръ $\frac{17}{28}$ декабря 1772 г. Гробъ, въ которомъ положено тѣло его, находится въ склепѣ Митавскаго замка вмѣстѣ съ гробами другихъ Курляндскихъ герцоговъ. По неизвѣстной мнѣ причинѣ, гробъ Эрнста Бирона не заколоченъ на глухо, подобно прочимъ гробамъ, и крышка съ него снимается. Года два тому назадъ, осматривая Митавскій замокъ, я былъ въ этомъ склепѣ, и мнѣ показывали тѣло герцога, отъ времени совершено высохшее и твердое

(*) О немъ см. Рус. Арх. 1866 г., стр. 293 и слѣд.

какъ кость. Лицо сохранилось удивительно; поврежденъ только, и то очень немного, носъ: оконечность его очевидно оторвана и оторвана недавно. Бархатный кафтанъ и исподнее платье отъ времени значительно потускли и полиняли, но цѣлы, какъ нельзя болѣе. На кафтанѣ, на груди, нашита звѣзда. Сѣдой парикъ покрываетъ голову. Покойный былъ росту средняго, сильно худощавъ, крючковатый носъ сообщалъ его продолговатому лицу рѣзкое, ястребиное, такъ сказать, выраженіе, сохранившееся и по смерти.

Послѣдній Курляндскій герцогъ Петръ Биронъ, по отреченіи отъ престола, удалился въ свои помѣстья въ Силезіи, гдѣ и умеръ 23 января 1800 г. на 76 году отъ роду. Первымъ же генералъ-губернаторомъ Курляндіи былъ назначенъ императрицею Екатериною знаменитый впослѣдствіи графъ П. А. Паленъ.

VIII.

Указъ Императрицы Екатерины II о ратсгерѣ Гастѣ и купцѣ Цукербекерѣ.

Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну.

Увидали мы изъ рапорта вашего, отъ 15 іюля, что вы покупку повелѣннаго отъ насъ хлѣба (*) производили чрезъ тамошняго коммерцъ-рата

(*) Указомъ отъ 20 мая 1765 г. императрица повелѣла генералъ-аншефу Броуну купить въ Ригѣ муки до 40.000 и овса до 20,000, да въ Перновѣ муки и овса до 5,000 четвертей и покупку эту совершить на его, Броуна, имя, принявъ однако такія предосторожности, чтобы цѣны на хлѣбъ не возвысились вслѣдствіе такой покупки. Броунъ немедленно же приступилъ къ этой операціи, о чемъ и донесъ государынѣ. Императрица осталась вполнѣ довольною распоряженіями и стараніемъ Броуна и 3 іюня 1765 г. писала ему, что заготовляемый имъ хлѣбъ и овесъ подлежитъ къ отпуску въ началѣ августа или сентября въ Швецію для нашихъ благонамѣренныхъ; что для сохраненія цѣны хлѣбъ слѣдуетъ закупать у поляковъ на стругахъ, а въ случаѣ недостатка покупать и у рижскихъ жителей, но только платить не дороже 2 р. 10 к. за четверть, что стоимость всей покупки не должна превосходить 20 т. рублей и что если купить за дороговизною или недостаткомъ времени нельзя, а корабли для перевозки придутъ, то недостающее количество хлѣба и овса употребить изъ казенныхъ магазейновъ, а вмѣсто того въ магазейны купить когда способнѣе будетъ. Въ прочемъ, прибавила императрица, надѣемся на вашу вѣрность, что вы ничего того не пропустите, что бы къ сохраненію нашего интереса способствовало.

Корабли въ навигацію 1765 г. за хлѣбомъ однакоже не приходили; потому Броуну 11 февраля 1766 г. было повелѣно купленную муку,

Менно Голста и нѣкоторыхъ мѣщанъ, въ томъ числѣ у ратсгера Гаста и у купца Цукербекера нѣсколько ластовъ ржи, съ такимъ договоромъ, чтобы за ту сторгованную рожь по пріемѣ деньги заплатить чрезъ двѣ недѣли ефимочною монетою, и что для перевозу той ржи отселѣ прибыло судовъ мало и по той причинѣ пріемъ покупной Голстомъ ржи остановился и тотъ хлѣбъ состоитъ въ продавцовыхъ рукахъ, и опасаться имъ было нечего; но оные реченному Голсту начали дѣлать по купечеству немалое притѣсненіе; что, видя вы сіе ихъ неспокойство, посылали къ нимъ отъ себя офицера объявить, что помянутая рожь куплена для насъ и что оная, какъ скоро для нагрузки мореходныя суда прибудутъ, отъ нихъ немедленно принята и деньги исправно заплачены будутъ, и просили ихъ чрезъ означеннаго офицера, дабы въ томъ, яко вѣрноподданные наши, взяли малое терпѣніе, объявя еще притомъ, ежели имъ за проданную

крупу и овесъ сдать въ вѣдомство главной провіантской канцеляріи, что тогда же и было исполнено.

13 апрѣля 1766 г. послѣдовалъ новый указъ: нужно еще 50,000 четвертей. „Поговорите, писала государыня, съ Лифляндскимъ шляхетствомъ, не согласится-ли оно въ Ригу поставить столько же, сколько поставило въ Ревель Эстляндское дворянство, именно 20,000 четвертей по 2 р. за четверть“. У Лифляндскаго шляхетства нашлось на продажу только 9,000 четвертей. Броунъ купилъ этотъ хлѣбъ также на свое имя по 2 р. за четверть, остальное количество у разныхъ купцовъ и, согласно волѣ императрицы, выраженной въ этомъ же указѣ, все купленное сдалъ въ главную провіантскую канцелярію.

23 мая 1766 г. императрица повелѣла Броуну купить у Лифляндскаго дворянства еще 50,000 четвертей, съ тѣмъ, чтобы этотъ хлѣбъ доставить водою въ Петербургъ, но всѣми мѣрами стараться, чтобы таковою покупкою знатнаго въ коммерціи подрыву не сдѣлалось. 7 іюля 1766 г. велѣно купить еще 30,000 четвертей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя 50,000, уплачивая деньги изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ, а чего не достанетъ изъ рижскихъ ефимочныхъ сборовъ. Броунъ, заготовивъ и это количество, доносилъ императрицѣ, что для перевозки сего хлѣба въ Петербургъ выгоднѣе нанять суда тамъ, а не въ Ригѣ. Императрица согласилась съ мнѣніемъ Броуна и 22 іюня 1766 г. увѣдомила его, что суда для перевозки хлѣба въ Петербургъ наняты и отправляются въ Ригу подъ управленіемъ морскихъ офицеровъ. Все количество сразу, по малому числу судовъ, перевезено быть не могло. Сначала Броунъ отправилъ 25,000 четвертей, потомъ отправилъ и остальное по частямъ. Хлѣбъ, по привозѣ въ Петербургъ, сдавался петербургскому полицеймейстеру Чичерину. Главнымъ пособникомъ Броуна при всей этой операціи былъ коммерцратъ Гольстъ

рожь, прежде пріему у нихъ оной, чрезвычайно деньги потребны, то бъ отъ шпикляровъ (*), гдѣ та рожь лежитъ, отдали ключи, почему и заплатою денегъ удовольствованы быть могутъ. Но вышеупомянутый ратсгеръ Гастъ и купецъ Цукербекеръ не токмо чтобы сдѣлали то малое снисхожденіе, но презря ваши къ нимъ объявленія, тотчасъ данные отъ Голста о помянутой покупной ржи вексели протестовали, вслѣдствіе чего вы принуждены были приказать на заплату покупной у нихъ ржи изъ рижской рентереи означенному коммерцрату Голсту подъ особливую его росписку отпустить 18,766 талеровъ 60 грошей и, кому оныя деньги заплачены будутъ, у тѣхъ покупную въ шпиклярахъ рожь запечатать и приставить караулъ. Мы, уважая все сіе, видимъ, первое, непослушаніе и грубость къ вамъ ратсгера Гаста и купца Цукербекера, и, второе, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ отъ нихъ зависѣло показать свое усердіе къ нашему интересу; но они, пренебрегая и то и другое, воспользовались, имѣвъ въ рукахъ вексели, единственно вексельнымъ правомъ, какъ будто бы въ семъ случаѣ они не должны были имѣть другихъ не менѣе обществу нужныхъ уваженій. И того для, дабы съ одной стороны непослушанію и неусердію потачки не было, а съ другой стороны всякой вѣрнопокорный и усердствующій поданный нашъ видѣлъ, сколь мы желаемъ свято сохранить столь полезное всей коммерціи установленіе, какъ то вексельное право, и для того повелѣваемъ имъ Гасту и Цукербекеру сей протестъ, хотя противенъ былъ нашему интересу, въ бѣду не ставить, а за непослушаніе васъ господина генералъ-губернатора призвать ихъ обѣихъ въ Магистратъ и объявить имъ, что ратсгеръ Гастъ достоинъ не токмо быть лишенъ на вѣкъ своего мѣста, имѣвъ такъ мало уваженія къ повелѣніямъ той персоны, которая отъ насъ опредѣлена быть главою и хозяиномъ, то есть генералъ-губернаторомъ въ той провинціи, и купецъ Цукербекеръ также достоинъ бы былъ всякаго наказанія; но по природному нашему милосердію ихъ на сей разъ еще обѣихъ отъ достойнаго воздаянія освобождаемъ, повелѣвая имъ учинить крѣпкій выговоръ въ надѣяніи томъ, что не токмо они, но и всѣ той нашей милости свидѣтели, чувствуя сколь она велика, не доведутъ себя до такого края, чтобы уже намъ не осталось окромѣ употребленія наказанія для непокорныхъ и непослушныхъ. Почему и имѣете, призвавъ къ себѣ весь Магистратъ, оному не токмо сіе

(*) Такъ въ Ригѣ называются хлѣбные амбары.

наше всемилостивѣйшее повелѣніе прочесть, но и для надлежащаго по тому въ Магистратѣ исполненія дать копію. Екатерина, іюля дня 1766 г. Петергофъ. — На указѣ отмѣтка: полученъ 30 іюля. Гольстъ за свои труды безъ награды не оставленъ. Вотъ указъ о томъ:

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. Реляцію вашу отъ 3 сего мѣсяца о учиненіи рижскому купцу Голсту за его при покупкѣ хлѣба усердіе и трудъ награжденія за каждый ластъ по полуталеру, мы апробуемъ, и повелѣваемъ сіе награжденіе ему произвесть изъ тѣхъ же на покупку хлѣба употребляемыхъ денегъ. Екатерина. Августа 12 дня 1766 г. Царское село.

(*Извлечено Е. В. Чешихинымъ*).

КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ КУРЛЯНДСКОМУ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРУ БАРОНУ ПАЛЕНУ.

С.-Петербургъ, 10 августа 1796 года.

Господинъ генералъ-порутчикъ баронъ фонъ-деръ-Паленъ. Дошло сюда свѣдѣніе, что съ амстердамскимъ купцомъ Робертомъ Воутомъ, ѣдетъ сынъ такого же купца, по имяни Гюльхеръ. А какъ сей молодой человѣкъ и отецъ его, суть изъ числа приверженныхъ къ нынѣшнимъ развратнымъ правиламъ французскимъ, то и повелѣваемъ его въ границы наши не впускать, объявя ему прямо причину того и запретя строжайше въѣзжать въ оныя. Пребываемъ вамъ благосклонны (подписано):

Екатерина.

PROCÈS VERBAL DU DÉCÈS

de très haute, très puissante et très illustre Souveraine Catherine II. Impératrice des Russies en 1796.

EXTRAIT DU JOURNAL DE LA COUR.

L'année mille sept cent quatre vingt seize, mercredi, le cinquième jour de Novembre, Sa Majesté l'Impératrice Catherine Seconde, Autocratrice de toutes les Russies, s'étant reveillée, selon sa coutume, à six heures du matin en parfaite santé, prit son café et se mit à écrire, comme à l'ordinaire. jusqu'à neuf heures. Une demi heure après, le valet de chambre Zachar Zotoff trouva Sa Majesté dans la garderobe étendue par terre, sur le dos, à la suite de quoi ayant appelé ses collègues Jean Tulpine et Jean Tchernoff pour l'aider à transporter la Souveraine dans Sa chambre à coucher, ils se mirent en devoir de La soulever, mais privée de sentiment, Elle ne fit qu'entrouvrir les yeux en jettant un faible soupir, et lorsqu'il fallut La porter, ils trouvèrent une telle pesanteur dans Son corps que six hommes suffirent à peine pour La deposer seulement sur le plancher de la dite chambre. Les yeux fermés, Elle râlait fortement, la poitrine et l'abdomen s'agitaient aussi sans discontinuer. A l'arrivée des médecins, on La saigna au bras, duquel coula lentement un sang noir et épais. On Lui versa dans la bouche un vomitif, des poudres, on Lui posa un vésicatoire et plusieurs clystères, mais sans aucune espèce de soulagement; alors on fit chercher le père Saba confesseur de Sa Majesté afin qu'il remplit envers Elle les devoirs de son ministère: mais comme il n'y avait aucune possibilité de Lui

administrer les Saints Sacrements, vû l'écume qui sortait de la bouche, le dit père se borna à réciter les prières des agonisants: cependant le Très Eminent Gabriel, Métropolitain de Novgorod et de St.-Pétersbourg, ayant été mandé, conseilla la Sainte Communion, car l'écoulement avait cessé, et en suite de procéder à l'extrême onction, ce qu'il fit, assisté du pére Sergius archiprêtre de la cour, à quatre heures après midi.

Leurs Altesses Impériales Monseigneur le Grand Duc Paul, Héritier présomptif de la Couronne et Son Auguste Epouse, Madame la Grande Duchesse Marie, auxquels on avait depêché un courrier, arrivèrent de Gatchina, à neuf heures du soir et voyant Leur Mère dans un étât si déplorable, Ils se prosternèrent devant Elle et baisèrent ses mains, en répendant des larmes. Comme on ne trouvait nul moyen d'offrir des secours efficaces, Leurs Altesses passèrent la nuit près de Sa Majesté.

Le lendemain matin, six Novembre, sur le rapport des médecins, qu'il n'y avait plus d'espoir, Monseigneur le Grand-Duc Héritier donna l'ordre au comte Besborodko, grand-maitre de la Cour, et au comte Samoyloff, procureur-général de l'Empire, de se munir du sceau Impérial, de prendre en présence de Leurs Altesses les Grand-Ducs Alexandre et Constantin, tous les papiers qui se trouvassent dans le cabinet de l'Impératrice, et après les avoir scellés de les déposer dans un endroit particulier, à quoi Son Altesse commença par procéder Elle Même en prenant le cahier sur lequel se trouvait la dernière écriture de Sa Majesté, en le posant, sans pli, sur une nappe déjà preparée à cet effet, où l'on plaça ensuite les papiers écrits de main autographe, tirés des armoires, tiroires, etc. qu'on vida tout exprès et qui après avoir été liés avec des rubans, furent noués dans la nappe et scellés par le valet de chambre Jean Tulpine devant les hauts témoins ci-dessus dénommés,—mesure prise aussi en présence de Son Altesse Monseigneur le Grand-Duc Alexandre, chez Son Altesse le prince Platon Zouboff, grand maître de l'artillerie, à l'égard des papiers de service qui s'y trouvassent et qu'on déposa aussi dans le cabinet de Sa Majesté dont les portes furent fermées, scellées

et la clef remise à Son Altesse Monseigneur le Grand-Duc Héritier. Cette disposition fut terminée à midi, et à cinq heures Son Altesse voyant que le trépas de Son Auguste Mère approchait, invita le Métropolitain à dire l'absoute qui fut d'abord récitée par Son Eminence. Mais l'agonie de Sa Majesté, remarquable par le râle continuel, le soulevement de l'abdomen et la matière fétide de couleur foncée qui s'écoulait quelque fois par la bouche, avec les yeux fermés, dura trente six heures sans aucune espèce de suspension.

Enfin jeudi, le 6 Novembre, à neuf heures quarante cinq minutes du soir, la Souveraine, rendi l'âme, à l'âge de 67 ans, 6 mois et 15 jours, plongeant tous les assistants et la Russie entière dans la plus profonde douleur et les sangolts. Sitôt que la Famille Impériale eut adressée ses derniers adieux à l'Illustre Défunte, les personnages de marque présents, le vice-chancelier comte d'Osterman, le comte Besborodko et le comte Samoyloff ainsi que les valets, femmes et filles de chambre presentèrent leur très humbles félicitations à Sa Majesté le Nouve Empereur ainsi qu'à Sa Majesté l'Impératrice à l'occasion de leur avénement au Trône, après quoi il plut au Monarque d'annoncer le décès de Son Auguste Mère au Métropolitain et d'ordonner qu'à la chapelle du palais tout fut prêt pour la réception de Sa Majesté. L'Impératrice prit sur Elle le soin de la defunte Souveraine. Elle donna en conséquence les ordres requis, pour qu'on lavat le corps et qu'on le revêtit préalablement d'une robe de chambre de soie, ce qui ayant été fait, le corps fut deposé sur le lit ordinaire de Sa Majesté, placé au milieu de la chambre à coucher, et couvert d'un drap mortuaire en glacet d'or garni de galons pareils. On procéda alors à la lecture des St. Evangiles par les aumoniers de la Cour avec les prêtres des paroisses à tour de rôle. On y établit aussi un service composé d'un adjudant de Sa Majesté, de deux demoiselles d'honneur, de deux chambellans, de deux gentilhommes de la chambre, de deux valets de chambre, de deux femmes et filles de chambre et d'un médecin, de deux pages de la chambre, et de six pages aux postes.

Samedi le 8 Novembre on fit l'embaumement du corps, ce qui dura depuis 8 heures du matin jusqu'à midi. On a reconnu alors pour cause de Sa mort un coup de sang à la tête, car il était extravasé sur le cerveau de deux cotés, d'une part un sang noir, epais et caillé en forme de foie et puis de l'autre un sang liquide écoulé d'une veine rompue; on trouva deux pierres dans la bile qui s'etait répandue sur tout le coeur. L'autopsie achevée, le corps fut costumé comme auparavant, et Leurs Majestés vinrent le saluer.

Переводъ.

Запись о кончинѣ высочайшей, могущественнѣйшей и славнѣйшей Государыни Екатерины II-й, Императрицы Россійской въ 1796 году.

1796 года въ среду, 5-го Ноября, Ея Величество Императрица Екатерина II, Самодержица Всероссійская, проснувшись по обыкновенію въ 6 часовъ утра, пила въ совершенномъ здоровьи кофе и, какъ всегда, сѣла писать, чѣмъ и занималась до 9-ти часовъ. Полчаса спустя, камердинеръ Захаръ Зотовъ нашелъ Ея Величество на полу въ гардеробѣ, лежащею на спинѣ, вслѣдствіе чего позвалъ своихъ сослуживцевъ, Ивана Тюльпина и Ивана Чернова, чтобы помочь ему перенести Государыню въ ея спальню. Они сочли своею обязанностью приподнять ее; но, лишенная чувствъ, она полуоткрывала только глаза, слабо дыша, и когда должно было нести ее, то въ тѣлѣ ея оказалась такая тяжесть, что шести человѣкъ едва достаточно было, только чтобъ положить ее на полъ въ названной комнатѣ. Глаза ея были закрыты, она сильно хрипѣла, а грудь и животъ безпрестанно подымались и опускались. По прибытіи докторовъ, ей отворили кровь изъ руки; оттуда медленно потекла кровь, черная и густая. Всыпали ей въ ротъ рвотныхъ порошковъ, поставили мушку и нѣсколько промывательныхъ, но безъ всякаго облегченія. Тогда послали за отцемъ Саввою, духовникомъ Ея Величества, чтобы онъ исполнилъ надъ ней обязанности своего служенія; но такъ какъ не было никакой возможности пріобщить ее Свят. Таинъ по причинѣ пѣны, которая выходила изо рта, то упомянутый отецъ Савва ограничился чтеніемъ отходныхъ молитвъ. Однако его высокопреосвященство, Гавріилъ митро-

политъ Новгородскій и С.-Петербургскій, бывши приглашенъ, посовѣтовалъ совершить святое причащеніе, потому что истеченіе прекратилось, а потомъ приступить къ соборованію, которое онъ и совершилъ въ сослуженіи отца Сергія, придворнаго протоіерея, въ 4 часа по полудни. Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь Павелъ, нареченный Наслѣдникъ Престола, и Его Августѣйшая супруга, Государыня Великая Княгиня Марія, къ которымъ былъ отправленъ курьеръ, прибыли изъ Гатчины въ 9-ть ч. вечера и, видя свою Мать въ такомъ плачевномъ состояніи, они распростерлись передъ ней и цѣловали ея руки, проливая слезы. Такъ какъ не было никакихъ средствъ оказать помощь дѣйствительную, то Ихъ Высочества провели ночь подлѣ Ея Величества.

На другое утро, 6-го Ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, Государь Великій Князь Наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру гр. Безбородкѣ и государственному генералъ-прокурору гр. Самойлову взять Императорскую печать, разобрать въ присутствіи Ихъ Высочествъ Великихъ Князей Александра и Константина всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ Императрицы и потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто. Къ этому приступилъ Его Высочество самъ, взявъ тетрадь, на которой находилось послѣднее писаніе Ея Величества, и положивъ ее, не складывая, на скатерть уже на этотъ случай приготовленную, куда потомъ положили выбранныя изъ шкафовъ, ящиковъ и т. п., тщательно опорожненныхъ, собственноручныя бумаги, которыя послѣ были перевязаны лентами, завязаны въ скатерть и запечатаны камердинеромъ Ив. Тюльпинымъ, въ присутствіи вышеупомянутыхъ высокихъ свидѣтелей. Таже мѣра была принята, въ присутствіи Его Высочества Великаго Князя Александра, у его свѣтлости князя Платона Зубова, генералъ-фельдцехмейстера, относительно служебныхъ бумагъ, которыя у него находились: онѣ также были положены въ кабинетѣ Ея Величества, двери котораго были заперты, запечатаны, а ключъ отданъ Его Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику. Это распоряженіе окончено въ полдень, а въ 5 часовъ Его Высочество, видя, что кончина Его Августѣйшей Матери приблизилась, пригласилъ митрополита читать отходную, которая и была тотчасъ же прочитана его преосвященствомъ. Но агонія Ея Величества, обнаруживаемая постояннымъ хрипѣньемъ, подниманіемъ живота и зловонною матеріею темнаго цвѣта, по временамъ вытекавшею изо рта, при закрытыхъ глазахъ, продолжалась тридцать шесть часовъ безъ малѣйшаго перерыва. Наконецъ въ четвергъ, 6-го Ноября, въ 9 ч. 45 м. вечера, Государыня испустила духъ, 67 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 15 дней отъ роду, повергнувъ всѣхъ присутствующихъ и цѣлую Россію въ самую глубокую скорбь и рыданія. Лишь только Императорская Фамилія кончила свое послѣднее прощаніе съ славною покойницею, присутствующія знатныя особы, вице-канцлеръ графъ

Остерманъ, графъ Безбородко и графъ Самойловъ, а также придворные служители и служительницы, принесли свои нижайшія поздравленія Его Величеству новому Императору, а также и Ея Величеству Императрицѣ по случаю восшествія ихъ на престолъ; послѣ чего Монарху угодно было извѣстить митрополита о кончинѣ своей Августѣйшей Матери и приказать, чтобы придворная церковь была приготовлена къ принятію Ея Величества. Императрица приняла на себя заботу о покойной Государынѣ. Такъ она сдѣлала надлежащія распоряженія для того, чтобъ тѣло обмыли и предварительно одѣли въ шелковый шлафрокъ; какъ только это было сдѣлано, тѣло положили на обыкновенную постель Ея Величества, поставленную среди спальни и покрытую погребальнымъ покровомъ золотаго глазета, отдѣланнаго такими же галунами; тогда же придворными священниками, поочередно съ приходскими, приступлено было къ чтенію святыхъ евангелій. Къ тѣлу были приставлены на дежурство: адъютантъ Его Величества, двѣ фрейлины, два камергера, два камеръ-юнкера, два камердинера, двѣ служанки, одинъ медикъ, два камеръ-пажа и 6 пажей.

Въ субботу, 8-го Ноября, тѣло было набальзамировано. Бальзамированіе продолжалось отъ 8-ми часовъ утра до полудня; при этомъ признали причиною ея смерти ударъ въ голову, потому что кровь излилась на мозгъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны черная, густая и свернувшаяся въ видѣ печенки, а съ другой — жидкая, вытекшая изъ разорвавшейся вены. Нашли также два камня въ желчи, которая разлилась по всему сердцу. Когда вскрытіе было кончено, тѣло одѣли опять какъ прежде, и Ихъ Величества пришли ему поклониться.

(*Изъ Архива Канцеляріи Церемоніальныхъ Дѣлъ*).

ЦЕНЗУРНАЯ ВѢДОМОСТЬ 1786—1788 ГОДОВЪ.

Въ дѣлахъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, хранящихся въ архивѣ Московскаго Семинарскаго правленія, сохранилась вѣдомость цензора, префекта Академіи, игумена Моисея о вступавшихъ къ нему въ цензуру и разрѣшенныхъ имъ къ напечатанію книгахъ за 1786, 1787 годы и за первые два мѣсяца 1788 года. Для исторіи Русской литературы этой эпохи, когда разыгралось извѣстное Новиковское дѣло, вѣдомость представляетъ драгоцѣнный источникъ и можетъ частію исправить, частію пополнить наши библіографическія свѣдѣнія за это время. До этого времени цензура, въ строгомъ смыслѣ, не была еще организована; рукописи духовнаго содержанія были представляемы или въ Синодъ, или въ Московскую Синодальную контору, и передаваемы были въ Петербургѣ на разсмотрѣніе членамъ Синода, синодскимъ переводчикамъ, законоучителямъ корпусовъ и наставникамъ Александроневской Семинаріи, а въ Москвѣ ректору и префекту Академіи. Печатаніе же свѣтскихъ книгъ и переводовъ разрѣшалось преимущественно Университетомъ. Болѣе всѣхъ работалъ по цензурѣ профессоръ Барсовъ.

Когда указомъ императрицы Екатерины II отъ 23 декабря 1785 года предписано было главно-командующему въ Москвѣ графу Брюсу и архіепископу Платону осмотрѣть книги, напечатанныя въ типографіи Новикова и въ другихъ вольныхъ типографіяхъ (1); то въ то же время предпи-

(1) При Академическихъ дѣлахъ за 1788 годъ приложенъ реэстръ вольныхъ типографій въ Москвѣ: „Въ 1-й части: Московскаго купца Андрея Карпова, сына Пономарева, въ домѣ купеческой жены Анны Щербиной, въ приходѣ у Ипатія Чудотворца; въ 5-й части: иноземца

сано было имъ наблюдать, «чтобы книги изъ Новиковской и прочихъ вольныхъ типографій выходили не иначе, какъ по надлежащей цензурѣ, и какъ многія изъ нихъ простираются до закона и дѣлъ духовныхъ, то опредѣлить одного или двухъ изъ особъ духовныхъ, ученыхъ и просвѣщенныхъ, кои бы вмѣстѣ съ свѣтскими, для означенной цензуры назначенными, всѣ подобныя симъ книги испытывали и не допускали, чтобы тутъ вкрасться могли расколы, колобродства, всякія нелѣпыя толкованія.» Въ силу сего указа Платонъ, по соглашеніи съ Брюсомъ, избралъ слѣдователями и цензорами съ духовной стороны архимандрита Богоявленскаго монастыря Серапіона Александровскаго и проповѣдника при Академіи, Знаменскаго монастыря игумена Моисея Гумилевскаго ([2]); съ свѣтской стороны избранъ полицеймейстеръ Годеинъ.

Въ указѣ Московской духовной Консисторіи, данномъ на имя игумена Моисея 20 января 1786 года, между прочимъ сказано: «Управа благочинія имѣетъ всѣхъ содержателей въ здѣшней столицѣ вольныхъ типо-

---

Фридриха Гиппіуса, въ его домѣ, состоящемъ въ Селянкѣ, въ приходѣ у Рождества на Стрѣлкѣ; поручика Николая Иванова сына Новикова съ компаніею на Перервинскомъ подворьѣ; въ 6-й части: Христофора Александрова сына Клауса, въ оперномъ домѣ, что на Петровкѣ. у содержателя Михайла Медокса.“

([2]) Серапіонъ до 1775 года былъ проповѣдникомъ при Академіи, потомъ былъ игуменомъ Воздвиженскаго монастыря. архимандритомъ Богоявленскаго, въ 1788 году викаріемъ Московской митрополіи, епископомъ Дмитровскимъ. Послѣ того былъ Калужскимъ епископомъ и наконецъ съ 1803 года митрополитомъ Кіевскимъ. Моисей въ 1783 году опредѣленъ проповѣдникомъ Академіи; съ марта 1786 до марта 1788 года былъ префектомъ Академіи. Въ 1791 году рукоположенъ во епископа Ѳеодосійскаго и въ слѣдующемъ году скончался. По поводу указа отъ 23 декабря 1785 года Платонъ писалъ отъ 7 января 1786 архіепископу Казанскому Амвросію Подобѣдову: «Ab Imperatrice mihi praescriptum est, ut omnes libri Novicovii subirent examen meum et ipse examinetur in Religione et ut censores simul cum saecularibus a me assignarentur pro imprimendis libris. Multas hisce praevideo pro me difficultates, at forsan et pericula: nihil vero, quod erigat animum». Т. е. „Императрица предписала мнѣ разсмотрѣть всѣ Новиковскія книги, его самаго испытать въ религіи, а для печатанія книгъ назначить мнѣ цензоровъ, которые будутъ ихъ разсматривать вмѣстѣ со свѣтскими лицами. Предвижу, что отъ этого много будетъ для меня затрудненій, а можетъ быть и опасностей; и ничего, что ободряло бы духъ.“

графій призвать и обязать ихъ подписками, дабы впредь никто изъ нихъ никакой книги или другаго какого сочиненія или перевода не печаталъ безъ цензуры одного изъ духовныхъ и свѣтскаго, и когда таковыя къ нимъ вступать будутъ, то имѣютъ приносить оныя или къ полиційместеру, или къ одному изъ реченныхъ духовныхъ цензоровъ, и по напечатаніи оригиналъ съ цензурою и одинъ напечатанный экземпляръ представить цензорамъ, которымъ и оставить тѣ у себя для храненія и случающихся впредь справокъ; а дабы содержатели типографій имѣли у себя документъ, по чьему дозволенію книга напечатана, то цензоры не оставятъ дать билетъ онымъ съ прописаніемъ, что такая-то книга ими цензорована и напечатать позволено. Буде книга первоначально принесена будетъ къ полиційместеру, то оной имѣетъ прочесть, и естли не усмотритъ ничего противнаго правленію, законамъ и благонравію, то подписать и отослать къ одному изъ цензоровъ духовныхъ; тотъ ее прочтетъ равнымъ образомъ и подпишетъ и отдастъ ее тому, кто ее приносилъ: а если представлена будетъ сперва къ кому духовному, то тотъ, подписавъ, отправитъ ее полиційместеру, который по прочтеніи и подписаніи отдастъ ее уже хозяину.»

Изъ предлагаемой цензурной вѣдомости игумена Моисея видно, что на долю монашествующихъ цензоровъ досталось чтеніе не однихъ рукописей духовнаго содержанія, но и свѣтскаго, рукописей содержанія романическаго. Такъ было до 1799 года, когда цензура духовная отдѣлена отъ свѣтской и учреждена особая Духовная Цензурная Коммисія, которой предоставлено разсмотрѣніе сочиненій и переводовъ, только касающихся до церкви и церковнаго ученія.

Вѣдомость Моисея даетъ намъ свѣдѣнія о первыхъ литературныхъ трудахъ извѣстныхъ въ послѣдствіи дѣятелей въ исторіи нашего просвѣщенія, каковы Карамзинъ, митрополитъ Евгеній (Евѳимій Болховитиновъ), митрополитъ Серафимъ (Стефанъ Глаголевскій) и другіе.

С. Смирновъ.

Генварь, 1786 года.

Реэстръ книгамъ вновь издаваемымъ. Книги, подписанныя къ печати.

20. 1786 года генваря 20 дня сообщена мнѣ книга отъ переводчика Университетской типографіи Дмитрія Дмитревскаго подъ заглавіемъ **Небесный скоротечецъ.**

Оной книги подлинникъ и экземпляръ по отпечатаніи возвратить игумену Моисею подписуюсь Дмитрій Ивановъ Дмитревскій.

24. Сообщена мнѣ книга отъ г. порутчика Николая Карамзина подъ заглавіемъ: **Жизнь и смерть Квата или путешествіе развратнаго человѣка къ вѣчной погибели**

У. О. арх. Богоявленскаго.

25. Сообщены мнѣ отъ университетскаго студента Якова Благодарова слѣдующія книги: **1. Врачь души, 2. Способъ утѣшать находящихся въ опасной болѣзни, 3. Рѣчь Кипріяна епископа Карѳагенскаго о смерти, 4. Способъ соединить себя тѣсно съ Высочайшимъ Существомъ чрезъ внутреннія дѣйствія добродѣтели. 5. Святѣйшее разсматриваніе Божественныхъ свойствъ.**

Оныя всѣ книги по отпечатаніи въ оригиналѣ и одинъ экземпляръ печатанный цензорамъ доставить, и не прежде выпустить въ свѣтъ. пока не получу на то отъ нихъ письменнаго позволенія.

Февраль.

4. Комедія, **Смѣшное сборище** или мѣщанское.

4. Комедія **Материнская любовь** отъ г. Годеина.

5. **Каталогъ растеніямъ** по алфибиту отъ г. Вороблевскаго (*).

Оную книгу по отпечатаніи въ оригиналѣ и одинъ экземпляръ печатный ценсору доставить. и не прежде выпустить оную въ свѣтъ, пока не получу на то отъ него письменнаго позволенія(**), обязуюсь Василій Вороблевскій.

(*) См. о Вороблевскомъ въ Р. Архивѣ 1867, стр. 61.

(**) То же обязательство не выпускать книгу до полученія на то дозволенія, повторяется и при остальныхъ; почему дальше мы приводимъ одну подпись лица. *П. Б.*

17. Получены мною отъ Николая Иванова г. Загоровскаго 1, книга подъ заглавіемъ: **Августина о Духѣ и Письмѣ, 2, Кабинетъ полезныхъ нравоученій, ведущихъ къ спокойной вѣчности**—отъ него же.

24. **Описаніе Курскаго намѣстничества** отъ г. верхней расправы прокурора Сергѣя Ларіонова.

Курскаго намѣстничества верхней расправы прокуроръ Сергѣй Ларіоновъ, а за болѣзнію ево. по ево прошенію росписался канцеляристъ Гаврила Жомовъ.

Мартъ.

9. Получена мною отъ порутчика Василья Левшина книга подъ заглавіемъ: **Словарь Естественной Исторіи** карманный въ двухъ частяхъ.

Еще сказки въ 6 частяхъ.

Порутчикъ Василій Левшинъ.

9. Получена отъ у. студента Дмитрія Дмитревскаго книга: **Краткое повѣствованіе о первыхъ поступкахъ Іоанна Бунслиа.**

9. Получена **Таблица или Краткой календарь на всѣ годы** отъ Божедомскаго свящ. Ивана Алексѣева.

Божедомскій іерей Іоаннъ Алексѣевъ.

12 Получена книга подъ заглавіемъ: **Восточныя повѣсти** отъ богосл. студента Льва Павловскаго.

Левъ Павловскій.

13. Получена мною книга подъ заглавіемъ: **Предисловіе ко второй части поэмы Мессіи** отъ преміеръ-маіора Алексѣя Михайлова Кутузова.

Преміеръ маіоръ Ал. М. Кутузовъ.

18. Получена **Бауместерова нравоучительная философія.**

Отдана обратно.

18. Получена трагедія подъ названіемъ: **Титъ** отъ г. полиціймейстера.

31. Получена мною книжица подъ заглавіемъ: **Краткое повѣствованіе о Россійскихъ патріархахъ.** Павелъ Гродницкій.

31. Получена мною отъ богословіи студента книга **Доказательство о бытіи Божіемъ.** Троицкія семинаріи высшаго класса учит. Стефанъ Глаголевскій (*).

Не выпущена.

(*) Впослѣдствіи митрополитъ Серафимъ.

Апрѣль.

2. Получена книга отъ г. полиціймейстера Годенна подъ названіемъ **Гонимая невинность, или обманутый надеждою Любомудръ** (всѣхъ 24.)

Протоколистъ Александръ Губинъ.

22. Получена мною книжка подъ заглавіемъ: **Опытъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ электрической машины.** Giosepe Maggi.

23. Получена мною книга отъ г. полиціймейстера подъ заглавіемъ: **Комедія островъ невольниковъ.** Павелъ Вырубовъ.

Май.

20. Получена мною отъ универс. учителя Андрея Брянцова книга подъ заглавіемъ: **Герарда Шелера** сокращенное латинское языкоученіе или грамматика. Московскаго университета латинской риторики учитель Андрей Брянцовъ.

Іюнь.

3. **Учебная книга для дѣтей, обучающихся по нѣмецки.** Коллежской переводчикъ Александръ Петровъ.

5. **Ода на бракъ...** Оставшего суднаго приказа департамента коллежской регистраторъ Алексѣй Соколовской.

7. **Женщина въ уединеніи.** Императорскаго московскаго университета питомецъ Степанъ Орловъ.

10. **Наука обращаться съ Богомъ.** Доставленъ оригиналъ и эксемпляръ.

14. **Внезапныя размышленія.** Михаила Садиковъ.

15. **Наука молодымъ дѣтямъ и руководство къ благоразумію.** Московской академіи учитель Александръ Мельгуновъ.

Описаніе торжества при заключеніи мира съ Портою Оттоманскою. Отдано обратно.

17. **Способъ узнавать Пасхалію.** Регистраторъ Левъ Прохоровъ.

19. **Прологъ на выздоровленіе.** Московскаго театра актеръ Егоръ Залышкинъ.

Іюль.

2. **Неоспоримое доказательство истины вѣры христіанскія.** Иванъ Ставровскій.

5. **Меморіалъ графа Калліостро.** Регистраторъ Левъ Прохоровъ.

25. **Всеобщая Исторія, часть первая.** Московскаго императорскаго университета нѣмецкаго синтаксическаго класса учитель Матвѣй Гавриловъ.

30. **Ариѳметика, Геометрія.** Артиллеріи штыкъ-юнкеръ Ефимъ Войтяховскій

Вопросъ на отвѣтъ, чѣмъ мы одолжены Гишпаніи. Лейбъ-гвардіи коннаго полку квартермистръ Михайло Вышеславцовъ.

Августъ.

4. **Собраніе разнаго чтенія.** Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ Михайло Жуковъ.

9. **О Полиціонѣ царевичѣ Египетскомъ.** Регистраторъ Левъ Прохоровъ.

10. **Приключенія Теострика и Ліеброзы.** Василій Протопоповъ.

20. **Поэма о происхожденіи зла.** Порутчикъ Николай Карамзинъ.

Сентябрь.

Посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ, со истолкованіемъ. Глинищевскій священникъ Петръ Симеоновъ.

Словарь библейный. Части I, II. М. А. Проп. іером. Ѳеофанъ.

Получена рѣчь **О производствѣ уголовнаго дѣла.**

Молитвы на каждый день.

Жизнь Сервантесова. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ Михайло Жуковъ.

Краткое наставленіе како стояти въ церкви во время службы.

Печатается.

Приключенія Могалеба и Семиры. Регистраторъ Левъ Прохоровъ.

15. **Сердечное покаяніе.** Московскаго университета студентъ Андрей Колоколовъ.

17. **Альфредъ Аглинской король.** Ефимъ Руничь.

19. **Исторія дѣвицы де Марсанъ, или Благополучная оспа.** Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку сержантъ князь Парфеній Енгалычевъ.

25. **Посрамленный Безбожникъ или Натуралистъ.**

Московской академіи проповѣдникъ іеромонахъ Ѳеофанъ.

Октябрь.

6. **Краткое наставленіе о возможности и проч.**

Штаба его превосходительства генерала-маіора и кавалера Петра Алексѣевича Мельгунова (*) адъютантъ Екимъ Татариновъ.

14. **Таблица хронологическая.** Григорій Матвѣевъ сынъ Смирновъ.

19. **Трагедія Юлій Цесарь.** Порутчикъ Николай Карамзинъ.

Ноябрь.

6. **Путь къ безсмертному сожитію Ангеловъ.** Александръ Левшинъ.

10. **Характеръ добродѣтелей.** Яковъ Благодаровъ.

11. **Жизнь Соломона.** Александръ Губинъ.

14. **Молитвы на каждый день седмицы.** Николай Загоровскій.

15. **Преданная довѣренность или письма кавалера Мюрси.** Михайло Жуковъ.

20. **Постоянная любовь Евдона и Береы.** Степанъ Пономаревъ.

Декабрь.

7. **Любовь опровергаетъ союзъ дружества.** Иванъ Михайловъ.

10. **Мысли или положенія философскія.** Михайло Снѣгиревъ.

15. **Перемѣна свѣтской моды.** Григорій Лодыгинъ.

Генварь 1787 года.

12. **Проповѣди отца архимандрита Гедеона.** Казанскій архимандритъ Гедеонъ.

13. **Меланхолическіе вечера и проч.**

Москов. императорскаго университета студентъ Василій Псіолъ.

20. **Собраніе разныхъ одъ.**

Вмѣсто Михайлы Храповицкаго Александръ Губинъ.

22. **Аполлодора Афинейскаго баснословіе.** Александръ Губинъ.

23. **Бытіе разумное.** Князь Вадбольскій.

25. **Домашнее воспитаніе для дѣтей.**

Университетскій студентъ Степанъ Орловъ.

27. **О Душевномъ мирѣ.** Николай Загоровскій.

(*) Сынъ извѣстнаго Алексѣя Петровича?

Февраль.

12. **Нѣмецкая азбука**. Александръ Хрущовъ.

14. **Просодія латинская.**

Никитскаго сорока церкви Успенія Богородицы, что на Аврашкахъ священникъ Савинъ Терентьевъ.

15. **Слово французскимъ офицерамъ** г. Волтера.

Капитанъ Николай Загоровскій

20. **Способъ отгадывать имена.** Регистраторъ Левъ Прохоровъ.

27. **Коммерческій Словарь.** Четыре части.

Поручикъ Василій Левшинъ.

27. **Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества.**

Капитанъ Н. Загоровскій.

Мартъ.

1. **Статьи выбранныя изъ Катихизиса.** Священникъ Иванъ Полубенскій.

4. **Жизнь еврейскаго царя Давида.** Священникъ Николай Богословскій

13. **Древлянскія сказки въ четырехъ частяхъ.** Поручикъ Василій Левшинъ.

14. **Комедія Фигарово раскаяніе.** М. Снѣгиревъ.

15. Краткое извлеченіе изъ **Ѳомы Кемпійскаго**. Николай Петелинъ.

16. **Пасхалія зрячая.** Священникъ Никифоръ Зыринъ.

16. **Несчастный Никагоръ.** Степанъ Пономаревъ.

17. **Краткое руководство къ Пасхаліи.** Спасобожедомскій священникъ Іоаннъ Алексѣевъ.

18. **С. Іоаннъ Дамаскина. Слова защитительныя Святыхъ образовъ.** Греческій учитель Сумеонъ Протасовъ.

18. **Повѣствователь Русскихъ сказокъ.** Вмѣсто Тихонова подписуюсь Александръ Губинъ.

19. **Зерцало Горячайшаго ко Господу духа.** Правительствующаго Сената, 6-го департамента канцеляристъ Андрей Бабицынъ.

20. **Сказанія о рожденіи и воспитаніи Петра Великаго.** Дому Его сіятельства графа Петра Борисовича Шереметева служитель Дмитрій Петровъ.

Апрѣль.

10. Бингама **Церковныя древности.**

Московской Академіи риторики учитель іеромонахъ Іеронимъ.

10. **Наставленіе, показывающее находить разстоянія вычитаніемъ.** Андрей Наумовъ.

12. **Вѣнецъ добродѣтельной любви.** Карлъ Рембовскій.

15. **Описаніе села Кускова.** Его сіятельства графа Петра Борисовича Шереметева служитель Дмитрій Петровъ.

19. **Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ.** Московской Академіи богословіи студентъ Левъ Павловскій.

— **Православное ученіе о Божіемъ промыслѣ.** Степанъ Пономаревъ.

20. **Несчастный Никагоръ, часть вторая.** Степанъ Пономаревъ.

— **Скаска о Принцѣ Карзишанѣ.**

— **Повѣствователь Русскихъ сказокъ.**

22. **Христіанская ручная книжка.** Арміи капитанъ Николай Загоровскій.

24. **Торжество Харьковскаго Духовнаго училища.**

26. **Собраніе экономическихъ записокъ.** Вмѣсто Орлова Андрей Наумовъ.

Май.

1. **Старинныя письма Китайскаго Императора.** Матвѣй Комаровъ.

17. **Исторія о рыцарѣ Венеціанѣ.** Дому Бориса Петровича Островскаго служитель Андрей Филиповъ.

7. **Православное ученіе о Промыслѣ Божіемъ.** Ѳеофана Прокоповича. Іеромонахъ Іустинъ.

9. **Святцы, новымъ образомъ расположенные.** Карлъ Рембовскій.

10. Ѳеофана Прокоповича **Православной Богословіи томъ VII. О** Блаженномъ состояніи перваго человѣка въ раю прежде паденія.

11. **Наука быть всеобщимъ секретаремъ.** Иванъ Сокольскій.

12. **Разное полезное чтеніе.** Карлъ Экстеръ.

14 **Цай-гынь-тай, или вертоградъ умныхъ произрастѣній.** Николай Загоровскій.

15. **Лѣтописецъ Соловецкаго монастыря.**

— **Поэма Камоэнсова.** Николай Карамзинъ.

28. **Открытіе увеселительныхъ хитростей.** Студентъ Академіи Василій Богородскій.

23. **Description de Kouskowo.** Получено.

24. **Разсмотрѣніе натуры.** Преміеръ маіоръ Алексѣй Александровъ сынъ Плещеевъ.

25. **Похвальное слово чему нибудь и проч.** Ѳома Розановъ.

25. **Генріетта Вазабургъ**, историческій анекдотъ. Студентъ Матвѣй Могилянскій.

— **Двѣ сказки.** Служитель Григорій Смирновъ.

Іюнь.

1. **Генрихъ и Эмма**, лирическое сочиненіе, подражаніе поэмѣ **Брюнетта.** Вмѣсто Тимофея Серебрякова университетскій студентъ Степанъ Орловъ.

2. **Повѣствователь Русскихъ сказокъ.** Александръ Губинъ.

9. **Хрисофилъ, или прямой путь къ истинному блаженству.** Андрей Наумовъ.

19. **Генрикъ и Эмма, лирическое сочиненіе.** Матвѣй Могилянскій.

Іюль.

9. **Пасхалія стѣнная.** Университетской учитель Василій Макаровъ.

26. **Стихи на смерть.** Университетскій питомецъ Василій Раевскій.

— **Война Прусскаго короля.** Г. Всеволоцкаго.

— **Драматическій словарь.**

— **Исторія Алсины принцессы.** Степанъ Плоховъ.

Сентябрь.

6. **Юридическій словарь.** Николай Загоровскій.

Октябрь.

19 **Любовь Періандра и Феномены.** Матвѣй Пономаревъ.

23. **Комедія два плута.**

— **Опера добродѣтельный ворожея.** Иванъ Кувалдинъ.

30. **Азіатскія сказки.** Прокофій Васильевъ.

— **Поэма Гомерова Одиссея.** Коллежскій ассессоръ Александръ Свѣтушкинъ.

Ноябрь.

9. Комедія: **Музыкантъ по случаю.** Переводчикъ Сергѣй Мошковъ.

14. **Собраніе нравоучительныхъ рѣчей.** Переводчикъ Дмитрій Тростинъ.

15. **Американская исторія Г. Робертсона.** Арміи капитанъ Николай Загоровскій.

29. Опера: **Пивоваръ или кроющійся духъ.** Переводчикъ, провинціальный секретарь Александръ Александровъ сынъ Левшинъ.

Декабрь.

3. **Прекрасная Полонянка.** Московской Академіи студентъ Евѳимъ Болховитиновъ.

9. **Награжденная потеря, или приключенія Г. Салбурга.** Московскаго императорскаго университета студентъ Степанъ Дворяшевъ.

— **Краткое понятіе о миѳологіи.** Московскаго императорскаго университета студентъ Степанъ Орловъ.

— **Парнасская исторія.** Московской Академіи студентъ Евѳимъ Болховитиновъ.

11. **Чудеса натуры въ 2-хъ частяхъ.** Арміи капитанъ Николай Загоровскій.

13. **Торжество невинности надъ невѣрностію.**

— **Разговоръ между Ломоносовымъ и Сумароковымъ.**

— **Повѣсть Госпожи Б.**

— **Письмо Іоанна Коласа.** Арміи прапорщикъ Дмитрій Свѣтиковъ.

17. **Исторія завоеванія Китая.** Арміи капитанъ Николай Загоровскій.

1788 годъ. Генварь.

8. **Похожденіе Барона де-Виневъ.** Служитель Степанъ Плоховъ.

15. **Приключенія Д. Макъ Реи.** Московскаго императорскаго университета студентъ Степанъ Дворяшевъ.

20. **Краткое описаніе дѣлъ Петра I-го.** Московской купецъ Тимофей Полежаевъ.

22. **Совершенная любовь** и пр. Московской Академіи грамматическаго класса учитель Василій Протопоповъ.

22. **Благополучная семья** и проч. Императорскаго Московскаго университета студентъ Тимофей Троепольскій.

Февраль.

1. Совѣтъ несчастной матери къ дочери. Николай Яценковъ.

2. Турецкой Лѣтописецъ и пр. Иванъ Богомоловъ.

7. Дружеству все возможно и пр. Алексѣй Свищовъ.

11. Ручная книжка для домостроительницы. Яковъ Благодаровъ.

11. Повѣсть о Баязетѣ, сынъ Магомета Солимана, Правителя Турецкія Имперіи. Александръ Губинъ.

12. Странствованіе зависти. Алексѣй Пыпинъ.

13. Разсужденіе о началѣ общежитій.

— Отрада въ скукѣ, или книга веселія и размышленія. Алексѣй Малиновскій.

15. Луиза, или торжество невинности. Иванъ Соколовъ.

18. Мнѣнія древнихъ философовъ. Аѳанасій Бѣляевъ.

— Опытъ любви. Ѳома Барзукъ-Моиза.

— Драма: Судьба. Василій Протопоповъ.

О СРЕДСТВАХЪ И ПРЕПЯТСТВІЯХЪ СОХРАННОСТИ ЦЕРКОВНЫХЪ ДРЕВНОСТЕЙ И РУКОПИСЕЙ ВЪ ЦЕРКВАХЪ И МОНАСТЫРЯХЪ.

Записка митрополита Московскаго Филарета

Церкви и монастыри, по свойству и постоянству ихъ бытія, должны быть преимущественными источниками и надежными хранилищами древностей.

Непріятно встрѣтить въ мірскихъ рукахъ древность, которой самый видъ возбуждаетъ догадку, что ея законное мѣсто было въ церкви или въ монастырѣ; и невольно рождается вопросъ: зачѣмъ она не сохранена тамъ?

Можетъ сіе происходить отъ недостатка бдительности и осторожности въ храненіи; но могутъ быть и такія обстоятельства, въ которыхъ средства храненія неизбѣжно слабѣе препятствій.

Средства храненія древнихъ церковныхъ вещей и книгъ суть: вѣрный и знающій дѣло хранитель, правильная опись и надзоръ начальства. Можно владѣть сими средствами нынѣ, при распространенной образованности, при благоустроенномъ управленіи, при общественной безопасности. Не всегда такъ было. Были хранители, которые не понимали, что хранятъ, и потому могли съ удовольствіемъ промѣнять древнюю, ветхую, безъ употребленія лежащую рукопись, на новую книгу, очень годную для чтенія въ церкви. Не вдругъ догадались, что для ризницы и книгохранилища, не менѣе замка, нужны опись и свидѣтельствованіе по ней вещей; думали, что церковныя вещи стережетъ та мысль, что онѣ церковныя, и книги хранитъ написанное на нихъ заклятіе противъ похитителей. Во времена общественныхъ неустройствъ и вражескихъ нашествій, ни ризничій и книгохранитель, ни опись, очевидно, ничего не значили предъ рукою хищника.

Древности церковныхъ вещей и письменности старѣе временъ Татарскихъ. Татары приходили въ церкви и монастыри не для древностей, а для сокровищъ: но сокровища уносили, а древности приводили въ безпорядокъ и разсыпали; и, унесши, напримѣръ, украшенное золотомъ или серебромъ Евангеліе, тамъ, гдѣ нашли удобность содрать съ него золото, бросили книгу, и вотъ она странствуетъ темными путями, или гдѣ нибудь долго лежитъ въ пыли, доколѣ найдетъ ее жадный глазъ и достанетъ долгая рука археолога.

Что̀ сохранили церкви и монастыри отъ временъ Татарскихъ, и что̀ въ большемъ обиліи пріобрѣли во времена утвердившагося владычества Великихъ Князей и Царей Россійскихъ, то большей прежняго опасности и дѣйствительному расхищенію и расточенію подверглось въ несчастное время неустройствъ и Польскаго на Россію нашествія, по случаю оскудѣнія царскаго въ Россіи рода. Гдѣ, напримѣръ, Великокняжеская библіотека Греческихъ книгъ, для перевода которыхъ призванъ былъ Максимъ Грекъ? Она исчезла въ сіе смутное время. Сергіева Лавра, хотя не была взята Поляками, однако не могла не понести утратъ, когда, напримѣръ, келарь Аврамій Палицынъ, за неимѣніемъ денегъ, предлагалъ казакамъ подъ Москвою украшенныя жемчугомъ церковныя облаченія въ возмездіе за то, чтобы они не отказались содѣйствовать войску, пришедшему на освобожденіе Москвы.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, конечно, усмотрѣлъ происшедшее разстройство церковной и монастырской собственности, и, при возстановляемомъ благосостояніи, желалъ ввести и утвердить благоустройство на будущія времена. Онъ самъ повелѣлъ сдѣлать описи важнѣйшихъ мѣстъ духовнаго вѣдомства и назначилъ для сего людей. Такая опись сохранилась до нынѣ въ Сергіевой Лаврѣ.

Но потомъ случалось, что распоряженія самаго правительства, при благихъ намѣреніяхъ, не благопріятно дѣйствовали на сохранность церковныхъ и монастырскихъ ризницъ и особенно библіотекъ.

Въ именномъ указѣ Императора Петра I-го 1701 г. изображено: «Монахи въ кельяхъ никакихъ писемъ писать власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ.» И указомъ 1723 г. подтверждено: «Монахамъ выписокъ изъ книгъ, безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля, подъ жестокимъ на тѣлѣ наказаніемъ, никому не писать.» Сіи узаконенія, долго и строго дѣйствовавшія, должны были убить держав-

шійся до того въ монастыряхъ вкусъ къ духовной и исторической письменности и дать монастырскимъ библіотекамъ хранителей полуграмотныхъ, неспособныхъ, а по неспособности и неусердныхъ и ненадежныхъ къ своему дѣлу.

Въ 1720 г. именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно: «Во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихъ въ Россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя граматы и другія куріозныя письма оригинальныя, также книги историческія, рукописныя и печатныя, гдѣ какія потребныя къ извѣстію найдутся.» Сенатскимъ указомъ велѣно все сіе прислать въ Сенатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ слѣдствіе сего собрана съ монастырскихъ библіотекъ и архивовъ обильная жатва, и Сенатъ теперь, вѣроятно, не представитъ доказательства, точно ли все собранное внесено въ его житницу и сохранено, и не болѣе ли разсѣяно по частнымъ рукамъ.

1775 г. февраля 5 дня, генералъ-адъютантъ (въ послѣдствіи времени князь) Потемкинъ, отношеніемъ къ митрополиту Платону объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы имѣющуюся въ Чудовѣ монастырѣ ризницу передѣлать въ архіерейскія одежды, и все ветхое исправить, подъ смотрѣніемъ его генералъ-адъютанта Потемкина; и требовалъ, чтобы для исполненія сей высочайшей воли, всѣ имѣющіяся въ оной вещи приготовлены были. Часть взятыхъ, въ слѣдствіе сего, ризничныхъ вещей, по передѣлкѣ, возвращена; а часть оставалась въ вѣдомствѣ князя Потемкина, и по смерти его только нѣкоторые матеріалы отысканы и возвращены въ Чудовскую ризницу. Это случай частный, но не единственный. По преданію извѣстно, что подобнымъ сему образомъ вышла невозвратно изъ Новгородскаго Софійскаго собора знаменитая рукопись Евангелія, такъ называемаго, Остромирова. Любитель древностей, графъ Мусинъ-Пушкинъ, взялъ ее изъ собора для представленія императрицѣ Екатеринѣ II; какъ лыбопытный предметъ, рукопись была нѣкоторое время на столѣ императрицы: а по удовлетвореніи любопытства снята и случайно попала въ гардеробъ, и отсюда, по кончинѣ императрицы, перешла въ частныя руки, въ которыхъ и оставалась дотолѣ, какъ статсъ-секретарь Оленинъ поднесъ ее государю императору Александру Павловичу и испросилъ повелѣніе положить ее въ Императорской библіотекѣ.

Были и другія невозвратныя заимствованія изъ церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ, сдѣланныя по распоряженію правительства для

ученыхъ цѣлей. Такъ нѣкоторыя особенной важности рукописи духовнаго вѣдомства взяты были исторіографомъ Карамзинымъ, и у него погибли въ 1812 году.

Были посѣщенія церковныхъ и монастырскихъ библіотекъ, подъ покровительствомъ или по распоряженію правительства, не для заимствованія, а только для снятія списковъ, которыя однако не обошлись безъ утратъ. Сюда принадлежатъ поиски древнихъ рукописей, произведенные агентами канцлера графа Румянцова, и археологическое путешествіе. Археологъ, которому оказывать всякое пособіе предписано отъ начальства, приходитъ въ монастырскую библіотеку, беретъ нѣсколько рукописныхъ книгъ, и располагается съ ними въ отведенной ему комнатѣ въ монастырѣ, или въ монастырской гостинницѣ, и занимается ими нѣсколько дней и ночей. Книгохранитель сопровождаетъ его, но стыдится обнаружить недовѣріе къ одобренному начальствомъ, и продолжительнымъ при немъ присутствіемъ каждую минуту говорить ему: «я боюсь, чтобы ты не укралъ листы и тетради.» При томъ книгохранителю надобно итти въ церковь и трапезу. И такъ археологу довѣряютъ: онъ возвращаетъ книги, но, тогда же или послѣ, оказывается, что нѣкоторыхъ листовъ или тетрадей нѣтъ; и уличить его, или поздно, или неудобно, потому что нѣкоторыя древнія рукописи или совсѣмъ не имѣютъ нумераціи, или имѣютъ только нумерацію тетрадей, а не листовъ. Дабы не показалось, что это только картина воображенія, представляется дознанный примѣръ. Въ тридцать пятомъ году текущаго столѣтія, митрополитъ Московскій, по разрѣшенію Святѣйшаго Сѵнода, истребовалъ изъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря для нужныхъ справокъ древнюю пергаменную рукопись, извѣстную подъ названіемъ Сборника Святославова. Оказалось, что въ началѣ ея нѣтъ листа. Покойный статсъ-секретарь Оленинъ объяснилъ, что листъ былъ, что на немъ была картина князя и фамиліи, что онъ г. Оленинъ снялъ съ сего листа снимокъ, когда листъ былъ еще въ книгѣ. Митрополитъ испросилъ у Оленина снимокъ картины, приложилъ его къ рукописи, и испросилъ отъ Святѣйшаго Сѵнода предписаніе, для лучшей сохранности, перенести сію рукопись въ Сѵнодальную библіотеку. Послѣ оказалось, что послѣ смерти одного археолога, похищенный пергаменный листъ съ картинкою представленъ, какъ рѣдкость, Государю Императору, и, по его повелѣнію, положенъ въ Императорскую библіотеку. Кто здѣсь болѣе достоинъ осужденія: вѣрившій честности библіотекарь,

или не оправдавшій довѣрія не только ризничаго, но и начальства археологъ?

Но всего болѣе пострадали церковныя и монастырскія ризницы и библіотеки въ 1812 г., въ мѣстахъ, которыхъ коснулось непріятельское нашествіе, и особенно въ Москвѣ. Народное мнѣніе воззваніями главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина сильно возбуждено было стоять за неприкосновенность Москвы, и готово было поступить оскорбительно съ тѣмъ, кто обнаружилъ бы расположеніе бѣжать и уносить съ собою церковную святыню, защиту города. По сему укладываніе ризничныхъ вещей и приготовленіе къ вывезенію можно было производить только въ ризницахъ, удаленныхъ отъ взоровъ народа, какова, напр., Сѵнодальная ризница. Вывозить разрѣшено было, не ранѣе какъ за одинъ или два дня до вступленія въ Москву непріятеля; и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и приготовленное къ вывезенію осталось невывезеннымъ, по недостатку подводъ. Что по изгнаніи изъ Москвы непріятеля осталось нерасхищеннымъ и неистребленнымъ въ библіотекахъ и архивахъ монастырей, то не малое время оставалось безъ надзора, потому что начальники ихъ и почти вся братія были въ бѣгствѣ. Прошло немало времени, пока Московскій викарій Августинъ узналъ въ Муромѣ объ очищеніи Москвы и достигъ ея; но, и по прибытіи, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, около двухъ недѣль, онъ не былъ допущенъ въ Москву графомъ Ростопчинымъ. Симъ временемъ, безъ сомнѣнія, воспользовались по своему люди неблагонамѣренные, и особенно раскольники, которые и пребываніемъ Французовъ въ Москвѣ пользовались для своихъ цѣлей, какъ то доказываетъ походная полковая церковь, пріобрѣтенная раскольниками въ сіе время.

По принятіи въ разсужденіе всего вышеизложеннаго, по справедливости можно возблагодарить Бога, что въ церквахъ и монастыряхъ Московскихъ и окрестныхъ, церковная святыня, сокровища и древности, сохранились въ такомъ обиліи, въ какомъ нынѣ видимы.

Въ 1813 г., по возвращеніи въ Москву церковныхъ сокровищъ и древностей, вывезенныхъ отъ нашествія непріятеля, духовное начальство Москвы и ея епархіи, вмѣстѣ съ возстановленіемъ разрушеннаго устройства церквей и монастырей, немедленно озаботилось вновь установить сохранность ихъ достоянія на прочномъ основаніи. Изъ Сѵнодальной Конторы и Консисторіи даны шнуровыя книги, для внесенія въ нихъ

описей церковнаго и монастырскаго имущества. Описи составились не вдругъ; потому что нѣкоторыя церкви не скоро снабжены были внутреннимъ устройствомъ; а прежде сего и описаны быть не могли. Составленныя описи, смотря по ихъ важности и по удобству, повѣрены были, частію непосредственно Сѵнодальною Конторою и Консисторіею и ихъ членами, частію чрезъ довѣренныя лица; и за тѣмъ окончательно утверждены опредѣленіями, изъ коихъ Консисторскія утверждены управляющимъ епархіею архіереемъ.

Поелику сіи описи составлены были на-скоро, во время затрудненій и скудости; и поелику, по мѣрѣ возвышенія благоденствія столицы, и духовныя мѣста постепенно получали возобновленіе и умноженіе церковныхъ украшеній, утварей и облаченій: то не удивительно, что описи эти скорѣе оказывались неудовлетворительными и требовали возобновленія и улучшенія. По донесенію благочинныхъ и по представленіямъ мѣстныхъ настоятелей, описи возобновляемы были съ такимъ же, какъ прежде надзоромъ и повѣркою начальства. Что сіе происходило, по мѣрѣ надобности, не единовременно, въ семъ начальство находило для себя выгоду: потому что свободнѣе могло производить повѣрку чрезъ людей, и кромѣ того занятыхъ.

Такой порядокъ составленія, повѣрки и возобновленія описей простирается не только на церкви соборныя и монастырскія, но и на всѣ городскія и сельскія.

Сверхъ сего сохранность церковнаго и монастырскаго достоянія обезпечивается двукратнымъ въ годъ обозрѣніемъ церквей и однократнымъ монастырей чрезъ благочинныхъ, и особеннымъ осмотромъ ризницъ и библіотекъ соборныхъ и монастырскихъ, по распоряженію начальства чрезъ каждыя пять лѣтъ.

Отъ сей разновременности, и отъ того, что планъ описей не вездѣ установленъ былъ начальствомъ, и большая часть настоятелей слѣдовали примѣру прежнихъ описей, произошло нѣкоторое разнообразіе и во внутреннемъ составѣ описей, и во внѣшней формѣ. Всѣ онѣ имѣютъ скрѣпу по листамъ, шнуръ и печать Сѵнодальной Конторы въ ставропигіальныхъ, и Консисторіи въ епархіальныхъ церквахъ и монастыряхъ: но подписи мѣстныхъ начальствъ не во всѣхъ единообразны: нѣкоторые повѣрявшіе описи и производившіе пятилѣтній осмотръ ризницы донесли только исполненіе сего начальству: а нѣкоторые дѣлали о семъ надпись

на самыхъ описяхъ. Сей видъ разнообразія не вредитъ сохранности; но можетъ показаться неудовлетворительнымъ обозрѣвающимъ.

Особенно несовершенны описи рукописей и книгъ. Описатели не имѣли археологическаго взгляда, чтобы описать рукописи отечества; и не всегда показывали годъ изданія печатныхъ книгъ, что не маловажно для древнихъ изданій

И такъ, есть степень усовершенія, на которую можетъ быть возведено сіе дѣло; и настоящее время представляетъ возможность сего болѣе близкую, нежели въ предъидущія времена.

Для сего представляется слѣдующее:

Предположеніе о усовершеніи способовъ сохранности въ церквахъ и монастыряхъ церковныхъ и ризничныхъ вещей, древностей и библіотекъ.

1) Произвесть вновь черезъ довѣренныя лица ревизію описей и сличеніе ихъ съ наличностію въ церквахъ и монастыряхъ, которыхъ церковныя украшенія, ризницы и библіотеки имѣютъ по своему составу особенную важность, съ требованіемъ донесенія о всемъ что требуетъ усовершенія.

2) За тѣмъ приступить къ составленію новыхъ описей, начиная съ мѣстъ важнѣйшихъ, и тѣхъ, въ которыхъ описи окажутся болѣе нуждающимися въ исправленіи.

3) Для сего дать шнуровыя книги за скрѣпою по листамъ секретарей Синодальной Конторы и Консисторіи, по принадлежности.

4) Дабы описи менѣе подлежали измѣненіямъ, по случаю обветшанія и перемѣны вещей, раздѣлить описи каждаго мѣста на два разряда:

I. Главная Опись.

II. Дополнительная Опись.

Въ первой писать все важнѣйшее и прочное; во второй все маловажное и подлежащее измѣненію, какъ наприм., ежедневно употребляемыя облаченія.

5) Планъ описей долженъ быть правильный и единообразенъ.

(О семъ прилагается при семъ таблица.)

6) Описи должны быть составлены съ такою подробностію и точностію, чтобы не могло послѣдовать утраты или перемѣны, даже въ малыхъ частяхъ вещей, безъ того, чтобы не обличала сего опись.

7) Вновь составленная опись подписывается по листамъ Настоятелемъ церкви или монастыря, которымъ принадлежитъ, затѣмъ свидѣтельствуется въ Синодальной Конторѣ или Консисторіи, по принадлежности, относительно правильности составленія, при чемъ берется законная предосторожность противъ подчистокъ и поправокъ. О семъ дѣлается надпись на описи.

8) Далѣе, новая опись черезъ довѣренныя лица повѣряется на мѣстѣ съ прежнею описью и съ наличностію вещей, и о семъ также дѣлается надпись на концѣ описи.

9) Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, дѣло изслѣдывается и разсматривается въ Конторѣ или Консисторіи, до прекращенія сомнѣнія.

10) Когда главная опись найдена будетъ удовлетворительною: тогда она, согласно Высочайшей волѣ, утверждается большою каѳедральною печатью Московской Митрополіи, и становится дѣйствительнымъ документомъ для пріема и ревизіи ризницъ и библіотекъ церковныхъ и монастырскихъ.

11) Наконецъ въ описи должно быть оставлено значительное число бѣлыхъ листовъ. Здѣсь при каждомъ пріемѣ или ревизіи дѣлаются по порядку подписи: такого-то года, мѣсяца и дня по сей описи сдалъ такой-то, принялъ такой-то, при семъ посредникомъ былъ такой-то. Также: по сей описи ревизовалъ такой-то. Если бы при семъ усмотрѣна была какая утрата или поврежденіе вещей: то въ подписи должно быть означено, что о семъ донесено начальству.

12) Никакая вещь или книга, и по законнымъ причинамъ, не должна выбыть изъ церковной ризницы и библіотеки иначе, какъ по утвержденіи Святѣйшаго Сѵнода или Епархіальнаго Архіерея. И потому, если по утвержденіи описи случится въ нѣкоторыхъ вещахъ перемѣна, или по распоряженію начальства (каково, напримѣръ, перенесеніе нѣкоторыхъ древнихъ утварей въ новоучреждаемыя Единовѣрческія церкви), или по другимъ неизбѣжнымъ, независящимъ отъ воли хранителей причинамъ: то о семъ въ описи противъ выбывшей вещи дѣлается отмѣтка, которой не только содержаніе, но и форма, должна быть утверждена Сѵнодаль-

ною Конторою или епархіальнымъ начальствомъ, по принадлежности; и отмѣтка сія скрѣпляется благочиннымъ.

13) Для сохранности рукописей, въ описи означается время ихъ написанія (смотря по возможности, точно или приблизительно), число листовъ (для чего всѣ рукописи должны быть перенумерованы по листамъ), и, если въ рукописи заключается нѣсколько разныхъ сочиненій, онѣ должны быть поименованы въ описи.

14) На каждой рукописи и на каждой древней или рѣдкой печатной книгѣ, подъ послѣднею строкою перваго листа, должно быть крѣпкими чернилами подписано, напримѣръ: принадлежитъ Большому Успенскому Собору 1852 г. Та же подпись должна быть повторена на десятомъ и двадцатомъ листахъ. Сіи подписи должны служить ненарушимою защитою церковной собственности, такъ что, гдѣ бы ни явилась книга съ сими подписями, она должна быть возвращена церкви, безъ всякаго отзыва давностію или другими предлогами.

15) Благочиннымъ монастырей и церквей, при полугодовомъ обозрѣніи монастырей и церквей, обращать бдительное вниманіе на цѣлость вещей и книгъ и хотя часть изъ нихъ, особенно важнѣйшихъ, сличать съ описью, и о послѣдующемъ доносить начальству.

16) 38-ю статью Устава Духовныхъ Консисторій, о свидѣтельствованіи ризницы Каѳедральнаго Собора особо назначенными довѣренными лицами, чрезъ каждые два года, распространить на всѣ соборы и монастыри вмѣсто пятилѣтняго осмотра, предписаннаго указомъ Святѣйшаго Сѵнода 1775 года.

17) Копія съ каждой главной описи должна храниться въ Сѵнодальной Конторѣ, или въ Консисторіи, по принадлежности.

18) Дополнительныя описи пишутся настоятелями церквей и монастырей въ книгахъ, выданныхъ за скрѣпою и печатью Сѵнодальной Конторы или Консисторіи, и подлежатъ надзору благочинныхъ. Вновь вступающія вещи настоятели вписываютъ въ нихъ немедленно по вступленіи; а исключать изъ описи обветшавшія не иначе могутъ, какъ по разсмотрѣніи и разрѣшеніи начальства, при свидѣтельствѣ благочиннаго.

Подписано: Филаретъ Митрополитъ Московскій.
1853 г. марта 18-го

ПОРЯДОКЪ ГЛАВНОЙ

ЦЕРКОВНОЙ И РИЗНИЧНОЙ

ОПИСИ ТАКОГО-ТО МОНАСТЫРЯ.

Часть I.

ОПИСЬ ЦЕРКВИ ИЛИ ЦЕРКВЕЙ.

1. Олтарь.
2. Предолтарный иконостасъ.
3. Иконостасы и иконы въ прочихъ мѣстахъ храма
4. Рака святыхъ мощей (гдѣ есть).
5. Иконостасы и иконы въ трапезѣ или притворѣ.
6. Лампады, подсвѣчники, аналогіи.

Часть II.

ОПИСЬ РИЗНИЦЫ.

1. Евангеліе.
2. Кресты напрестольные.
3. Священно-служебные сосуды.
4. Дарохранительницы.
5. Кадила.
6. Рипиды.
7. Дикиріи и Трикиріи
8. Панагіи.
9. Кресты наперстные.
10. Облаченія престоловъ и жертвенниковъ.

11. Облаченія архіерейскія.
12. — священническія.
13. — діаконскія и стихари причетническіе.
14. Блюда.
15. Умывальницы.
16. Посохи.
17. Сосуды для освященія хлѣбовъ.
18. Сосуды для водосвященія.
19. Иконы.
20. Древности, не принадлежащія богослуженію.
21. Матеріалы.

Часть III.

ОПИСЬ КНИГОХРАНИЛИЩА И ПИСЬМЕННОСТИ.

1. Рукописи на пергаменѣ.
2. — на бумагѣ.
3. Печатныя книги Священнаго Писанія.
4. Богослужебныя книги.
5. Писанія Св. Отцевъ.
6. Прочія книги духовнаго содержанія.
7. Книги историческія.
8. Грамоты и древніе акты.
9. Хозяйственные документы, какъ-то: планы и т. п.
10. Билеты сохранной казны (гдѣ есть).

Примѣчанія.

1. Сей общій планъ, безъ измѣненія главнаго порядка, можетъ получить особое примѣненіе, по обстоятельствамъ мѣста. Такъ напр., въ Сергіевой Лаврѣ, опись иконъ, по множеству ихъ, составляетъ отдѣльную часть.

2. Книги, ежедневно употребляемыя при Богослуженіи, и слѣд. подлежащія частому поврежденію и перемѣнѣ, должны быть внесены не въ главную, а дополнительную опись.

3. Послѣ каждой главы описи должны быть оставлены бѣлые листы для внесенія прибылыхъ вещей.

4. Опись должна имѣть два номера: одинъ, принадлежащій каждой главѣ, а другой непрерывно проходящій отъ начала до конца каждой части для связи всего цѣлаго.

5. Подъ описаніемъ вещей, которыя суть императорскій или царскій вкладъ, приписывать, чей онѣ вкладъ.

6. Упомянуть также имена и другихъ вкладчиковъ, если онѣ извѣстны.

Подп. Филаретъ Митрополитъ Московскій.
1853 г. 18 марта.

(Сообщено Н. Ѳ. Самаринымъ).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Екатерина Вторая, новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію. . 5—44.

II. Свѣдѣнія изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей о пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. Извлечено *М. Д. Хмыровымъ* . . . . . 45—46.

III. Родственное письмо Цесаревны Елизаветы Петровны къ графинѣ Скавронской . . . . . 47.

IV. Бумаги первыхъ годовъ Елизаветина царствованія:

а) Собственноручная записка Императрицы. . . 48.

б) Указъ кабинету. . . . . —

в) Упражненія въ словесности Великаго Князя Петра Ѳеодоровича . . . . . 49.

г) Письма Великой Княжны Екатерины Алексѣевны къ Импер. Елизаветѣ. . . . . 50.

д) Неизданные отрывки Камерфурьерскаго журнала 1744 года съ предисловіемъ *П. П. Петрова* . . 51—59.

е) Вѣдомость челобитень, передъ свадьбою В. Кн. Петра Ѳеодоровича. . . . . 60—65.

V. Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ. Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II . . . . . 66—68.

VI. Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II-й:

а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину. . . . . 69.

б) *Графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской. (Сообщено *княземъ М. А. Оболенскимъ*) . . . . . 70.

VII. Три циркулярные указа Россійскимъ министрамъ за первые мѣсяцы Екатерининскаго царствованія. . . 73—78.

1) О движеніяхъ хана Крымскаго.

2) О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками.

3) О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, съ запискою объ ономъ по подлиннымъ бумагамъ.

Стр.

VIII. Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ (190 писемъ съ отвѣтами, въ томъ числѣ съ подробными донесеніями о привозѣ въ Москву Пугачева) . . . . 79—183

IX. Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ Издателя . . . . . 185—243

X. Сношенія яицкихъ казаковъ съ гр. Г. Г. Орловымъ. 244—245

XI. Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*. 246—332

XII. Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*. . . . . 333—378

XIII. Обрядъ при высочайшемъ шествіи Екатерины II-й чрезъ Харьковское намѣстничество, *В. А. Черткова* . 379—385

XIV. Изъ Записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время) . . . . . 386—419

XV. Два письма *графа Эстергази* изъ С.-Петербурга о свиданіяхъ съ Екатериною II-ю (1791) . . . . . 420—427

XVI. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова, съ замѣткою *Л. Н. Трефолева*. . . . . 428—431

XVII. Выписки изъ Архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора. (Переписка Екатерины II съ графомъ Броуномъ) Извлечено *Е. В. Чешихинымъ* . . . 432—483

1) Яицкіе казаки въ Прибалтійскомъ краю.
2) Распоряженія въ первые дни царствованія
3) О капитанѣ Сергѣѣ Пушкинѣ.
4) О Невзоровѣ и Колокольниковѣ.
5) О самозванцѣ Курдиловѣ.
6) О баронѣ фонъ Герштерфѣ.
7) О возвращеніи Курляндіи Бирону.
8) О Гастѣ и Цукербекерѣ.

XVIII. Письмо Екатерины II-й къ графу П. А. Палену. . . 483

XIX. Procès verbal du décès de très haute, très puissante et très illustre Souveraine Catherine II, Impératrice des Russies en 1796. (Запись о кончинѣ высочайшей, могущественнѣйшей и славнѣйшей Государыни Екатерины II-й, Императрицы Россійской въ 1796 году). . . . . 484—489

XX. Цензурная вѣдомость 1786—1788 годовъ, съ предисловіемъ *С. Смирнова* . . . . . 490—502

XXI. Записка митрополита Московскаго *Филарета* о сохранности церковныхъ древностей. . . . . 503—514

Стихотворенія КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО:

ВЪ ДОРОГѢ И ДОМА.

М. 1862. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. (8°. 420 стр.)

ВЗГЛЯДЪ НА МОЮ ЖИЗНЬ.

Записки дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева. Москва 1866. 8°. 113 стр. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

ПИСЬМА

Н. М. КАРАМЗИНА КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ.

Съ примѣчаніями и указателемъ составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ.

Къ письмамъ приложены снимки почерка и портретъ Карамзина. Спб. 1866. 8°. XII, 483 и 0214 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. М. 1865. 8°. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 рубля.

Воспоминанія графа *Соллогуба*. М. 1866. Мал 8°. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

Записки *гр. Бассевича* о Россіи при Петрѣ Великомъ М. 1866. бол. 8°. Цѣна 75 к. съ пер. 1 руб.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

Получать можно въ Москвѣ на Мясницкой, въ Чертковской библіотекѣ. Иногородные обращаются въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, къ издателю П. И. Бартеневу и прилагаютъ **50** к. за пересылку.

DK
127
B37
kn.1

Bartenev, Petr Ivanovich
Osmnadtsatyi viek

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY